

Елизавета Кедровская

THE WAY GIVEN TO THE HERO

Этот мир когда-то освещали три Луны. Сейчас их осталось лишь две, но его все равно величают Трехлунным. Восток представляет собой руины великой Империи, таинственным образом уничтоженной за одну ночь, а на западе кипит жизнь в двадцати восьми королевствах. В одном из них, волей случая, встретились как-то болтливый лучник, молчаливый мечник, наивная собирательница легенд и ворчливый лекарь. А позже к ним присоединилась и исследовательница с севера, желающая найти разгадку одной тайны...

==== Часть 1. "Охота". Глава 1 =====

О том, как встретились общительный Лучник и молчаливый Мечник, и о том, к чему привела эта встреча

— Миледи, здравствуйте! — отвесив поклон, произнес молодой человек. — Не соизволите ли Вы подсказать уставшему путнику, где он может отыскать место для ночлега и утоления голода?

— Это ж надо так обознаться, сынок! — смущённо покраснелась неопрятно одетая женщина лет сорока, вытирая грязные руки о свой передник. — Крестьянку за барыню принять...

— Не положение делает девушку прекрасной, — юноша провел рукой по своим светлым волосам.

— Где ж ты тут девушку увидал? — усмехнулась крестьянка, а на ее лице появилась смущенная беззубая улыбка. — Уж не молода я, чтобы девушкой зваться. Чай ослеп совсем!

— Никак нет. Я лучник, и зрение мое остро. В силу убеждений своих считаю я, что рожденные женщинами являются прекрасными девушками до самой смерти, сколько бы лет они не прожили.

— О как... — крестьянка не нашлась, что ответить.

— Вернемся к моему вопросу, — напомнил лучник. — Не подскажете ли мне, где в этом городе можно остановиться на ночлег и хорошо поесть?

— Эй, малая, подь сюды! — женщина подозвала к себе свою младшую дочь. — Ступай, проводи господина лучника до постоялого двора.

Семилетняя девочка улыбнулась «господину лучнику», скомандовала «За мной!» и побрела в сторону постоялого двора, перебирая своими маленькими босыми ножками по грязной земле. Лучник на прощание отвесил легкий поклон крестьянке и поспешил за маленькой проводницей.

— Вот! — воскликнула девочка, обеими руками показывая на двухэтажное здание с вывеской «Сытый и Отдохнувший». — Плишли.

— Благодарствую, мисс, — почтительно произнес лучник, протягивая что-то своей проводнице. — Примите сей скромный дар в знак моей глубокой признательности.

Девочка внимательно осмотрела подарок, загадочно улыбнулась и, не сказав ни слова, убежала прочь.

Лучник, которого звали Вэй Арэн, вошел в здание. Он был высок, статен и грациозен. Его длинные светлые волосы были собраны в хвост. За спиной у него висел колчан со стрелами и украшенный резьбой лук.

В трактире, на первом этаже постоялого двора, было много народу. За каждым столом,

где в обычной ситуации сидело бы не более шести человек, сейчас уместилось по десять, а то и пятнадцать посетителей. Вэй даже присвистнул от удивления — он побывал во множестве подобных заведений разных городов Западных Королевств, однако подобной картины не видел даже в столицах. К трактирщику, окруженному плотным кольцом посетителей, было не пробраться, даже чтобы заказать поесть, а про просьбу остановиться на ночлег и думать глупо — одного взгляда было достаточно, чтобы понять — это невозможно.

Тяжело вздохнув, Вэй собрался было уходить ни с чем, но вдруг заметил, что за одним столиком, находящемся равноудалено от входа и стойки трактирщика, сидит всего один человек, несмотря на творящийся вокруг хаос. Эта ситуация показалась Вэю еще более странной, чем чрезмерная оживленность небольшого постоянного двора в маленьком городке, вследствие чего любопытство взяло над лучником верх.

— Можно? — спросил Вэй после того, как подсел.

Сидевший окинул Вэя взглядом и малозаметно кивнул. Он источал ауру одиночки, к которому лучше не приближаться, если, конечно, нет желания расстаться с жизнью. К поясу незнакомца был прикреплен увесистый обоюдоострый меч, а за спиной крест-накрест висело два палаша. Не сказать, что у мечника имелись длинные волосы (они были заметно короче, чем у Вэя), но, свисая на лицо, тёмные пряди только усиливали мрачный образ. Ко всему прочему, на правой щеке нелюдимого юноши был большой шрам, а на одежде виднелись следы засохшей крови.

— Много же тут народу... — произнес Вэй Арэн.

Ответом, как и в прошлый раз, был малозаметный кивок.

— Неужели это все из-за грядущей «Охоты»? — продолжил лучник.

На сей раз реакции не последовало никакой, или, во всяком случае, Вэй ее не заметил.

— Я вот тоже ради нее пришел в эти края, — не унимался Вэй. — Главный «приз» луком-то, наверняка, не добудешь, но и так я могу пригодиться.

Последовавший тут же малозаметный кивок, по всей видимости, означал одобрение.

— Да уж... сколько же здесь людей... — вздохнул лучник. — Боюсь, что на ночлег остановиться мне не удастся...

— Я снял последнюю из свободных комнат, но там было две кровати, — неожиданно сказал мечник. Его голос был низок и тих.

«О, значит, он все же умеет говорить», — подумал Вэй.

— Мне две кровати, конечно, не нужны. Я сообщил хозяину таверны, что не против, если вторую кто-нибудь займет, однако, насколько мне известно, она до сих пор почему-то свободна.

«Ясно, почему, — решил лучник. — стоит потенциальному постояльцу узнать, кто будет его соседом, так все желание отпадает, уж больно мрачен».

— Так что, если не возражаете против того факта, что Вам придется делить комнату с другим человеком, — продолжил мечник, — у Вас еще есть возможность остановиться здесь на ночлег.

— Благодарю за предоставленную информацию... Эм... Могу я узнать Ваше имя?

— Зелорис, — чуть слышно ответил мечник.

— А я — Вэй. Вэй Арэн.

Они продолжили разговор еще на какое-то время, причем говорил в основном Вэй, а Зелорис лишь изредка отвечал, как правило, односложными предложениями, а иногда обходился и простым малозаметным кивком. В результате Вэй Арэн все же смог узнать о

Зелорисе, что тот в раннем детстве остался сиротой и рос под покровительством старого рыцаря, почившего год назад. Как оказалось, застывшая кровь на одежде принадлежала медведю, в берлоге которого Зелорис случайно заснул (Вэй решил не выяснять, как это вышло). Из мяса животного получился отличный обед, а, продав шкуру, мечник смог выручить деньги на ночлег в этом постоялом дворе. В «Охоте» Зелорис решил принять участие не из-за обещанной награды, а в силу обостренного чувства справедливости, сформированного благодаря рассказам старого рыцаря.

Раз уж направлялись они в одно и то же место ради одной и той же цели, Вэй Арэн и Зелорис решили отныне держать путь вместе: Вэй предложил, Зелорис малозаметно кивнул в знак согласия. Однако, как только Вэй проснулся, то обнаружил, что кровать мечника аккуратно застелена, а того нет ни в комнате, ни в трактире на первом этаже. Но стоило лучнику покинуть постоялый двор, как он увидел Зелориса, стоящего на улице возле здания.

— Давно ждешь? — спросил Вэй.

— С рассвета.

— Ты мог бы меня разбудить, — удивленно ответил лучник.

— Прости.

— Нет-нет, я должен извиняться. Меня ждут, а я блаженные сны смотрю. Так что это я приношу свои извинения.

Мечник издал тихий соглашающийся звук.

От городка Форлейнвуд, в котором сейчас находились Вэй Арэн и Зелорис, к столице королевства Монтильфонд Монфриду вела всего одна дорога, занимавшая два дня пути. Почти месяц назад король Монтильфонда Ульфрид Остроухий объявил об «Охоте», которая должна будет начаться через неделю. Добычей в этой «Охоте» являются не дикие звери, а банда разбойников, крепко обосновавшаяся в лесах Монтильфонда и наводящая ужас на все королевство. Небольшая армия, собранная правителем, была неспособна оказать сопротивление разбойникам, поэтому Ульфрид Остроухий решил привлечь на помощь добровольцев, как из числа жителей этого королевства, так и из соседних. А что может привлечь людей лучше, чем награда? Решив так, Ульфрид назначил за голову главаря разбойников сто золотых и по пять золотых за каждого члена его шайки. Это, конечно, сильно ударит по бюджету Монтильфонда, но зато с важной проблемой будет покончено. К тому же, если разбойники, узнав об объявленной награде, испугаются и решат покинуть леса королевства, вообще никому платить не придется.

Согласно королевскому указу, все желающие принять официальное участие в «Охоте» должны прибыть в Монфрид в первый день после следующего полнолуния, где пройдет запись и формирование отрядов. Если незаписавшийся сразит главаря разбойников, то награды он не получит, так как официально участия в «Охоте» не принимал. Формирование отрядов же необходимо для распределения районов поиска (где именно находится лагерь разбойников, никому не известно), а также для соблюдения какого-никакого порядка.

Но вернемся к мечнику и лучнику, которые невероятным образом сбились с пути, несмотря на то, что от Форлейнвуда до Монфрида была всего одна дорога.

— Что будем делать? — спросил Вэй.

Зелорис пожал плечами.

— Может, попробовать узнать у кого-нибудь дорогу?

Зелорис кивнул.

— Оттуда как раз голоса доносятся, — Вэй Арэн махнул рукой в сторону.

Зелорис снова кивнул.

— Только я у мужчин дорогу спрашивать отказываюсь, — предупредил лучник, а затем на немой вопрос мечника ответил: — Для меня это сродни дурной примете.

Зелорис и на сей раз промолчал, и попутчики направились в сторону, откуда слышались голоса. Не прошло и минуты, как они вышли к небольшой быстротечной речушке, у которой ловили рыбу два рыбака, не забывая рассказывать друг другу о вчерашнем улове.

— Эм... Извините, — окликнул их Зелорис. — Не подскажете, как мне добраться до...

— Ой-йой... — прошептал один из рыбаков. — Разбойник!

— И до этих мест добрались... — вымолвил другой, после чего тут же наперегонки с первым, побросав все свои рыбацкие принадлежности, побежал прочь.

— Облом, — вздохнул Вэй. — Не расстраивайся, может, еще кого встретим.

За то недолгое время, что Вэй был знаком с Зелорисом, он понял, что мечника очень сильно волнует боязливое отношение людей к его внешности. Еще меньше времени Вэю потребовалось на то, чтобы понять — люди боятся Зелориса напрасно. Однако его отчасти забавляло лицезреть реакции людей при встрече с Зелорисом, как и попытки последнего вступить с этими людьми в контакт. Вэю за день удалось повеселиться еще три раза: через два часа заблудшим товарищам повстречался грибник, еще через два — травник, а спустя полчаса после него — лесоруб, которые в точности повторили действия рыбаков, за исключением лишь того факта, что ни грибник, ни травник, ни лесоруб вещи свои бросать не стали.

В итоге изрядно уставший Вэй произнес:

— Так уж и быть, кем бы ни был следующий встречный, дорогу спрошу я.

— У, — еле слышно согласился Зелорис.

Уже смеркалось, когда Вэй и Зелорис вновь увидели людей. На сей раз это была группа мужчин, которые, по всей видимости, тоже направлялись в Монфрид для участия в «Охоте».

— Ну, я пошел! — воскликнул Вэй. — Удачи мне.

— У...

— А ты пока стой здесь.

Мечник кивнул, а лучник направился узнавать дорогу.

— Достопочтенные господа, — обратился Вэй к пятерым вооруженным громилам. — Не подскажете ли вы мне, в какую сторону я должен идти, чтобы попасть в Монфрид?

— Че? — переспросил один из мужчин.

— Как мне добраться до Монфрида?

— Да мы сами заплутали, — улыбнулся второй.

— После обеда из Форлейнвуда вышли, и вот мы здесь, — добавил третий.

— Вы что, совсем тупые? — удивился Вэй. — Из Форлейнвуда до Монфрида всего одна дорога ведет!

— Ты ж сам заблудился, раз дорогу спрашиваешь! — обиделся четвертый.

— Ты кого тупым назвал?! — взревели первый и пятый.

— Сам же такой, зачем других оскорблять? — возмутился второй.

— Лучше б в зеркало посмотрел! — добавил третий.

— Ну, так вас пятеро, следовательно, лучше соображать должны, — разочарованно ответил Вэй. — А так выходит, будто у вас одна голова на пятерых, да и та бредет, куда не знает.

— Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива! — огрызнулся четвертый.

— Ты прекрати мне тут... — процедил сквозь зубы первый.

— Извинись, быстро! — приказал пятый.

— Поживее, — добавил третий.

— Да ну вас! — махнул рукой Вэй, развернулся и хотел было уйти, как второй схватил его за колчан и развернул обратно.

— Ты никуда не пойдешь, пока не извинишься, — сказал он.

— Так что поживее, — добавил третий.

— Не буду я извиняться, вы мне все настроение испортили!

— Мы?!

— Я к вам с такой надеждой шел! А вы сами заплутавшими оказались.

— Я его ударю сейчас, — предупредил пятый своих товарищей.

— Потом я, — произнес первый.

— Не надо меня бить! — всерьез возмутился Вэй. — Это грубо: чуть что, пускать в ход кулаки!

— Мало того, что тупыми, так ты ещё и грубыми нас обозвал? — произнес второй.

— Не завидую я тебе... — добавил третий.

Четвертый не стал ничего говорить. Вместо этого он ударил Вэя в живот. Остальные хотели последовать его примеру, но, увидев человека, пришедшего на помощь лучнику, передумали и отступили на пять шагов назад.

— Драться нехорошо, — прошептал Зелорис. Стоящий спиной к заходящему солнцу он выглядел еще более устрашающим.

— М-мы не деремся, — опешил первый.

— Из-извините нас! — тоненьким голоском проверещал пятый.

— Больше такого не повторится, — произнес четвертый, и все пятеро поспешили удалиться с глаз долой.

— Спасибо, друг, — вздохнул Вэй, положив руку мечнику на плечо. — Но, к сожалению, мне не удалось ничего узнать.

— Почему они тебя ударили? — чуть слышно спросил Зелорис, заметно покрасневший после того, как его впервые назвали другом.

— Ума не приложу. Я же говорил, что для меня узнавать дорогу не у женщин — плохая примета.

Из следующей главы вы узнаете о том, как история лесоруба из Форлейнвуда за четыре дня пополнилась новыми фактами и достигла Монфрида.

===== Часть 1. “Охота”. Глава 2 =====

О том, как история лесоруба из Форлейнвуда за четыре дня пополнилась новыми фактами и достигла Монфрида

— Так вот, — произнес лесоруб Лестор, откусывая голову сушеной рыбе. — Иду, значит, я по лесу, никого не трогаю, домой возвращаюсь. И тут навстречу мне выходит...

— Кто выходит? — перебил его плотник по прозвищу Тетерь, в гостях у которого сидел лесоруб.

— На лице шрам во-о-от такой, — широко раскинул руки Лестор. — На поясе меч, за спиной еще два. На одежде пятна крови застывшие...

— Сразу видно — разбойник... — догадался Тетерь.

— То-то и оно. Я с испугу чуть топор не выронил.

— А он?

— А он как замычит что-то нечленораздельное! Я и бежать. Мне моя голова дорога.

— Догнал?

— Как бы я здесь перед тобою сидел, ежели б догнал?

— И то правда... — плотник подлил горячительного лесорубу в стакан.

— Не знаю, сколько уж я бежал от него, но устал сильно. Сел, значит, я под дерево, чтоб отдохнуть, как тут...

— Снова он? — с нескрываемой радостью в глазах догадался плотник Тетерь.

— Он самый! Да не один. С ним еще светловолосый с луком за спиной был. Я-то в кустах притаился, меня не заметили, но мне все видно было. Светловолосый сказал что-то вроде того, что сейчас его очередь, и пошел навстречу пятерым здоровым детинам.

— Да уж... Сейчас всякий сброд на королевскую «Охоту» через наши места добирается.

— Так вот, некоторое время, значит, он с ними о чем-то говорил, далеко было, не слышно, да и его самого плохо видно было...

— Дальше что, дальше, — поторопил лесоруба любопытный плотник.

— А дальше к ним, не выдержав, видимо, этот, со шрамом который, побег. Стоило ему только подойти и что-то сказать, так те пятеро тут же из виду скрылись. Только пятки сверкали. Я еще, значит, в кустах посидел чуть-чуть, подождал, чтобы эти двое подальше ушли... И вот, я здесь.

— Повезло ж тебе, что жив остался.

— Еще как повезло. В счастливой рубашке родился!

Лесоруб еще трижды пересказал плотнику свою историю, распрощался с ним и отправился домой. Плотник же, в свою очередь, заперев за поздним гостем засов, отправился в спальню, где первым делом поведал услышанное своей жене, кухарке Фёкле.

— Ты не поверишь, зайчик мой, о чем мне сегодня Лестор рассказал!

— Небось, опять про то, как чуть на медведя дерево не свалил? — равнодушно предположил «зайчик», который был раза в три крупнее мужа.

— А вот и нет! Представляешь, возвращался он домой, как, откуда ни возьмись, выпрыгнул прямо перед ним... Со шрамом во все лицо и с четырьмя мечами!

— Разбойник! — охнула Фёкла.

— Он самый! «Отдавай все, что есть», — говорит.

— Ужас-то какой...

— И не говори... А у Лестора, как на зло, кроме топора с собой ничего не было. Дрова-то он на ночь в лесу оставляет, за ними потом поутру его Данька ходит.

— Ну, не томи!

— Ну, ну... Баранки гну. Бросился Лестор наутек. Спрятался под кустом и ждет.

— А разбойник?

— А к разбойнику еще один подошел. Беловолосый. Сказал, что теперь его очередь.

— Жив Лестор-то хоть?

— Был бы мертв, не рассказал бы мне этого.

— Да кто ж его знает. Всякое может случиться.

— Ты лучше слушай, не перебивай.

— Хорошо, солнышко, — согласилась Фёкла.

— Так вот, проходили мимо пятеро здоровых детей, прибывших на королевскую «Охоту». Тот второй к ним прямиком и направился.

— И?

— Первому ждать надоело, он тоже туда пошел.

— И?

— Да что ты, сначала всё «ну» да «ну», а теперь «и» да «и»!

— Не томи, рассказывай!

— Бегством этим пятерым пришлось спастись! А Лестор еще некоторое время в кустах посидел, дождал, пока те двое уйдут, а потом первым делом ко мне побежал, рассказал все. А я сразу же тебе поведать поспешил.

— Ох, что ж в мире-то творится... — вздохнула Фёкла, переворачиваясь на бок. — Даже лесоруба и того не шадят...

Проснувшись, Фёкла тут же отправилась на базар. Там она пересказала услышанное всем своим знакомым, в том числе и торговцу Захару, у которого покупала кур.

— Ох, батенька, страшные нынче времена настали, страшные!

— Что такое?

— Лесоруба нашего, Лестора, знаешь ведь?

— Как не знать? Каждую пятницу вместе выпиваем, это у нас святое.

— Смею тебя огорчить, но, боюсь, больше он с тобой выпивать не будет. Я бы на его месте после пережитого уж точно не смогла!

— Да что случилось-то?

— Разбойник.

— Разбойник?

— Он самый, — смахнув слезу, произнесла Фёкла. — Подстерег он вчера нашего Лестора, когда тот домой возвращался, говорит: «Отдавай все, что у тебя есть!». А у Лестора-то и нет ничего. Ржавый топор разбойнику не добыча, а с жизнью Лестору расставаться не хотелось... У разбойника шрам во всю морду, пять мечей...

— Как он эти пять мечей-то держал? — изумился Захар.

— По два в каждой руке, а пятый в зубах! — не растерялась Фёкла.

— А говорил как, если пятый в зубах?

— Я тебе то, что сама слышала, пересказываю. Не веришь, что ли?

— Что ты, что ты, Фёклушка, верю, конечно, это я, как бы сказать, для полноты картины!

— А... Ну раз так... На сей раз прощаю. На чем уж я остановилась? Ах, да.. Вспомнила. Испугался Лестор мечей...

— Да тут кто хочешь испугается.

— И бросился наутек.

— А разбойник?

— А разбойник, само собой, за ним побежал.

— Догнал? — поинтересовался Захар.

— Как же, догонишь тут! Лестор от страха такую скорость развил, что любой мастистый скакун позавидует!

— Знай наших!

— А то! Бежал он, бежал, а разбойник все преследовал его. Тогда Лестор спрятался в кустах.

— И правильно.

— Это не все, — предупредила Фёкла. — В тот самый момент к разбойнику второй, седой, присоединился!

— Бедный Лестор! Натерпеться ему пришлось!

— Не то слово. Второй этот говорит: «Оставь ты этого недотепу, ни гроша у него за душой нет, наверняка всё пропил. Вон, гляди, впереди семеро удалцов на королевскую «Охоту» за нашими головами идут. Давай, — говорит, — с ними развлечемся».

— Так и сказал?

— Слово в слово. Мужем клянусь.

— Верю-верю. Дальше-то что?

— А дальше пошли они навстречу «охотникам»... Ой, не могу больше... — Фёкла стала вытирать подолом передника выступившие на глазах слёзы.

— Ну, чем дело-то кончилось?

— Пятеро убежать успели, — рыдая, произнесла Фёкла, — а двоих за минуту положили!!!

— Страшное нынче время... — прошептал Захар.

От Захара о случившемся с Лестором узнал рыбак Ильднорил, который рассказал эту историю кузнецу Торвару, а тот в свою очередь еще кому-то. Так история о злоключениях лесоруба Лестора дошла до ушей трактирщика Сэма из Монфрида, который решил поделиться услышанным с молодой клиенткой, тщательно изучавшей свой заказ.

— Знаешь, тут на днях в наших краях случай произошел... С лесорубом местным...

— А можно я буду записывать? — поинтересовалась девушка.

— Если хочешь... — удивился Сэм, но записывать разрешил.

— Просто я путешествую и разные истории собираю, — пояснила клиентка. — Вы рассказывайте.

Девушка положила перед собой чернильницу и листок бумаги, достала из-за левого уха перо и начала записывать каждое слово трактирщика.

— Так вот, жил в Форлейнвуде один лесоруб, Лестором звали. Пошел он на днях в лес по дрова, как вдруг, откуда ни возьмись, выскакивает перед ним Нечто! Шрам от головы до пят, двенадцать рук, в каждой из которых по два меча, да еще один меч в пасти держит! «По твою душу я пришел!» — произнесло Нечто, меч из пасти не вынимая. Лестор тут же бежать! А Чудище за ним! Лестор еще быстрее помчался, Чудище не отстает! Три дня и две ночи продолжалась погоня! Вдруг Лестор споткнулся, покатился кубарем и забросился на дерево, на верхушку самую. Чудище его даже из виду потеряло. С досады оно выплюнуло из пасти свой меч, обернулось трижды вокруг себя и превратилось в седоволосого парня. Парень этот побродил вокруг дерева, где притаившийся Лестор сидел, да так и ушел ни с чем. Лестору-то сверху все видно было. Чудище, парнем обернувшееся, вышло к дороге. А по ней на королевскую «Охоту» тридцать три удалца шло. Так вот. Парень снова в монстра обратился и всех добрых молодцев меньше чем за минуту растерзал и сожрал. Одного убьет и тут же съедает, другого сразу, живьем, глотает. Так всех и одолел. Да не прошло и пяти минут после этого, как у него еще тридцать три руки выросло, по числу съеденных. Если б Лестор не споткнулся тогда и на дерево не попал, то, глядишь, и тридцать четвертая рука у Чудища в тот день появилась бы. А Лестор так и сидит на том дереве до сих пор, слезать боится. Да и я после такого на землю бы не спускался.

Из следующей главы вы узнаете о том, как опасна порою наивность и любознательность, и о том, как правильно спастись бегством

===== Часть 1. “Охота”. Глава 3 =====

О том, как опасна порою наивность и любознательность, и о том, как правильно

спасаться бегством

Девушка, что старательно записывала каждое слово, произнесенное трактирщиком Сэмом, была известна как Собирательница Легенд Рэйна. Она путешествовала из города в город, записывала все услышанные рассказы с целью написать сборник историй об удивительных приключениях и загадочных случаях. Некоторые из историй Рэйна превращала в песни, которые пела в разных городах, тем самым зарабатывая себе на жизнь. На данный момент ей удалось собрать совсем немного историй, поэтому она прибыла в Монфрид, чтобы на бумаге запечатлеть результат королевской «Охоты».

Еще раз перечитав записанные слова трактирщика и расплатившись с ним за недоеденный обед, Рэйна сложила записи и чернильницу в наплечный мешок, засунула перо за левое ухо, в очередной раз поблагодарила Сэма за помощь в собирании историй и покинула трактир. Полуденное солнце светило так ярко, что Рэйна на минуту зажмурила глаза. Она твердо решила, что присоединится к какому-нибудь отряду добровольцев, участвующих в «Охоте», и будет записывать все происходящее с ними. Оставалось только найти тех, к кому можно будет примкнуть.

— Извините, пожалуйста, — обратилась она к пятерым вооруженным мужчинам, что-то обсуждавшим посреди улицы. — Вы ведь прибыли в этот город ради «Охоты»? Я бы хотела присоединиться к вашему отряду, чтобы навеки запечатлеть это событие в песне.

— Что? — не понял один из мужчин.

— Видите ли, я бард и собираю различные истории, которые затем обращаю в песни, дабы потом распространять их по всему свету. В Монфрид я пришла для того, чтобы описать, как будет проходить «Охота». По этой причине я и ищу доблестных воинов, чьи приключения собираюсь описывать.

— Доблестных, говоришь? — покраснел второй воин.

— Что ж, похвально, — добавил третий.

— И эти доблестные воины, значит, мы? — догадался четвертый.

— Ну, да, — ответила Рэйна.

— Давай ты отойдешь ненадолго, — предложил пятый, — а мы пока обсудим, брать ли тебя с собой.

— Хорошо.

— Жди нас вон у того дерева.

— Ладно, — девушка отвесила «доблестным воинам» легкий поклон и направилась к одиноко стоящему дереву.

— Что делать с ней будем? — спросил один из мужчин, когда Рэйна отошла на достаточное расстояние, чтобы не слышать их.

— Она весьма мила и недурна собой... — прошептал второй.

— Очень недурна, — добавил третий.

— Вот и я про то, — сказал первый.

— За таких, как она, можно выручить неплохую сумму...

— Если знать, кому продать.

— А ты знаешь?

— Да ради Бога, найти того, кто с радостью купит у нас эту девку, не составит труда!

— Когда мы прибыли в город, я видел работаровца Джо Ра, уж он-то точно хорошо платит за товар.

— Предлагаю сначала самим ей попользоваться.

— За использованный товар меньше платят.

— Согласен. Где ты, говоришь, видел Джо Ра?

— Около кузницы, у входа в город.

— Точно, я ведь слышал, что кузнец из Монфрида — брат Джо Ра.

— Тогда предлагаю прямо сейчас вести девуку туда.

— А как? Она ж кричать будет, стража сбежится...

— Она же сама предложила за нами пойти. Скажем, что идем к ещё одному нашему товарищу, «доблестному воину», покажем ему её, возьмем причитающиеся нам монетки и пойдем своей дорогой. А дальше пусть Джо Ра сам разбирается.

— Согласен.

Один из мужчин помахал Рэйне рукой, чтобы она подошла поближе. Девушка послушно приблизилась к заговорщикам.

— Мы решили, что разрешим тебе пойти с нами, — сказал один из мужчин.

— Правда?! — обрадовалась Рэйна. — Большое спасибо! Я вам очень признательна.

— Однако, — перебил ее второй, — сначала мы должны представить тебя еще одному нашему другу.

— Он самый «доблестный» из нас! — добавил третий, за что получил подзатыльник от четвертого.

— Зачем зря время терять, пошли, — скомандовал пятый.

Рэйна покорно последовала за «доблестными воинами» к кузнице, что находилась у западного входа в Монфрид. Мужчины старались прокладывать свой путь по безлюдным улочкам, чтобы не привлекать к себе внимания, на случай, если у девушки все же есть знакомые, которые могут им помешать.

Когда до кузницы оставалось миновать всего два закоулка, кто-то вдруг схватил Рэйну за руку и со всей силы подтянул девушку к себе. «Беги за мной!» — скомандовал темноволосый молодой человек и, не выпуская руку девушки, побежал вместе с ней в противоположную кузнице сторону.

— Стоять! — взревел один из пятерки. — Ты что с нашей добычей делаешь?!

Опомнившись, пятеро «доблестных воинов» бросились в погоню, но было уже поздно: Рэйна и её спаситель убежали на приличное расстояние, смешались с толпой и растворились среди многочисленных приезжих Монфрида.

— Что это было? — поинтересовалась Рэйна, когда они остановились, чтобы перевести дыхание.

— Я тебя только что спас, — ответил юноша.

— От чего?

— Те пятеро хотели продать тебя в рабство какому-то Джо, то ли Ра, то ли Фа... не помню.

— В рабство?! — изумилась девушка.

— Именно так.

— С чего ты взял?

— Я спал под забором, возле которого они это обсуждали. Эти пятеро бесцеремонно громко говорили, не боясь, что их услышат. А ты в это время преспокойно ждала, когда они закончат свои разговоры, возле дерева.

— Я даже не знаю, как мне тебя отблагодарить...

— Да никак не надо. Считай, что так я отомстил им за то, что меня разбудили.

— А ты здесь тоже ради «Охоты»? — поинтересовалась Рэйна.

— Если бы у меня было достаточно сил для участия в «Охоте», — вздохнул спаситель, — нам с тобой не пришлось бы так далеко убегать. К сожалению, я слаб и драться не приспособлен.

— Я тоже.

— Ты-то девушка и от тебя участия в драках не требуется!

— Извини, — смутилась Рэйна.

— За что?

— Я, наверное, затронула твою болезненную тему.

— Ты забавная, — рассмеялся парень. — То, что я физически слаб, не является моей болезненной темой. Меня вполне устраивает моя слабость, к тому же, раз я не люблю насилие, сила мне вовсе не нужна. Я могу отлично проявить себя в любой другой области.

— Например?

— Например, я могу спасти жизнь человеку, какой бы серьезной рана у него ни была. Главное, чтобы она не была действительно смертельной, тогда шансы пятьдесят на пятьдесят.

— В таком случае ты точно должен принять участие в «Охоте»! — воскликнула Рэйна.

— Зачем это? — удивился спаситель.

— Мы с тобой присоединимся к какому-нибудь отряду. Ты будешь спасать раненых, а я — описывать подвиги.

— Я думал, что ты оставишь идею с присоединением после случившегося. Да и вообще, почему я должен присоединяться к отряду вместе с тобой? Не боишься, что я сам решу продать тебя кому-нибудь?

— Ты так не сделаешь, я в этом уверена.

— С чего ты это взяла? — усмехнулся парень. — Ты меня всего десять минут знаешь. Может быть я отпетый негодяй!

— Но ты не выглядишь как отпетый негодяй.

— А как я выгляжу?

— Как добрый и порядочный человек, который вместе со мной присоединится к одному из отрядов!

— Похоже, у меня нет выбора...

— Значит, договорились? — улыбнулась девушка. — Меня зовут Рэйна. Я — бард. Путешествую по миру, собираю легенды, пишу песни, которыми зарабатываю на жизнь.

— Мое имя Кэрэндрейк, — представился парень. — Путешествую по миру, питаюсь, где придется, сплю, где попало, могу избавлять людей от ранений и хорошо убегать. Но последнее ты сама видела.

Рэйна улыбнулась, а Кэрэндрейк, глубоко вздохнув, продолжил:

— Тебе следует более настороженно относиться к людям.

— Зачем? — не поняла девушка.

— Тебя сегодня чуть было не продали в рабство, а ты еще спрашиваешь «зачем»? — изумился Кэрэндрейк.

— Но ведь не все люди плохие! — возразила Рэйна. — Нехорошо относиться ко всем как к плохим, если на самом деле они хорошие. Это бы их оскорбило. Более того, я считаю, что по-настоящему плохих людей не бывает.

— Но и не все люди хорошие, — подражая девушке, ответил собеседник. — Глупо

относиться хорошо к тем, от кого не знаешь, чего ожидать. В любой момент можно получить удар в спину. Более того, я считаю, что не бывает абсолютно «хороших» людей. У всех есть свои темные стороны и недостатки. Но если ты все же утверждаешь обратное, то ответ на вопрос: разве люди, захотевшие продать тебя в рабство, были хорошими?

— Возможно, у них были на это причины.

— Да. Получить деньги, чтобы пропить их в каком-нибудь кабаке.

— Но в любом случае, спасибо за то, что ты меня спас!

— Мне с детства твердили, что за любой свой поступок я должен нести ответственность, — произнес Дрейк. — А посему, раз уж я спас тебя, то должен нести за это ответственность, то есть научить тебя, если уж не разбираться в людях, то хотя бы постоять за себя. Точнее всего, правилам спасения бегством.

В глазах Рэйны загорелся огонек любопытства. Она снова достала чернильницу и бумагу, приготовила перо и со словами «Не знала, что есть специальные правила спасения бегством!» приготовилась записывать. Но Кэрэндрейк её остановил.

— Совсем необязательно записывать то, что я скажу, — улыбнулся он. — Достаточно просто это запомнить. К тому же, где ты собралась здесь писать?

— Просто я привыкла записывать всё интересное, — призналась Рэйна. — А запечатлеть эти правила на бумаге — мой долг, как собирательницы историй.

— Тогда пойдем куда-нибудь, где тебе удобно будет писать.

Рэйна и Кэрэндрейк обошли четыре трактира, но единственный свободный столик нашелся лишь в пятом трактирчике, где они и расположились.

— Я готова! — торжественно произнесла Рэйна, вознеся перо над бумагой.

— Я тоже, — ответил Дрейк, сев поудобнее. — Сейчас я поведаю тебе о том... Записываешь?.. как правильно спастись бегством. Это умение не раз спасало мою жизнь и не раз может спасти твою. Неправильно считать, что тот, кто предпочитает убегать, является трусом. Возможно, этот человек просто не приемлет насилия. Или его разум способен трезво оценивать обстоятельства, что позволяет не ввязываться в ненужные конфликты. Перед тем, как начать спастись бегством, спасающийся должен оценить обстановку. Во-первых, необходимо изучить местность и подобрать все возможные пути отхода. Начинаящий беглец может потратить на это несколько минут, но со временем и с опытом подобная процедура будет занимать не более пары секунд. Во-вторых, нужно оценить самого противника: будет ли он вообще догонять, а если будет, то какой из путей отступления является для него наиболее затруднительным и что грозит беглецу в случае, если его всё же догонят. Этот фактор лучше мысленно преувеличить, нежели преуменьшить, ибо он напрямую влияет на скорость последующего бега. В-третьих, необходимо рассчитать подходящий для старта момент. Этим моментом может быть что угодно: противник может на миг отвернуться, неподалеку может раздаться громкий звук, который отвлечет от тебя внимание... У меня на практике был случай, когда сигналом к началу спасения бегством служил голубь, заслонивший своими крыльями солнце. Когда ты изучишь обстановку, противника, и подберешь подходящий момент, начинается вторая стадия — само бегство. В ту же секунду, когда начинается подходящий момент, нужно начинать бежать в выбранном заранее направлении. Здесь тебе также следует запомнить несколько хитростей. Во-первых, мысль о том, что же будет, если тебя нагонят, как правило, заставляет бежать быстрее. Во-вторых, по возможности нужно стараться затруднить путь противника. Например, представь, что ты бежишь по тесным закоулкам и видишь стоящую поперек твоего маршрута корзину

яблок. Пробегая мимо корзины необходимо толкнуть её так, чтобы и яблоки, и корзина упали прямо под ноги противника, тем самым замедлив его скорость...

— Но ведь это чьи-то яблоки, — перебила Рэйна. — Они испортятся, если противник на них наступит!

— А если тебя догонят — испортишься ты. Что важнее: жизнь или яблоки? К тому же, в любом случае виноват будет тот, кто наступит, то есть твой противник. Не переживай по этому поводу. В-третьих, что бы ни случилось — не оборачивайся. Смотри только на свой маршрут. Если ты обернешься и споткнешься — считай, что погоня на этом закончилась. В-четвертых, помни, что погоня может закончиться, если ты окажешься в тупике, поэтому старательно продумывай каждый свой шаг, каждый поворот. Постоянно следи за дорогой. В-пятых, используй особенности местности. Если ты в городе, то, оторвавшись на достаточное расстояние, ты можешь смешаться с толпой. Если ты в поле, то всё так же: убежав достаточно далеко, ты можешь лечь на землю, спрятавшись в высокой траве. Однако опасно делать это, если трава оставляет за тобой след, по которому тебя можно найти. В лесу ты можешь спрятаться на дереве, в кустах. Если при тебе есть полая трубочка, ты можешь прыгнуть в реку и дышать через неё. Однако не расслабляйся, когда противник потеряет тебя из виду. Помни, что враг все еще ищет тебя. Лучше лишний раз переждать, чем лишний раз быть избитым. И, наконец, необходимо помнить, что есть такие противники, случайная встреча с которыми даже через год или два является смертельно опасным событием, поэтому всегда присматривайся к прохожим, дабы не встретить врага вновь. Всегда придерживайся этих правил спасения, ибо так твоей жизни будет угрожать как можно меньше вещей. Конец.

Дрейк демонстративно отвесил легкий поклон, а Рэйна, отложив перо в сторону, бесшумно зааплодировала.

Из следующей главы вы узнаете о том, как тяжело найти в Монфриде свободный столик и как легко найти место для ночлега.

===== Часть 1. “Охота”. Глава 4 =====

О том, как тяжело найти в Монфриде свободный столик и как легко найти место для ночлега

Четыре дня понадобилось Вэю и Зелорису на то, чтобы добраться из Форлейнвуда в Монфрид, хотя этот путь должен был занимать не более двух дней. За это время они очень сдружились, и Вэй даже научился понимать Зелориса без слов и взгляда в его сторону. Вэй Арэн открыл для себя, что приглушенный звук «У», служивший универсальным ответом практически на все вопросы лучника, в зависимости от интонации и обстоятельств может иметь как минимум сотни значений. Также Вэй с удивлением обнаружил, что при необходимости мечник способен вести разговор долго. Причем говорить внятно и понятно, не используя в своей речи ни фирменное «У», ни другие односложные предложения. Однако, в любом случае, говорил Зелорис всегда тихо.

Мечник же, в свою очередь, узнал, что человек, в данном случае Вэй Арэн, способен без умолка болтать на любую тему на протяжении восьми часов, а может быть и больше, чего Зелорис никогда не умел. Также из рассказов товарища он узнал о том, какие цветы больше предпочитают блондинки, а какие брюнетки, как правильно здороваться с женщинами всех возрастов, какой лук лучше стреляет и при каких погодных условиях, и насколько губительными бывают стрелы любви, которые прекрасные дамы не гнушаются запускать в полет «одним взмахом прекрасных ресниц».

Таким образом, эти четыре дня и Зелорис и Вэй Арэн провели с пользой, однако на то, чтобы вступить в отряд для участия в «Охоте», у них оставалось всего три дня.

— Так... В Монфрид мы прибыли, что теперь? — поинтересовался Вэй.

— Нужно вступить в отряд, — чуть слышно ответил мечник.

— Слушай, а может нам свой отряд создать?

Зелорис отрицательно покачал головой.

— Почему? — спросил Вэй.

— Я не думаю, что это хорошая идея. Ни один из нас не годится на роль лидера отряда.

— А каким должен быть лидер отряда? — лучник и сам прекрасно знал, что ни он, ни Зелорис не подходят на роль лидера, но ему было интересно выслушать версию друга.

— Лидер должен быть храбр и честен, благороден и справедлив. Он должен быть мудр и прозорлив, должен уметь проявлять мягкость и жесткость, доброту и жестокость. Одно его имя должно заставлять подчиненных испытывать чувство глубокого уважения, а врагов — величайшего страха.

— И где же нам такого лидера найти? — усмехнулся Вэй.

— Это... — слегка замялся Зелорис, — Это только минимальные требования. Я хочу вступить в отряд благородного человека, который принимает участие в «Охоте» не ради наживы, а ради поимки преступников.

— Тяжело, конечно, будет, но, думаю, мы этого человека найдем! — поспешил обнадежить товарища Вэй. — А пока надо бы остановиться где-нибудь и перекусить.

Долго ли, коротко ли осматривали Вэй и Зелорис переполненные таверны, харчевни и трактиры Монфрида на предмет наличия хотя бы одного свободного столика, сказать трудно, но, в конце концов, свободный столик они все же нашли в харчевне «Ши да Борщи». Проблем с тем, чтобы заказать себе еду, у них не возникло: другие посетители просто расступались перед грозно выглядящим Зелорисом, пропуская его вперед. Мечник, конечно, считал, что они делают это из вежливости, и посему отвечал каждому легким кивком головы.

— Пока мы шли по городу, — произнес Вэй, расправившись со своим обедом, — я несколько раз слышал имя некого Бесстрашного Бирлиндора. Насколько я понял, этот человек собирает свой отряд для участия в «Охоте».

— У, — ответил Зелорис, неторопливо поднося ложку горячего борща ко рту, что означало «Возможно, этот Бесстрашный Бирлиндор и есть тот лидер, о котором мы говорили».

— Вот и я о том. Если хочешь, я могу пока пойти разузнать о нем побольше, а ты не торопись, поешь хорошо. К тому же, сам видел, какая здесь со свободными местами напряженка, а нам еще и ужинать где-то надо. Я постараюсь вернуться побыстрее.

Мечник кивнул, соглашаясь с товарищем, и продолжил свою трапезу. Надо сказать, несмотря на то, что Зелорис в повседневной жизни делал минимум движений, крайне неторопливо выражал свои мысли и так же медленно ел, мечником он был превосходным. Меч в его руках делал невероятные выпады на такой большой скорости, что даже самый зоркий взгляд не уследил бы за ним, а способность к полной сосредоточенности во время поединка делала Зелориса практически неуязвимым для ударов противника. Однако, как уже говорилось, в повседневной жизни Зелорис был нетороплив, медлителен, необщителен и безэмоционален. Во всяком случае, на первый взгляд.

Отобедав, Зелорис, как и было оговорено, остался сидеть на том же самом месте.

Сколько бы посетителей ни заглядывало в харчевню «Ши да Борщи» в поисках свободного столика, все они, обнаружив свободные места лишь рядом с Зелорисом, продолжали свои поиски, не решаясь потревожить одиночество мрачного мечника. Через некоторое время под влиянием сытного обеда и долгой дороги Зелорис стал клевать носом и постепенно уснул прямо за столом.

Но и тогда никто не осмеливался садиться за один столик со спящим Зелорисом. Никто, кроме...

— Ой, как думаешь, с ним всё в порядке? — спросила Рэйна, склонившись над дремлющим мечником.

— Я-то здесь причем? — удивился Дрейк.

— Ты все-таки врач.

— Я специалист по тяжелым ранениям, а он, насколько я вижу, кровью не истекает.

— Это ведь невежливо будет, если я подсяду к нему за столик, когда он спит? — поинтересовалась собирательница историй.

— Да какая разница, все равно по всей округе ни одного свободного места не найдешь. Не надо было нам из предыдущего трактира уходить, если тебе уже через два часа есть захотелось.

— Извини...

— Да ничего. Садись уже.

— А ты?

— А я ни есть не хочу, ни денег у меня нет.

— Я могу заплатить, — предложила Рэйна.

— Ну уж нет. Садись и ешь. Хотя... заказать поесть ты себе не сможешь, там столько людей, что ты туда не пробьешься. Говори, что хочешь, я закажу.

— Но...

— Если ты из солидарности со мной решила отказаться от еды, — опередил ее Дрейк, — то избавь меня от этой чести. Я не привык много есть, к тому же у меня с собой осталось яблоко. Им и перекушу. Ты-то что будешь?

Рэйна назвала желаемый обед, и Дрейк пошел делать заказ. Девушка тем временем аккуратно, стараясь не разбудить спящего, села на скамью напротив него, но вдруг, неожиданно для себя, легонько чихнула. Этот чих разбудил Зелориса, который тут же выпрямился и посмотрел на Рэйну.

— Извините, пожалуйста, — произнесла она. — Я не хотела Вас разбудить, просто мы с другом обошли уже несколько подобных заведений, и ни в одном из них не было свободного места.

— Ничего, — прошептал мечник.

— Меня зовут Рэйна, я собираю всевозможные истории и легенды. А Вы здесь для участия в «Охоте»?

Зелорис малозаметно кивнул.

— А можно... — последовала небольшая пауза, во время которой Рэйна собиралась с мыслями, — можно я присоединюсь к Вам, чтобы описывать, как будет происходить «Охота»?

На некоторое время Зелорис застыл в изумлении. Первый раз его не испугалась девушка, первый раз она первая с ним заговорила, более того, — она сама предложила присоединиться к нему. Опомнившись, он поспешно кивнул головой, что выглядело

несколько неуклюже, а спустя еще несколько секунд назвал свое имя.

За всей этой картиной (начиная с того момента, как Рэйна разбудила Зелориса своим чихом) наблюдал вернувшийся с «разведки» Вэй Арэн.

— До чего же странная эта девчушка... — произнес он, не подходя ближе для того, чтобы наблюдать дальнейшее развитие событий.

— Поддерживаю полностью, — вздохнул стоящий рядом с ним Дрейк, к этому времени уже сделавший заказ.

— Обычно все его пугаются, — продолжил Вэй, — а она сама напрашивается в его компанию.

— Эта наивная девушка не желает видеть в людях ничего, кроме хорошего, — объяснил Кэрэндрейк.

— А ты?

— А я привык видеть в людях в первую очередь плохое. А в том парне плохого намного меньше, чем в тех, что заняли соседние столики, хотя и выглядят они намного безобиднее.

— А обо мне что ты можешь сказать?

— Что ты мастер задавать глупые вопросы.

Их диалог мог бы продолжаться и дальше, но Рэйна воскликнула «Дрейк!», помахав другу рукой, а Зелорис чуть слышно прошептал «Вэй», взглядом спрашивая, удалось ли ему что-нибудь узнать.

После того, как Вэй и Кэрэндрейк присели за стол, и все четверо представились друг другу, Рэйна поспешила спросить у Вэя, не возражает ли он против того, что она присоединится к ним для увековечивания королевской «Охоты» на бумаге. Вэй, разумеется, не возражал, более того, он был «польщен тем фактом, что прекрасная дева соизволила снизойти до компании простого лучника», как он. Зелорис же, услышав от Рэйны, что Дрейк может обрабатывать серьезные раны, несколько оживился, а также произнес несколько предложений о том, как полезно бывает это умение. Наконец-таки разговор приблизился к записи в отряды.

— Вы уже решили, к какому отряду присоединитесь? — спросила собирательница историй. — Или будете создавать свой?

Зелорис вопросительно посмотрел на Вэя.

— Ради этой цели мне пришлось на некоторое время покинуть своего друга, — ответил он, жестом показав на мечника. — А сейчас позвольте поведать Вам о том, что мне довелось узнать...

— Не мог бы ты говорить нормально? — перебил его Дрейк.

— В силу своих убеждений я считаю, что прекрасные девушки должны слушать только прекрасную речь. Не так ли, миледи?

— Да мне, в принципе, все равно, — ответила Рэйна. — Во время сбора легенд с какой только речью не приходится сталкиваться.

Таким образом получив небольшой удар по самолюбию, Вэй Арэн вынужден был перейти на обычную манеру речи.

— Я смог выяснить не так уж и много, — продолжил он. — Этот Бесстрашный Бирлиндор действительно собирает свой отряд. Ходят слухи, что он соответствует своему имени и является храбрым воином, однако на вопрос, в чем же он себя проявил, ответа мне получить не удалось. Но, похоже, отряд Бирлиндора является для нас единственным вариантом, так как другие уже сформированы. Познакомиться с ним и вступить в его группу

мы сможем завтра после полудня на центральной площади Монфрида. Насколько я понял, там он собирается произнести свою речь и затем собрать список отряда, который перед началом «Охоты» подаст королю.

— Весьма разумно, — добавила Рэйна. — Не придется толпиться на запись в день начала «Охоты».

— Тебе вообще записываться не нужно, — заметил Кэрэндрейк. — Как, впрочем, и мне. Ведь ни я, ни ты собственно «охотой» заниматься не будем. Мое дело — раны латать, а твое — подвиги описывать.

— Я думаю, — прошептал Зелорис, — уже это делает вас полноценными членами отряда.

— Ну так что? — спросил лучник. — Значит, завтра вчетвером идем слушать речь Бесстрашного Бирлиндора?

— Неплохо было бы заранее где-нибудь встретиться, — предложила Рэйна.

— И перекусить, — добавил Зелорис.

— Не думаю, что мы сможем найти свободный столик, — вздохнула девушка.

— Миледи, оставьте это на Ваших покорных слуг, — предложил Вэй. — Мы с Зелорисом займем для всех столик в каком-нибудь из трактиров, после чего я отправлюсь Вас встречать, а Зелорис останется этот столик караулить.

— У... — поддержал друга мечник.

— Меня больше волнует день нынешний, — сказал Дрейк. — Если в этом городе так тяжело найти место, чтобы поесть, то я даже думать боюсь о том, как обстоят дела с ночлегом. Мне-то все равно, я и под забором могу прекрасно выспаться, но не думаю, что для девушки подойдет этот вариант.

— И то правда, — задумался Вэй. — Если бы это был кто-то другой, я бы сказал, что это его проблемы, но... Миледи, Вы уже остановились где-нибудь на ночлег?

— Нет, — смутилась Рэйна. — Я только утром прибыла в этот город.

— Вот и мы также... — вздохнул лучник.

— Возможно, — прошептал Зелорис, — раз в этот город стекается столько народу, найдутся люди, которые согласятся приютить прибывших у себя дома...

— И заломят за это цену в десять раз больше, чем на постоялом дворе. Нет, не вариант, — отверг Вэй.

— А у меня появилась идея, — неожиданно произнес Кэрэндрейк. — Однако, Рэйна, прошу, даже если она тебе не понравится, не спеши отвергать этот вариант, поскольку, таким образом, ночлегом будем обеспечены все мы.

— Это уже интересно, — оживился лучник.

План Дрейка основывался на том, что у пятерых «доблестных воинов», собиравшихся продать собирательницу историй в рабство этим утром, наверняка уже было снято жилье. Они выглядели так, будто уже были в городе как минимум день, а может и два, а значит, комнаты на постоялом дворе себе они сняли. Конечно, никто не собирается их из этих комнат выгонять. Достаточно будет с ними просто поговорить, — на этом этапе обсуждения плана Кэрэндрейк и Вэй многозначительно улыбнулись, посмотрев на Зелориса, — объяснить, что утром они поступили плохо. После этого предложить им искупить свою вину, оставив комнаты в пользу «несчастной жертвы» Рэйны и её друзей, конечно же, вернув «доблестным воинам» деньги, которые те уже заплатили за проживание.

Рэйна и Зелорис попытались возразить, что нехорошо выгонять людей на ночь на улицу,

но Кэрэндрейк поспешил напомнить, что эти самые «люди» чуть было не продали Рэйну в рабство, да и Вэй, ничуть не ошастливленный перспективой снова ночевать под открытым небом, с радостью поддержал этот план.

— Хорошо, — согласилась собирательница историй. — Но как ты предлагаешь их искать?

— Все просто, — ответил Дрейк. — Наверняка они остановились неподалеку от того места, где ты с ними встретилась и где они меня разбудили. Насколько я знаю, в том районе всего три или четыре постоянных двора.

Таким образом, план был завершен, и настала стадия его реализации. Как и говорил Кэрэндрейк, найти тех пятерых не составило труда — они обосновались в первом же постоянном дворе, с которого наша компания начала поиски.

— Да я их знаю! — воскликнул Вэй. — Один из этих негодяев ударил меня в живот четыре дня назад, когда я хотел узнать у них дорогу.

Как оказалось, эти «негодяи» тоже прекрасно помнили Вэя и Зелориса, поэтому никаких проблем с осуществлением плана Дрейка не возникло. Более того, они так спешили покинуть постоянный двор, что даже отказались от предложенных им денег.

— Все-таки они не настолько плохие люди, — произнесла Рэйна, глядя им вслед. — Видите, они раскаиваются в своем поступке, даже от денег отказались.

— У, — согласился с ней Зелорис.

Из следующей главы вы узнаете о том, как Бесстрашный Бирлиндор произнес речь на Центральной Площади, после которой был сформирован его отряд.

===== Часть 1. “Охота”. Глава 5 =====

О том, как Бесстрашный Бирлиндор произнес речь на Центральной Площади, после которой был сформирован его отряд

Центральная Площадь Монфрида, расположенная перед королевским дворцом, была многолюдна. Некоторые пришли туда для того, чтобы вступить в отряд Бесстрашного Бирлиндора, другие ещё примут решение о вступлении после речи, иным хотелось посмотреть выступление, а остальные пришли просто из любопытства. Среди зрителей были как те, кто собирается принять участие в «Охоте», так и простые жители города. Присутствовали и представители власти, в том числе племянник короля Монтильфонда Ульфрида Остроухого Гарольд Кривоносый, который и выдал Бирлиндору Бесстрашному официальное разрешение на проведение собрания потенциальных членов отряда. Для этого в северной части площади, на возвышении для объявлений, была установлена трибуна, стоя за которой после полудня Бесстрашный Бирлиндор произнесет свою речь.

За порядком на площади следили королевские стражи, которые, в силу своей компетенции, вряд ли смогли бы его обеспечить. Но все шло хорошо, никаких происшествий не было. Тем временем народ всё прибывал и прибывал. Подтягивались даже члены других отрядов, заинтересованные слухами о Бесстрашном Бирлиндоре. Каждый в толпе что-то обсуждал со своим собеседником, отчего нельзя было выделить из этого общего шума ни единого слова. Часто обсуждавшие не могли расслышать, что им отвечали, однако сей факт их ничуть не волновал, поскольку их тоже, возможно, не слышали.

Солнце достигло наивысшей точки небосклона и начало медленно спускаться к Западу.

И вот на площадь с высоко поднятой головой торжественно вышел Бесстрашный Бирлиндор, и все голоса разом смолкли. Это был роскошно одетый высокий мужчина сорока лет с небольшой залысиной на макушке и густыми усами над верхней губой. На левой щеке у

него располагались три параллельных друг другу шрама, на подбородке виднелся крестообразный рубец, а лоб пересекала длинная и изогнутая боевая отметина. Бесстрашный Бирлиндор поднялся по лесенке, встал за трибуну, положил левую руку на висевший на поясе меч и окинул воинственным взглядом Центральную Площадь.

— Благодарю всех собравшихся здесь! — разразился громopodobный голос на всю площадь. — Мое имя — Бесстрашный Бирлиндор, и я, как и все вы, здесь ради королевской «Охоты». Все знают, что великое королевство Монтильфонд подвержено нападениям безжалостной банды разбойников, с которой не в силах справиться даже доблестная армия королевства. Среди собравшихся здесь есть как подданные Монтильфонда, так и добровольцы, пришедшие из соседних территорий. Эта беда сплотила всех нас, ведь вездесущие разбойники могут появиться и на других землях. Уничтожив их здесь, мы обезопасим себе жизнь не только в Монтильфонде, но и во всех других королевствах. Хватит терпеть произвол разбойников, грабящих мирное население! Только поднявшись и объединив наши силы, мы сможем противостоять ворами. Так поднимемся же и вооружимся против них! Пора положить конец бесчинствам разбойников! Они больше не будут беспокоить безвинных жителей! Мы не просто дадим им отпор, мы сделаем так, чтобы и другим впредь неповадно было заниматься бесчестными делами. Мы должны показать разбойникам, на что способен доблестный народ, населяющий королевства Запада! Подвергшиеся искушению легкой жизни, они одержимы злом. Так изгоним же злых тварей прочь с этих земель! Королевства Запада должны процветать, разбойники же разрушают их изнутри. Мы не допустим того, чтобы Монтильфонд повторил судьбу Трилунской Империи. Мы не допустим, чтобы судьбу Трилунской Империи повторило любое другое королевство. Мы должны делать все, что в наших силах, для того, чтобы достаток и процветание окружали нас. Уничтожение разбойников — это лишь первый шаг. В следующих мы должны, каждый должен жить так, чтобы не было стыдно ни перед другими, ни перед собой, ни перед своими потомками. Доблесть и честь — не пустые слова! Эти слова определяют жизнь каждого из нас. Только доблестный и честный человек может называться человеком! Разбойникам же эти слова несвойственны. Разбойники не ведают ни доблести, ни чести. Они безжалостно грабят и убивают. Они ведут скверный образ жизни. Они прячутся от ответственности за свои поступки. Сделав свое темное дело, они тут же отступают в укрытие. Им не хватает смелости выйти на равный бой. Они используют лживые, грязные трюки. Для них не существует слово «справедливость». Так разве можно называть их людьми? Они не люди, а нелюди. Они даже хуже зверей. Так давайте же объединимся ради «Охоты»! Ради Великой, Священной «Охоты», ради короля Ульфрида, ради Монтильфонда и других королевств, ради всех людей, их населяющих, ради нас!

Бесстрашный Бирлиндор поднял руки вверх, подождал, когда одобрителный возглас толпы утихнет, и продолжил:

— Его Величество Король Ульфрид через три дня объявит официальное начало «Охоты». До этого времени мы, желающие принять в ней участие, собираемся в отряды. Я приглашаю вас, доблестных воинов, разделяющих мои взгляды, в свой отряд. Я постараюсь быть достойным лидером. Вместе мы очистим Монтильфонд от разбойников. Мы принесем голову их главаря в Монфрид, дабы каждый житель столицы смог своими глазами увидеть, что ждет вставшего на темный путь. Увидевшие расскажут знакомым. Так молва об этом разлетится по всему Монтильфонду, а затем по всему Западу. Мы же, таким образом, будем теми, кто положил конец беззаконью и произволу. Так давайте же объединяться во имя

Великой Справедливости!

Оратор глубоко вздохнул и медленно выдохнул.

— Единомышленники, — величественно произнес он, — прошу вас одолжить мне ваши силы в день великой «Охоты». Чтобы никакие заботы и тревоги не беспокоили вас в этот день, я прошу желающих присоединиться ко мне заранее записаться в мой отряд. Сделать это вы сможете у моих верных помощников, стоящих в палатке подле этой трибуны. Подойдя к ним, назовите свое достопочтенное имя, а также оружие, которым владеете, стиль боя, который практикуете, и особенные таланты и навыки. В день начала «Охоты», когда члены других отрядов будут проходить официальную регистрацию, мы подадим этот список, и вам не придется самим регистрироваться. Время, что другие будут тратить на регистрацию, мы израсходуем на обсуждение стратегии и тактики грядущей «Охоты». Здесь и пригодится указанная вами информация о ваших боевых способностях. Каждый внесет вклад в общее дело. Никто не останется в стороне. Ради общей победы, ради общего будущего объединимся же! Да здравствует Его Величество Король Ульффрид! Да здравствует «Охота»! Да здравствует светлое будущее, когда нам не нужно будет бояться за свои жизни, за жизни наших жен и детей! Ура!

— Ура!!! — подхватила за Бесстрашным Бирлиндором толпа, после чего воевода трижды поклонился, спустился с трибуны и удалился с площади.

Часть слушателей начала расходиться, часть осталась посмотреть, что будет дальше, а часть выстроилась в очередь для записи в отряд Бесстрашного Бирлиндора.

— И что вы обо всем этом думаете? — поинтересовался Вэй Арэн у своих новых друзей. Они стояли в самом конце очереди, которая очень медленно продвигалась.

— Думаю, — прошептал Зелорис, — Бесстрашный Бирлиндор — хороший человек. Он принимает участие в «Охоте» не с целью наживы, а во имя поимки преступников.

— Полностью с тобой согласна! — воскликнула Рэйна. — Мне понравились его слова о том, что каждый должен делать всё, что в его силах для светлого будущего. Однако, на мой взгляд, зря он упомянул Трилунскую Империю. Там, насколько я знаю, проблем с разбойниками не было...

— А ты как считаешь? — спросил у Кэрэндрейка Вэй.

— Слишком много пустой болтовни. Эта речь была направлена на толпу, она сочинялась для толпы. Было бы хорошо, если бы Бирлиндор сам верил хотя бы в десятую часть того, о чем говорил.

— Ты слишком плохо думаешь о людях, Дрейк, — заметила Рэйна.

— Ты же думаешь о них слишком хорошо, — ответил Кэрэндрейк. — А сам-то ты какого о нем мнения, мастер сладких речей?

— Благодарю за комплимент, — ответил Вэй. — Но мои сладкие речи предназначены исключительно для женских ушек, в то время как его — для ушей толпы. К тому же, цель моих речей — сделать приятное прекрасным дамам, Бирлиндор же поднимал свой авторитет. В данной ситуации я согласен с Кэрри — если он верит хотя бы в десятую часть того, о чем говорит — уже хорошо. К слову, в своих речах я всегда говорю только правду.

— Кэрри? — переспросил Дрейк.

— Кэрэндрейк — слишком длинное имя, — вздохнул Вэй Арэн. — Поэтому отныне я буду звать тебя Кэрри.

— Прошу тебя, воздержись от этого.

— Не спорьте, — чуть слышно произнес Зелорис.

— Хорошо-хорошо! — поторопился с ответом лучник. — Миледи, с Вами все в порядке? — спросил он, глядя на взволнованное лицо Рэйны.

— Да, но... — собирательница историй сделала глубокий вздох, а затем обратилась к Кэрэндрейку. — Извини, если я обидела тебя!

— Тебе-то за что извиняться? — удивился тот.

— Твое имя Кэрэндрейк, а я несколько раз называла тебя Дрейком!

— Ты можешь называть меня Дрейком когда захочешь и сколько хочешь, — улыбнулся Кэрэндрейк. — Главное — не называть меня «Кэрри».

— Наша очередь, — предупредил Зелорис.

Четверо друзей подошли к палатке для записи. Первым назвать свое имя поспешил Вэй.

— Мое имя — Вэй Арэн Виндсвиш. Я лучник. Могу стрелять как с коротких, так и с дальних дистанций с одинаковой меткостью. Кроны деревьев — не помеха для моих стрел.

Помощник Бесстрашного Бирлиндора осмотрел Вэя оценивающим взглядом и произнес: «Добро пожаловать в отряд». Следующим подошел Зелорис.

— Зелорис. Мечник, — полупшепотом произнес он. — Предпочитаю двуручный меч. Владею и двухмечевой техникой.

— О! — воскликнул помощник Бирлиндора. — Для нас честь, что такой воин, как Вы, записывается в наш скромный отряд. Добро пожаловать и благодарю! — затем он пренебрежительно оглядел Рэйну и Дрейка. — А вам чего?

— Меня зовут Рэйна, — ответила девушка. — Я собирательница историй. Здесь я для того, чтобы запечатлеть подвиги отряда Бесстрашного Бирлиндора для потомков. А это Кэрэндрейк. Он специалист по обработке серьезных ран.

— Отряд Бесстрашного Бирлиндора для воинов, — отрезал помощник. — А не для всяких сказочниц и травников.

— Если не возьмете их, то уйдем и мы с Зелом, — вмешался Вэй, сокративший и Зелорису имя.

— У, — поддержал мечник.

— Но... — начал было возражать помощник Бирлиндора, как вдруг за его спиной раздался громоподобный голос.

— Собирательница историй, описывающая великие подвиги, и специалист по обработке серьезных ран, говорите... — произнес Бирлиндор. — Моему отряду пригодятся такие люди, как вы. Прошу извинить неучтивость моего помощника. Благодарю вас за то, что вы согласились присоединиться ко мне в «Охоте» за светлым будущим.

— Что Вы! — воскликнула Рэйна. — Это я благодарю Вас за оказанную мне честь запечатлеть для потомков Ваши подвиги и подвиги всего отряда!

— За раненых можете не волноваться, — пробубнил Кэрэндрейк.

Из следующей главы вы узнаете о том, как была разоблачена одна из местных легенд, и о том, что заставило пекаря пойти на «Охоту».

===== Часть 1. «Охота». Глава 6 =====

О том, как была разоблачена одна из местных легенд, и о том, что заставило пекаря пойти на «Охоту»

На следующий день Вэй Арэн, Зелорис, Рэйна и Кэрэндрейк отправились обедать в харчевню «Ши да Борщи». Так уж получилось, что после того как Зелорис дважды предыдущие пару дней занимал в этой харчевне единственный свободный столик, этот самый столик автоматически перешел в разряд мест для важных персон, коими, во всяком

случае по мнению хозяина и посетителей харчевни, являлась эта компания. В очередной раз обсудив предстоящую «Охоту», друзья перешли к теме собранных Рэйной историй.

— Миледи, — обратился к ней Вэй, — как много сказаний уже удалось Вам собрать?

— Признаться честно, — слегка смутилась Рэйна, — я не так давно задалась этой целью, поэтому историй собрала не так уж и много.

— А можете поведать нам какую-нибудь из последних историй, собранных Вами? Может быть, Вам известна одна из местных легенд?

— Да, известна! — оживилась девушка. — «История о лесорубе Лесторе и встреченном им монстре», записанная со слов трактирщика Сэма из Монфрида.

— Интересно, — прошептал мечник.

Рэйна достала листок с записанным сказанием и принялась читать:

— История произошла возле города Форлейнвуд, королевства Монтильфонд. Именно в этом городе жил лесоруб по имени Лестор, который однажды, как обычно, отправился в лес за дровами. Вдруг, откуда ни возьмись, перед ним выскочило Нечто. Его тело от головы до пят пересекал шрам. В каждой из двенадцати рук он держал по два меча, а еще один меч он удерживал в пасти. Не вынимая из пасти оружия, Чудище произнесло: «По твою душу я пришел!», но лесоруб не растерялся и бросился бежать. Монстр, не медля ни минуты, пустился в погоню за Лестором, тогда убегающий помчался еще быстрее. Но даже так Чудище не отставало. Три дня и две ночи продолжалась погоня. Вдруг лесоруб споткнулся, покатился кубарем — и невероятным образом оказался заброшен на самую верхушку дерева. Нечто потеряло дровосека из виду и с досады выплюнуло из своей пасти меч, после чего трижды обернулось вокруг себя и превратилось в седоволосого юношу. Некоторое время юноша бродил вокруг дерева, на верхушке которого притаился Лестор, да так и ушел ни с чем. Лесоруб сверху наблюдал, как монстр в человеческом обличье вышел на дорогу, по которой навстречу ему шло на королевскую «Охоту» тридцать три доблестных воина. Сравнявшись с идущими, юноша тотчас же снова Чудовищем обратился и напал на них. Меньше минуты ушло на то, чтобы расправиться с воинами. Одних он убивал и сразу же поедал их трупы, других глотал живьем. Ни один боец не уцелел, а у Монстра выросло еще тридцать три руки, по числу убитых. Повезло Лестору, — если бы не попал он на дерево, то появилось бы у Чудища в тот день тридцать четыре руки. Монстр ушел в неизвестном направлении, а лесоруб, говорят, до сих пор сидит на спасшем его дереве в страхе спуститься на землю. Конец.

— Мы же тоже из Форлейнвуда шли... — вспомнил Зелорис. — Повезло нам, что мы этого монстра не повстречали.

— Да ладно тебе, брось, — усмехнулся Вэй. — История записана со слов трактирщика. Наверняка по пьяни кому-нибудь привиделось, и также по пьяни рассказано всем было.

— А мне кажется, эта история имела место быть, — произнес Дрейк. — Просто правда путем неоднократных пересказываний была искажена. Посудите сами: людям свойственно преувеличивать увиденное собственными глазами, что уж и говорить об услышанном от других, особенно обладателям богатого воображения. Рискну предположить, что на самом деле всё обстояло таким образом: лесоруб был занят работой и не обращал внимания на происходящее вокруг, когда к нему подошел заблудившийся путник, чтобы узнать дорогу. Так как лесоруб приближения заплутавшего не заметил, то есть всё произошло неожиданно, он, испугавшись, принял путника за разбойника. К тому же, если этот путник шел в Монфрид для участия в «Охоте», он наверняка был вооружен, вследствие чего это

становится неудивительным. Дальше, как говорится, во-первых, у страха глаза велики, а во-вторых, из уст в уста история перевирается: скажешь слово, — прибавят десять. Раз монстр превращался, то, возможно, странников было двое, второго лесоруб просто позже заметил. Ничего не добившись от лесоруба, который наверняка не на высоком дереве, а в кустах спрятался, путники, вероятно, решили дорогу у других охотников спросить. Но и их не тридцать три было, это уж точно, а, скорее всего, около пяти. Путники с «охотниками», быть может, поссорились, после чего разошлись в разные стороны. Всё остальное лесоруб неправильно понял, да молва переврала.

Рэйна посмотрела на Кэрэндрейка с изумлением и уважением, взгляд Зелориса выражал благодарность за разъяснение ситуации и избавление от опасений, а лучник, решив, что Зелорис ни в коем случае не должен узнать, кого молва превратила в двенадцатирукое чудовище, издал нервный смешок. Через мгновение взгляд собирательницы историй из изумленного превратился в расстроенный.

— К тебе у меня претензий нет никаких, — поспешил успокоить ее Дрейк.

— Но ведь получается, что это ненастоящая история, — вздохнула Рэйна, — а я только собиралась сложить ее в песню!

— И что же мешает Вам это сделать, миледи? — поинтересовался Вэй. — Вы собираете сказания народа. Все легенды, передаваясь из уст в уста, претерпевают изменения, что Кэрри... Кэрэндрейк нам сейчас доказал. Но это же не значит, что они перестают быть легендами.

— У, — поддержал мечник.

— Не забудь только спеть эту песню нам, когда она будет готова, — попросил Кэрэндрейк.

— Обещаю! — радостно воскликнула собирательница историй, чем заставила обернуться человека, сидевшего к ним спиной, за соседним столиком.

Обернувшись, он посмотрел на Рэйну, затем — на Дрейка, после чего перевел взгляд на Вэя, а с него — на Зелориса.

— Вы же, как и я, из отряда Бирлиндора! — удивился мужчина. — Я стоял в очереди на запись перед вами, мое имя — Мирослав Гудфренд, я местный пекарь, приятно познакомиться!

Рэйна, Вэй Арэн, Кэрэндрейк и Зелорис по очереди представились, после чего Мирослав пересел к ним за стол. Это был высокий тридцатилетний мужчина с короткими густыми каштановыми волосами. Он был добр и дружелюбен, ни один житель Монфрида не мог сказать о Мирославе ничего дурного.

— Позвольте поинтересоваться, — произнес пекарь, — ради чего вы собираетесь участвовать в «Охоте»?

— Чтобы поведать всему миру о победе над разбойниками в Монтильфонде, — без раздумий ответила собирательница историй.

— Мой учитель говорил, что долг каждого мечника — защищать простой народ, — сказал Зелорис.

— Я считаю, что мой лук может там пригодиться, — улыбнулся Вэй.

— На меня можете не смотреть, ибо причины у меня никакой нет, — почесал затылок Дрейк. — Я сам не знаю, зачем во всем этом участвую.

— Если я не ошибаюсь, — обратился к Кэрэндрейку Мирослав, — ты врач, специализирующийся на ранениях...

— Можно и так сказать.

— В таком случае, причина твоего участия в «Охоте» становится ясна — это благородный порыв твоего сердца, стремящегося спасти людские жизни!

— Как сказано! — воскликнул Вэй Арэн. — Мирослав, благодаря Вам я по-новому взглянул на Кэрри!

— Я же просил не называть меня «Кэрри»...

— А я всегда знала, что Дрейк именно такой.

— Почему Вы идете на «Охоту»? — спросил мечник.

— Почему я... — задумался пекарь. — Сложно сказать. Наверное, ради сына.

— Ради сына? — заинтересовалась Рэйна.

— Именно так. Понимаете, я воспитываю его в одиночку, моя жена умерла от лихорадки пять лет назад.

— Соболезную Вашей утрате, — прошептал Зелорис.

— Забота о ребенке не дает времени горевать, — продолжил мужчина. — Ему сейчас восемь лет, и он часто помогает мне в пекарне. Говорит, что хочет стать таким же пекарем, как и его отец. Знаете, я даже расплакался, когда он первый раз мне это сказал. И для того, чтобы сбылась его мечта, чтобы ему, как и другим детям, не надо было бояться нападений разбойников... Чтобы родителям не надо было беспокоиться о своих детях... По этой причине я и решил участвовать в «Охоте».

— Вы благородный человек, — заметил мечник.

— Вашему сыну очень повезло, — добавила Рэйна.

— Благородная цель — это хорошо, но хотелось бы знать, каким оружием Вы собираетесь пользоваться, — поинтересовался Кэрэндрейк.

— От отца мне достался хороший топор, — ответил Мирослав. — Не сказать, что я искусный воин, но, полагаю, достаточно силен и умею с ним обращаться.

— В таком случае, — улыбнулся Вэй, — осталось пожелать нам всем удачи!

— У! — поддержал Зелорис.

— Пусть эта «Охота» будет первой и последней, — торжественно произнес пекарь. — Пусть после нее в Монтильфонде не останется ни одного разбойника!

Рэйна зааплодировала, мечник выдохнул величественное «У», а Вэй и Кэрэндрейк дружно сказали: «Да будет так».

Из следующей главы вы узнаете о том, как король произнес напутственную речь, и о том, как добровольцы отправились на «Охоту».

===== Часть 1. “Охота”. Глава 7 =====

О том, как король произнес напутственную речь, и о том, как добровольцы отправились на «Охоту»

И вот, настал день «Охоты». Каждый из двух сотен добровольцев, записавшихся на участие в ней, пришел на Центральную Площадь, дабы услышать напутственную речь короля Ульфрида Остроухого. На площади было и много зевак, обычных горожан и приезжих, которым было интересно это событие. Если во время речи Бесстрашного Бирлиндора, послушать которого явились пять сотен человек, было не протолкнуться, то что уж говорить сейчас, когда зрителей набралось более двух тысяч?

Рэйна, планировавшая записывать речь короля, отказалась от этой идеи, не рискнув доставать письменные принадлежности.

Наконец, Его Величество Король Ульфрид Остроухий вышел на балкон своего дворца

под восторженные возгласы толпы. Со всех сторон доносилось «Да здравствует король!», «Славься, король Ульффрид!» и тому подобное. Король был невысокого роста, слегка полноват. На его редких, местами седых, местами еще рыжих волосах, красовалась тяжелая золотая корона. Перламутровые пуговицы на расшитом золотыми нитками алом одеянии переливались на солнце. Ульффрид откинул назад край своей мантии, поднял вверх правую ладонь, и площадь затихла.

— Благодарю всех, пришедших сюда, — начал он свою напутственную речь. — При регистрации вас всех разделили на четыре отряда по пятьдесят человек. Отряд Бесстрашного Бирлиндора отправляется на север, отряд сэра Уинфреда — на восток, отряд под командованием Генриха Грэхэма — на юг, а отряд Жана Жабского — на запад. Награда за голову главаря разбойников — сто золотых, за каждого его подчиненного — по пять. Да начнется «Охота»!

— Ура! — вскричала толпа, несмотря на то, что речь была заметно короче ожидаемой. — Да начнется «Охота»! Да здравствует король Ульффрид!

Король оглядел толпу, послушал возгласы, развернулся на пятках и вернулся во дворец. Настала пора выдвигаться.

Пятьдесят членов отряда Бесстрашного Бирлиндора выдвинулись к северным воротам города. Им, как и другим отрядам, участвующим в «Охоте», предстояло прочесывать лес в указанном направлении, охотясь на разбойников.

Незадолго до того, как король Ульффрид Остроухий произнес напутственную речь, в то время как члены других отрядов проходили регистрацию, отряд Бесстрашного Бирлиндора обсуждал план действий. Было решено разделить отряд на пять групп по десять человек в каждой. Во всех группах нашелся хотя бы один человек, знакомый с медициной и способный обрабатывать раны. Если группа натывается на разбойников, лучник (за неимением таковых в первой и третьей группе — помощник Бирлиндора) должен пустить в небо сигнальную стрелу, а также каждый член отряда обязан подать звуковой сигнал.

Четверо доверенных людей Бесстрашного Бирлиндора управляли четырьмя «боковыми» группами, а сам он лично возглавлял центральную. Помимо Бирлиндора, гордо восседавшего на вороном скакуне, в центральную группу входили Зелорис, державший наготове двуручный меч, Вэй Арэн, который в любую минуту мог выпустить свою стрелу, Мирослав Гудфренд, дровосек Данрейв, вооруженные топорами, кузнец Сплавдел, размахивающий огромным молотом, крестьянин Пол с косой в руках, его брат Дилан, несущий вилы, Кэрэндрейк, взявший медицинские принадлежности, и Рэйна, готовая записывать все, что происходит вокруг. Собирательница рассказов повесила себе на шею небольшую дощечку, к которой прикрепила чернильницу и бумаги. Перо она, как обычно, держала за левым ухом.

Когда отряд приблизился к лесу, Бесстрашный Бирлиндор скомандовал:

— Первая группа!

— Здесь! — ответил помощник, руководивший процессом записи в отряд двумя днями ранее.

— Выдвигаетесь на северо-запад!

— Есть, — ответил помощник и повел свою группу в заданном направлении.

— Вторая группа!

— Здесь! — ответил помощник, возглавлявший вторую группу.

— Выдвигаетесь на северо-восток!

— Есть!

— Третья группа!

— Здесь!

— Движетесь в направлении, что чуть западнее, чем у первой группы.

— Есть.

— Четвертая группа!

— Здесь!

— Придерживаетесь направления, что чуть восточнее, чем у второй.

— Есть.

— Центральная группа, за мной!

Бесстрашный Бирлиндор натянул поводья и повел лошадь строго на север. Зелорис и остальные последовали за ним.

Бирлиндор ехал, высоко подняв голову, одной рукой держа поводья, а другую на ножнах с мечом. Весь его вид показывал, что он ничуть не сомневается в успехе «Охоты»: разбойники будут побиты, и именно его отрядом. Бесстрашный Бирлиндор на минуту убрал руку с ножен, закрутил ус и снова положил ладонь на рукоятку меча.

Зелорис, шедший позади лошади Бесстрашного Бирлиндора, постоянно оглядывался по сторонам и прислушивался к каждому звуку, что несколько затруднялось: во-первых, стуком лошадиных копыт, а во-вторых, звуком перешептываний сзади, не прекращавшихся даже после неоднократных предупреждений. Зелорис несколько раз просил самого Бирлиндора приказать всем замолчать, но тот, уверенный в выигрышном исходе дела, отвечал, что в разговорах перед боем нет ничего страшного, более того, они помогают воинам собраться. В конце концов, мечник прекратил свои попытки призвать группу к тишине, но прислушиваться и приглядываться продолжал.

Следом за Зелорисом ступал Мирослав Гудфренд. Сам он старался не произносить ни звука, но уверенный в мудром руководстве Бирлиндора, разделял его мнение, что нет ничего плохого в разговорах перед боем. Он шел осторожно, обеими руками сжимая рукоять топора, доставшегося ему от отца, готовясь в любую минуту вступить в бой ради будущего его сына.

Почти вровень с ним шел дровосек Данрейв, также вооруженный топором. Принять участие в «Охоте» его заставила жена, днями напролет твердившая о ста золотых, которые можно получить за голову главаря разбойников. Самому дровосеку не то чтобы не хотелось получить сто золотых, — нет, от них бы он как раз и не отказался, — Данрейв просто не хотел связываться с разбойниками и подвергать свою жизнь опасности. В ряды «охотников» он записался лишь бы успокоить жену, планируя затаиться где-нибудь при первой же возможности. Однако когда Данрейв слышал о Бесстрашном Бирлиндоре, в его голову пришла мысль, что в этом отряде он точно будет в безопасности, а потому сейчас он, хорошо знавший этот лес, как и другие леса Монтильфонда, шел вольготной походкой, закинув топор за плечо. Данрейв ни разу за все время работы в лесах не встречался с разбойниками и не намеревался встречать их сегодня. Он был уверен, что все бандиты, испугавшись имени Бесстрашного Бирлиндора, попрячутся или вовсе сбегут, и по этой причине находился в приподнятом настроении.

Кузнец Сплавдел, крепкий мускулистый мужчина, напротив, надеялся встретить разбойников как можно скорее: полгода назад по их вине погиб его единственный сын, которого он берег как зеницу ока и готовил унаследовать кузнечное дело. Специально ради этого дня Сплавдел выковал огромный боевой молот, который, словно пушинку, перебрасывал из одной руки в другую, разминаясь перед часом священной мести.

Источником же беспокоящего Зелориса шума были два неумолкающих ни на минуту брата — крестьяне Пол и Дилан. Они решили пойти на «Охоту» для того, чтобы прославиться в родном селе, расположенном так далеко от Монфрида, что ни один разбойник даже не додумается отправляться грабить в такую глушь. Ни Пол, ни Дилан не имели ни малейшего представления о том, насколько опасными могут оказаться разбойники. Для них «Охота» была аналогична обычной сельской драке, обязательно устраиваемой на каждой свадьбе и любом другом празднестве в их селе. Да и оружием им служили коса, с которой Пол не расставался в поле, да ржавые вилы, при помощи которых Дилан обычно ворошил сено. Разговоры, которые не прекращались ни на минуту с тех пор как братья закончили слушать речь короля Ульфрида (удивительно, что им хватило терпения дослушать его до конца), затрагивали все темы, известные братьям, коих было всего три: скот, поле, да сельские сплетни. Причем братья так мастерски переходили от одной темы к другой, что даже очень внимательному слушателю было невозможно за ними уследить.

— И Варька ее за вымя как дернет! — полупшепотом рассказывал Пол. — Та как замычит!

— Варька?

— Корова, какая Варька? Та только кудахтать умеет.

— И то правда, помнишь, как она все носилась на свадьбе Дульсинеи?

— Угу, туда пойдет поклохочет, там пойдет покудахчет...

— А как с Дунькой сойдутся...

— Так обе курицы! — хором произнесли оба брата.

— Даже не знаешь, кто большая курица: Варька иль Дунька, — задумался Дилан.

— Угу-угу. У Кривого Коллинза курицу лиса утащила, так тот, чтоб другим лисам не досталось, заколол всех, — в сотый раз поделился этой сплетней с братом Пол.

— Я слышал, его Тереза после этого самого чуть не заколола.

— Сам виноват, что женился на ней.

— Я бы от такой держался как можно дальше.

— Да и я бы. Корова она.

— Кстати, о коровах.

— Ась?

— Дядька Мэрдик попросил как-то Варьку свою Бурку подоить.

— И?

— Варька-то вообще с животными не в ладах, с коровами тем более.

— Где это видано, чтобы курица корову доила?

— Вот и я о том...

— Ну так что?

— Заходит Варька в хлев, Бурка спит...

— И...

— И Варька ее за вымя как дернет! Та как замычит!

— Варька?

— Корова, какая Варька? Та только кудахтать умеет.

Вэй Арэн, который шел за братьями, жалел, что не может заткнуть руками уши, потому что в одной держит лук, а в другой стрелу, но еще больше жалел, что не может навеки заткнуть несмолкающих братьев. Вэй Арэн, который с любовью относился к каждой женщине мира, мысленно проклинал Дуньку, Варьку, Терезу и иже с ними. Вэй Арэн

который за все двадцать семь лет своей жизни ни разу не терял выдержки и терпения, готов был сорваться в любую секунду и покончить с сельскими братьями раньше, чем объявятся разбойники.

Замыкали шествие Рэйна и Кэрэндрейк, которые от всей души сочувствовали Вэю, видя, как тот постепенно выходит из себя. Точнее сказать, сочувствовала в основном Рэйна, Дрейк же, по большей части, старался не обращать на это внимания.

Рэйна постоянно вертела головой в разные стороны, стараясь запомнить все до последней детали. Она была полна энтузиазма и желания запечатлеть подвиг, свидетелем которого, по мнению самой Рэйны, она обязана сегодня стать.

Кэрэндрейк энтузиазма Рэйны не разделял. Его терзали некоторые сомнения относительно действий Бесстрашного Бирлиндора и его руководства отрядом и группой. Дрейк был уверен, что весьма неразумно было разделяться на группы по десять человек, выходя против банды разбойников, с которыми не смогла справиться даже армия королевства. Он надеялся, что Рэйна крепко усвоила правила спасения бегством, которые, возможно, ей придется применять на практике. За Зелориса и Вэя он не беспокоился, полагая, что они смогут и сами позаботиться о себе. Остальные же не волновали Кэрэндрейка и вовсе.

Кэрэндрейк старался не обращать внимания ни на бесконечные разговоры Дилана и Пола, ни на мучения Вэя, на которые все же иногда поглядывал, ни на восторженность своей спутницы. Дрейк сосредоточенно глядел в лес, наблюдая за расположением деревьев, состоянием травы под ногами и вокруг, прислушиваясь к пениям птиц и другим звукам леса. По мере продвижения вглубь чащи чувство некой встревоженности в груди Кэрэндрейка постепенно нарастало, поэтому, как только лошадь Бесстрашного Бирлиндора, а вместе с ней и вся центральная группа резко остановились, Дрейк тотчас же схватил за руку Рэйну и нырнул вместе с ней под ближайший раскидистый куст.

Из следующей главы вы узнаете о том, как Бесстрашный Бирлиндор оказался вовсе не бесстрашным, и о том, как Угрюмый Мечник стал Героем.

===== Часть 1. “Охота”. Глава 8 =====

О том, как Бесстрашный Бирлиндор оказался вовсе не бесстрашным, и о том, как Угрюмый Мечник стал Героем

— Что ты де...

— Засада, — прошептал Кэрэндрейк, закрывая одной рукой Рэйне рот, а другой придвигая ее к себе. — Нам повезет, если нас не заметят, так что не шуми. Ты хотела описать подвиг? Пользуйся местом, где ты находишься, как наилучшей обзорной площадкой. Описывай все, что видишь. Если в такой ситуации хоть кто-нибудь выживет, это уже будет подвиг. И не плачь: ни ты, ни я ничем им не сможем помочь.

Из-за деревьев вышли разбойники, а вслед за ними и их главарь — очень высокий мужчина, внешне похожий на медведя, выглядящий воинственнее самого Бирлиндора. Вэй, видевший, как Кэрэндрейк спрятал Рэйну, облегченно улыбнулся. Несмотря на то, что стрела в его руках была готова вылететь в любой момент, Вэй не торопился ни подавать сигнала, ни целиться во врагов, ибо тогда он тут же был бы убит. Зелорис также не торопился ничего предпринимать. Он крепко сжимал рукоять меча, готовясь сразить все, что попадет в радиус его досягаемости, но с места не сдвигался. Братья Пол и Дилан, а вместе с ними и дровосек Данрейв, побелели и затряслись от страха, не в силах произнести ни слова. Бесстрашный Бирлиндор пребывал в растерянности, не желая осознавать, что все пошло не так, как он

планировал.

Однако двое, не намереваясь ждать ни минуты, тотчас же ринулись в атаку. Это были пекарь Мирослав, сражавшийся за будущее своего сына, и кузнец Сплавдел, сражавшийся, дабы отомстить за своего убитого сына. В глазах отцов горела решимость и отвага, они не ведали сомненья. Но...

Сплавдел, размахивающий огромным молотом словно пушинкой, разнес головы трем разбойникам, после чего рухнул наземь от ранения, нанесенного четвертым.

Мирослав, сразив двоих, был пронзен мечом в сердце, во время попыток вытащить из убитого застрявший топор.

Именно в тот момент Бесстрашный Бирлиндор осознал происходящее. Он соскочил со своей лошади и бросился на колени перед главарем разбойников.

— Прошу, пощадите! — умолял он, захлебываясь слезами. — Я все вам отдам! Не сохраните мне жизнь, умоляю! Я больше не повторю подобной ошибки и никогда впредь не потревожу вас, единственное, о чем прошу — сохраните мне жизнь! Я не хочу умирать! Не сейчас, не здесь, не в таких обстоятельствах! У меня дома жена, двое детей... Дочь надо выдавать замуж, а сын обещал показать вскоре внуков... Прошу, пощадите! Не убивайте, умоляю, оставьте мне жизнь!

— Выходит, Бесстрашный Бирлиндор оказался вовсе не бесстрашным... — растягивая каждое слово, низким хриплым голосом произнес главарь разбойников, а приспешники поддерживали его дружным гоготанием. — Надо же, «охотники» были загнаны в угол «жертвой», а их бесстрашный лидер, вместо того, чтобы с достоинством умереть, как уже сделали двое из его отряда, умоляет пощадить свою жизнь. А если я скажу, что пощажу только одного из вас?

— Пощадите меня, умоляю! — тут же взвопил Бирлиндор.

— Ха-ха-ха! У «охотника» чести еще меньше, чем у нас, разбойников, — рассмеялся главарь. — О чем думает ваш король? Послать такого петуха разбираться с нами? Нас недооценивают. Неужто Величество и впрямь думал, что этому рыдающему созданию по силам одолеть меня и моих ребят?

Разбойники вновь поддержали главаря дружными возгласами.

— К тому же, — продолжил бандит. — Оценить всех нас в девятьсот тридцать пять золотых... Да мы за месяц в два раза больше грабим! Одно я скажу: не повезло вам, «охотнички», пришли вы на верную гибель.

Ряды разбойников разразились громким смехом, а Бесстрашный Бирлиндор на коленях подполз к их главарю и стал целовать его ботинки.

— Отлезь, мерзость, — отпихнул от себя Бирлиндора главарь. — Более жалкого человека мне в жизни видеть не доводилось.

— Пощадите... — молил Бирлиндор, держась за разбитую от пинка главаря губу.

— Пощажу, — ответил главарь, и лицо Бирлиндора расплылось в блаженной улыбке.

Главарь подошел к нему и, глядя прямо в глаза, резко выхватил из ножен Бирлиндора его меч, которым тут же отрубил голову хозяина. Голова Бирлиндора пала к ногам главаря разбойников, тот поднял ее за редкие волосы и снова посмотрел ей в глаза.

— Видишь, — сказал он, разглядывая навеки застывшую блаженную улыбку на лице Бирлиндора, — как и обещал, я пощадил присутствующих здесь, избавив их от твоих воплей.

Разбойники снова загоготали.

— Зато теперь, — продолжил главарь, — твои спутники смогут хотя бы умереть в

тишине.

В этот самый момент Зелорис решил, что пора. Он поднял меч над головой и бросился напрямик на главаря разбойников, быстрыми и точными ударами отбиваясь от тех разбойников, что стояли у него на пути.

— Ну наконец-то, — прошептал Вэй, натягивая тетиву. — Вы трое, — сказал он, одарив пинком кого-то из братьев, — хватит трястись, в атаку!

Трясущимися руками Пол схватил косу, Дилан вилы, а Данрейв топор, и неуверенные, но все же ведомые желанием жить, они бросились на противников.

В это время к «охотникам» подоспела подмога — привлеченные громким гоготанием разбойников, оставшиеся четыре группы Бирлиндора, также ринулись в бой.

Зелорис тем временем насмерть бился с самим главарем. Его двуручный меч со свистом рассекал воздух. Главарю, который выглядел намного сильнее Зелориса, приходилось по большей части уворачиваться от его атак. Когда главарь блокировал своим мечом удары Зелориса, искры летели в разные стороны, а лязг заглушал общий шум битвы. Лязг! И меч главаря отлетел в сторону. Сделав еще взмах мечом, Зелорис отрубил противнику голову.

Четверо разбойников тут же бросились на убийцу их главаря. Даже Зелорис был не в силах отбить одновременную атаку с четырех сторон. Трех из них он смог одолеть, а от меча четвертого должен был пасть, если бы метко пущенная стрела Вэя не пробила шею разбойника, занесшего свой меч над спиной Зелориса.

— Всегда пожалуйста! — раззадоренно крикнул светловолосый лучник.

Битва все продолжалась. Для многих «охотников» подобное сражение было первым серьезным боем, как для Пола, Дилана и Данрейва, в то время как разбойники, не раз успешно отбивавшиеся от армии королевства, считали происходящее обычным делом. К тому же самих разбойников было в три раза больше, чем явившихся за их головами «охотников».

Пользуясь общей суматохой, Кэрэндрейк вылез из своего укрытия и ползком отправился помогать раненым.

— Рэйну оставляю на тебя, — предупредил он Вэя, натягивающего тетиву возле кустов, где спрятавшаяся девушка описывала ход сражения. Несмотря на то, что слезы не переставая лились из ее глаз, собирательница легенд с невероятной точностью описывала все, что происходило вокруг.

— Ни один волосок не упадет с головы миледи, — ответил Вэй Арэн, запуская стрелу в очередного противника.

Первым делом Кэрэндрейк принялся за обработку ран кузнеца Сплавдела. Тот был еще жив, но находился в очень тяжелом состоянии. Вэй и Зелорис старались не подпускать к Кэрэндрейку врагов, чтобы тот мог полностью сосредоточиться на лечении.

Однако не только враги могли отвлечь Дрейку от тяжело раненного.

— Помоги, пожалуйста! — жалобно вопя, подполз к нему Дилан. Из его левой руки аккуратной струйкой стекала кровь.

— Твоя рана просто царапина по сравнению с его, — ответил Кэрэндрейк, лишь на секунду взглянув на крестьянина. — Ты не умрешь в любом случае. Ничего не случится, если ты немного подождешь, а вот другие ждать не могут.

Дилан еще некоторое время приставал к Дрейку с просьбой заняться им, но тот не обращал на него внимания, сосредотачиваясь на ранениях своих пациентов. Обработав рану Сплавдела, Кэрэндрейк принялся за помощника Бирлиндора, командовавшего третьей

группой. Зашив и перевязав его, перешел к молодому пастуху из второй группы, проявившему в этом сражении невиданную храбрость. На помощь Кэрэндрейку пришли четверо знакомых с медициной людей из других групп, однако, в отличие от Дрейка, они были способны обрабатывать только несерьёзные ранения. Но и в такой ситуации они смогли значительно облегчить его работу.

«Охотники», видя, что об их ранениях есть кому позаботиться, воспрянули духом, а разбойники, встретив неожиданно сильное сопротивление со стороны некоторых противников, наоборот, разуверились в себе и начали сдавать позиции.

Несмотря на то, что в сражении участвовало более двухсот человек, Рэйна удивительным образом отражала на бумаге действия каждого. Ее перо двигалось с бешеной скоростью, окунаясь в чернильницу и затем вырисовывая аккуратные буквы на прикрепленном к дощечке листе. Когда лист заканчивался, девушка легким движением руки снимала его с дощечки и продолжала писать на листе, что лежал под ним. Она не упускала из виду ни единой детали. Мысленно присвоив каждому из разбойников свой номер, она записывала, от чьей руки они умирали, кому наносили ранения. Зная имена лишь нескольких из «охотников», но заранее запомнив, в какой группе был каждый из участников сражения, девушка не обделила вниманием ни одного из них. Стоило каменщику Лоренцу сразить своей тяжелой кувалдой одного из разбойников, так на бумаге тут же появлялось: «Воин с кувалдой из группы 2 сразил разбойника № 97», только рухнул на траву «охотник» с большим носом, как возникла запись: «Носатый, группа 4, ранен в живот разбойником № 62. Раной носатого занялся Кэрэндрейк».

Несмотря на численный перевес разбойников и их боевой опыт, вскоре они были полностью разгромлены. Наибольший вклад в битву внес Зелорис, помимо главаря разбойников сразивший еще 47 бандитов. Вэй, прикрывавший ему спину своими стрелами и не дававший врагам приблизиться ни к Рэйне, ни к Кэрэндрейку, поразил 38 врагов. Молодой пастух из второй группы, прежде чем получить серьезное ранение, успел одолеть 15 разбойников.

«Носатый» из группы четыре забрал жизни у пятерых врагов, после чего предстал перед Дрейком в качестве пациента. Шестеро «охотников», трое из которых были из первой группы, одолели по четыре противника. Семеро, в том числе и кузнец Сплавдел, победили по три разбойника, пятеро, среди которых был погибший Мирослав, сразили по два бандита. Семерым «охотникам», среди которых неожиданно для самого себя был дровосек Данрейв, удалось убить хотя бы одного врага.

«Охотников», которые не убили никого, было двадцать один. Среди них был убитый в самом начале Бирлиндор, трусливые братья Пол и Дилан, Кэрэндрейк и четверо врачей, ему помогавших, и Рэйна, записавшая все эти цифры.

Пациентами Кэрэндрейка стали тридцать семь человек, остальные либо не получили раны, либо их ранения были незначительными и ими занимались его помощники.

Среди «Охотников» было всего шестеро погибших. Имена Мирослава Гудфренда, Теодора Гладисона и Дария Двери запомнят как имена героев, принявших достойную смерть, забрав с собой на тот свет своих противников. Мелвин Мор погиб, никого не убив, но все же ранив своего противника, в то время как Элрик Элрот был сражен, так и не нанеся ни одного удара. Имя же Бесстрашного Бирлиндора на долгое время стало синонимом позора в Монтильфонде.

Уставшие «охотники» насторожено оглядывались вокруг себя, ища глазами

противников, но вдруг один из них закричал: «Победа!», после чего по всему лесу пролетел торжественный крик.

— У... устал... — прошептал Зелорис, опершись о ствол дерева.

— А я-то думал, что скажет наш герой после всего этого? — улыбнулся Вэй Арэн, присаживаясь рядом.

— Вы... вы... — подбежала к ним Рэйна, утирая слезы радости, — молодцы! Спасибо! Я так рада, что вы выжили!

— Чтобы я еще хоть раз в подобном записался участвовать! — ворчал окруженный ранеными Кэрэндрейк, идеально выполняя свою работу.

— Ох, Кэрри, — вздохнул Вэй, — мне даже трудно сказать, кто больший герой: братец Зел, столько врагов одолевший, или же ты, ползающий тут от раненного к раненному и латающий их.

— Если бы не господин Кэрэндрейк, — со знающим видом произнес один из его помощников, — погибших было бы намного больше.

— Еще трудно сказать о состоянии двоих раненных, — добавил второй, указывая на Спавдела и седого воина из второй группы, — но жизни остальных благодаря мастеру Кэрэндрейку уже ничего не угрожает.

— С ними тоже все будет хорошо, — пробубнил покрасневший Дрейк.

Из следующей главы вы узнаете о том, как в честь Героя в Королевском Дворце был дан пир, и о том, как Герой впервые попробовал кленовый сироп.

===== Часть 1. «Охота». Глава 9 =====

О том, как в честь Героя в Королевском Дворце был дан пир, и о том, как Герой впервые попробовал кленовый сироп

Через три дня после успешного завершения «Охоты» в королевском дворце Монтильфонда в честь отдохнувших «охотников» и Героя Зелориса был дан пир. На пир были приглашены все желающие, однако члены отряда Героя Зелориса (имя Бесстрашного Бирлиндора никто не вспоминал) были удостоены почетных мест за одним столом с королем Ульффридом Остроухим. По обе руки от короля сидели Зелорис и Вэй Арэн, как воины, внесшие наибольший вклад в «Охоту», вдвоем унесшие жизни более половины разбойников. Рядом с ними сидели Кэрэндрейк, как человек, которому обязаны жизнью все члены отряда, получившие ранения, и Рэйна, с невиданной точностью описавшая все, что происходило на «Охоте». Благодаря записям Рэйны королевские казначеи смогли с точностью определить, какую награду должен получить каждый из «охотников», за что не переставали ее благодарить.

— Насколько мне известно, ты бард, — обратился Ульффрид Остроухий к собирательнице историй.

— Совершенно верно, Ваше Величество! — ответила девушка.

— В таком случае, развлеки нас одной из своих песен.

— Как прикажете, Ваше Величество, — Рэйна вышла в центр зала, взяла из рук слуги поданную им лютню, и, перебирая струны, запела недавно завершенную «Песнь о Лесорубе и встреченном им Монстре»:

Жил был однажды один Лесоруб,

Мудрым он не был, но и не был глуп.

Как-то в лесу Монстра он повстречал,

Топор уронил и прочь побежал.

Бежал без оглядки две ночи, три дня,
Бежал он быстрее любого коня,
Но Монстр от него ни на шаг не отстал —
Три дня и две ночи в спину дышал.
А было у Монстра двенадцать рук,
Весь в шрамах он был, держал меч и лук,
Из пасти своей огонь изрыгал,
Из носа же клубы дыма пускал.
Внезапно споткнулся наш Лесоруб,
И взлетел на верхушку дуба он вдруг,
И, притаившись в зеленой листве,
Шептал за спасенье «Спасибо!» судьбе.
А Монстр Лесоруба долго искал,
Тот же с вершины за ним наблюдал.
Чудище, сильно устав под конец,
Вздыхнуло: «Быстрый же этот беглец!»,
Трижды обернувшись вокруг себя,
Парнем седым обратилось тотчас.
В то время отряд мимо них проходил:
Тридцать три воина, полные сил.
Монстр в человеческом обличье шел к ним...
Приблизившись, юноша вновь стал Чужим.
Одних убивал он, а после съедал,
Других же живьем сей Монстр пожирал.
Как тридцать три воина стали мертвы —
Тридцать три выросло у Монстра руки.
Если б Лесоруб на дуб не попал,
То и его этот Монстр бы сожрал.
Чудище, вдоволь наевшись, ушло.
С тех пор уже долгое время прошло,
Но Лесоруб все на дубе сидит,
«В жизни не слезу с него» — говорит.

Эта песня очень позабавила короля, и он попросил Рэйну обучить ей придворных менестрелей. Вэй же, слушая пение девушки, бормотал «Уберите из песни слова про лук» и «Я не седой», но это бормотание слышал лишь Кэрэндрейк, который сидел рядом с ним, тихонько посмеиваясь в кулак.

В это время внимание Зелориса привлекла небольшая бутылочка, стоящая на столе, чуть поодаль от него.

— Что это? — полушепотом спросил мечник у одного из «охотников».

— Кленовый сироп, — ответил тот.

Зелорис взял бутылочку с кленовым сиропом, и с некоторой осторожностью попробовал его. Тут же внутри Зела что-то перевернулось и заиграло неведомыми для него ранее ощущениями...

К Кэрэндрейку постоянно подходили родственники «охотников», чьи раны он обрабатывал, и сами спасенные, которые смогли прийти на пир на своих ногах. Они не

переставая благодарили его и кланялись ему, заставляя его краснеть. Многие вручали Дрейку подарки, некоторые отдавали часть положенной им награды, а «Носатый из четвертой группы», которого, как оказалось, зовут Гюстав, вручил Дрейку все заработанные «Охотой» деньги.

— Извините, но это Вы господин Кэрэндрейк? — спросила у Дрейка немолодая женщина.

— Я, но без «господин».

— Я не знаю, как мне отблагодарить Вас за то, что Вы спасли жизнь моему сыну! — воскликнула она. — Он до сих пор не встает, но заходивший к нам лекарь говорит, что его жизни благодаря Вам ничего не угрожает. Он сказал, что впервые видит, что человека с такой серьезной раной удалось спасти! Спасибо!

— Лучше благодарите ту девушку, — показал Дрейк в сторону Рэйны. — Ведь именно она уговорила меня принять участие в «Охоте».

— Кэрри, — перебил его Вэй. — Там с братцем Зелом творится что-то неладное...

— Я же просил не называть меня... Это точно наш Зелорис?

— Не знаю.

На обычно безэмоциональном лице Зелориса сияла по-детски восторженная улыбка. Он бегал от одного человека к другому, радостно говоря каждому, что «кленовый сироп — это очень вкусно». Стоило ему заметить очертания знакомой бутылочки с кленовым сиропом на одном из столов, как он тут же прыжком приближался к ней, хватал ее и разом выпивал весь сироп, словно мучащийся от жажды выпивал воду.

— Кленовый сироп — очень вкусно! — воскликнул непривычно жизнерадостный Зелорис, подбежав к Рэйне.

— Дай-ка попробовать, — сказала она, принимая из рук мечника заветную бутылочку.

— Не пей это!!! — хором воскликнули Вэй Арэн и Кэрэндрейк, намереваясь выхватить злополучное лакомство из рук собирательницы историй, дабы она не повторила участь Зелориса.

Но было уже поздно. Рэйна успела попробовать сироп до того, как Вэй и Дрейк приблизились к ней. Она посмотрела сначала на Зелориса, а потом перевела взгляд на Вэя и Кэрэндрейка, и, отдавая бутылочку им, произнесла:

— Сироп как сироп, странные вы какие-то.

— Не изменилась... — облегченно вздохнул Кэрри.

— Все та же... — радостно произнес Вэй. — Я бы не пережил, если бы и у нее мозги склеились.

А Зелорис отправился на поиски новой порции кленового сиропа, так что вскоре все бутылочки, поданные к столу, были опустошены, после чего мечник стал постепенно возвращаться в привычное состояние.

— Наша юная Богиня Победы! — окликнул Рэйну один из «охотников», победивший четверых врагов.

— Мы хотим поблагодарить тебя за то, что на протяжении всей «Охоты» ты присматривала за нами, — продолжил «охотник», забравший жизни у троих разбойников.

— Благодаря тебе все знают, кто какой вклад внес в общее дело, — добавил их друг, одолевший четверых бандитов.

— Поэтому, — хором сказали все трое, — позволь нам отблагодарить тебя, вручив часть заработанного нами в этой «Охоте»!

— Что вы, не нужно! — смутилась Рэйна. — Я всего лишь делала то, ради чего и пришла в Монфрид.

— Никаких возражений, — сказал тот, что одолел троих, после чего протянул девушке мешочек, в котором лежало двадцать золотых монет.

Рэйна попыталась вернуть им подарок, но они даже слушать ее не стали, сославшись на то, что если бы не она, то денег они могли даже не увидеть.

Практически все «Охотники» получили свою награду еще до начала пира, но троих наиболее отличившихся король Ульффрид Остроухий собирался наградить в торжественной обстановке перед гостями.

— А сейчас Его Величество Король Монтильфонда Ульффрид вручит награду Героям, совершившим подвиг в день «Охоты»! — объявил глашатай.

Все разговоры разом смолкли, и внимание присутствующих переключилось на восседавшего на троне Ульффрида Остроухого.

— Так как пастух Евлампий, сразивший пятнадцать разбойников, по причине ранения не смог прибыть сюда, — продолжил глашатай, — награду за него получит его мать, Евдокия.

Женщина, незадолго до этого благодарившая Кэрэндрейка за спасенного сына, подошла к королю и поклонилась ему.

— Твой сын хорошо проявил себя в сражении с разбойниками и по праву заслужил свои семьдесят пять золотых, — произнес король, и слуга поднес матери пастуха три мешочка по двадцать пять золотых в каждом.

— Благодарю Вас, Ваше Величество, — с поклоном ответила мать.

— Вэй Арэн Виндсвиш, — объявил следующего награждаемого глашатай, и Вэй склонился перед королем.

— Твои стрелы унесли жизни тридцати восьми разбойников, наводивших ужас на королевство, — промолвил король. — Ты показал себя достойно и заслужил свои сто девяносто золотых.

Слуга вручил Вэю несколько мешочков, набитых золотыми монетами.

— Благодарю Вас, Ваше Величество, — улыбнувшись, поклонился Вэй.

— Герой, сразивший главаря разбойников, а вместе с ним еще сорок семь бандитов, — как можно торжественнее объявил глашатай, — мечник Зелорис!

Вернувшийся к тому времени в свое обычное состояние Зелорис приблизился к королю и отвесил глубокий поклон.

— В день «Охоты» ты совершил подвиг, — сказал король, — и теперь по праву считаешься Героем Монтильфонда. Каждый житель королевства обязан тебе за избавление от разбойников, а по сему прими же в награду заслуженные тобой триста тридцать пять золотых.

Король подал слуге знак, чтобы тот вручил Зелорису мешочки с деньгами, однако мечник не торопился их принимать.

— Ваше Величество, — произнес он, — прошу простить мне мою дерзость, но могу ли я попросить Вас об одной вещи?

— Что ж, — ответил Ульффрид Остроухий. — Я выслушаю твою просьбу, герой.

— Могу я получить часть награды... — Зелорис на некоторое время замялся, — кленовым сиропом?

Все, в том числе и король, застыли в изумлении.

— Подать герою весь кленовый сироп, который только есть во дворце! — приказал король. — Считай сироп моим личным подарком, а не частью награды. Награду же прими всю.

— Благодарю Вас, Ваше Величество, — произнес Зелорис, отвешивая глубокий поклон и принимая награду.

Пир закончился, и все стали расходиться. Слуги сложили все запасы кленового сиропа, который король определил как «личный подарок», в телегу, в которую, по приказу короля, была впряжена одна из лошадей королевских конюшен, также подаренная Зелорису за столь неожиданную просьбу.

После того как четверо друзей покинули пределы дворца, мечник прошептал:

— Я собираюсь взять на воспитание сына Мирослава Гудфренда.

— Ты знаешь, где его искать? — поинтересовался Кэрэндрейк.

— Сегодня узнал, — ответил мечник. — Спрашивал во дворце.

— В таком случае, поехали за ним! — воскликнул Вэй Арэн, исполнявший роль извозчика на подаренной Зелорису повозке. Сил лошади хватало на то, чтобы без затруднений тянуть повозку, груженную кленовым сиропом и одного человека, управляющего ей, но всю компанию она бы не увезла.

Только они удалились на небольшое расстояние от дворца, как их остановила вышедшая на дорогу женщина.

— Я прошу извинить меня за то, что прервала ваш путь, — сказала она.

— Что Вы, миледи, — начал было говорить Вэй Арэн, но женщина не обратила на него внимания.

— Полгода назад я потеряла единственного сына, а три дня назад чуть не стала вдовой, — продолжила женщина. — Господин Кэрэндрейк, — женщина упала на колени и начала плакать. — я даже не знаю, как отблагодарить Вас, спасшего жизнь моему мужу! У меня не осталось никого, кроме него. Спасибо Вам, что Вы вернули его с того света!

— Успокойтесь, пожалуйста, — ответил Дрейк, подбежавший к женщине, как только та опустилась на колени, и помог ей подняться.

— Я прошу Вас, пойдете со мной к моему мужу! — всхлипывала женщина. — Он еще не встает с постели, но очень хочет лично поблагодарить Вас!

— Хорошо, — согласился Кэрэндрейк. — Вы можете отправляться за ребенком, — сказал он Зелорису. — Встретимся позже на постоялом дворе.

— У, — ответил мечник.

— Показывайте дорогу, — произнес Дрейк, обращаясь к женщине.

Уже через полчаса Кэрэндрейк сидел возле постели спасенного им кузнеца Сплавдела.

— Спасибо... — прошептал кузнец, которому еще было трудно говорить. — Вы спасли мою жизнь, которую сам я не берег. Когда умер мой сын, — на глазах кузнеца выступили слезы, — я думал, что и моя жизнь кончилась. Я совсем не обращал внимания на жену, которая страдала не меньше, чем я, и был полностью одержим жаждой мести. Я даже не думал о том, что станет с ней, если и я уйду от нее... Но, знаете, когда меня ранили... Я видел сына! Он говорил со мной! Сказал: «Папочка, живи! Живи и защищай матушку»! Он улыбался мне и просил жить, а я сдуру сам торопился в объятья смерти. Спасибо Вам за то, что вернули меня, дурака, к жизни! Спасибо...

— Поблагодарите девушку, которая была в тот день с нами, — с мягкой улыбкой ответил Кэрэндрейк. — Если бы не она, меня бы там не было.

Жена кузнеца еще некоторое время осыпала Дрейка словами благодарности и даже собиралась проводить его до постоянного двора, однако Кэрэндрейк смог убедить ее, что ей лучше остаться с мужем.

Всю дорогу до постоянного двора Кэрэндрейк был погружен в раздумья. За один день столько людей поблагодарили его за спасенные им жизни. Сколько искренних добрых слов от совершенно незнакомых людей он услышал за этот день! От этих слов в его груди зародилось незнакомое светлое чувство, аналогичное которому он никогда прежде не испытывал.

Дрейк поднялся на второй этаж постоянного двора, где нашел своих товарищей сидящими в коридоре в полном молчании.

— А где ребенок? — поинтересовался Кэрэндрейк.

— Забрали, — дрожащим голосом прошептала Рэйна.

— Разве у него были родственники? — удивился Кэрри.

Зелорис отрицательно покачал головой.

— Тогда кто? — не унимался Дрейк.

— Сокрытый Орден, — после некоторой паузы ответил Вэй Арэн.

Следующая глава открывает новую часть повествования, в которой к компании наших героев присоединится еще один персонаж.

===== Часть 2. “Северянка”. Глава 10 =====

О том, как таинственная исследовательница, пришедшая с севера, предложила героям работу

После «Охоты» прошло уже две недели, а четверо друзей все еще пребывали в Монфриде. Зелорис пользовался большой популярностью у жителей города, которые хвостом увивались за Героем, куда бы он ни пошел. Вэй Арэн пользовался заслуженной славой лучника, сразившего тридцать восемь разбойников, купаясь в женских ласках. Дамы Монфрида находились под впечатлением от его комплиментов, а мужская половина столицы с нетерпением ждала, когда же он, наконец, покинет город. К Кэрэндрейку то и дело подходили те, чьи раны он обрабатывал на «Охоте» или их родственники, которые благодарили его и приглашали к себе домой, угощая самыми разнообразными блюдами. Рэйна каждый день выступала на площадях Монфрида со своими песнями, зарабатывая тем самым деньги. Хозяин постоянного двора, которого все звали «Дядюшка Добринг», освободил друзей от платы за комнаты, при условии, что по вечерам девушка будет исполнять песни в трактире, находящемся на первом этаже. Благодаря Рэйне этот трактир всегда был полон посетителями, отчего хозяин постоянного двора не хотел, чтобы девушка куда-либо уезжала.

Однако с каждым днем мысль о предстоящем отъезде давала о себе знать все чаще, и вот, наконец, во время ужина Вэй Арэн спросил:

— Есть ли у кого-нибудь планы на ближайшее будущее?

— Я собираюсь отправиться за Зелорисом, чтобы описывать его подвиги, — честно ответила Рэйна.

— Ты его-то хоть спросила? — поинтересовался Дрейк.

— У, — шепнул Зелорис, что означало «Я, в принципе, не против».

— Вот видишь, — добавила собирательница историй.

— И куда братец Зел собирается отправляться совершать эти подвиги? — не унимался Вэй Арэн.

Зелорис пожал плечами — об этом он еще не думал.

— Ясно, — вздохнул Вэй. — Кэрри, а ты что собираешься делать?

Кэрэндрейк, уже привыкший к тому, что Вэй называет его «Кэрри», и решивший не обращать на это внимания, поскольку результата все равно никакого не было, ответил:

— До тех пор, пока я не научу Рэйну тому, как постоять за себя, да и вообще самостоятельности и здравому смыслу, буду идти за ней. Все-таки я несу ответственность за то, что спас ее от рабства. А ты?

— Я тоже еще не решил, — признался Вэй. — Одно могу сказать точно: несправедливо по отношению к девушкам всего мира, что я столь долгое время провожу с красавицами Монфрида, поэтому нужно отправляться в путь. Вопрос лишь в том, куда.

— Можем пойти все вместе, — предложил Зелорис.

— Здорово! — обрадовалась Рэйна.

— И впрямь хорошая идея, — заметил Вэй. — А то получается, братец Зел уходит подвиги совершать, малышка Рэй идет за ним их описывать, а Кэрри следует за малышкой Рэй, дабы ее воспитывать. А я один остаюсь.

— А как же «красавицы»? — съехидничал Кэрэндрейк.

— Красавицы — совсем другое дело, — со знанием дела произнес лучник.

— Пора, — напомнил Зелорис.

— Спасибо! — поблагодарила Рэйна. Настало время ей петь для посетителей трактира. Девушка вышла на сооруженную специально для нее маленькую сценку, взяла в руки лютню и начала петь любимую песню жителей Монфрида под названием «Кленовый сироп»:

Кленовый сироп был подан к столу,

Когда пригласили его ко двору...

Врага что сразил в неравном бою,

Герой, я тебе эту оду пою!

Как-то «Охоту» Король объявил.

Добыча: разбойник, что страх наводил.

Все, кто считал, что врага победит,

Со всех частей света стекались в Монфрид.

И был наш Герой среди тех бойцов,

Он не выделялся среди молодцов,

Вниманья к себе он не привлекал

И тихо сидел, своего часа ждал.

Но вот наступил решающий миг:

Начала «Охоты» торжественный крик

Издав каждый из двух сотен бойцов,

Отправившись в путь, чтоб повергнуть врагов.

И шел наш Герой, в руках меч держа.

Он шел осторожно, ничуть не спеша...

Отряд, где он был, в засаду попал —

Бандитов глава их давно поджидал.

Не растерялся совсем наш Герой:

Бесстрашно он ринулся в неравный бой.

Над головою Герой поднял меч...

Противнику голову разом снес с плеч.

Но и Герою несладко пришлось:

Вдруг четыре меча над ним занеслось
За главаря, чтоб отомстить... Спасла
Герою жизнь его друга стрела!
Кленовый сироп был подан к столу,
Когда приглашен был Герой ко двору.
Награду Король собрался вручать...
Но Герой попросил на сироп поменять!

— Приятно слышать о себе в песне, — прошептал Зелорис.

— Это не первая песня, в которой поется о тебе, друг мой, — вздохнул Вэй.

— У?

— Не бери в голову.

— Угу. Не буду.

Рэйну попросили спеть «Песнь о Лесорубе и встреченном им Монстре». По городу ходили слухи, что главный герой этой песни — лесоруб Лестор из Форлейнвуда, но ни подтверждений этому, ни опровержения даже от Рэйны, получить не удалось.

— Вэй, Зел, — обратился к друзьям Кэрэндрейк, воспользовавшись тем, что Рэйна была занята исполнением песен. — По городу ходят странные слухи, советую вам быть осторожнее.

— У? — поинтересовался Зелорис.

— Говорят, что о вас расспрашивала какая-то северянка, — пояснил Дрейк.

— Красивая? — первым делом решил узнать Вэй.

— Я ее видел что ли? — огрызнулся Кэрри. — Я знаю лишь то, что какая-то северянка ходит по Монфриду и расспрашивает о «Герое Зелорисе и лучнике Вэе Арэне». Все.

— Я думал, северяне не покидают своих Башен, — прошептал Зел.

— Поэтому-то я и сказал вам быть осторожнее, — вздохнул Кэрэндрейк. — Кто знает, что заставило ее покинуть Башню и прибыть сюда.

— Скажу сразу, — решил предупредить Вэй Арэн. — С северянками у меня еще ничего не было, а посему, она точно не одна из моих бывших.

— Если бы она была одной из твоих бывших, — заметил Дрейк, — то ей бы не понадобилось интересоваться Зелорисом, а она расспрашивала о вас обоих.

— Может, она здесь ради прошедшей «Охоты»? — предположил Зел.

— Ради «Охоты» покинуть Башню, преодолеть тысячи километров с Севера в Монтильфонд? — усмехнулся Вэй. — Не думаю. Кэрри прав. Странно это как-то. Ты специально дождался момента, когда мы будем без малышки Рэй?

— Незачем зря ее волновать, — ответил Дрейк. — К тому же, зуб даю, узнай об этом Рэйна, она тут же сама отправится на поиски северянки.

— Я тоже не думаю, что ей нужно об этом знать, — прошептал Зелорис.

— Малышке Рэй совершенно незнакомо понятие опасности.

— Ей незнакомо понятие осторожности. Это немного другое.

— Идет, — предупредил Зелорис.

— Так здорово, что людям здесь нравятся мои песни! — воскликнула, садясь рядом с друзьями, Рэйна. — А что это вы вдруг замолчали?

Теперь пришло время читателю узнать, что странного в том, что северянка оказалась в Монфриде. Весь Материк можно условно разделить на пять зон. Восток представляет собой руины Трилунской Империи, таинственным образом уничтоженной за одну ночь десять лет

назад. Юг населяют дикие и необразованные воинственные племена кочевников, совершающих набеги как друг на друга, так и на ближайшие цивилизованные государства. В Центре Материка раскинулась Центральная Пустыня, в песках которой обрел свою смерть не один путник. На Западе находится несколько небольших княжеств и королевств, в том числе и Монтильфонд, после гибели Трилунской Империи ставшие оплотом цивилизации. Север же представляет собой неприступные холодные земли, где среди снегов и скал стоят вдалеке от посторонних глаз высокие каменные Башни. В этих Башнях проводят в затворничестве свои исследования ученые севера, никого к себе не впуская и не спускаясь ни к кому. Северяне несколько сотен лет не поддерживают связей с внешним миром, и трудно сказать, поддерживали ли их когда-нибудь вообще. Какие исследования проводят жители Башен — остается загадкой и предметом для бесчисленных сплетен на протяжении долгих лет, уступая лишь таинственной гибели Трилунской Империи, но и ее уничтожение часто приписывают северянам. И вот теперь непонятно зачем спустившаяся с Башен, преодолевшая огромное расстояние северянка ходит по Монфриду, расспрашивая всех и каждого о героях, победивших разбойников. Именно по этой причине и был так обеспокоен Кэрэндрейк.

— Малышка Рэй, вот скажи, — перевел тему Вэй. — Почему в твоей песне обо мне всего одна строчка? Я ведь тоже не маленький вклад в «Охоту» внес!

— Извини, пожалуйста! — воскликнула Рэйна. — Я... я сейчас исправлю и...

— Да пошутил я, — поспешил успокоить девушку лучник, увидев, как та взволновалась. — Я просто завидую братцу Зелу. Придумал! Давай договоримся так: как только я совершу какой-нибудь подвиг, ты обязательно напишешь о нем песню!

— Обязательно! — с радостью согласилась Рэйна. — Когда?

— Что когда? — не понял Вэй.

— Когда ты собираешься отправляться совершать подвиг? И куда?

— Я как-то не думал еще...

— Хорошо, значит пока, как и планировалось, я буду описывать подвиги Героя Зелориса.

— У, — поддержал ее Зел.

— Эм... я... — растерялся Вэй.

— Не будешь шутить, — улыбнулся Кэрэндрейк.

— Вы читаете мои мысли, Дрейк, — положила Рэйна руку ему на плечо, и все рассмеялись.

— Вэй забавно выглядел минуту назад, — прошептал Зелорис.

— Может, хватит? — покраснел лучник.

— Это ж подумать только, — произнес Кэрри, — нашего ловеласа вогнала в ступор девушка.

— Издеваетесь, — пробубнил Вэй. — Накинулись втроем на безропотную жертву...

— Вэй — безропотный, — чуть слышно сказал Зелорис. — Смешно.

— Не то слово, «братец Зел», — дразня лучника, вздохнул Кэрэндрейк. — Не то слово.

— «Кэрри», смотри, — продолжил мечник, — у него даже взгляд переменялся. А что скажет «малышка Рэй»?

— Ха-ха-ха! Не могу больше, — ответила Рэйна, схватившись от смеха за живот. — Ха-ха-ха!!!

— Ох, «Кэрри», — вздохнул Зелорис, — до чего же «малышку Рэй» довели...

— Изверги, «братец Зел», — сказал Дрейк, — изверги.

— В первый раз в жизни я даже не знаю, что на все это ответить! — смеясь, воскликнул Вэй Арэн.

— И это ведь только начало! — слегка успокоившись, предупредила Рэйна. — Ты от нас еще долгое время не отвяжешься...

— У, — подтвердил Зелорис.

— Приятно слышать подобные угрозы из уст дамы, — произнес Вэй. — Но и тебя, братец Зел, я готов терпеть еще долгое время. Кэрри это тоже касается.

— Вот уж увольте.

— На самом деле, Кэрэндрейк рад тому, что ты сказал, — пояснил Зелорис.

— С чего ты взял? — удивился Дрейк.

— У тебя все на лице написано, — ответила вместо мечника Рэйна.

— Малышка Рэй! — притворно встревожился Вэй Арэн. — А на моем лице... А что написано на моем лице?

— Дай-ка посмотреть... — задумалась Рэйна.

— Что ты мастер сладких речей и ловелас, — тут же «прочитал» Кэрри.

— Это и так всем известно, — заметил Зелорис.

— В таком случае, — облегченно вздохнул Вэй, — мне не о чем беспокоиться.

— Есть о чем, — прошептал Зел. — Нам всем есть.

— И о чем же? — поинтересовался Вэй.

— У, — ответил Зелорис, кивая в сторону входа в трактир.

Вэй и Кэрэндрейк сразу же обернулись и увидели вошедшую в трактир северянку. Это была красивая высокая женщина, выглядевшая моложе своих двадцати восьми лет. Ее светлые волосы были сплетены в косу, которая аккуратно была обмотана вокруг головы. Она была одета в длинное синее платье строгого покроя, подчеркивающее голубизну ее глаз. Лицо северянки выражало гордость и неприступность северных земель. Она оглядела трактир и, заметив Зелориса и Вэя, плавной походкой, держа гордо поднятой свою голову, приблизилась к ним.

— Я так понимаю, вы и есть герои, о которых столько разговоров вокруг, — произнесла она гордым ледяным голосом.

— У, — подтвердил Зелорис.

— Чем мы можем Вам помочь? — поинтересовался Вэй, не добавив свое фирменное «миледи».

— Мое имя Гордислава, — представилась северянка. — Я одна из исследователей с Севера и хочу предложить вам работу.

Из следующей главы вы узнаете о том, как между сказочницей и исследовательницей возникли разногласия, и о том, кто стал их жертвой.

===== Часть 2. “Северянка”. Глава 11 =====

О том, как между сказочницей и исследовательницей возникли разногласия, и о том, кто стал их жертвой

— Работу? — удивился Вэй Арэн.

— Именно так, — ответила Гордислава.

— И в чем же заключается эта «работа»? — поинтересовался Вэй.

— У, — поддержал Зелорис.

— Предлагаю обсудить это в более тихой обстановке, — произнесла северянка, с

некоторой брезгливостью оглядывая шумный трактир.

— Хорошо, — прошептал Зелорис.

— Мы можем подняться на второй этаж, — предположил Вэй Арэн. — Там только спальные комнаты и, как правило, в это время никого нет.

— Что ж, идемте, — сказала исследовательница с севера и направилась в сторону лестницы, но, сделав несколько шагов, обратилась к Дрейку и Рэйне: — А вы куда собрались?

— Мы с ними, — честно ответила Рэйна.

— О вас речи не шло, — заметила Гордислава.

— У меня договоренность с Вэем и Зелорисом, что я буду описывать все их подвиги, — объяснила Рэйна. — А Кэрэндрейк превосходно обрабатывает любые ранения и просто незаменим для Вэя и Зела.

— Допустим, — произнесла Гордислава, — лекарь и пригодится. Но музыканты мне не нужны.

— Собиратели историй и музыканты — это совершенно разные вещи! — оскорбилась Рэйна. — Да, как бард я пою песни, тем самым зарабатывая на жизнь. Но! В первую очередь, я собираю истории, предания и легенды по всему миру и описываю подвиги героев для потомков!

— Позвольте поинтересоваться, — надменно проговорила северянка, — какую же ценность для потомков представляет история о встрече лесоруба с монстром, явно не имевшая дело в реальности?

— Это плод коллективного народного творчества, результат пересказа истории из уст в уста. Родившись, легенда имеет право жить и быть поведенной другим!

— Благодаря подобным сказочницам историкам порою тяжело отыскивать реальные факты прошлого.

— Легенды зачастую могут поведать о прошлом большее, нежели сухие факты.

— Да, и послушать их, так сто лет назад, куда ни плюнь, так в дракона попадешь! — с сарказмом заметила Гордислава.

— Вы преувеличиваете.

— Я преуменьшаю.

— Вы преуменьшаете разве что ценность легенд.

— Напротив, это Вы их слишком преувеличиваете.

— Ничуть, — возразила Рэйна. — Мое отношение к сказаниям и легендам именно такое, какое они и заслуживают. А они как раз и заслуживают быть собранными и поведенными как можно большему числу людей.

— Похожие мысли сидят в голове сплетницы, услышавшей грязную сплетню.

— Вы впадаете в крайности. Сплетни не имеют ничего общего с историями и легендами. Единственное, что их объединяет, так это то, что они не могут быть переданы без помощи людей. Но не более того.

— Что Вы говорите! — усмехнулась Гордислава.

— Если Вы не можете отличить легенды от сплетен... — возмутилась Рэйна, но была перебита Зелорисом.

— Если Рэйна и Дрейк не идут с нами, — сказал он, — то и мы никуда не пойдем.

— На Вашем кошельке это никак не скажется, миледи, — решил предупредить Вэй. — Но мы действительно отказываемся куда бы то ни было отправляться без наших друзей.

— Что ж... — вздохнула Гордислава. — Похоже, что мне придется пойти на уступку. Однако это не значит, что подобное повторится впредь!

— Мы собирались подняться наверх, чтобы обсудить детали предстоящей работы, — напомнил северянке Вэй, поглядывая на кипящую от возмущения Рэйну.

Все пятеро в полном молчании поднялись на второй этаж и прошли в комнату Зелориса.

— Позвольте еще раз представиться, — после небольшой паузы, оглядев всех четверых поочередно, произнесла Гордислава. — Мое имя Гордислава Клеопатра Бурандуйская. Я старший историк исследовательской группы отдела по исследованию тайн прошлого и загадок истории отделения по изучению истории первого исторического подразделения объединения историков Четвертой Северной Башни. Несмотря на свой возраст, я являюсь уважаемым ученым и даже удостоилась звания «Заслуженный Историк» первого исторического подразделения объединения историков Четвертой Северной Башни, «Почетный Историк» объединения историков Четвертой Северной Башни и вхожу в состав Исследовательского подразделения исторического комитета коллегии признанных ученых Ассоциации Башен Севера.

— И что же столь важной персоне понадобилось от таких людей, как мы? — поинтересовался Вэй Арэн.

— В целях моих исследований мне необходимо отправиться в экспедицию, — пояснила она. — Не покидая Башни, тяжело изучать историю находящегося за ее пределами. Мой путь далек и не исключено, что опасен. По этой причине я желаю нанять людей для своей охраны.

— И это, я так понимаю, мы, — догадался лучник.

— Именно так.

— А разве в Башнях не достаточно людей для этого? — чуть слышно спросил Зелорис.

— В Башнях живут ученые, а не воины! — оскорбилась Гордислава. — Мы все время проводим в исследованиях и нам некогда тратить драгоценные минуты на бессмысленное оттачивание навыков, созданных для насилия!

— Извините, не подумал, — виновато прошептал Зелорис.

— А что именно Вы исследуете? — задал свой первый вопрос Кэрэндрейк.

— Историю, — ответила Гордислава. — Я же уже говорила.

— Это мы поняли еще из Вашего представления, — продолжил Дрейк. — Хотелось бы знать, чью историю, за какой период времени, в каком аспекте... Да хотя бы куда именно мы должны Вас сопровождать.

— Прежде чем открыть объект моих исследований, — с расстановкой произнесла северянка, — я должна убедиться, что мы сработаемся. Башни Севера — все же закрытое объединение ученых, мы не распространяемся там и сям о своих исследованиях, поскольку необразованное население остальных земель в любом случае не сможет в полной мере осознать их ценность.

— Не могли бы Вы обойтись без оскорблений? — с улыбкой, нарочито любезно попросила Рэйна.

— Это было не оскорбление, а констатация факта, — с презрением посмотрела на нее Гордислава.

— И как именно Вы будете убеждаться, сработаемся ли мы? — не дал вновь начаться спору Зелорис.

— Мы отправимся отсюда в княжество Тарос, — ответила северянка. — Путь должен

будет занять около десяти дней, но это лишь малая часть предстоящего маршрута. Однако для определения, сработаемся ли мы, этого вполне достаточно. Если по прибытии в столицу Тароса ни вы, ни я не будем возражать против дальнейшего сотрудничества, то я открою конечную цель путешествия, и мы уже официально отправимся в путь.

— Это, конечно, все хорошо, миледи, — заметил Вэй Арэн. — Но...

— О деньгах можете не волноваться, — опередила вопрос Гордислава. — Все дорожные расходы я беру на себя. Однако кормить лишние рты, — северянка быстро посмотрела на Кэрэндрейку и задержала взгляд на Рэйне, — я не намерена. Им придется доказать мне свою полезность, а до тех пор еду себе они будут оплачивать сами.

— Об этом можете не беспокоиться, — с наигранной любезностью произнес Кэрэндрейк. — Ведь возможно все сложится так, что Ваша жизнь будет зависеть как раз от «лишних ртов».

— По завершении путешествия, — проигнорировала его северянка, — вам будет выдано соответствующее вознаграждение. Оно будет значительно превышать сумму, пожалованную вам королем этой страны.

— Кленовый сироп, — прошептал Зелорис.

— Что? — не поняла Гордислава.

— Часть вознаграждения я хочу получить кленовым сиропом.

— Тебе же король Ульффрид целую телегу сиропа на днях подарил! — удивился Вэй Арэн. — Куда тебе столько?

— Его уже нет, — ответил мечник. — Закончился.

— Неужто весь?!

— У, — тяжело вздохнул «братец Зел».

— Как?

— Кленовый сироп — это вкусно.

— Что ж, — напомнила о себе Гордислава, — это можно устроить.

— Тогда, думаю, договорились, — сказал Вэй, вопросительным взглядом посмотрев на Рэйну, никакой реакции со стороны которой не последовало.

— В таком случае, — сказала северянка, — мне хотелось бы узнать, когда вы будете готовы выходить?

— А когда нужно? — спросил Зелорис.

— Если мы сможем выйти завтра, — задумалась Гордислава, — то это будет наилучший вариант. Но если у вас оплачены комнаты...

— Благодаря малышке Рэй мы живем здесь бесплатно, — улыбнулся Вэй Арэн.

— У, — подтвердил мечник.

— Тогда я предлагаю вам встретиться на рассвете возле северных ворот Монфрида. И попрошу не опаздывать, я ценю в людях пунктуальность.

— Уж об этом, — улыбнулась Рэйна, — Вам точно беспокоиться не придется.

— Хотелось бы надеяться, — бросила, уходя, Гордислава.

Когда Гордислава спускалась по лестнице, один лишь Зелорис услышал, как Рэйна очень тихо прошептала: «Эсэфарэ ле-на ту», на языке, которого он не знал*.

Как только двери постоялого двора за северянкой закрылись, четверо друзей начали готовиться к отбытию. Зелорис привел в порядок свое оружие и собрал вещи. Вэй Арэн отправился прощаться с красавицами Монфрида. Кэрэндрейк решил, что лучше всего готовиться к отбытию — это хорошо выспаться в удобной постели, а по сему, отправился

спать. Рэйна же сообщила о скором отправлении хозяину постоялого двора, Дядюшке Добрингу, который долго уговаривал ее задержаться подольше, но, в конце концов, написал рекомендательное письмо, адресованное хозяевам других постоялых дворов, сказав:

— В какой бы город ты ни прибыла, покажи это письмо на том постоялом дворе, где соберешься остановиться. Я написал здесь, что ты превосходный бард, и любой хозяин постоялого двора, ежели он, конечно, не дурак... А дураки своих постоялых дворов не держат!.. с радостью освободит тебя от платы за постой, при условии, что по вечерам ты будешь петь им песни. Я подписал это письмо и попросил, чтобы каждый хозяин постоялого двора, к которому оно попадет, также подписал его, если будет доволен твоим пением. А уж в этом-то я как раз не сомневаюсь!

— Спасибо Вам большое! — с поклоном ответила малышка Рэй. — Если я могу хоть что-нибудь для Вас сделать — только скажите.

— Ну... остаться ты не останешься, — улыбнулся Дядюшка Добринг. — Но ежели вдруг снова окажешься в наших краях, то, я надеюсь, споешь в моем трактире!

— Обещаю!

Девушка поднялась наверх, собрала свои вещи и легла спать. Проснувшись за три часа до рассвета, она проверила, все ли успела собрать перед сном, и отправилась будить своих товарищей.

Первой жертвой собирательницы историй был Кэрэндрейк.

— Дрейк, просыпайся, — склонившись над его ухом, прошептала она.

Кэрри приоткрыл один глаз, осмотрелся вокруг и пробормотал:

— Еще же глубокая ночь...

— Но мы должны сегодня выйти в путь!

— Встретиться договорились на рассвете. За час до него и разбудишь.

— Не хватало, чтобы мы из-за тебя опоздали! — воскликнула Рэйна.

— Хорошо, встаю, — проворчал Дрейк, решив, что с рассерженной девушкой лучше не спорить.

До того как Рэйна встретила с Гордиславой, Кэрэндрейк вообще не представлял, что собирательницу историй можно вывести из себя. Более того, сама Рэйна не представляла, что в мире найдется хотя бы один человек, способный ее так разозлить.

Девушка вошла в комнату Зелориса и, дотронувшись до его плеча, прошептала:

— Зелорис, просыпайся, нам скоро отправляться.

Зелорис тут же открыл оба глаза, затем сел и, с готовностью сказав «У», поднялся с кровати. Его пробуждение произошло без проблем и заняло наименьший промежуток времени.

Последний был Вэй Арэн.

— Пора вставать! — сказала Рэйна, заходя в его комнату.

— Пяти минут не прошло с тех пор, как я лег, — ответил даже не успевший заснуть лучник.

— Надо было раньше ложиться, — невозмутимо ответила малышка Рэй.

— Лег, как смог. Я должен был попрощаться с красавицами Монфрида. Невежливо уезжать, не попрощавшись.

— Но если ты проспишь встречу с красавицами других городов, — Рэйна знала, как повлиять на Вэя, — это будет невежливо по отношению к ним! К тому же у тебя даже вещи не собраны.

— Да встаю я, встаю... — тяжело вздохнул лучник.

Позавтракав едой, которую заботливый Дядюшка приготовил для них еще с вечера, друзья погрузили свой немногочисленный багаж на подаренную Зелорису королем Ульффридом повозку, в которую впрягли еще сонную лошадь. Роль извозчика на сей раз досталась Дрейку, особенно после того, как обнаружилось, что спал он дольше всех. Не сомкнувший глаз этой ночью Вэй Арэн решил наверстать упущенное, устраиваясь поудобнее среди мешочков с вещами, а Рэйна и Зелорис шли по обе стороны повозки.

— И прибыли мы раньше, чем договаривались... — пробубнил Дрейк, когда друзья добрались до северных ворот столицы Монтильфонда, а до назначенного времени оставалось еще больше часа.

— Уж лучше мы подождем ее, чем она нас, — заметила Рэйна, а Вэй тихо пискнул во сне.

— У, — поддержал Зелорис. — К тому же, похоже, ждать нам недолго.

И правда, медленно и плавно с дальнего конца длинной улицы к четверым товарищам приближался женский силуэт. По гордой и несколько надменной походке можно было легко угадать, что силуэт принадлежал Гордиславе. Рэйна торжествовала: если бы она послушалась уговоров Дрейка и Вэя, то ждать бы пришлось их, но так как она настояла на своем, ждали они. Заметив, что ждут ее, гордая Гордислава раздосадовано поджала губу, но спустя секунду вернула своему лицу прежнее ледяное выражение. Эта маленькая «война» завершилась победой собирательницы историй.

*Перевод этой фразы читатель (если, конечно, не забросит читать) сможет узнать в 62-й главе. К сожалению, раньше нельзя (ибо жуткий спойлер).

Из следующей главы вы узнаете о том, как прошло путешествие из Монфрида в Аркану, и о том, как пригодилось письмо хозяина постоянного двора.

===== Часть 2. “Северянка”. Глава 12 =====

О том, как прошло путешествие из Монфрида в Аркану, и о том, как пригодилось письмо хозяина постоянного двора

От Монфрида, столицы королевства Монтильфонд, до Арканы, столицы княжества Тарос, можно было добраться двумя способами: за три дня на хорошем скакуне или же за десять дней пешей прогулкой. Так как, во-первых, за эти десять дней друзьям предстояло узнать, сработаются ли они с Гордиславой, а во-вторых, хорошие лошади требовали больших денежных затрат, вопрос, какой вариант выбрать, не обсуждался.

Лошадь, подаренная Зелорису королем, была терпелива и послушна, однако несколько нерасторопна, потому как предпочитала медленный шаг быстрому бегу. После того как Вэй убедил мечника, что «Лошадь» — это не совсем подходящее имя для лошади, а Кэрэндрейк объяснил, что «Лошадь» — это вообще не имя, Зелорис переименовал Лошадь в Капу, что означало «Копуша». Капа не требовала к себе особого отношения, была неприхотлива и достаточно вынослива. Она могла везти повозку, в которой сидело два человека: один управляющий и один отдыхающий. «Должность» же отдыхающего бессменно занимала Гордислава, не приспособленная к длинным пешим прогулкам.

За десять дней пути компании предстояло лишь трижды ночевать под открытым небом: дважды в Монтильфонде и один раз уже в Таросе.

Первый день путешествия прошел без каких-либо происшествий. Встретившись у северных ворот Монфрида за час до назначенного времени, все пятеро отправились в путь.

Вэя решили не будить до полудня, несмотря на то, что Гордислава не стеснялась выражать негативное отношение к тому, что один из ее охранников «изволит сны лицезреть».

Обойдя стороной лес, где происходила «Охота», путники устроили привал. Благодаря заботливому Дядюшке Добрингу они были обеспечены едой на два или три дня вперед. В то время как пятеро товарищей смаковали свой обед, лошадь по имени Капа неторопливо щипала поодаль молодую зеленую травку.

Вторую половину дня уставшая от долгой ходьбы Гордислава провела в повозке, погруженная в свои мысли. Она старалась не встречаться глазами с Рэйной, которая, в свою очередь, также не смотрела на северянку. Управлял повозкой Зелорис, а Рэйна, Кэрэндрейк и Вэй Арэн следовали рядом с ней. Мужчины предлагали Рэйне самой сесть за управление лошадью, но собирательница историй отказалась, сославшись на то, что пешая прогулка для нее ничуть не утомительна. Вэй большую часть пути чуть слышно стонал, поскольку после сна на повозке у него болело все тело. Дрейк на это отвечал ехидными замечаниями, таким образом переключая внимание лучника с самочувствия на шуточные препирания.

К вечеру компания прибыла в небольшой городок, на единственном постоялом дворе которого было решено остановиться на ночлег.

— Как я уже говорила, — напомнила Гордислава, — Зелорис, Вэй Арэн, ваше проживание беру на себя я.

— Мне навручали довольно большую сумму семьи пациентов в Монфриде, — шепнул на ухо Рэйне Кэрэндрейк, — так что для меня не составит труда оплачивать наше проживание.

— Мне вручили это письмо, — ответила ему девушка, показывая письмо Дядюшки Добринга, адресованное хозяевам всех постоялых дворов, — так что нам не придется платить за проживание.

— Как это? — удивился Дрейк.

— Увидишь, если, конечно, все получится.

После того как Гордислава сняла на ночь три комнаты и присела за один из свободных столов отужинать, к хозяину постоялого двора подошла Рэйна.

— Я бы хотела, чтобы Вы прочли это письмо, — попросила она, протянув письмо Дядюшки Добринга.

Хозяин постоялого двора прочитал послание дважды, после чего произнес:

— Что ж, если Ваши песни действительно так хороши, как их описывает мой коллега, то я предоставляю Вам и Вашему спутнику бесплатное проживание. Но, как говорится, делу время...

— Благодарю, — улыбнулась Рэйна, взяла в руки лютню, до этого времени висевшую у нее за спиной, и начала исполнять свои песни.

Послушать путешественницу спустились другие постояльцы, а также пришли и жители окрестных домов. А так как, ничего не заказав, в тавернах не сидят, каждый из них купил у хозяина что-нибудь выпить или поесть.

— Давно же у меня не было такой выручки! — воскликнул владелец постоялого двора, приписывая в рекомендательном письме после подписи Дядюшки Добринга свое имя: «Хозяин постоялого двора в городке Понпятск, Барсулон Бирдинг».

Таким образом Рэйна и Дрейк были освобождены от платы за ночлег.

Встав на рассвете и хорошенько позавтракав, компания продолжила путь. До обеда Капой управлял Вэй Арэн, после обеда — Кэрэндрейк. Гордислава отказывалась спускаться

с повозки, Рэйна же, как и вчера, отказывалась в нее залезать.

Смеркалось. Это была первая из трех ночей, которые им предстояло провести под открытым небом.

Зелорис и Кэрэндрейк занялись разведением костра, а Рэйна и Вэй взяли на себя заботу по приготовлению пищи. Распряженная Капа неторопливо поедала траву, а северянка с повозки наблюдала за происходящим.

— Огонь готов, — прошептал мечник.

— Как раз вовремя! — воскликнула Рэйна. — Мы с Вэем только подумали поторапливать вас.

— Малышка Рэй, — перебил Вэй Арэн. — Сколько сыпать крупы?

— Еще чуть добавь, — учила товарища варить кашу Рэйна.

— А соли?

— Я сама посолою.

— Хорошо, — лучник был настолько увлечен необычным для него делом, что даже позабыл на время готовки свою привычку много говорить.

— Вот смотрю я на всё это и думаю, — вздохнул Кэрэндрейк, — еще чуть-чуть, и наш ловелас всех красавиц мира решит променять на кухонную утварь.

— У, — согласился Зелорис.

— Гляди-ка, он даже не заметил того, что я сказал! — удивился Дрейк.

— Жалко красавиц, — прошептал мечник.

— Жалко тех, кто будет есть его стряпню, — проворчала Рэйна, отправляясь выговаривать Вэя, так как лучник вместо того, чтобы помешивать кашу, рассматривал ее.

— Это же мы будем сейчас ее есть! — воскликнул Кэрри.

— У, — вздохнул Зел.

Каша, сваренная Вэем, оказалась на редкость невкусной, но всё же съедобной.

— В следующий раз готовить я буду одна, — вздохнула собирательница историй. — Зря я согласилась на то, чтобы ты попробовал приготовить кашу сам.

— Первый блин всегда комом, — заметил Вэй Арэн. — Я буду стараться и когда-нибудь смогу приготовить достойное блюдо! Обещаю слушаться тебя беспрекословно. В отношении кулинарии, разумеется.

— Старайся, пробуй, тренируйся, — сказал Кэрэндрейк, — но только не на наших желудках.

— У, — поддержал его Зелорис.

— Благодарю за еду, — ледяным тоном произнесла Гордислава, откладывая в сторону тарелку с недоеденной кашей. До этого за весь вечер она не произнесла ни слова.

Вэй, дабы загладить свою вину за то, что испортил ужин, вызвался вымыть посуду в ближайшем ручье. Когда он вернулся, настало время укладываться спать.

— Вы собираетесь спать вот так, без всего, на холодной земле? — изумилась северянка.

— У, — подтвердил мечник.

— Земля сейчас не такая холодная, — заметила Рэйна, — лично я собираюсь постелить на землю свой походный плащ и укрыться им.

— Я буду спать как есть, — ответил лучник. — Разве что сумку под голову положу.

— Я даже сумки класть не собираюсь, — признался Дрейк.

— И что, даже без спальных мешков? — удивилась Гордислава.

— Спальные мешки слишком много весят, чтобы постоянно носить их с собой, —

пояснила собирательница историй, — а для ведущих наш образ жизни легкий походный мешок ценнее спального.

— Лошадь появилась недавно, — добавил Зелорис. — Раньше все вещи носили на себе.

— Если по прибытии в Аркану мы решим, что сработаемся, я куплю спальный мешок каждому из вас, — сказала Гордислава, укутываясь в свой спальный мешок, который расстелила прямо на повозке.

Утро третьего дня пути встретило путников проливным дождем, который не прекращался до обеда. Северянке пришлось потесниться, так как Рэйну всё же заставили залезть в повозку. Таким образом, Капе пришлось везти сразу троих: управляющего ею Зелориса, а также Рэйну и Гордиславу — укрывавшихся от дождя походным плащом собирательницы историй. Кэрэндрейк и Вэй Арэн, шедшие рядом с повозкой, прятались от дождя под походным плащом Вэя.

В полдень дождь закончился, и ласковое солнце быстро обогрело промокших насквозь путешественников и лошадь Капу, которую от дождя не укрывали ничем, а еще через некоторое время они прибыли в Тильград, в один из крупных городов Монтильфонда.

Так же, как и в Понпятске, Гордислава оплатила комнаты себе, Вэю и Зелорису, а Рэйна, показав рекомендательное письмо хозяину постоялого двора и исполнив там несколько песен, добилась того, что ей и Дрейку снова не пришлось платить за ночлег, к тому же в самом письме появилась еще одна подпись.

То же самое произошло и на четвертый день, когда они остановились в городке Фондитр.

Во время обеденного привала пятого дня Вэй Арэн по просьбе собирательницы историй подстрелил из лука несколько кроликов, которых она в походных условиях собиралась приготовить на ужин. Это был второй раз в их десятидневном походе, когда им предстояло ночевать под открытым небом.

Вэй всё же смог уговорить Рэйну позволить ему хотя бы понаблюдать за тем, как она готовит, поэтому разведением костра вновь занялись только Дрейк и Зелорис.

Вскоре кролики были готовы, и начался момент дегустации. Пробовавшие, а в особенности Гордислава, вспоминая вкус каши Вэя, мысленно готовили себя к худшему, но...

— Это один из лучших кроликов, которых я когда-либо ела, — честно призналась северянка.

— У, — подтвердил Зелорис.

— Вкусно, — улыбнулся Кэрэндрейк. — Хорошо, что сегодня Вэя не подпускали к готовке.

— Вообще-то я их подстрелил, — заметил лучник.

— Кто бы их ни подстрелил, до тех пор, пока они не приготовлены, все кролики имеют одинаковый вкус, — произнес мечник.

— С этим я готова поспорить! — вступилась за Вэя Рэйна. — Можно так подстрелить кролика, что его и есть невозможно будет.

— Как? — поинтересовался Дрейк.

— Не знаю.

На следующий день после полудня компания пересекла границу королевства Монтильфонд и княжества Тарос, проходившую вдоль русла небольшой речки. Лошадь Капа безо всякой команды остановилась посередине моста, оглянулась назад, как бы прощаясь с

родными землями, и всё так же неторопливо продолжила путь.

Ночевали на одиноко стоящем посреди поля постоялом дворе, хозяин которого тоже, как и его предшественники, сделал отметку в благодарственном письме, освободив Рэйну и Дрейку от платы за постой, несмотря на то, что пением путницы некого было привлекать.

Ничего необычного не принес ни седьмой день, увеличивший число подписавшихся хозяев постоялых дворов еще на одного, ни восьмой. Ночь с восьмого на девятый день была первой ночью под открытым небом, проведенной компанией в княжестве Тарос, а также последней такой ночью в этом десятидневном походе.

Вечером девятого дня путешественники прибыли в небольшой город Джокенск. Хозяин единственного постоялого двора в этом городе был очень скупым и своенравным человеком и отказался читать письмо, принесенное Рэйной, даже не взглянув на него.

— Или плати за постой, или выметайся, — резко проговорил он.

Рэйна и Дрейк уже собрались было доставать деньги, как вдруг...

— Я заплачу за вас, — произнесла Гордислава, высыпая перед хозяином постоялого двора горстку медяков.

На рассвете все пятеро отправились в путь и уже после полудня оказались в конечном пункте десятидневного путешествия — столице княжества Тарос, городе Аркане.

Из следующей главы вы узнаете о том, как Северянка поведала цель своих исследований, и о том, что из себя представляла Империя Трех Лун.

===== Часть 2. “Северянка”. Глава 13 =====

О том, как Северянка поведала цель своих исследований, и о том, что из себя представляла Империя Трех Лун

Аркана, столица Тароса, поистине считалась одним из красивейших городов Западных Королевств. Все дороги на улицах города были вымощены черными и белыми камнями в шахматном порядке. Каменные дома Арканы представляли собой достижения западной архитектуры. Повсюду росли прекрасные цветы, завезенные несколько десятилетий назад из Трилунской Империи.

— На сей раз мы остановимся в гостинице, а не на постоялом дворе, — предупредила Гордислава.

— У? — поинтересовался Зелорис.

— Я все объясню, когда мы окажемся там. И еще, Рэйна, я бы попросила Вас не показывать то письмо здесь, в Аркане, дабы не привлекать к себе внимания, а также, хотя бы на первое время, воздержитесь от исполнения песен. Разумеется, Ваше и Кэрэндрейка проживание я оплачу.

Рэйна, вспомнив хозяина постоялого двора в Джокенске, возражать не стала.

Гордислава сняла весь третий этаж в одной из лучших гостиниц города — «Королевская роскошь». На этаже располагались пять просторных спален и большая роскошная гостиная комната, в центре которой стоял длинный массивный дубовый стол с двумя скамьями. К стенам были прикреплены держатели для факелов, а из окна открывался вид на княжеский дворец.

Друзья расположились в гостиной: Зелорис сидел за столом, Вэй Арэн и Кэрэндрейк стояли возле стены, а Рэйна из окна рассматривала окрестности. Гордислава прошлась по гостиной взад-вперед, собираясь с мыслями, встала так, чтобы видеть всех четверых, и произнесла:

— За эти десять дней, отведённых для решения важного вопроса — сработаемся мы с

вами или нет — я приняла решение. Я готова нанять вас. Всех четверых. Если вы согласны, то я сразу же перейду к объяснению цели моих исследований. Если же нет — заплачу вам за прошедшие десять дней, и мы простимся. Однако, если вы решитесь взяться за предложенную мной работу, напоминаю: нам придется находиться бок о бок друг с другом довольно долгий период времени.

— Мы согласны работать с Вами, миледи, — ответил Вэй Арэн. — Мы обсудили это еще несколько дней назад и пришли к такому выводу.

— У, — подтвердил Зелорис.

— Похоже, путешествуя с Вами, я смогу собрать много удивительных историй, — вздохнула Рэйна.

— Если кого-нибудь ранят, — пробубнил Дрейк, — я обо всем позабочусь.

— Ох, Кэрри, — улыбнулся Вэй, — боюсь, что мы с братцем Зелом оставим тебя без работы.

— У, — поддержал мечник, что означало: «Я не позволю ранить никого из нас».

— В таком случае, — ледяное выражение лица Гордиславы немного потеплело, — настало время мне поведать вам об объекте своих исследований.

— Мы были бы признательны, миледи, — произнес лучник.

— Я изучаю историю величайшего государства из когда-либо существовавших — Трилунской Империи, таинственная гибель которого является самой большой загадкой на протяжении уже десяти лет.

— Я ожидал чего-то подобного, — признался Кэрэндрейк.

— А вот я — никак нет, — произнес Вэй. — Но, миледи, Вам известны слухи о том будто к уничтожению Трилуна привели исследования, проводимые в одной из Северных Башен?

— Подобные слухи до меня доходили, — вздохнула северянка, — но могу смело заверить, что ученые Северных Башен здесь ни при чем. Гибель Трилунской Империи и для нас была неожиданной и шокирующей. Это событие затронуло весь мир. На Востоке, у нас на Севере и в некоторых государствах Запада перешли на новую систему летоисчисления, в начало которой положен конец Трилуна. Вскоре весь мир будет жить по этому календарю. Я хочу, всем сердцем желаю разгадать тайну гибели столь великой державы. Как так вышло, что такая сильная империя превратилась в руины всего за одну ночь? Этот вопрос не дает мне покоя уже десять лет, с того самого дня, как в Северных Башнях стало известно о гибели Трилуна.

— Я бы тоже хотел это узнать, — прошептал Зелорис.

— Похоже, нас ждет незабываемое путешествие, — заметил Вэй Арэн. — А ты что думаешь, малышка Рэй?

— Империи, из Трех Лун более всего почитавшей погибшую, суждено было погибнуть самой, — чуть слышно произнесла Рэйна.

— Занятная теория, — заметила Гордислава, — однако такие понятия как «судьба» или «злой рок» чужды ученым. Я хочу узнать истинную причину. Может оказаться, что за уничтожением Трилунской Империи кто-то стоит. Этот кто-то, вероятнее всего, решит помешать нам, если узнает о наших планах. Именно по этой причине я не рассказывала о цели моих исследований до этого момента. Я прошу Вас помочь мне, невзирая на предстоящие трудности и опасности, выяснить, что же смогло стереть столь огромное государство с лица земли за одну ночь.

— Если Вы правы, и за этим кто-то стоит, — воскликнула собирательница историй, — то я хочу своими глазами увидеть и описать подвиг героя, сразившего этого злодея!

— Однажды мне довелось побывать в Трилунской Империи, — признался Кэрэндрейк. — Это было за год до её уничтожения. Тогда мне было всего девять лет. Я находился в империи около недели, но был очарован красотами Трилуна. Впечатления о тех днях до сих пор являются одними из самых ярких впечатлений в моей жизни. Я не могу представить, что было способно уничтожить Трилунскую Империю, но узнать это я бы хотел.

— Мы сделаем все, что в наших силах, миледи, — улыбнулся Вэй Арэн, — и кем бы ни были наши враги, мы не позволим им творить зло.

— У, — поддержал Зелорис.

Трилунская Империя, она же Трилун, она же Тэра Ли Натра на языке населявшего её народа. Великое государство Востока, занимавшее территорию в четыре раза превышающую площадь всех государств Запада. Империя опережала весь остальной мир в своем развитии. Наука, культура, искусства, ремесло — все здесь процветало. Несмотря на то, что Империя проводила мирную политику и за последнюю тысячу лет не участвовала ни в войнах, ни в вооруженных конфликтах, военное дело в Трилуне также было на высоте. Посмотреть на ежегодно проводившийся парад Имперских Войск стекались со всех частей света. Но еще больший интерес вызывали празднества, посвященные Лунам.

Согласно Трилунской легенде, планету в глубокой древности окружали Три Луны. Однако, одна из Лун давным-давно была таинственным образом уничтожена, а две оставшиеся располагаются на небосклоне так, что их невозможно увидеть одновременно.

В столице Трилунской Империи, великолепном городе Шэсчин-Натра, что означает «Вечно живущая Луна», был расположен Храм Трех Лун — Ли Натра Альфартэ. Этот храм являлся одним из чудес света, а также королевским дворцом Трилунской Империи.

Существует еще одна древняя легенда, согласно которой во времена, когда была еще жива Погибшая Луна, а на месте Трилунской Империи было лишь несколько храмов, пять сестер-жриц: Фламара, Аэра, Терра, Аквария и Электра — совершали поклонение Небесным Святилам. Привлеченная ритуальными танцами, явилась к ним Ли Натра Фиали — Дух Трех Лун. Ли Натра Фиали сорвала с неба Священную Звезду, Алирэнорэй Искарэ, и протянула её в дар сестрам. Первой Звезду приняла неукротимая, как огонь, Фламара. Она передала её вездесущей, как воздух, Аэре. Аэра передала Звезду твердой и мягкой, словно земля, Терре, которая вручила её изменчивой, как водный поток, Акварии. Аквария отдала Священную Звезду быстрой и восторженной Электре, которая вернула её Фламаре. «В том порядке, в котором вы передавали Алирэнорэй Искарэ друг другу, вы и будете хранить её до скончания веков, — произнесла Ли Натра Фиали, — а хранящую будут звать Алирэй Нактур». Тогда и зародилась Трилунская Династия. По традиции, Императорская Династия наследовалась по женской линии. От матери к дочери передавался Имперский трон и титул Верховной Жрицы Храма Трех Лун, а вместе с ними и имя — Алирэй Нактур: от Фламары к Аэре, от Аэры к Терре, от Тэрры к Акварии, от Акварии к Электре, а от Электры к Фламаре.

За всю историю Империи лишь единожды нарушалась эта традиция. У Алирэй Нактур Электры Фламары, правившей за шесть сотен лет до уничтожения Трилуна, было трое детей: девочки Фламара Аэра и Фламара Аэрия, и сын Фламарис Аэро. Дочери умерли ещё в детском возрасте, раньше матери, поэтому, когда Алирэй Нактур Электра Фламара умерла, Советом из Двадцати Священных Семейств Трилунской Империи было решено отступить

от традиции и отдать трон сыну погибшей Алирэй Нактур, которого с того момента стали звать Алирэй Нэстур Фламарис Аэро.

Двадцать Священных Семейств, о которых упоминалось ранее, являлись самыми уважаемыми династиями Трилуна. Из них выбирались мужья и жены для детей Алирэй Нактур. Члены этих семейств занимали важные политические или жреческие посты, причем представители жреческих семей не могли занимать посты в правительстве, а членам светских фамилий было запрещено замещать духовные должности. В отличие от Императорской Династии, наследование в Двадцати Священных Семействах происходило по мужской линии. Браки же заключались только с другими членами Двадцати Священных Семейств.

Несмотря на то, что они называются «Двадцать Священных Семейств», на самом деле в момент гибели Империи их было девятнадцать, а первоначально — восемнадцать. Более семисот лет назад от правящей династии отделились две ветви, давшие начало светской династии Ксиалинер и духовной Линерус. Почти четыреста лет назад оборвалась древнейшая жреческая династия из Двадцати Священных Семейств — Альфанте.

Еще один храм, не уступающий своей значимостью Храму Трех Лун, расположен на самом большом из островов Северо-Восточного Архипелага и посвящен Погибшей Луне. Храм Погибшей Луны — Щантэрарис Натра Альфартэ — был изолирован от внешнего мира на протяжении тысячелетий. Северные Башни, если сравнивать с этим храмом, можно смело назвать «проходным двором». Жрицы и жрецы рождались и умирали там, никогда не покидая его пределов. В Храм Погибшей Луны не позволялось входить никому, кроме Алирэй Нактур, но и она могла это делать лишь в случае крайней необходимости. Однако, таких случаев в истории не известно. Неизвестно также, уцелел ли этот храм после гибели Трилунской Империи или же был разрушен вместе с ней. Возможно, жрецам Храма Погибшей Луны, наиболее почитаемой среди Трилунцев, до сих пор неведомо о том, какая судьба постигла их Империю.

Десять лет назад за одну ночь Трилунская Империя таинственным образом обратилась в руины. Уцелело лишь несколько городов, в которых сейчас проживают немногочисленные выжившие трилунцы. Каждый из этих городов сейчас является небольшим самоуправляемым городом-государством. Одни города управляются при помощи демократии, форма правления других городов — олигархия. Где-то найдется город, который управляется представителем одного из Священных Семейств. Но, в любом случае, о возрождении Трилунской Империи речи уже быть не может.

Как уже и говорила Гордислава, гибель Трилунской Империи тем или иным образом затронула весь мир. Многие уже перешли на новую систему летоисчисления, началом которой является момент уничтожения могучей державы. Вскоре этим календарем будут пользоваться во всех государствах. Он будет являться напоминанием будущим поколениям, что не всё вечно в этом мире.

Ну, а пока вернемся к основной истории.

Из следующей главы вы узнаете о том, как сближает любовь к цветам и что лучше не злить власть имущих, в том числе тем, кто власть имеет.

===== Часть 2. “Северянка”. Глава 14 =====

О том, как сближает любовь к цветам и что лучше не злить власть имущих, в том числе тем, кто власть имеет

В Аркане друзьям предстояло пробыть неделю и за это время подготовиться к

предстоящему путешествию. Так как у них была Капа и повозка, Гордислава смогла убедить товарищей отказаться от принципа «легкого походного мешка» в пользу другого «имеется все, что только может пригодиться». Как и обещала, первым делом она купила для всех спальные мешки, после чего вместе с Рэйной отправилась покупать бумагу и чернила. Не сказать, что собирательница историй и исследовательница с Севера подружились, но они стали заметно терпимее относиться друг к другу. Нашелся у них и общий интерес — завезенные когда-то из Трилунской Империи в Аркану цветы.

— Говорю же, — прошептала, склонившись над цветком, Гордислава, — это пустынный лилоцвет.

— Не спорю, это лилоцвет, но не пустынный, — возразила Рэйна. — Я полагаю, это горный или степной лилоцвет. У пустынного более тонкие листья и мелкие лепестки.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— А этот цветок знаете? — Гордислава показала на росший рядом с лилоцветом красный цветок с множеством мелких лепестков.

— По-моему, тысячекапельник, — задумалась собирательница историй. — Но точно не уверена. Видите, его лепестки похожи на маленькие капельки и их очень много? Но возможно, что это махровый обманщик. Он, кстати, ядовит и очень похож на тысячекапельник. Я всегда их путала.

— У Вас, как я погляжу, достаточно большие знания о цветоводстве, — северянка даже прониклась к сказочнице некоторой долей уважения.

— Мой дядя был увлеченным садоводом, — ответила Рэйна. — От него я и узнала о самых разнообразных цветах. В его саду даже рос снежный плакальщик. Хотя для Вас, жителей Севера, снежный плакальщик является самым обычным цветком.

— Да, он неприхотливо растет на заснеженных склонах, но я впервые слышу о том, чтобы кому-то удалось вырастить этот цветок здесь. Ваш дядя самый настоящий гений!

— Вот Вы говорите так, а мой отец считал его чудачком, — вздохнула девушка. — Но мне очень нравилось играть с ним в его саду.

— Гениев часто считают чудачками, — заметила Гордислава, нюхая один из цветков. — Вот у нас, например, в Третьей Северной Башне живет профессор Ин Струмент. Как-то раз, Вы не поверите, на научное собрание он принес чертежи летательного аппарата! Представляете, чертежи устройства, которое позволило бы людям летать, как птицы!

— Невероятно...

— То же самое сказали и другие ученые. Не может такого быть, дескать. Профессор Струмент был обсмеян, но через год, на удивление всех обсмеявших его профессоров, трижды облетел на своем аппарате вокруг Третьей Северной Башни. Но и это еще не все. Когда к нему сбежались ученые, видевшие его полет, чтобы выразить свое восхищение изобретением, оказалось, что профессор Струмент свой аппарат уничтожил, а чертежи сжег со словами «Не может такого быть, чтоб человек мог летать, как птица»!

— До чего же только не додумаются люди, — вздохнула Рэйна.

— Жаль только, что профессор уничтожил летательный аппарат и чертежи. Он не такой человек, который расскажет кому-нибудь секрет своего изобретения, а значит, пока нечто подобное не изобретут вновь, ни один человек не сможет подняться в небо.

— Но, может быть, это к лучшему? Все же люди изначально созданы, чтобы ходить по земле.

— Так-то оно так... Просто, кто знает, сколько еще лет, а может даже столетий уйдет на то, чтобы кто-нибудь ещё додумался до создания нового устройства для полетов. А если когда-нибудь его все же изобретут вновь, то тот человек будет считаться создателем первого летательного аппарата, а не профессор Ин Струмент, не оставивший даже чертежей.

— Для этого и существуют легенды, — произнесла собирательница историй. — С Вашего разрешения я могу написать песнь об ученом, взлетевшем в небо, и распространить ее как можно дальше. Если повезет, то эта песнь дойдет до тех времён, когда устройство для полетов изобретут вновь.

— Кажется, я начинаю понимать, что Вы имели в виду, говоря о ценности устных преданий, — призналась Гордислава. — Но нет, раз уж профессор пожелал уничтожить все, что было связано с его изобретением, то так тому и быть.

— Помнится, мы отправились за письменными принадлежностями, — улыбнулась Рэйна, — но были так очарованы цветением этих растений, что совсем позабыли об этом.

— И правда, — заметила северянка. — Что ж, пойдемте.

Но Рэйне и Гордиславе не удалось продолжить свой путь. Отходя от цветочной клумбы, северянка случайно задела плечом проходившего мимо человека.

— А ну извинись! — приказал высокий худощавый мужчина с жидкой бороденкой.

Гордислава, которая сначала собиралась принести извинения за свою невнимательность, тут же отказалась от подобной мысли, так как подобного обращения к себе потерпеть не могла. Она решила сделать вид, что ничего не произошло и идти дальше.

— Стоять, кому говорю! — мужчина схватил Гордиславу за руку. — Живо извиняйся!

— Да что Вы себе позволяете?! — возмутилась исследовательница.

— Извинись передо мной!

— Отпустите меня!

— Извинись!

— Отпустите!

— Сударь, на мой взгляд, извиняться сейчас должны Вы, — вступилась за северянку Рэйна. — Моя знакомая лишь слегка задела Вас, причем случайно. А Вы же сейчас, явн осознавая свои действия, изо всех сил сжимаете её руку, причиняя тем самым женщине боль. У Вас недостойное поведение.

— А ты кто такая?! — спросил мужчина, еще крепче сжимая руку северянки. — С ней, что ли?

— Да, я с ней. Но этот факт не влияет на то, что Ваше поведение является недостойным.

— Ты меня оскорблять вздумала?! — взревел он, выпустив, наконец, руку Гордиславы. Та принялась растирать покрасневшее запястье.

— Что Вы, сударь, кто я такая, чтобы оскорблять Вас? — невозмутимо продолжила собирательница историй. — У меня и в мыслях подобного не было. Однако, я осмелюсь посоветовать Вам принести свои извинения этой женщине за акт насилия, который вы совершили минуту назад.

Тем временем, в нескольких кварталах от них на бесплатной дегустации продукции, проводимой пекарней «Сдобная», в честь юбилея главного пекаря и по совместительству хозяина этой пекарни, Кэрэндрейк и Зелорис изучали тонкости вкуса различных сортов хлеба, точнее набивали свои животы.

— Этот вроде неплох, — заметил Дрейк, проглатывая кусочек хлеба.

— У, — подтвердил Зелорис.

— Во всяком случае, лучше, чем предыдущий.

— У.

— А что ты думаешь насчет этого?

— Вкусно.

— Действительно.

— А как ты узнал, что здесь будет бесплатная дегустация? — поинтересовался мечник.

— В отличие от тебя и Вэя, я не могу зарабатывать деньги, совершая подвиги и разбираясь с разбойниками, — сказал Кэрэндрейк. — До встречи с вами моя жизнь проходила по принципу «ем, что придется, и сплю, где придется». Поэтому у меня выработался талант нахождения того, что можно съесть если уж не за бесплатно, то хотя бы заплатив по минимуму.

— Вот эта вкусная.

— Эта вкуснее.

— Надо было Вэя с собой взять, — прошептал Зел.

— Он очаровывает красоток Арканы, так что ему не до нас, — ответил Кэрри. — Посмотри на это с другой стороны: так у нас меньше конкурентов.

— У!

Вдоволь наевшись, друзья присели отдохнуть. Внезапно их окликнул подошедший сзади молодой человек.

— Надо же, кого я вижу! — радостно произнес он. — Герой «Охоты» Монтильфонда Зелорис и лекарь, залечивший раны тридцати семи человек, Кэрэндрейк!

— Вы? — Зелорис мог поклясться, что впервые видел подошедшего к ним человека.

— Вы, если я не ошибаюсь, Дин из третьей группы, — вспомнил Кэрэндрейк. — Один из немногих, кому посчастливилось не попасть в мои пациенты. В прошлый раз на Вас были крестьянские одежды, а сейчас богатый наряд. Я с трудом Вас узнал.

— Я был в тех краях инкогнито, — улыбнулся Дин. — Позвольте представиться еще раз. Динрок Рунский, младший сын князя Тароса.

Все трое обменялись поклонами.

— Признаться честно, я удивлен, — произнес Дрейк. — Никогда бы не подумал, что наследник княжества Тарос принял участие в «Охоте».

— У, — согласился с ним Зелорис.

— Помимо меня наследниками моего отца являются семь моих старших братьев, — произнес Дин. — Так что я отдан сам себе.

Неожиданно их разговор был прерван появлением встревоженной Гордиславы. Издали заметив Зелориса и Кэрэндрейка, она бросилась бежать к ним.

— Что-то случилось? — поинтересовался Дрейк.

— Рэйна... — тяжело дыша, ответила непривыкшая к бегу северянка.

— Что с ней?!

— Арестовали...

— Как? — спросил Кэрри.

— За что? — задал свой вопрос Зелорис.

— Я столкнулась с одним мужчиной, — переведя дыхание, начала свой рассказ Гордислава.

Как оказалось, тем мужчиной был Врен Лецимур, один из чиновников Тароса, ведавший записями о смерти. Как чиновнику, ему было присуще преувеличенное чувство собственного

величия и достоинства, своего рода профессиональная болезнь, у чиновников проявлявшаяся зачастую сильнее, чем у правителей. Ему не понравилось отношение к себе со стороны Рэйны, поэтому он приказал арестовать девушку за «воспрепятствование власти», чего в ее действиях уж точно не наблюдалось.

— Если все действительно так, как Вы говорите, — произнес, выслушав Гордиславу, Динрок, — тогда я не могу этого так оставить!

Процессия, ведомая восьмым сыном правителя Тароса, отправилась спасать юную собирательницу историй от произвола чиновника.

— Ваша Светлость, что привело Вас сюда? — удивился Лецимур, когда младший сын князя переступил порог его дома.

Дин попросил Зелориса, Дрейка и Гордиславу подождать на улице, сославшись на то, что так ему будет удобнее освобождать сказочницу и воздавать чиновнику по заслугам.

— Я слышал, что Вы приказали арестовать некую девушку за воспрепятствование власти, — ответил Дин. — Хотелось бы на нее взглянуть.

— О, пройдемте, — Врен решил, что раз сам сын князя заинтересовался этим делом, то у него есть шанс продвинуться по службе. — Благо, тюрьма находится неподалеку отсюда!

Спустя несколько минут Динрок Рунский уже шел в сторону тюрьмы, Врен Лецимур поспешно семенил следом, а Кэрэндрейк, Зелорис и Гордислава незаметно следовали за ними поодаль.

— Доброго дня, Ваша Светлость, — раскланивался перед молодым князем начальник тюрьмы. — Могу ли я Вам чем-нибудь угодить?

— Его Светлость желает взглянуть на преступницу, которую я сегодня привел, — поспешил ответить за Дина Врен.

— Сейчас все будет устроено! — хлопнул в ладоши начальник тюрьмы и проводил гостей в одну из камер, ту самую, где взаперти сидела малышка Рэй.

— Не верю глазам своим! — воскликнул Дин, увидев собирательницу историй. — Моя Муза, ты ли это?! — Дин бросился обнимать Рэйну и, незаметно шепнув ей на ухо «Подыграй», продолжил:

— Но как? Как такое могло случиться, что тебя приняли за преступницу?

— Я всего лишь вступилась на улице за честь дамы, — ни слова не соврав, ответила Рэйна, узнавшая в Дине одного из участников «Охоты». — Я же не знала, что в этом городе нельзя предупреждать чиновников, что их поведение недостойно, когда они прилюдно причиняют боль бедной женщине. Боюсь, прелесть Арканы теперь утеряна для меня, и мы больше не свидимся.

— Кто?! Кто тот негодяй, что посмел сделать женщине больно и, самое главное, обидеть тебя?!

— Он, — ответила малышка Рэй, взмахнув рукой в сторону Врена.

— Ва-Ва-Ва-Ваша Светлость! — пропищал Лецимур, распрощавшийся не только с мыслью о повышении, но и мысленно с постом, который сейчас занимал. — Извиняюсь! То есть... примите мои глубочайшие извинения и сожаления! Честное слово, я не знал, кто эта девушка! Да если б я знал, что она Ваша знакомая, я бы в жизни ничего ей не сделал. Смилюйтесь надо мной!

— То есть, если бы она не была моей близкой подругой, — неспешно проговорил восьмой сын князя, — то ты бы без всяческих зазрений совести осудил бы её под предлогом воспрепятствования власти за то, что она назвала твое поведение недостойным? Такое

поведение и правда не достойно чиновника Тароса.

— Я... — Врен Лецимур даже не знал, что сказать.

— Я предлагаю Вам обдумать свое неподобающее поведение, посидев недельку в этой самой камере, — улыбнулся Дин.

— Устройте, — приказал он начальнику тюрьмы.

— Будет исполнено, Ваша Светлость, — с поклоном ответил тот, заводя Врена в камеру.

— А мы с тобой уходим, — произнес Дин, выводя Рэйну из тюрьмы. — Тебя уже друзья заждались.

— Благодарю Вас за помощь, — поклонилась Рэйна, когда они вышли из здания.

— На «Охоте» ты присматривала за мной, — ответил Дин. — И хотя тогда я этого не знал, но ощущал на себе тревожный взгляд. И пусть этим же взглядом ты смотрела и на других «охотников», я могу тебе честно сказать, что он придавал мне сил и храбрости. Недаром я не получил ни одного ранения! К тому же, я не мог терпеть того факта, что чиновники в моей стране творят такие ужасные вещи. Надеюсь, что все же твои впечатления об Аркане останутся не такими плохими, и мы свидимся вновь.

— Благодаря Вам все плохие воспоминания об этом дивном городе уже позабылись, — улыбнулась собирательница историй.

— Вот уж воистину девичья память!

Из следующей главы вы узнаете о том, как дочь мэра Мэйрина, что находится в государстве Веслес, решила навестить доселе беззаботного лучника.

===== Часть 2. “Северянка”. Глава 15 =====

О том, как дочь мэра Мэйрина, что находится в государстве Веслес, решила навестить доселе беззаботного лучника

Тем временем Вэй Арэн, как уже было сказано, проводил свое время в обществе красавиц, которых в столице княжества Тарос было превеликое множество. Он делал комплименты каждой проходящей мимо девушке, женщине, пожилой леди, порой заставляя их смущенно краснеть, порой вызывая на лицах улыбки. Он не возвышал ни одну из них над другими, но в то же время каждой уделял персональное внимание.

Не прошло и часу, как весть об обаятельном лучнике распространилась по Аркане, после чего красавицы сами стали стекаться к Вэю, чтобы посмотреть на него.

Разумеется, слухи о лучнике, осыпающем комплиментами представительниц прекрасного пола направо и налево, достигли ушей дочери мэра города Мэйрин (что находится в небольшом государстве Веслес), которая проездом пребывала в Аркане. Также неудивительно, что ей не потребовалось и двух секунд, чтобы догадаться, о каком именно лучнике шла речь.

— Вэй Арэн Виндсвиш, — прошептала она. — Наконец-то, я нашла тебя. Скоро мы встретимся вновь.

Эту девушку звали Шарлотта Эролайн. Она была довольно умна, красива и не имела недостатка в деньгах. У нее было достаточно поклонников, некоторые даже приезжали из соседних государств, чтобы просить ее руки. Однако всем им она отвечала отказом, поскольку ни один не смог растопить ее ледяного сердца или хотя бы привлечь внимание. Ни один, кроме Вэя Арэна, который хоть сердце не растопил, но внимание привлек.

Шарлотта Эролайн решила не торопиться. Она выбрала одно из самых любимых ее платьев, несколько минут рассматривала его, после чего одела. Девушка соорудила на голове модную прическу, надела лучшие украшения, обула роскошные туфли и неспешно

отправилась навстречу к старому знакомому.

Найти Вэя в этом городе не представляло особого труда, потому что достаточно было идти в сторону, откуда доносились восторженные женские крики.

— Давно не виделись, Вэй-Вэй, — окликнула его Шарлотта.

— Крошка Лотти? — Вэй Арэн был не просто удивлен, он был шокирован.

— Надо же, ты помнишь меня, несмотря на то, что прошло столько времени!

— Но как... — «ты здесь оказалась» хотел сказать Вэй.

— Давай пройдем в более тихое место — там и поговорим.

— Хо-хорошо.

И Вэй Арэн послушно последовал за «Крошкой Лотти» в небольшую таверну под названием «Туз в рукаве». Присев за стоящий поодаль от других столик, Шарлотта произнесла:

— И что же ты стоишь, Вэй-Вэй? Присаживайся. Нам предстоит долгий разговор.

— А... да, сейчас, — ответил Вэй и тут же вернулся в обычное для него состояние. — Крошка Лотти, что же заставило тебя преодолеть расстояние от Веслеса до Тароса?

— Я еще и в Ролосе была, — вздохнула Шарлотта, — и в Заприи, и в Холмогорном царстве, и в Горнинске, и в Коруне, и во Фрии, и в Речинке... Продолжать?

— Не надо, — отрезал Вэй. — Полагаю, жители большей части Западных Королевств удостоились чести своими глазами повидать красоту Крошки Лотти.

— Но один из них все время ускользал от меня в неизвестном направлении...

— Кто же этот подлец?

— Некий лучник по имени Вэй Арэн Виндсвиш, — улыбнулась Шарлотта Эролайн, — который в данный момент сидит передо мной. Стоило мне прибыть в Корун, как я узнала, что ты тремя днями ранее отправился во Фрию. Во Фрии я узнала, что ты уже давно в Горнинске, который я посещала до прибытия в Корун. Трижды я посещала Холмогорное Царство и трижды я узнавала, что незадолго до моего прибытия ты покидал его. До меня дошли слухи о том, что ты принимал участие в Монтильфондской «Охоте», но, решив, что когда я туда прибуду, тебя там уже не найду, я осталась здесь, в Таросе, в надежде, что ты сам придешь ко мне. Как видишь, мои надежды оправдались! К тому же, насколько я слышала, Тарос — одно из немногих государств, которое ты прежде не посещал. Зная тебя, я даже не сомневалась, что ты не упустишь возможности удостоить своим вниманием жительниц Арканы.

— Хе-хе, — нервно усмехнулся лучник.

— Я рада, что тебе весело.

— Ваше присутствие поднимает мне настроение! — с пафосом произнес Вэй.

— Оставь подобные речи для других, — попросила Шарлотта. — Наверняка сотни девиц ждут не дождутся, когда я верну тебя обратно им в руки.

— Сейчас всё мое время занимают Кэрри и Зел, — признался Вэй.

— Надо же! — воскликнула Лотти. — Не думала, что ты способен уделять внимание только двоим. Ну, кто такая эта Кэрри? На что пошла Зел, чтобы привлечь тебя?

— Ты удивишься, — вздохнул лучник. — Если хочешь, я могу тебя с ними познакомить!

— Избавь меня от этой чести.

— Они очень забавные, — сообщил Вэй-Вэй. — Зел почти все время молчит, а Кэрри, хотя и иногда ворчит, но всё же ведёт себя забавно.

— Перейдем лучше к делу.

— Как Вам будет угодно.

— У меня письмо тебе от моего отца.

— Чем же я удостоился такой чести, что сам мэр славного города Мэйрин лично отправил мне послание через свою драгоценную дочь?

— Он решил написать письмо уже после того, как я проболталась ему, что желаю тебя навестить.

— Даже так...

— Даже так, — улыбнулась Шарлотта.

— Боюсь узнать, что может быть в этом письме.

— А ты прочти, — Лотти протянула Вэю письмо, до этого времени лежавшее в ее декольте.

— Но что если Ваш батенька ожидает, что я возжелаю связать с Вами свою судьбу? Безусловно, это предел мечтаний, но, боюсь, я не готов на столь решительный шаг. Несмотря на то, что сейчас между нами небольшое расстояние, мы на самом деле очень далеки друг от друга, поэтому я никаким способом не смогу сделать Вас счастливой.

— Сделать счастливой одну единственную женщину для тебя равносильно смерти, Вэй-Вэй, — заметила Шарлотта Эролайн. — Другое дело, если женщин много.

— Ну...

— Я слышала, что среди некоторых Южных племен встречается такое явление как многоженство. Тебе следовало бы родиться там.

— И обделит своим вниманием барышень Западных Королевств? Нет. Хотя предложение довольно занятное.

— Что-то мы все время отходим от темы.

— И правда.

— Ты письмо читать собираешься?

— Сейчас-сейчас, — поспешил ответить Вэй Арэн.

Он развернул письмо и принялся настороженно его читать. Прочитав его раз, Вэй перечитал вновь, после чего на некоторое время задумался, вздохнул и снова пробежался по нему глазами.

— Ну? — поинтересовалась Шарлотта.

— Похоже, твой отец все же видит наше совместное будущее, — с натянутой улыбкой произнес лучник. — Хотя прямо об этом и не говорит.

— Хочешь сказать, на всех трёх листах он намекает тебе на это? — удивилась Шарлотта. — Знала бы, сожгла б это письмо, прежде чем передавать тебе.

— Но, крошка Лотти, если бы ты сожгла письмо, то после тебе нечего было бы передавать!

— Значит, и не передавала бы вовсе, и не знал бы ты о нём. В любом случае, желаниям моего папеньки не суждено сбыться. Как ты и сказал, мы слишком разные.

— И все же сжигать письмо нет смысла. Там были не только намеки...

— Только не говори, что он написал это прямым текстом! — перебила Шарлотта.

— Нет, — ответил Вэй. — Он также упоминал моего отца, говорил, что я, как сын, должен обеспечить ему спокойную старость. Пожелал мне приятного путешествия. Передай господину мэру, что я его уже начал. Видимо, это судьба, не думаешь?

— Вэй...

— Что?

— Я могу соврать отцу, что не встретила тебя, — прошептала Лотти.

— Твой отец не настолько глуп, чтобы поверить в твою ложь.

— Тогда останься со мной! Брось это глупое путешествие. Если ты будешь со мной, будешь мо...

— Лотти, — шепотом перебил её Вэй, — успокойся. Все в порядке. Мы слишком разные, и поэтому нам вдвоём не суждено жить счастливо. Но и делать тебя несчастной я не могу, ты слишком дорога мне. По этой причине путешествие — наилучший выход. Я справлюсь. Со всем справлюсь. Как бы ни было тяжело, сколько бы времени это не заняло... Я сделаю все, что от меня требуется. Я не подведу своего отца, твой родитель может не беспокоиться.

— Вэй-Вэй, — вздохнула Шарлотта, — когда мы снова увидимся?

— Не знаю, как скоро это произойдет, но могу заверить Вас, миледи, что если увижу Вашу чудесную улыбку вновь, то в который раз буду пронзен стрелой эйфории! — воскликнул лучник.

— И скольким же ты это говорил?

— Все мои речи идут от чистого сердца, я никогда не готовлю их заранее, а, стало быть, не использую дважды.

— Ну-ну, — улыбнулась Лотти.

Двери таверны открылись, и в помещение зашли Зелорис и Кэрэндрейк. Убедившись, что с Рэйной все в порядке, и она с Гордиславой удачно добралась до гостиницы, двое друзей продолжили свое утреннее занятие — ознакомление с блюдами Тароса. Заметив Вэя, они решили подойти к нему.

— Признаться честно, я удивлен, — произнес Дрейк. — Не думал, что компанию тебе будет составлять всего одна красавица.

— У, — подтвердил Зел.

— Эта красавица могла бы и обидеться на подобные слова, — вздохнула Шарлотта. — Неужели её красота не способна затмить красоту пары-тройки других?

— У... — прошептал Зелорис.

— Братец Зел сказал, что могла бы, — пояснил Вэй. — И, возможно, не только пары-тройки.

— У, — подтвердил мечник.

— Подожди... Зел? — удивилась Шарлотта. — Это Зел?

— Ну да, — ответил Вэй. — Это Зел, а это Кэрри.

— Кэрэндрейк, — процедил сквозь зубы Дрейк. — И Зелорис.

— У.

— Вот этого я точно не ожидала, Вэй-Вэй. — призналась Шарлотта.

— Вэй-Вэй? — переспросил Дрейк.

— Пфф... — усмехнулся братец Зел.

— Ну, думаю, мне пора, — сказала крошка Лотти. — Я сказала тебе все, что хотела. Надеюсь, когда-нибудь мы увидимся вновь.

— Я был рад повидать тебя сегодня.

— И, кстати... — дочь мэра Мэйрина на секунду задумалась, — Кэрри, кажется?

— Кэрэндрейк, — поправил её парень.

— Мы с Вами нигде раньше не встречались?

— Не думаю.

— Тогда извините.

Шарлотта ушла, а Зелорис и Кэрэндрейк рассказали Вэю о том, что сегодня случилось с Рэйной и Гордиславой.

— Занятная история, — вздохнул Вэй. — С малышкой Рэй точно все в порядке?

— У.

— А я ведь знал, что с этим Дином что-то неладно! — не унимался лучник.

— Это потому что он привлек часть внимания жительниц Монфрида? — поинтересовался Дрейк.

— И поэтому тоже.

— Зато, похоже, что Гордислава и Рэйна нашли общий язык, — сообщил хорошую новость Кэрри. — Так что не переживай, Вэй.

— Неправильно, — прошептал Зелорис.

— Что неправильно? — одновременно спросили Дрейк и Вэй Арэн.

— Не «Вэй», а «Вэй-Вэй», — почти незаметно улыбнулся мечник.

Из следующей главы вы узнаете о том, как путники отправились из княжества Тарос в Холмогорное Царство, и о том, как им пришлось задержаться.

===== Часть 2. “Северянка”. Глава 16 =====

О том, как путники отправились из княжества Тарос в Холмогорное Царство, и о том, как им пришлось задержаться

Неделя, которую друзья собирались провести в Аркане, незаметно подошла к концу, настала пора снова отправляться в дорогу. Путникам предстояло двигаться в северо-восточном направлении и через четыре дня добраться до границы с Холмогорным Царством. Этой границей служил горный хребет, преодолеть который они должны были за один день, и еще один день требовался на то, чтобы добраться до шахтерского городка Эдэль, где они должны будут пополнить запасы съестного.

Поначалу все шло так же, как и планировалось. Первые три дня прошли по простой схеме: отбытие на рассвете, полуденный привал, прибытие в небольшой городок и ночевка на постоялом дворе. Однако, в середине четвертого дня, на подходе к границе княжества Тарос и Холмогорского Царства, на горной дороге пятерых друзей застала буря.

Проливной дождь, под который путники попали, когда добирались из Монтильфонда в Тарос, был всего лишь морозящим дождиком по сравнению с тем, что творилось сейчас. Сказать, что дождь лил как из ведра — преуменьшение. Друзьям казалось, будто бы они попали под водопад. За толщей воды, падающей с неба, не было видно ничего на расстоянии дальше двух шагов от себя. Был полдень, но из-за туч казалось, что уже давно глубокая ночь. Со всех сторон сверкали вспышки молний, заставляя темное небо мерцать. Частые раскаты грома эхом отражались от скал и сливались в единый гул. Лошадь Капа была очень напугана и плохо слушалась команд управляющего ею Зелориса. Гордиславе пришлось идти пешком, как и всем остальным, чтобы не затруднять передвижение повозки. Земля осыпалась под лошадиными копытами и ногами товарищей, смешивалась в единый грязевой поток с текущей рекою дождевой водой, после чего, бурля, скрывалась в неизвестном направлении.

— Не могу больше, — почти не шевеля посиневшими от холода губами, произнесла Рэйна.

— Малышка Рэй, всё это когда-нибудь закончится, — попытался утешить её Вэй Арэн, однако интонация, с которой он это произнес, говорила о том, что лучник сам мало верил в свои слова.

— В этих горах должна быть хотя бы одна пещера, — высказала предположение Гордислава.

— Разве при такой погоде её найдешь? — усмехнулся Вэй.

Молния ударила недалеко от путешественников, но из-за стены дождя нельзя было разглядеть, куда именно. Капа испуганно заржала, понеслась вперед, но, не пробежав и тридцати метров, резко остановилась, чуть не свалившись в обрыв, — дорога перед ней была смыта к подножью горы.

— Дальше идти нельзя, — констатировал факт Зелорис.

— Придется возвращаться, — тяжело вздохнул Вэй.

— Не получится, — ответил ему Кэрэндрейк. — Дорогу к месту, мимо которого мы прошли тридцать минут назад, тоже смыло.

— И что нам теперь делать?! — отчаянно воскликнула Гордислава.

— Не могу... — прошептала Рэйна и потеряла сознание.

Когда собирательница историй очнулась, вокруг было так темно, что она не могла даже разглядеть, где находится. Откуда-то, словно издалека, доносился шум непрекращающегося дождя. Рэйна попыталась сесть, но закружившаяся голова заставила её вернуться в лежащее положение.

— Проснулась? — услышала она шепот Дрейка над правым ухом.

— Где я? — также прошептала она.

— В пещере, — ответил он.

— Кэрри нашел её после того, как ты потеряла сознание, — добавил Вэй. — Стоило тебе упасть, как он тут же метнулся куда-то, а через некоторое время вернулся, сказав, что нашел эту пещеру. И вот мы здесь.

— А остальные?

— Тоже здесь, — ответил Кэрэндрейк. — Спят.

— Все отсырело, — пожаловался лучник. — Костер развести не из чего. Мы здесь уже довольно долго, даже не знаем, какое сейчас время суток.

— Я не чувствую холода, — сказала Рэйна. — Мне даже будто тепло.

— У тебя жар, — сообщил Кэрэндрейк. — А холод уже и нам кажется настолько привычным, что перестает ощущаться.

— Мне кажется, или я лежу на чем-то мягком? — спросила Рэйна.

— Тебе не кажется, — ответил Вэй. — В этой пещере пряталось от дождя три горных медведя, мы с братцем Зелом убили их. Не делить же с ними крышу над головой, верно? На одном из них ты и лежишь. Сначала он был даже теплым, но, увы, успел поостыть.

Услышав, что она лежит на мертвом медведе и прочувствовав его своей спиной, Рэйна вскочила на ноги, которые тотчас подкосились. Кэрэндрейк поймал девушку, не позволив ей упасть.

— Я же говорил, что не надо ей рассказывать о медведе, — сказал он Вэю.

— Ложись обратно, малышка Рэй, он тебя не тронет. Гордислава вообще чуть ли не под самого медведя залезла. Во всяком случае, укрыться его лапой ей удалось.

— Зелорис тоже со своим в обнимку спит.

— А вы?

— А мы об них обогрелись, слегка обсохли и стали ждать, когда же наконец наша малышка Рэй откроет свои глазки.

— Извините, — прошептала Рэйна, постепенно свыкаясь с трупом медведя в качестве

кровати.

— Тебе не за что извиняться, — сказал Кэрэндрейк. — Нам и самим спать не хотелось.

— С Капой все хорошо?

— Да что с ней станется? — усмехнулся Вэй Арэн. — Эта медлительная кобыла по скорости засыпания фору даст всякому. Она мирно сопела уже тогда, когда Гордислава и братец Зел еще даже не думали засыпать.

В пещере снова воцарилось молчание. Рэйна спросила все, что хотела спросить, а Вэй и Дрейк ответили на все её вопросы. Ни желания разговаривать, ни подходящих для разговора тем не возникало. Собираательница историй и не заметила, как снова уснула.

Вэй Арэн, сидя, облокотившись на медведя, на котором спала Рэйна, то погружался в дремоту, то просыпался. Он не мог точно сказать, какой отрезок времени проходил между этими действиями: пара минут или же несколько часов. Дрейк, убедившийся, что с собираательницей историй все в порядке, решил последовать примеру остальных и тоже уснул.

Первый из всех проснулся Зелорис. Дождь уже кончился, была глубокая ночь. Судя по вони, которая исходила от убитых медведей, прошли уже сутки. Слезая с медведя, мечник споткнулся и упал рядом с Дрейком, тем самым разбудив его.

— Ну и вонь... — произнес Кэрэндрейк, не замечавший запаха разложения во сне.

— У.

— Давно не спишь?

— Только проснулся.

— Дождь закончился, что ли?

— У.

— Тогда надо будить остальных и выбираться отсюда.

— Ночь. Опасно продолжать путь — дороги размыты.

— Хотя бы поищем более удобное место для ночлега. К утру здесь уже нельзя будет находиться.

— У.

Кэрэндрейк и Зелорис разбудили Вэя и Гордиславу. Рэйну пока решили не трогать. Гордислава осталась в пещере, а трое мужчин отправились на разведку. Вскоре Зелорисом была обнаружена другая пещера, и они вернулись сообщить об этом.

Гордислава разбудила Рэйну, Вэй запряг Капу в телегу, и друзья сменили место дислокации на другую пещеру, в которой собирались переждать ночь, после чего отправиться дальше.

Но утро разрушило надежды путников: буря разбушевалась с новой силой.

Костер развести было нельзя из-за сырости потенциально горючих материалов, зато одежда на странниках была уже сухой, что, безусловно, радовало, но сильно тепла не прибавляло. На завтрак ели то, что не требовало тепловой обработки: хлеб и сыр. Каждая капля дождя и каждая вспышка молнии усиливали уныние путников. У Рэйны начался кашель. А дождь не собирался прекращаться.

Кэрэндрейк подошел к выходу из пещеры. Непроглядная водяная стена то становилась ослепительно белой, освещаясь вспышкой молнии, то снова окрашивалась в темно-серый безжизненный свет.

— Кэрри, отойди оттуда, — попросил Вэй. — Что ты там стоишь, словно собираешься пойти прогуляться?

— Собираюсь, — ответил Дрейк.

— Ты сдурел, что ли? — удивился лучник. — Не шути так.

— Я и не шучу, — буркнул Кэрэндрейк и шагнул сквозь стену воды.

Вэй собрался было бежать за ним, но Зелорис остановил его.

— Оставь, — прошептал мечник. — Незачем повторять безрассудные поступки. Рэйна уже болеет, а Кэрэндрейк сам туда пошел.

Не успел Вэй Арэн снова сесть на пол пещеры, как промокший насквозь Кэрэндрейк вернулся со словами «Я так и думал».

— Как? — спросила Гордислава.

— Дождь хоть и сильный, но не такой, как кажется. Эта стена воды образована стекающим сверху потоком, то есть является самым настоящим водопадом. Только он не постоянный, а образованный на время дождя. А теперь две новости: хорошая и плохая. С какой начать?

— С хорошей, — прошептала Рэйна и закашлялась.

— Неподалеку мне удалось разглядеть дикую яблоню. Сейчас чуть отдышусь и пойду принесу яблок.

— А плохая? — поинтересовался Вэй.

— Этот водопад сильно размывает дорогу. Если дождь не прекратится в течение двух-трех часов, дорогу размочит, и повозку мы из пещеры не выкатим. Правда, думаю, он всё же скоро прекратится, но и в этом случае, чтобы выкатить повозку, придется подождать как минимум до завтра, иначе она застрянет в грязи.

— Если выкатывать сейчас? — спросила Гордислава.

— Застрянет, — ответил Кэрэндрейк. — Ну, я пошел за яблоками.

— Дым, — прошептал Зелорис.

— Что? — не понял Вэй.

— Мне кажется, я вижу дым.

— В этой полутьме что угодно может почудиться, — заметила Гордислава. — Откуда здесь взяться дыму, если всё сыро насквозь?!

— Если приглядеться, — задумался Вэй, — то действительно видится дым.

— Возможно, вам не кажется, — заметно оживился Дрейк, присоединившись к поиску друзей. — Только это не дым, а пар.

— Пар? — не поняла Гордислава.

— Нашел, — прошептал Зелорис.

Пар исходил из небольшого горячего источника, бывшего из земли в дальнем конце пещеры, за тем местом, где стояла повозка. Из-за шума дождя никто не слышал слабого журчания источника, а из-за темноты — не видел прежде.

Вэй наклонился, зачерпнул воды в ладонь и попробовал её.

— Вроде как пить можно, — констатировал он. — Нужно дать это малышке Рэй, чтобы прогреть горло.

— Тогда я сейчас быстро сбегаю за яблоками, и она поест их, — сообщил Кэрэндрейк и скрылся за стеной воды.

Зелорис достал из повозки кружку, зачерпнул ею воды из горячего источника и подал Рэйне.

— Попей, — сказал он.

Девушка прикоснулась к кружке губами и сделала небольшой глоток, после чего тотчас

закашлялась.

— Пей еще, — велела Гордислава. — Терпи, но пей. Нужно прогреть горло.

— У, — подтвердил Зелорис.

Рэйна зажмурила глаза и залпом выпила полстакана. Снова кашель. Откашлявшись, она допила остальное. На сей раз кашля не последовало.

Вскоре вернулся Кэрэндрейк, который, используя в качестве мешка свою рубаху, принес двенадцать яблок.

— Всем по два, — сказал он.

— А еще два кому? — удивился Вэй.

— Капе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Как и предсказывал Кэрри, дождь окончился через два часа. Ещё через два часа со склона перестала стекать вода, однако земля перед входом в пещеру была настолько пропитана водой, что выкатывать повозку никто не рискнул. Было решено переждать в пещере очередную наступавшую ночь.

К утру земля подсохла, и пятеро друзей смогли продолжить свой путь. Из-за грязи и размытых дорог передвигаться было довольно-таки трудно, но, благодаря согревающим лучам ласкового солнца, никто не обращал на это внимания. То ли помогли яблоки, то ли вода в горячем источнике обладала целебными свойствами, но факт остается фактом — болезнь Рэйны как рукой сняло. Она даже собиралась, как обычно, идти пешком за повозкой, но, на удивление всех, Гордислава силой заставила Рэйну туда залезть.

Ближе к вечеру путники добрались до небольшого перевалочного пункта, где и переночевали, а уже в полдень следующего дня прибыли в шахтерский городок Эдэль.

Из следующей главы вы узнаете о том, как город Эдэль отмечал столетний юбилей, а путникам была рассказана легенда о местных сокровищах.

===== Часть 2. “Северянка”. Глава 17 =====

О том, как город Эдэль отмечал столетний юбилей, а путникам была рассказана легенда о местных сокровищах

Небольшой городок Эдэль, что находился на юге Холмогорного Царства, известный по всей округе своими шахтами, отмечал столетие со дня своего основания в день, когда пятеро путников прибыли в него.

Улицы города были украшены разноцветными флажками, лентами, цветами, со всех сторон доносилась веселая музыка, а жители Эдэля с радостными улыбками на лицах поздравляли друг друга с праздником. Все были очень дружелюбными. На единственной площади города жители Эдэля устроили главные праздничные гуляния. По краям площади стояли палатки с бесплатной едой и напитками, музыканты играли весёлые мелодии, под которые танцевали горожане. Дети устроили себе забаву: они играли в «догонялки с препятствиями», сутью которых являлось пробежать между танцующими, никого из них не задев и не дав догоняющему себя поймать. Но никто не ругал этих детей, поскольку это был и их праздник. Весь воздух был пронизан весельем, радостью и беззаботностью.

— Как здорово, что мы прибыли сюда именно сегодня! — воскликнула Рэйна.

— У, — поддержал Зелорис. — Как думаете, у них есть кленовый сироп?

— Братец Зел, давай, даже если он и есть, сегодня обойдемся без него, — попросил Вэй. — Не стоит пугать этих людей в день их праздника.

— Нас тоже пугать не нужно, — добавил Кэрэндрейк.

— Признаться честно, я в первый раз вижу подобные празднования, — сказала Гордислава.

— Разве в Северных Башнях нет праздников? — удивилась Рэйна.

— Есть, но... Как бы сказать, они проходят более цивилизованно и спокойно, а здесь... Здесь так шумно, люди постоянно мельтешат в движении, мне кажется, что только от того, что я смотрю на них, у меня может закружиться голова.

— Но разве не в этом вся прелесть, миледи? — спросил Вэй.

— Вполне возможно. Думаю, я скоро привыкну к этому.

Рэйна взяла за руки Кэрэндрейка и Зелориса и повела их в центр толпы, чтобы присоединиться к танцующим. Вэй отправился знакомиться с жительницами Эдэля, а Гордислава присела неподалеку от толпы и стала наблюдать за празднованием. Она решила, что постарается запомнить как можно больше обычаев людей Запада перед тем как вернуться в Башню, ведь они оказались не так плохи, как она думала. Вскоре к ней вернулся Кэрэндрейк.

— Почему ты больше не танцуешь? — удивилась Гордислава.

— Не люблю, — честно ответил Дрейк. — К тому же, это не мой праздник, поэтому я воспользовался тем, что Рэйна меня не видит, и, растворившись в толпе, позволил себе дезертировать.

— Зато ей, похоже, здесь нравится, — заметила Гордислава.

— Она — суший ребенок, а дети любят все яркое.

— Ей уже восемнадцать, она вполне взрослая девушка.

— Возраст не мешает человеку быть ребёнком.

— Возможно, ты и прав.

— Полагаю, Зелорис тоже скоро вернется, — вздохнул Кэрэндрейк.

— Почему?

— Как мечник он очень ловок и грациозен, но как танцор неуклюж.

— Каждому свое.

— И, полагаю, что Вэй надолго не задержится.

— Сомневаюсь, — отрезала северянка.

— Жительницам Эдэля сейчас не до него, они слишком увлечены празднованием, — объяснил Кэрэндрейк.

Однако, вопреки его ожиданиям, первой вернулась Рэйна.

— Устала... — со вздохом сказала она, присаживаясь на скамейку рядом с Дрейком и Гордиславой.

Стоило ей сесть, как покрасневший от смущения Зелорис и позеленевший от горести неудач с жительницами Эдэля Вэй Арэн медленными шагами подошли к ним.

— Ни одну красавицу не осчастливили мои комплименты, — пожаловался Вэй.

— Они и так счастливы, — улыбнулась Рэйна.

— Меня обсмеяло трое детишек, — прошептал Зелорис.

— Зато во владении мечом тебе равных нет, — утешил его Кэрэндрейк.

— Вы приезжие? — спросил подошедший к друзьям длиннобородый старик.

— Именно так, — ответила Гордислава.

— Неужели, приехали сюда ради праздника?

— Нам случайно посчастливилось оказаться здесь в этот день, — улыбнулась Рэйна. — Эдэль — просто замечательный город!

— Мне бы хотелось узнать его историю, — добавила северянка.

— Это легко устроить, — усмехнулся старик. — Я могу вам её рассказать.

— Мы будем Вам очень признательны! — обрадовалась собирательница историй, уступая старику место.

— У, — поддержал Зелорис.

— Как вы уже знаете, город Эдэль был основан сто лет назад, — начал старик свой рассказ.

Сто один год назад царь Холмогорного Царства Златозуб Медноволосый возвращался с очередного военного похода и устроил привал, остановившись во время новолуния в этих краях. Он присел отдохнуть на одиноко стоящий камень и случайно свалился с него в небольшую пещеру. В этой пещере царь Златозуб обнаружил сокровище невиданной красоты, которое изумительно ярко сияло в кромешной тьме. Его Величество был настолько очарован этим сокровищем, что любовался им до наступления утра. Вернувшись в столицу, царь приказал своим верным подданным привезти сокровище из той пещеры в царский дворец. Однако, когда посланники спустились в пещеру, то никакого сокровища там не нашли, но зато, к своему удивлению, обнаружили там золотую жилу.

Через год, ровно сто лет назад, здесь был образован шахтерский городок Эдэль, в шахтах которого помимо золота добывают и другие металлы. Что же касается той пещеры, в которой по легенде царь Златозуб обнаружил невероятное сокровище, то сейчас она является заброшенной шахтой, что стоит на востоке от города. Говорят, будто в ночь новолуния пятьдесят лет назад, когда эта шахта уже была заброшена, один из жителей Эдэля так же увидел эти сокровища, но когда он привел туда своих друзей, те засмеяли его, поскольку в этом месте уже ничего не было.

— Как интересно! — загадочно произнесла Рэйна, выслушав рассказ старика.

— Спасибо большое, — поблагодарила его Гордислава.

— Всегда приятно рассказать о своем городе чужеземцам, — ответил старик и ушел прочь.

— Как думаете, что представляют собой эти сокровища? — спросил Вэй.

— Кленовый сироп? — предположил Зелорис.

— Я надеюсь, ты не всерьез, — вздохнул Дрейк.

— Иначе не объяснить, как сокровища могли исчезнуть.

— Братец Зел, только тебе такое могло в голову прийти.

— Я бы хотела на них посмотреть, — сказала Рэйна.

— Но ты же не станешь безрассудно лезть в заброшенную шахту? — насторожился Кэрэндрейк.

— Нет, конечно, — возмутилась собирательница историй.

— Вот и хорошо.

Однако, как только все легли спать, малышка Рэй украдкой покинула постоялый двор и направилась в сторону заброшенной шахты. Судя по рассказу старика, сокровище появлялось раз в пятьдесят лет во время новолуния, а поскольку сейчас было именно новолуние, собирательница историй посчитала, что обязательно должна увидеть это загадочное сокровище.

Она вошла в заброшенную шахту, освещая себе путь свечой, прошла несколько шагов и нашла. Но не сокровище. Рэйна нашла Гордиславу.

— Что ты здесь делаешь? — удивилась собирательница историй.

— То же, что и ты, — ответила северянка. — Хочу своими глазами увидеть сокровище Эдэля.

Девушки рассмеялись. Они пошли вглубь разрытой пещеры вместе. Пробираться по заброшенной шахте было тяжело: пол неровный, кое-где стены были обрушены, свет, исходящий от свечи, мерцал и испуганно дергался, бегая по потолку, полу и стенам, создавая иллюзию того, что бегут сами искательницы.

Вдруг из глубины шахты донесся лязг металла. Девушки вскрикнули от испуга.

— Что это было? — всполошилась Гордислава.

— Не знаю, — ответила Рэйна.

Они прошли ещё немного и снова слышали лязг.

— Вот опять, — прошептала собирательница историй.

— Но эта шахта заброшена, — ответила северянка. — Здесь никого не должно быть. Тем более, ночью.

— Может, это люди, которые тоже ищут сокровища, — предположила Рэйна. — Или духи умерших шахтеров и по сей день продолжают свою работу.

— Я не верю в привидений, — отрезала Гордислава.

Снова лязг.

— Не верю, — повторила она.

Из глубины шахты донеслось медленное «Уходите прочь».

— Призраки! — воскликнула, побледнев, северянка.

— Это становится всё интереснее! — Рэйна схватила Гордиславу за руку и повела вглубь шахты, ускоряя свои шаги. — Если здесь есть призраки, то сокровище точно должно быть. Нужно же им что-то охранять!

Из следующей главы вы узнаете о том, как трио «заговорщиков» решило устроить засаду, и о том, как сокровище Эдэля все же было найдено.

===== Часть 2. “Северянка”. Глава 18 =====

О том, как трио «заговорщиков» решило устроить засаду, и о том, как сокровище Эдэля все же было найдено

Незадолго до того, как Рэйна и Гордислава отправились в заброшенную шахту на поиски таинственного сокровища, Кэрэндрейк, Вэй Арэн и Зелорис держали совет.

— Что вы обо всем этом думаете? — спросил Кэрэндрейк.

— Если бы сокровище Эдэля и существовало, то оно, во всяком случае, не сравнилось бы с улыбками Эдэльских красавиц, — честно ответил Вэй Арэн.

— И с кленовым сиропом, — добавил Зел.

— Я немножко не это имел в виду.

— У?

— Уверен, Рэйна отправится искать это сокровище, — вздохнул Дрейк. — Да и Гордислава, думаю, тоже.

— Малышка Рэй же обещала, что не будет так делать, — возразил Вэй.

— Женская ложь, — прошептал Зел.

— Идти ночью одним в заброшенную шахту опасно, — продолжил Кэрри. — Однако поддерживать эту авантюру, особенно будучи обманутым, я не хочу.

— И что же ты предлагаешь?

— У?

— Я предлагаю преподать Рэйне и Гордиславе урок, — ответил Кэрэндрейк. — Рэйне

за ложь, Гордиславе за нарушение условий договора. Она ведь наняла нас для своей охраны, а сама отправляется, никого не предупредив, ночью в заброшенную шахту.

— Согласен, — вздохнул Вэй Арэн. — Но как?

— У.

— Мы отправимся туда раньше них, — улыбнулся Дрейк.

— И первыми найдем сокровища? — предположил лучник.

— Но тогда это не будет уроком, — прошептал Зел.

— Все гораздо проще, — продолжил «главный заговорщик». — Мы будем поджидать Рэйну и Гордиславу в шахте и устроим им незабываемое приключение. Мы их напугаем.

— У?

— Я бы не хотел пугать девушек, — возразил Вэй.

— Зато в следующий раз они будут думать.

— И как же ты планируешь это сделать?

— Как только Рэйна и Гордислава углубятся в шахту, я подам сигнал. Зелорис, ты станешь изредка стучать одним своим палашом об другой. После третьего или четвертого стука ты, Вэй, изменив голос, громко, медленно и устрашающе произнесешь «Убирайтесь прочь!». Эхо сыграет нам на руку.

— Мне показалось, или всю работу будем делать мы с братцем Зелом?

— Я же говорю, я буду следить за приближением девушек. Пробирайтесь в шахту в темноте, не создавая шума, тоже не очень-то приятное дело.

— В принципе, — задумался лучник, — это забавно. А ты что скажешь, братец Зел?

— Забавно.

— В таком случае, пора отправляться — произнес Кэрри. — Мы должны быть там раньше них.

Однако, плану Кэрэндрейка суждено было потерпеть неудачу, встретившись с одним большим и весомым препятствием — «привидения» подействовали только на Гордиславу, не напугав малышку Рэй, а наоборот, раззадорив её. Поэтому не удивительно, что вскоре трое «заговорщиков» были обнаружены, и вскоре они сидели на коленях перед девушками посреди заброшенной шахты, виновато опустив глаза.

— И как это всё понимать? — выговаривала Рэйна. — Вы напугали бедную Гордиславу, она до сих пор не может прийти в себя! Чья это была идея?

Ответом собирательнице историй было молчание.

— Чья это была идея? — повторила она.

Снова молчание.

— Чья идея была, я спрашиваю?! — голос девушки эхом полетел по заброшенной шахте.

— Уже всё в порядке, — вступилась за них немного успокоившаяся Гордислава. — Они больше так не будут.

— Конечно, не будут! — воскликнула Рэйна. — Но пусть сперва скажут, чья это была идея.

— Моя, — виновато признался Кэрэндрейк.

— И что же сподвигло тебя на этот поступок?

— Ты обещала сюда не ходить. Врать нехорошо.

— А разве хорошо выдавать себя за привидений?! — вскричала Рэйна. — Я тут же бросилась сюда, желая своими глазами их лицезреть, а кого в итоге обнаружила? Вас!

— То есть... ты злишься не из-за того, что мы решили вас напугать, — удивился Вэй, —

а из-за того, что мы не оказались настоящими привидениями?

— Раз уж мы все здесь оказались, — поспешила сменить тему малышка Рэй, — то будем искать сокровища вместе.

— Хорошая идея, — поддержала Гордислава.

— У, — согласился Зелорис.

— Дабы искупить свою вину, — произнес Вэй Арэн, — позвольте мне охранять вас, прекрасные дамы.

— Как дети малые, — буркнул Дрейк.

— Вам, Кэрэндрейк, слова не давали, — надменно сказала Гордислава, обиженная на Дрейка за тот страх, что ей пришлось испытать. — К тому же, негоже сравнивать с детьми тех, кто старше Вас, а старше Вас здесь все, кроме Рэйны.

— Приношу свои извинения, — нараспев произнес Дрейк и поплелся следом за остальными в самую глубь шахты.

Когда «трио заговорщиков» устраивали засаду, они полагали, что находятся в центре шахты, но, как оказалось, шахта была намного больше, и засада располагалась чуть ли не в самом её начале. Искатели сокровищ долго шли по извилистому земляному коридору в надежде своими глазами увидеть таинственное сокровище Эдэля, появлявшееся раз в пятьдесят лет. Единственный, у кого подобной надежды не наблюдалось — это Кэрэндрейк. Он был весьма раздосадован, во-первых, тем, что его план провалился, а во-вторых, тем, что Рэйна на него накричала.

— Свет! — неожиданно воскликнула шедшая впереди всех Рэйна.

Где-то издалека виднелось слабое свечение.

— И правда, — удивился Вэй Арэн.

— У, — подтвердил Зелорис.

— «Сокровище невиданной красоты, которое изумительно ярко сияло в кромешной тьме», — процитировала старика Гордислава.

— Прибавим шаг! — скомандовала собирательница историй. — Это оно!

Вскоре друзья вышли к источнику света.

— Цветы... — удивленно произнес Кэрэндрейк.

Потолок, стены и пол заброшенной шахты были усыпаны прекрасными цветами. Цветки имели, казалось бы, обычную форму — всего по пять продолговатых лепестков окружали золотистую середину, но кое-что делало их уникальными, не идущими ни в какое сравнение с другими цветами: они светились, находясь в полной темноте, и излучали изумительный блеск. Казалось, будто цветы были сделаны из драгоценных камней, сверкающих сейчас под ярким солнцем. Но растения были самыми настоящими, а солнечный свет в шахту не проникал.

— Эти цветы и есть сокровища, — сказала Рэйна.

— Никогда в жизни не видела ничего более красивого, — изумилась Гордислава.

— Они восхитительны, словно улыбки самых прекраснейших красавиц, — заметил Вэй.

— Красиво, — прошептал Зелорис. — Я даже немножко рад, что сокровище — это не кленовый сироп.

— Вынужден признать, я был не прав, — сказал Кэрэндрейк, — сокровище действительно существует, и мы видим его своими глазами. Но что это за цветы?

— Впервые вижу, — ответила Гордислава.

— У, — пожал плечами Зелорис.

— Без понятия, — вздохнул Вэй Арэн.

— Пещерная Нимфа, — после некоторой паузы произнесла Рэйна. — Эти цветы могут расти только в абсолютной темноте и встречаются, насколько мне известно, только в пещерах одного из островов, относящихся к Трилунской Империи. Мой дядя рассказывал мне о них. Он мечтал своими глазами увидеть эти цветы, но говорил, что они цветут лишь один раз в пятьдесят лет во время новолуния, всё остальное время маскируясь под обычные камни.

— Но как они могли попасть сюда? — поинтересовалась Гордислава.

— Не знаю.

— Давайте сорвем себе парочку, — предложил Вэй.

— Нет, — резко ответила Рэйна. — Стоит сорвать хоть один, он тут же завянет, а остальные закроются.

— Тогда давайте останемся любоваться ими, как это сделал когда-то царь Златозуб, — улыбнулся Кэрэндрейк.

— У, — согласился Зелорис.

Следующая глава открывает новую часть повествования, посвященную приключениям наших героев на севере.

===== Часть 3. “Башня”. Глава 19 =====

О том, как за месяц пятеро путников и лошадь обошли четыре государства и, наконец, вышли на равнины Севера

Меня зовут Капа, и я лошадь. Сначала меня даже хотели назвать «Лошадью», но передумали, поскольку я и так лошадь. Капой меня называли, потому что я очень медлительная, ведь «Капа» — сокращение от «Копуша». Но мне нравится мое имя, потому как его мне дал мой любимый хозяин.

Моего хозяина зовут Зелорис, и он очень хороший человек. Меня подарил Зелорису мой первый хозяин — король Монтильфонда Ульффрид Остроухий, который не уделял мне никакого внимания. За мной ухаживали его конюхи, которые не очень хорошо со мной обращались: били кнутом, а иногда забывали кормить. Но Зелорис не такой. Он никогда не бьет и по-настоящему заботится обо мне.

Сказать по правде, сначала я испугалась Зелориса. Он выглядел мрачно, даже несколько страшно. Потом я узнала, что на самом деле он вовсе не такой, каким кажется на первый взгляд. Хозяин очень добрый, но также очень стеснительный, поэтому он мало говорит и кажется необщительным. Когда он со мной, ему совсем необязательно говорить, я и так понимаю его.

У моего хозяина есть четверо друзей.

Одного из них зовут Вэй Арэн, но хозяин иногда, посмеиваясь, называет его Вэй-Вэй. Я думаю, он полная противоположность хозяину: Зелорис почти все время молчит, редко говорит, а Вэй Арэн постоянно о чем-нибудь разговаривает и практически никогда не умолкает. Вэй Арэн очень любит девушек, а мой хозяин больше всего на свете любит кленовый сироп. Но и меня хозяин тоже любит. Вэй Арэн стреляет из лука, а хозяин сражается мечами. Я не видела, как хозяин сражается, но говорят, что хозяин — герой. А про Вэя говорят, что он ловелас. Во всяком случае, так утверждает Кэрэндрейк — ещё один друг хозяина.

Вэй-Вэй называет Кэрэндрейка «Кэрри», что очень раздражает его. Кэрэндрейка очень многое раздражает, поэтому он очень часто ворчит. Часто ворчит он и на меня, когда я иду

медленнее, чем ему хотелось бы. Но я думаю, что Кэрэндрейк тоже хороший, как и хозяин, потому что в отличие от конюхов короля Ульфрида, он меня не бьет. Более того, когда мы застряли в пещере во время дождя, Кэрэндрейк накормил меня очень вкусными яблоками, сорвать которые он отправился, несмотря на сильный дождь. Иногда мне кажется, что Кэрэндрейк скрывает ото всех настоящего себя. Думаю, это похоже на стеснительность хозяина. Он умеет лечить ранения, поэтому хозяин и Вэй Арэн могут не беспокоиться, что их покалечат в бою.

С нами путешествует очень добрая девушка — Рэйна. Насколько мне известно, когда-то Кэрэндрейк спас её от рабства, и с тех пор они подружились. Мне нравится Рэйна: она часто гладит меня, рассказывает мне разные истории и поет песни. Рэйна очень веселая и жизнерадостная, она всегда улыбается мне и никогда не ругает за медлительность.

А вот Гордислава, которая присоединилась к хозяину после меня, поначалу мне не очень понравилась. Она свысока смотрела на меня, на хозяина и свысока-свысока на бедную Рэйну. Ещё Гордислава практически не слезает с повозки, когда мы путешествуем от города к городу. Она очень гордая, своенравная и упрямая. Но потом я поняла, что Гордислава тоже хорошая, просто у нее никогда не было друзей, и поэтому она не знает, как правильно с ними общаться. А сейчас она даже подружилась с Рэйной и теперь не смотрит на неё надменно.

Сейчас мы отправляемся на Север, в место, откуда пришла Гордислава. Она наняла хозяина и его друзей для своей охраны в длинном и опасном путешествии. Когда Гордислава пришла к хозяину, она не была уверена в том, что наймет его, оттого и не брала с собой карты и книги, которые ей будут нужны в этом путешествии. Поэтому сейчас мы направляемся к Четвертой Северной Башне за этими картами и книгами. Это всё рассказал мне Вэй.

Очень многое я узнаю именно от Вэя и Рэйны. Рэйна часто подходит и разговаривает со мной, когда мы делаем привал, или когда я стою в стойле на постоялом дворе. Вэй же всегда о чем-то говорит, в том числе и когда управляет мной и повозкой. Вэй практически никогда никто не слушает, когда он держит поводья, поэтому лучник рассказывает обо всем мне. Чаще всего Вэй рассказывает о красавицах разных городов, но иногда и о том, куда мы направляемся, или что интересное произошло с друзьями, когда я не видела. От него я узнала, что мы держим путь к Северным Башням, что там живут ученые, что Рэйну когда-то спас Кэрэндрейк, что песня «Кленовый сироп» не первая песня, посвященная хозяину, и что хозяин ни в коем случае не должен это узнать.

Вэй также рассказывает мне о государствах, через которые мы путешествуем. Правда, почти все его рассказы сводятся к описанию жилищ этих государств, но иногда встречаются и довольно интересные вещи.

После выезда из городка Эдэль мы придерживались северного направления и за месяц побывали в четырех государствах, причем в одном из них — дважды. Нет, мы никуда не возвращались и все время придерживались северного направления. Все дело в том, что Холмогорное Царство, как сказал Вэй, напоминает мою подкову.

Покинув Эдэль, мы четыре дня шли по горным дорогам Холмогорного Царства. Все это время мы ночевали либо в пещерах, либо под открытым небом, потому что, как сказала мне Рэйна, если бы мы шли через города, то этот путь вместо четырех занял бы восемь дней. Гордиславе пришлось идти пешком, как и остальным. Оставался в повозке лишь тот, кто управлял мной, поскольку с собой мы везли много вещей, в том числе овёс, которым меня

кормила Рэйна на территориях, где не росла трава. Поэтому мне не нравятся горы — там мало растений. Говорят, на Севере их ещё меньше. Что ж, посмотрим.

Затем мы пересекли границу Холмогорного Царства и княжества Горнинск. Мы не уходили вглубь княжества и прошли его за четыре дня. Вэй Арэн сокрушался, что мы обходим государство практически стороной, в то время как в столице у него много знакомых красавиц. Интересно, если бы Вэй был не человеком, а конем, то делал бы он мне комплименты?

Покинув княжество Горнинск, мы снова очутились в Холмогорном Царстве, но на сей раз оно мне понравилось больше. Теперь наша дорога проходила не по горам, где практически ничего не растёт, а через холмы, на которых произрастала очень вкусная травка. Рэйне тоже понравилась эта трава, она срывала её и добавляла в блюда, которые готовила. Станные всё же люди, варят её с чем-то, хотя можно есть и так.

Через шесть дней мы вошли в королевство Реапольд. В тот же день выпал первый снег — приближалась зима. Вэй сказал, что там, куда мы едем, зима круглый год. Я рада, что мы едем туда зимой, а не летом, когда там тоже зима. А королевство Реапольд мне понравилось. Мы каждую ночь останавливались на постоянных дворах, и я ночевала в уютных конюшнях. Вэй говорил, что Гордислава велела держать в секрете цель нашего путешествия, поэтому я ничего не рассказывала другим лошадям. Они завидовали мне, когда Рэйна приходила погладить меня перед сном, потому что их хозяева так не делали. Разумеется, я не говорила им, что Рэйна не моя хозяйка, потому что другим не нужно этого знать.

Мы прошли королевство Реапольд за восемь дней и прибыли в Царство Нордар. Снег падал почти через день, ложась тонким слоем на растущую на лугах травку. Она была холодной, но всё равно вкусной. В Нордаре все купили себе теплую одежду, кроме Гордиславы, у которой она, разумеется, уже была. Хозяин купил и мне теплую попону, и теперь я выгляжу ещё лучше других лошадей. Я очень люблю хозяина и хочу, чтобы он гордился мной. В Царстве Нордар мы тоже каждую ночь останавливались на постоянных дворах, потому что уже началась зима, и устраивать привалы под открытым небом было холодно. На одном из постоянных дворов хозяину снова посчастливилось отведать кленового сиропа. Я была очень рада за хозяина, а хозяин был очень рад из-за сиропа. Он даже прибежал ко мне в конюшню, чтобы сказать, как он счастлив, что на этом постоялом дворе нашлось несколько бутылочек кленового сиропа. Интересно, есть ли где-нибудь такая трава, которую я бы смогла полюбить так же, как хозяин любит кленовый сироп?

На то, чтобы пересечь Царство Нордар, у нас ушло ещё восемь дней. Так, выйдя из Эдэля, мы за месяц добрались до того места, где заканчиваются Королевства Запада, и вышли к Северным равнинам.

Сейчас мы стоим на привале. Рэйна сказала, что на Севере нет городов, поэтому мы не будем останавливаться на ночлег в постоянных дворах. В Нордаре помимо теплой одежды были куплены палатки, в которых будут ночевать хозяин и остальные, а также утеплители, которыми ночью будут укрывать меня. Я рада, что обо мне так заботятся.

По словам Гордиславы, на то, чтобы добраться до Четвертой Северной Башни, у нас уйдет ещё один месяц. Первые десять дней мы будем идти по равнинам, а затем наш путь пройдет через горы. Моя повозка очень тяжелая, и в ней едет только один человек, потому что мы набрали много вещей и еды. Но я не жалуюсь, так как большая часть еды предназначена для меня. Вэй сказал, что на Севере тяжело найти траву, поэтому решили специально закупить побольше овса. Себе же они купили немного пищи, потому что Вэй и

хозяин будут охотиться на дичь. Я очень рада, что я именно лошадь, а не дичь, потому что мне нравится, как все обо мне заботятся, и я не хочу, чтобы на меня охотились. Хотя, однажды Кэрэндрейк отчитывал меня за мою медлительность и внезапно сказал, что конину тоже употребляют в пищу. Я знаю, он произнес это, чтобы просто попугать меня. Но, если вдруг у хозяина не останется никакой пищи, я не буду сильно обижаться, если он решит меня съесть. Но я уверена, что хозяин так никогда не поступит. И даже сам Кэрэндрейк не станет меня есть, потому что он тоже добрый и тоже любит меня, хотя и ворчит.

Что ж, привал окончен, пора отправляться дальше в путь. Я, лошадь по имени Капа, готова к долгой дороге. Впереди нас ждут снега Севера и Четвертая Северная Башня.

Из следующей главы вы узнаете о том, как проходил путь на Север, и о том, как пропала лошадь по имени Капа.

==== Часть 3. “Башня”. Глава 20 =====

О том, как проходил путь на Север, и о том, как пропала лошадь по имени Капа

Прошло уже семь дней с тех пор, как пятеро путников покинули территорию Западных Королевств. Эти дни не отличались особым разнообразием, но выделялись суровыми погодными условиями. Пейзаж тоже не радовал: странников все время окружала простирающаяся до линии горизонта белая пустошь, и только изредка попадались хвойные, голые лиственные или смешанные леса. Несколько раз путникам встречались снежные волки и белые медведи. Однажды они видели, как вдали пробежал песец. Он схватил убитого стрелой Вэя зайца и скрылся среди деревьев. Почти каждый день выпадал снег, а по приближению к северу понижалась температура. Слова Гордиславы о том, что сейчас «еще очень даже тепло», не утешали ее спутников, поскольку они даже боялись представить, насколько холодно будет потом, когда их повозка приблизится к Башням.

Вэй Арэн исправно поставлял к столу пробегающую мимо живность, выпуская в нее свои верные стрелы, Рэйна умело превращала добычу лучника во вкусный завтрак, обед или ужин, поэтому проблем с пищей у путников не возникало. За ночлег отвечали Зелорис и Кэрэндрейк. Они разводили костер и воздвигали купленные в Нордаре палатки. Надо сказать, что в первый день, пытаясь собрать палатку впервые в жизни, они чуть было ее не сломали, однако через четыре дня им удалось обустроить ночлег без труда.

Утро восьмого дня принесло путешественникам большую проблему: проснувшись, они обнаружили отсутствие Капы. Шел снег, и найти лошадь по следам не представлялось возможным, поскольку они были замечены.

— Что же делать? — запаниковала Гордислава.

— Искать, — ответил Зелорис.

— Капа — умная лошадь, сама вернется, как есть захочет, — вздохнул Кэрэндрейк. — Правда, так как она медлительная, это может занять долгое время.

— Ты жесток, Дрейк, — сказала Рэйна. — А вдруг с ней что-нибудь случилось?

— Не думаю, что ее могли украсть, — заметил Вэй Арэн.

— Ее могли съесть, — предположила Гордислава.

— Нет, — отрезал Зелорис. — Не хочу даже думать об этом.

— Надо отправляться на поиски, — решил Вэй. — Я и братец Зел пойдем ее искать, а остальные останутся в лагере.

— Если что случится, — произнес Кэрэндрейк, — от меня толку мало, поэтому будет лучше, если ты, ловелас, останешься охранять Гордиславу и Рэйну, а на поиски Капы пойдем Зелорис и я.

— У, — поддержал мечник.

— Остаться наедине с двумя прекрасными дамами намного лучше, чем бродить и искать непонятно где заплутавшую лошадь, — улыбнулся лучник. — Безусловно, я только за этот вариант.

Таким образом, Зелорис и Кэрэндрейк отправились на поиски Капы, а остальные остались в лагере.

— Разделимся? — предложил мечник.

— У меня есть идея получше, — сказал Дрейк. — Видишь то дерево?

— У.

— Как насчет того, чтобы залезть на него и осмотреться? Если забраться достаточно высоко, есть шанс увидеть Капу.

— Не думаю, что у меня получится, — признался Зел.

— Тогда я залезу.

— Сможешь?

— Для того, кто разработал правила спасения бегством, забраться на верхушку дерева — не проблема! — величественно произнес Кэрри и начал взбираться на высокий дуб. Листья с него давно опали, что облегчало обзор, а ветки были покрыты инеем, что несколько затрудняло движение вверх.

— Видно? — поинтересовался Зелорис, когда товарищ забрался достаточно высоко.

— Юг чист, — отрапортовал Дрейк. — Восток и север тоже. Полагаю, она ушла на запад. Там вдали виднеется небольшая непокрытая снегом поляна, за которой стоит лес.

— Уверен?

— Да, — Кэрэндрейк начал осторожно спускаться с дерева. — Далеко, видно плохо, но будь я лошадью, то пошел бы именно туда.

— Будь ты лошадью, ты бы по деревьям не лазал.

— А вдруг? Представляешь, конь-древолоз.

— Пф, — усмехнулся Зел.

— Идем на запад?

— У.

Когда поисковая бригада добралась до увиденной Дрейком поляны, она обнаружила, что Капа там и вправду была: во-первых, поляна не была покрыта снегом, и на ней хорошо были заметны лошадиные следы, а во-вторых, там росла любимая трава Капы, которая была изрядно пообщипана.

— Капа, — чуть слышно позвал Зелорис.

— Если ты будешь ее так тихо звать, она тебя не услышит, — заметил Дрейк.

— Если я позову ее громко — могу испугать, — прошептал Зел.

— Зачем вообще звать, если ее нигде не видно?

— Вдруг услышит, прибежит.

— Надо думать, куда она могла пойти отсюда, — вздохнул Кэрэндрейк. — Чертова лошадь, из-за нее столько хлопот!

— Не обзывай Капу. Она хорошая.

— Хорошие лошади не шляют непонятно где.

— У нее должны были быть на это причины.

— У лошади? Ты смеешься?

— Ты сам говорил, что Капа умна, — напомнил Зелорис.

— Судя по следам, она направилась в лес, — заметил Дрейк.

— У.

— Скажи, если бы ты был лошадьё, что тебе могло понадобиться в лесу?

— Возможно, там растут клены.

— Лошадьё. Забудь хотя бы на время про кленовый сироп.

— У.

Зелорис и Кэрэндрейк вошли в лес. Здесь следы Капы еще виднелись на снегу: наверное, они были свежими, и их не успело замести. Оттиски копыт вели вглубь чащи. Дрейк и Зел следовали по ним и, наконец, увидели Капу.

— Оказывается, дурное влияние Вэя заразно и для лошадей, — усмехнулся Кэрри.

— У, — согласился Зелорис.

Капа стояла рядом со своим новым другом-оленем и терлась головой о его могучую шею.

— Первый раз вижу нечто подобное.

— Надо будет рассказать ей о видовых ограничениях, — решил Зел.

— Она лошадь, — напомнил Дрейк. — Она не понимает того, что ей говорят.

— Понимает, — возразил мечник.

— Я так думаю, торопить ты ее не собираешься?

— Нет. Я посмотрю.

— Тогда я возвращаюсь к остальным. Удачи!

— У.

Кэрэндрейк ушел, а Зелорис остался наблюдать за Капой и оленем.

— А где братец Зел? — удивился Вэй, увидев, что Кэрэндрейк вернулся в одиночестве.

— Наблюдает за Капой.

— А Капа? — поинтересовалась Рэйна. — С ней все в порядке?

— С ней всё более чем в порядке.

— В смысле? — не поняла Гордислава.

— Неужели Капа нашла себе жеребца? — догадался Вэй.

— Почти, — ответил Дрейк. — Только не жеребца, а оленя. Они сейчас весело проводят время, стоят в уединении посреди леса, а Зелорис издали присматривает за ними.

— Это все твоя вина, Вэй Арэн, — пришла к выводу Гордислава.

— Почему это моя? — возмутился лучник.

— Заразил лошадь своей любвеобильностью.

— Моя любовь распространяется только на девушек, но никак не на оленей!

— Оленям повезло, — заметил Кэрэндрейк.

— А вдруг этот олень решит пойти за Капой и присоединится к нам? — предположила собирательница историй.

— Ставлю на то, что в таком случае братец Зел решит назвать оленя «Оленем», — улыбнулся Вэй.

— С какой стати оленю идти за лошадьё? — вздохнул Дрейк.

— Дружба способна на многое, — со знающим видом произнесла Рэйна.

— Здесь есть хотя бы один человек, которому знакомо понятие здравого смысла? — спросил Кэрэндрейк.

— Есть, — улыбнулся Вэй. — Это ты, Кэрри.

— Сомневаюсь, — ответил Дрейк. — Иначе бы меня с вами давно уже не было.

— Возможно, ты и прав, — согласился лучник. — Здравый смысл здесь отсутствует. Однако, признайся, что даже так тебе нравится в нашей компании, и не надо пользоваться всякими отговорками, что ты здесь лишь потому, что ответственен за малышку Рэй.

— Я не...

— Хотя, знаешь, забавная в таком случае цепочка получается: Гордислава, которая здесь из-за Трилунской Империи, наняла Зелориса, поэтому он здесь из-за нее. Малышка Рэй прямым текстом говорит, что она здесь, потому что собирается описывать подвиги брата Зела. Не так ли, малышка Рэй?

— В принципе, да, — ответила Рэйна, не понимающая, что Вэй хочет всем этим сказать.

— Получается, малышка Рэй здесь из-за брата Зела. Ты, Кэрри, здесь из-за малышки Рэй. А я? Получается, что из-за тебя, Кэрри. Хотя, как по мне, лучше бы я был здесь из-за красоты.

— Ты, как и Зел, здесь из-за Гордиславы, — напомнил Кэрэндрейк.

— Тогда кто здесь из-за тебя? — наигранно вздохнул Вэй Арэн.

— Капа? — предположила собирательница историй. — Хотя она и лошадь Зелориса...

— Бедный Кэрри, — усмехнулся лучник. — Из-за тебя здесь чужая лошадь, да и та променяла тебя на оленя. Спасибо, малышка Рэй.

— Знаешь, Вэй, — хлопнул его по плечу Дрейк. — Лучше бы тебе не оказываться моим пациентом. Боюсь, лечение твоих ран выйдет дороже, чем их получение.

Вскоре Зелорис вернулся верхом на Капе. Оленя с ними не было.

— Мы пришли, — прошептал Зел.

— А где олень? — поинтересовалась Рэйна.

— Ушел. С другими оленями.

— Как жаль!

— У.

В этот день путники решили никуда не идти, а отправиться дальше с рассветом. Зелорис всю ночь мучился из-за кошмарных сновидений, в которых он искал и не мог найти Капу. Он несколько раз просыпался, выходил из палатки, чтобы проведать лошадь, после чего, успокоившись, возвращался и снова ложился спать. Но Капа больше никуда не уходила и уходить не собиралась.

Через три дня путники вышли к Северным Горам. Горы Севера были намного выше своих западных «сородичей», а температура в них была ниже, чем на равнинах. Ледяной ветер, играясь в лабиринтах скал, разгонялся до больших скоростей и насквозь пронизывал путешественников, иногда даже норовя столкнуть их с горной дороги. Если друзьям попадалась на пути пещера, они старались заночевать в ней, поскольку так было теплее и безопаснее. Однако, один раз это чуть не обернулось против них: ночью был буран, и вход в пещеру практически засыпало свалившимся сверху и скатившимся с горы снегом. Несколько раз грозила опасность схода лавины, но все обошлось.

Гордислава, выросшая в этих суровых снежных землях, умело руководила походом, но, несмотря на это, продвижение к Северу проходило очень медленно. Снежные сугробы препятствовали ходьбе, в них несколько раз застревала повозка, бывали случаи, когда кто-то из путников проваливался в сугроб с головой. Однажды, провалившись вот так в сугроб, Рэйна отказалась из него вылезать, сославшись на то, что в сугробе ей теплее. Вэю и Дрейку пришлось чуть ли не насильно вытаскивать оттуда собирательницу историй, отчего и они

сами изрядно вывалились в снег. Также замедлял продвижение тот факт, что темнело здесь намного раньше, чем в Западных Королевствах, а светало позже. Идти в темноте по непредсказуемым снежным горам было слишком опасно, поэтому с каждым днем ночные привалы становились все длиннее.

Во время привалов Рэйна старалась развлекать всех песнями и игрой на лютне, но замерзшие пальцы плохо перебирали струны, отчего развлечение выходило недолгим. Зелорис практиковался во владении мечом, делая различные взмахи и выпады, что, во-первых, согревало, а во-вторых, позволяло держать себя в хорошей форме. Вэй Арэн же практиковался в стрельбе из лука каждый день, добывая живность на ужин, поэтому во время привалов он полностью расслаблялся, согреваясь теплом костра. Гордислава, как обычно, пребывала в раздумьях, порой даже не замечая происходящего вокруг. Кэрэндрейк в основном бродил по округе, смотрел на ночное небо или грелся у костра, но один раз он слепил снеговика, которого тут же сам и разрушил.

Дни сменяли друг друга, а пейзаж оставался все тем же: унылые горы, покрытые снегом, да небо, серое из-за свинцовых туч.

На двадцать пятый день после того, как друзья покинули Западные Королевства, на вершине далекой горы показались очертания величественной Четвертой Северной Башни.

— Не обнадеживайте себя, — произнесла Гордислава. — Хотя она и видна, доберемся мы до нее не раньше, чем через неделю.

— Это прекрасная новость, миледи! — воскликнул Вэй Арэн. — Еще вчера я думал, что мы не доберемся до нее никогда!

Из следующей главы вы узнаете о том, что представляет собой жизнь в Четвертой Северной Башне, или один день из жизни Вениамина Ступки.

===== Часть 3. “Башня”. Глава 21 =====

О том, что представляет собой жизнь в Четвертой Северной Башне, или один день из жизни Вениамина Ступки

Вениамин Ступка является младшим научным сотрудником исследовательской группы отдела по раскрытию тайн прошлого и загадок истории отделения по изучению истории, которое входит в первое историческое подразделение объединения историков Четвертой Северной Башни. Он гордится своей работой и надеется когда-нибудь сделать научное открытие, которое позволит ему стать известным на всю Четвертую Северную Башню. Несколько месяцев назад старший историк его исследовательской группы, Гордислава Клеопатра Бурандуйская, покинула пределы Башни и отправилась искать людей, которые будут охранять ее в одной важной исследовательской экспедиции. Вениамин тоже хотел пойти вместе с ней, но младшим научным сотрудникам, в отличие от старших, покидать пределы Башен строго запрещено. Запрещено, разумеется, только наяву, ведь никто не может наложить запрет делать это во сне, отчего каждую ночь Вениамин представлял себя путешествующим по всему миру. Иногда он прогуливался по улочкам западных городов, иногда отбивался от набегов южных племен, иногда проводил раскопки на руинах Трилунской Империи. А этой ночью Вениамин Ступка превзошел самого себя и совершил «путешествие» не только в пространстве, но и во времени: ему снилось, как он присутствует при строительстве Храма Трех Лун в столице Трилунской Империи. А если учитывать, что никому неизвестно, когда именно этот храм был возведен, кроме того, что это произошло более пяти тысяч лет назад, то в своем сне Вениамин жалел, что не может ни у кого спросить, какой сейчас год.

Проснувшись, младший научный сотрудник первым делом прокрутил в своей голове события сна, а вторым — раздвинул шторы в своей маленькой комнатенке. Он жил в помещении размером пять на пять метров, большую часть которого занимали книжные стеллажи, небольшой письменный стол, книги и множество листов бумаги. В углу стояла небольшая кровать, спать на которой Вениамину приходилось, свернувшись калачиком. Нет, не из-за чрезмерно высокого роста, а из-за вездесущих книг, стопка которых стояла и на кровати у изголовья. Но парень не жаловался на подобную тесноту: так жили практически все ученые Северных Башен, кроме тех, кто входит в коллегию признанных ученых Ассоциации Башен Севера.

Вениамин несколько минут смотрел в окно на ночное небо — он каждый день вставал до рассвета — и после отправился завтракать. Столовая располагалась в самом низу Башни. Второй ярус, насчитывающий несколько этажей, отводился под жилые комнаты большинства ученых. Третий ярус составляли этажи библиотек, научных лабораторий и исследовательских кабинетов. На четвертом ярусе, на самом верху Башни, находились покои признанных ученых, среди которых были и покои Гордиславы.

Спустившись в столовую, Вениамин подошел к стойке, соединяющей обеденный зал с кухней, и заглянул туда. Пару лет назад, когда он еще не был младшим научным сотрудником, а был обычным ассистентом, раз в две недели ему, как и другим ассистентам, приходилось дежурить на кухне и готовить еду для всей Башни. Став младшим научным сотрудником, он от этой повинности освободился, чему был несказанно рад, поскольку дежуривший на кухне обязан накрывать стол в любое время дня и ночи, так как большинство ученых, погружаясь в свои исследования, часто забывают о времени, но голод заставляет их возвращаться в реальность.

Пятнадцатилетний дежурный по кухне принес Вениамину Ступке тарелку горячей каши и удалился на свое «рабочее место».

Через час, когда проснется большая часть жителей Башни, в столовой будет не протолкнуться, поэтому Вениамин старался приходить сюда каждый день пораньше. Ему отчасти было жаль мальчишку-ассистента, которому скоро придется обслуживать толпу голодных и, как правило, недоспавших, или заспанных ученых, ведь Вениамин и сам через это проходил. Но в то же время именно потому, что он сам через это проходил, младший научный сотрудник даже видом своим не выказывал сострадания.

Утолив голод, Вениамин отнес посуду на кухню, там все тот же мальчишка-ассистент будет ее мыть, и направился на третий ярус. На третьем ярусе располагались библиотеки, научные лаборатории, исследовательские кабинеты, залы собраний, комнаты для обсуждений и многие другие помещения, в которых ученые проводили свои исследования и обсуждали новейшие достижения. Вениамин зашел в исторический отдел библиотеки и сел на свое обычное место, у окна, где его поджидали оставленные со вчерашнего дня книги, посвященные Трилунской Империи. По заданию Гордиславы он проводил исследования, связанные с историей Трилунской правящей династии, и готовил для нее конспект всего, что может пригодиться в длительном путешествии. Младший научный сотрудник провел за изучением книг несколько часов, после чего настало время обеда.

Спускаться в столовую, где в это время было много народа, Вениамину не хотелось, но голод давал о себе знать. Если бы он был одним из признанных ученых, то мог бы, находясь в своих покоях, открыть небольшую дверцу в медной трубе, пронизывающей Башню от вершины до основания, и бросить в трубу бумажный сверток, на котором было бы написано

желаемое блюдо и его имя. Тогда ему не пришлось бы спускаться вниз, в переполненную посетителями столовую, ведь еду принесли бы прямо в комнату. Но Вениамин не был признанным ученым, поэтому ему пришлось все же спуститься на первый ярус, ведь даже младшим научным сотрудникам чувство голода не чуждо.

В столовой находилось столько людей, что даже яблоку было негде упасть, а если бы оно все же падало, то было бы кем-нибудь съедено, так и не коснувшись земли. Взяв поднос с едой, Вениамин дождался, пока освободится хотя бы одно место, сел за стол и начал неспешно обедать. Он чувствовал на своей спине взгляды тех, кого опередил, и радовался, что находится не на их месте. Разделавшись со съестным, он отнес поднос на кухню и снова направился на третий ярус.

Утром внимание научного сотрудника привлек один факт, и чтобы разобраться его, требовалась карта. Вениамин миновал этажи библиотек и прошел в картографический отдел.

На стене отдела висела огромная карта мира, трижды превышающая человеческий рост. Рядом с картой стояла большая лестница на колесиках, при помощи которой можно было рассматривать удаленные от пола части света. Если подозрения Вениамина были верны, то находящиеся на юго-востоке острова Арфар и Арба когда-то были материковой частью Трилунской Империи, и отделились от нее в результате землетрясения три тысячи лет назад. Парень попытался мысленно присоединить острова к Материку, однако этого было недостаточно для доказательства теории. Нужна была помощь геологов, но одного из них полчаса назад Вениамин опередил в занятии свободного места в столовой, а значит, этот вариант не приемлем. Научный сотрудник решил, что попытается привлечь к своей догадке внимание Гордиславы, когда она вернется, ведь если теория будет доказана при помощи геологов, то это будет заслуга в первую очередь геологов, но если на самих островах историками найдутся вещи, позволяющие определить принадлежность к Трилунской культуре, то заслуги историков оспаривать никто не будет. Однако, для начала ему предстояло собрать максимум материала по этой проблеме.

Вениамин набрал из архивов несколько карт Трилунской Империи, несколько карт юго-восточной части Материка и Океана и отправился еще на этаж выше, в исследовательский кабинет, принадлежавший группе, в которой он состоял. Помимо самого Вениамина и Гордиславы, руководившей этой исследовательской группой, в ней состояло еще три человека, которые сейчас занимались в кабинете своими делами. Младший научный сотрудник Снежана Юкинская составляла календарь Трилунской Империи, точкой отсчета для которого являлась ее гибель, а года исчислялись в обратном порядке. Ассистент Гвидон Кнопка расставлял на полки кабинета книги, которые уже просмотрела Снежана, а еще один ассистент, Софрон Плошка, приводил в порядок исследовательские архивы. Младший научный сотрудник Вениамин Ступка сел за свой рабочий стол и принялся анализировать принесенные из отдела картографии материалы. Свои наблюдения он старательно записывал на бумагу, в надежде, что Гордислава оценит его труды.

Вениамин уважал и обожал Гордиславу, более того, он ее боготворил. Она, гордая, холодная и неприступная, как сама Северная Башня, была для него образцом подражания. Уже в двенадцать лет Гордислава стала младшим научным сотрудником, а в восемнадцать получила должность старшего научного сотрудника и руководителя исследовательской группы. В двадцать два года за свой вклад в изучение истории ей была удостоена честь стать признанным ученым Четвертой Северной Башни и войти в состав Исследовательского

подразделения исторического комитета коллегии признанных ученых Ассоциации Башен Севера. Гордислава — одна из немногих, кому было дано «добро» на проведение исследований за пределами Башни, о чем сам Вениамин мог только мечтать. Парень прилагал все усилия, чтобы Гордислава могла заметить и оценить его труд, ведь ее похвала для него была самой ценной.

Закончив с картами, Вениамин попросил ассистента Гвидона Кнопку отнести их в отдел картографии, а сам побрел на обзорную площадку, которая находилась даже выше четвертого яруса с покоем признанных ученых. Каждый вечер Вениамин Ступка осматривал окрестности через подзорную трубу, изобретенную одним из учёных Второй Северной Башни, надеясь увидеть возвращение Гордиславы Клеопатры Бурандуйской.

И вот, этот день настал. Парень сначала даже не поверил своим глазам: с юга к Башне приближалась повозка, везомая одной лошадью, и пять человек, среди которых была Гордислава.

— Вернулась! — воскликнул Вениамин, хотя Гордиславе, чтобы дойти от того места, где он её увидел, до Башни требовалось ещё пять дней. Но что такое пять дней, когда он может видеть её уже сейчас, пусть даже и в подзорную трубу?

Вениамин подавил свою радость так же быстро, как и поддался ей. Если Гордислава прибудет в Башню через пять дней, то нужно встретить её подобающим образом. Их исследовательская группа не должна упасть в грязь лицом перед вернувшимся руководителем.

Решив так, младший научный сотрудник Вениамин Ступка стремглав побежал вниз по лестнице в кабинет своей группы.

— Профессор Бурандуйская возвращается! — с порога кабинета выпалил он. — Будет здесь уже через пять дней.

— Пять дней? — переспросила Снежана. — Нужно срочно привести здесь все в порядок, закончить с исследованиями и подготовить отчеты.

— Софрон, Гвидон, спуститесь вниз и принесите еду сюда, — велел Вениамин. — На то, чтобы ужинать в столовой, времени у нас нет. И если в ближайшие пять дней кому-то из вас придется быть дежурным — поменяйтесь с кем-нибудь.

— Хорошо, — ответили ассистенты и удалились.

Младшие научные сотрудники Снежана Юкинская и Вениамин Ступка принялись за подготовку к возвращению Гордиславы. Первым делом, они занялись незаконченными исследованиями, параллельно составляя отчет о проделанной работе. Когда Гвидон и Софрон вернулись, им было поручено навести в кабинете порядок, еще раз проверить состояние архивов и отчетов, просмотреть, должным ли образом стоят книги на полках, вытереть пыль и подготовить необходимые бумаги.

Работа кипела, и все четверо членов исследовательской группы позабыли о времени. Когда усталость стала давать о себе знать настолько сильно, что продолжать заниматься делом перестало представляться возможным, сотрудники исследовательской группы разошлись по своим комнатам.

Вениамин пришел в свою комнатенку, задвинул шторы и лег на кровать, свернувшись калачиком. Стоило ему только закрыть глаза, как он очутился на острове Арфар, происхождением которого интересовался утром. Как парень и предполагал, остров когда-то принадлежал материковой части Трилунской Империи: об этом говорила архитектура уцелевших с тех пор строений. И хотя это был всего лишь сон, а сам Вениамин никогда

прежде не выходил за пределы Башни, он верил, что в действительности так оно и есть, и его теория правдива.

Из следующей главы вы узнаете о том, как пятеро путников прибыли в Четвертую Северную Башню, и как их встретили затворники-ученые.

===== Часть 3. “Башня”. Глава 22 =====

О том, как пятеро путников прибыли в Четвертую Северную Башню, и как их встретили затворники-ученые

Вблизи Четвертая Северная Башня выглядела еще более величественной. Она стояла на венце высокой скалы и возвышалась над всеми остальными скалами. Добраться до неё можно было лишь по одной дороге, по которой друзей вела Гордислава.

— Позвольте задать один вопрос, миледи, — попросил Вэй Арэн. — Я, конечно, должен был задать его месяц назад, когда мы ещё не покинули Западные Королевства... Но почему-то он не приходил мне в голову.

— И что же это за вопрос? — поинтересовалась Гордислава.

— Ученые Башен живут в затворничестве. Пустят ли нас внутрь, или же нам придется ждать за пределами Башни, замерзая в этих заснеженных землях?

— Вас пустят внутрь, если хотя бы один из признанных ученых Ассоциации Башен Севера даст на это добро, — гордо ответила северянка.

— У... — произнес Зелорис, что означало: «Где бы нам этого признанного ученого взять?».

— Вы забыли, что я являюсь признанным ученым Ассоциации Башен Севера? — напомнила Гордислава, уже научившаяся переводить «уканье» мечника на человеческий язык.

— Значит, мы попадем в тепло... — мечтательно промолвила Рэйна.

— Что нам нужно знать, прежде чем войти внутрь? — спросил Дрейк.

— Вам нужно знать, что большая часть ученых Севера никогда не выходила за пределы своей Башни, — ответила Гордислава. — Добиться разрешения на это тяжело, и не всякому удастся. Полагаю, вы будете пользоваться у жителей Башни некоторым интересом, поэтому не пугайтесь и, по возможности, помогайте ученым, хотя бы отвечая на то, что они спросят. Возможно, вам зададут вопросы о совершенно обыденных для вас вещах, которые на Западе даже в голову не придет изречь, но здесь это может привести к научному открытию или хотя бы к утолению любопытства. И не бойтесь, если вас вдруг решат потрогать. Чужаки здесь в диковинку, а среди ученых встречаются и те, которым хочется прикоснуться к чему-либо интересному. Главное, не соглашайтесь, если кто-нибудь предложит вам сделать вивисекцию.

— А что это? — поинтересовалась Рэйна.

— Операция на живом организме, — сказал Кэрэндрейк. — Примерно то же, что ты делаешь с кроликом перед началом жарки, но на живом и в исследовательских целях.

— Ужас! — воскликнула собирательница историй.

— У, — подтвердил Зелорис.

— Неужели в Башнях и таким занимаются? — поинтересовался Вэй.

— Нет, — отрезала северянка. — Но кто знает, что может прийти в голову ученому, жаждущему новых открытий.

Повозка достигла ворот Четвертой Северной Башни. Гордислава подошла к ним и трижды постучала металлическим кольцом воротной ручки о сами ворота. Только она это

сделала, как откуда-то раздался звук колоколов, а еще через некоторое время, когда звон утих, огромные железные ворота открылись сами собой, приглашая путников войти в Башню.

— Как они... — прошептала Рэйна.

— Не спрашивай, — ответил Вэй.

Пятеро путешественников миновали ворота и оказались в большой зале, украшенной коврами и гобеленами. Зала была освещена огромной люстрой, висевшей под потолком, в которой мерцали своими огоньками семьсот восемьдесят три свечи.

— С возвращением, профессор! — воскликнул младший научный сотрудник Вениамин Ступка, стремглав спустившись с лестницы встречать руководителя своей исследовательской группы. — Профессор, у меня появилась теория, которую я хочу рассказать Вам.

— Подождите, Вениамин, — холодно ответила Гордислава. — Вы же видите, я только пришла, а со мной четверо моих спутников, которые впервые посетили Северную Башню, и которых необходимо ввести в курс дела.

Она обернулась, чтобы что-то сказать прибывшим вместе с нею друзьям, но обнаружила, что те окружены толпой ученых.

— Полагаю, что это лошадь, — говорил один из ученых, рассматривая Капу.

— Вы уверены? — спросил другой.

— Это может быть конь, — высказал предположение третий, заглядывая под седло.

— Это Капа, — чуть слышно сообщил им Зелорис.

— Капа? — переспросил ученый, заглядывавший под животное. — Первый раз слышу о существовании зверя с таким названием.

— Ее зовут Капа, — прошептал мечник. — И она лошадь. Не конь.

— Позвольте нам поизучать её, — попросил ученый, сразу догадавшийся, что Капа является лошадью.

— У, — согласился Зелорис и, немного подумав, добавил, — только осторожно. Не обижайте Капу и не делайте ей виви-что-то.

— Мы вернем Вам её в целостности и сохранности, как только проведем необходимые измерения и зарисуем её с натуры! — заверили мечника три исследователя и увели Капу вглубь Башни.

— Если я не ошибаюсь, — теперь ученые взялись и за самого Зелориса. — Это у Вас меч двуручный?

— У.

— И Вы владеете им?

— У.

— А у Вас за спиной лук? — ученый переключился на Вэя.

— Он самый, — слегка опешил от пристального взгляда любопытного исследователя Вэй Арэн.

— И...

— Превосходно владею.

— В таком случае, — северянин почесал свою треугольную бородку, — могу я попросить вас подняться в мой кабинет и продемонстрировать навыки владения оружием?

— Зачем? — поинтересовался лучник.

— Я бы хотел наблюдать, какие движения совершает тело при использовании оружия,

какие мускулы напрягаются, а какие остаются расслабленными.

— У, — согласился Зелорис.

Вэй же собирался отказаться, но молодая исследовательница, положив руку ему на плечо, произнесла:

— Интересно, что же происходит с мускулами на этой руке в момент, когда натягивается тетива...

— Миледи, позвольте мне показать Вам всё, что я смогу! — торжественно произнес Вэй, позволив ученым увести себя и Зелориса на третий ярус Башни.

Рэйну и Кэрэндрейка тоже не оставили без внимания.

— Вы пришли с Запада?

— Да, — ответила собирательница историй.

— И как там?

— Что? — не понял Дрейк.

— Как там Запад! — произнес северянин с такой интонацией, будто не понять предыдущего его вопроса было невозможно.

— Как Запад, — ответил Кэрри. — Стоит, развивается, существует.

— Это правда, что на Западе летом не бывает снега? — спросила двенадцатилетняя жительница Башни.

— Правда, — улыбнулась Рэйна. — И не только на Западе, на Востоке тоже. А на Юге снега не бывает даже зимой.

— Как же они там живут? — удивилась девочка.

— Они привыкли к такой жизни и не представляют, что где-то снег может быть круглый год.

— Но ведь так даже в снежки не поиграешь! — воскликнул ребенок.

— Могу я поинтересоваться, что является Вашим основным занятием? — спросил у Кэрэндрейка некий ученый.

— Моим? — замялся с ответом Кэрри.

— Дрейк специализируется на обработке серьезных ранений, — ответила за товарища собирательница историй.

— Ранений? — заметно оживился один из ученых. — В таком случае, позвольте просить Вас поделиться с нами Вашими знаниями и опытом!

— Подо... — Дрейк попытался сказать «подождите», но его уже схватили под руки и увели за собой на верхние этажи ученые-анатомы.

— А Вы, юная леди? — седобородый ученый оглядывал Рэйну с разных сторон. — Что является Вашим полем деятельности?

— Я собираю истории и легенды по всему миру.

— Легенды? — улыбнулся старик.

— Профессор Альборей, — Гордислава решила спасти по крайней мере Рэйну от своих назойливых коллег. — Прошу Вас, дайте ей хотя бы отдышаться с дороги.

— Но мне хотелось бы послушать истории и легенды, которые этой девушке удалось собрать.

— Профессор, мы пробудем в Башне ещё некоторое время, и эта девушка не только расскажет Вам собранные истории и легенды, но и продемонстрирует свою игру на лютне. Однако, лишь после того, как отдохнет.

— Юная леди, обещаете удостоить старика-профессора своим вниманием? — попросил

профессор Альборей.

— Обещаю поведать Вам лучшие из собранных мною легенд и историй и исполнить лучшие из написанных мною песен, — с поклоном ответила малышка Рэй.

— А теперь позвольте нам удалиться, — произнесла Гордислава и направилась наверх, посмотреть, как идут дела у ее исследовательской группы, а Рэйна пошла за ней.

Когда девушки прошли несколько этажей, Гордислава вдруг резко остановилась.

— Как же так? — произнесла она. — Я увела тебя от профессора Альборей, сославшись на то, что тебе нужен отдых, а сама тащу вслед за собой в исследовательский кабинет! Так дело не пойдет. Вениамин!

Шедший следом за Гордиславой и Рэйной Вениамин Ступка тотчас же подбежал к старшему историку своей исследовательской группы.

— Чем я могу помочь Вам, профессор? — спросил он.

— Вениамин, отведите, пожалуйста, эту девушку в мои покои, — строгим голосом произнесла профессор Бурандуйская. — А я тем временем пройду в исследовательский кабинет и удостоверюсь, что в мое отсутствие группа не страдала бездельем.

— Что Вы, профессор, какое безделье?! У меня, например, возникла одна мысль, которая может Вас заинтересовать, относительно принадлежности островов...

— Вениамин, — перебила младшего научного сотрудника Гордислава. — Потом. Я выслушаю Вашу теорию позже. Девушка ждет.

Тяжело вздохнув, Вениамин Ступка повел Рэйну на четвертый ярус, в покои Гордиславы, ключ от которых девушка получила от северянки, а сама Гордислава Клеопатра Бурандуйская вошла в исследовательский кабинет своей научной группы.

— Профессор! — радостно воскликнула Снежана. — С возвращением! Мы так рады Вас видеть!

— Очень рады! — вторили ей Гвидон и Софрон.

— Отчеты, — сказала Гордислава, и ей тут же была протянута увесистая стопка бумаг.

Девушка погрузилась в изучение предоставленных ей отчетов, делая в них какие-то пометки, когда вернулся Вениамин.

— Профессор, я проводил Вашу спутницу наверх, — доложил он.

— Хорошо, — ответила Гордислава, не отрываясь от бумаг.

— Профессор... — осторожно произнес младший научный сотрудник, чтобы привлечь к себе внимание.

— А, да, теория, — вспомнила руководительница исследовательской группы. — Вы хотели рассказать мне о некой теории.

— Да! — воскликнул Вениамин, от радости чуть не забывший о том, где находится.

Он тут же бросился к своему рабочему месту, взял в охапку несколько бумаг, на которые записывал всё, что могло служить если не доказательством того, что когда-то острова Арфар и Арба принадлежали к материковой части Трилунской Империи, то хотя бы обоснованием этого. Вениамин разложил бумаги перед Гордиславой и принялся рассказывать ей о том, что натолкнуло его на подобную теорию и что может ее подтвердить. Он поделился с профессором своими догадками и замер в напряженном ожидании: признает ли Гордислава его теорию или же опровергнет?

— Весьма занятно, — произнесла северянка. — Если Ваша теория подтвердится, это будет великим открытием.

— То есть, Вы... — от счастья Вениамин даже не знал, что сказать.

— Именно так, — улыбнулась Гордислава. — Вы молодец, Вениамин, проделанная Вами работа заслуживает похвалы. Полагаю, нужно обратиться за помощью к геологам, чтобы они проанализировали возможность отделения островов в результате землетрясения.

— Профессор, позвольте мне возразить Вам!

— Да?

— Если геологи докажут отделение островов от материка в результате землетрясения, то это открытие будет присуждено им. Но Вы, профессор, получили разрешение на проведение исследований за пределами Башни и отправляетесь на руины Трилунской Империи. Простите, если я слишком дерзок или позволяю себе лишнее, но, профессор, вдруг Вам доведется оказаться на одном из этих островов? Если так случится, и Вы обнаружите там доказательства того, что острова некогда были частью Империи Трех Лун, то это открытие безусловно будет принадлежать историкам! Я не хочу отдавать геологам свои идеи, но с радостью отдам их Вам, профессор.

— Вениамин, — чуть подождав, произнесла Гордислава. — Я не претендую на Ваши исследования. Если мне посчастливится оказаться на одном из этих островов, обещаю, я поищу доказательства Вашей теории. Если мне это удастся, Ваша теория станет Вашим же открытием. Поэтому, прошу, не разбрасывайтесь своими идеями и, по возможности, не отказывайтесь от помощи других ученых, в какой бы области исследованиями они не занимались.

— Благодарю, профессор, — чуть ли не прослезившись, прошептал младший научный сотрудник. Сбылось одно из сокровенных его желаний — Гордислава Клеопатра Бурандуйская признала его, поддержала его теорию и обещала помочь в исследованиях.

Вениамин убрал свои записи, а Гордислава вернулась к изучению отчетов, делая пометки, выписывая рекомендации и замечания, довольная работой, проделанной ее подчиненными.

Из следующей главы вы узнаете о том, как собирательница историй развлекала ученых Четвертой Северной Башни, и как они обсуждали ее легенды.

===== Часть 3. “Башня”. Глава 23 =====

О том, как собирательница историй развлекала ученых Четвертой Северной Башни, и как они обсуждали ее легенды

Как и было обещано профессору Альборею, собирательница историй Рэйна повествовала лучшие из собранных ею историй и легенд и исполняла лучшие из написанных ею песен. Послушать малышку Рэй собрались ученые со всей Четвертой Северной Башни поэтому выступить ей пришлось в огромном Зале Собраний, который занимал целый этаж третьего яруса Башни. Признанные ученые, в том числе сам профессор Альборей и Гордислава, а также гости Башни (Зелорис, Вэй и Кэрэндрейк) заняли почетные места, а Рэйну пригласили на сцену.

Ее попросили начать с песен, и малышка Рэй исполнила две баллады, которые пользовались наибольшим успехом среди жителей Западных Королевств: «Песнь о Лесорубе и встреченном им Монстре» и «Кленовый сироп».

— Но если вы думаете, что все это выдумка, — загадочно произнесла собирательница историй, спев «Кленовый сироп», — то позвольте развеять это предубеждение, поскольку здесь присутствует тот самый Герой Монтильфондской «Охоты», сразивший безжалостного главаря разбойников своим мечом! Имя этому герою — Зелорис.

— У, — сказал Зел, встал со своего места и поклонился аплодирующим ему северянам.

— Помимо главаря разбойников, он одолел еще сорок семь его приспешников, — добавила Рэйна. — А этот храбрый лучник — Вэй Арэн, прикрывая ему спину, сразил своими стрелами тридцать восемь бандитов.

— Малышка Рэй, я так признателен тебе, что ты меня не забыла, — с поклоном ответил на представление Вэй.

— Вэй Арэн сам является своего рода легендой: девушки всего Запада очарованы его льстивыми речами.

— Никакой лести в моих речах, обращенных к прекрасным дамам, нет, — возразил лучник. — Я всегда честен в комплиментах женщинам!

— А теперь позвольте рассказать Вам легенду о сокровище города Эдэль, которое появляется раз в пятьдесят лет, — продолжила собирательница историй.

— Это все, конечно, интересно, но позвольте спросить: какую ценность представляют собираемые Вами истории и легенды? — с надменным видом произнес худощавый ученый. Это был Дубвин Головешка, старший историк исследовательской группы отдела по изучению развития цивилизаций, входящего в первое историческое подразделение объединения историков Четвертой Северной Башни.

— Легенды зачастую могут поведать о прошлом большее, нежели сухие факты, — улыбнулась Рэйна, ожидавшая такого вопроса, но не дальнейшего развития событий.

— Раньше я тоже была нелестного мнения о легендах, — неожиданно для всех произнесла Гордислава. — Но сейчас я уверена, что они действительно несут в себе большую ценность, в том числе для изучения истории. Но чтобы увидеть эту ценность, нужно вдуматься в содержание самой легенды, что невозможно, если относиться к ней как к бессмыслице.

— Раз уж была затронута такая тема, — профессор Альборей поднялся со своего места и подошел к собирательнице историй. — Хочу предложить одно любопытное занятие, если, конечно же, юная леди не возражает.

— Ничуть, — ответила Рэйна.

— В таком случае, — продолжил профессор, — давайте попробуем все вместе разгадать одну из легенд и выяснить, что именно сокрыто в ней. Я даже предлагаю тем, кто считает сказания безделицей, выбрать, о чем должна быть эта легенда. Полагаю, у юной леди найдутся истории на все случаи жизни.

— Учитывая, что драконов не существует, но они часто упоминаются в легендах, хотелось бы услышать оную про дракона, — предложил Дубвин Головешка. — И, конечно же, еще больше мне хотелось бы услышать вашу «разгадку» этой легенды.

— Ну так как, юная леди, есть у Вас история про дракона? — поинтересовался профессор Альборей.

— Есть, три, но не в песне, — ответила Рэйна.

— Одной, думаю, будет достаточно, — мягко улыбнулся профессор. — Расскажите нам самую интересную на Ваш взгляд.

— Хорошо, — кивнула малышка Рэй и начала свой рассказ. — Эта история имела место быть во времена давно минувшие. Не осталось в живых уж очевидцев тех грандиозных событий, но память о них до сих пор жива в сердцах их потомков. Эта история передавалась из уст в уста жителями княжества Лира. История о том, как княжество Лира было спасено Драконом.

Рэйна обвела взглядом зрителей и принялась перебирать струны лютни параллельно

своему рассказу.

— Мирные дни сменялись мирными днями, жили в безмятежности и спокойствии жители княжества, не было забот у них, кроме как обыденных, и ничто не тревожило их мир и покой. Но однажды вторглись с юга захватчики иноземные! Огнем и мечом свой путь провожая, деревни и села по пути разрушая, добрались до столицы они. Закончились мирные дни. Столица осажена. Враги у ворот. Грозятся разрушить последний оплот. Надежда уходит, а страх нарастает. Крепость слабеет, а враг все крепчает. Отчаявшись, Князь молил небеса на помощь послать им хоть ангела, хоть беса. Жизнь готов отдать был Князь, лишь бы народ спасти, захватчикам не дать княжество разнести. Но небеса высоки и от земли далеки, не долететь мольбе до них... А враг напасть готов в любой уж миг и разнести столицу. Князь с горя утопиться в колодце захотел. Но вдруг, с небес Дракон к ним прилетел, в столице приземлился и промолвил: «Уговор меж нами заключен был, когда Драконом был не я, и ты еще не княжил. Мой долг помочь, твой — отплатить. А чем — тебе расскажут». «Но кто расскажет?» — вопрошал Лирийский Князь Дракона. «Ты, Княже, сам поймешь, когда пора придет», — промолвил Дракон, отправившись в полет. Врага войска держали строй, когда Дракон свой начал бой. Пустили сотни стрел в него, но не попала ни одна. Мечи, дубины, копья, колья — все нипочем было Дракону. А от драконьих же когтей спасенья не было врагам. Кто выжил — в страхе от него бежал, кто не успел — тот ужасной боли испытал. Захватчики повержены. Дракон освободил Лиру от гнета чужеземцев и улетел в свое гнездо среди трех гор. С тех пор ни разу дней мирных череда ничем не нарушалась, княжество Лира нападению врагов впредь не подвергалось. Дракону — слава, Князю — лавры, а тем, кто слушал — благодарность.

— Если вы говорите, что легенды содержат в себе зашифрованные исторические факты, — неспешно произнес Дубвин Головешка, — то какие факты могут быть зашифрованы здесь? Княжество Лира не вступало ни в какие военные конфликты и не подвергалось нападению со дня основания. А значит, история со вторжением захватчиков — чистой воды вымысел. Я уже и не говорю о драконах, которых даже не существует.

— Существует! — возразил северянин безумного вида. — Не доказано их существование, но это не значит, что их не существует.

— Извините, если я что-то не то говорю, — вмешалась младший научный сотрудник Снежана Юкинская, — но всем известен тот факт, что королевство Исполен за триста сорок восемь лет до гибели Трилунской Империи проводило политику экспансии, и его нападениям подверглась большая часть Западных Королевств. Да, ни в одном историческом документе не содержится сведений о том, что Исполен вторгся в Лиру, но, если мне не изменяет память, правивший тогда король Исполена в своей переписке эти планы указывал.

— К тому же, — добавил Вениамин Ступка, — если предположить, что армия захватчика, уничтоженная Драконом из легенды — это войска Исполена, то становится понятным неожиданное прекращение королевством своей агрессивной политики. Войска же разрушены.

— Драконом, — ехидно напомнил Дубвин.

— Таким образом, мы установили, между кем и когда происходила не упоминавшаяся в документах война, — улыбнулся профессор Альборей. — А теперь давайте выясним, что скрывается в этой легенде под ликом Дракона.

— Разумеется, самый настоящий дракон! — воскликнул безумный ученый.

— Сокрытый Орден, — прошептала Пистимея Вьюгская, не так давно ставшая старшим

историком в отделе по исследованию межполитических контактов.

— Интересное предположение, — задумался профессор. — Но я надеюсь, что Вы проясните нам эту версию.

— Хорошо! — ответила Пистимея. Она очень смущалась и нервничала. — Понимаете, я ведь провожу исследования в сфере межполитических контактов различных государств, и, разумеется, на них значительное внимание оказывает Сокрытый Орден. Вы, конечно, можете посчитать меня параноиком, но в легенде прямо говорится о том, что Дракон был послан Орденом!

— Что-то не припомню ни одного слова об Ордене в этой сказочке, — усмехнулся Дубвин.

— Дракон прилетел с небес, а его гнездо находилось среди трех гор, — произнесла Пистимея. — Все согласятся со мной, что горы возвышаются над землей. Если представить, что небеса — это Океан, а горы — это возвышающиеся над Океаном острова, то гнездо Дракона — это архипелаг Триада, где, как говорят, расположен сам Сокрытый Орден.

— Слишком притянута за уши, — заметил Дубвин Головешка.

— А мне кажется эта версия правдоподобной, — возразила Гордислава. — К тому же, Дракон говорил, что за эту услугу Князь должен будет отплатить, но не самому Дракону, а Небесам, пославшим его, и как он будет это делать, ему расскажут, значит, Дракон не один.

— Дракон один, — отрезала Пистимея. — Остальные члены Ордена не могут зваться Драконами.

— Если Дракон один, то как он расправился с целым войском? — насмешливо спросил Дубвин.

— Если он из Карателей Ордена, то все возможно, — заметил профессор Альборей. — Всем известно, что они способны на то, что обычному человеку не под силу.

— Вот именно, профессор! — оживилась Пистимея Вьюгская. — Я более чем уверена что Дракон — это тот, кого в Ордене величают Коготь.

— Коготь? — не понял Зелорис.

— Каждый из карателей имеет свое звание, титул, — объяснила Пистимея. — Не думаю, что кому-либо известны титулы всех карателей, но Коготь* — сильнейший из них, он упоминается во многих исторических документах. Так как когти есть и у зверей, и у птиц, Когтя иногда именуют Грифоном или Драконом. К тому же, слова легенды о том, что врагам не было спасенья от драконьих когтей, также наводят на мысль, что Дракон и Коготь одно и то же лицо.

— Похоже, эта легенда или, как Вы, профессор Головешка, говорите, «сказочка» пролила свет на довольно-таки интересные события трехсотлетней давности, — подвел итог профессор Альборей. — Безусловно, родившаяся сегодня теория заслуживает проверки. Я полагаю, группа профессора Вьюгской займется этим.

— С превеликой радостью! — воскликнула Пистимея, отбросив свою неуверенность.

— А Вас, юная леди, я хочу поблагодарить за то, что Вы уделили нам свое внимание в этот день, — закончил профессор.

— Я была рада оказанной мне чести, — с поклоном ответила Рэйна.

===== Часть 3. “Башня”. Глава 24 =====

О том, как друзьям была продемонстрирована Священная Звезда Севера и рассказана история о Пяти Звездах

Все четверо гостей Четвертой Северной Башни расположились в предоставленных им покоях на четвертом ярусе. Их комнаты находились недалеко от покоев Гордиславы и насчитывали пять помещений: спальни каждого из них и одна общая горница. Спальные комнаты четвертого яруса были намного лучше жилых помещений второго. Большие окна, обрамленные роскошными шторами, несколько канделябров, в каждом из которых было не менее пяти свечей, хорошо освещали комнату, а мягкая и теплая кровать позволяла забывшим об удобствах путникам расслабиться и выспаться вдоволь. В общей комнате располагался большой стол и несколько скамей с мягкими подушками для сиденья. Под потолком висела большая люстра, в которой горело сто свечей, а вдоль стен стояли большие книжные стеллажи.

Каждый из гостей нашел себе занятие по душе: Кэрэндрейк спал в уютной кровати, а Зелорис, Вэй Арэн и Рэйна читали книги, написанные учеными Севера.

— Какие только исследования здесь не проводят! — воскликнула малышка Рэй, разделавшись с книгой под названием «Распространение звука и влияние на него окружения». Она захотела поставить ее на полку, но случайно уронила несколько других книг.

— Замечательные исследования, — заметил Вэй. — Ученый, написавший этот десятитомный трактат, — он показал на стопку книг перед собой, — проделал воистину великий труд.

— Что за трактат? — поинтересовалась собирательница историй.

— «Путь к сердцу женщины», — ответил лучник. — Братец Зел, а ты чем так зачитываешься?

— Руководство по выращиванию кленов, — прошептал Зелорис.

— Почему-то я не удивлен, — зевая, произнес Кэрэндрейк, вошедший в общую комнату. — Кто из вас только что уронил несколько книг, потревожив мой драгоценный сон?

— Я. Извини, пожалуйста, — попросила Рэйна.

— Не обижайся на малышку Рэй, Кэрри, — сказал Вэй Арэн. — Лучше сам почитай что-нибудь. Еще успеешь наспаться, а такие книги больше можешь и не увидеть.

— У, — подтвердил Зелорис.

— Нам скоро снова в путь, — ответил Дрейк, — а это значит, что опять целый месяц придется ночевать на морозе в спальном мешке. Я хотя и говорил, что сплю где попало, но все же предпочитаю, если есть возможность, делать это в комфорте. Рэйна, а с тебя в качестве компенсации сказка.

— В смысле? — не поняла собирательница историй.

— У, — любопытствовал Зел.

— Из-за тебя я проснулся, следовательно, ты должна мне помочь снова уснуть. Говорят, после хорошей сказки должен прийти хороший сон.

— Если тебе нужна помощь, чтобы заснуть, это значит, что спать ты уже не хочешь, — заметил Вэй.

— Я хочу спать, — ответил Кэрэндрейк. — Несмотря на то, что мой организм твердит обратное.

— Это и называется «не хочешь спать»!

— Если Зелорис выпьет три бочки кленового сиропа, физически он уже не сможет хотеть выпить большего, но это не значит, что сам он не будет больше хотеть кленовый

сироп.

— У, — подтвердил мечник.

— Так и я, — продолжил Дрейк. — Пусть мой организм выспался, сам я всё еще хочу спать.

В этот момент в гостевые покои вбежала встревоженная Гордислава.

— Что-то случилось? — поинтересовался лучник.

— Случилось! — ответила северянка. — Вас удостоили редчайшей чести!

— У?

— Даже младших научных сотрудников не пускают туда, куда было разрешено проводить вас.

— Ты не могла бы не говорить загадками? — попросил Кэрэндрейк.

— Я просто слишком взволнована, — вздохнула Гордислава. — Профессор Альборей всё вам объяснит и покажет. Это была его идея.

— Профессор Альборей — это тот добрый дедушка? — вспомнила Рэйна.

— Тот «добрый дедушка» — самый главный человек в Четвертой Северной Башне, — холодно произнесла профессор Бурандуйская. — Поэтому прошу проявить к нему должное уважение.

— Хорошо-хорошо, проявим, — сказал Дрейк. — Только всё же скажи, что стряслось? А то я обратно спать пойду.

— Миледи, действительно, что могло Вас настолько встревожить? — спросил Вэй. — Вы от волнения на себя не похожи.

— У, — подтвердил Зелорис.

— Пройдемте за мной, — собравшись с мыслями, произнесла Гордислава.

— Куда? — поинтересовалась собирательница историй.

— Вниз. Профессор Альборей уже ждет вас там.

— Обязательно? — задал свой вопрос Кэрри. — Думаю, троих ему вполне хватит, а я пока вздремну...

— Ты просто не понимаешь, что за честь тебе выпала! — вспылила вечно холодная северянка. — Своим отношением ты оскорбляешь весь Север!

— Извини, — опешил от неожиданности Кэрэндрейк.

— Пообещай впредь не допускать подобного.

— Обещаю впредь не допускать подобных высказываний. Буду молчать, как Зел.

— У, — одобрил мечник.

Гордислава повела друзей за собой на нижний этаж Башни. Профессор Альборей уже ждал их, стоя у большой каменной двери.

— Вот вы и пришли, — сказал он.

— Для нас большая честь, что Вы пригласили нас, — поклонился Вэй. — Но хотелось бы знать, для чего.

— Разве профессор Бурандуйская не объяснила вам? — удивился профессор Альборей.

— Я не нашла подходящих слов, — взволнованно произнесла Гордислава. — Прошу извинить меня за эту оплошность.

— Ничего страшного, — улыбнулся самый главный в Четвертой Северной Башне человек. — Я понимаю Ваше волнение, профессор Бурандуйская, ведь людям, которых Вы привели в Башню, выпала редчайшая возможность взглянуть на Нее.

— Девушка? — оживился лучник.

— Вэй Арэн Виндсвиш, — процедила сквозь зубы северянка. — Вам тоже бы не мешало держать язык за зубами.

— У, — поддержал северянку Зелорис.

— Ступайте за мной, — сказал профессор и трижды стукнул по каменной двери, которая словно по волшебству отъехала в сторону, открыв проход к лестнице, ведущей вниз.

— Я думала, мы на самом нижнем этаже Башни, — удивилась Рэйна.

— Эта лестница ведет в подвал, юная леди, — ответил профессор Альборей. — Нам предстоит долгий спуск, поэтому, прошу, наберитесь терпения.

Крутая каменная лестница, ведущая в подвал, не была винтовой, как другие лестницы Башни, поскольку уходила вглубь горы, на которой Башня стояла. Спускаться пришлось действительно долго, отчего друзьям даже думать не хотелось о грядущем подъеме. Но когда группа дошла до конца лестницы, перед ней оказался...

— Тупик, — тяжело вздохнул Вэй Арэн.

— Нет, — возразила Гордислава. — Смотри.

Профессор Альборей нажал на один из камней в стене, и та раздвинулась. Они прошли еще несколько метров и вышли к небольшой чугунной двери с маленьким закрывшимся окошечком посередине. Профессор постучал в окошко.

— Кто? — донеслось оттуда.

— Глава Четвертой Северной Башни... — медленно начал представляться Альборей, но резко ускорился и скороговоркой произнес остальную часть своего ответа, отчего его спутники не смогли разобрать ни единого слова.

— Вход дозволен, — ответил голос, после чего раздался звук отпирающихся замков, и дверь открылась.

Вошедшие очутились в огромном зале с множеством колонн, освещенном факелами. В центре находился большой постамент, вокруг которого стояло двадцать охранников. Эти вооруженные алебардами люди в тяжелых доспехах никогда не занимались науками, хотя и прожили всю свою жизнь в Башнях Севера. Целью их существования было охранять то, что сейчас лежало на этом пьедестале — величайшую реликвию Севера.

Друзья остановились неподалеку от пьедестала, а профессор Альборей встал напротив них и заговорил.

— Вы первые гости Четвертой Северной Башни за последние несколько десятков лет, а также первые чужаки, которых Башня приняла как друзей за последние две сотни лет. Вы согласились помочь профессору Бурандуйской, несмотря на опасности, которые могут появиться на вашем пути, а также, невзирая на усталость от долгой дороги, не отказали ученым Башни и ответили на все их вопросы, тем самым оказав помощь их исследованиям. Легенды Запада, рассказанные вами, внесли разнообразие в жизнь Севера. Поэтому пользуясь правами главы Четвертой Северной Башни, я бы хотел показать вам Священное Сокровище Севера, которое сейчас находится здесь.

— Это большая честь для нас, — с поклоном ответили путники.

— Это, — профессор Альборей взял с пьедестала представляемый предмет, — Тридцатиконечная Звезда*.

Тридцатиконечная Звезда имела тридцать длинных равноудаленных лучей, располагавшихся в одной плоскости. Она была сделана из прозрачного камня с оттенком цвета снежных вершин Северных гор и источала слабое свечение. Диаметр Звезда была с палец, а в толщину достигала не более полутора миллиметров, что не мешало ей быть

невероятно прочной.

— Доводилось ли вам прежде что-либо слышать о Священных Звездах? — спросил профессор, показывая Тридцатиконечную Звезду путникам, но не давая ее в руки.

— Гордислава как-то рассказывала о том, что Трилунцы верили, будто правящая династия хранит какую-то звезду, — вспомнил Дрейк.

— У, — подтвердил Зелорис.

— Алирэнорэй Искарэ, — с расстановкой произнесла Гордислава. — Священная Звезда, Сокровище Трилуна, Пятидесятиконечная Звезда, являвшаяся символом власти в Империи.

— Сокровище Трилуна, на мой взгляд, — это жрицы, которые Звезду охраняют, — мечтательно вздохнул Вэй. — Говорят, все жительницы Трилунской Империи — настоящие красавицы... Малышка Рэй, что твои легенды говорят на этот счет?

— Как собирательнице легенд мне довелось слышать о Пяти Священных Звездах, — сказала Рэйна. — Всех их объединяет то, что они были подарены людям.

— Похвально, юная леди, — улыбнулся профессор Альборей. — А теперь, позвольте, я поведаю вам о Священных Звездах то, что известно Северу. Ученым не должно полагаться на легенду, поскольку наука обязана опираться на факты, но это такой случай, когда фактов нет, есть только предание и Звезда, которую вы сейчас видите. Легенда гласит, что на заре времен, когда человек только стал человеком, и появились первые государства, людям было подарено Пять Звезд. Того, кто это сделал, мы, жители Севера, зовем Сущностью Мироздания. Трилунцы считали его Духом Трех Лун, а кочевники Южных племен называют Тыр-Гхак, что значит «Таинственное Нечто». В Сокрытом Ордене подаривший Звезд известен как «Прародитель», а на Западе его именуют не иначе как Богом. Пять Священных Звезд были вручены пятерым разным людям, жившим далеко друг от друга. Десятиконечную Звезду получил вождь сильнейшего из Южных племен. Двадцатиконечная Звезда была подарена королю первого из появившихся на Западе государств, сейчас известного как королевство Альда. Тридцатиконечную Звезду принял ученый, впервые закрывшийся в Башне для проведения своих исследований. Сорокаконечная Звезда была дарована основателю Сокрытого Ордена. Пятидесятиконечная Звезда стала символом власти в Трилунской Империи. Считается, что если человечество однажды будет стоять перед лицом Великой Опасности, все Пять Священных Звезд должны быть собраны в одном месте, и только тогда у людей останется шанс. Не знаю, правда всё это или нет, действительно ли всему живому будет угрожать гибель, и есть ли на самом деле остальные Звезды. Однако, Священная Звезда Севера есть, вы можете видеть ее своими глазами. Прикоснуться к сокровищу разрешено только главам Башен, а смотреть — только заслуженным ученым. То, что вам была показана Тридцатиконечная Звезда, должно являться строжайшим секретом, и я надеюсь, вы сохраните его. Звезда хранится в каждой из Башен по десять лет, поэтому считайте чудом, что вы оказались в Четвертой Северной Башне именно в это время.

— Благодарю Вас, профессор, — отвесил поклон Вэй Арэн.

— Спасибо, — поклонился Зелорис.

— Для нас большая честь видеть Священную Звезду Севера, — ответила Рэйна.

— Благодарю, — произнес Кэрэндрейк.

— Профессор, благодарю Вас за то, что позволили мне еще раз взглянуть на Звезду, — прослезилась Гордислава. — Я никогда не забуду о той чести, удостоенной мне от Вас, а также людей, которых я привела в Башню.

— Вы путешествуете по миру, и, кто знает, возможно, вам доведется увидеть и другие

Священные Звезды, поэтому я и решил показать вам ее, — признался профессор. — Трилунская Империя исчезла за одну ночь, вероятно, это связано с Великой Опасностью, которая грозит человечеству. Хотя я и ученый, но, признаюсь, я верю в судьбу. На мой взгляд, то, что чужаки пришли в Четвертую Северную Башню, пусть и по приглашению одной из нас, когда Звезда находилась здесь, именно судьба, а не случайное совпадение.

Небольшой спойлер: Священные Звезды повлияют на развитие сюжета не меньше, чем тот, о ком я спойлерила в предыдущей главе;)

Из следующей главы вы узнаете о том, как путники покинули гостеприимную Северную Башню и повстречали недружелюбного Северного зверя.

===== Часть 3. “Башня”. Глава 25 =====

О том, как путники покинули гостеприимную Северную Башню и повстречали недружелюбного Северного зверя

— Перед тем, как снова отправиться в путь, — произнесла Гордислава, расхаживая взад-вперед перед огромной картой, что висела на стене картографического отдела, — мы должны обсудить маршрут нашего путешествия.

— Трилунская Империя, — прошептал Зелорис, сидевший на стуле, как и трое его друзей.

— Руины Трилунской Империи — это цель путешествия, — возразила северянка. — Конечная точка маршрута. Я же говорю о том, как мы собираемся туда добираться.

— Мы будем туда добираться так, как Вы пожелаете, миледи, — галантно ответил Вэй. — Захотите — пойдем через пески Центральной Пустыни, а если пожелаете, то будем держать путь через снега Севера.

— Вот уж, пожалуйста, давайте без снегов, — проворчал Дрейк. — Хотелось бы маршрут потеплее.

— У, — поддержал Зел.

— В таком случае, предлагаю вернуться в Западные Королевства и пойти по старой караванной дороге, что ведет из Веслеса в Трилун, — задумался Вэй Арэн.

— Караванная дорога? — оживилась Рэйна. — Значит, по пути в Трилунскую Империю нам могут встретиться места для ночлега и за пределами Королевств!

— Именно так, малышка Рэй! — лучник поднялся со стула и взмахнул руками. — Только подумайте, если мы пойдем по караванной дороге из Веслеса, то нам, во-первых, удастся проникнуться духом караванщиков, что путешествовали из Трилунской Империи на Запад и обратно, то есть соприкоснуться с историей.

— Действительно! — воскликнула Гордислава.

— Во-вторых, — Вэй посмотрел на Рэйну, — возможно, на этом пути нам доведется услышать несколько легенд.

— Хочу!

— В-третьих, есть шанс, что на постоянных дворах, которые просто-напросто должны быть на этом караванном пути, будет продаваться кленовый сироп.

— У! — Зелорис даже хлопнул в ладоши от предвкушения.

— А в-четвертых, — лучник коварно улыбнулся, — по дороге нам может встретиться много прекрасных дам.

— С этого и надо было начинать, — проворчал Кэрэндрейк.

— Что ты, Кэрри, — мягко произнес Вэй. — Я и про тебя не забыл: вдоль караванного

пути просто обязаны быть постоянные дворы, где ты сможешь выспаться на мягких кроватях.

— Караванный путь не используется с тех пор, как Трилунская Империя погибла, — сказал Дрейк. — Это значит, что и все постоянные дворы позакрывали, так как в них уже некому останавливаться. А городов на этом пути раз-два и обчелся. Песочные насыпи, конечно, будут потеплее, чем снеговые горы, но снег, если растопить, хотя бы выпить можно, а в пустыне воды нет.

— Возможно, Кэрэндрейк и прав, — задумалась Гордислава.

— В Трилун можно попасть тремя способами, — продолжил настаивать на своем Вэй Арэн. — Первый — это идти с Севера, но всем хочется теплой дороги. Второй — через Центральную Пустыню по караванной дороге из Веслеса, но вас это не устраивает. Третий способ — Южными степями, кишмя кишущими воинственными кочевниками. Безусловно, нас с братцем Зелом наняли для охраны, но именно по этой причине я не рекомендую этот путь, а советую более безопасный. Что остается?

— Можно еще по морю, — предложила Рэйна.

— В обход через весь материк? — усмехнулся лучник. — Ты знаешь, сколько времени это займет? И не забывай о таком явлении, как штормы.

— В таком случае, — вздохнула северянка, — вариант Вэй Арэна отправиться через Веслес по караванному пути — наилучший.

— У, — поддержал Зел.

— Ладно, если уж хотите идти через Центральную Пустыню, возражать не буду, — согласился Дрейк. — Но почему именно Веслес?

— Кэрри, пока мы все еще здесь, советую тебе обратиться за помощью к местным ученым, — с наигранной заботливостью произнес Вэй. — Ты чем слушаешь? Я же говорил, что из Веслеса ведет старый караванный путь.

— Из Сардинии, Ирла и Ролоса также идут дороги, — ответил Кэрэндрейк.

— Да, но дорога из Ролоса постоянно подвергается набегам кочевников, — улыбнулся лучник. — О пути из Ирла я вообще в первый раз слышу, а о дороге из Сардинии слышал лишь плохие вести.

— Не знаю, где и что ты слышал, но путь из Сардинии самый короткий.

— Я родом из Веслеса, — сообщил Вэй Арэн, — и могу быть проводником первую часть дороги. К тому же, как историк, Гордислава сможет найти что-нибудь ценное на этом караванном пути.

— Решайте, как хотите, — сдался Дрейк. — Но если что, я предупреждал.

— Тогда решено, — сказала Гордислава. — Идем через Веслес.

— У, — подтвердил Зелорис.

— Готовьтесь, выходим завтра на рассвете, — закончила северянка.

Друзьям предстояло последний раз заночевать в Башне, а это значило, во всяком случае, для Вэй, что он обязан был провести последний вечер с прекрасными жительницами Севера, поскольку шансы на то, что когда-нибудь лучник снова окажется здесь, были ничтожны.

— Миледи, Вы неприступны, как горы Севера, — сказал он исследовательнице из биологического отдела. — Но также Вы маните меня своей неприступностью.

— Что Вы! — покраснелась «неприступная» северянка.

— Как жаль, что я не смогу больше видеть Вас, ведь завтра мне вновь отправляться в путь.

— Как жаль... — повторила она.

— Но я клянусь, что не забуду Ваш образ и буду помнить его до конца дней своих!

— Пожалуйста, оставайтесь!

— Я не могу. Я должен уйти! Мой долг зовет меня снова в путь, моим стрелам суждено быть выпущенными во врагов, а мне уготовано помочь друзьям в трудную минуту.

— День, когда я встречу Вас снова, будет лучшим днем в моей жизни, — призналась северянка.

— Я буду счастлив, если когда-нибудь мне представится возможность снова увидеть Вас, миледи, — торжественно произнес Вэй. — А теперь позвольте мне откланяться, я должен успеть попрощаться со всеми.

— Прощайте, Вэй! — прослезившись, ответила исследовательница.

Но стоило лучнику свернуть за угол, как он наткнулся на Кэрэндрейка.

— А, это ты, Кэрри, — вздохнул Вэй Арэн.

— Мне вот интересно, после всех тех сладких речей, что ты сейчас ей произнес, ты хоть помнишь, как ее зовут? — поинтересовался Дрейк.

— Ты подслушивал?

— Я первый спросил. Каждую девочку, девушку, женщину, бабушку ты называешь не иначе как «миледи». Удобно, конечно, универсально, и никаких имен.

— Попрошу не делать поспешных выводов, — оскорбился Вэй. — Я помню имена всех прекрасных дам, с которыми мне доводилось общаться. Ту, с которой я общался сейчас, зовут Элеонора. До этого были Светослава, Снеговлада и Владислава. До них — Ариана Зинаида, Ледислава...

— Хватит-хватит, — перебил его Кэрри. — Верю.

— А теперь ответь мне ты, — попросил лучник. — Ты что, подслушивал?

— Нет. Мимо проходил.

— Я думал, ты спать будешь перед отбытием.

— Сейчас и пойду, только поем для начала. Для этого и спускаюсь.

— Тогда я с тобой.

— Неужели решил променять прощание с дамами на еду? — удивился Кэрэндрейк.

— Нет. Просто внизу наверняка много красавиц, не простившихся со мною.

— Я мог бы сразу догадаться.

Утром следующего дня друзья покинули гостеприимные стены Четвертой Северной Башни, в которой пробыли восемь дней. На прощание ученые подарили путникам несколько своих изобретений: устройство для облегчения высечения искр из камней; держатель лютни, на случай, если Рэйна устанет ее держать, которое, правда, не позволяло перебирать струны; складная подушка для Кэрэндрейка; прибор для облегчения вынимания стрел из колчана Вэя; а также удобный держатель для бутылочек с кленовым сиропом для Зелориса. Гордислава от предложенного ей устройства, позволяющего выше задирать голову, отказалась, сославшись на ненужность подобного изобретения и доказав это в часовом монологе, который провела, гордо задрав голову. Последнее изобретение оказалось самым удачным. Оно называлось «Мечта путешественника» и полностью соответствовало своему названию. Это был набор из полых металлических трубочек и кусков плотной ткани, из которых можно было соорудить палатку, большой шатер, вмещающий пять человек, и которые возможно прикрепить к повозке, чтобы сделать ее крытой. «Мечта путешественника» занимала меньше места, чем палатки, купленные в Нордаре, и была более удобной, легкой в обращении и прочной, поэтому друзья единогласно решили оставить

старые палатки в Башне.

Из-за большого количества еды, собранного учеными для гостей, в повозке мог ехать только управляющий, отчего Гордислава была вынуждена в очередной раз идти пешком, как все. Путь на юг, к Западным Королевствам, был значительно легче пути на Север, в частности потому, что теперь странникам приходилось спускаться с гор, а не подниматься. Несмотря на то, что была середина зимы и природа то и дело «радовала» путников ледяными ветрами и снежными бурями, несмотря на однообразие северных пейзажей, настроение путешественников с каждым днем не ухудшалось, а лишь поднималось. Друзья не переставали мысленно благодарить ученых, подаривших им «Мечту путешественника», поскольку благодаря ей они могли проводить в тепле и уюте суровые северные ночи.

На двенадцатый день запасы еды закончились, что обрадовало Гордиславу, так как она могла снова ехать в повозке, но несколько расстроило Вэя, так как заботы о добывании пищи вновь легли на него. А на семнадцатый день путники обнаружили на снегу огромные следы.

— Миледи, Вам что-нибудь известно о зверушке, чья поступь могла оставить подобное? — поинтересовался Вэй Арэн, меряя следы своими шагами. В одном таком следе помещалось три шага лучника.

— Я историк, а не зоолог, — возразила Гордислава.

— Север является Вашим домом, поэтому я и решил, что Вы можете подсказать, чьим лапам принадлежит сие творение.

— Не знаю, — с гордостью произнесла северянка.

— А я бы и знать этого не хотела, — прошептала Рэйна, глядя по загривку встревоженную лошадь. — И Капа, думаю, тоже.

— У, — подтвердил Зелорис, обеспокоенный больше тревожностью Капы, нежели следами неизвестного происхождения.

— Как по мне, так чтоб не встретиться с обладателем этих следов, нужно просто не идти в их направлении, — проворчал Кэрэндрейк. — Но если кому-то любопытство покоя не дает, то его никто не держит: пусть идет по следам и смотрит. Стрелы есть — не пропадет.

— Кэрри, а ведь ты в чем-то и прав! — неожиданно обрадовался Вэй. — Если у того создания только следы такие, то представьте, какого размера оно само!

— Ты чему радуешься-то? — не понял Дрейк.

— У, — присоединился к вопросу Зел.

— А тому, что его мяса нам может хватить на несколько дней, в течение которых мне можно будет не беспокоиться о ловле дичи.

— Это может быть опасно, — заметила Гордислава.

— Беру свои слова о том, что не хочу встречаться с этим монстром, обратно, — трясаясь одновременно от страха и предвкушения, промолвила Рэйна. — Я обязана описать подвиг героя, сразившего его. Вэй, я иду с тобой.

— Я понимаю, Вэй не мозгами думает, но ты-то! — воскликнул Кэрри.

— Я с ними, — прошептал мечник. — На всякий случай. Кэрэндрейк, оставайся с Гордиславой и Капой.

— Не бойся, Кэрри, мы вернем малышку Рэй в целости и сохранности, — поспешил успокоить товарища лучник.

Чудовище не заставило себя долго ждать: Вэй, Зелорис и Рэйна смогли увидеть его, обогнув всего лишь два холма. Монстр оказался действительно устрашающим: он передвигался на четырех лапах и был высотой в три человеческих роста. Из огромной пасти

торчали большие острые клыки, а на длинной белоснежной шерсти застыла кровь тех, кто послужил чудовищу обедом.

— Страшный... — испуганно прошептала Рэйна, нацарапывая замерзшими руками описание чудища на лист бумаги.

— У, — совершенно спокойным тоном подтвердил Зелорис.

— Повезло же нам, что он нас не видит, — усмехнулся Вэй. — Сейчас прямо из засады его и убью.

Лучник достал из колчана стрелу, натянул тетиву и выстрелил в снежного монстра, но после этих действий ничего не последовало.

— Промахнулся? — спросил мечник.

— Не должен был, — удивленно произнес Вэй Арэн. — Еще раз попробую.

Вэй выстрелил снова и стал пристально следить за выпущенной стрелой. Она долетела до монстра, но не попала в него, соскользнув с его шерсти, чего зверь даже не заметил.

— Какого?! — удивленно воскликнул лучник и выпустил в чудовище поочередно еще три стрелы, которые повторили судьбу первых двух.

— Хватит, — чуть слышно скомандовал Зелорис.

— Почему? — не понял Вэй.

— Ты ничего не можешь ему сделать, — объяснил мечник. — Лучше уйти, пока нас не заметили.

— Я согласна с Зелорисом, — поддержала Рэйна.

— Ладно, — разочарованно вздохнул Вэй Арэн.

Но стоило друзьям развернуться и сделать несколько шагов, как монстр, проделав всего четыре прыжка, оказался прямо перед ними.

— Ой, — от страха прошептала Рэйна и села в сугроб.

Вэй снова натянул тетиву, но, как и все прошлые разы, шерсть снежного монстра не позволила стреле достичь цели. Чудовище приблизило к лучнику свою пасть и медленно разинуло ее. При желании оно могло проглотить Вэя, даже не разжевывая. Но этому не суждено было случиться, поскольку не растерявшийся Зелорис смог изловчиться, подпрыгнуть и пронзить монстра в живот.

Снежный зверь взвыл от боли и принялся метаться в разные стороны, а мечник висел на нем, держась одной рукой на застрявший в его животе меч, а другой — за обледенелые волосья чудовища. Зелорис резко выдернул меч и вонзил его снова. Крик монстра заставил снег упасть с росших вдалеке сосен. Третий раз вонзил мечник свое оружие в брюхо чудовищу, и пало оно, сраженное любителем кленового сиропа.

— Братец Зел, ты неповторим, — произнес все еще не отошедший от шока лучник.

— Я надеюсь, ты больше не будешь так рисковать, — прошептал Зелорис, помогая Рэйне подняться из сугроба. — И еще, его мясо, скорее всего, слишком жесткое и в пищу не годится.

— Это было удивительно! — воскликнула собирательница историй, страх которой улетучился при виде свершения подвига. — Я сложу об этом песню!

— У, — еле заметно улыбнулся Зел.

Из следующей главы вы узнаете о том, как путники прибыли в королевство Беловерх, и как у Героя Монфридской «Охоты» попросили помощи ровно на сутки.

===== Часть 3. “Башня”. Глава 26 =====

О том, как путники прибыли в королевство Беловерх и как у Героя Монфридской

«Охоты» попросили помощи ровно на сутки

Небольшой городок Белиар находился на самом севере королевства Беловерх. Он был одним из самых северных городов Западных Королевств, севернее него только Норилград, что в Царстве Нордар, Хладорил и Снегорил королевства Торн, а также Цурарилей княжества Лока. В Белиаре был всего один постоялый двор, который практически всегда пустовал, так как через Белиар не проходил ни один крупный маршрут: севернее него были только Башни, а восточнее — лишь безжизненная пустошь. В Норилград, Хладорил, Снегорил или Цурарилей пройти было намного легче, придерживаясь хоженных путей через другие города, чем опрометчиво идти через снега на северо-запад. Так как некому было идти ни на запад, ни на север, ни на восток, то и некому было держать через Белиар путь на юг. Почему же постоялый двор всё еще не закрылся? Потому что его владелец, Лар Билор, обещал своему почившему отцу, что будет содержать этот постоялый двор, несмотря на убыточность. Временами случалось, что в Белиар заблудал какой-нибудь бродяга, как правило, сбившийся с пути. Но того, что произошло во второй половине третьего месяца зимы, Лар Билор предсказать не мог: с Севера прибыло пятеро путников, которые остановились на его постоялом дворе.

— Они пришли с Севера! — полушепотом рассказывал Лар Билор своему другу каменщику Питу, который пришел к хозяину постоялого двора, чтобы пропустить кружку-другую.

— Уверен, что с Севера? Не может быть такого.

— Именно, что оттуда. Своими глазами видел, как все пятеро вошли через северные ворота.

— И где они сейчас? — поинтересовался Пит, подливая себе пиво.

— Спят наверху, — Лар поднял вверх указательный палец.

— Среда бела дня-то? — удивился каменщик, сделав большой глоток.

— Пришли, заказали поест и сразу же спать. Только лошадь в стойло завели еще.

— Станные люди — эти северяне, — вздохнул Пит.

— Да в том-то и дело, что не северяне! — воскликнул хозяин постоялого двора. — Точнее, одна из них, скорее всего, северянка. А вот остальные четверо — нет.

— Вот уж действительно, — каменщик почесал свой затылок. — Не спрашивал у них, откуда они и куда направляются?

— Побоялся, — честно признался Лар Билор. — Один из них уж больно жутко выглядит: шрам на всю щеку, да и оружие есть. Мечи.

— Ну, с оружием всякий ходить может, — возразил Пит. — А вот применить его в деле не каждый сумеет.

— По этому видно, что применить его он еще как сможет. Жуткий.

— А остальные трое? — любопытствовал каменщик.

— Еще один вооруженный был. Белобрысый длинноволосый лучник. Если тот мечник меня больше напугал, то этот именно не понравился.

— Почему?

— На таких, как он, бабы вешаются, — ответил хозяин постоялого двора, отхлебнув из бутылки.

— Да ладно тебе, — усмехнулся Пит. — У тебя всё равно никого нет, а эти наверняка и уйдут скоро.

— Скоро не скоро, но знаю я таких. Мне племянник рассказывал, он постоялый двор в

Артемике во Фрии содержит. Говорит, у них как-то всего на два дня какой-то ловелас останавливался, так все девки города потом еще два месяца его вспоминали. Даже имя его сказал. Вэй Арэн, кажется. Этот, поди, тоже не лучше будет.

— Ну, у нас и девок-то мало. Не разгуляешься. А остальные двое?

— Ничего из себя не представляют, — ответил Лар Билор. — Девчонка-бард с лютней и хилjak какой-то. Всю дорогу зевал и ворчал что-то. Да говорю, поели они только и сразу спать. Некогда присматриваться было.

— Давай-ка я сам у тебя останусь и завтра на них посмотрю, — предложил каменщик.

— А давай! — согласился хозяин постоянного двора.

Разумеется, этими путниками, пришедшими с Севера, были Гордислава, Зелорис, Вэй Арэн, Кэрэндрейк и Рэйна, которые, будучи измотанными и уставшими после долгой дороги, не стали медлить со сном в теплых кроватях. Усталость их была настолько велика, что Вэй, например, даже и не подумал отправляться на любование жительницами Белиара, а Рэйна не спросила у хозяина постоянного двора, как она это обычно делала, о местных историях и легендах. Все пятеро как один проспали до утра следующего дня. Когда заспавшийся Зелорис вышел из своей комнаты, он увидел Рэйну, которая выходила из своей.

— У, — поздоровался он.

— С добрым утром, — улыбнулась малышка Рэй. — Я тоже только что встала, а остальные, похоже, еще спят.

— Не буди, — прошептал Зел, вспомнив последнюю ночь пребывания в Монфриде. — Пусть отдохнут.

— Пошли завтракать? — предложила собирательница историй.

— У, — согласился мечник.

Зелорис и Рэйна спустились вниз, где продолжали вчерашнее распитие спиртного Лар Билор и каменщик Пит.

— Вон, тот жуткий, — шепнул другу хозяин постоянного двора.

— Доброе утро! — поздоровалась с ними Рэйна. — Мы бы хотели чего-нибудь поесть.

— Хотите что-нибудь определенное? — поинтересовался Лар Билор.

— У Вас всё равно нет кленового сиропа, — прошептал Зел.

— Э... нет, — слегка опешил хозяин постоянного двора. — Но есть отличная овсяная каша!

— Давайте, — кивнула собирательница историй, усаживаясь за стол.

— Выспалась? — спросил у Рэйны Зелорис.

— Да. Хорошо поспала. А ты?

— Тоже.

— Я так рада, что встретила вас всех тогда в Монфриде, — призналась малышка Рэй. — Мне очень нравится путешествовать с вами.

— У, — ответил Зел, что означало «Мне тоже».

— Но ведь всё самое интересное у нас впереди?

— У!

Как только Лар Билор принес с кухни две порции овсяной каши, к друзьям спустилась Гордислава, и ему пришлось идти готовить еще одну порцию. Терзаемый любопытством, каменщик Пит напряг свои уши в надежде из подслушиваемого разговора таинственных путешественников узнать для себя что-либо интересное.

— Доброго вам утра, — своим обычным гордым тоном произнесла северянка.

— У.

— Доброе утро! Как спалось?

— Должна признаться, хорошо. Однако, не думаю, что это заслуга постоянного двора, скорее всё из-за того времени, что мы пробыли в пути.

— Ну, так как в ближайшее время мы будем идти через Западные Королевства, полагаю, большая часть ночей будет проведена в комфорте, — мечтательно произнесла собирательница историй. — Если что, то у меня всё еще осталось письмо Дядюшки Добринга из Монфрида, которое поможет поберечь твой кошелек. Если, конечно, ты разрешишь мне снова его использовать.

— Пф, — усмехнулся Зелорис.

— Позволь поинтересоваться, что здесь смешного? — спросила Гордислава.

— Сказывается ли это влияние Вэя или же Кэрэндрейка, но Рэйна только что использовала прием этих двоих, — прошептал мечник. — Ты могла бы просто попросить у Гордиславы разрешения снова выступать в городах, не ссылаясь на ее кошелек.

— Забота о деньгах тоже важна, — смутилась Рэйна.

— Если ты будешь делать это не в каждом городе, чтобы не привлекать внимание, то я не буду возражать против исполнения твоих песен прилюдно, — разрешила северянка.

— Спасибо! — воскликнула обрадованная малышка Рэй.

— К слову, я удивлена, — сказала Гордислава.

— Чему? — спросила собирательница историй.

— У, — присоединился к вопросу Зелорис.

— Я была уверена, что наш лучник незамедлительно отправится навстречу жительницам Белиара. Ан нет, со вчерашнего вечера спит, как убитый.

— Он просто очень устал в пути, — улыбнулась Рэйна.

— Еще успеет наверстать упущенное, — добавил мечник.

В этот момент в двери постоянного двора вошел, а точнее упал, одетый в лохмотья человек.

— Еще один, — прошептал вернувшийся с завтраком для Гордиславы Лар Билор.

Вошедший медленно поднялся с пола, опираясь о стену, оглядел помещение и задержал свой взгляд на Зелорисе.

— Герой! — воскликнул он, бросаясь к мечнику в ноги. — Ты же Герой Монфридской «Охоты», Зелорис-Любитель-Кленового-Сиропа! Это ведь ты, правда?

— У, — кивнул братец Зел.

— Во дела, — шепнул каменщик Пит хозяину постоянного двора.

— Прошу... Нет, умоляю! Умоляю тебя о помощи! — стоя на коленях, просил вошедший. — Ровно сутки... Не мог бы ты ровно сутки охранять меня?

— Вообще-то, Зелорис был нанят мной для моей охраны, — сообщила Гордислава.

— У, — подтвердил мечник.

— Ровно сутки, — теперь неизвестный стал умолять и Гордиславу. — Больше не нужно. Только одни сутки... Пожалуйста, сжальтесь! Молю вас!

— Не могли бы Вы рассказать, что случилось? — попросила Рэйна.

— У, — поддержал Зел.

— Меня хотят убить, — ответил мужчина. — Они сказали, что если я продержусь ровно неделю после полнолуния, то выживу, а эта неделя истекает завтра!

— Но ведь прошло уже шесть дней, а Вы всё еще живы, — заметила северянка.

— Это потому, что они хотят довести меня до отчаяния и убить в последний день. Помогите мне! Хотя бы проводите меня до Дариара. Он находится на юго-западе отсюда, и уже к вечеру мы будем там. Там есть лодка... Я сяду в нее и уплыву далеко-далеко... Только, прошу вас, хотя бы на пути в Дариар охраняйте меня!

— Вы так и не сказали, кто именно хочет Вас убить, — напомнила Гордислава.

— Убийцы, конечно! — воскликнул незнакомец. — Злодеи! Я никому ничего плохого не сделал! Я всегда хотел жить нормальной жизнью, но им всё равно! Это является их развлечением.

— Зелорис, что ты думаешь? — поинтересовалась северянка.

— Я уже нанят тобой, — прошептал мечник. — Пусть мне и хочется помочь.

— Я могу отпустить тебя, — согласилась Гордислава, — но при условии, что ты вернешься. Завтра утром, как и планировалось, мы двинемся в путь. Тебя здесь ждать не будем. Встретимся через два дня в Веларе.

— У.

— Но Рэйну я с тобой не отпущу.

— Я разве собиралась идти? — удивилась малышка Рэй.

— Кто знает, какие еще ты подвиги описывать собираешься, — вздохнула Гордислава.

— Спасибо! Спасибо! Спасибо! — принялся раскланиваться во все стороны просивший о помощи человек, утирая рваным рукавом слезы.

Уже через час, так и не дождавшись пробуждения Кэрэндрейка и Вэя, Зелорис и Джо Джорни, именно так звали того человека, отправились в путь, в городок Дариар. Идти приходилось медленно, поскольку истоптанные в кровь ноги Джо Джорни очень болели, а изорванная в лохмотья одежда не защищала от холода, отчего движение еще более затруднялось. Мечник предложил спутнику свой плащ, но тот отказался, сославшись на то, что, в отличие от убийц, холод ему не так страшен.

Всю дорогу они шли молча. Зелорис был неразговорчив по своей природе, а Джо Джорни не считал нужным что-либо рассказывать о себе, поэтому не начинал разговора вообще, ведь любая тема могла незаметно перетечь в ненужное русло. Все, что ему было нужно — так это выжить. Ради этого он даже забыл о гордости, ползая на коленях перед мечником и его друзьями. Если бы это спасло ему жизнь, он ползал бы на коленях, вылизывал бы обувь и тех, кто послал убить его. Но это бы не помогло. Единственной надеждой на спасение у Джо Джорни был Зелорис, Герой Монфридской «Охоты». Он видел его в начале осени в Монтильфонде и слышал о том, что этот человек одолел главаря разбойников и сорок семь его приспешников в окрестностях Монфрида. Это чудо, что Джо смог встретить такого человека в последний день отпущенного ему срока! Это чудо давало ему надежду на жизнь.

Джо Джорни мысленно перебирал планы на будущее. Что он будет делать завтра? Если бы он не встретил Зелориса, такого вопроса бы не возникло, ведь тогда завтра бы он проводил уже будучи трупом. Но мечник шел рядом с ним, и Джо предался сладким грезам. Он решил, что, как только сядет в лодку, отправится на Юг. Он попросится к одному из Южных племен кочевников, где будет жить всю оставшуюся жизнь с молодой южанкой. Джо Джорни не сомневался, что кочевники примут его: Зелорис же согласился его охранять. Главное было выжить, ведь пока не настал рассвет нового дня, ничего было не решено. Продержаться. Только бы продержаться! Он обязательно попросит Зелориса остаться охранять его на ночь, даже когда они доберутся до Дариара, ведь та надменная северянка

отпустила мечника на два дня.

— За этим лесом и находится Дариар! — радостно воскликнул Джо Джорни, когда они с Зелорисом приблизились к хвойному лесу. — Где-то за час мы его пройдем и доберемся до города.

— У, — произнес Зелорис.

— Я буду спасен! — торжественно добавил Джо.

Но не прошли они и пяти шагов, как надежды на спасение рухнули. Из-за плотных еловых ветвей вышла девушка.

— Блаженны наивные, — сказала она. — Джо Джорни, если я не ошибаюсь?

Из следующей главы вы узнаете о том, как Герой Монфридской «Охоты» сражался с Карателем Сокрытого Ордена, и о том, кто вышел победителем схватки.

===== Часть 3. “Башня”. Глава 27 =====

О том, как Герой Монфридской «Охоты» сражался с Карателем Сокрытого Ордена, и кто вышел победителем схватки

Вышедшая из-за деревьев девушка была довольно хороша собой: темные волосы, волнами ниспадающие на лисью шубу, белое фарфоровое лицо с выразительными темно-зелеными глазами, аккуратным носом и алыми губами оставляли свой отпечаток в памяти каждого мужчины, завидевшего обладательницу этих красивых черт. В правой руке она держала гизарду — древковое оружие с заостренным ответвлением на конце и длинным узким и слегка изогнутым наконечником. Хотя незнакомка и была вооружена, она не выглядела угрожающе: девушка была расслаблена и приветственно улыбалась. Однако, это заставило Зелориса напрячься и сосредоточиться больше, чем в случае, если бы она проявляла агрессию.

— Я спросила: ты и есть Джо Джорни? — мягко повторила незнакомка.

Побледневший от ужаса Джо спрятался за своего телохранителя, не в силах ответить.

— Прежде чем спрашивать у человека, кто он, обычно представляются сами, — прошептал Зелорис, положив руку на рукоять меча, но не вынимая его из ножен.

— И правда, что это я?! — воскликнула девушка и залилась звонким смехом. — Мое имя Жаклин. Я — «Жало» — номер четыре первого круга, Круга «Многоликих», Братства Карателей Сокрытого Ордена. Приятно познакомиться, хотя наше знакомство не будет долгим.

— Зелорис, — представился мечник.

Слова «Братство Карателей Сокрытого Ордена» заставили Зела напрячься еще сильнее. Он не торопился вынимать меч, поскольку, если она действительно та, за кого себя выдает, любой опрометчивый шаг будет стоить жизни ему и его подзащитному.

— Прости, но твое имя я вряд ли запомню, — извинилась Жаклин. — Меня не интересуют слабаки и отбросы, если они не являются моей целью. А тот, кто стоит за тобой, напротив, моей целью является.

— Н-не убивайте меня, госпожа Жаклин! — взмолил Джо Джорни, прижимаясь к спине Зелориса. — Пощадите, я не сделал ничего плохого!

— Не сделал? — переспросила карательница. — А как же назвать то, как ты предал Орден? Не подкажешь?

— По-по-пощадите!

— Нет уж, — улыбнулась Жало. — Предатель должен быть мертв.

— Я не представляю для Ордена никакой опасности! Разве я стою того, чтобы за моей

головой посылать столь важную персону, как Вы, госпожа Жаклин? — тараторил Джо. — Разве три года назад некто более опасный не предал Орден? Почему же за моей головой были посланы Вы, а его до сих пор не убили?

— Не смей сравнивать себя с Ним и упоминать Его! — притопнула ногой Жаклин, взбесившись. — Такие вопросы не должны беспокоить того, кто сегодня умрет.

— Я защищу его, — сообщил свои намерения мечник.

— Дела Ордена тебя не касаются, поэтому не вмешивайся, — холодно произнесла Жаклин.

— Дела Ордена меня не касаются, — подтвердил Зелорис. — Но этот человек попросил меня защитить его, отчего сохранение его жизни касается меня.

— Как знаешь, — улыбнулась девушка и перебросила гизарду из одной руки в другую, а потом обратно.

Зелорис не сводил с нее глаз, готовый в любой момент достать клинок из ножен. Джо Джорни трясся от страха и прятался за спиной своего телохранителя. Жаклин, слегка зевнув, через мгновение оказалась за спиной мечника и пронзила, словно жалом, своей гизардой сердце Джо Джорни. Зелорис даже не успел не то что вытащить из ножен свой меч, но даже уследить за убийцей.

— Миссия выполнена! — радостно воскликнула карательница, вынимая лезвие из груди убитого. — Пока.

В ярости мечник бросился в атаку, но Жаклин легко и плавно изменила траекторию движения его меча древком гизарды. Зелорис повторил попытки нападения, но все они закончились неудачей.

— Ну что же ты делаешь? — возмутилась она. — Хочешь его судьбу повторить?

— За что ты убила его?! — вскричал мечник.

— Мне сказали убить его, и я это сделала, — улыбнулась Жаклин.

— За что?

— Я уже говорила: он предал Орден.

— Он не выглядел человеком, представляющим опасность. Особенно для вас.

— Он не передал нужную информацию в срок. Для информаторов это непростительно. Мой долг как Карателя — убивать предателей.

— Неужели в вашем чертовом Ордене нет ничего человеческого?! Почему всё нужно решать насилием?

— Ты слишком многого хочешь.

— В начале осени вы забрали из Монфрида ребенка. Что с ним?

— Ребенка? Из Монфрида? — рассмеялась девушка. — Нашел, что спросить! Мы постоянно забираем детей откуда-нибудь, воспитываем их, а когда они вырастают, то становятся членами Ордена. Кем именно — зависит от способностей. Он был тебе кем-то? Хотя, этого просто не может быть: мы забираем только сирот, о которых некому позаботиться.

— Он сын моего друга.

— В таком случае, соболезную. Тебе же будет лучше, если ты его никогда не увидишь.

— Вы и его заставите убивать?

— Это смотря к какому Кругу будут у него способности. Но что-то я разговорила с тобой... Пора мне.

— Наш бой не закончен, — напомнил Зелорис.

— А у нас с тобой может быть бой? — усмехнулась Жаклин. — Ты же меня даже задеть не смог. Неужели ты так и не понял, что я серьезный противник?

— Преждевременная вера в свое поражение в битве против любого противника приведет к смерти, так же и чрезмерная уверенность в победе ничего хорошего не предвещает. Всякое сражение может закончиться для любой стороны как победой, так и поражением, в зависимости от обстоятельств. Я не настолько глуп, чтобы не осознавать твою силу, но и не хочу, чтобы меня недооценивали.

— Знаешь, если женщина сильнее мужчины, то мужчина зовет ее монстром. Если мужчина сильнее женщины, то его просто зовут сильным мужчиной. Но есть настолько сильные люди, что и их называют чудовищами. Называют за мощь, недостижимую обычному человеку. Эта сила является врожденным талантом, помноженным на годы тренировок, и ей обладает каждый в Братстве Карателей. Ее обладатели — даже мужчины — монстры в глазах окружающих. Что уж говорить о женщинах, равных им! Я Жало — четвертая по силе в Братстве Карателей. Ты всё еще жаждешь сражения с монстром, подобным мне?

— Монстрами нарекают лишь слабаки в оправдание своей слабости, — ответил Зелорис. — Неважно — мужчина ты или женщина, сильный противник — есть сильный противник. Долг воина велит мне вступить в битву, ведь ты убила человека, которого я должен был защищать. Я не буду иметь права держать меч, если не скрещу его с твоим оружием.

— Честь важнее жизни, да? — улыбнулась девушка. — Как, говоришь, тебя зовут?

— Зелорис.

— Я запомню. Меня, кстати, — Жаклин.

— У, — ответил мечник, что означало: «Я не забыл».

— Что ж, раз ты так настаиваешь, будет тебе битва.

Жало направила гизарду на мечника, а он обратил свой меч на нее. Атаковал Зелорис. Он сделал несколько выпадов, но все они были с легкостью отклонены или блокированы древком гизарды. Настала очередь атаковать Жаклин. Чудом Зелорис смог остановить удар, нацеленный на шею.

— Весьма неплохо, — заметила карательница.

Зелорис взмахнул мечом, но Жаклин отпрыгнула назад и остановила клинок наконечником своего оружия. Теперь расстояние между ними увеличилось, и преимущество полностью оказалось на стороне Жала: радиус атак у гизарды значительно шире, чем у двуручного меча. Чтобы исправить эту ситуацию, мечник сделал обманный выпад вверх, дабы заставить карательницу блокировать его, отпустил меч, отчего тот упал на снег, рванул вперед и приставил к горлу соперницы один из палашей, доселе как обычно висевших у него за спиной, а другим блокировал гизарду.

— Похвально, — удивленно прошептала Жаклин, выпустив гизарду из рук и тут же достав из рукавов шубы два стилета.

Подобно Зелорису, приставила она свое оружие к его горлу. Мечнику пришлось отпрыгнуть назад. Теперь ему нужно было избегать сокращения дистанции, поскольку стилеты используются для ближнего боя. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что вооруженная стилетами Жаклин во много раз опаснее себя же, вооруженной гизардой.

Девушка сделала шаг вперед и словно начала падать на снег, однако это было вовсе не падение, а маневр, позволявший ей приблизиться к противнику. Зелорис с трудом блокировал выпад одного стилета обоими палашами, но второй стилет ранил мечника в бок.

Несмотря на ранение, Зелорис продолжил бой. Последовала серия взмахов и выпадов с его стороны, но почти все они были или отклонены, или блокированы стилетами Жаклин. Лишь один раз он смог задеть противницу, порвав рукав ее шубы и только слегка оцарапав кожу. Карательница отпрыгнула назад, тем самым разорвав короткое расстояние между ними.

Бок мечника болел и кровоточил. Зелорису нужно было как можно быстрее заканчивать битву, поскольку каждая секунда боя в таком состоянии ослабляла его. Жаклин же, напротив, еще только разогревалась и даже не успела раскрыть весь свой потенциал как соперника. Она больше не делала комплементов мечнику, значит, девушка приняла его всерьез, и старалась не отвлекаться от сражения на подобные вещи. Глубоко вздохнув, Зелорис заставил себя забыть о боли и полностью сосредоточиться на битве.

Они снова сошлись. Чтобы не проиграть, мечник был обязан держать соперницу на средней дистанции и не подпускать ее ближе. Для этого он с такой скоростью, на какую только был способен, преграждал своими оружиями путь атакам Жаклин. Защита ему удавалась, но необходимо было атаковать самому. Выбрав удачный момент, Зелорис провел крестообразный выпад обоими палашами, но не обнаружил перед собой противницы. Еще в тот момент, когда Зелорис начинал атаку, Карательница Сокрытого Ордена сделала кувырок вперед и очутилась за спиной мечника.

Когда Зелорис осознал, что произошло, он хотел было отпрыгнуть в сторону, но не успел. Девушка поставила ему подножку, заставив споткнуться. Зел попытался выпрямиться, однако Жало ударила его рукоятью стилета в плечо, отчего Зелорис выронил один из палашей. Следующий удар карательницы заставил мечника упасть на снег, обагренный его же кровью.

— Спасибо, ты меня повеселил, — произнесла Жаклин. — Зелорис, верно? Ты действительно оказался достойным противником. Встреться тебе не я, Жало, а, например, Перо, даже не знаю, кто из вас вышел бы победителем. Но не бойся, жить будешь: я не била в жизненно важные органы. К тому же, я не использовала против тебя яд. Хотя, будь ты таким слабаком, каким показался мне на первый взгляд, я бы не стала сохранять тебе жизнь.

Продолжение следует. Следующая глава будет открывать новую часть повествования, в которой герои столкнутся с предательством.

===== Часть 4. “Предательство”. Глава 28 =====

О том, что случилось с друзьями в отсутствие мечника и отчего среди них посеялись зерна сомнения

Вэй Арэн проснулся от того, что в соседней комнате что-то упало. По последовавшим за грохотом ворчаниям и проклятиям лучник понял, что упало не «что-то», а «кто-то», а именно — Кэрэндрейк. Упустить такую возможность и не поиздеваться над другом Вэй не мог, поэтому резко вскочил с постели, отчего на секунду потемнело в глазах, и побежал в комнату Дрейка.

— Доброе утро, Кэрри! — еле сдерживая улыбку, произнес лучник, глядя, как его товарищ потирает ушибленный от падения бок. — Как спалось?

— Тебе, как вижу, хорошо, — вместо ответа подметил Кэрэндрейк.

— Ну, уж лучше, чем тебе, похоже. Что же тебе такого снилось, что заставило с кровати прыгать?

— Могу обрадовать — не ты.

— Ты же не девушка, чтоб я тебе снился!

— В таком случае, мне очень повезло.

— Мне тоже, — улыбнулся Вэй Арэн. — Кстати, о девушках. Надо после завтрака пойти знакомиться с жительницами этого города.

— Почему я не удивлен? — спросил Дрейк. — К тому же, судя по всему, сейчас уже время обеда.

Кэрэндрейк был прав: спустившись вниз, они с Вэем застали Гордиславу и Рэйну за обеденной трапезой.

— А где братец Зел? — поинтересовался Вэй, удивившись отсутствию мечника.

— На пути в Дариар, — ответила Рэйна.

— В смысле? — не понял лучник.

— Какой-то оборванец слезно умолял Героя Монфридской «Охоты» сопроводить его в Дариар, — пояснила Гордислава. — Ссылаясь на то, что его хотят убить. Зелорис присоединится к нам в Веларе через два дня.

— Гордислава, не думаю, что отпускать Зела была хорошая идея, — выразил свое мнение Дрейк.

— Через два дня он вернется, — гордо ответила девушка, — а тот человек выглядел действительно отчаявшимся.

— Значит, мы встретимся с ним только в Веларе, — задумался Вэй Арэн. — Как и планировалось, мы выходим завтра утром?

— Да, — подтвердила северянка.

— Тогда пойду знакомиться с жительницами Белиара.

— А завтракать ты не собираешься? — поинтересовался Кэрэндрейк.

— Пообедаю вместе с ними! — воскликнул Вэй, отвесил поклон и удалился.

— И всё же, хотелось бы узнать поподробнее, — попросил Дрейк, присаживаясь за стол. — Кто и зачем забрал Зела?

— Мужчина, лет тридцати, весь в лохмотьях, — доложила собирательница историй. — У него был очень отчаявшийся взгляд. Он сказал, что его должны будут убить до завтра.

— Кто?

— Не сказал.

— И вы отпустили Зелориса, не узнав этого? — возмутился Кэрэндрейк. — Вы хоть понимаете, что это может быть опасно?

— Зелорис одолел главаря разбойников в Монфридской «Охоте» и четыре с лишним десятка его приспешников, — напомнила Гордислава. — С ним всё будет в порядке.

— Да только там он был против них не один, — заметил Дрейк. — Вэй прикрывал его спину. К тому же, возможно, тех, кто хочет убить того человека, больше, или они гораздо сильнее монтильфондских разбойников. Вам такое в голову не приходило?

— Я всё же думаю, что Зелорис сможет и за себя постоять, и того человека защитить, — ответила северянка.

— Как знаете. Но я не был бы так в этом уверен.

— Все будет хорошо, — несколько нерешительно после доводов Кэрэндрейка произнесла Рэйна, но потом оптимистично добавила:

— Ведь Зелорис — Герой.

— Ну-ну.

На следующий день, как и планировалось, четверо товарищей снова вышли в путь. Прибыв в Велар, где к ним присоединится Зелорис, они должны были к вечеру. За

исключением того, что мечника с ними не было, поначалу все шло как обычно: Гордислава ехала в повозке, которой согласно очереди управлял Кэрэндрейк, а Рэйна и Вэй шли рядом. Ближе к полудню было решено сделать привал на лесной опушке. Однако, стоило только северянке слезть с повозки, а Дрейку приготовиться распрягать Капу, из-за деревьев вышло восемь лучников, доселе поджидавших наших героев в засаде. У всех лучников были натянуты тетивы, и в каждого из четверых друзей целилось по двое недоброжелателей. Всё произошло так неожиданно, что Вэй даже не успел достать свою стрелу. Но теперь, когда он, как и его спутники, находился под прицелом, сделать это вообще не представлялось возможным.

— И не думайте оказывать сопротивление, — сказал один из лучников, державший стрелу в сторону Вэя Арэна. — Малейшее движение хотя бы одного, — и в каждого из вас полетит по две стрелы. Тебя, светловолосый, это в первую очередь касается: прикоснёшься к луку — умрут все.

— Кто вы такие? — надменно произнесла свой вопрос Гордислава.

— Здесь я задаю вопросы, — ответил всё тот же лучник, который, по всей видимости, был главным.

— И всё же, — повторила северянка. — Кто вы такие и по какому праву угрожаете нам оружием?

— Присоединяюсь к вопросу, — сказал Дрейк, который не успел начать распрягать лошадь и всё ещё стоял возле нее. — Не очень-то вы похожи на настоящих разбойников, вы, скорее, как наёмники выглядите. Но в таком случае, кому мы могли настолько понадобиться, чтобы нанимать вас, и почему?

— Больно умный, да? — угрожающе рявкнул один из лучников, целящихся в Кэрэндрейка.

— Вы правы, мы не разбойники, — ответил руководитель лучников. — И мы даже сохраним вам жизнь. Но при одном условии.

— И что же вы хотите? — поинтересовался Вэй.

— Северянка Гордислава Бурандуйская пойдёт с нами.

— Что?! — воскликнула Гордислава.

— Северянка Гордислава Бурандуйская пойдёт с нами, — повторил глава лучников. — Или же мы устраним всех остальных, а её заберём силой. Решайте.

— Я пой... — хотела было согласиться северянка, но Рэйна её перебила:

— И вы думаете, что мы просто так отпустим своего товарища с людьми, подобными вам? — возмутилась собирательница историй. — Угрозами нельзя добиваться своего! Однако, мы можем выслушать вас и даже обговорить возможность сотрудничества.

— Босс, а можно я эту себе заберу? — спросил второй из целившихся в Дрейка лучник, переводя стрелу на Рэйну.

Кэрэндрейк незамедлительно воспользовался тем, что внимание одного из лучников было отвлечено от него, и дважды громко хлопнул в ладоши. Услышавшая этот звук Капа тут же дико заржала, бросилась вперед, сбивая троих лучников на своем пути, и вместе с повозкой скрылась между деревьями. Тем временем Кэрэндрейк схватил за руки Рэйну, а потом Гордиславу, скомандовал Вэю: «Прикрывай и за мной!», после чего последовал примеру Капы — устремился вглубь леса. Вэй выпустил несколько стрел в опешивших от неожиданности наемников и побежал за друзьями.

Когда четверо товарищей удалились от врагов на достаточное расстояние, они

наткнулись на Капу, поджидавшую их. Увидев выходящих из лесной части Кэрэндрейка, Гордиславу, Рэйну и Вэя, лошадь радостно заржала и затрясла головой.

— Умница моя, — ласково потрепал её за загривок Кэрри. — Ты отлично справилась, и по прибытии в город я лично куплю тебе самое лучшее сено!

Капа снова заржала и трижды постучала о землю правым копытом, словно понимая, что говорил Кэрэндрейк, который хвалил её первый раз за всё время.

— Как ты это сделал? — спросил Вэй.

— Что? — не понял Дрейк.

— Заставил Капу ни с того ни с сего броситься на тех лучников?

— Я этому её всю дорогу к Северу и обратно тренировал, — полный чувства собственного достоинства ответил Кэрри. — Правда, не лучников сшибать, а по двойному хлопку бежать вперед, спасая себя и повозку. Лучники на пути были, — она их и сшибла. Это даже превзошло мой план просто их отвлечь и самим сбежать в лес.

— Благодарю тебя, Кэрэндрейк, — сказала северянка. — Если бы не ты, не знаю, что бы с нами случилось.

— Спасибо, Дрейк, спасибо, Капа! — поклонилась Рэйна.

— Кэрри, ты просто нечто!

— А теперь позвольте напомнить: я же говорил, что отпускать Зела было плохой идеей, — заметил Кэрэндрейк.

— Это всё произошло так неожиданно... — задумавшись, произнесла Гордислава.

— Они знали про нас и намеренно нас поджидали, — продолжил Дрейк. — И уверен, они знали, что Зелориса с нами не будет.

— Похоже, это они специально разделили нас с братцем Зелом, — предположил лучник. — Возможно, того человека никто и не хотел убивать, и он просто должен был отвлечь Зелориса и увести его подальше от нас.

— А если... — начала северянка, но не знала, стоит ли ей высказывать подобную мысль. Решив, что лучше поделиться своей догадкой, она продолжила. — А что если Зелорис сам сообщил им о том, куда мы направляемся? Они знали не только мое имя, но и фамилию, которую кроме вас четверых за пределами Башен я никому не называла.

— Миледи, Вы хотите сказать, что братец Зел — предатель? — уточнил Вэй.

— Абсурд! — выкрикнула собирательница историй. — Не может такого быть! Ни один из нас такого бы не сделал. Зелорис не предавал нас.

— Прибудем в Велар — узнаем, — осталась при своем мнении Гордислава. — Хотя... Не опасно ли нам направляться туда?

— Не думаю, что на нас нападут в городе, — ответил Дрейк.

— Согласен с Кэрри, — поддержал лучник. — А уже после того, как мы дождёмся, или, не дай Бог, не дождёмся брата Зела, решим, что делать дальше.

— Зелорис не предатель! — воскликнула Рэйна. — Он доблестный герой.

— Я знаю, что он не предатель, — положил руку ей на плечо Кэрэндрейк. — Но велика вероятность того, что его заманили в ловушку.

— Надеюсь, с ним всё будет хорошо! — воскликнула собирательница историй.

— Это ж братец Зел, никакие ловушки ему не страшны, — усмехнулся Вэй. — Справится!

— А может так быть, что они просто следили за нами и решили напасть, потому что Зелорис ушел? — предположила малышка Рэй. — То есть, версия ловушки исключается, и,

само собой, даже не допускается версия о его предательстве.

— Хотелось бы, чтобы было так, — вздохнула Гордислава. — Но в таком случае, откуда они могли узнать мою фамилию?

— Да мало ли! — взмахнула руками Рэйна. — Следили же!

— Надеюсь, что ты права.

— Если бы все теории Рэйны были верны, то преступности бы не было вовсе, — вздохнул Дрейк.

Из следующей главы вы узнаете о том, как друзья ждали в Веларе Героя Монфридской «Охоты», и что случилось, когда он, наконец, пришел.

===== Часть 4. “Предательство”. Глава 29 =====

О том, как друзья ждали в Веларе Героя Монфридской «Охоты», и что случилось, когда он, наконец, пришел

В Велар четверо путешественников прибыли ближе к ночи. Поскольку подстерегавшие их лучники и так знали, что они отправлялись в Велар, Гордислава разрешила Рэйне использовать письмо Дядюшки Добринга, благодаря чему товарищам было дозволено бесплатно остановиться на ночлег. Хозяин постоянного двора предоставил им одну комнату с двумя кроватями для Рэйны и Гордиславы и одну комнату с тремя кроватями для Вэя, Кэрэндрейка и Зелориса, который должен был вновь присоединиться к друзьям утром.

Однако, ни утром этого дня, ни следующего Зелорис так и не появился. Не было от него вестей и на третий день, отчего в Гордиславе окончательно укрепилось подозрение о том, что мечник их предал, и что нападение произошло не без его вины.

Совершенно противоположные мысли одолевали Рэйну. Она, убежденная в том, что Зелорис ни при каких обстоятельствах их не предал бы, терзалась чувством тревоги за друга. Слова Кэрэндрейка о том, что мечнику могли устроить ловушку, накрепко засели у нее в голове и порождали самые разные варианты развития событий: от дорожки из бутылочек с кленовым сиропом, ведущей в противоположную от Велара сторону, до встречи Зелориса с легендарным гигантским жителем морских глубин, обладателем девятисот девяноста девяти щупалец. И хотя Дрейк пытался объяснить ей, что никому и в голову не придет специально покупать столько кленового сиропа и выкладывать им дорожку, ведущую на достаточное от Велара расстояние, а также что, во-первых, на то, чтобы добраться до моря, потребуется не менее двух месяцев, а во-вторых, подобные морские чудовища не более чем выдумка. Но малышка Рэй и слушать его не желала, а на каждое разумное объяснение придумывала с десяток фантастических. Чтобы хоть как-то отвлечься от волнующих мыслей и беспокойства за товарища, собирательница историй выступала со своими песнями на постоялом дворе, чем приносила его владельцу небывалую прибыль, а в перерывах успокаивала Капу, переживающую за отсутствие хозяина не меньше Рэйны, подкармливая ее морковкой и глядя по шерсти.

Кэрэндрейк сначала склонялся к тому, что Зелориса либо заманили в ловушку, либо просто обманом увели подальше от товарищей. Однако, постепенно всё больше уверялся в том, что никакой ловушки и обмана не было, того человека действительно хотели убить, и противник был настолько силен, что даже Зелу оказался не по зубам. Опровергая немыслимые предположения Рэйны, Дрейк несколько успокаивался, поскольку, по сравнению с некоторыми ее фантазиями, даже в худших домыслах Кэрэндрейка мечнику было не так плохо.

Вэй Арэн также не считал Зелориса предателем, но и о ловушке думать не хотел. Он

был уверен, что мечник отправился спасать человека, действительно нуждающегося в помощи. Взя не нравилась сама мысль о том, что его друга могли убить, поэтому, вспоминая первые дни знакомства с ним, он убеждал себя и других, что братец Зел просто-напросто заблудился. И, разумеется, утешение себе лучник находил во времяпровождении с красавицами Велара, которые заставляли его на время забывать о тревогах и беспокойствах.

— Мы больше не можем его ждать, — сказала за ужином Гордислава, когда все четверо собрались за одним столом в таверне постоялого двора.

— Я не хочу думать о том, что братец Зел мертв, — ответил Вэй. — Давайте подождём его еще немного.

— И сколько это «немного» будет длиться? День? Неделю? Год?

— Миледи, Вы же знаете братца Зела, он ведь с лёгкостью мог заблудиться.

— Или его могли заколдовать феи и лепреконы, — предположила малышка Рэй.

— Ни тех, ни других не существует, — напомнил Кэрэндрейк.

— Миледи, давайте подождём еще хотя бы пару дней до конца зимы.

— Бессмысленно, — отрезала Гордислава. — Всё доказывает то, что Зелорис нас предал.

— Он не мог! — воскликнула Рэйна.

— Тогда как ты объяснишь, что засаду нам устроили именно тогда, когда его не было с нами? Что нападавшим было известно моё полное имя, которое я никому кроме вас за пределами Севера не называла, а также, куда и каким путём мы направляемся?

— Следили, — прошептала собирательница историй.

— И мысли читали, наверное, — нервно усмехнулась северянка.

— Возможно, — согласилась малышка Рэй.

— Не возможно, — поправил Кэрри. — Мысли читать невозможно, они не книга.

— Миледи, я тоже не думаю, что братец Зел — предатель, — произнёс Вэй.

— Тогда кто? — спросила Гордислава. — Если предатель не Зелорис, тогда информацию тем восьмерым сообщил один из присутствующих здесь. Может быть ты, Вэй Арэн?

— Миледи, да что Вы...

— Или ты, Кэрэндрейк?

— Нет.

— Может быть ты, Рэйна?

— Нет, конечно. Это же полный абсурд! Никто из нас не мог этого сделать.

— И я нет, — вздохнула северянка. — Остается Капа, но не думаю, что лошадь физически была способна это сделать.

— Миледи, — произнес лучник, — Вы сказали, что кроме нас четверых никому за пределами Башни не называли своего полного имени.

— Что ты хочешь этим сказать, Вэй Арэн?

— Не может ли так быть, что информацию о Вас нападавшим сообщил кто-то из Башни?

— Что?! — возмутилась Гордислава. — Своими словами ты оскорбляешь учёных Севера!

— Вероятно, в Башне у Вас был недоброжелатель, миледи.

— Ученые Башен живут в изоляции от остального мира. Даже если у меня и есть

недоброжелатели, они просто физически не смогли бы проверить такого.

— Но Вы же встретились с нами, так почему бы и недоброжелателю не встретиться с наемниками? — не унимался Вэй.

— Вы сами были в Башне и видели, как там всё устроено, — надменно произнесла профессор Бурандуйская. — Чтобы покинуть Башню, нужно получить разрешение. Чтобы получить разрешение, нужно пройти несколько длительных процедур. Уже за год до того, как я получила разрешение, вся Башня говорила об этом. Если бы кто-нибудь получал позволение на выход после нас, мы бы узнали об этом, когда были там. Незаметно получить разрешение невозможно. Также невозможно и незаметно покинуть Башню — ее ворота просто-напросто не откроются.

— Тогда, — на сей раз предложить свой вариант собралась собирательница историй.

— Хватит разглагольствовать, — перебила ее северянка. — Завтра с утра отправляемся в путь. И никаких «но»!

Гордислава поднялась со скамьи и собралась было пойти наверх спать, как двери постоянного двора открылись, и в них вошел Зелорис.

— Вернулся! — обрадовано воскликнула Рэйна.

— Опаздываешь, братец Зел, — улыбнулся Вэй Арэн.

— У, — ответил Зелорис и упал, потеряв сознание.

Кэрэндрейк, еще до этого заметивший неважное состояние мечника, сразу же бросился к нему.

— Ловелас, — обратился он к Вэю, — помоги мне отнести Зела наверх. Только аккуратно, он ранен.

Вэй кивнул, и они вдвоем отнесли Зелориса наверх и положили на приготовленную для мечника кровать. Кэрэндрейк приготовил свои медицинские принадлежности и принялся обрабатывать раны друга, предварительно попросив никого не входить, чтобы не мешали. Вэй, Гордислава и Рэйна ждали в коридоре. Несмотря на то, что за время ожидания наступила ночь, никто из них не шёл спать. Через несколько часов Дрейк вышел в коридор, где друзья ждали новостей о состоянии Зелориса.

— Жить будет, — доложил Кэрэндрейк. — Повреждения нанесены очень грамотно — не задет ни один орган. Причем, специально не задет. Если бы помощь Зелу была оказана в тот же день, после чего он хотя бы два-три дня отдохнул, то никаких проблем бы не было. Но, несмотря на ранения, он отправился к нам. Итог: большая потеря крови, а также нежелание ран заживать. Я сделал всё, что мог. Ему сейчас необходимо поспать, хотя, не думаю, что он быстро придет в себя, а потом в течение недели никаких переходов. В идеале бы ему отдохнуть с месяц, но, полагаю, Зел сам на это не согласится.

— С ним всё будет хорошо? — поинтересовалась Гордислава.

— Через пару месяцев он даже не будет об этом вспоминать, — уверил Кэрри. — К тому же, он сам ухудшил свое состояние, отправившись к нам.

— Теперь-то ты веришь, что Зелорис не предатель? — спросила Рэйна.

— Мне никогда не было так стыдно за свои слова, — ответила северянка.

— Кто нанес братцу Зелу раны? — задал свой вопрос лучник.

— Ты сейчас ждешь, что я отвечу: «Карлик-великан на ходулях по имени Рон»? Я тебе экстрасенс, что ли?

— Кэрри, ты прекрасно понял, что я имел в виду. Какое оружие использовали против Зелориса? Стрелы, как нападавшие на нас? Или он сражался с мечником? Или его

противников было много, и у них было разное оружие? Уверен, тебе ничего не стоит определить это, взглянув на раны.

— Полагаю, это был стилет. Тебе это что-нибудь дало?

— Нет, — признался Вэй. — Я думал, если бы его ранили стрелами, то это точно были бы те лучники, которые напали на нас.

— Нападавшие на нас использовали луки, чтобы не дать нам возможности двигаться и оказать отпор, — заметил Дрейк. — Представь, что было бы, если бы на нас напали не лучники, а мечники.

— Что? — поинтересовалась Рэйна.

— Ловелас бы тут же сразил пару-тройку мечников своими стрелами, — пояснил Кэрэндрейк. — Они бы даже не успели подойти на расстояние, достаточное для удара. Но, так как они использовали луки, им не надо было к нам подходить. Более того, взяв на прицел каждого из нас, они перекрыли нам возможность оказать какое-либо сопротивление. К тому же, не забывайте самого главного.

— самого главного? — переспросила Гордислава.

— Двинется хоть один — стрелы полетят во всех, — вспомнил Вэй.

— Именно, — ответил Кэрри.

— И почему именно это является самым главным? — спросила северянка.

— Миледи, если тот человек заманил братца Зела в ловушку, то использовать против него тот же трюк, что и против нас, было бессмысленно, — объяснил лучник. — Кроме себя ему некого было защищать, следовательно, ничто не мешало бы даже под прицелом стрел выбрать подходящий момент и начать действовать. Возможно, тот человек прятал у себя стилет, а потом неожиданно напал сзади.

— Не думаю, — отрезал Дрейк. — В любом случае, когда Зел проснется, он сам нам всё расскажет.

Зелорис провёл без сознания весь следующий день и половину дня, следующего за ним. Всё это время Кэрэндрейк дежурил возле мечника, а Гордислава, Рэйна и Вэй то и дело отвлекали его, интересуясь состоянием Зела. Когда Зелорис открыл глаза, все четверо товарищей сидели возле него.

— Ты как? — поинтересовался Дрейк.

— У, — чуть слышно ответил Зелорис.

— Я знаю, что не достойна прощения, — выпалила Гордислава, — но всё же приношу извинения за то, что сомневалась в тебе!

— У вас что-то случилось, пока меня не было? — догадался мечник.

— Лучше расскажи, что случилось с тобой, — попросил Вэй.

— Это всё же была ловушка, да? — спросила Рэйна.

— Ловушка? — прошептал Зелорис. — Нет. Должна была?

— Стоило нам расстаться с тобой, братец Зел, как на нас напали, — пояснил Вэй Арэн.

— Благодаря твоей Капе нам удалось спастись, — добавил Кэрэндрейк. — Сейчас она стоит в стойле и ест самое лучшее сено, как героиня. Но теперь всё же расскажи, что произошло с тобой.

— Его убили, — ответил Зел. — Я ничего не смог сделать.

— Сколько было нападавших? — поинтересовался лучник.

— Одна.

— Я никогда не поверю, что с тобой такое могла сделать всего одна женщина, — сказал

Вэй.

— Жало из Братства Карателей Сокрытого Ордена, — назвал победившую его Зелорис.

— Карательница Сокрытого Ордена?! — в один голос воскликнули Рэйна и Гордислава.

— Тогда тебе повезло, что ты выжил, — заметил лучник.

— У, — согласился мечник.

— Получается, что за всем этим стоит Сокрытый Орден, — предположила северянка. —

Пока Карательница заманивала Зелориса в ловушку, ее приспешники напали на нас. И если во всем этом замешан Орден, то становится понятным, откуда у нападавших была информация о нас.

— Но что могло Ордену от тебя понадобиться? — спросила у Гордиславы собирательница историй.

— Если бы я знала на это ответ! — вздохнула та. — Возможно, они хотят узнать секреты Башен. Я ведь все-таки не рядовой ученый.

— Вы мне не так много рассказали о нападении, — прошептал Зелорис. — Но я всё же думаю, что Жаклин... Жало здесь не при чем. Тогда она точно пришла за Джо Джорни и даже не собиралась вступать со мной в бой.

— Тогда почему ты ранен? — удивилась Рэйна.

— Полагаю, братец Зел просто не мог не сражаться, — ответил за друга Вэй Арэн. — Честь воина велит биться с тем, кто убил того, кого ты должен был защищать. Я прав?

— У.

— До того, как ты начал сражаться, ты уже знал, кто твой противник? — спросила Рэйна.

— У, — утвердительно ответил Зел.

— В следующий раз, прошу, воздержись от подобных поступков, — попросила Гордислава. — Помни, что ты нанят, чтобы охранять меня, особенно тогда, когда объявились эти неизвестные.

— У.

— Зел, бери пример с меня, — сказал Кэрэндрейк. — Я стараюсь избегать ненужных сражений всегда, когда это возможно.

— Будто от тебя в них есть хоть какой-нибудь толк, Кэрри, — улыбнулся Вэй.

— Я припомню тебе это, если мне придется тебя лечить, — улыбнулся в ответ Дрейк.

— Ты мне столько всего обещал припомнить, что, боюсь, лечения я не переживу.

Из следующей главы вы узнаете о том, как у лучника возникла серьезная проблема, что было её причиной и как её пытались решить.

===== Часть 4. “Предательство”. Глава 30 =====

О том, как у лучника возникла серьезная проблема, что было её причиной и как её пытались решить

Кэрэндрейк проявил себя как самый настоящий мастер по лечению ран. Благодаря его знаниям и умениям Зелорис быстро пошёл на поправку. Однако, велика в этом деле была заслуга Карательницы Сокрытого Ордена, которая хотя и нанесла основательные повреждения, но ничего жизненно важного не задела. Существенную роль сыграл и тот факт, что организм самого мечника обладал свойством быстро восстанавливаться. Таким образом, уже через три дня Кэрэндрейк разрешил Зелорису вставать и делать небольшие прогулки, а ещё через четыре одобрил, пусть и нехотя, продолжение путешествия.

Надо сказать, что Дрейку достался идеальный пациент: Зел не задавал глупых, лишних

или просто ненужных вопросов, ни на что не жаловался, не пытался оспаривать действия лекаря, да и вообще почти всё время молчал, а в силу этого — не отвлекал и не действовал на нервы. К тому же, мечник беспрекословно и в точности выполнял все рекомендации Кэрэндрейка, чему тот не мог нарадоваться.

Гораздо больше проблем доставлял Вэй Арэн. Мало того, что постоянный двор в Веларе был устроен так, что им втроем с Зелорисом приходилось делить одну комнату, так лучник ещё и доставал Дрейка расспросами и разговорами. Один из таких случаев произошёл за два дня до отбытия из Велара, когда Кэрэндрейк делал Зелорису перевязку.

— Шрамов ведь не останется? — поинтересовался Вэй, наблюдая за перевязкой.

— Могут и остаться, — продолжая заниматься своим делом, ответил лекарь. — Могут и не остаться. Один-то останется точно.

— А ты можешь сделать так, чтобы вообще не осталось? — спросил лучник с такой интонацией, будто это касалось его самого.

— Я тебе кто — чудотворец? — вздохнул Дрейк.

— Я всё же о братце Зеле беспокоюсь.

— В таком случае, пожалуйста, делай это молча... Так не сильно туго? — поинтересовался Кэрэндрейк, затягивая бинты.

— У, — ответил Зелорис, что означало «нормально».

— Кэрри, — не унимался Вэй Арэн. — Где находится тот шрам, который точно останется?

— Ещё один подобный вопрос, — с недовольством проговорил Дрейк, — и он будет находиться на тебе. Зел, ты ведь одолжишь мне для этой цели один из своих мечей?

— У, — улыбнулся мечник.

— Жестокие вы! — воскликнул Вэй. — Я с добрыми намерениями, а...

— Вэй-Вэй, — прошептал Зелорис. — Ты не мог бы больше не затрагивать эту тему?

От неожиданной просьбы лучник впал в минутный ступор, в течение которого Кэрэндрейк мог наслаждаться тишиной. Зелорис, решивший, что Вэй принял его просьбу, облегченно вздохнул, ведь, несмотря на то, что у него на лице уже есть один шрам, и что есть выражение, будто шрамы украшают мужчин, ещё один-другой ему получать никак не хотелось. Однако, затишье продолжалось недолго, так как Вэй Арэн поспешил перейти к другой теме.

— Кэрри, — сказал он. — Мне вот интересно, где ты научился так обрабатывать раны?

— Вэй, — повторяя интонацию лучника, произнес Кэрэндрейк. — Мне вот интересно, как же там сейчас без тебя красавицы Велара?

— Пф, — издал тихий смешок Зел.

— Я разве не могу поинтересоваться состоянием друга? Неужели ты думаешь, что я способен проводить время с дамами, когда моему товарищу требуется лечение?

— Ты? Более чем способен, — ответил Дрейк, покончив с перевязкой. — К тому же, сейчас Зелу уже ничего не угрожает. Можно даже сказать, что он относительно в порядке.

— У, — согласился со сказанным Зелорис.

— В этом городе странные дамы, — полушепотом неохотно признался Вэй.

— У? — поинтересовался Зел.

— Они меня избегают! — воскликнул он.

В ответ Кэрэндрейк разразился длительным смехом.

— Как можно смеяться над чужим горем?! Ещё друг называется, — вздохнул лучник.

— Считай это наказанием за твои грехи, — загадочно произнес Дрейк.

— Если б было за что наказывать.

— Да ну, безгрешный ты наш.

— Ты на что намекаешь, Кэрри?

— Я? Да ни на что. Как можно? Ведь ни разу же не было случая, чтобы ты разбил кому-либо сердце, и уж, конечно, ты ни разу не уводил ни у кого невест.

— И какое же всё это имеет отношение к сложившейся ситуации?

— Вэй-Вэй, не расстраивайся, в следующем городе, возможно, тебя не будут избегать, — прошептал мечник. — И ты, Кэрэндрейк, потерпи немного, возможно, в следующем городе Вэй-Вэй снова будет целыми днями в женском обществе и не будет тебя доставать.

— Хотелось бы! — в один голос воскликнули Вэй Арэн и Дрейк.

Как уже говорилось раньше, через четыре дня после того, как Зелорису было разрешено вставать, друзья продолжили путь. Так как мечник ещё не до конца оправился от ран, он ехал на единственном пассажирском месте в повозке, которой управлял Кэрэндрейк, а Гордислава, Вэй Арэн и Рэйна дружно шествовали рядом. Конечно, вероятность повторного нападения была высока, но в этот раз путешественники к ней были готовы. Во-первых, Дрейк по несколько раз проинструктировал каждого о правилах спасения бегством, во-вторых, Вэй держал наготове лук, в-третьих, несмотря на раны, Зелорис способен был оказать какое-никакое сопротивление, а в-четвёртых, пятеро друзей шли молча, вслушиваясь и вглядываясь в окружение. Ночевать пришлось под открытым небом. Чтобы предостеречь себя от возможности нападения после заката, было установлено ночное дежурство. Первую половину ночи наблюдение вели Вэй Арэн и Рэйна, а вторую — Зелорис, Гордислава и Кэрэндрейк. К полудню же следующего дня товарищи пришли в город Тралир, один из самых крупных городов Беловерха.

В то время как Гордислава, Рэйна и Зелорис отправились искать постоянный двор, внимание Кэрэндрейка привлек один листок, висевший на доске с главными объявлениями и новостями города. Улыбка, возникшая у него при виде листка, постепенно, с каждым прочитанным предложением, превращалась в громкий и несколько злорадный смех.

— Кэрри, неужели там действительно написано нечто настолько смешное? — любопытствовал Вэй Арэн.

— А ты прочти, — предвкушая дельнейшее развлечение, предложил Дрейк.

Лучник принялся за чтение, но, в отличие от Кэрэндрейка, с каждым прочитанным словом его лицо всё больше мрачнело.

«Вниманию жителей всех городов Беловерха! — гласил текст объявления. — В нашем славном королевстве объявился враг всех женщин и всех мужчин Западных Королевств! Уже несколько лет скитается он по Королевствам Запада, разбивая сердца как юным девушкам, так и зрелым женщинам, разрушая крепкие союзы и сея раздор среди влюбленных, отнимая надежду у мужчин, уводя у них любимых. Имя ему — Коварный Лучник-Соблазнитель Вэй Арэн Виндсвиш. И теперь он добрался и до нашего королевства. Но не пугайтесь! Этого негодяя легко узнать. Особые приметы: высокий рост, серые глаза, длинные светлые волосы, обычно собранные в хвост; за спиной носит лук и колчан со стрелами. Дамы, остерегайтесь этого подлеца! Если увидите его издали, — тут же направляйтесь в противоположную сторону. Ни в коем случае не вступайте с ним в разговор — его обманные речи могут вскружить Вам голову и лишить рассудка. Мужчины, оберегайте своих женщин! Не

подпускайте их к нему и не допускайте их знакомства. По возможности постарайтесь избавлять от его общества даже незнакомых Вам женщин, помните, что они тоже кому-то дороги. Даже одно слово, сказанное им, может оказать сильное влияние на представительниц женского населения. Будьте бдительны, и Вы выстоите перед лицом искушения!»

— Ну, что скажешь, Коварный Лучник-Соблазнитель? — ухмыльнулся Кэрэндрейк, похлопав Вэя по плечу.

— Я просто взбешен, — процедил сквозь зубы Вэй Арэн.

— Это-то я вижу. А если по существу?

— Ложь и провокация.

— Ну, не совсем... Зато теперь стало ясно, почему в Веларе тебя избегали.

— И это развешано по всему Беловерху?

— Мы почти всю зиму провели на Севере. Возможно, в других королевствах такие тоже есть.

— Спасибо, успокоил, — огрызнулся лучник.

— Хотя, я отчасти огорчен, — вздохнул Дрейк.

— Что такое? Неужто, Кэрри, ты всё же сочувствуешь мне?

— Для полной картины не хватает упоминания о превращении тебя в сторукого монстра. Или сколько их там было, когда ты Монтильфондских лесорубов пугал?

— Не напоминай, пожалуйста. И пугал их Зелорис.

— Но монстр-то в седовласого молодого лучника превращался, то есть — в тебя.

— Лучше посоветуй, что мне в этой ситуации делать, — попросил Вэй.

— Ты действительно этого хочешь?

— Характер у тебя до ужаса скверный, но мозги работают хорошо.

— Спасибо-спасибо, — демонстративно расчувствовался Кэрри. — Так... Кхэ-кхэ...

— Ты что делаешь? — не понял Вэй Арэн.

— Ты же сам помощи попросил, — наигранно недоуменно ответил Кэрэндрейк. — Вот, горло разминаю.

— Для чего?

— Чтобы громко-громко крикнуть, — Дрейк поднял указательный палец вверх.

— Не тяни уже! — вспылil лучник. — Что именно ты собрался кричать?

— «Коварный Лучник-Соблазнитель уже в Тралире!» — озвучил свои намерения Кэрэндрейк. — «Вот он! Берегитесь его!»

— Только попробуй так сделать, — угрожающе произнес Вэй, доставая лук. — Боюсь, одна из моих стрел выберется из колчана и в кого-то попадет, Кэрри.

— Ему не повезет, — заметил Дрейк.

— Тебе не повезет, — пояснил лучник. — Я тебя помочь просил, а не паясничать.

— Так я и собирался помочь сделать эту ситуацию более забавной.

— Кэрри, я сейчас действительно не в том настроении.

— Ладно-ладно, — вздохнул Кэрэндрейк. — В таком случае, почему бы тебе не сменить внешность и имя? Постриги волосы... нет, вообще налысо побрейся, отпусти бороду, смени лук на... вилы. А имя подобрать тебе Зел поможет. Как тебе имя «Лошадь»? Точнее, «Конь». «Жеребец»?

— Кэрри, сделай одолжение — забудь.

Жители Тралира исправно выполняли указания объявления: стоило кому-либо увидеть

Вэя, дамы тут же отводили взгляд, а кавалеры уводили их в другое место. Похожая ситуация повторялась и в других городах королевства. Товарищи впервые видели лучника в столь удрученном состоянии, что поначалу забавляло Кэрэндрейка, но постепенно стало сильно раздражать.

— Найду того, кто это сделал — придушу, — сказал как-то Зелорису Кэрри во время очередной перевязки. — Нет, лучше ловеласа нашего на него натравлю — смерть мучительнее выйдет.

— У? — не понял мечник.

— Я про того, кто те листовки с объявлениями по всему Беловерху развесил, — пояснил Кэрэндрейк. — Из-за них всем нам от Вэя спасенья нет. Раньше он хотя бы на полдня пропадал, пока комплименты раздаривал, а сейчас всю дорогу только его нытье и слушать...

— У, — подтвердил Зел, но, немного подумав, добавил:

— Сейчас и ты ноешь.

— Вот видишь, до чего общество ловеласа может довести! — подметил Дрейк. — Скоро и ты ныть начнешь.

— Подумать страшно, — ответил Зелорис. — Где он?

— Докучает Гордиславе и Рэйне. Мне их, конечно, жаль, но в такой ситуации каждый сам за себя.

— У, — полностью согласился со сказанным мечник.

— И ведь на Севере он себя так невыносимо не вел!

— Тогда вокруг, кроме Гордиславы и Рэйны, никого не было, а сейчас его открыто игнорируют.

— Надо с этим что-то делать, — пришел к выводу Кэрэндрейк.

— Что?

— Если бы я знал. Но в любом случае, так продолжаться больше не может, иначе у меня начнет развиваться паранойя.

Зелорис посмотрел на друга вопрошающим взглядом.

— Скоро мне начнёт казаться, что это происки тех, кто устроил нам засаду между Белиаром и Веларом. Ведь общеизвестно, что деморализация противника может привести к победе без затрат. К тому же, они с тех пор не появлялись, что значит — либо что-то замышляют, либо уже замыслили и приводят в исполнение.

— Или отказались от замыслов, — добавил мечник.

— Это идеальный вариант.

— Но не думаю, что листовки развешаны с целью деморализации.

— Да и я так не думаю. Сказал же, что мне вскоре так казаться начнет. И так ясно, кто и почему это сделал.

— У?

— Ты думаешь, после походов этого ловеласа у него ненавистников нет? — усмехнулся Кэрэндрейк. — Слушай, Зел, давай, пока его нет, пойдем по городу, прогуляемся. Стемнеет — придем. Когда он уже спать будет.

— У!

Из следующей главы вы узнаете о том, как в княжестве Сардигия мечник повстречал старых знакомых, и как прошла эта встреча.

===== Часть 4. “Предательство”. Глава 31 =====

О том, как в княжестве Сардигия мечник повстречал старых знакомых, и как прошла эта

встреча

К превеликой радости как Вэя Арэна, так и Кэрэндрейка, а также всех остальных, в княжестве Сардигия, которое было следующим пунктом в маршруте путешественников, листовок, компрометирующих лучника, не оказалось. А посему, воодушевленный весенним настроением Вэй сразу же по прибытии в город отправился «навстречу счастью», как он сам говорил. Так было в городах Скумбар, Шпарот, так повторилось и в городе Сум. Поскольку нет смысла описывать подобные похождения лучника, читателю предоставляется возможность самому домыслить их.

Как только друзья прибыли в Сум, Вэй, не дождавшись, пока Гордислава снимет комнаты на постоялом дворе, исчез в направлении наибольшего скопления девушек и появился только около полуночи. На рассвете, слегка перекусив, он снова отправился наслаждаться женским обществом, так как в Суме товарищи собирались остаться до следующего утра.

Тем временем, вволю выпавшись, остальные путешественники отправились заниматься своими делами: Гордислава ушла за покупками, Рэйна — за сбором новых историй, Кэрэндрейк — снова спать, а Зелорис — на прогулку по городу.

Таящий снег под ногами, свежий весенний воздух, неспешная ходьба и любование достопримечательностями только способствовали размышлениям Зелориса. Аккуратно переступая через лужи, мечник невольно вспоминал, как талая вода по весне собиралась в целые реки в его родном королевстве Заприя, а после и вовсе переключился на воспоминания о родине.

Зелорис рано остался без родителей: они были убиты разбойниками, когда ребенку было всего лишь шесть лет. Маленького мальчика взял к себе на воспитание старый рыцарь, сэр Рондейв, который отличался абсолютной преданностью королю вкупе с невероятно скверным характером. Опекун бранил воспитанника даже за самые мелкие ошибки и не стеснялся высказывать свое недовольство даже по пустякам.

В силу преклонного возраста, сэр Рондейв вынужденно вышел в отставку и обосновался в небольшой деревушке на самой окраине королевства Заприя. По вечерам он имел обыкновение погружаться в воспоминания о своих рыцарских подвигах. Зелорису нравилось слушать его рассказы о справедливости, долге воина, чести и достоинстве, о силе правды и о многом другом. Впечатленный ребенок пытался пересказывать истории сэра Рондейва деревенским мальчишкам, но те были слишком глупы и невоспитанны, чтобы понять их.

Из-за постоянных опасений случайно сказать что-нибудь, что может рассердить старого рыцаря, Зелорис вырос замкнутым, а из-за незнания, что говорить в кругу сверстников — стеснительным.

Надо сказать, что, несмотря на постоянные упреки и замечания в адрес воспитанника, сэр Рондейв быстро привязался к мальчику и полюбил его, как собственного сына. Зелорис же, в свою очередь, очень уважал старого рыцаря и любил, как родного отца. Он прилежно обучался у сэра Рондейва фехтованию, в надежде когда-нибудь стать таким же, как он, чтобы им могли гордиться.

Когда Зелорису было десять лет, до него дошел слух о разбойниках, обосновавшихся неподалеку от соседней деревни. Мальчик решил, что если расправится с ними, то сэр Рондейв непременно похвалит его. Ночью Зелорис стащил у рыцаря тяжелый двуручный меч и тайно ушел из дома. Но всё вышло не так, как он это себе представлял: вместо того, чтобы победить разбойников, Зелорис сам был побежден ими. И если бы сэр Рондейв, заметивший

странное поведение воспитанника, не пошел за ним и не успел вовремя, то Зел бы не отделался одним лишь шрамом на щеке.

Зелорис ожидал, что опекун будет сильно ругать его, но тот вообще ничего не сказал. Целый месяц он просто молчал, отчего маленький мечник еще глубже осознавал свою глупость и чувство вины за столь безрассудный поступок. Но вскоре его отношения с рыцарем вернулись на круги своя, а о том происшествии ни Зелорис, ни сэр Рондейв старались не вспоминать.

Несколько хуже дела обстояли в отношениях Зела с другими детьми. Если и раньше он был среди них белой вороной, то сейчас ребята и вовсе высмеивали Зелориса из-за шрама на лице. На все их оскорбления и издевательства Зел отвечал молчанием.

Когда Зелорису исполнилось пятнадцать лет, сэр Рондейв заметил, что его ученик делает значительные успехи во владении мечом, а в день двадцатилетия рыцарь сказал ему о том, что вскоре он может его превзойти.

Через год после этого тяжелая болезнь приковала сэра Рондейва к постели, а через девятнадцать месяцев он скончался.

Это был настоящий удар для молодого мечника. Ему казалось, что, лишившись человека, ставшего ему отцом, он в одночасье лишился всего. Не в силах жить в одиночестве в маленькой хижине, где все напоминало о старом рыцаре, Зелорис покинул дом и деревню, в которой вырос, и отправился в путешествие.

Некоторое время он бесцельно бродил по королевствам Запада, пока однажды не услышал об «Охоте», объявленной королем Монтильфонда. Учение о справедливости и долге воина старого ратника дало о себе знать, и Зелорис решил принять участие в этой «Охоте», чтобы одолеть разбойников, грабящих невинный народ. Это решение изменило всю его жизнь.

Сначала с Зелорисом, которого люди старались избегать везде, куда бы он ни пошел, заговорил надоедливый лучник. Более того, он предложил Зелу свою компанию. Потом — наивная девчушка, не испугавшаяся мрачного вида мечника, также изъявила желание путешествовать вместе, а с ней присоединился и ее ворчливый товарищ. Впервые у Зелориса появились друзья.

После того, как молодой мечник стал уважаемым во всем Монтильфонде Героем, а пришедшая с Севера Гордислава наняла всех четверых товарищей для сопровождения в путешествии, Зелорис осознал, что эта его новая жизнь нравится ему ничуть не меньше, чем время, проведенное со старым рыцарем, и что иметь друзей — прекрасно.

Постепенно под влиянием товарищей чрезмерная стеснительность и замкнутость Зелориса стали потихонечку убавляться. Если раньше на вопросы он преимущественно отвечал малозаметным кивком, то сейчас чаще стал отвечать вслух. И хотя эти ответы в большинстве случаев ограничивались его фирменным «У», нельзя не сказать, что и это является прогрессом.

— Надо же, какие люди! Шрамомордый! — окликнули Зела сзади.

Мечник обернулся и увидел тех, от кого всё детство выслушивал множество издевок и оскорблений: сына пахаря Роби и его сестру Мони, выросших с ним в одной деревне. Зелорис не ожидал увидеть их за пределами Заприи и был, мягко сказать, не очень рад этой встрече, однако не показывал этого.

— Привет, — прошептал он.

— Что же, всего лишь «Привет»? — надменно произнесла Мони. — Так-то ты

встречаешь старых друзей?

Зелорис промолчал в ответ. Ни он для них, ни они для него никогда не были друзьями.

— Опять молчишь, — усмехнулся Роби. — Как обычно, будто воды в рот набрал. А ты ничуть не изменился, Зелошрам.

— Не Зелошрам. Зелорис, — исправил мечник.

— Да ладно тебе, не обижайся, — Роби положил руку Зелу на плечо. — Это я по старой дружбе.

Снова «дружба». Зелорису захотелось смахнуть его руку с плеча и сказать, что между ними никогда не было никакой дружбы, потому что дружбой нельзя назвать отношения, построенные на издевательствах и оскорблениях, но он сдержался.

— От тебя столько времени не было ни слуху, ни духу, — продолжила Мони. — А вот теперь мы встречаем тебя здесь. Может, расскажешь, чем ты всё это время занимался и как оказался в Сардигии?

— Путешествовал, — одним словом на оба вопроса ответил Зелорис.

— И всё? А подробности?

— Мони, не приставай к нему с такими расспросами. Ему наверняка совсем не о чем рассказывать. Это же наш Шраморис.

— Ты прав, Роби. Что это я?!

Брат и сестра разразились дружным смехом.

— Я пойду, — прошептал Зелорис, надеясь как можно скорее покинуть их компанию.

— Куда? — спросил Роби. — Мы столько времени не виделись, и ты тут же бросаешь нас? Ну уж нет.

— Позволь нам поиз... пообщаться с тобой подольше!

Мечник был уверен, что первоначально Мони хотела сказать «Позволь нам поиздеваться над тобой», но сделал вид, что не заметил оговорки.

— К тому же, — продолжил Роби, — нам хочется узнать, как ты провел всё это время.

— Дорв и Грей наверняка обидятся на нас, если мы не расскажем им подробности.

— Ты же не допустишь, чтобы они на нас обиделись?

— У.

— Тут неподалеку была неплохая таверна, — сказал пахарский сын.

— Мы были в ней с утра, — добавила его сестра.

— Там выступала очаровательная девушка-бард, — сообщил Роби. — Настоящая красавица. Жаль, что такие, как она, недостижимы для тебя, но ты сможешь хотя бы посмотреть на нее.

— У тебя, наверное, совсем нет денег, но не бойся, мы сможем за тебя заплатить.

— У меня есть деньги, — возразил мечник. От всей суммы, подаренной королем Монфрида, он потратил всего тридцать пять золотых, двадцать из которых ушло на кленовый сироп.

— Не нужно скромничать, — демонстративно настаивал Роби. — Раз уж мы приглашаем тебя, то сами и заплатим за всё.

— Не можем же мы позволить нашему дорогому другу тратить свои скудные средства, — добавила Мони.

Зелорис решил воздержаться от спора.

Когда брат и сестра привели мечника в таверну, Зелорису пришлось невольно улыбнуться. Девушка-бард, которой был так очарован Роби, и которая, по его словам,

является недостижимой для Зела, была ни кем иным, как Рэйной.

Хозяин постоянного двора, на котором они остановились, не был ценителем музыки и подобных развлечений, поэтому Рэйна, записав несколько местных легенд, устроилась на подработку в первую приглянувшуюся ей таверну, которая благодаря ее выступлениям собрала большое количество посетителей. Само собой, разумеется, что из-за такой толпы малышка Рэй не могла заметить вошедшего мечника.

— Должен сразу сказать, — предупредил вошедших хозяин таверны. — Если не собираетесь ничего есть, — уходите. Слушать эту девушку будут только те, кто платит за еду.

— В таком случае, нам три порции самого лучшего блюда в этом заведении, — пафосно произнес Роби.

— Хорошо. С вас пять золотых.

— Пять золотых?! — воскликнула Мони, у которой вместе с братом в лучшем случае набиралось два золотых, кои были нужны и на обратный путь. — Вы что из них готовить собираетесь?

— Нет денег — нечего выпендриваться, — огрызнулся владелец таверны.

В то время как Роби и Мони кипели от возмущения, Зелорис молча протянул хозяину таверны названную им сумму.

— Давно бы так, молодой человек. Присаживайтесь за тот столик, скоро Вам принесут.

Роби, Мони, несколько озадаченные тем, как легко Зел расстался с деньгами, несмотря на большую сумму, и тем, что они сами обещали за него заплатить, а также сам мечник сели за единственный свободный стол, на который показал хозяин таверны.

— Ну, скажи, разве она не красавица? — поинтересовался Роби. — А как поет!

— У.

— Мне очень понравилась ее песня о цветке, цветущем раз в пятьдесят лет. Как уж она называлась...

Совершенно без задней мысли, воспользовавшись тем, что Рэйна только что закончила петь о снежном чудовище, которое пало от руки храброго мечника, Зелорис крикнул:

— Рэй!

— Зел! — обрадованно воскликнула Рэйна, обернувшись на голос друга. — Я тебя и не заметила. Ты давно тут сидишь?

— Нет.

— Это твои друзья?

— Ты не могла бы спеть «Сокровище Эдэля»? — попросил Зелорис, проигнорировав вопрос, что было для него несвойственно.

— Желание друга — закон, — улыбнулась собирательница историй и начала петь.

Однако, ни Мони, которой хотелось вновь услышать любимую песню, ни Роби, которому понравилась Рэйна, не слушали песню и не смотрели на выступление. И брат, и сестра были шокированы тем фактом, что Зелорис так легко общался с этой девушкой, но еще более тем, что она назвала его своим другом.

— Вы с ней знакомы? — решил уточнить очевидное Роби.

— У, — ответил Зел. — Путешествуем вместе.

Между Зелорисом, Мони и Роби воцарилось молчание. Но вскоре оно было нарушено, поскольку, закончив петь, Рэйна взяла перерыв и под села к ним.

— Привет, меня зовут Рэйна, — представилась она знакомым Зелориса.

— Роби и Мони, — представил их Зел.

— Рэйна, а это правда, что вы путешествуете вместе? — Роби всё еще не хотел верить.

— Ну да, — ответила малышка Рэй. — Я была очень рада, когда Зелорис согласился на это.

— Согласился? — удивилась Мони. — То есть, это ты ему предложила?

— Да. Что в этом такого странного? — не поняла собирательница историй.

— Позвольте узнать: почему? — удрученно спросил сын пахаря.

— Чтобы описывать подвиги, разумеется!

Ни Роби, ни Мони не были способны до конца осознавать происходящее.

— Кстати, Зел, ты ведь не будешь против, если я представлю тебя хозяину таверны?

— Нет. А зачем?

— После того, как я спела «Кленовый сироп», он изъявил желание познакомиться с Героем Монфридской «Охоты».

— Ге-героем Монфридской «Охоты»? — в один голос спросили брат и сестра.

— А ты здесь при чем? — поинтересовался Роби.

— Это я, — улыбнулся Зел.

Ему понравилось смотреть, как менялись их лица. Одно это с лихвой окупало годы издевок, что он терпел. Даже под вечер, вернувшись на постоянный двор, Зелориса не отпускало чувство удовлетворения. Он благодарил судьбу за то, что девушкой-бардом, очаровавшей Роби, была именно Рэйна.

Однако, пребывать в подобном настроении пришлось недолго.

— Что случилось, Вэй? — встревоженно спросила Гордислава. — На тебе лица нет!

— У, — поддержал мечник.

— Опять, что ли, листовки? — предположил Кэрэндрейк.

— Отец, — ответил Вэй Арэн.

— Что «отец»? — не поняла Рэйна.

— Только что я встретил знакомого, — сообщил пробиваемый дрожью лучник. — Он сказал, что если я сейчас же не вернусь в Мэйрин, то могу его больше никогда не увидеть.

Из следующей главы вы узнаете о том, как в Фестрите проходил ежегодный праздник бардов, и о том, кого на нем удалось встретить.

===== Часть 4. “Предательство”. Глава 32 =====

О том, как в Фестрите проходил ежегодный праздник бардов, и о том, кого на нем удалось встретить

Гордислава не хотела отпускать Вэя, поскольку боялась, что, как только они расстанутся с лучником, на них снова произойдет нападение. Тот факт, что с тех пор, как недоброжелатели впервые объявились, они больше ни разу не проявляли себя, с одной стороны, дарил надежду, что они не появятся и впредь, а с другой — заставлял опасаться дальнейших их действий. В то же время северянка не могла не отпустить его, потому что, возможно, для Вэя это был последний шанс увидеть отца живым.

По расчетам лучника, если он найдет быструю лошадь и будет проводить в пути целый день, лишь на ночь останавливаясь на постоянных дворах для ночлега, на то, чтобы добраться к отцу, у него уйдет две недели. Остальным путешественникам, если они будут продолжать двигаться в прежнем темпе, потребуется около месяца на преодоление этого маршрута. Поскольку караванный путь, по которому друзья собирались попасть к бывшим границам Трилунской Империи, проходил через Веслес, Вэй обещал присоединиться к ним снова, если случится так, что они встретятся там, и ему уже не нужно будет беспокоиться об отце.

Утром следующего дня Вэй Арэн купил самую быструю из имевшихся в Суме лошадей и помчался на ней во всю прыть в Мэйрин.

Отсутствие Вэя сказывалось на всех: Зелорис переживал, потому что «Вэй-Вэй» был его первым другом, Рэйна скучала по долгим разговорам ни о чем, Гордиславе не хватало чувства защищенности, так как она беспокоилась о том, что один Зелорис может с возложенной на него миссией не справиться, ибо полагала, от остальных толка не было. Кэрэндрейк, который сначала обрадовался тому, что его больше никто не будет доставать, поддразнивать и выводить из себя, вскоре осознал, что лишился многих возможностей для ворчания, отчего частично впал в уныние. Даже Капа, привыкшая к долгим монологам Вэя в те моменты, когда повозкой управлял он, начала скучать от однообразия: молчания, когда ей управлял Зелорис, сменявшегося ворчанием Дрейка.

Через три недели после ухода лучника, ожидаемого Гордиславой нападения так и не произошло, а друзья успели пересечь границу княжества Сардигия и королевства Ворожир и прибыть в город Фестрит, расположенный в двух днях пути до границы Ворожира и Веслеса. Так уж случилось, что именно в эту пору в Фестрите проводился ежегодный праздник бардов, посетить который непременно захотелось Рэйне.

Праздник проходил на главной площади города, где собрались песенники со всего Запада. Со всех сторон раздавались звуки лютни, излюбленного инструмента бардов. Играли всюду, десятки мотивов сливались в один, и, чтобы послушать отдельный из них, приходилось приближаться к исполнителю. Если человек слушал одну мелодию, но делал шаг в сторону, — ему была слышна уже другая, еще шаг — третья и так далее. Из-за огромного количества желающих послушать бардов на площади было не протолкнуться.

— Здесь еще больше людей, чем на празднике Эдэля, — заметила Гордислава.

— Так ведь Эдэль — небольшой шахтерский городок, и празднование его юбилея касалось только его же жителей, — ответил Кэрэндрейк. — А Фестрит — город крупный, и праздник бардов — событие знаменательное для всего Запада.

— Здесь каждый год так? — спросила северянка у Рэйны.

— Не знаю, — ответила та. — Я сама здесь впервые.

— У? — удивился мечник.

— Это может показаться глупым, но каждый раз, когда я хотела сюда попасть, случалось что-нибудь, отчего мне не удавалось этого сделать.

— Например? — поинтересовался Дрейк.

— Три года назад я заблудилась, два года назад перепутала дни и пришла, когда праздник уже закончился, а год назад отправилась раньше, но...

— Ясно, можешь не продолжать, — перебил Кэрри.

— Почему ты решила стать бардом и собирательницей историй? — вдруг спросила Гордислава.

— Потому что истории и легенды рождены, чтобы быть поведанными людям, — ответила малышка Рэй. — Это я узнала от тех, кто воспитал меня.

— Воспитал? — переспросил Зелорис.

— Моя мать погибла, когда я родилась, а отец последовал за ней через восемь лет.

— Значит, воспитавшие тебя люди — сами барды, — ушел от темы родителей Кэрэндрейк.

— Да, — подтвердила Рэйна.

— Может быть, мы встретим их здесь, — предположила северянка.

— Ах! — воскликнула собирательница историй. — Точно. Я ведь даже не подумала об этом!

— В твоём стиле, — заметил Кэрри.

— У, — поддержал Зел.

— Мы давно не виделись, — взволнованно произнесла Рэйна. — А что, если я их разочарую?...

— В чём? — с улыбкой спросил Дрейк.

— Ну, не знаю. Мало ли. Вдруг я испортилась.

— Ты не еда, чтоб портиться, — невозмутимо сказал Зелорис.

— Всё будет хорошо, — утешила Гордислава.

Людьми, воспитавшими Рэйну, были Даррелл и Лора Драб. Когда они подобрали малышку Рэй, ей было всего девять лет, Дарреллу — двадцать, а Лоре — восемнадцать. Когда девочке исполнилось четырнадцать, она сообщила им, что собирается пойти по их стопам и стать бардом, после чего, поблагодарив за пять лет, в течение которых Даррелл и Лора заменяли ей родителей, ушла, начав самостоятельную жизнь. Несмотря на то, что за время, проведенное вместе, песенники сильно привязались к своей воспитаннице и не хотели ее никуда отпускать, они не возражали против ее решения, поскольку уважали такой выбор.

За весь тот период, что прошел с момента их расставания, им так и не удалось ни разу встретиться. Даррелл и Лора даже не знали, жива ли Рэйна, и сейчас, во время своего выступления на площади Фестрита, старательно вглядывались в окружающую их толпу в надежде увидеть свою воспитанницу. Даррелл играл на лютне, а Лора била в бубен и пела песнь о приключениях моряка, отправившегося искать край света. Эта песня нравилась зрителям, которые окружили пару бардов в плотное кольцо так, что пробраться ближе не представлялось возможным. Эту песню очень любила слушать и малышка Рэй, когда путешествовала вместе с ними, отчего, краем уха услышав знакомую мелодию, тут же остановилась и произнесла:

— Это они.

— Здесь столько людей, что, боюсь, протиснуться ближе не получится, — заметила Гордислава.

— Подождать, как разойдутся, — предложил Зелорис.

— Не думаю, что это будет скоро, — предположил Кэрэндрейк. — Но, если хочешь, я могу попробовать провести тебя ближе. Навык движения сквозь скопления людей у меня развит, ибо он — составная часть навыка спасения бегством.

— Нет, спасибо, — отрезала Рэйна. — У меня другая идея.

— У?

— Я заставлю толпу разойтись, — несколько зловеще произнесла собирательница историй. — И покажу Лоре и Дарреллу, чего я стою, как бард.

Рэйна приготовила свою лютню и начала исполнять недавно написанную песнь:

В суровых заснеженных землях

Родился когда-то герой.

Он знал: зло живёт и не дремлет,

И жаждал со злом вступить в бой.

Но вот уж беда! У героя,

Увы, не имелось меча!

Бывает жестокой порою
И у героев судьба.
Герой был совсем удрученный:
Не сбыться мечте у юнца!
В горах, где есть сотни учёных,
Проблема — сыскать кузнеца.
Ведь в бой не вступить безоружным,
Иначе чем зло поразить?
Ох, как в этом деле меч нужен,
Не зная — не вообразить!
В суровых заснеженных землях
Родился когда-то юнец.
Он знал: зло живёт, зло не дремлет!..
И ждал, как родится кузнец.

За время исполнения этой песни вокруг Рэйны образовалась толпа, большая часть которой состояла из перекочевавших зрителей Даррелла и Лоры. Закончив петь, девушка поклонилась, убрала лютню, продемонстрировав, что ее представление ограничивается одной песней, и принялась наблюдать за расходящейся толпой. Муж и жена Драб, разумеется, хотели посмотреть на человека, забравшего у них добрую половину зрителей, а посему тоже не начинали исполнять очередную песню и ждали, когда толпа чуть-чуть расступится, чтобы подойти ближе. Каково же было их удивление, когда они увидели свою воспитанницу.

— Рэйна, ты ли это?! — воскликнула Лора.

— Давно не виделись, — улыбнулась им малышка Рэй.

— Да уж, давно, — подтвердил Даррелл, глядя Рэйну по голове. — И где же тебя носило всё это время?

— То же самое я могу спросить и у вас.

— Мы-то хотя бы приходили сюда каждый год на праздник бардов, — ответила Лора.

— Если бы вы хоть однажды пришли сюда прежде со мной, — вздохнула собирательница историй, — то я бы не заблудилась, когда в первый раз попыталась попасть в Фестрит.

— В своем репертуаре, — засмеялся Даррелл.

— Хорошо, что ты хоть сейчас добралась, — улыбнулась Лора Драб.

— Это потому, что я сейчас с друзьями, — сообщила Рэйна.

— Где они? — поинтересовался песенник. — Надеюсь, ты нас познакомишь.

Рэйна подвела Даррелла и Лору к друзьям.

— Это Кэрэндрейк, Зелорис и Гордислава, — представила она их. — Есть еще Вэй Арэн, но он сейчас не с нами. А это Даррелл и Лора, люди, заменившие мне родителей.

— Приятно познакомиться, — сказал Кэрэндрейк.

— Взаимно, — ответил Даррелл.

— Где-то я уже слышала имя Вэй Арэн, — задумалась Лора.

— Он внес большой вклад в «Охоту» Монтильфонда, — доложила малышка Рэй. — А Зелорис стал ее Героем.

— Уверена, что слышала это имя при других обстоятельствах.

— Как имя «легендарного ловеласа»? — предположил Дрейк.

— Точно!

— Это он, — прошептал Зелорис.

— Вы похожи на жительницу Севера, — заметил Даррелл, глядя на Гордиславу.

— Так и есть, — ответила та. — Я историк Четвертой Северной Башни.

— Интересные у тебя друзья, — подметила песенница.

— Дрейк может залечить любую серьезную рану, — добавила Рэйна.

— Но ты всё же старайся не попадать в ситуации, где можно подобные раны получить, — попросил Даррелл Драб.

— Не буду! — уверила Рэйна. — Иначе Дрейк будет на меня ворчать.

— Тебя только это останавливает? — вздохнул Кэрэндрейк.

— Не только, но...

— А что же мы здесь стоим? — вдруг воскликнула Лора. — Мы просто обязаны отравиться в кабак, чтобы отметить эту встречу!

— Ты, как всегда, права, дорогая, — поддержал Даррелл.

— Неужели ты в этом сомневался? — улыбнулась малышка Рэй.

— Желаю приятно провести время, — произнес Дрейк.

— А ты разве не пойдешь? — спросил песенник.

— Мы всех вас зовем, — заметила Лора Драб.

— У меня появилось одно дело, которое я должен сделать, пока мы не покинули Фестрит, — объяснил Кэрэндрейк.

— Дело? — удивилась Рэйна.

— Именно так. Возможно, я присоединюсь к вам, когда разберусь с ним, если вы не возражаете, конечно.

— Будем ждать, — улыбнулась Лора.

— А вы-то нас не бросите, надеюсь? — спросил Даррелл у Гордиславы и Зелориса.

— Разумеется, нет, — ответила Гордислава.

— У, — подтвердил Зел.

Компания разделилась. Даррелл, Лора, Рэйна, Зелорис и Гордислава отправились в кабак отмечать встречу и знакомство, а Кэрэндрейк направился по своему неотложному делу.

В момент, когда Рэйна знакомила друзей с Дарреллом и Лорой, Дрейк увидел в толпе женскую фигуру. Весь разговор он не отрывал от нее взгляда, дабы не упустить из виду. За это время она успела отдалиться на достаточное расстояние, поэтому, расставшись с товарищами, Кэрэндрейк тут же поспешил эту дистанцию сократить. Однако он не стал приближаться к ней на многолюдной площади, а дождался, пока девушка выйдет на безлюдную улицу.

— Шарлотта Эролайн, верно? — окликнул он дочь мэра Мэйрина.

Шарлотта оглянулась и осмотрела взглядом спросившего.

— Вы... Кэрри? — удивленно произнесла девушка.

— Кэрэндрейк, — поправил её Дрейк. — В нашу прошлую встречу в Аркане Вы спросили, не встречались ли мы с Вами где-либо раньше. Я, кажется, вспомнил, где.

Из следующей главы вы узнаете о том, как у северянки возникли опасения, о том, как эти опасения стали реальностью, и о ее подозрениях.

===== Часть 4. “Предательство”. Глава 33 =====

О том, как у северянки возникли опасения, о том, как эти опасения стали реальностью,

и о ее подозрениях

Кэрэндрейк так и не присоединился к празднованию встречи с Лорой и Дарреллом, и не вернулся на постоянный двор даже после того, как Рэйна, Зелорис и Гордислава распрощались с песенниками. Не объявился Дрейк и к утру.

— Что же это за дело такое у него столь неожиданно возникло? — спросила за завтраком Гордислава.

Зелорис пожал плечами.

— Рэйна, а тебе что-нибудь об этом известно?

— Нет.

— Странно, — заметила северянка.

— Я думаю, когда Дрейк придет, он нам всё сам расскажет, — предположила Рэйна.

— Это не обсуждается. Он расскажет и что у него за неожиданно возникающие дела, и почему он нам до этого ничего о них не рассказывал, а также, почему нам приходится его ждать.

— А вдруг с ним что-то случилось? — встревожилась собирательница историй.

— Нет, — возразил Зелорис. — Кэрэндрейк не стал бы ввязываться в неприятности.

— Лишь бы он не устроил их нам, — вздохнула Гордислава.

— У?

— Я не хочу преждевременно оглашать свое предположение. Но если то, что я думаю, случится, вы сами это поймете.

Тому, чего опасалась Гордислава, было суждено случиться менее чем через час.

Позавтракав, Рэйна направилась в свою комнату за лютней, чтобы сыграть на ней постояльцам, пока не вернулся Кэрэндрейк. Однако, как только она вошла в покои, к горлу собирательницы историй был приставлен нож.

— Не дергаться и не кричать, — прошептал мужчина, который был одним из тех, кто устроил засаду друзьям на пути в Велар. Еще один тем временем намеревался связать Рэйну толстой грубой веревкой.

— Кто вы, и что вам нужно? — холодно, подобно Гордиславе, спросила девушка.

— Твоя подруга, — нараспев произнес связывающий Рэйну незнакомец. — Но возьмем мы вас всех.

— Вы что-то сделали Дрейку?

— Кому? — не расслышал приставлявший нож. — Впрочем, неважно. Не беспокойся — ты первая, кого мы решили взять в плен.

— В таком случае, прошу меня извинить, — улыбнулась Рэйна и изо всех сил громко закричала.

Мужчина с веревкой ударил собирательницу историй по голове, и та потеряла сознание. Однако на крик прибежали Зелорис и Гордислава, а также еще несколько постояльцев, и застали лежащую без чувств на руках недоброжелателя Рэйну, к горлу которой был приставлен нож.

— Глупая девочка только ускорила выполнение моей работы, — усмехнулся преступник. — Бросайте всё свое оружие на пол, а руки поднимите вверх. Не вздумайте делать резких движений, или мой нож перережет шею вашей подружки.

Когда малышка Рэй открыла глаза, она обнаружила, что ее, связанную по рукам и ногам, везут куда-то в крытой повозке. Гордислава и Зелорис также были связаны и находились рядом с ней.

— Извините, — прошептала Рэйна. — За то, что дала им себя схватить. И за то, что не успела вовремя предупредить вас о засаде.

— Тебе не за что извиняться, — ответила Гордислава. — Они поджидали тебя в твоей комнате, что ты могла еще сделать?

— Если бы я закричала громче, вы бы услышали и смогли убежать.

— Мы слышали, — сказал Зелорис.

— Тогда...

— Ты же не думаешь, что мы способны бросить тебя одну? — холодно произнесла северянка.

— А куда они нас везут? — поинтересовалась Рэйна.

— Сама хотела бы знать. Но еще больше мне интересно, чем сейчас занимается Кэрэндрейк.

— В смысле?

— Один из этих ублюдков прямо сказал, что среди нас был предатель, отчитывавшийся перед ними о каждом нашем шаге. И схватить нас данным образом было в его планах.

— Он сказал, что предателем был Кэрэндрейк?

— Нет.

— Тогда почему же ты обвиняешь его?

— Ты, кажется, меня не расслышала, — сухо улыбнулась Гордислава. — Один из этих ублюдков прямо сказал, что среди нас был предатель. Этот предатель шёл с нами с самого начала и...

— Но ведь ты сама сказала, что никто не заявлял, что предатель — это Дрейк, — перебила собирательница историй. — Или я что-то путаю?

— У, — ответил Зелорис, что означало «Ничего не путаешь».

— Однако, — возразила северянка, — больше некому. Или ты хочешь сказать, что предателем являешься ты? Или я? Или Зелорис?

— Нет.

— Очевидно, что именно Кэрэндрейк предал нас.

— Вспомни, когда на нас впервые напали, мы смогли спастись лишь благодаря Дрейку! — воскликнула Рэйна.

— И этим он усыпил нашу бдительность. Тем самым он хотел войти к нам в доверие, чтобы мы и не думали подозревать его. Надо сказать, это почти удалось.

— Это просто глупо, — заметила малышка Рэй. — Если бы Дрейк был заодно с ними, ему бы незачем было спасать нас тогда. Зачем завоевывать доверие тех, кто и так доверяет, особенно когда выпадает удобный момент схватить нас?!

— Рэйна права, — согласился Зелорис.

— Допустим, что предатель не Кэрэндрейк, — вздохнула Гордислава, все еще оставаясь при своем мнении. — Тогда где он сейчас?

— Ему повезло, что его не было с нами в тот момент, когда нас брали в плен.

— И если предатель не Кэрэндрейк, — продолжила северянка, — то остается Вэй Арэн.

— Он бы тоже не стал предавать нас! — воскликнула Рэйна. — К тому же, мы расстались с Вэем почти месяц назад...

— Вот-вот, — перебила Гордислава. — Предательство Кэрэндрейка очевидно.

— Помнится, ты однажды безосновательно обвиняла в предательстве Зелориса, — напомнила собирательница историй. — Разве тебе тогда не было стыдно? Хочешь, чтобы

история повторилась?

— А так ли уж безосновательно? — поинтересовалась Гордислава. — История о схватке с одним из карателей звучит слишком уж невероятно.

— Хочешь сказать, Зел сам себя так поранил? — возмутилась Рэйна.

— Его лечением занимался Кэрэндрейк. Возможно, никаких ранений и не было вовсе, а Кэрэндрейк и Зелорис являются сообщниками.

Зелорис промолчал. Он не считал необходимым участвовать в этом бессмысленном споре, однако Рэйна не могла оставить всё так.

— Тебя послушать, так мы все предатели, вступившие в сговор против тебя! — рассердилась она. — Все: я, Кэрэндрейк, Зелорис и Вэй. Чуть не забыла! Руководит нами Капа.

— Капу в это не втягивайте, — Зелорису не удалось остаться в стороне.

— Значит, то, что предателем можешь быть ты, ты не отрицаешь? — ледяным тоном произнесла северянка.

— Почему ты веришь нашим врагам, а не нам?! — вспыхнула Рэйна. — Почему стоило похитителю сказать, что предатель был среди нас, так ты тотчас же поверила ему, а нам, с которыми ты провела так много времени, ты не доверяешь и даже подозреваешь? Почему?

— Успокойся, Рэйна, — прошептал Зел. — Бессмысленно продолжать ссориться друг с другом. Если хочет оставаться при своем мнении, пусть делает это.

В повозке воцарилось молчание. Слышны были лишь стук копыт, скрип колес, прикосновения ветра к ткани, которой была покрыта повозка, и голоса похитителей, изредка переговаривающихся между собой. О чем они говорили, было не разобрать. Через некоторое время повозка остановилась. Один из похитителей, высокий широкоплечий мужчина, вошел внутрь и небрежно бросил к ногам пленников корзину с несколькими яблоками.

— Обед, — процедил он сквозь зубы, выходя. — И ужин заодно.

— Постойте! — окликнула его Гордислава.

Мужчина нехотя остановился, но оборачиваться не стал.

— Куда вы нас везете?

— К хозяину, — ответил мужчина и снова собрался уходить. — Вам об этом уже говорилось.

— Это не всё, — сообщила северянка.

— Что еще? — раздраженно выпалил похититель.

— Мне нужно справить естественную потребность организма, — краснея, прошептала Гордислава.

Мужчина ругнулся и подозвал своих дружков. Один из них развязал Гордиславу и вывел наружу. Второй натянул тетиву, готовясь выпустить стрелу в северянку при малейшей попытке к бегству. Еще двое для подстраховки приставляли ножи к шеям Рэйны и Зелориса. Когда Гордислава закончила свои дела, она снова была связана, после чего повозка вновь тронулась.

Все последующие дни проходили однообразно. Похитители объезжали стороной все города, не останавливались ни в каких других поселениях. Стук копыт, скрип колес, свист ветра, ругань пленителей и молчание внутри самой крытой повозки. Друзья не могли понять, куда их везут, вокруг них было одно сплошное темное тканевое полотно. Дважды в день повозка останавливалась, и пленникам давали еды, а также возможность справить потребности, но и эти «прогулки» не давали никакого представления о текущем маршруте.

Сколько дней заняла эта дорога, ни один из похищенных сказать не мог, однако повозке все же пришлось въехать в город. Доказательством этому являлись шумы, присущие только крупным городам: гул толпы, выкрики торговцев, скрип сотен колес и ржание десятков лошадей, звон монет, шелест одежд, топот каблуков и голоса, голоса, голоса.

Повозка остановилась, и пленники услышали голос одного из похитителей.

— Открывай! — кричал он.

Раздался звук поднимающихся железных ворот, после чего повозка тронулась и въехала в них. Затем, когда колеса остановились, похитители вошли в повозку и завязали пленникам глаза, а также сняли веревки с ног.

— Зачем? Куда вы нас привезли? — протараторила несколько дней хранившая молчание Гордислава.

— Узнаешь, когда придет время, — ответил похититель, выталкивая северянку из повозки.

— Попытка бегства равносильна смерти, — решил напомнить другой.

— Не беспамятные, — вздохнула Рэйна.

— У, — подтвердил Зелорис.

— Вот и славненько. Пошли за мной, — скомандовал первый.

Из следующей главы вы узнаете о том, кто и с какой целью взял в плен северянку, мечника и собирательницу историй, и о том, кто был предателем.

===== Часть 4. “Предательство”. Глава 34 =====

О том, кто и с какой целью взял в плен северянку, мечника и собирательницу историй, и о том, кто был предателем

Похитители вели пленников по длинному и узкому коридору. Длинному, потому что шли уже несколько минут, а узкому, потому что пленники, передвигавшиеся с завязанными глазами и подгоняемые неприятелями, то и дело врезались в стены. Через некоторое время руководитель процессии скомандовал «стоять», после чего друзья услышали скрип железной решетки и лязг, с которым ключ был повернут в замке. Шаги удаляющихся похитителей сопровождалась их дружным гоготанием.

По звуку убедившись, что вокруг никого из похитителей нет, Зелорис изловчился и снял со своих глаз повязку. Он огляделся по сторонам: они были заперты в камере с каменными стенами и железной решеткой. Тусклый свет падал из небольшого окошечка, расположенного под самым потолком, так высоко, что до него было возможно добраться разве что тому, кто умеет лазать по стенам. Но это умение помогло бы лишь добраться до источника света, но никак не выбраться, ибо это не позволяли размеры окна. Осмотревшись, Зелорис помог Рэйне и Гордиславе снять с глаз повязки.

Вскоре к друзьям стал приближаться сопровождаемый эхом звук шагов нескольких человек.

— Господин желает вас видеть, — произнес один из подошедших. Он, как и остальные четверо, был одет в форму, похожую на ту, которую обычно носит городская стража.

— Кто ваш господин? — спросила Гордислава, но ответом ей было молчание.

Пленников повели по длинным коридорам и извилистым лестницам до большой залы. Там, сидя в кресле, словно на троне, их поджидал роскошно одетый невысокий мужчина сорока пяти лет.

— Северянка и двое ее спутников, — неспешно произнес он, оглядывая пленников. — Долго же вас сюда везли.

— Кто вы? — выкрикнула Гордислава.

— Вопросы буду задавать я, — произнес мужчина, который, несомненно, был хозяином этого замка и руководил похищением. — Хотя представиться, думаю, не помешает. Быть может, так нам будет легче вести разговор. Свое имя я называть не буду, скажу лишь, что я являюсь мэром этого города, а также Маской Сокрытого Ордена. Надеюсь, вам не надо объяснять, что это значит?

Разумеется, нашим героям не нужно было объяснять, что это значит: Маски — это члены Сокрытого Ордена, живущие в разных странах и городах под видом обычных жителей, зачастую занимающие высокие посты, что позволяет Ордену проводить свою политику в различных странах, а также обеспечивающие важной информацией. Само собой, всё это является тайной, и Маска, раскрывшая себя, автоматически приговаривается к смерти.

— И что же Ордену понадобилось от нас? — побледнев, прошептала северянка.

— Звезда! — воскликнул мэр-Маска, вскинув вверх правую руку. — Мне нужна Священная Звезда Севера.

— Разве у Ордена нет своей Священной Звезды? — спросила Рэйна. — Зачем вам понадобилось Сокровище Севера?

— Это целиком и полностью моя инициатива, — самодовольно сообщил мэр, словно ожидал похвалы. — Три года назад Сорокаконецная Звезда Ордена была украдена, поэтому, если я добуду для Ордена новую Звезду, пусть даже не прежнюю, я смогу завоевать расположение Мудрейших. Возможно, они даже пригласят меня в свой состав! Нет, даже предложат возглавить их!

В предвкушении коварная Маска залилась торжествующим смехом.

— Звезда Ордена была похищена? — недоуменно пролепетала Гордислава.

— Я минуту назад об этом сказал, — мужчина прекратил смеяться.

— Но почему бы вам не вернуть свою Звезду? — поинтересовалась собирательница историй.

— У Ордена, должно быть, много возможностей для этого, — предположил Зелорис.

— Это не ваша забота, — отрезала Маска. — Если Орден не возвращает похищенную Звезду, значит, на то есть причины, знать которые вам не положено. К слову, Совет Мудрейших даже запретил все попытки ее возвращения, несмотря на всю серьезность потери. Именно поэтому мне нужна другая Звезда.

— И Вы думаете, что Север с легкостью отдаст Вам свою? — осознав всю недалекость ума своего похитителя, вернулась к привычно холодному тону Гордислава.

— А что, нет, что ли? — усмехнулся мэр. — У вас просто не останется другого выхода.

— Отказываюсь.

— У вас будет время подумать, — продолжил мужчина. — Пока вы не сообщите мне, где сейчас находится Звезда, и не согласитесь на сотрудничество, я не выпущу вас из тюрьмы. Увести!

Стражники подошли к пленникам и повели их обратно, в камеру, тем же путем, что и привели. Подождав, когда стража уйдет, Зел прошептал:

— Любой из нас знал, где находится Звезда Севера, ведь профессор Альборей позволил увидеть ее всем нам. Тот факт, что этой Маске было неизвестно об этом, говорит, что предателя среди нас всё же не было.

— Вот именно! Зелорис прав! — радостно воскликнула Рэйна. — А раз он из Сокрытого Ордена, то это все объясняет: и то, откуда у них была информация о нас, и то, как им

удавалось нас преследовать.

— Не стоит обнадеживаться, — возразила Гордислава, — Кэрэндрейк мог просто решить оставить некоторую информацию для себя, чтобы использовать ее в будущем, как козырь.

— Кэрэндрейк? — переспросила малышка Рэй. — Ты всё еще думаешь так? Это становится смешно!

— Давайте не будем опять это начинать, — чуть слышно произнес Зелорис.

— Не беспокойся, — сменила тему собирательница историй, — мы не расскажем ему то, что узнали о Звезде, будучи на Севере.

— У, — подтвердил мечник.

— Спасибо, — вздохнула Гордислава. — И извините меня за мое поведение.

— Одно радует, — прошептал Зелорис. — Он хоть и из Ордена, но действует независимо от него.

— Ты прав. И не похоже, что он отличается особым умом, — добавила северянка.

— Неужели у Ордена действительно украли Звезду? — вдруг спросила Рэйна.

— Во всяком случае, наш похититель свято в это верит, — заметил Зел.

— Если это всё же так, — задумалась Гордислава, — то странно, что Орден не пытается вернуть свою Звезду.

— Может, она не так уж им и нужна, — предположил мечник.

— Не думаю, что в Ордене настолько глупы, чтобы не понимать ценность подобной реликвии, — возразила Рэйна.

— Если в Ордене все такие, как эта Маска, — вздохнула северянка, — то я не удивлюсь.

— Не все, — отрезал Зелорис.

— Ты о той карательнице? — догадалась собирательница историй.

— У, — подтвердил мечник. — Я, кажется, вспомнил один момент.

— Какой? — спросила Гордислава.

— Человек, которого я не смог защитить, упомянул о ком-то, кто предал Орден три года назад, после чего Жало взбесилась. Правда, потом быстро вернула над собой контроль.

— А Звезда как раз была украдена три года назад, — промолвила северянка.

— У, — кивнул Зел, словно говоря «Вот и я об этом».

— Тогда это еще более странно, — произнесла Рэйна. — Если Звезда была украдена одним из Ордена, то почему за ним не послали карателей?

— Не могу сказать с уверенностью, — прошептал мечник, — но, судя по реакции Жала, предавший Орден — серьезный противник, даже для нее.

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовалась Гордислава.

— Я видел реакции многих воинов. Ее была похожа на трепет перед более сильным противником, с которым она жаждет сойтись в бою, но по какой-то причине это невозможно.

— Потому что им запрещено предпринимать все попытки ее возвращения? — вспомнила слова мэра-похитителя Рэйна.

— У, — подтвердил Зелорис. — Хотя это всего лишь предположение.

— Однако существование кого-то, с кем предпочитает не связываться сам Сокрытый Орден, еще более невероятно, чем кража у Ордена Священной Звезды, — заметил северянка.

— Если предположить, что всё так и есть, — сказала собирательница историй, — что

Звезда Ордена была украдена кем-то, с кем Орден считает лучшим не связываться даже ради возвращения Священной Звезды, то намерения нашего пленителя завладеть Звездой Севера кажутся очень глупыми. Если бы Ордену была нужна хотя бы какая-нибудь Звезда, я думаю, они бы без труда достали ее себе.

— Согласно, — тяжело вздохнула Гордислава. — Если бы Сокрытый Орден захотел завладеть Сокровищем Севера, Северу бы давно пришлось с ним распрощаться. Очевидно, что это целиком и полностью инициатива этой глупой Маски.

— Но факта того, что мы в плену, это не меняет, — прошептал Зел.

— Можем ли мы как-нибудь отсюда выбраться? — поинтересовалась Рэйна.

— Сейчас слишком рано с уверенностью говорить об этом, — ответил мечник. — Когда нас везли сюда, то охраняли намного лучше. Если мне удастся выхватить у стражников меч, можно будет попытаться сбежать. Но есть кое-что, что останавливает меня от этой попытки.

— Что? — спросила северянка.

— Этот человек прямо сказал нам, что он Маска Сокрытого Ордена. Даже если наше похищение не связано с Орденом, тот факт, что мы знаем о том, что этот человек является Маской, да еще и мэром города, велика вероятность, что Орден пошлет за нами убийц. Я не боюсь обычных убийц, с ними можно будет справиться. Но если за нами пошлют карателей...

— А может ли быть так, что этот человек вообще не связан с Сокрытым Орденом, а Маской назвал себя для того, чтобы произвести на нас впечатление и заставить рассказать всё о Звезде? — предположила малышка Рэй.

— Маловероятно, — возразила Гордислава. — Учитывая славу Ордена, не думаю, что кому-нибудь в своем уме взбредет в голову себя причислять к этому обществу.

— У, — согласился с северянкой мечник.

— Что же нам делать? — спросила северянка. — Простите за то, что втянула вас во всё это, но я не имею права рассказывать чужакам о Звезде Севера, особенно тем, кто желает ею завладеть.

— Я понимаю тебя, — мягко произнесла Рэйна. — К тому же, мы сами обещали хранить увиденное в Четвертой Северной Башне в строжайшем секрете.

— У.

Вдалеке послышались неторопливые шаги, и трое пленников тотчас же замолчали. По узкому слабо освещенному коридору к камере неуверенно приближался молодой человек. Он то и дело останавливался, намеревался повернуть обратно, но всё же продолжал свой путь. Несколько раз он опирался о стены и переживал, словно собираясь с силами. Несколько раз он присаживался на корточки и безмолвно бормотал себе что-то под нос.

Наконец он приблизился к камере и, выдавливая из себя некое подобие улыбки, просунул сквозь решетку несколько тарелок с едой, которые принес с собой.

— Пока я нес, всё успело поостыть, — кротко сказал он. — Но есть всё же можно.

— Ты! — глаза Гордиславы налились гневом.

— Неправда... — прошептала малышка Рэй.

Зелорис посмотрел на предавшего их человека и ничего не сказал.

— Давно не виделись, — едва слышно прошептал Вэй Арэн.

— Как ты мог предать нас?! — взревела Гордислава.

— Кэрри не с вами, — полушепотом произнес Вэй, словно не замечая гневные выкрики северянки. — Хорошо, что хотя бы ему повезло не попасться.

— Зачем? — тихо задал свой вопрос Зелорис.

— Если я скажу, что не хотел вас предавать, а был вынужден это сделать, мои слова будут звучать как жалкое оправдание. Поэтому я промолчу. Скажу лишь одно: если у вас появится возможность, — сбегайте. К сожалению, сам я в силу определенных причин вам эту возможность предоставить не могу.

— Я правильно понимаю, что схватившие нас действовали по твоим указаниям? — спросила Рэйна.

— Да, — ответил Вэй Арэн.

— И сейчас ты говоришь нам сбежать при первой же возможности.

— Именно.

— Это звучит несколько странно, не находишь?

— Малышка Рэй, странно то, что твоя интонация сейчас похожа на интонацию Кэрри, — решил отшутиться вместо ответа лучник.

— И всё же, — продолжила собирательница историй.

— Он предал нас, что тебе еще нужно?! — нервно перебила ее северянка. — Пусть уйдет отсюда, катится на все четыре стороны и никогда не появляется перед глазами!

— Прекрати! — скомандовала Рэйна. — Не хочешь его видеть — отвернись, не хочешь слышать — заткни уши. Но прекрати истерить и дай мне спросить у него всё, что мне нужно.

От неожиданной перемены в характере Рэйны Гордислава застыла в изумлении, прекратив свою истерику, а Зелорис и Вэй Арэн недоуменно переглянулись через решетку.

— Ответь мне. Во время Монфридской «Охоты» ты знал о том, что тебе предстоит предать нас? — задала свой вопрос малышка Рэй.

— Нет, — чуть слышно ответил Вэй. — Не знал.

— Когда узнал?

— Когда мы были в Таросе.

— Как ты относился к нам до того, как мы прибыли в Тарос?

— Не понял вопроса.

— Кем мы для тебя были?

— Другьями, — после некоторой паузы ответил Вэй Арэн.

— Другей не предают! — не в силах больше сдерживаться, выкрикнула Гордислава.

— Если бы всего этого не случилось, ты бы остался с нами? — последовал очередной вопрос от собирательницы историй.

— Об этом можно только мечтать.

— В таком случае, давайте сбежим отсюда все вместе и продолжим наше путешествие как ни в чем не бывало! — в привычной радостной манере воскликнула малышка Рэй.

Глаза Гордиславы от возмущения округлились, а сама она несколько раз открыла и закрыла рот, словно хотела что-то сказать, но не могла. Зелорис незаметно улыбнулся и кивнул головой, соглашаясь с Рэйной. Вэй же, проведя правой рукой по голове, звонко рассмеялся. Однако спустя минуту на лице лучника снова появилась горькая улыбка.

— К сожалению, это невозможно, — произнес он.

— Почему? — поинтересовалась Рэйна.

— У, — поддержал мечник.

— Вы так и вынудите меня всё вам рассказать! — усмехнулся Вэй.

— У, — сказал Зелорис с интонацией, означающей одновременно «Мы этого и добиваемся» и «На то мы и друзья».

Из следующей главы вы узнаете о том, что сподвигло лучника на предательство, и о том, чем закончились новые переговоры с мэром.

===== Часть 4. “Предательство”. Глава 35 =====

О том, что сподвигло лучника на предательство, и о том, чем закончились новые переговоры с мэром

— Это будет долгая история, — предупредил Вэй.

— Будто бы нам есть чем еще заняться, помимо нахождения в этой клетке, — подражая ворчанию Кэрэндрейка, произнесла Рэйна.

— Кстати... а что всё же произошло с Кэрри?

— За день до того, как нас схватили, он отлучился по какому-то делу.

— Везучий же человек, — усмехнулся Вэй Арэн. — Хорошо, что хотя бы он сейчас свободен. Начну с того, что я предал вас и не могу помочь с побегом, потому что, если я это сделаю, будет убит мой отец. Поэтому, даже если вы надеетесь, что после того, как я изолью вам душу, я все-таки помогу вам сбежать, вынужден разочаровать — сия надежда не оправдается. Мне продолжать, или желание слушать отпало?

— Продолжать, — сухо ответила успокоившаяся Гордислава.

— «Если вы надеетесь, что после того, как я изолью вам душу, я все-таки помогу вам сбежать», — повторила слова Вэя собирательница историй. — Если ты о нас такого мнения, мы и обидеться можем.

— У, — поддержал Зелорис.

— Вы на меня уже обижаться должны, — заметил Вэй. — И ненавидеть. Гордислава единственная адекватно на всё это отреагировала.

— Первоначально я полагала, что предательство было совершено из-за денег, — неожиданно произнесла северянка. — Но если жизни твоего отца действительно угрожают, я могу понять и даже, возможно, простить подобное поведение.

— Беру свои слова про адекватность назад, — вздохнул лучник. — Как заметил однажды Кэрри: понятие здравого смысла среди нас не знакомо никому.

— От темы не отклоняйся, — напомнил Зел.

— Соблазн велик, — признался Вэй. — Мы находимся в Веслесе, в городе Мэйрин, в котором я родился и вырос. Мэр этого города, Шарль Эролайн — одна из Масок Сокрытого Ордена, а также человек, держащий в заложниках моего отца, стоящий за вашим пленением, и ко всему прочему, являющийся отцом Шарлотты. Братец Зел, вы с Кэрри видели меня с ней в Аркане.

— У, — подтвердил Зелорис.

— Если бы мне, не дай Бог, пришлось выбирать женщину, с которой придется провести всю оставшуюся жизнь, тем самым обделяя вниманием всех остальных, то, без сомнения, ею бы оказалась крошка Лотти. Ты, малышка Рэй, мне словно милая младшая сестренка, так что на нашем общении тогда бы ничего не сказалось. Гордислава — словно строгая старшая сестра. Братец Зел — младший брат. А Кэрри — это Кэрри.

— Только мы с Кэрэндрейком не женщины, — напомнил мечник.

— Извини, увлекся. На чем я остановился? Точно. На крошке Лотти. Несмотря на то, что Шарль Эролайн — ее отец, ему ничего не стоит убить собственную дочь, если вдруг что-нибудь пойдет не по его плану. Это еще одна причина, вынуждающая меня подчиняться ему. С предисловием покончено. Перехожу к основной истории.

Вэй Арэн сделал небольшую паузу, после чего, собравшись с мыслями, продолжил.

— Я принадлежу к роду мелких дворян. Когда моему отцу было пятнадцать лет, а меня еще не было и в помине, Шарль Эролайн, которому также было пятнадцать, устроился конюхом в поместье моего деда, где успел подружиться с моим отцом. Разумеется, другом его считал лишь мой глупый папаша, сам же Эролайн рассматривал это всё как ступень в достижении высокого положения в Веслесе по заданию Ордена. Через некоторое время, когда мои родители уже были помолвлены, но еще не поженились, эта орденская Маска соблазнила лучшую подругу моей матери. Он настолько смог овладеть ее разумом, что всего через два года из конюха стал дворянином, женившись на ней. А через еще пять лет, когда мне уже было четыре года, Шарль Эролайн убил двух зайцев одним ударом. Он устроил так, чтобы его жена и ее родители пришли в гости к моей семье. Моего же отца он, как своего друга, пригласил в свой дом, велев взять с собой и меня, чтобы я мог поиграть с Шарлоттой. Таким образом, тогда в доме, помимо слуг, находились моя мать и бабушка с дедушкой, а также мать Шарлотты и ее дедушка и бабушка. Наш дом был подожжен кем-то по его приказу, и сгорел дотла. Не выжил никто. Мой отец в один миг лишился всего, а Шарль Эролайн в один миг унаследовал состояние своей жены и ее родителей. Состроив из себя благодетеля, он помог отцу обустроиться и взял к себе на службу. Так папа попал в зависимое положение к своему бывшему конюху. Через некоторое время я показал способности в стрельбе из лука, тем самым заинтересовав Эролайна, уже успевшего благодаря своим темным делишкам занять пост мэра и отхватить этот замок. Тогда я узнал, что он Маска Сокрытого Ордена, и всю правду о том пожаре. Он вынудил меня служить ему, сказав, что в случае отказа убьет моего отца. У меня была мысль убить его самого и сбежать... Но, несмотря на всё, он отец Шарлотты. Мне пришлось отказаться от этой мысли. Однажды я не выполнил задание, которое он мне поручил. Вернувшись на следующий день домой, я не нашел там отца. Так он показал мне, что не шутит. С тех пор он держит отца где-то взаперти, лишь раз в год позволяя мне с ним встречаться, чтобы подтвердить, что папа всё еще жив. Три года назад в Ордене что-то произошло, и это сильно сказалось на этой чертовой Маске. Насколько я понимаю, именно тогда была украдена Звезда Ордена, но в ту пору я о Священных Звездах ничего не знал. Некоторое время Шарль Эролайн ходил с каким-то странным настроением, постоянно что-то бормотал. Однажды он позвал меня к себе и сказал, что дарит мне немного свободы. Он позволил мне идти, куда я хочу, и делать, что хочу, до тех пор, пока я ему не понадобится. Так я начал свое путешествие по миру, решил принять участие в «Охоте», познакомился с вами... А в Таросе я получил от него письмо, в котором говорилось о том, что я должен втереться в доверие к женщине, пришедшей с Севера, и, находясь подле нее, ждать дальнейших указаний. Я несколько раз перечитывал письмо, надеясь, что написанное там всего лишь обман зрения. Но нет. И ради жизни отца мне снова пришлось подчиниться, несмотря на то, как сильно я этого не хотел. Я сразу понял, что женщина, пришедшая с Севера — это Гордислава. В доверие втираться было не нужно — мы итак уже путешествовали вместе. Первоначально от меня требовалось лишь сообщать о нашем текущем местоположении. Вскоре я получил указание заманить вас в Веслес.

— Поэтому ты и предложил нам пойти по караванной дороге из Веслеса? — догадалась Рэйна.

— Да. Кэрри словно видел меня насквозь, когда возражал против этой дороги. Однако, когда мы прибыли в Белиар, я получил еще одно письмо от Эролайна, в котором он говорил, что ему надоело ждать нашего прихода, отчего он решил за нами послать людей. И как раз в

то время мы с Зелорисом разделились. Я сообщил об этом отряду, которому он велел вас схватить, и они устроили засаду. За что я люблю Кэрри, так это за то, что он обломал все эти планы. Чтобы мое предательство не раскрылось, мне даже пришлось выпустить несколько стрел в людей Эролайна. Потом пришлось долго объясняться, но зато я смог побыть с вами еще некоторое время. В Сардинии мне передали, что если я не явлюсь к Эролайну с готовым планом вашего захвата в ближайшие дни, то никогда больше не увижу своего отца. В тот же день мы с вами расстались, а я отправился сюда, по дороге вынашивая план. Мне удалось настоять на том, что никого из вас убивать нельзя. Также я предложил использовать малышку Рэй в качестве заложницы, тем самым захватив в плен всех без кровопролития. Так вы здесь и оказались. Ах, да. О том, что этой сволочи нужна Звезда Севера, я узнал лишь тогда, когда вас уже везли сюда.

— Почему ты не сказал ему, что сам видел Звезду? — спросила Гордислава.

— Ну, от этого не зависела жизнь моего отца, — ответил Вэй. — К тому же, я не знал, как вы себя с ним поведете. Вдруг ты выберешь путь типа «Я не знаю ни о какой Звезде, поскольку таким, как я, не дают к ней доступа, а уж остальные не знают и подавно».

— А если бы мы рассказали о том, что ее видели? — поинтересовалась Рэйна.

— Я даже боюсь предположить, что было бы, — вздохнул лучник. — Но ведь вы не рассказали.

— Вопрос, — прошептал Зелорис.

— Да, братец Зел.

— Когда ты последний раз видел своего отца?

— Ты имеешь в виду, жив ли он, или же Эролайн убил его, но продолжает меня использовать?

— У.

— Жив. Я видел его в день, когда вернулся в Веслес.

— Ты знаешь, где он сейчас?

— Если б знал, давно бы вызволил и сбежал вместе с ним.

— Может быть, мне рассказать ему, где хранится Звезда? — прошептала северянка.

— Не смей, — возразил Вэй. — Я не для того всё это рассказывал. Воспользуйтесь первой же возможностью и бегите отсюда. Я уверен, братцу Зелу не составит особого труда устроить побег. К тому же, если вы сбежите, он не осмелится вас преследовать, стоит вам сказать, что в этом случае вы сообщите всему миру о том, что мэр Мэйрина — Маска.

На следующий день Шарль Эролайн снова велел привести пленников к себе. На сей раз прием проходил в зале меньших размеров, в котором, однако, стояло более крупное троноподобное кресло, в коем и восседал сам мэр. Возле него, глядя в пустоту перед собой, стоял Вэй Арэн. Он старался не смотреть на заложников, поскольку боялся увидеть в их глазах просьбу о помощи, ведь в данной ситуации он не мог ничего сделать.

Эролайн велел усадить своих «гостей» на специально поставленные посреди залы стулья, после чего приказал страже удалиться.

— Я попросил их уйти, чтобы здесь не было лишних ушей, — пояснил мэр после того, как последний из стражников покинул залу, — и чтобы никто нам не мешал. Однако это не значит, что вы можете совершать необдуманные поступки, — стража всё еще за дверьми и может войти в любой момент. И, Вэй, будь готов пронзить стрелой любого из них, если они попытаются даже сдвинуться с места.

— Слушаюсь, — с трудом выдавил из себя Вэй Арэн.

— А теперь, уважаемая северянка... — продолжил мэр-Маска, но был перебит Гордиславой.

— Если бы я была уважаемой, как вы говорите, на моих руках не было бы этих пут, — холодно заметила она.

— Этих пут не было бы, если бы Вы еще в прошлый раз согласились на сотрудничество, — парировал Шарль Эролайн. — И они будут сняты сразу же после того, как Вы обязуетесь помочь мне получить в руки Звезду Севера.

— Боюсь, это невозможно, — демонстративно вздохнула Гордислава. — Несмотря на то, что я старший историк исследовательской группы отдела по раскрытию тайн прошлого и загадок истории отделения по изучению истории, входящего в первое историческое подразделение объединения историков Четвертой Северной Башни, и невзирая на то, что я являюсь уважаемым ученым и даже удостоилась званий «Заслуженный Историк» первого исторического подразделения объединения историков Четвертой Северной Башни и «Почетный Историк» объединения историков Четвертой Северной Башни, а также вхожу в состав Исследовательского подразделения исторического комитета коллегии признанных ученых Ассоциации Башен Севера, доступ к Священной Звезде мне закрыт.

— А вот мне известно, что заслуженные ученые обладают информацией о ее местонахождении, — облокотившись на правый подлокотник, произнес мэр-Маска.

— Что? — удивленно спросил Вэй. — Откуда Вам это известно?

— Ох, Вэй, сейчас не время для подобных вопросов. Но не думаешь ли ты, что у Ордена нет своих людей в Северных Башнях? Или же ты полагаешь, что у меня нет связей в Ордене?

— Конечно, нет, — попытался изобразить естественную улыбку лучник. — Я и в мыслях подобного не мог допустить. А спросил из чистейшего любопытства. Но, опять же, из чистого любопытства позвольте мне задать еще один вопрос.

— Только один.

— Почему люди Ордена, находящиеся в Башне, не принесут Вам Звезду? Разве не легче было попросить их о помощи, чем маяться с этими? — изобразив пренебрежение, Вэй Арэн кивнул в сторону своих друзей.

— Ты задал два вопроса, поэтому я не буду на них отвечать, — сказал Шарль Эролайн. Он ведь не мог ответить правду: Маска уже думал об этом, но побоялся, что так его планом завоевания расположения у Совета Мудрейших, благодаря преподнесению им Звезды, воспользуется кто-то другой.

— Как жаль, — наиграно вздохнул Вэй.

— Постарайся больше не задавать вопросов, поскольку так ты меня отвлекаешь, и задерживаешь моих дорогих «гостей», — произнес мэр, ставя левый локоть на ручку кресла, после чего снова обратился к пленникам. — Ну так что? Как я уже сказал, мне известно, что заслуженные ученые к Звезде доступ имеют.

— Безусловно, это так, — ответила Гордислава, заранее продумавшая подобный вариант развития событий. — Однако в данной ситуации следует принять во внимание и тот факт, что, как правило, ученые стены Башен не покидают, а на тех, что покидают, распространяются другие правила. Именно по этой причине, даже несмотря на то, что я старший историк исследовательской группы отдела по раскрытию тайн прошлого и загадок истории отделения по изучению истории, входящего в первое историческое подразделение объединения историков Четвертой Северной Башни, и невзирая на то, что я являюсь уважаемым ученым и даже удостоилась званий «Заслуженный Историк» первого

исторического подразделения объединения историков Четвертой Северной Башни и «Почетный Историк» объединения историков Четвертой Северной Башни, а также вхожу в состав Исследовательского подразделения исторического комитета коллегии признанных ученых Ассоциации Башен Севера, доступ к Священной Звезде, повторюсь, мне закрыт.

— Если Вы еще раз вздумаете перечислять Ваши должности и звания, я прикажу оставить Вас без ужина, — предупредил Эролайн.

— Гордислава же сказала Вам, что не имеет доступа к Звезде, — вмешалась Рэйна. — Что Вам еще от нее нужно?

— Ты вообще молчи, — окинув собирательницу историй презренным взглядом, скомандовал мэр. — Не с тобой разговаривают.

— Вы сами велели нас сюда привести, — чуть слышно произнес Зелорис, пристально уставившись на Маску своим мрачным взглядом, отчего тот нервно сглотнул.

— Да, велел, — подтвердил Шарль Эролайн. — Потому что факт, что вы будете свободны лишь после того, как северяночка согласится на сотрудничество, может повлиять на ее решение.

— Северяночка?! — Гордислава была готова взорваться от возмущения. Но только она открыла рот, чтобы высказать всё, что думала по этому поводу, как двери в залу распахнулись, впустив внутрь Шарлотту Эролайн.

— Папенька, что это значит? — обиженным тоном поинтересовалась у мэра дочь. — Почему твоя стража не дает мне войти?

— Шарлотта, милая, у меня важное дело. Выйди и не мешай.

— Значит, Вэй-Вэй может здесь находиться, а я — нет?

— Вэй нужен мне. В этом деле он моя правая рука.

— Я так старалась ради тебя! Привезла вкуснейшего вина, даже не заходила к себе, чтобы сначала дать тебе его отведать. И тут сразу: «Выйди и не мешай».

— Вино? — оживился Шарль Эролайн, большой любитель дорогой выпивки. — Откуда?

— Мне вот интересно, сможешь ли ты угадать по вкусу, — улыбнулась Шарлотта, доставая из-за спины бокал.

— Но как только я угадаю, ты выйдешь, — предупредил мэр, принимая бокал из рук дочери.

— Раз ты так настаиваешь, — покорно вздохнула она.

Пока мэр-Маска смаковал вино, Гордислава уже успела успокоиться и привести свои мысли в порядок. Ей ни в коем случае нельзя вступать в конфликт с этим человеком, ведь иначе ни она, ни Зелорис, ни Рэйна не выберутся из этого плена. Вэй Арэн и Рэйна тем временем смотрели по сторонам и случайно встретились взглядами. Малышка Рэй прочитала в глазах лучника безысходность, а тот прочел в глазах собирательницы легенд смирение. Взгляд же Зелориса был направлен на самого мэра, отчего мечник первым из всех заметил, как их похититель выронил из рук бокал.

— Ч-что ты в него по-подме-мешала? — с трудом выговорил Шарль Эролайн, на которого тут же уставились изумленные взгляды Вэя и трех пленников.

— Точно не знаю, папенька, — призналась ничуть не удивившаяся происходящему с отцом Шарлотта. — Это тебе лучше не у меня спрашивать.

Не в силах пошевелить даже языком, мэр Мэйрина яростно зарычал.

— Парализует и усыпляет. Буйная смесь. Самолично готовил, — преспокойно входя в

залу, заявил Кэрэндрейк. — Денька два-три поспит, потом с недельку полежит, а после оклемается. Как и обещал — жить будет. А ведь стоило всего один ингредиент заменить — был бы смертельный яд.

— Несмотря на всё, он мой отец, — вздохнула Шарлотта, глядя на бессознательное тело мэра Эролайна. — Спасибо, что сдержал уговор и не убил его.

— Крошка Лотти, Кэрри... Что происходит? — спросил, первым опомнившись, Вэй.

— Дрейк, как ты здесь оказался? — удивленно произнесла Рэйна.

— Я обещал, что присоединюсь к вам, как только разберусь с одним делом, — улыбнулся Кэрэндрейк. — И вот, я здесь.

— Надо что-то делать, — прошептал Зелорис. — Если сюда войдут стражники...

— Не войдут, — перебил Дрейк. — Все спят.

— Как спят? — не поняла Гордислава.

— Крепко. Не так, как он, конечно, но всё же.

— Не мог бы ты всё нормально объяснить? — попросил мечник.

— Обычный бы человек в подобной ситуации сперва попросил бы хотя бы руки себе развязать, — усмехнулся Кэрэндрейк. — А вам лишь объяснений.

— Насчет рук — это ты хорошо предложил, — заметила Гордислава, протягивая свои руки Дрейку, чтобы тот развязал их. Однако, так как Кэрри уже был занят тем, что снимал веревки с рук Рэйны, освободиться северянке помог Вэй Арэн, а Зелорису с освобождением помогла Шарлотта.

— А теперь пора уходить, — сказала малышка Рэй.

— Надеюсь, когда-нибудь мы еще встретимся, — опечаленно произнес Вэй Арэн.

— Ты о чем? — спросил Кэрэндрейк. — Ты идешь с нами. Гордислава, если ты не позволишь Вэю продолжать с нами путешествовать, то и я вас оставляю.

— О чем ты, Кэрэндрейк? — спросила северянка. — Я не понимаю, что значит твое «не позволишь». Я наняла Вэя для своей охраны, и пока мое исследование не будет завершено, я его отпускать не собираюсь.

— У, — подтвердил Зел.

— Ну, тогда хорошо, — вздохнул с облегчением Кэрри. — Пошли.

— Не могу, — ответил лучник. — Мой отец...

— Ждет тебя в таверне, в двух кварталах отсюда, — улыбнулась Крошка Лотти.

— Потом всё объясним, — добавил Дрейк.

Как только все шестеро вышли из залы в коридор, Вэй Арэн, поглядывая на спящих везде и повсюду стражников, удивленно произнес:

— И правда, крепко спят.

— А то, — гордо произнес Кэрэндрейк. — Моя работа.

— И всё же, как ты это сделал? — поинтересовалась Гордислава, спускаясь с лестницы.

— Любой лекарь должен знать не только целебные свойства растений, но и все остальные, — ответил Кэрри. — Они усыплены с помощью сбора трав, обладающего сильным снотворным действием.

— И как же ты заставил их выпить все эти травы?

— У, — поддержал вопрос Зелорис.

— Ну, слушайте, — сказал Кэрэндрейк, распахнув двери замка.

Из следующей главы вы узнаете о том, что произошло в то время, когда пленников везли в Мэйрин, и как удалось погрузить в сон весь замок.

О том, что произошло в то время, когда пленников везли в Мэйрин, и как удалось погрузить в сон весь замок

После того, как беглецы покинули замок мэра Мэйрина, они направились в таверну, в которой Вэя ждал отец. По пути Кэрэндрейк и Шарлотта рассказали о том, что произошло ранее.

Кэрэндрейк, который, как известно, хорошо разбирается в людях, давно заметил, что с Вэем что-то не так. Вскоре он догадался, что именно было не так, а после встречи с Шарлоттой в Фестрите все подозрения Дрейка подтвердились. Узнав от Шарлотты, что Вэй предал друзей, потому что жизни его отца угрожают, Кэрри решил не рассказывать о предательстве лучника остальным, особенно Гордиславе, поскольку у него в голове тотчас же созрел план, как спасти и лучника, и его отца. Как и предполагал Дрейк, преследователи схватили его друзей на следующий же день и повезли к своему хозяину. Шарлотта, которая хотела, но боялась пойти против отца, зная, что тот сделал с ее матерью, согласилась помочь Кэрэндрейку. Он велел ей привести в Мэйрин Капу с вещами путников в тот же день, когда по дороге пойдет повозка с заложниками, за которой Шарлотта должна была издали следить, а сам отправился туда же с максимально возможной скоростью.

Добравшись до Мэйрина за неделю до того, как туда были привезены Гордислава, Зелорис и Рэйна, Дрейк первым делом направился в замок мэра.

— Стоять! — скомандовал страж, заведя незнакомца, пытающегося войти в замок с черного хода. — Кто таков, куда идешь?

— Как куда? — изобразил удивление Кэрэндрейк. — Туда. В замок. А, Вы, возможно, не в курсе! Понимаете, я новый работник кухни.

— Все работники кухни уже давно должны были быть там.

— Мне и так совестно из-за того, что я проспал в первый же день, а Вы еще добавляете. Как приду — точно придется нотации долгие выслушивать. О! Давайте так: Вы меня сейчас пропустите, я незаметно проберусь на кухню и сделаю вид, что не опоздал, а, например, заблудился в замке. Я в следующий раз Вам что-нибудь из еды притащу...

Стражник, подчинившись зову желудка, без раздумий согласился и пропустил Дрейка в замок.

Осмотревшись, Кэрэндрейк действительно отправился на кухню, где представился, как новый повар, присланный дочерью мэра. В доказательство он предоставил письмо, адресованное главному повару, в котором Шарлотта собственноручно написала, что все вопросы с отцом по этому поводу улажены.

— Почему-то меня терзают смутные сомнения, — сказал один из поваров.

— Да, — поддержал другой. — Никто ничего об этом не говорил. Нас должны были предупредить.

— Вы сомневаетесь в подлинности этого письма? — надменно произнес Кэрэндрейк. — Что ж, ступайте к самому господину Эролайну, а я посмотрю, что он Вам на это скажет. Правда, думаю, столь важный человек не обрадуется тому, что его будут отвлекать по надуманным проблемам, но это уже не мое дело.

— Никто не будет отвлекать господина Эролайна, — вмешался главный повар. — А вы, — обратился он к сомневающимся, — вместо того, чтобы языками орудовать, лучше бы готовкой занялись.

Наблюдательность Кэрэндрейка позволяла ему делать все в точности, как и другие

повара, поэтому ему без труда удалось убедить всех в том, что он настоящий повар и готовить умеет. Весь день он провел на кухне, а когда настало время всем поварам расходиться по домам (в замке проживал только главный повар и двое его помощников), Дрейк изобразил, что и сам уходит, но на самом деле спрятался в одной из комнат. Дождавшись, когда все приходящие служащие замка разойдутся, живущие в нем уснут, а бодрствовать останется лишь ночная стража, Кэрэндрейк вылез из своего укрытия и принялся обследовать здание. Ему предстояло тщательно изучить планировку замка, чтобы на последней стадии реализации плана не возникло никаких проблем. Особого труда это не составило, поскольку передвигался Кэрэндрейк тихо, а услышав приближение ночного караула, прятался. Один раз Кэрри чуть было не наткнулся на страдающего бессонницей Вэя, встреча с которым могла разрушить его план, но в остальном ночная прогулка по замку прошла идеально. Закончив обход, Дрейк вернулся в приглянувшийся ему закуток, в который никто не заходил, и там уснул.

Следующий день Кэрэндрейк также провел на кухне. Его целью было изучить, как и когда принимает пищу дворцовая стража, мэр Эролайн, слуги и другие обитатели замка. Слова Шарлотты о том, что всю пищу мэр, боясь быть отравленным, перед употреблением отдает на пробу дегустатору, подтвердились, однако это было только на руку.

— Что вы делаете? — поинтересовался Кэрри, наблюдая за тем, как две кухарки старательно украшают персонально приготовленное блюдо.

— Не обращай на них внимания, — грустно вздохнул повар Пом, который относился к Дрейку с неким расположением. — У нас все кухарки этой болезнью болеют. Сегодня их очередь.

— Болезнью? — переспросил Кэрэндрейк и, глядя на хихиканье двух девушек, добавил: — А имя этой болезни, случайно, не Вэй Арэн Виндсвиш?

— Откуда ты знаешь? — удивился Пом. — Ты же два дня тут всего.

— Эх, Пом, готов поспорить, ты практически никогда не покидаешь пределы кухни.

— Да... А что?

— Просто этой болезнью болеет добрая половина жительниц Западных Королевств.

— Да уж! — воскликнул собеседник. — Но не знаю, как там, а здесь даже главный повар не в силах с этой болезнью бороться: не выдержал он напора девиц и разрешил им готовить господину Виндсвишу еду персонально. Теперь у девушек целая очередь на то, кто и когда ему готовит.

— Значит, господин Виндсвиш не ест ту же еду, что и остальные? — поинтересовался Кэрэндрейк.

— Никогда.

— Замечательная новость.

— Что?

— Да так, мысли вслух, — улыбнулся Кэрри, ведь это намного облегчало осуществление его плана.

Третий, четвертый, а также все последующие дни пребывания Кэрэндрейка в имении мэра Мэйрина прошли подобно двум первым, на седьмой же день в замок прибыла повозка с пленными, и в город приехала Шарлотта. Сославшись на проблемы со здоровьем, Дрейк отпросился у главного повара, который, во-первых, был довольно-таки мягким человеком, а во-вторых, за эти несколько дней проникся к Кэрэндрейку симпатией, отчего без особых проблем отпустил его. Покинув замок, Кэрэндрейк отправился в таверну «Райский

Полдень», в которой он должен был встретиться с Шарлоттой. Когда Дрейк пришел в назначенное место, дочь мэра города уже ждала его там.

— Кэрри! — воскликнула девушка, завидев сообщника.

— Кэрэндрейк, — поправил он. — Меня зовут Кэрэндрейк. Можно Дрейк. Но никак не Кэрри.

— Ну как всё прошло? — проигнорировала тираду Дрейка Шарлотта.

— Приготовления окончены. У тебя?

— Ужасно.

— Что случилось? — встревожился Кэрэндрейк.

— Где вы достали такую нерасторопную лошадь? Я намучилась с нею за это время!

— А в остальном?

— Всё хорошо.

— Кстати, совет на будущее: не оскорбляй Капу в присутствии остальных. Особенно Зелориса.

— Приму к сведению, — вздохнула Шарлотта. — Что дальше?

— На днях я пробрался в покои твоего отца и тщательно всё там осмотрел. Похоже, что отца Вэя держат в одном из домов сострадания под видом умалишенного.

— Знаешь, в каком именно?

— Да. Это в часе езды отсюда. Помимо собственной охраны дома сострадания, его постоянно охраняют как минимум пятеро людей твоего отца. И мы сейчас туда наведемся.

— Мы?

— Ты видишь здесь кого-то еще, жаждущего выступить против твоего папаша?

— Должна признаться, воин из меня никакой.

— Разве я говорил, что мы будем сражаться? — усмехнулся Дрейк.

— Нет, но...

— Ты пойдешь туда под своим именем, как дочь своего отца. От имени мэра ты поблаговаришь весь персонал дома сострадания за хорошую работу на благо города и подаришь им целую телегу фруктов. Попросишь, чтобы их повара подали фрукты к ужину, и проследишь, чтобы каждый из охранников съел хотя бы один кусочек.

— А где я фрукты возьму?

— По пути заедем на базар, там их и купишь.

— Может, без них обойдемся? — Шарлотта привыкла тратить деньги на украшения и одежду, но уж никак не на фрукты для домов сострадания.

— Без них — никак, они главная составляющая моего плана.

— Фрукты? — усомнилась девушка.

— Пока мы будем везти, я искупаю их в специальном отваре, старательно подготовленном мной, и всякий съевший эти фрукты проспит трое суток.

— А что будешь делать ты, кроме того, как отравлять фрукты?

— Во-первых, это не отравка, а сильное снотворное, и во-вторых, пока ты будешь всех отвлекать и усыплять, я подготовлю всё к побегу отца Вэя. По возможности постарайся предупредить его, чтобы он ничего не ел.

Обговорив план действий еще раз, Шарлотта и Кэрэндрейк приступили к его реализации. Всё прошло успешно, и уже через шесть часов они вместе с отцом Вэя, Бэем Арэном Виндсвишем, сидели в той же таверне под названием «Райский Полдень». Убедив Виндсвиша старшего, что ему ничего не угрожает, и что уже завтра он встретится со своим

сыном, сообщники принялись обговаривать план дальнейших действий. Перед уходом Дрейк передал Шарлотте порошок, который она должна была подсыпать в вино и дать выпить отцу.

— Это точно его не убьет? — с осторожностью в голосе спросила крошка Лотти.

— Я никого убивать не собираюсь, — в который раз повторил Кэрри.

Следующим утром он приступил к завершающей стадии реализации плана. Дрейк подготовил несколько порошков, которые, пользуясь тем, что его принимают за повара, тайно добавлял во все блюда так, чтобы усыпить всех в замке в одно и то же время. Надо сказать, это требовало точных расчетов: малейшая ошибка в пропорциях, и всё пойдет насмарку. Ведь если половина замка вдруг уснет, вторая тут же поднимет тревогу, поэтому Кэрэндрейк должен был сделать всё для того, чтобы весь замок погрузился в сон в один миг. То, что во время, когда замок пал в объятия Морфея, Гордиславу, Рэйну и Зелориса привели к мэру Эролайну, и что тогда же там находился Вэй Арэн, не входило в планы Кэрэндрейка, но было как нельзя кстати.

Дождавшись, когда замок погрузится в сон, Кэрэндрейк со словами «Доигралась, жалкая мэйринская Маска» вошел в покои мэра, где и встретил застывших в изумлении друзей.

Следующая глава открывает новую часть повествования, в которой наши герои столкнутся с Карателями Сокрытого Ордена, а Коготь, сильнейший из них, прольёт чью-то кровь.

===== Часть 5."Коготь". Глава 37 =====

О том, как прошло расставание Лучника с отцом, и о том, как пятеро друзей продолжили свое путешествие

Покинув замок Шарля Эролайна, друзья направились в таверну «Райский Полдень», где их ждал отец Вэя. Пока Вэй приветствовал отца, Зелорис, Гордислава и Рэйна успели провести Капу, после чего присоединились к остальным в таверне. Молодой лучник был счастлив встрече с отцом и только хотел поблагодарить Кэрэндрейка за его спасение, как обнаружил, что тот уже мирно спит этажом выше.

— Раньше надо было думать, — заметил Бэй Арэн.

— Будто я знал, что он как придет, сразу спать завалится, — вздохнул Вэй.

— Пф, — усмехнулся Зелорис. — Мог бы догадаться.

— Действительно, — добавила Рэйна. — Не впервой.

— Надо было сразу благодарить, — сказала Гордислава. — Как мы.

— Кэрэндрейк устал за эти дни, — произнесла Шарлотта. — Отдых ему необходим.

— Однако, это просто удивительно, что ему удалось придумать и реализовать такой план, — задумалась северянка.

— Кэрри спас всех и тогда, когда мы встретились с преследователями в первый раз, — добавил Вэй Арэн.

— И меня, когда мы с ним познакомились, — напомнила малышка Рэй.

— У, — обратил на себя внимание Зел. — Благодаря Дрейку мои раны после боя с Жалом быстро затянулись. Надо его за всё поблагодарить. И не простыми «спасибо», как мы это обычно делаем.

— Позвольте присоединиться к Вам в этой задумке? — поинтересовался Бэй Арэн Виндсвиш.

— Разумеется, — ответила Гордислава.

— Только как мы будем это делать? — спросила Шарлотта.

— Крошка Лотти, и ты с нами? — удивился Вэй.

— Ты имеешь что-то против этого, Вэй-Вэй?

— Конечно же нет! Как я могу?!

— И все-таки, — вмешалась собирательница историй. — Как будем благодарить Дрейка?

— Я знаю, — неожиданно прошептал Зелорис. — Можно подарить ему кленовый...

— Никаких сиропов! — воскликнул лучник. — К тому же, мы не тебя, братец Зел, благодарить собираемся, а Кэрри. Я, например, могу познакомить его с девушкой.

— Не пойдет, — в один голос заявили крошка Лотти и малышка Рэй.

— Тебе только волю дай — пойдешь знакомить с одной девушкой, сам в объятьях сотни окажешься, — пояснила ход своих мыслей Шарлотта.

— А Дрейку и с нами хорошо, — добавила Рэйна. — И знакомство с девушками не является выражением благодарности.

— Еще как является, — хором произнесли отец и сын Виндсвиш.

— Кажется, теперь я понимаю, почему Вэй Арэн такой, — вздохнула Гордислава.

— Может, спросить у самого Кэрэндрейка, чего бы он хотел? — предложила собирательница легенд.

— У, — согласился Зелорис.

Так и решили, после чего Гордислава, Рэйна и Зелорис последовали примеру Кэрэндрейка и отправились спать. Все трое погрузились в сон сразу же, стоило их головам очутиться на мягкой подушке, ведь, будучи в плену у врага, о теплой постели они могли только мечтать. Вэй Арэн же спать не пошел, а остался со своим отцом и Шарлоттой.

— На рассвете нам придется покинуть Мэйрин, — произнес Вэй. — Кэрри, конечно, сказал, что весь замок проспит еще сутки, но оставаться здесь более — опасно. Вы поедете с нами?

— Нет, — возразила Шарлотта.

— Это твое путешествие и твоих друзей, — добавил Бэй Арэн. — За нас не беспокойся.

— Куда же вы отправитесь?

— В Аркану.

— В Тарос? Почему именно туда?

— Кэрэндрейк сказал, что благодаря участию в «Охоте» вы обзавелись другом среди сыновей князя, — объяснила девушка. — Он также написал одно письмо ему и еще целую кипу — другим знакомым, которые могут приютить нас и защитить.

— Я погляжу, времени он зря не терял, — усмехнулся Вэй. — Но не опасно ли их втягивать во всё это? К тому же, вряд ли кто из них добровольно отважится оказать помощь, учитывая, что скрываться придется от Маски Сокрытого Ордена.

— От какой Маски, сынок? — улыбнулся Бэй Арэн. — Мы ищем политическое убежище от мэра Мэйрина. Сокрытый Орден к этому не имеет никакого отношения. И пока Шарль не будет нас преследовать, о том, что он Маска, мы будем молчать.

— Папе невыгодно подвергать это дело огласке среди Ордена, — добавила Шарлотта. — Он ведь хотел добиться расположения Совета Мудрейших, а после такой оплошности он не то, что расположения не добьется, более того — выставит себя посмешищем.

— Вэй, ты точно решил, что отправишься с друзьями? — спросил отец. — Может быть, поедешь с нами?

— Нет, — вздохнул Вэй Арэн. — Мы давно с тобой не виделись, и я не хотел бы с вами расставаться, но я не могу бросить их. Они простили меня после всего, что я сделал, и предложили снова отправиться странствовать вместе. Я был настолько счастлив, что чуть не... Оставим подробности. Я очень хочу завершить свое путешествие с ними. А после, обещаю, первым делом приеду к вам.

— У тебя хорошие друзья, Вэй-Вэй, — сказала Крошка Лотти. — Но, прошу, будь осторожен, береги эту дружбу. Кэрэндрейк не такой человек, которого я бы хотела иметь во врагах.

— Я бы тоже не хотел иметь во врагах Кэрри, — улыбнулся лучник. — Он столько всего обещал мне припомнить, что, боюсь, стань мы врагами, я выживу, лишь если ему полностью отшибет память.

— В этом можешь не сомневаться, — вздохнула Шарлотта.

— После того, что Кэрри учудил в замке твоего отца, разумеется, у тебя сложилось о нем впечатление, как о невероятно опасном человеке, — задумавшись, произнес Вэй. — Но, могу уверить тебя, Кэрри не такой, каким ты его себе представила. Хотя, признаться честно, он меня несказанно удивил.

— Главное, чтобы он не оказался не таким, каким ты его представляешь, — подвела черту Шарлотта. — Позвольте откланяться.

Отвесив легкий поклон, Крошка Лотти отправилась на верхние этажи таверны, в комнату, которую она делила с Гордиславой и Рэйной, дабы, подобно им, предаться сну.

— Шарлотта беспокоится о тебе, — заметил Бэй Арэн, когда та ушла.

— Позаботься о ней, ладно? — попросил Вэй.

— Только до тех пор, пока твое путешествие не окончится, — ответил отец. — После этого, будь добр, заботься о ней сам. И еще. Постарайся нагуляться за это время.

— Ты о чем?

— Чтобы, когда вернешься, не заставлять Шарлотту волноваться о твоём времяпрепровождении с прекрасными барышнями.

— О чем ты, отец? — изобразил непонимание лучник. — Сам же такой.

— Ты знаешь, что я хочу сказать.

— Впереди меня ждут только пески и руины. Не думаю, что там будет много красавиц. Поэтому как ты себе представляешь исполнение твоей просьбы?

— Перечисль мне?

— Не смею.

— То-то же. И смотри, Гордиславу и Рэйну также не обижай.

— Не думаю, что кому-либо в здравом уме придет это в голову, — вздохнул Вэй, вспоминая начало путешествия и маленькую войну между северянкой и собирательницей легенд, жертвами которой чуть было не стали трое их спутников.

— К слову, — после некоторой паузы произнес Виндсвиш-старший. — Вчера Шарлотта мне жаловалась на вашу лошадь.

— На Капу? — удивился Вэй Арэн.

— Не знаю, как ее звать, но, вроде бы, у вас одна лошадь.

— Просто странно, что такая послушная лошадь, как Капа, могла чем-то обидеть Крошку Лотти.

— Шарлотта сказала, что лошадка ваша очень уж медлительная. Может, смените ее на более расторопную?

— Ни в коем случае, — отрезал лучник, переменившись в лице. — И ни ты, ни Шарлотта впредь не допускайте подобных высказываний. Капа же не предлагает мне вас заменить.

— Я-то здесь причем? — рассмеялся Бэй Арэн. — Хотя, посмотрел бы на то, как лошадь предложит тебе заменить родного отца.

— Ты понял, о чем я, — вернулся к своему обычному выражению лица Вэй Арэн. — Капа также мой друг. Хотя и лошадь. Год назад я и помыслить о дружбе с лошастью не мог, но, проведя долгое время за беседами с ней, я к Капе привязался.

— Беседы с лошастью? — удивился отец.

— Давай сделаем вид, что я этого не говорил.

— Хорошо-хорошо. Только вот мне интересно, что она тебе отвечала.

— И-го-го? — пожал плечами сын.

— Я согласен. Сделаем вид, что этого разговора о лошадях не было, — сдался Бэй Арэн Виндсвиш.

Отец и сын проговорили до рассвета и могли бы говорить еще дольше, если бы не проснувшийся Кэрэндрейк, который сообщил, что пора отправляться. Позавтракав и попрощавшись, Шарлотта Эролайн и Бэй Арэн Виндсвиш отправились на запад в Тарос, а пятеро путников продолжили свое путешествие на восток, к руинам Трилунской Империи.

— Не жалеешь, что не остался с ними? — спросил у Вэя Дрейк во время полуденного привала.

— Как я мог бросить тебя, Кэрри?!

— Кстати, Кэрэндрейк, как нам отблагодарить тебя за свое спасение? — поинтересовалась Гордислава.

— Заставьте Вэя правильно произносить мое имя.

— А если серьезно?

— У.

— В таком случае, — задумался Кэрэндрейк, — что бы ни случилось, не отворачивайтесь от меня.

— А если мне надо будет идти в другую сторону? — разволновалась Рэйна.

— Не буквально, — вздохнул Дрейк. — Ты же легенды собираешь, как можно буквально всё воспринимать?

— Полагаю, малышка Рэй пыталась пошутить, а ты не понял и тем самым обидел ее.

— Спасибо, Вэй! — воскликнула собирательница историй, изобразив, что пускает слезу. — Один ты меня понимаешь!

— Я тоже понял, — добавил Зелорис.

— Ну, так что там с моей просьбой? — напомнил Кэрэндрейк.

— Не отворачиваться от тебя? — переспросила Гордислава.

— Как будто мы можем, Кэрри, — усмехнулся лучник.

Из следующей главы вы узнаете о том, что представляет собой Сокрытый Орден, и о том, как происходит посвящение в Каратели.

===== Часть 5."Коготь". Глава 38 =====

О том, что представляет собой Сокрытый Орден, и о том, как происходит посвящение в Каратели

Архипелаг Триада, расположенный на северо-западе Материка, целиком и полностью принадлежит Сокрытому Ордену и, как ясно из его названия, состоит из трех островов.

Несмотря на то, что он находится в той же полосе, что и Северные Башни, снег здесь является редкостью благодаря теплым течениям. Обилие подводных скал и отвесные берега делают острова архипелага неприступными для чужаков, а посему превосходным укрытием.

Сокрытый Орден имеет сложную иерархическую структуру, не подвергавшуюся изменениям на протяжении многих веков. Новых приспешников Орден набирает из детей-сирот, которых члены Ордена подбирают по всему Материку. Рожденные в Ордене также становятся его членами (исключение касается только Масок), но таких людей меньшинство. Несмотря на то, что структура Ордена очень строгая, только что приведенный ребенок может, в зависимости от показанных им со временем способностей, быть причислен к любому из семи незакрытых слоев Сокрытого Ордена.

Низший слой — это обслуга, которой становятся не проявившие себя и не показавшие никаких способностей дети, или же вовсе выразившие отсутствие у себя всяческих способностей. Но, несмотря на то, что к обслуге зачисляются все, кто не прошел отбор, не стоит преуменьшать значимость этого класса. Ведь если не будет тех, кто готовит, стирает, убирает и занимается другой хозяйственной работой, то Сокрытый Орден не сможет существовать. К тому же, если в Ордене и рождаются дети, то, как правило, их родители — люди из обслуги, но это не значит, что новорожденные в будущем сами будут обслугой, ведь при проявлении каких-либо способностей они могут стать членами любого класса.

Второй слой — это воспитатели. Подобно обслуге члены этого класса никогда не покидают архипелаг, так как единственное их занятие — обучение детей, только что поступивших в Орден и еще не успевших показать себя. Обучая детей правилам общежития Сокрытого Ордена, чтению и письму, проводя с ними физическую подготовку, именно воспитатели определяют задатки своих воспитанников, после чего ученики становятся членами того или иного класса.

Члены же следующего класса редко когда появляются в стенах Сокрытого Ордена. Это информаторы, и, постоянно скитаясь по Материку, они собирают для Ордена ценную информацию. Наиболее важное для информаторов умение — это умение смешиваться с толпой, не привлекать к себе внимание. Находясь в центре любого крупного города, можете быть уверены, где-то рядом с Вами находится информатор, собирающий сведения обо всем происходящем вокруг для Сокрытого Ордена, но Вы ни за что не различите его среди других людей. Если информатору станет известно, что где-то есть ребенок, оставшийся без попечения родных, то с большой долей вероятности он заберет этого ребенка с собой в Орден.

Четвертый класс — это класс убийц. Главной задачей членов этого слоя является убийство нежелательных для Сокрытого Ордена личностей. Они сделают свою работу быстро и бесшумно, не оставляя ни одного свидетеля, после чего возвращаются в Орден за новым заданием.

Призраки — это следующий слой структуры Сокрытого Ордена. Призраки превосходят простых убийц в умении незаметно пробираться в самые охраняемые места для того, чтобы устранить необходимый объект. Как и обычные убийцы, призраки нужны Ордену для убийства, однако, в отличие от первых, в полномочия вторых входит и «полномасштабная зачистка», то есть не просто убийство одного человека, а всей его семьи и уничтожение всего его имущества, так, чтобы о существовании того, кто являлся их целью, более ничего не напоминало. В истории Ордена был даже случай, когда отряду призраков было приказано стереть с лица Земли целый город, с чем они прекрасно справились.

Шестой класс — это Маски. Получив задание, члены этого класса уже никогда не возвращаются на архипелаг Триада, поскольку их основной целью является жить за пределами Ордена под личиной обычных людей. Маски, как и информаторы, постоянно снабжают Орден информацией, но, помимо этого, у них есть еще одна, более важная, цель. Множество Масок занимает высокие посты в государствах, что позволяет им беспрепятственно реализовывать в различных странах планы Сокрытого Ордена. Сто лет назад ходили слухи, будто бы сам король Торна был орденской Маской. Правда это, или нет, известно лишь Сокрытому Ордену.

Седьмой класс является, пожалуй, самым разношерстным, поскольку в него входят лучшие представители предыдущих четырех слоев. Лучшие информаторы, убийцы, призраки и Маски переходят в класс Наставников и обучают детей, чьи задатки были определены. Как правило, став представителями данного класса, члены Ордена прекращают выполнение всех заданий, кроме одного — обучать. Помимо обучения всем навыкам, которые пригодятся в работе члену того или иного класса, Наставники формируют особую психологию своих учеников, позволяющую информаторам сливаться с толпой, убийцам и призракам хладнокровно убивать, а Маскам не вызывать подозрений у окружающих. И, самое главное, Наставники завершают начатое воспитателями внушение основного правила: «Хранить верность Сокрытому Ордену во что бы то ни стало и беспрекословно выполнять все приказы Совета Мудрейших». Нарушить это правило означает встретиться с членами следующего класса — Братства Карателей, увидеть которых, в свою очередь, значит принять свою смерть.

Братство Карателей — единственный класс, который без посредников, напрямую, подчиняется последнему закрытому классу — Совету Мудрейших. Символом Братства является перевернутый пятиугольник, шестью линиями разделенный на тринадцать частей. Почему тринадцать? Потому что именно столько членов состоит в Братстве Карателей. У каждого из них есть свой титул, которому соответствует номер, обозначающий положение в Братстве: тринадцатый является самым низшим, а первый, соответственно — высшим. Помимо этого Братство Карателей делится на три Круга.

Низший Круг — это Круг Облачающихся. Каратели этого Круга специализируются, во-первых, в маскировке, а во-вторых, в выполнении заданий в определенных условиях. Так, тринадцатый номер — Шкура — лучше всех других Карателей переносит холод, двенадцатый — Перо — обладает наилучшей маневренностью и скоростью передвижения, а одиннадцатый — Чешуя — превосходный пловец, способный устраивать водные диверсии.

Средний Круг — Круг Вездесущих. Маски и информаторы находятся в их подчинении. Вездесущие могут без проблем выследить свою жертву, как бы умело она от них ни скрывалась, после чего с той же легкостью ее убить. Язык — Каратель, носящий номер десять — загоняет свою жертву в угол, пуская среди обычных людей различные слухи. Несмотря на то, что из Вездесущих лишь у Языка двужначный номер, опасность этого Карателя трудно переоценить. Многие жертвы предыдущих Языков совершали самоубийство, не выдержав гонений со стороны общества, начавшихся всего лишь из-за пары фраз, брошенных десятым карателем. Девятый, восьмой и седьмой Каратели — это Нос, Ухо и Глаз, соответственно. В любой точке мира они могут найти свою жертву. Словно зверь «по запаху» может выследить свою «добычу» Нос, любое случайно брошенное слово будет услышано Ухом, как и ничто не скроется от зоркого взгляда Глаза.

Последний, высший Круг — это Круг Многоликих, наисильнейших из Карателей. В нег

входят шесть номеров, начиная с шестого: Шип, Бивень, Жало, Клюв, Клык и Коготь. Коготь — первый из Братства Карателей и сильнейший из всех них. Так как когти есть и у зверей, и у птиц, зачастую в легендах Коготь предстает как Грифон или даже Дракон, однако, в отличие от обычных легенд с этими созданиями, в легендах о Когте ясно говорится, что он непобедим.

Так уж случилось, что в то время как Гордислава Клеопатра Бурандуйская и четверо ее спутников держали путь на восток, семнадцатилетний Курт готовился к Священной Дуэли, ставкой в которой была жизнь, а призом — членство в Братстве Карателей. По правилам Сокрытого Ордена Каратель может передать свой титул преемнику только после своей смерти. Это может произойти, если Каратель умрет во время исполнения задания или по иной причине (что случается очень и очень редко), или именно на Священной Дуэли. Одному Карателю разрешено иметь только одного преемника и до трех кандидатов в преемники, которым он передает все свои знания, умения, навыки. Но не у всех Карателей есть кандидаты в преемники, Курт, например, единственный, кому действующий Шип на протяжении последних десяти лет передавал свой опыт.

— Как только мы зайдем в эту комнату, пути назад не будет, — предупредил Шип. — Живым ее покинуть может только один.

— Я готов, мастер, — ответил Курт.

— Не подведи. Покажи мне всё, чему я тебя научил.

Шип и его преемник вошли в комнату, предназначенную для Священной Дуэли. Волнение, страх, желание, опасность, ярость, пыл — все чувства и ощущения слились в некое состояние, описать которое Курт не мог. Он был настолько поглощен одной мыслью: «выжить», что, когда через час вышел из комнаты Священной Дуэли с бездыханным телом учителя на руках, мог вспомнить лишь лязг металла и отдельные обрывки смертельной битвы.

— Поздравляю, теперь ты носишь титул Шипа, — произнес Клык, следивший за Дуэлью. — Сними с шеи своего покойного мастера символ Братства и носи его, как доказательство своего положения.

Курт молча опустил тело предыдущего Шипа на пол и потянулся за ожерельем, уникальным для каждого из Карателей. И только в этот момент он осознал, что вышел победителем в Священной Дуэли. Надевая ожерелье на себя, Курт ощутил себя Шипом и залился торжествующим смехом.

— И вот, среди Карателей стало еще на одного неоперившегося юнца больше, — вздохнул пришедший посмотреть на результат Дуэли Клюв. — Помнится, мастер Клык, лет двадцать назад Вы были самым молодым Карателем, а теперь мы с Вами да еще Ухо — самые старые.

— Да уж, — согласился Клык. — Даже не верится, что двадцать лет назад мне было двадцать шесть.

— Мастер Клык, сколько Вам было лет, когда Вы стали Карателем? — поинтересовался новоиспеченный Шип.

— Двадцать два.

— Получается, что я стал Карателем в более раннем возрасте, чем Вы, — с ехидной улыбкой произнес Курт. — И сейчас я самый молодой из Карателей, что делает меня...

— Мастер Коготь стал Карателем в шесть лет, — перебила Курта Язык, которая сидела в углу, раскладывая карточный пасьянс прямо на полу. — И сейчас он не на много тебя

старше.

— Коготь — это совсем другое дело, — возразил Шип. — Он...

— «Мастер Коготь», — поправил его Шкура, последний из пришедших узнать результат Дуэли. — Необходимо добавлять «мастер» к титулам всех, чей номер больше твоего.

— Тяжело же тебе, тринадцатому, приходится, — Курт специально назвал Шкуру на «ты». — Называть «мастерами» всех.

— Вы абсолютно правы, мастер Шип, — Шкура произнес слова «мастер Шип» по слогам. — Крайне тяжело проявлять уважение к таким наглым юнцам, как Вы, но того требуют традиции Ордена.

— Что прошлый мастер Шип, что нынешний — только бахвалиться умелец, — добавила Язык. — Скучно.

— Скучно? — усмехнулся Шип. — А как ты смотришь на то...

— Это как ты смотришь на то, чтобы прекратить весь этот балаган, — на сей раз Курта перебил Клык. — Не дело Карателю Круга Многоликих спорить с двузначными номерами. Будь выше этого. Твой статус должен ощущаться через твое поведение, а не через слова.

— Да, мастер Клык, — покорно ответил новоиспеченный Каратель.

— Вы тоже хороши, — обратился Клык к Языку и Шкуре. — Заняться больше нечем?

— Так ведь, за те семнадцать лет, что я в Братстве, это лишь третья Дуэль, — нараспев произнесла Язык. — В то время как за этот период сменилось семеро из нас.

— Восемь, — поправил Шкура. — Если считать и мастера Когтя.

Из следующей главы вы узнаете о том, что не сделанное своевременно придется выполнить позже, и что сонливость привлекает внимание.

===== Часть 5."Коготь". Глава 39 =====

О том, что не сделанное своевременно придется выполнить позже, и что сонливость привлекает внимание

Жаклин стояла посреди Зала Совета — просторной малоосвещенной комнаты, в нишах которой закрытые от глаз людских плотным занавесом восседали Мудрейшие. Даже несмотря на то, что Жало находилась перед ними не в первый раз, она не знала, как выглядят Мудрейшие, и не должна была знать. Однако она в первый раз испытывала подобное волнение: впервые за все шесть лет, что Жаклин носит титул Жала, ее может ждать наказание.

— До нас дошли слухи, — раздался из-за занавеса голос одного из Мудрейших, — что во время исполнения одного из своих заданий ты не до конца выполнила свою работу.

— Прошу простить мне мою дерзость, — осторожно произнесла Жало, — но, боюсь, я не до конца понимаю, что Совет имеет в виду.

— Уничтожение Джо Джорни, — раздался второй голос.

— Так ведь Джо Джорни мертв.

— Но мечник, его сопровождавший, жив, — возразил первый голос.

— Убийство мечника не входило в мои полномочия, — объяснила Жаклин. — По этой причине я оставила ему жизнь. Если Совету неуютно то, что я оставила свидетеля, так мы, Каратели, часто убиваем своих жертв на глазах у других людей, если ситуация не требует абсолютной скрытности, ведь это не запрещено Правилами. Насколько мне известно, даже мастер Клык поступает так.

— Но мастер Клык не вступает со свидетелями в бой, — сказал третий голос.

— Ты же вступила с ним в схватку, — добавил второй.

— Это имеет значение? — спросила Жало.

— Тем самым ты показала, что человек может пережить схватку с Карателем Сокрытого Ордена, — ответил один из Мудрейших.

— Этим ты нанесла оскорбление как Братству Карателей, так и Сокрытому Ордену, — сказал другой.

— А также пошатнула статус непобедимости Карателей, — добавил третий.

— Но ведь я с легкостью победила в этой схватке, — заметила Жаклин.

— И проявила после непозволительную милость, — холодно произнес доселе молчавший голос.

— Каратели несут неотвратимую смерть, — сказал первый из Мудрейших. — Им не должно проявлять милосердие, оказывать снисхождение и совершать необдуманные поступки.

— Если тебе хотелось вступить в драку, в этом нет ничего зазорного, — медленно проговорил еще один голос. — Однако, как одной из Братства Карателей, тебе необходимо убить своего противника.

— Поэтому, — подвел итог другой, — ты должна исправить свою ошибку.

— Найди и убей его, — произнесли все Мудрейшие одновременно.

— Как прикажете, — склонив голову, прошептала Жаклин.

Жало покинула Зал Совета и направилась в свою комнату. У каждого Карателя была своя отдельная просторная комната, однако члены братства довольно редко бывали в них, поскольку большую часть времени проводили на заданиях за пределами архипелага Триада. Некоторые из Карателей использовали свои покои только для сна, как Шкура. Некоторые, как Ухо, хранили там важные для своей работы записи. Для Жаклин же комната была особенным местом, к которому у нее был особый подход, выражающийся в том, что девушка старалась украсить её всеми приглянувшимися за время выполнения бесчисленных заданий вещами. Надо сказать, что чувством меры Жало была обделена настолько же, насколько и чувством вкуса, а посему ее комната представляла собой пестрящую мыслимыми и немислимыми цветами и расцветками, наполненную самыми разнообразными вещами и вещицами Великую Захламленность. Но сама Жаклин свою комнату захламленной не находила, более того, ее не покидало чувство, будто бы в ней чего-то не хватает, отчего с каждого нового задания девушка старалась привезти как можно больше вещей. Однако сейчас, когда ей предстояло отправиться на новое задание, Жало думала вовсе не о новых украшениях для своего дома, а о человеке, которого ей необходимо убить.

Зелорис. Жаклин запомнила имя этого мечника. Он хорошо показал себя в бою с ней, чем не мог не добиться уважения. Уважая его убеждения и навыки владения оружием, Жало сохранила Зелорису жизнь, поэтому именно ей и придется ее отнять.

— Знала бы, что Совет примет такое решение, — вздохнула Жаклин, развалившись на кровати, — убила бы его еще тогда.

Мысль о том, что лучше было вообще проигнорировать мечника и не вступать в схватку, в голову четвертой из Карателей не приходила, поскольку о самом сражении Жаклин не жалела — бой ей понравился. Несмотря на то, что Зелорис знал: его противник сильнее — он бесстрашно сражался, изо всех сил стараясь победить. И не потому, что цеплялся за жизнь — Жало успела повидать немало людей, несущихся на нее с оружием в руках в бессмысленной надежде избежать смерти, — а потому, что готов был сложить свою жизнь за свои убеждения. Жаклин же так не могла. Был один человек, чьей смерти она желала, чью

жизнь хотела бы оборвать своими руками, но в то же время девушка прекрасно осознавала, что, хотя она и носит титул Жала Братства Карателей, одолеть его была неспособна.

А пока Жаклин была погружена в раздумья, второй номер Братства Карателей — Клык, — исследуя отчеты Карателей второго круга — Круга Вездесущих, — заметил одну немаловажную вещь.

— Позвать ко мне Бивня и Жало, — приказал он одному из слуг Ордена.

— Слушаюсь, мастер Клык.

Его звали Кайл, и ему было сорок шесть лет. По положению, силе, боевым навыкам и талантам Клык уступал только Когтю, который был намного младше него. Для всех остальных Карателей Клык, Кайл, был непоколебимым авторитетом. Как второй из Карателей и один из наиболее опытных и мудрых членов Братства, Кайл мог вмешиваться в дела номеров младше него с целью помочь или проконтролировать выполнение ими задания.

— Мастер Клык, Вы хотели нас видеть? — спросила Жало, входя в комнату Кайла.

Клыку его комната служила больше рабочим местом, нежели домом, как это было для Жаклин. Свертки, свитки, записки, огромное множество исписанных мелким почерком бумаг были сложены в аккуратные стопочки, каждая из которых обладала определенными, одному лишь Кайлу ведомыми признаками.

— Хотел, — ответил Клык. — Проходите.

Жаклин сделала два шага и оперлась спиной о стену, сложив руки перед собой: так она приготовилась слушать. Бивень, который пришел одновременно с ней, но до сих пор не произнес ни слова, позволяя Жалу говорить за двоих, смущаясь и не зная, где бы ему пристроиться, после недолгих метаний застыл посреди комнаты.

— Насколько я знаю, — Кайл окинул взглядом стройную Жаклин и массивного Бивня по имени Бруно, — Совет Мудрейших сегодня выдал вам по заданию.

— Вы совершенно правы, мастер Клык, — неуклюже отрапортовал Бивень.

— В моем случае это, скорее, исправление недочетов, допущенных во время выполнения предыдущей миссии, — глядя в сторону, вздохнула Жало.

— Мне это известно, — сказал Клык. — Данное задание позволит тебе запомнить одну простую вещь: несделанное своевременно придется выполнять позже. Знание этой истины не даст допустить подобных ошибок впредь. Бивень, я хочу, чтобы и ты запомнил это.

— Слушаюсь, мастер Клык! — напыщенно воскликнул Бруно.

Жаклин же ничего не ответила, а лишь глубоко вздохнула, закатив глаза, — она хотя и уважала Кайла, но подобные наставления считала пустой тратой времени.

— Однако я позвал вас сюда не для нравоучений, — продолжил Клык, заметив скуку четвертой из Карателей. — Бивень, не мог бы ты огласить сущность своего задания?

— К-конечно, мастер Клык, — слегка опешил от удивления Бивень. Клык, которым он так восхищался, заинтересовался его заданием! — Совет велел мне расследовать происшествие в Мэйрине.

— А что там произошло? — поинтересовалась Жаклин.

— Весь замок одной из наших Масок в одночасье погрузился в сон! — воодушевленно произнес Бруно. — Мне нужно будет поехать туда и допросить Маску, а также найти и наказать виновных.

— Неужели неизвестно, кто это сделал? — в вопросе Жала явно чувствовались скептические нотки.

— Очевидно, что сама Маска что-то скрывает, — ответил Бивень. — Но уж я-то заставлю все рассказать.

— Кое-какую информацию донесли до меня люди Уха, — перебил Кайл.

— Почему-то я не удивлена, — вздохнула Жаклин.

— Однако ты удивишься, услышав, о чем именно мне сообщили, — улыбнулся Клык. — Знакомо ли тебе имя «Зелорис»? Он также известен как «Герой Монфридской «Охоты».

— Да, — удивленно прошептала Жало. — Он моя следующая цель.

— И, согласно донесению Уха, — продолжил Клык, — он один из тех, кто стоит за инцидентом в Мэйрине.

— Не может быть... — Жаклин не желала верить своим ушам.

— Но всё именно так, — вздохнул Кайл. — Согласно информации, полученной от уха, этот мечник, Зелорис, путешествует с весьма странной компанией.

— Странной? — переспросил Бруно.

— Странная она тем, что в ней есть северянка, — объяснил Клык. — И еще один заслуживающий внимания человек — Вэй Арэн Виндсвиш.

— А это кто? — поинтересовалась Жало.

— Я думал, ты его знаешь, — ответил Кайл. — Говорят, от него без ума почти все женщины в Западных Королевствах.

— Впервые слышу.

— Тебе повезло, — улыбнулся второй из Карателей. — Также там есть еще двое: девушка-бард и лекарь, но они не заслуживают внимания.

— Благодарю Вас, мастер Клык, — с поклоном произнес Бивень.

— За что? — не понял Кайл.

— Благодаря тому, что Вы сейчас рассказали, мне будет проще выполнить это задание!

— А кто сказал, что ты отправишься на его выполнение один? — Кайл окинул Бивня суровым взглядом. — Меня заинтересовала эта компания, а целью Жала является Герой Монфридской «Охоты». Мы пойдем втроем.

— Но мастер Клык, — вмешалась Жаклин, — это же беспрецедентно, чтобы сразу трое из Братства отправлялись по такому пустяковому заданию!

— У меня такое чувство, что оно не будет таким уж пустяковым, — высказал свое мнение Клык.

Из следующей главы вы узнаете о том, как друзья искали себе проводника в Вилриле, городе, что находится на границе Западных Королевств.

===== Часть 5."Коготь". Глава 40 =====

О том, как друзья искали себе проводника в Вилриле, городе, что находится на границе Западных Королевств

Вилрил — город, находящийся на востоке Веслеса, является пограничным как для самого Веслеса, так и для всех Западных Королевств. Когда-то это был процветающий город, ведь через него шел караванный путь в Трилунскую Империю. Поскольку она была таинственным образом уничтожена десять лет назад, караванный путь потерял свою значимость, а вскоре и Вилрил пришел в упадок. Сейчас здесь уже не так часто можно услышать незнакомую речь, ведь привычные глазу старожилов чужеземцы для подрастающих детей стали настоящей редкостью.

— Неужели местные жители не знают, что столь пристально разглядывать людей неприлично? — тяжело вздохнула Гордислава, устав от взглядов жителей Вилрила.

— На тебя и в других городах косились, — заметил Кэрэндрейк. — Северян не часто увидишь в Западных Королевствах, а уж так далеко на юго-востоке и подавно.

— Но в других городах не так явно, — возразила северянка.

— Неудивительно, — сказал Вэй Арэн. — С тех пор, как пал Трилун, здесь почти не бывает чужеземцев.

— У, — подтвердил Зелорис.

— Может, нам остановиться на ночлег на том постоялом дворе? — предложила Рэйна. Она была столь увлечена разглядыванием города, что не следила за разговором.

— Почему именно там? — поинтересовалась Гордислава.

— Двери открыты, значит, должны быть свободные места, — высказала свою мысль собирательница легенд.

— Малышка Рэй, — вздохнул лучник, — я полагаю, что здесь везде есть свободные места.

— У, — выразил свое согласие с предыдущим оратором мечник.

— Вам что, трудно сказать: «Молодец, Рэйна, нашла, где нам остановиться», и порадовать тем самым ребенка? — пробубнил Дрейк.

— Я всего на два года младше тебя! — обижено произнесла Рэйна.

— Зато впечатлительности и восторженности хватит на детей всего города, — улыбнулся Кэрэндрейк. — Но это тебе идет.

— Братец Зел, мне кажется, или Кэрри пытается флиртовать с малышкой Рэй? — шепнул Вэй Арэн на ухо Зелорису.

— Я знал, что так будет, — прошептал мечник в ответ.

— О, Кэрри, это так мило! — воскликнул Вэй, потрепав Дрейка по голове.

— Что за?! — вырываясь, выкрикнул Кэрэндрейк. — Если тебе голову напекло, незачем других за нее трогать.

— Так мы будем останавливаться на этом постоялом дворе или нет? — одновременно спросили Гордислава и Рэйна, после чего рассмеялись такому совпадению.

В Вилриле друзьям предстояло провести несколько дней. Во-первых, они должны были собрать припасы для дальнейшего путешествия. Во-вторых, им было необходимо разузнать, что представляет собой сейчас некогда процветавший караванный путь. И, наконец, в-третьих, найти опытного проводника, ведь без него даже по караванному пути пересечь Центральную Пустыню будет непросто.

Для поисков проводника было решено разделиться. Каждый из товарищей отправлялся искать на рассвете, а возвращался уже глубокой ночью, но, несмотря на это, успехом их затея не увенчалась. Поэтому вечером пятого дня, собравшись в комнате Гордиславы и Рэйны, пятеро путешественников решили обсудить, что же идет не так.

— Кэрэндрейк, не мог бы ты высказать свое мнение на этот счет? — попросила северянка.

— Разумеется, мог бы, — ответил Дрейк. — Однако я не думаю, что всем понравится то, что я скажу.

— И всё же, — настаивала исследовательница. — Порою ты изрекаешь дельные мысли.

— Только порою? Ладно, — сдался Кэрри. — Я считаю, что если мы будем продолжать в таком темпе, то результатов это не принесет вообще.

— Почему? — удивился Вэй.

— Хотя бы потому, что вместо поисков проводника ты искал общества женщин.

— Проводника я тоже искал! — возразил лучник. — Поначалу хотя бы.

— Зел, не обижайся, конечно, — проигнорировал Вэя Кэрэндрейк, — но когда ты подходишь к людям, чтобы узнать о проводнике, они думают, что ты хочешь отнять у них деньги.

— У, — горестно вздохнул мечник.

— Гордислава, теперь твоя очередь, — Дрейк перевел взгляд на северянку. — Ты интересуешь местных, так как являешься чужеземкой, но по той же причине они тебя и опасаются. Времена, когда чужестранцев здесь было больше, чем коренных, закончились десять лет назад. Немудрено, что тебе не доверяют.

— Возможно, ты и прав, — согласилась Гордислава.

— Ну а я не могу найти проводника, — потягиваясь, произнес Кэрэндрейк, — из-за тебя, Рэйна.

— Из-за меня? — удивилась малышка Рэй.

— Скажи, какого черта за эти пять дней мне пришлось спасать тебя тридцать девять раз?! — повысил голос Кэрри.

— Спасать? — казалось, собирательница историй не понимала, что ее друг имеет в виду.

— Кого пыталась увести с собой в неизвестном направлении пьяная компания?

— Они обещали показать мне пойманную русалку, — виновато произнесла Рэйна.

— Русалок не существует. Кому пытались продать непонятно что за большие деньги?

— Мне сказали, что это яйцо дракона, — собирательница историй опустила взгляд к полу.

— Драконы — персонажи сказок, а то была глиняная подделка! — отчитывал подругу Кэрэндрейк. — Мне продолжать?

— Не надо, — прошептала малышка Рэй.

— Таким образом я не смог сосредоточиться на поисках, поскольку мне пришлось приглядывать за наивной любительницей сказок, — подвел итог Кэрри. — Искать поодиночке бесполезно, а всей толпой будет бессмысленно, поэтому предлагаю поступить следующим образом. Рэйна пойдет вместе с Зелорисом: с ней он будет выглядеть менее пугающим, к тому же не даст ей ввязаться в очередные неприятности. Гордислава же пойдет с Вэем, таким образом у ловеласа не будет соблазна преследовать юбки, а его подвешенный язык поможет свести на нет всё недоверие, которое местные испытывают к нашей глубокоуважаемой исследовательнице с Севера. Всем всё понятно?

— А ты? — поинтересовался Вэй Арэн.

— А я буду спать! — торжественно объявил Кэрэндрейк, после чего добавил: — Я так вымотался за эти пять дней, что без хорошего отдыха, боюсь, долго не протяну.

Так и решили. Возражения Гордиславы по поводу того, что Кэрэндрейк должен не спать, а как и все принимать участие в поисках, не принимались, в частности самим Дрейком, а также Рэйной, которая была вынуждена его поддерживать, поскольку за последние пять дней принесла ему много хлопот. Метод поисков, предложенный сонливым лекарем, принес свои плоды, так как уже на следующий день Гордиславе и Вэю удалось отыскать человека, который некогда сопровождал не один караван. Из-за участия в поисках Вэя Арэна, не удивительно, что этим человеком оказалась женщина.

— Значит, вы хотите отправиться на восток? — оглядывая северянку и лучника, произнесла Диира, так ее звали. В женщине смешалось все: юг, запад, восток, — рожденная

в племени южных кочевников она воспитывалась караванщиками из Трилунской Империи, после гибели которой стала жить на западе. От южан Диира переняла внешность: приземистую фигуру и широкие скулы, от трилунцев — манеры, а от торговцев запада, с которыми постоянно приходилось иметь дело — характерный акцент.

— Если быть точнее, то мы хотели бы посетить столицу Трилунской Империи, — ответила Гордислава. — Скорее, то, что от нее осталось.

— Я очень надеюсь, что такая замечательная женщина, как Вы, миледи, согласится стать нашим проводником, — добавил Вэй Арэн.

— Благотворительностью я не занимаюсь, — предупредила Диира. — За мои услуги вам придется заплатить. К тому же, сейчас караванный путь заброшен, и опасностей, которые могут подстергать странствующих, больше, нежели прежде.

— Разумеется, мы оплатим Вашу работу, — подняв голову, произнесла северянка. — К тому же, стрелам этого лучника не ведомы никакие преграды. Также нас сопровождает талантливый мечник, герой Монфридской «Охоты». Опытный лекарь позаботится о здоровье, а девушка-бард развлечет в пути.

— Интересная у вас компания, — заметила Диира.

— Как бы сказал братец Зел, «У»! — ответил Вэй Арэн.

— Что, простите? — не поняла проводница.

— Не берите в голову, — вздохнула Гордислава.

Вскоре Гордислава и Вэй познакомили Диiru с остальными, после чего все шестеро обговорили дальнейший маршрут.

Несмотря на то, что караванный путь проходил через пустыню, раньше путникам было где остановиться: в двух-трех днях пути друг от друга располагались небольшие вольные города, существовавшие за счет проходивших караванов. С гибелью же Трилунской Империи все эти города пришли в упадок. Большая часть из них опустела, превратившись из вольных городов в безлюдные города-призраки. Первое время путникам будут попадаться наполовину опустевшие вольные города, но чем дальше на восток, тем городов-призраков будет больше.

— Ближайший населенный город в четырех днях пути отсюда, — сказала Диира, когда путники вышли из Вилрила. Она сопровождала их на своем верблюде.

— Ах, скорее бы своими глазами увидеть восточных красавиц! — воскликнул Вэй Арэн.

— Ближайшие четыре дня ты будешь видеть только жгучий песок, — проворчал Кэрэндрейк, глядя вдаль, где на горизонте виднелась пустыня.

— К тому же, восточные красавицы — на востоке, — решила внести свою лепту в разговор Рэйна. — А в вольных городах Центральной Пустыни — центрально-пустынные красавицы.

— У, — подтвердил Зелорис, а Гордислава и Кэрэндрейк в ответ на реплику собирательницы историй тяжело вздохнули.

— В пути не стоит быть беспечными, — решила предупредить Диира.

— Мы путешествовали до Северных Башен и обратно, а Гордислава от них сюда, обратно и снова сюда, — усмехнулся Вэй. — Это что-то, да значит!

— Не спорю, снега хранят немало опасностей, — согласилась проводница, — но и пески хранят не меньшее их количество. К тому же, ходят слухи, что Тайру, город, в который мы сейчас направляемся, облюбовал не кто иной, как Коготь — легендарный Каратель небезызвестного Сокрытого Ордена.

— Хотела бы я на него посмотреть! — мечтательно воскликнула Рэйна, ведь всё

«легендарное» было по её части.

— Не смей! — в один голос выкрикнули четверо её друзей.

— Хотел бы я, чтобы ты подучилась здравому смыслу, уму-разуму и перестала влипать в неприятности, — добавил Кэрэндрейк.

Однако желанию Дрейка не суждено было сбыться, поскольку стоило только друзьям прибыть в Тайру, как посреди города Рэйна врезалась в того, кто называл себя Когтем Сокрытого Ордена.

Из следующей главы вы узнаете о том, как собирательница историй снова собрала неприятности, и о том, из-за чего друзей покинул проводник.

===== Часть 5."Коготь". Глава 41 =====

О том, как собирательница историй снова собрала неприятности, и о том, из-за чего друзей покинул проводник

— Ты что творишь, с*чка? — процедил сквозь зубы мужчина, в которого врезалась собирательница историй.

— Извините, пожалуйста, — попросила Рэйна. — Я случайно.

— Да ты хоть знаешь, кто я?! — воскликнул не желавший принимать извинения. — Я — Коготь, один из Карателей Сокрытого Ордена!

— Ой, — только и смогла ответить малышка Рэй, которой на протяжении четырех дней Кэрэндрейк, Вэй Арэн и Зелорис в три голоса на примере последнего доказывали, что с Карателями лучше не связываться.

Тем временем вокруг них стала собираться толпа зевак. Со всех сторон доносились встревоженные возгласы: «Самоубийца», «Бедная девочка!», «Такая молодая и уже умрет» и тому подобные. Вскоре возгласы толпы стали доноситься ещё чаще и разнообразнее, поскольку за Рэйну поспешил вступить Кэрэндрейк.

— Уважаемый Коготь, — склонив голову, произнес он, однако в его интонации чувствовалось, что никакого уважения к этому человеку он не испытывает. — Прошу Вас простить мою подругу и позволить нам с ней удалиться, дабы не тревожить более своим присутствием.

— Не позволю! За то, что посмела столкнуться со мной, девчонка умрет. А ты, за то, что посмел мне перечить, лишишься языка.

— Боюсь, что, если бы всех лишали языков и жизни за подобное, Вас, уважаемый Коготь, давным-давно бы похоронили вместе с Вашим отрезанным языком.

— Дрейк, прекрати! — встревоженно воскликнула Рэйна.

— Прекратить? — изобразил непонимание Кэрри. — Что прекратить?

— Я передумал, — процедил сквозь зубы носящий имя легендарного убийцы. — Жизни лишишься и ты.

— Вэй, он твой, — вздохнул Дрейк.

— Как скажешь, Кэрри, — улыбнулся Вэй Арэн, натягивая тетиву. Толпа вмиг расступилась, оставив рядом с лучником только Гордиславу и Зелориса. — Сейчас вылетит стрелка!

— Вы что творите? — побледнела от страха Гордислава.

— Самозванец, — прошептал Зелорис так, что услышать его могли только Вэй и Гордислава.

— Что? — удивилась северянка.

— Не знаю, что представляет собой настоящий Коготь, но с Жалом я, можно сказать,

знаком, — ответил мечник. — Этот человек точно не Каратель.

— Ха, я знал! — воскликнул Вэй.

— Не похоже, — заметила северянка.

— Кэрри хорошо разбирается в людях, я ему доверяю.

— Да что вы творите?! — в растерянности произнес самозванец.

— Мне плевать, кем ты себя называешь, — угрожающе посмотрел на Лжекогтя Кэрэндрейк, — но Рэйну обижать не смей. Ты тоже хороша, — обратился он к малышке Рэй. — Такое впечатление, будто бы ты неприятности собираешь, а не легенды.

— Извини, — виновато произнесла Рэйна.

— «Плевать»? — опомнился самозванец, снова войдя в роль первого из Карателей, и достал из-за пояса нож. — Похоже, что ты так и не понял, с кем имеешь дело.

— А ты, похоже, так и не понял, что пора прекращать этот маскарад, — вздохнул Кэрэндрейк. — Вэй!

— Будет исполнено! — лучника забавляла эта ситуация. Он выстрелил из лука, выбив своей стрелой нож из руки Псевдокарателя.

— Я всех вас поубиваю! — взревел Псевдокоготь. Стрела хотя и не задела его, но удар от выбивания из руки ножа был болезненный.

— Не похоже, чтобы ты мог делать что-либо помимо угроз, — заметил Дрейк, пристально посмотрев в глаза Лжекарателю.

Такого взгляда этот мужчина никогда прежде не видел. Каждая клеточка его тела вопила о том, что лучше уйти отсюда как можно скорее. Неуверенно самозванец сделал шаг назад, после чего резко развернулся и со всех сил помчался прочь. Он всего лишь хотел легкой жизни. Хотел, чтобы все его поступки оставались безнаказанными, а всё, что он пожелает, мог бы получать без проблем. Все это, по его мнению, мог себе позволить Коготь — легендарный Каратель, бездушный убийца, сама смерть, служащая Сокрытому Ордену. Уж ему-то не смеет перечить никто! Такому человеку ничего не будет, если один-другой позаимствует на время его имя. Само это имя служит идеальной защитой от всего, а также особым пропуском, открывающим любые ворота. Единожды назвавшись Когтем, самозванец почувствовал несказанное удовлетворение. Люди боялись его, расступались перед ним, не смели перечить ему. Затем он назвался Когтем еще раз, потом другой, за ним третий, — и вскоре не заметил, как забыл свое имя. Но это только радовало лжеца, ведь так ничто не мешало ему жить жизнью легендарного Карателя. Ничто. До тех пор, пока он не увидел этот взгляд.

— Удивительно, что он так долго мог притворяться одним из Карателей, если даже такой простой лекарь, как я, смог так напугать этого проходимца, — усмехнулся Кэрэндрейк, глядя бегущему вслед.

— У, — подтвердил Зелорис.

Однако это происшествие обошлось не без последствий. Во-первых, путники часто ощущали на себе косые взгляды. Во-вторых, местные жители старались избегать взглядов самих путешественников. А в-третьих, сложившаяся ситуация повлияла на решение Диiry.

— Я больше не буду вас сопровождать, — сказала она вечером.

— Почему? — удивилась Гордислава.

— Компания сумасбродцев, — произнесла Диiry. — Я не могу вас назвать никак иначе.

— Миледи, что Вы хотите этим сказать? — поинтересовался Вэй.

— Коготь, — ответ проводницы был краток.

— Оказался самозванцем, — заметил Дрейк.

— Но если бы он был настоящим, — возразила Диира, — все мы были бы мертвы.

— Он не был настоящим, — прошептал Зелорис.

— Вы не могли заранее это предсказать, — парировала проводница.

— Почему же? — улыбнулся Вэй Арэн. — Наш Кэрри отлично разбирается в людях с первого взгляда, я доверяю его чутью.

— К тому же, тот человек не выглядел, как Каратель.

— Будто бы вы настоящих Карателей видели, — усмехнулась Диира.

— Братец Зел даже сражался с одной из них, — рассмеялся Вэй.

— Ложь, — отрезала проводница.

— Если хотите, можете считать это ложью, — чуть слышно произнес мечник. — Никто не заставляет Вас верить нам.

— К тому же, Вэй, когда ты сказал, что я разбираюсь в людях с первого взгляда, — обратился к лучнику Кэрэндрейк, — ты допустил неточность.

— В чем именно? — поинтересовался Вэй Арэн. — Неужто, Кэрри, ты хочешь сказать, что для тебя недостаточно одного взгляда, чтобы понять, какой перед тобой человек?

— Достаточно, — ответил Дрейк. — Но в данном случае мне не было необходимости даже смотреть на него. Я с самого начала знал, что Коготь в Тайре — самозванец.

— У тебя были основания так считать? — спросила Гордислава.

— Сокрытый Орден называется Сокрытым потому, что большую часть своих дел проворачивает тайно, — объяснил Кэрэндрейк. — В такой ситуации разве есть смысл Карателю публично раскрывать свою личность?

— Жало признала, что она Жало, — прошептал Зелорис.

— Кэрри прав, — признал Вэй, характер которого стал более покладистым после избавления от гнета мэра Мэйрина. — Раскрыться одному человеку или целому городу — две разные вещи.

— Подожди, если ты с самого начала знал, что «Коготь» в Тайре — фальшивка, то к чему были все эти предостережения на протяжении четырех дней? — возмутилась Рэйна.

— Чтобы ты не ввязывалась в очередные неприятности, — ответил Дрейк. — Хотя, как оказалось, они не помогли.

Диира, слушавшая весь этот разговор, с каждой минутой осознавала, что связалась не с теми людьми, и что решение перестать быть их проводницей было единственно верным.

— Прощайте, — громко сказала она, дабы заглушить голоса пятерых путников. — Денег я с вас не возьму. Придерживайтесь пути. Надеюсь, что с вами всё будет в порядке, и что мы с вами больше никогда не увидимся.

— Это всё ты виноват, Кэрри, — вздохнул Вэй, когда Диира ушла. — Утомил бедную женщину своим ворчанием.

— Я с самого начала знал, что она долго не продержится, — вздохнул Кэрэндрейк. — Но не из-за моего ворчания, а из-за неприятностей, в которые мы все время влипаем.

— Извините, — виновато прошептала малышка Рэй.

— Без проводника нам будет тяжело, — вздохнула Гордислава.

— У, — подтвердил Зелорис.

— Как-нибудь справимся, — заключил Вэй. — Однако, Кэрри, много ли еще вещей, которые ты знал с самого начала?

— Я бы не сказал, что много, — с фальшивой улыбкой ответил Кэрэндрейк, — но они

есть.

— Расскажи! — собирательница историй была заинтригована.

— Нет, — отрезал Кэрри. — Лучше я скажу, что знал всё с самого начала, когда это станет очевидным для всех.

— А почему не сейчас? — удивилась малышка Рэй.

— Потому что у всех, даже у тебя, Рэйна, есть вещи, о которых не хочется говорить никому, — медленно произнес Дрейк.

Следующим утром пятеро путников покинули Тайру, отправившись на восток, а Диира села на своего верблюда, дабы вернуться на запад, в Вилрил. Она размышляла о происшедшем на протяжении всех четырех дней, которые ушли на обратную дорогу, и в итоге пришла к выводу, что лучше бы ей забыть это, как страшный сон.

— Дом, милый дом, — с облегчением произнесла проводница, подходя к своему дому — небольшому одноэтажному зданию с крохотным палисадником.

— Диира, верно? — окликнула её сзади молодая красивая девушка.

— Что, простите? — не расслышала вопроса Диира.

— Я спросила: ты и есть Диира? — мягко повторила девушка.

— Да, это я, — подтвердила женщина. — А Вы, собственно, кто?

— Мое имя Жаклин. Я номер четыре — «Жало» — первого круга, Круга «Многоликих», Братства Карателей Сокрытого Ордена. И у меня есть пара вопросов.

Из следующей главы вы узнаете о том, как трио Карателей настигло пятерых путников, и как в результате пролилась кровь.

===== Часть 5."Коготь". Глава 42 =====

О том, как трио Карателей настигло пятерых путников, и как в результате пролилась кровь

— Доброе утро, Зелорис. Хорошего дня, Вэй Арэн, — спустившись на первый этаж постоянного двора, который, как и в тысяче других постоянных дворов, был отведен под столовую, произнесла Гордислава.

— Сегодня просто замечательный день! — хлопнула в ладоши спустившаяся вместе с ней Рэйна. — А где Дрейк?

— Спит, — чуть слышно ответил Зелорис.

С того момента, как путников покинула их проводница Диира, прошло шесть дней. За это время они успели добраться до Орна — следующего вольного города, расположенного на караванном пути. Орн отражал упадок караванного пути намного лучше, чем Тайра, хотя бы потому, что находился дальше от границ Западных Королевств. Единственный еще функционирующий постоянный двор был пуст, за исключением пяти комнат, занятых нашими путешественниками.

— Трудно поверить, что когда-то здесь было многолюдно, — вздохнул Вэй.

— Чем дальше, тем будет безлюдней, — заметил мечник.

— На руинах Трилуна было образовано несколько городов-государств, — сказала Гордислава, присаживаясь к товарищам, после чего Рэйна последовала её примеру. — После того, как пересечем Центральную Пустыню, мы снова вернемся к людным городам.

— Не думаю, что там будет столько же людей, как и в Западных Королевствах, — возразила малышка Рэй. — Ведь Трилунская катастрофа унесла жизни большей части жителей Империи.

— Ах, надеюсь, что эта большая часть была мужской, — промолвил Вэй Арэн, желая

увидеть трилунских красавиц.

— Пожалуйста, не стоит шутить так, — неожиданно серьезным тоном попросила Рэйна.

— Прости-прости, я больше так не буду, — улыбнулся лучник.

— У, — подтвердил Зелорис, что означало «Я проконтролирую».

— Говорят, что следующий город давно опустел, — поделилась услышанным северянка.

— Не думал, что мы так скоро приблизимся к городу-призраку, — вздохнул Вэй.

— Так странно, — прошептал Зел, — то, что уничтожило Трилунскую Империю, обошло стороной города на караванном пути, а они всё равно исчезают.

— Здесь хотя бы жители переезжают в другие места, — сказала собирательница легенд. — А Трилунская Империя погибла почти со всем населением.

— Надеюсь, мы выясним, что за этим стоит, — из интонации Гордиславы было ясно, что для этого она приложит все усилия, — и тогда ни одно государство больше не повторит судьбу Трилунской Империи.

— Да будет так, — с надеждой произнесла Рэйна.

— Кстати, давно хотел спросить, — начал было говорить Вэй Арэн, но задать вопрос у него не вышло.

Скрип открывшихся дверей постоянного двора сопровождал вошедших в них Клыка, Жало и Бивня.

— Помнишь меня? — помахала рукой Зелорису четвертая из Карателей.

— Братец Зел, а ты не говорил, что знаком с такой красавицей! — воскликнул Вэй.

— Жаклин... — чуть слышно назвал имя своей «знакомой» мечник.

— Правильно! — Жало обрадовалась, что мечник запомнил её имя и назвал её им, а не титулом Ордена.

— Мастер Жало, это и есть тот мечник? — поинтересовался Бивень.

— Жало? — удивленно произнесла Гордислава, а Вэй впервые подумал о том, что красавицу лучше было не встречать.

— Да. Я «Жало», четвертая из Карателей первого круга, Круга «Многоликих», Братства Карателей Сокрытого Ордена. Каратели рядом со мной — это Бивень и мастер Клык.

— Позвольте поинтересоваться, — с поклоном произнес Вэй Арэн. — Вы ведь здесь не просто так?

— Сон в Мэйрине — ваших рук дело? — гулким басом спросил Бруно.

— Я не понимаю, что Вы имеете в виду, — нацепив на лицо ледяную, непреступную маску, соврала Гордислава.

— Это всё? — спросил Зелорис.

— Нет, — ответила Жаклин. — Не всё. Я здесь для того, чтобы убить тебя. Совет не одобрил то, что я сохранила тебе жизнь в прошлый раз, поэтому я должна её отнять.

— Это глупо! — воскликнула Рэйна.

— Совет Мудрейших не принимает глупых решений, — промолвил Бивень. — Но не расстраивайся, ты тоже умрешь сегодня.

— Вам нужно убить меня, — громко сказал Зелорис. — Их не трогайте.

— Их тоже необходимо убить, — вмешался Кайл. — Отвечая на наши вопросы, вы можете сделать свою смерть как легкой, так и тяжелой.

— Всё, как сказал мастер Клык! — подтвердил Бруно.

— Это должен был говорить ты, — заметил Клык.

— Простите, мастер Клык, — покраснел Бивень, после чего обратился к путникам. — А

где пятый?

— Вы серьезно думаете, что мы вам скажем это после того, как услышали, что вы собираетесь нас убить? — усмехнулся Вэй.

— Пятый наверху, — сказал Кайл.

— Ах! — воскликнула Рэйна.

— В таком случае, как пятому из Карателей, позвольте мне пойти за пятым из них, — торжественно произнес Бруно.

— Позвольте? — переспросила Жало. — Это твоя работа. Но так и быть, я присмотрю, чтобы, пока ты ходишь, остальные четверо не сбежали.

Бруно направился в сторону лестницы. Он поднялся на три ступеньки, затем услышал торопливые шаги на втором этаже. Бивень ускорил шаг и в считанные секунды добежал до комнаты, из которой доносились звуки. Он резко открыл дверь, но никого в комнате не обнаружил. Окно было открыто, а на подоконнике виднелся след от обуви. Бивень развернулся и спустился вниз.

— Сбежал, — отчитался он. — Но от меня далеко не уйдешь. Пойду догонять.

— Иди, — одобрил Клык. — А мы пока побеседуем.

Бивень вышел на улицу и принялся оглядываться по сторонам, чтобы вычислить, куда мог сбежать пятый путник.

— Не меня ищешь? — окликнул его сидящий на крыше постоянного двора Кэрэндрейк.

— Сон в Мэйрине — твоих рук дело? — спросил Бивень.

— И не только рук, — улыбнулся Дрейк. — Головой не меньше пришлось поработать. А ты, я так полагаю, Бивень?

— «Мастер Бивень», — поправил Бруно.

— Насколько мне известно, «мастерами» должны называть младшие Каратели или другие члены Ордена, — задумался Кэрэндрейк. — Ты уж прости, но я не отношусь ни к тем, ни к другим.

— Слезай, — скомандовал Бивень.

— Зачем? — поинтересовался Кэрэндрейк.

— Затем, что я — Бивень — сделаю из тебя отбивную.

— Надо же, — усмехнулся Дрейк. — Долго думал над этой шуткой?

— Откуда ты знаешь? — опешил Бруно.

— Как я погляжу, ты из той категории, для которой коль сила есть, не требуется разум, верно? — вместо ответа спросил Кэрри.

— Чего?! — взревел пятый из Карателей.

— Что и требовалось доказать.

— Слезай оттуда живо, не то сам тебя спущу! — прорычал Бивень, размахивая огромным боевым топором.

— Похоже, у меня нет выбора, — вздохнул Кэрэндрейк.

Тем временем на первом этаже постоянного двора между четырьмя путниками и двумя Карателями проходила обещанная «беседа».

— Что на самом деле произошло в Мэйрине? — спросил Клык. — Можете не врать, мы знаем, что вы причастны к этому происшествию.

— Так если вы знаете, — произнес Вэй, — то зачем нам отвечать?

— У, — поддержал друга Зелорис.

— Время не тяните, — потребовала Жаклин. — Всё равно все умрете.

— Миледи, я приму от Ваших прекрасных ручек даже самую страшную смерть, чтобы хоть на минуту продлить жизнь красавиц, коих поклялся защищать, — лучник отвесил легкий поклон.

— Тебя убьет Бивень, — сообщила Жало. — Я должна убить только Зелориса.

— Не надо, — прошептала Рэйна.

— Что именно мы такого сделали, раз понадобилось посылать на наше устранение сразу троих Карателей? — потребовала ответа Гордислава.

— Меня не посылали, — ответил Кайл. — Я здесь, чтобы проконтролировать. А вот Бивню велено разобраться с происшествием в Мэйрине.

— То, что произошло между нами и Шарлем Эролайном, никак не связано с Сокрытым Орденом, — сказал Вэй.

— Но вам известно о том, что он Маска, — улыбнулась Жаклин.

— Миледи, клянусь, кроме нас этого никто не узнает.

— Узнает или не узнает — для вашего устранения хватит и того, что знаете вы.

— Он сам нам рассказал! — воскликнула Рэйна. — Мы здесь ни при чём. Если ваши люди направо и налево выдают секретную информацию, надо разбираться с этими людьми, а не с теми, кто против воли оказался во всё это дело втянут.

— Не беспокойся, девочка, — облокотился на стол Клык. — С ним уже разобрались. Но правила — есть правила. Они складывались на протяжении тысяч лет, и никто не будет их менять.

— Пощадите Гордиславу и Рэйну, — попросил Зелорис. — И Капу.

— Капа — это тот пятый? — спросила Жаклин.

— Капа — это лошадь, — прошептал Зел. — «Того пятого» вы всё равно не пощадите, поэтому я не прошу.

— Мы и этих двоих не пощадим, — усмехнулась Жало, кивнув головой в сторону Гордиславы и Рэйны.

— Такой красавице не к лицу подобная жестокость, — вздохнул Вэй.

— Снаружи шумно, — заметил Клык. — Похоже, Бивень уже принялся за вашего дружка.

— Нет... — пролепетала собирательница легенд. Она, как и остальные, надеялась, что хотя бы Дрейку удастся сбежать.

— Когда Бивень вернется, надеюсь на хорошую битву, — обратилась Жало к Зелорису.

— Если я смогу одолеть тебя, ты пощадишь остальных? — чуть слышно спросил мечник.

— Ха-ха-ха! — рассмеялась четвертая из Карателей. — Неужели наша прошлая встреча не показала тебе, что это невозможно? Хотя, если одолеешь меня, то...

— Нет, — вмешался Кайл. — Никаких поблажек.

— Мастер Клык, — улыбнулась Жаклин, — ему всё равно это не удастся.

— Бывали случаи, когда в подобных ситуациях проявлялись скрытые силы, — сурово произнес Клык. — Так что мой ответ — нет. Совет и так зол на тебя за то, что ты оставила ему жизнь в прошлый раз. Не заставляй Мудрейших разочаровываться в тебе ещё больше.

— Как скажете, мастер Клык, — тяжело вздохнула Жаклин, прогнав мысль о том, чтобы поддаться мечнику, перед которым она чувствовала некую вину.

— Запомни, Карателям не должно испытывать симпатию к своим жертвам, — предупредил Кайл.

— Не беспокойтесь, ничего подобного я себе не позволяю.

Снаружи раздались крики. Несколько женщин визжали, кто-то кричал: «Убийца!!!».

— Похоже, ваш друг мертв, — заметил Кайл.

На глазах у Рэйны выступили слезы, Вэй побледнел, а Гордислава и Зелорис почувствовали опустошение.

— Мастер Клык, — обратилась ко второму из Карателей Жало. — Не думаю, что они были втянуты во всё это по своей воле, но раз уж им всё равно придется умереть, может, позволим перед этим проститься с другом?

— Зачем? — удивился Клык. — Они и без этого скоро встретятся на том свете.

— Мастер Клык...

— Хорошо, — сдался Кайл. — Но не пытайтесь предпринять отчаянных мер...

— Или тут же будем убиты, — дрожащим голосом произнесла Гордислава. — Знали бы вы, сколько раз мы слышали эту фразу.

Двое Карателей и четверо путников вышли на залитую кровью улицу. От увиденного Рэйна побледнела ещё больше, Гордислава испытала приступ тошноты, Вэй Арэн чуть слышно произнес «Кэрри», а Зелорис рефлексивно схватил рукоять меча, но из ножен вытаскивать не стал.

Всё было в крови. Кровь была даже на стенах домов, а сколько её было на земле — даже представить трудно. Тяжело было поверить, что столько крови могло принадлежать одному человеку. Но это было так.

Однако бездыханное тело Кэрэндрейка не лежало подле ног пятого из Карателей. Напротив, Дрейк стоял — весь в крови. В крови корчащегося в предсмертной агонии Бивня.

— Коготь... — процедила сквозь зубы Жаклин.

Из следующей главы вы узнаете о том, как старая Ведьма решила обзавестись воспитанником, и о том, как по его вине Орден понес первые потери.

===== Часть 5."Коготь". Глава 43 =====

О том, как старая Ведьма решила обзавестись воспитанником, и о том, как по его вине Орден понес первые потери

Это произошло за несколько лет до гибели Трилунской Империи. Отправляясь на задание, выполняя его или же возвращаясь в Сокрытый Орден — не важно, но носившая в то время титул Когтя, первого из Карателей, Ведьма Де Мона обзавелась малолетним воспитанником. Поначалу она не собиралась никого «подбирать», однако этот ребенок заинтересовал её: лишенный родительского крова он не плакал, а только сверлил Ведьму недовольным взглядом. За свою долгую жизнь Ведьма Де Мона видела много детей, чувствовала на себе множество взглядов, большинство из которых выражали страх и отчаяние. Но это дите не боялось, оно было недовольно ей. Впервые за несколько лет улыбнувшись, первая из Карателей склонилась над полугодовалым ребенком, уронив на него прядь седых волос, и прошептала:

— Отныне тебя зовут Кэрэндрейк.

Первая из Карателей растила ребенка в уединении. Она не стала возвращаться в Орден, решив, что сделает это, когда её преемник чуть подрастет. Однако вскоре Ведьма Де Мона обнаружила, что сильно привязалась к малышу Кэрэндрейку и не хочет отдавать его Сокрытому Ордену. Женщина не помнила счастливых моментов своей жизни: у Карателя их попросту нет. Глядя на то, как Кэрэндрейк радовался первому сделанному им самостоятельно шагу, первая из Карателей не желала, чтобы он повторил её судьбу. Но так

как она сама взялась его воспитывать, носившая титул Когтя была обязана довести всё до конца. Она передаст ребенку все свои знания, весь свой опыт, научит всему, что умеет сама, после чего отпустит, позволив ему самому, а не Совету Мудрейших, распоряжаться своей судьбой.

Маленький Кэрэндрейк быстро запоминал всё, чему она его учила. Уже к полутора годам его словарный запас был не менее, чем у иного пятилетнего ребенка, а благодаря ежедневным физическим тренировкам уже к трем годам он мог дать фору двенадцатилетним.

Когда Кэрэндрейк допускал хоть малейшую оплошность, Ведьма Де Мона называла его «Кэрэн», говоря, что он не заслуживает быть нареченным полным именем. Когда же хвалила, то звала его «Дрейк», говоря, что использует ласковую форму имени.

— Запомни: наблюдай, анализируй, перенимай, — в очередной раз повторяла Ведьма Де Мона эти три слова. — Если ты усвоишь данное так, как ты усвоил способность дышать в момент рождения, то не будешь знать равных себе. Это правило передается от Когтя Когтю на протяжении тысяч лет, и благодаря ему Когти — первые из Карателей.

— Ты говорила это уже много раз, — проворчал четырехлетний Дрейк. — Давай что-то новенькое.

— Я буду повторять эти слова ещё столько же, Кэрэн, до тех пор, пока ты всё не усвоишь.

— Бабка Ведьма — злая ведьма, — пробубнил воспитанник.

— Сегодня — без ужина! — повысила свой голос первая из Карателей, отчего Кэрэндрейк поспешил спрятаться под стол.

Хотя у Ведьмы Де Моны никогда не было детей, а Кэрэндрейк по возрасту годился ей во внуки, если даже не правнуки, она полагала, что чувства, которые она испытывала к своему ученику, подобны тем чувствам, которые мать испытывает к ребенку.

День за днем первая из Карателей обучала своего воспитанника всему, чему только могла. Несмотря на то, что ребенку ещё не было и пяти лет, она учила его смешивать яды, ставить ловушки и избегать их, устраивать засады, проникать в непреступные крепости и незаметно из них ускользать, рассказывала, как выжить при встрече с противником и как убить его. Ежедневно Ведьма Де Мона тренировала физические навыки своего подопечного. Упор она делала не на силу, а на ловкость и выносливость.

— Уклоняясь от атак, не забывай наблюдать, как атакует твой противник, — твердила первая из Карателей. — Анализируй, какие мышцы он задействует при атаке, и...

— Перенимай! — воскликнул Дрейк, повторив то, как его атаковала Де Мона.

— Молодец, Дрейк, — похвалила Ведьма.

Кэрэндрейк торжественно рассмеялся.

— Запомни, — позже сказала Ведьма Де Мона. — Чем безобиднее ты выглядишь поначалу, тем опаснее ты будешь казаться потом.

— Куда уж опаснее, — пробубнил малолетний воспитанник.

— Относись к этому серьезнее, Кэрэн. Видя перед собой кого-то слабее, люди расслабляются, отчего, изведав позднее истинную мощь, уже не могут собраться. Это качество не только поможет тебе сейчас, пока ты не владеешь всеми навыками в совершенстве, но пригодится и позже, поскольку сэкономит твои силы в тяжелой битве.

Ведьма Де Мона часто отправляла своего воспитанника в расположенный неподалеку город, чтобы тот наблюдал за поведением жителей, анализировал, по какой причине и

каким образом они делают то или иное, и перенимал всё это. К своему удивлению, первая из Карателей обнаружила, что пятилетний ребенок, единожды увидев, как пекарь печет хлеб, смог испечь хлеб не хуже, а понаблюдав за тем, как рыбаки удили рыбу, к вечеру принес собственноручно выловленного леща.

Утомившись во время одной из подобных прогулок по городу, Кэрэндрейк решил вздремнуть, забравшись на дерево. Но только стоило ему предаться сну, как воспитанник Ведьмы был разбужен громкими всхлипываниями.

«Наблюдай, анализируй, перенимай» — пронеслось у него в голове. Дрейк постарался быть как можно более незаметным, наблюдая за тем, каким образом молодой мужчина с мечом в руках убивает свою жертву. Несмотря на то, что Кэрэндрейк воспитывался первой из Карателей Сокрытого Ордена, он ни разу не видел убийство человека. Он столько раз слышал о том, как отнять у человека жизнь, и столько раз представлял себе момент смерти, что сейчас словно зачарованный наблюдал за каждым движением убийцы. Взмах меча, рассечение плоти, предсмертный вздох; ребенок, которому никто не внушил, что плохо отбирать чужие жизни, а, наоборот, готовили к этому, наблюдал, анализировал, перенимал. Дрейк был настолько увлечен зрелищем, что забыл о мерах предосторожности и выдал себя восторженным возгласом. Убийца тут же обернулся и заметил ребенка, смотрящего на него с дерева.

— Как печально, — совершенно без эмоций в голосе произнес убийца. — Мне велели не оставлять свидетелей.

— Значит, Вы собираетесь ещё кого-то убить? — с нескрываемым энтузиазмом спросил Кэрэн.

— Да, — ответил убийца. — Тебя.

Вот он. Настал момент проверить на практике то, чему его научила старая Ведьма. Уклоняться и наблюдать. Следить за каждым движением противника, анализировать, какие мышцы он задействует, какие приемы использует. Перенимать и повторять.

— Сломался, — опечаленно произнес Кэрэндрейк, глядя на поверженного врага. — Я думал, будет веселее.

Так за несколько дней до своего шестилетия ученик Когтя впервые убил. Услышав позже о произошедшем, Ведьма впервые испытала страх одновременно с удовлетворением, поскольку её ученик уже превзошел все её ожидания, а что будет с ним позже, первая из Карателей не могла даже представить.

— Из тебя выйдет превосходный Каратель, — единственное, что могла вымолвить она.

— Это потому, что ты меня обучаешь, — с искренней улыбкой ответил Кэрэндрейк.

Первое убийство было также и началом цепочки неприятностей, приведших в итоге к большой трагедии. Тот, кого убил Кэрэндрейк, был одним из убийц Сокрытого Ордена, организации, которая не прощает убийства своих членов так же, как и не прощает тех, кто дал себя победить. Информаторы, доложившие Ордену о случившемся, не знали о причастности ко всему Ведьмы Де Моны, обучившей Кэрэндрейка убивать, поэтому на расправу с убившим своего члена Орден отправил всего десять убийц. Осмотрев место происшествия и проведя небольшое расследование, отряд убийц пришел к выводу, что информаторы допустили ошибку, и их товарища убил не ребенок, а женщина, которая его воспитывала. Они не признали в этой женщине Когтя Ведьму Де Мону, за что поплатились своей жизнью. А Кэрэндрейк наблюдал, анализировал и перенимал, как первая из Карателей уничтожает тех, кто секунды назад собирался убить её саму.

Когда Сокрытый Орден посылал второй отряд, он всё ещё не знал о том, что здесь была замешана Коготь, поэтому направил всего тридцать обычных убийц и семь призраков. Ведьма Де Мона же, напротив, знала, что её противники из Ордена, которому она некогда поклялась верно служить, но это знание не помешало ей расправиться с новым отрядом. Кэрэндрейк наблюдал, анализировал, перенимал. Старая Ведьма старалась продемонстрировать своему воспитаннику как можно больше боевых техник, поскольку боялась, что после того, как за ней пошлют Карателей, она больше не сможет его ничему научить.

После гибели второго отряда Ордену стало понятно, что всё это ведьминых рук дело. Поэтому в третий отряд помимо пятидесяти убийц и двадцати восьми призраков входило сразу четверо Карателей. Но ещё до того, как они успели прибыть, Ведьма Де Мона умерла. Она скончалась от укуса ядовитого скорпиона.

— Где мастер Коготь? — спросил мужчина, носивший титул Шкуры.

— Она спит, — спокойно ответил вышедший встречать третий отряд Кэрэндрейк. Несмотря на то, что за последние полтора месяца он хорошо запомнил, как выглядят мертвецы, верить в смерть старой Ведьмы её воспитанник не хотел. — Если хотите увидеть её, то подождите, пока она не проснется. До тех пор я никого к ней не пушу.

— Разберитесь с ним, — приказал Нос.

Десять убийц с обнаженным оружием набросились на ребенка.

— Наблюдай, анализируй, перенимай, — снова и снова повторял Кэрэндрейк, уклоняясь от их атак и вонзая подаренный Ведьмой кинжал в плоть то одного, то другого противника.

Не прошло и пяти минут, как десять профессиональных убийц были убиты шестилетним ребенком.

Кэрэндрейк окинул бесчувственным взглядом оставшихся членов отряда.

— Я ничему не научусь, если вы закончитесь также быстро, — произнес он.

— Убить, — повелел носивший в то время титул Перо.

И спустя десять минут двадцать убийц и тринадцать призраков были лишены своих жизней.

— Что за черт?! — воскликнул Нос, и на ребенка набросилась оставшаяся часть отряда.

— А почему ты стоишь? — спросил Кэрэндрейк, когда ещё двадцать убийц, пятнадцать призраков и три Карателя пали от его рук.

— Смотрю, — ответил Клык, единственный, кто не пытался атаковать Дрейка, и также единственный из третьего отряда, кто остался жив.

— Будешь атаковать? — поинтересовался шестилетний мальчик.

— Нет, — возразил Кайл. — Ты уже устал, и если я нападу — умрешь. Для Ордена это будет большая потеря, чем эти трое, — он указал на трупы Шкуры, Пера и Носа. — Мастер Коготь вырастила достойного преемника.

— Я разрешаю тебе к ней войти, — прошептал Кэрэндрейк и потерял сознание от усталости.

Из следующей главы вы узнаете о том, как воспитанник Ведьмы принял титул Когтя, и о том, как Сокрытый Орден лишился Священной Звезды.

===== Часть 5."Коготь". Глава 44 =====

О том, как воспитанник Ведьмы принял титул Когтя, и о том, как Сокрытый Орден лишился Священной Звезды

Когда с миссии по уничтожению Ведьмы Де Моны из восьмидесяти двух человек живым вернулся только Клык, да ещё и с шестилетним мальчишкой, архипелаг Триада наполнился самыми разнообразными слухами. Когда выяснилось, что этот шестилетний мальчишка собственноручно одолел пятьдесят рядовых убийц, двадцать восемь призраков и троих Карателей, слухов стало ещё больше. А когда спустя два дня маленький Кэрэндрейк принял титул Когтя, слухи прекратились, ведь правила запрещали обсуждать и осуждать Карателей.

Кэрэндрейк стал первым за всю историю Ордена Карателем, принявшим титул в столь раннем возрасте, а также первым, кто одолел сразу трех членов Братства. Его боялись и уважали, перед ним трепетали и им восхищались. Поскольку новоиспеченный Коготь был еще слишком мал, Клыка обязали заботиться о нем. Первые несколько месяцев Кайл брал Кэрэндрейка с собой на задания, но вскоре обнаружил, что маленький Коготь запомнил все его движения, какие тот совершал, когда убивал своих жертв. Клык испугался того, что если всё продолжится таким образом, то его может постигнуть судьба Шкуры, Пера и Носа, павших от руки Кэрэна на его глазах.

Тогда Клык сообщил Совету Мудрейших, что юный мастер Коготь не нуждается больше в опеке и способен самостоятельно выполнять свои задания. Так Кэрэндрейк начал исполнять свою работу Когтя самостоятельно, и уже через полгода о нем стали говорить, как о сильнейшем Карателе за всю историю Ордена. Дрейк же продолжал наблюдать, анализировать, перенимать.

После исполнения Кэрэндрейку девяти лет, он уже выполнял задания по всему Материку: от Западных Королевств до Трилунской Империи. Он устранил даже предателя-призрака, прячущегося среди южных племен.

Когда в Ордене стало известно о таинственной гибели Трилунской Империи, десятилетний Кэрэндрейк выглядел несколько опечаленным.

— У них была симпатичная Верховная Жрица, — ответил он на вопрос «почему».

Кэрэндрейк рос и становился всё сильнее. Изучив, как делать яды, он понял, как делать противоядия. Достигнув совершенства в нанесении ран, он постиг и то, как их залечивать. К одиннадцати годам Дрейк освоил практически все виды оружия, а его излюбленным оружием стали кинжалы. Он всегда прятал несколько кинжалов в складках одежды, чтобы в случае чего использовать их как для ближнего, так и для дальнего боя в качестве метательного оружия. И всё еще продолжал наблюдать, анализировать, перенимать. Однако Кэрэндрейк теперь не просто перенимал, он улучшал и перенимал.

Однажды, вернувшись в Сокрытый Орден с очередного задания, двенадцатилетний Кэрэндрейк услышал доносившиеся из-под тяжелой винтовой лестницы всхлипывания. От любопытства он заглянул под лестницу и увидел там плачущую девочку, которая была на четыре года старше него.

— Что-то случилось? — поинтересовался маленький Коготь.

— Тебя это не касается, — огрызнулась девочка.

Дрейк улыбнулся, поскольку понял, что она не признала в нем первого из Карателей, и сел рядом.

— Тебя как зовут? — спросил он.

— Жаклин, — ответила будущая Жало. — А ты кто?

— Кэрэндрейк.

— Один из прислуги, да? — утирая рукавом слезы, предположила Жаклин.

— А ты кто? — Кэрэн решил, что не будет раскрывать свой титул, посчитав это забавным.

— Я, к твоему сведению, одна из кандидаток в преемники к мастеру Жало, — с гордо поднятой головой произнесла Жаклин.

— И что же заставило столь важную личность лить слезы? — поинтересовался Дрейк.

— Это все Сара виновата!

— Сара?

— Она, как и я, кандидатка мастера Жала.

— Что она такого сделала?

— Она спрятала мой стилет. Мастер Жало узнала об этом и вместо того, чтобы наказывать Сару, отчитала меня.

— За то, что ты позволила его спрятать?

— Именно, — Жаклин со злости ударила своим кулачком стену.

— А ты спрячь её стилет, — предложил Кэрэндрейк. — Или даже саму Сару.

— Саму Сару? Как ты себе это представляешь? — усмехнулась собеседница.

— Как-нибудь.

— А поконкретнее?

— Кроме мастера никто не смеет вмешиваться в дела его кандидатов. Даже другой мастер. А уж об услуге я вообще молчу.

— Ты прав, — вздохнула девочка. — Но всё равно спасибо, мне стало чуть легче.

С тех пор Кэрэндрейк и Жаклин периодически встречались под винтовой лестницей, где проводили время за разговорами. Так прошло два года.

— Я боюсь, — призналась восемнадцатилетняя Жаклин четырнадцатилетнему Кэрэндрейку. — Очень боюсь.

— Страх будет тебе только мешать, — заметил Кэрэн.

— Знаю, — вздохнула Жаклин, — но ничего не могу поделать.

Через два дня ей предстояло сойтись на Священной Дуэли с Сарой за место преемницы мастера Жала, после чего, через месяц, победившая должна была сразиться с самой Карательницей за титул.

— Представь, что это обычная тренировка, — предложил Дрейк. — Вы ведь часто занимались подобным.

— На сей раз мы будем сражаться насмерть. Одна из нас должна будет умереть.

— Если ты станешь Карательницей, у тебя каждая битва будет насмерть.

— Одно дело расправляться с предателями, а другое — с Сарой. Она мне, конечно, столько всего сделала, но мне будет грустно без неё.

— Но если ты проиграешь или откажешься, то умрешь, — заметил Коготь. — Хочешь своей смерти?

— Нет, — ответила Жаклин. — И вообще, какого черта малолетняя услуга лезет ко мне со своими советами?

— Могу уйти, — Дрейк сделал вид, что собирается уходить.

— Стой, — девушка схватила его за край одежды. — Не надо. Посиди со мной ещё.

— Как скажешь.

— И почему мастеру Жало потребовалось так внезапно устраивать Священную Дуэль? Всё ведь было так хорошо. Да у неё по семь пятниц на дню!

— Правильно говорить: «семь пятниц на неделе», — поправил Кэрри.

— Это у всех на неделе, — возразила Жаклин. — А у нее — на дню.

На следующее утро Кэрэндрейк отправился на задание, а когда вернулся с него, Жаклин была уже не кандидаткой, а преемницей. Как у преемницы, у неё не было времени приходить под лестницу, поскольку за оставшийся месяц она должна была выучить всё, что покажет ей четвертая из Карателей. Они не виделись вплоть до дня Священной Дуэли.

Одолев в смертельной схватке своего мастера, став новым Жалом Сокрытого Ордена, Жаклин покинула комнату Священной Дуэли. Помимо старого Бивня по имени Иртон, Шкуры и Языка, которые сидели перед комнатой еще до начала Дуэли, ибо считали своим долгом воочию убедиться в её результатах, об исходе сражения пришел узнать еще один человек.

— Моё почтение, мастер Коготь, — поспешила первой поприветствовать Кэрэндрейка Язык.

— Признаться честно, мастер Коготь, я удивлен, что Вы заинтересовались результатами Священной Дуэли, — несмотря на то, что Дрейк убил предыдущего Шкуру, нынешний егс боготворил.

— Мастер Коготь, — Бивень также не мог остаться в стороне. — Могу я Вам чем-нибудь помочь?

— Ничем, — отрезал Кэрэндрейк, после чего окинул взглядом Жаклин и ушел.

— Он... — прошептала она, глядя вслед уходящему Дрейку.

— Мастер Коготь, — ответила Язык. — Самый молодой и в то же время сильнейший в Братстве.

Как только у Жаклин появилось свободное время, она тут же побежала под винтовую лестницу. Кэрэндрейк уже был там.

— Что всё это значит? — требовала объяснений новоиспеченная Жало.

— Меня забавляло то, что ты приняла меня за службу, — честно ответил Кэрэн. — К тому же, с тобой было весело коротать время.

— Ты... действительно Коготь?

— Да.

— Да меня казнить могли за то, как я к тебе обращалась! — воскликнула Жаклин. — Черт возьми, и за то, что я сейчас сказала тоже... Простите мне моё поведение, мастер Коготь.

Кэрэндрейк ничего не сказал. Если то, что было между ними до этого момента, можно было назвать дружбой, то она закончилась с того момента, как Жаклин обратилась к нему не как к Кэрэндрейку, а как к первому из Карателей. Больше они под винтовой лестницей не встречались.

Вскоре Кэрэндрейк на полгода уехал из Ордена, поскольку настала его очередь проверять работу Масок, в числе которых была и мэйринская. Молодая Шарлотта не ожидала, что проверить работу её отца придет Каратель, который будет младше неё.

Время шло. На протяжении всех лет с тех пор, как Кайл привел Кэрэндрейка в Орден, Дрейк прилежно исполнял все обязанности Когтя. Когда ему исполнилось семнадцать лет, настала пора сделать то, что он планировал с самого начала.

— Старая Ведьма не предавала Сокрытый Орден, — прошептал Кэрэндрейк, поднимаясь на самый верх главной из башен на архипелаге Триада. — Это Орден предал её. И мой долг, как первого из Карателей, покарать Сокрытый Орден.

Священная сорокаконечная Звезда находилась на самом верхнем этаже башни. Она

тщательно охранялась, но никто и слова не сказал Кэрэндрейку, который вошел в залу с ней, поскольку никто и предположить не мог, что собирается сделать мастер Коготь. Звезда была прикована к каменному пьедесталу цепями, которые Дрейк с легкостью разорвал.

Плоская, источающая слабое свечение Звезда с сорока лучами была похищена сильнейшим из Карателей Сокрытого Ордена.

— Что ты творишь?! — закричал Бивень, увидев, как Кэрэндрейк покидает залу со Священной Звездой.

— Ухожу, — как ни в чём не бывало ответил Коготь. — А её беру в качестве сувенира на память.

— Не позволю!!! — взревел Бивень Иртон и бросился в атаку на Кэрэндрейка.

— Если бы моим противником был не ты, или твоим — не я, — вздохнул Дрейк, глядя на мертвое тело Бивня, — ты был бы жив. Я не собирался тебя убивать и целил свой кинжал не в жизненно важные места. Но ты решил увернуться, и впервые в жизни я промазал, вонзив кинжал тебе в сердце. Какая ирония. Советую вам, — обратился он к охранникам залы со Звездой, готовым напасть на похитителя в любой момент, — не пытаться ничего сделать. Мне нет смысла убивать вас, а вы даже ранить меня не сможете.

Так первый из Карателей покинул Сокрытый Орден, войдя в его историю не только как сильнейший Коготь, но и как проклятие. Потеря Звезды нанесла Ордену серьезный ущерб, поскольку она была символом власти Совета Мудрейших. Но Совет не смел отправлять никого за Кэрэндрейком, ведь, чтобы одолеть его, Ордену пришлось бы пожертвовать большей частью своих членов, и, вероятнее всего, лишиться как минимум половины Карателей, что вкупе с потерей Звезды означало для Ордена смерть. Поэтому Совет приказал ни в коем случае не трогать Когтя.

Поскольку по правилам Сокрытого Ордена титул переходит к преемнику только со смертью мастера, даже покинувший Орден Кэрэндрейк всё ещё оставался Когтем. Он сделал то, что планировал — лишил Орден Священной Звезды, которую, как и ожерелье Карателя, доставшееся ему от Ведьмы Де Моны, носил на шее. Теперь он мог жить для себя, не исполняя ни чьих приказов, не изображая из себя верного пса. С возрастом Дрейк потерял былой интерес к человеческим смертям, ведь за время работы на Орден убийства стали для него обыденностью. Он путешествовал по миру, изображая из себя слабого, неспособного к сражениям человека.

И вот, однажды он был разбужен голосами пятерых мужчин, планировавших продать в рабство наивную девушку.

Из следующей главы вы узнаете о том, как раскрылось истинное лицо первого из Карателей, и о том, какой путь он выбрал.

===== Часть 5."Коготь". Глава 45 =====

О том, как раскрылось истинное лицо первого из Карателей, и о том, какой путь он выбрал

— Кэрри? — дрожащим голосом произнес Вэй, не ожидавший увидеть подобную картину.

— Убью!!! — взревела Жаклин и попыталась наброситься на Кэрэндрейка, но Клык её остановил, заставив потерять сознание от удара по основанию головы.

— Её истерика будет только мешать, — пояснил Кайл.

— Он первый напал на меня, — Дрейк провел по волосам испачканной в крови Бивня рукой. — Я всего лишь сказал, что полуденный сон в Мэйрине — моя заслуга.

— Значит, лекарь, путешествующий вместе с ними, — ты, — догадался Клык, кивнув в сторону Зелориса и товарищей. — Готов поспорить, они не знали, кто был с ними всё это время.

— У тебя всё? — проигнорировал замечание Кайла Коготь.

— Нет, не всё. Где Звезда?

— Звезды обычно на небе и видны только ночью, — улыбнулся Кэрэндрейк.

— Ты понял, о чем я, Кэрэн! Я говорю о Священной Звезде Сокрытого Ордена.

— Не смей называть меня «Кэрэн»! — закричал Дрейк. — Мое имя — Кэрэндрейк.

Кэрэндрейк! Не Кэрри, не Кэрэн, а Кэрэндрейк.

— Где Звезда Ордена? — холодно спросил Клык.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Она больше не Звезда Ордена, — спокойно ответил Коготь. — Она моя.

— Мне следовало убить тебя в момент нашей первой встречи, когда тебе было шесть лет, — вздохнул Кайл.

— Что мешает попытаться сделать это сейчас? — ухмыльнулся Дрейк.

— Я не самоубийца. Не хочу повторить его судьбу, как, впрочем, и судьбы ещё четверых убитых тобой членов Братства.

— Ты занижаешь свой уровень, Кайл. Не сравнивай себя с этим недоучкой.

— Он «недоучка» по той лишь причине, что три года назад ты убил предыдущего Бивня, Кэрэндрейк, — заметил Клык.

— Так уж вышло, — пожал плечами Кэрэн. — И так будет с любым, кто попытается напасть на меня или хоть пальцем тронуть их, — Дрейк указал на Рэйну, Зелориса, Вэя и Гордиславу. — Так Ордену и передай. Я не буду вас трогать, пока вы не трогаете меня, но стоит вам попытаться обидеть одного из этих четверых, даже если меня в тот момент с ними не будет, позже я заставлю Орден страдать.

— Передам, — согласился Клык. — Только вот, не думаешь ли ты, что в одиночку справишься со всем Орденom?

— Совет Мудрейших неспроста не стал трогать меня после того, как я помахал Ордену рукой на прощанье, — сказал Дрейк. — Я трезво оцениваю ситуацию, знаю свои силы и без преувеличения могу сказать, что, если я захочу уничтожить Сокрытый Орден, я это сделаю. Да. Если вы нападете всем скопом, то даже я этого не переживу. Однако перед смертью я успею забрать с собой добрую половину Братства и ещё многих и многих представителей других слоев Ордена. Не думаю, что Совету удастся после этого восстановить былое величие, верно?

— Воистину ты — проклятье, посланное Ордену старой Ведьмой, — вздохнул второй из Карателей.

— Не Ведьмой, — поправил Кэрэндрейк. — Орден сам сделал для этого всё возможное.

— Я отчитаюсь перед Советом и передам ему твои слова, — произнес Кайл, закидывая спящую Жаклин себе на плечо. — И постараюсь сделать так, чтобы наши пути никогда больше не пересекались.

— Удачи тебе в этом начинании! — крикнул Кэрэндрейк уходящему Клыку. — Что ж, — обратился он к друзьям. — Похоже, теперь пришла пора расстаться. Они больше не побеспокоят вас. И спасибо за всё, мне было весело с вами.

— Подожди, — скомандовала Рэйна. — Ты действительно Коготь?

— Да. Прости, что не говорил.

— Да это же просто здорово! — от радости собирательница легенд даже хлопнула в ладоши. — Мой друг — легендарный Каратель!

— Ты с ума сошла?! — от удивления глаза Кэрэндрейка округлились. — Какого черта ты радуешься? Где «Как я могла тебе доверять» или «Уйди с глаз моих, убийца»?

— Но это ведь ты, Дрейк. Я не могу не доверять тебе. Ты сам как-то сказал, что у всех есть вещи, о которых не хочется рассказывать.

— Мы с Вэем убили многих на Монфридской «Охоте», — чуть слышно прошептал Зелорис.

— Но меня ещё ни одна красавица не прогоняла подобными фразами, — поддержал Вэй.

— Нашли с чем сравнить, — вздохнул Кэрэн.

— Чтоб ты знал, — вмешалась Гордислава, — я не собираюсь увеличивать твою оплату в конце нашего путешествия, несмотря на то, что ты, как оказалось, можешь предложить услуги не только... эм... лекаря.

— То есть, я так понимаю, прогонять вы меня не собираетесь, — высказал предположение Коготь.

— У, — подтвердил Зелорис. — Но ты ответишь на наши вопросы.

— Да без проблем! — ухмыльнулся Дрейк. Он был рад, что, несмотря на титул Когтя, друзья не отвернулись от него.

— Только сначала смой с себя всю кровь, пожалуйста, — попросила Гордислава.

Когда Кэрэндрейк смыл с себя принадлежавшую Бивню кровь и переоделся в чистую одежду, он вышел к друзьям, которые уже ждали его. Благодаря тому, что пятеро путников были единственными постояльцами этого постоянного двора, никто не мог им помешать.

— Можно я буду первый? — поинтересовался Вэй Арэн.

— Да хоть сто первый, — пробубнил Дрейк.

— Как лучше: «Кэрри» или «Кэрэн»?

— Ты действительно хочешь знать, почему меня прозвали сильнейшим из Карателей?

— Вопрос отпал.

— Надо же, какой ты стал покладистый! — усмехнулся Кэрри.

— Моя очередь, — прошептал Зелорис. — Почему ты ничего не сделал во время «Охоты»? Если ты один из Карателей, для тебя не составило бы труда сделать так, чтобы никто не погиб.

— Поправка: «никто из «охотников» не погиб», — прохладным тоном произнес Кэрэндрейк. — Ты это хотел сказать?

— У.

— Начну с того, что я вообще не хотел принимать участие в «Охоте». Меня силой втянули туда. Я мог бы вмешаться, только если бы Рэйне грозила опасность, но я следил, чтобы ей ничего не угрожало. Если бы нечто подобное проходило сейчас, то я вмешался бы, лишь если б кто-то из вас оказался в опасности. Герой у нас ты, Зелорис. Я — нет.

— Почему такой человек, как ты, путешествует с нами? — задала свой вопрос Гордислава.

— Не знаю, как вы, но я вас считаю друзьями.

— Что значит «не знаю, как вы», Кэрри? — возмутился Вэй. — Не считай я тебя своим другом... я бы не называл тебя «Кэрри»!

— У, — подтвердил Зел. — Но ведь ты не сразу стал считать нас друзьями.

— Мне было нечего делать, — признался Коготь. — К тому же, разве мог я бросить на произвол судьбы это воплощение Всемирной Наивности?

— Это кто тут наивный? — обиделась малышка Рэй.

— О, да, конечно же... Прости-прости, — изобразил согласие Кэрри, после чего указал пальцем на окно. — Смотрите, в небе дракон!

— Где?! — восторженная собирательница легенд подбежала к окну и принялась вертеть головой, выискивая в небе несуществующее создание.

— О чем я и говорил, — вздохнул Кэрэндрейк.

— Это было жестоко, — надула щечки Рэйна, осознав, что над ней подшутили. — Я требую компенсации за нанесенную мне душевную травму.

— Я не смогу поймать тебе дракона, поскольку их не существует, — предугадал ход мыслей девушки Дрейк. — Лепрекона и фею также поймать не смогу.

— В таком случае, позволь написать о тебе песню.

— Малышка Рэй, — вмешался Вэй Арэн. — Не думаю, что это хороший вариант. Я так понимаю, Кэрри, у тебя с Орденом сейчас не очень хорошие отношения?

— Ситуация довольно сложная, — задумался Коготь. — По сути, меня можно назвать предателем, но это не совсем так, хотя и не далеко от правды.

— Попроси в качестве компенсации кленовый сироп, — предложил Зелорис.

— Он же не тебе душевную травму нанес, — заметила Гордислава.

— Но кленовый сироп — это очень вкусно, — почти незаметно улыбнулся мечник.

— Братец Зел в своем репертуаре, — усмехнулся Вэй.

— Кэрэндрейк, у меня есть ещё один вопрос, — деловым тоном произнесла северянка. — Получается, что Священную Звезду Сокрытого Ордена украл ты?

— Да, — ответил Дрейк, после чего снял Звезду с шеи и положил на стол перед друзьями. — Вот она. Простите, из-за этого жалкая мэйринская Маска доставила вам проблем.

— Кэрри, давай лучше забудем ту историю, — попросил Вэй, рассматривая сокровище, принадлежавшее некогда Сокрытому Ордену. — В том происшествии больше всех моей вины, если уж на то пошло.

— Никто не виноват! — вмешалась Рэйна. — Всё закончилось хорошо, и нет смысла винить друг друга.

— Я не собиралась обвинять тебя в том, что из-за потери Орденом Звезды мэр Эролайн захотел обзавестись новой, — сказала Гордислава. — Но я хочу узнать: ты ведь не собираешься похищать Звезду Севера? Честь увидеть ее не выпадает кому попало, особенно чужакам...

— Звезда Севера мне не нужна, — поспешил успокоить северянку Коготь. — Мне нужно было нанести удар Ордену, предавшему воспитавшую меня Ведьму Де Мону, предыдущего Когтя. И лучшим способом было стать сильнейшим из всех Карателей, после чего уйти, взяв на память то, чем так дорожил Совет Мудрейших.

— Скажи, Кэрри, — обратился к нему лучник.

— Кэрэндрейк, — процедил сквозь зубы Дрейк.

— Не проси невозможного, я не смогу тебя так называть. Верно, братец Зел?

— У.

— Кэрри, скажи, а тогда в Мэйрине крошка Лотти знала о том, что ты один из Карателей? — спросил Вэй Арэн.

— Да. Иначе бы она мне ничего не рассказала и не стала помогать из-за страха перед отцом. Я попросил её не распространяться на эту тему. К слову, она очень за тебя переживала.

— Тогда всё встало на свои места, — улыбнулся лучник. — А то мне показалось странным её поведение при расставании.

— Точно, — вдруг оживился Зелорис. — Надо Капе рассказать. А то она одна ничего не знает.

— Зел, она лошадь, — Кэрэндрейк не мог сосчитать, в какой раз он говорит эту фразу.

— Но это не означает, что её можно лишать возможности узнавать важную информацию! — вступилась малышка Рэй.

— Делайте, что хотите, — вздохнул Коготь.

— Лучше не вступать в спор, если заранее знаешь, что проиграешь? — улыбнулся Вэй.

— Не люблю делать бессмысленные вещи, — улыбнулся в ответ Кэрэндрейк.

— Дрейк, — нарочито ласково обратилась к нему Рэйна. — Расскажи, пожалуйста, о каком-нибудь интересном задании, которое ты выполнял, служа Ордену, ладно? Я только наверх за бумагой сбегаяю.

— Ничего интересного в убийствах нет, — возразил Коготь, когда-то считавший обратное.

— Вредный, — буркнула оставшаяся без интересной истории их собирательница.

— Каким вырос, — ответил Дрейк.

Они проговорили ещё несколько часов, пока от усталости у путников не стали слипаться глаза. Кэрэндрейк рассказал друзьям всё: как растила его Ведьма Де Мона, как он впервые убил, как он наблюдал, анализировал и перенимал, когда за Ведьмой было послано три отряда из Ордена, как после смерти Ведьмы и сражения с третьим отрядом Клык привел его в Братство, как он жил на протяжении следующих одиннадцати лет, исполняя приказы Совета Мудрейших, и как он украл у Сокрытого Ордена Священную Звезду. Рассказав всё, Кэрэндрейк почувствовал невероятное облегчение: несмотря ни на что его, друзья оставались с ним.

Следующая глава открывает новую часть повествования, в которой друзьям придётся разделиться.

===== Часть 6. “Разделение”. Глава 46 =====

О том, как город-призрак, расположенный на старом караванном пути, оказался не совсем городом-призраком

Пришедший в упадок с падением Трилунской Империи караванный путь больше не использовался по своему назначению, а из расположенных на нем немногочисленных городов большая часть превратилась в города-призраки. В один из них и прибыло пятеро путников.

Город-призрак, «при жизни» называвшийся Зарса, был самым западным из городов-призраков караванного пути, отчего опустел сравнительно недавно: всего полтора года назад. Дома выглядели так, будто бы их только что покинули, за исключением того, что все ценные вещи хозяева унесли с собой, а то, что не унесли, прихватили мародеры. Если игнорировать отсутствие ценностей и толстые слои пыли на оставшейся мебели, можно было подумать, что все жители просто прячутся в своих домах от пустынного зноя.

— Так вот он какой, город-призрак, — с любопытством оглядываясь вокруг, произнесла Гордислава.

— Давайте сначала на постоянный двор, а уже потом осматривать окрестности, — предложила Рэйна, не желавшая более ни минуты проводить на солнцепеке.

— Постоянный двор? — изумился Дрейк. — Это город-призрак. Здесь...

— Но когда-то ведь был, — перебила собирательница историй. — Пусть все дома опустели, но всё равно у них должны остаться хозяева, живущие сейчас в других городах. Будет неприлично заходить в их дома без разрешения.

— Кэрри, ты сам знаешь, что даже тебе не переубедить малышку Рэй, — вмешался Вэй Арэн. — Поэтому, прошу тебя, не спорь. Чем скорее мы скроемся от этого палящего солнца, тем лучше. Иначе я долго не протяну.

— У, — поддержал Зелорис.

— Одно не пойму, — обратился Вэй к Гордиславе. — Как ты, выросшая на Севере, переносишь эту жару?

— Смотрите! То здание выполнено в Трилунском стиле, — указала северянка рукой на двухэтажное строение.

— Бесполезно, Вэй, — вздохнул Кэрэндрейк. — Она слишком увлечена, чтобы обращать внимание на жару. Твой вопрос даже не был услышан.

— У, — подтвердил братец Зел.

Благодаря упрямству, энтузиазму и усилиям Рэйны опустевшее здание, некогда гордо звавшееся постоянным двором, вскоре было найдено. Здание бывшего постоянного двора было сделано из камня и находилось в превосходном состоянии, несмотря на опустение. Про деревянные конюшни, являвшиеся пристройкой к нему, подобного сказать было нельзя: древесина кое-где прогнила, в силу чего был велик риск крушения крыши. Разумеется, Зелорис не мог позволить Капе даже войти в них, но и под палящим солнцем оставить её тоже не мог. Однако решение нашлось быстро, и мечник молча завел свою лошадь на сам постоянный двор.

— Как здорово! — воскликнула Рэйна. — Капа будет спать с нами под одной крышей.

— Главное, чтобы к утру здесь не воняло, как в конюшнях, — проворчал Кэрэндрейк.

— Какой ты чувствительный, Кэрри, — заметил Вэй.

— Может быть, нам вещи с повозки тоже занести? — предложила Гордислава.

— Зачем? — улыбнулся лучник. — Мы же одни в этом городе, следовательно, никто их не украдет.

— И дождя не предвидится, — добавил Зелорис.

— Гордислава отчасти права, — вмешался развалившийся на лавке Дрейк. — Занести вещи было бы не плохо: не более двух дней назад по городу проходила целая толпа. Но поскольку мне даже пальцем шевелить лень, позволю себе перенять у Рэйны наивности и оптимизма и буду считать, что те люди уже далеко ушли и ворами не являются.

— Ты слишком мнительный, Кэрри, — вздохнул Вэй. — Я предлагаю даже ночное бдение не устраивать.

— У, — поддержал Зел. — Пусть и бывший, но это постоянный двор.

По сложившейся традиции, если друзьям предстояло ночевать под открытым небом или в пещерах — во всех местах, помимо постоянного двора, Зелорис, Вэй Арэн или Кэрэндрейк по очереди охраняли сон своих товарищей. Но сейчас жар пустыни и невыносимый зной настолько утомили путников, что им захотелось напрочь забыть обо всех возможных опасностях и думать лишь об отдыхе.

Как только стемнело, странники погрузились в сон. Зелорис, Вэй Арэн и Кэрэндрейк

остались на первом этаже и спали прямо на лавках, а Гордислава и Рэйна поднялись на второй этаж, где улеглись на кровати. Четверо друзей спали крепко и безмятежно, чего нельзя было сказать о малышке Рэй, разбуженной беспощадным кошмаром уже через тридцать минут после закрытия глаз.

Рэйна села на кровати и отдышалась. Ее бил холодный пот, капельки которого скатывались по гладкой коже собирательницы историй, унося с собой желание продолжать сон. Девушка провела рукой по волосам и посмотрела в окно.

Лунный диск освещал стены зданий города-призрака, некогда бывшего живым. Рэйна подумала о том, что города чем-то похожи на людей: также рождаются, живут и умирают. Родившийся на караванном пути город Зарса никогда не знал одиночества: сотни караванов проходили через него каждый год, тысячи людей ступали по его грунтовым дорогам, улицы Зарсы никогда не ведали тишины, поскольку голоса людей не утихали даже ночью. Город жил. Когда десять лет назад Трилунская Империя исчезла за одну ночь, караваны перестали ходить, улицы города больше не были столь многолюдны, а по ночам на город опускалась тишина: он засыпал. Приезжих практически не было, а вскоре и жители Зарсы стали постепенно покидать свои дома, уезжая жить на другие территории. Город стал засыпать раньше, а просыпаться позже. Однажды, заснув, Зарса уже не проснулся. Опустевший, лишенный своих жителей город умер. Город умер, но о людях, еще полтора года назад ступавших по его улицам, напоминали оставленные ими в покинутых домах вещи. Время ещё не успело разрушить здания, отчего Зарсу можно сравнить с покойником, который ещё не успел остыть. Казалось, что стоит Солнцу подняться над горизонтом, воцарившись в безоблачном небе, люди покинут свои дома, выйдут на улицы, и город проснется, вновь оживет.

Размышления Рэйны прервал доносившийся снаружи шорох. Девушка высунулась в окно, чтобы найти источник шума, но так как тот уже стих, любопытство собирательницы историй осталось неудовлетворено. Вздохнув, малышка Рэй хотела вернуться в прежнее положение, но случайно стукнулась затылком об оконную раму, посему потеряла равновесие и чуть не выпала из окна. Девушку спасло то, что она вовремя успела зацепиться руками за подоконник. Решив, что хватит с неё приключений, собирательница историй с осторожностью «вернулась» в комнату. Однако стоило ей это сделать, как снаружи донесся лязг металла, а вслед за ним приглушенная ругань. Помимо пятерых путников в Зарсе был кто-то ещё.

Рэйну охватило чувство тревоги, и она быстро, как только могла, спустилась на первый этаж, чтобы сообщить друзьям об этом.

— Чего? — спросонья проворчал Кэрэндрейк, которого собирательница историй вновь решила разбудить первым.

— Снаружи кто-то есть, — взволнованно ответила Рэйна, прекратив теребить его за плечо и принимаясь за пробуждение Зелориса.

Разбуженный внезапным прикосновением к своему предплечью мечник от неожиданности вскочил на ноги, перед этим случайно задев сапогом колено Вэя, спавшего на соседней лавке.

— Снаружи кто-то есть, — повторила Рэйна, не дав разбуженному случайным пинком Вэю высказать Зелорису свои мысли по поводу ушибленного колена.

— У? — переспросил Зелорис, сдерживая зевок.

— Сначала шорох, — протараторила собирательница легенд, — потом лязг, а затем

голоса.

— Что за голоса? — оживился Вэй Арэн. — Милое хихиканье прелестных красавиц?

— Нет, — возразила малышка Рэй, — грубая мужская ругань.

— Может, это такие же путники, как и мы, — предположил Зел.

— Не похоже, — возразил Кэрэндрейк, на протяжении всего времени после пробуждения прислушивавшийся к звукам снаружи. — Они крадутся и прячутся.

— Что же нам делать? — пролепетала Рэйна.

— Давайте натравим на них Кэрри, — предложил Вэй.

— Давай лучше я на тебя сейчас натравлюсь, — ответил Дрейк, снова укладываясь на лавку. — Вас с Зелом и двоих хватит, а я нанят как лекарь, и вмешиваться буду, лишь если ваша встреча с врагами будет грозить увеличением моей «целительской» работы.

— Я пойду, — прошептал Зелорис, взял в руки меч и направился к выходу.

— Удачи, — пробормотал Кэрри и закрыл глаза.

Зелорис подошел к двери и прислушался. Спустя несколько секунд его доселе безэмоциональное лицо вдруг показало, что и оно может отображать чувства мечника: глаза округлились от возмущения, брови сдвинулись от гнева, губы искривились от злости. Если бы Зелорис не стоял спиной к своим друзьям, Рэйна, увидев такое лицо товарища, вскрикнула бы от испуга.

Дверь распахнулась, Зелорис с мечом наголо вышел на улицу, и от испуга вскрикнуло двое крепких мужчин, отступило на шаг назад ещё трое, а двое их товарищей выронили из рук сумку с вещами Гордиславы, которую, как и другие вещи пятерых путников, пытались стащить с оставленной снаружи повозки.

— Красть — плохо, — прорычал угрюмый мечник, медленно приближаясь к семерым ворам.

— Мы больше не будем, — пролепетал вцепившийся в лютню собирательницы историй самый молодой из воришек.

— Верните вещи назад, — потребовал Зелорис.

— Х-хо-хорошо, — поспешно кивнул головой второй вор и вместе с остальными принялся укладывать обратно в повозку украденные из неё вещи.

— Всё вернули? — холодно спросил Зелорис, когда семеро воров всем своим видом показали, что закончили выполнять требования мечника.

— Разумеется, — словно возмущаясь тому, что мечник мог предположить обратное, произнес худощавый вор.

— Проверю, — прошептал Зелорис.

— Подождите! — встрепенулся низкорослый воришка и принялся судорожно вытаскивать из карманов, рукавов и складок одежды то, что первоначально возвращать не собирался.

Его примеру последовали и остальные воров. Когда всё украденное у пятерых путников вернулось на свое место, Зелорис, убрав меч в ножны, сказал:

— В качестве наказания вы будете всё это охранять до того, как мы с друзьями отправимся в путь.

— Охранять? — переспросил один из воришек.

— Здесь могут быть ещё люди, такие, как вы, — объяснил Зелорис. — Вы будете следить за тем, чтобы с этой повозки ничего не украли. Как и саму повозку. А я пойду спать. Но если утром я не обнаружу здесь вас, хотя бы одну из вещей, все вещи или повозку, то до

вечера вы не доживете, как бы не старались.

— А с чего ты взял, что мы будем тебя слушаться? — усмехнулся самый наглый из воров.

— Не будете? — лицо Зелориса не выражало никаких эмоций в то время, как его рука ласково гладила рукоять меча.

— Будем! — поспешил воскликнуть низкорослый воришка. — Вы можете спокойно предаваться сну, молодой господин, и не беспокоиться, что с вашим добром что-либо случится.

— У, — кивнул Зелорис, затем направился обратно к друзьям.

Стоило мечнику переступить порог, как на него тут же набросилась Рэйна.

— Ну как? — спросила она.

— У, — ответил Зел. — Всё в порядке. Почти.

— Почти? — не поняла собирательница историй.

— У, — подтвердил Зелорис, после чего обратился к Вэю: — Вэй-Вэй, ты можешь через минуту выпустить наружу стрелу? Всё равно куда она попадет.

— Без проблем, братец Зел. Но зачем?

— Чтобы всё было в порядке, — малозаметно улыбнулся Зелорис. — Без «почти».

Тем временем, тихонько посмеиваясь над беспечностью мечника, поставившего охранять свои вещи тех, кто собирался их украсть, семеро воров вернулись к тому, с чего начали: к растаскиванию вещей из повозки. Но стоило им войти во вкус, как из приоткрытой двери вылетела стрела, со свистом пролетела мимо одного из воришек и вонзилась в шляпу другого, которую захватила с собой в полет и пригвоздила к земле у ног третьего. Все семеро воров синхронно вздрогнули, после чего аккуратно вернули всё на свои места и больше попыток украсть вещи пятерых путников не предпринимали.

На рассвете на улицу вышел Кэрэндрейк и первым делом направился проверять сохранность вещей в повозке.

— Не подходи! — скомандовал самый крепкий и рослый из воров, преграждая Дрейку путь к вещам. Он догадывался, что перед ним один из друзей мечника, но не собирался никого, кроме мечника, подпускать к повозке, чтобы показать, как ответственно он и шестеро его товарищей подошли к выполнению задания по охране.

— Что? — высокомерно окинул вора взглядом достигавший ему лишь до груди Кэрэндрейк.

— Никому, кроме господина мечника, не дозволено приближаться к повозке, — поддержал товарища низкорослый вор, не достававший и до груди Кэрэндрейку.

— Забавно вы вместе смотрите, — прокомментировал Кэрри, после чего, плавно обогнув всех семерых воришек, за доли секунды приблизился к повозке. — Всё на месте. Молодцы. Свободны.

— Эй-эй-эй, — возмутился худощавый вор. — Нам велел охранять эти вещи господин мечник, и пока он не отпустит нас, мы никуда не уйдем.

— Как хотите, — пожал плечами Дрейк и лег в повозку. — А я вздремну. Нет желания продолжать слушать храп Вэя.

Молодой вор хотел было потребовать, чтобы Кэрэндрейк ушел с повозки, побоявшись гнева мечника, но старый вор остановил его, поскольку внутренний голос подсказывал, что за этим гневом мечника не последует, а если и последует, — то это будет менее страшно, чем гнев того, решившего поспать в повозке, человека.

А вскоре после этого вышел и сам Зелорис, похвалил воров за проделанную работу и отпустил, предупредив, что для их же блага будет покончить с воровством раз и навсегда.

Из следующей главы вы узнаете о том, как пятеро путников и лошадь пересекали Центральную Пустыню, и о том, кого они встретили.

===== Часть 6. “Разделение”. Глава 47 =====

О том, как пятеро путников и лошадь пересекали Центральную Пустыню, и о том, кого они встретили

Меня зовут Капа, и я лошадь. Я говорю это, если кто вдруг забыл. Последнее время у меня начинает складываться впечатление, что об этом забыл Кэрэндрейк, поскольку за последнюю неделю он трижды назвал меня «Тупая кобыла» и дважды «Нерасторопное создание».

Надо сказать, что сам он довольно сильно изменился за последнее время. Насколько я поняла, причиной этого стало то, что он открыл свой секрет. Вэй рассказал мне, секретом Кэрэндрейка является то, что он «Коготь». Как по мне, так лучше бы Кэрэндрейк был «Копытом», потому что когти имеются у хищных животных, которых я не люблю, ведь многие из них едят лошадей, а копыта есть и у меня.

Когда Кэрэндрейк только начал меняться, в его поведении чувствовалась некоторая неуверенность. Мне показалось, что он волновался, как на какой-либо его поступокотреагируют остальные. Но уже через три дня вся неуверенность пропала, сменившись чрезмерной наглостью. Он даже позволил себе дать подзатыльник Вэю, чего раньше никогда не делал. Хотя... в этой ситуации Вэй сам был виноват. Я знала, что рано или поздно он всё же пострадает из-за того, что назвал Кэрэндрейка «Кэрри». Правда, уже спустя несколько минут после получения Вэем подзатыльника мне стало жалко Кэрэндрейка, потому что за Вэя заступилась Рэйна и поругала Кэрэндрейка. Хозяину же произошедшее показалось смешным, но кроме меня это никто не заметил.

Я чаще всех замечаю, когда хозяину весело или грустно, когда он счастлив или когда он печалится. Конечно, Гордислава, Вэй Арэн, Кэрэндрейк и Рэйна тоже умеют различать эмоции хозяина, но не так хорошо, как я. Хозяину повезло, что именно я его лошадь.

Однажды я представила, что бы было, если бы лошадью хозяина была бы не я, а кто-нибудь из его друзей. Если бы лошадью хозяина была Рэйна, то она бы слушалась хозяина, но ему приходилось бы следить, чтобы её никто не украл, как следит за ней Кэрэндрейк. Если бы Кэрэндрейк был конем хозяина, то хозяину пришлось бы мириться с тем, что тот будет устраиваться на ночлег не тогда, когда это понадобится хозяину, а когда захочется Кэрэндрейку. Но это было бы лучше, чем если бы конем хозяина был Вэй Арэн, ведь тогда у хозяина появились бы проблемы, ведь для Вэя были бы важнее другие лошади, а не хозяин. А если бы лошадью хозяина была Гордислава, то, скорее всего, не она бы тащила повозку, а хозяин. Причем не только повозку, но и Гордиславу.

Мы продолжаем свое путешествие и держим путь на восток. Мы прошли уже через десять из одиннадцати городов, расположенных на старом караванном пути, и шесть из них оказались «городами-призраками», так их назвал Вэй. В последнее время из-за сильной жары Вэй Арэн на удивление мало разговаривает, когда управляет повозкой, но про то, что безлюдные города, похожие на опустевшие конюшни, называются «городами-призраками», он мне рассказал. Раньше я и подумать не могла, что подобные города существуют: не разрушенные ни от пожара, ни от набега врагов, а просто опустевшие. Я всегда считала, что люди больше привязаны к своим домам, чем мы, лошади, к конюшням, поэтому я до сих пор

не могу понять, почему жители этих городов покинули свои жилища.

В первом городе, который нам встретился на караванном пути, Тайре, нас покинула Диира, наш проводник. Надо сказать, что я даже обрадовалась этому, потому что в Диире я не ощущала того, что ощущаю у хозяина и его друзей, поэтому она мне не понравилась. Насколько я поняла, Дииру испугало то, что Рэйна влезла в неприятности. Странная женщина. Зачем пугаться привычных вещей?

Во втором городе, Орне, от Кэрэндрейка пахло кровью. Этот запах был не таким, как если бы Кэрэндрейк лечил чьи-то раны или сражался, защищая свою жизнь, это был запах крови, исходящий от хищника, отнявшего жизнь у своей жертвы. После этого момента в характере Кэрэндрейка как раз и произошли те изменения, о которых я уже говорила.

Зарса — третий из повстречавшихся нам на караванном пути городов, был первым повстречавшимся нам городом-призраком. Когда мы вошли, то не встретили в городе ни одного человека. Хозяин заметил мое волнение по этому поводу и позволил ночевать не в конюшнях, а под одной крышей с ним и остальными. Хозяин замечательный человек! К тому же, он доблестно разобрался с ворами, задумавшими обокрасть повозку. Хотя, если бы её обокрали, мне было бы намного легче, ведь везти столько вещей, управляющего повозкой и Гордиславу в такую жару очень утомительно. Но я не жалею, потому что без вещей хозяину и остальным будет плохо.

Четвертый город, Омрис, также оказался городом-призраком. Это был плохой город, потому что все колодцы в нем были пересохшими, в то время как во всех остальных городах, где мы уже побывали, даже городах-призраках, хотя бы один работающий колодец был.

Изнывая от жажды, мы прибыли в Пирту, которая была обычным городом, а не городом-призраком, хотя людей в Пирте было мало. Я мало что помню о времени, проведенном там: только вкус колодезной воды. Она была настолько свежа и вкусна, что я выпила её столько, сколько не выпиваю и за месяц. После этого мне было очень плохо, но я старалась не показывать своё состояние, чтобы не огорчать хозяина.

А в Сориате, следующем городе-призраке на нашем пути, плохо было Вэю. Он съел плод какого-то кактуса, и у него начались странные видения. Дошло до того, что он принял хозяина за девушку, а Гордиславу — за песчаное чудовище. Больше он никого ни за кого принять не успел, потому что Гордислава очень сильно обиделась из-за того, что её приняли за монстра, и также сильно ударила Вэя по голове одной из своих книг. От удара Вэй Арэн уснул и проснулся только в следующем городе, до которого мне пришлось везти его в повозке, как одну из вещей.

Арул, тот город, в котором Вэй Арэн проснулся, был последним из «городов не призраков», в котором мы побывали. Хозяин постоялого двора сообщил моему хозяину, что в ближайшее время мы ни одного населенного города не встретим, поэтому моя повозка стала ещё тяжелее от купленных в Аруле запасов еды.

В восьмом городе караванного пути, Шалире, мы не встретили ни одного человека. Но в то же время в одной из конюшен этого города-призрака для меня произошла судьбоносная встреча. Я никогда не забуду этого очаровательного верблюда, решившего укрыться в той конюшне от жары. То, как он задирает верхнюю губу, обнажая свои зубы, то, как он стучал копытом по холодной земле, то, как его горбы отбрасывали тень, словно горы... Ах, если бы не обещание, данное оленю на севере, когда я поклялась быть неприступной, словно северная башня, до следующей нашей с ним встречи, я бы с радостью приняла ухаживания этого верблюда.

Когда мы прибыли в девятый город, Ниарбал, началась песчаная буря. Нам пришлось переждать три дня, прежде чем продолжить свое путешествие. Всё это время Вэй не переставал восклицать о том, что нам повезло, поскольку буря застала нас в городе, пусть и призраке, а не застигла посреди пустыни. Гордислава не раз просила Вэя помолчать, потому что была занята изучением карт Трилунской Империи, которые она везла с собой из Северной Башни, а болтовня Вэя Арэна её отвлекала. Болтовня Вэя отвлекала и Рэйну, но она не делала Вэю замечаний. Нельзя быть такой доброй, ведь я прекрасно видела, что она пыталась сложить новую песню, но не могла этого сделать. Вэй мешал даже хозяину и Кэрэндрейку. Я всегда думала, что хозяину не было равных во владении мечом, но на протяжении всех трех дней, проведенных в Ниарбале, а также во время всех следующих привалов, Кэрэндрейк обучал хозяина новым приемам.

Из десятого города, Туарапы, мы вышли пять дней назад. Кэрэндрейк сказал, что, по-видимому, этот город первым превратился в город-призрак и запустел более пяти лет назад. Рэйна, которой в последнее время стали часто сниться кошмары, решила прогуляться ночью, но в итоге упала со второго этажа из-за того, что под ней провалился прогнивший пол. Кэрэндрейк сказал, что ей очень повезло, так как она ничего не сломала, а Гордислава долго и громко причитала, потому что не могла спуститься вниз, ведь участка пола, ведущего к лестнице на первый этаж, больше не было. По найденной Вэем переносной лесенке Гордислава спускаться отказалась, поэтому хозяину пришлось её ловить. Бедный хозяин! Рэйна ниже ростом и меньше весит, уж лучше бы он ловил её. Почему прогнивший пол так несправедлив?

Вэй Арэн сказал, что следующий город, Катрилор, будет последним из городов на караванном пути, и что, как только мы его покинем, мы покинем и Центральную Пустыню. Я очень обрадовалась этому, потому что тогда, наконец, песок перестанет лететь мне в глаза, а эта невыносимая жара прекратится. Судя по картам Гордиславы, как сказал Вэй, западная часть Трилунской Империи представляет собой степь, в которой тоже очень жарко, но в степи хотя бы растет трава, что уже хорошо, ведь с тех пор, как мы покинули Западные Королевства, я свежей травы ещё не ела.

Солнце садится. Наши тени становятся такими длинными, что мне потребовался бы час на то, чтобы пройти по тени хозяина. Мы все очень устали, но не делаем привал, потому что Катрилор уже близко, и лучше уж отдохнуть там, пусть и в призраке, но всё же городе. Из-за того, что Рэйна упала в Туарапе по вине прогнившего пола, её левая нога болит, и по этой причине бедная девушка не может идти, поэтому я везу её в повозке. От этого Гордислава выглядит так, словно жалеет, что не она упала со второго этажа, то есть так, словно готова заполучить боль в ноге в обмен на избавление от участи брести среди этой жары рядом с повозкой. Она даже посматривает на кактусы, подобные тем, чей плод съел в шестом городе Вэй. Кэрэндрейк, заметив это, даже предложил сорвать один плод для неё. Гордислава возмутилась, а хозяин тихонько усмехнулся, но эту усмешку видела только я.

Хозяину очень повезло, что именно я его лошадь, ведь никто не понимает хозяина так, как понимаю его я.

Из следующей главы вы узнаете о том, как Совет Мудрейших Сокрытого Ордена отреагировал на известие о смерти пятого из Братства Карателей.

===== Часть 6. “Разделение”. Глава 48 =====

О том, как Совет Мудрейших Сокрытого Ордена отреагировал на известие о смерти пятого из Братства Карателей

— Что значит «погиб»? — прогремел на весь Зал Совета голос одного из Совета Мудрейших Сокрытого Ордена, когда Клык доложил, чем закончилась встреча троих Карателей с Когтем.

— Этот мальчишка, — процедил сквозь зубы второй из Мудрейших. — Какого по счету члена Братства он уже убил?

— Пятого, — склонив голову, ответил Клык.

— Чертов мальчишка! — раздался юношеский голос.

— Мастер Коготь просил передать Вам, глубокоуважаемый Совет, что он не будет предпринимать никаких действий против Ордена, пока Орден не предпринимает никаких действий против него и четверых его спутников, в число которых входит и мечник, коего было поручено убить Жалу, — сообщил Кайл. — Однако, если Орден хоть как-нибудь навредит одному из товарищей мастера Когтя, особенно, когда его не будет с ними рядом, мастер Коготь заставит Сокрытый Орден страдать.

— Как будто бы он уже не заставил Орден страдать, — донеслось справа.

— «Особенно, когда его не будет с ними рядом» — как будто, когда он будет с ними, это возможно сделать! — воскликнули слева.

— Можешь идти, — произнес обладатель старческого голоса. — Мы, Совет, должны обсудить сложившуюся ситуацию без посторонних.

— Как прикажете, — отвесил низкий поклон Клык, после чего развернулся и направился к выходу из Зала Совета.

Когда массивные дубовые двери за вторым из Карателей закрылись, Зал Совета наполнился голосами Мудрейших.

— Так больше продолжаться не может.

— За свои двадцать лет он унес жизни пяти Карателей, а остальных убитых им членов Ордена и не сосчитать вовсе!

— Но если мы пошлем отряд на его убийство, мы можем лишиться и остальных членов Братства.

— Лишившись Братства Карателей, Орден лишится самой крепкой из своих опор.

— Если мы потеряем Братство, то статус Мудрейших пошатнется ещё сильнее.

— Если Каратели продолжают умирать, то убийцы и призраки возомнят о себе невесть что.

— Если Каратели продолжают умирать, то они не успеют передать свои знания преемникам.

— К слову о преемниках. Имелся ли таковой у Бивня?

— Нет. Он сам принял титул, недоучившись, и не успел никого обучить.

— Итого из тринадцати Карателей у нас осталось лишь одиннадцать.

— Нового Бивня можно выбрать, устроив состязания среди подающих надежды призраков.

— Но уровень такого новичка не будет дотягивать до уровня Карателя Круга Многоликих.

— Уровень последнего Бивня тоже не дотягивал до уровня Круга Многоликих, но он был принят.

— Он был принят, поскольку всё же был преемником Бивня предыдущего.

— И оба они пали от руки Когтя.

— Когда-то давно, когда только был основан Орден, всё Братство было сформировано

из талантливых юнцов, принявших титулы в награду за выживание в тяжелой поединке. Они сами сформировали свои боевые техники и передали их следующим поколениям. Я согласен с тем, что нового Бивня следует выбирать таким же способом.

— Жаль, что все умения, передававшиеся от Бивня Бивню тысячелетиями, утрачены навсегда.

— Эти умения показали свою непригодность.

— Возможно, наоборот, умения, передававшиеся от Когтя Когтю на протяжении тысяч лет, показали свою эффективность.

— В данной ситуации я бы ссылался не столько на накопленный предками опыт, сколько на талант нынешнего Когтя. Безусловно, он гений, которого прежде не видел свет.

— Не дело восхищаться тем, кто восстал против нас.

— А я согласен с тем, что Коготь заслуживает восхищения. Равно как и смерти.

— Боюсь, что смерть — это слишком дорогой подарок.

— За то время, что прошло с тех пор, как Коготь покинул Орден, он впервые выступил против нас, да и то, потому что мы первые приблизились к нему. Коготь — дикий зверь, пока мы не будем трогать его, возможно, и он не будет обращать на нас внимания.

— Вот именно, он дикий зверь. Он одиннадцать лет изображал примерного цепного пса, что не мешало ему в одночасье впиться своими когтями в своих же товарищей и уйти со Священной Звездой.

— Вы правы. Возможно, он ждет подходящего момента, чтобы уничтожить Сокрытый Орден.

— Я так не думаю. Те одиннадцать лет он, бесспорно, сидел в засаде и ждал, пока у него не наберется достаточно сил. Но сейчас, когда он достиг такого развития своих навыков, ему просто нет смысла ждать более. То, что Сокрытый Орден ограничился лишь потерей Священной Звезды в тот злополучный день, говорит о том, что большего Когтю и не требовалось.

— Вы переоцениваете этого мальчишку.

— Нет, это Вы недооцениваете его. Я прекрасно помню тот день, когда его только привели в Орден.

— Подобное не забывается! — поддержал предыдущего оратора восторженный голос. — Шестилетний ребенок, убивший троих опытных Карателей. У меня от одного его взгляда кровь в жилах стыла.

— Его действия за шесть лет не идут ни в какое сравнение с тем, что он мог бы сделать сейчас. Опасно оставлять его в живых, но ещё более опасно пытаться предпринять против него какие-либо действия.

— Однако оставить ему жизнь после всего, что он натворил, значит поставить огромное пятно на репутации Ордена.

— Этот позор можно смыть лишь его кровью.

— Этот позор уже ничем не смыть, а если мы, послав на его убийство людей, лишимся и их, то покроем Орден еще большим позором.

— «Если мы, послав на его убийство людей, лишимся и их», то ни о каком позоре можно будет и не думать, поскольку наш Орден станет историей.

— Я предлагаю вычеркнуть это позорное пятно из истории Ордена.

— Что Вы хотите этим сказать?

— Этот человек будет последним, кто носил титул Когтя. Мы не будем ничего

предпринимать против него, но не будем и упоминать впредь его имя. По правилам Сокрытого Ордена, до тех пор, пока носящий титул жив, даже мы, Совет Мудрейших, не можем лишить его титула и изгнать из братства Карателей. Но в наших силах не принимать после его смерти нового Когтя и пресечь все попытки упомянуть его имя или же титул.

— Но сколько придется ждать его смерти?

— Даже если это займет и не один десяток лет, от нас требуется только ждать.

— Традиции запрещают менять нумерацию в Братстве. Если первого номера не будет, это вызовет вопросы у следующих поколений.

— Это будут проблемы следующих поколений.

— Если сказать, что первого номера нет, поскольку в Братстве не может быть сильнейшего, вопросы отпадут, а у низших номеров появится стимул развития.

— Вы предлагаете смыть позор забвением, но, на мой взгляд, это равносильно смирению с позором, а не избавлению от него.

— Мы должны вести Орден в будущее, а не разрушать его. Орден и так лишился Священной Звезды и доброй части Братства. Каких потерь Вы ещё желаете?

— Возможно, мы сможем вернуть Звезду после того, как Коготь умрет, но, в то же время, он может сделать и так, что после его смерти мы её ни за что не найдем.

— Вместе с удалением Когтя из истории мы можем удалить из истории и утрату Звезды. Достаточно лишь запретить нынешним поколениям упоминать об этом факте, а будущим представить всё в том свете, будто бы Звезда спрятана в одном лишь Совету ведомом месте.

— А если через много лет Звезда найдется?

— Тогда это будет грандиозное событие. Функционирующий в то время Совет должен будет признать найденную Звезду фальшивой и изъять её, чтобы через несколько поколений вернуть на законное место в качестве настоящей Звезды.

— Ха-ха, я уж было думал, что сегодня мы снова примем решение, аналогичное решению трехлетней давности: «оставить Когтя в покое до тех пор, пока он не трогает нас». Но, похоже, в этот раз Совет вынесет что-то новенькое: «оставить Когтя в покое до тех пор, пока он не трогает нас, и запретить всяческие упоминания о нём».

— Не вижу в этом ничего забавного.

— Объявляю голосование открытым, — прогремел низкий мужской голос. — Первый вопрос: убить Когтя или оставить всё, как есть, и впредь не трогать его.

Каждый из Мудрейших поочередно высказал свои мысли по этому поводу. Голосами большинства, как и в прошлый раз, было решено оставить Когтя в живых. Лишь трое высказалось за убийство Кэрэндрейка, и только один воздержался от голосования.

— Второй вопрос: устроить ли состязание для поисков нового Бивня или же оставить рассмотрение этой проблемы «на потом».

На сей раз Мудрейшие сошлись во мнении, что ситуацию с поиском нового Бивня следует обсудить более тщательно.

— Третий вопрос: вычеркнуть все упоминания о Когте из истории Ордена или же оставить это позорное пятно?

Решение придать титул Когтя и всех, кто когда-либо его носил, забвению было принято единогласно.

— Четвертый вопрос: стоит ли запретить нынешним поколениям упоминать об утрате Орденом Священной Звезды, а поколениям будущим представить всё в том свете, будто бы Звезда спрятана в одном лишь Совету ведомом месте?

Две трети членов Совета проголосовали в поддержку изменения истории.

Голосование подошло к концу, а уже на следующий день по всему Ордену был провозглашен запрет на всяческое упоминание всех, когда-либо носивших титул первого из Карателей, а также потери Сорокаконечной Звезды. Так, одним лишь повелением наделенных властью людей, была полностью переписана создававшаяся на протяжении тысячелетий история Сокрытого Ордена. Чтобы смыть с себя позор, нынешнее поколение Совета Мудрейших смыло все заслуги, которые Ордену принесло не одно поколение Когтей.

«Насколько низко может пасть Совет Мудрейших, пытаясь сохранить лицо своё?» — записала бунтарские строчки в своем дневнике Жаклин. Она ненавидела Когтя за то, что он сделал, но ещё больше стала ненавидеть Совет Мудрейших, ведь для Сокрытого Ордена именно он, возжелавший переписать историю, являлся большим проклятием, нежели предавший Орден Коготь. Жаклин твердо решила, что вместе с титулом Жала она передаст следующим поколениям и всю правду о событиях, произошедших на её памяти и приведших к изменению событий прошлого. Всё это будет записано в её дневнике.

Из следующей главы вы узнаете о том, во что превратился «Вперед Идущий» город, и как старый мост «поприветствовал» пожелавших по нему пройти.

===== Часть 6. “Разделение”. Глава 49 =====

О том, во что превратился «Вперед Идущий» город, и как старый мост «поприветствовал» пожелавших по нему пройти

Трилунская Империя, просуществовавшая несколько тысяч лет и процветавшая на протяжении всего времени своего существования, в одночасье была разрушена неведомыми силами. Империя, в четыре раза превышавшая все Королевства Запада по своей территории, полностью обратилась в руины менее, чем за одну ночь. Ни одной армии мира подобное неподвластно. Даже Сокрытый Орден не смог бы свершить этого, особенно за столь короткий срок. Здания были разрушены, но это не было виной землетрясения.

— Какая, черт возьми, сила могла сотворить подобное? — произнес Вэй Арэн, разглядывая руины Эмин-Алотароса, десять лет назад известного, как самый многолюдный из приграничных городов Трилуна.

«Эмин Алотарос» в переводе с трилунского языка означает «вперед идущий». Соответствуя своему названию, Эмин-Алотарос позволял каждому, попавшему сюда, реализовывать свои амбиции. Из него вёл на Запад караванный путь, на Восток вела дорога к столице, в которой были расположены и другие крупные города. Именно в Эмин-Алотаросе находилось главное отделение купеческой гильдии, а также большое количество школ ремесла. Каждый день в этом городе царил праздник: уличные артисты ежедневно давали свои представления, развлекая приезжих, не было ни дня, чтобы хотя бы одна из множества пекарней, блинных, пельменных, кондитерских и им подобных заведений не устраивала бесплатную дегустацию. Шум, гам, смех, звон монет — какими только звуками не был наполнен Эмин-Алотарос! Но сейчас здесь царила мертвая тишина.

Разрушенные здания, разбитые дороги, покореженные кованые ограды, — вот что сейчас представлял собой приграничный Трилунский город. Куда ни кинь взгляд, всюду земля усеяна обломками строений, разбитой посудой, сломанными предметами быта трилунцев. Попадались и целые вещи, но их было меньшинство. В одном этом городе погибшие исчислялись тысячами. В первые годы после трагедии немногочисленные выжившие жители Трилунской Империи собирали мертвые тела сограждан по всем городам и сжигали их на больших кострищах. Сжигали, потому что невозможно было вырыть столько

могил.

Зелорис подошел к одному разрушенному зданию. Уцелела лишь задняя стена, по которой можно было понять, что в этом доме раньше было три этажа. Мечник нагнулся, отодвинул деревянную балку и достал из-под обломков пролежавшую там десять лет тряпичную куклу.

— Её хозяйка могла быть уже взрослой, — прошептал мечник, после чего посадил куклу возле уцелевшей стены и положил подле неё сорванный там же цветок.

— Что здесь написано? — рядом с тем местом, где Зелорис нашел куклу, Вэй поднял выцветший лист бумаги, на котором детским почерком было аккуратно выписано несколько слов, и протянул его Гордиславе.

Северянка несколько раз прочла про себя написанный на трилунском языке текст, затем, уверившись в правильности перевода, ответила:

— «Дорогая мамочка, смотри, как я умею писать. Я буду хорошо учиться, чтобы ты могла гордиться мной, ведь я очень сильно тебя люблю».

— Давайте не будем отвлекаться на подобное, — холодно произнесла Рэйна. — У меня нет желания ночевать в этом городе.

— Малышка Рэй... — удивился Вэй Арэн. — Что-то случилось?

— Как ты можешь себя так вести? — перебила лучника Гордислава. — Трилунская катастрофа унесла жизни стольких людей, уж лучше бы ты молчала, чем говорила с подобной интонацией.

— Что не так с моей интонацией? — огрызнулась собирательница историй.

— Твоя интонация, — северянка сложила руки перед собой, — говорит мне о том, что тебе безразлично находиться в месте, где приняли смерть эти люди. Проявила бы хоть каплю уважения!

— А мне её интонация говорит совершенно другое, — вмешался Кэрэндрейк. — Я бы сказал, что Рэйна говорит таким тоном, чтобы не расплакаться.

— Думай, как знаешь, — сухо ответила малышка Рэй, повернулась к друзьям спиной, схватила за поводья Капу и побрела в сторону восточного выхода из города, яростно протерев рукавом лицо.

— Плачет, — вздохнул Зелорис.

— Миледи, ну зачем Вы так, — положил Гордиславе руку на плечо Вэй.

— Я не знала! — воскликнула в свое оправдание северянка.

— Не знали, что этот ребенок очень впечатлительный? — спросил лучник. — Мы столько путешествуем вместе, могли бы уже и понять. Одно дело слышать о таком, другое — своими глазами увидеть.

— Надо перед ней извиниться, — признала свою ошибку Гордислава. — Но сначала я должна всё здесь осмотреть. Всё же это первый Трилунский город, который я посетила. Чтобы полностью воссоздать картину произошедшего и выяснить причину Трилунской Катастрофы, необходимо обращать внимание на каждую деталь во всех городах, которые мы посетим.

— Чтобы подобное не повторилось, — вздохнул Вэй, рассматривая предметы быта жителей погибшей Империи.

— У, — поддержал Зелорис.

— Я догоню Рэйну, присоединитесь, как осмотритесь, — вздохнул Кэрэндрейк и побежал вслед за собирательницей историй.

Река бурлила. Волны, набегая на опоры большого каменного моста, разбивались в пену.

— Как долго не ступала по этому мосту нога человека? — голос собирательницы легенд звучал безжизненно, под стать мертвому Эмин-Алотаросу.

Девушка вздохнула и обернулась к лошади. Улыбнувшись бесчувственной улыбкой и посмотрев на неё стеклянными глазами, она погладила Капу по холке.

— Пойдем, — промолвила Рэйна.

Капа не торопилась сдвигаться с места, но собирательница историй с такой силой потянула поводья, что бедной лошади ничего не оставалось, кроме как покорно следовать за ней.

Один шаг, сопровождаемый шумом разбившейся от удара об опору моста волны. Второй шаг, стук копыта и скрежет колес. Дуновение ветра, всплеск от камня, упавшего в воду.

Капа остановилась посреди моста. Рэйна со всей силы потянула поводья, но лошадь отказалась сдвинуться с места.

— А ну пошли, упрямая лошадь! — своим криком девушка заглушила шум бурлящей реки.

Капу пугали этот мост и река, но странное поведение всегда доброй собирательницы историй пугало её ещё больше. На гневный взгляд девушки ответил покорный взгляд лошади. Они продолжили своё шествие по мосту.

Скрип колес, стук копыт, звук шагов. Волны, бесконечно разбивающиеся об опоры моста. И снова камень падает в воду.

Прежде, чем Рэйна успела опомниться, её руку схватил подбежавший сзади Кэрэндрейк, и так быстро, насколько это было возможно, повел вперед.

— Ты думаешь хоть немного?! — закричал он, когда вместе с девушкой и лошадью оказался на другом берегу реки, но его голос был заглушен рокотом обрушившегося моста.

— Мост... — ошарашенно прошептала Рэйна.

Мост, по которому столетиями пересекали эту бурлящую реку бесчисленные груженные повозки во времена Трилунской Империи, рухнул, после того, как впервые за десять лет по нему вновь прошли.

— Вы слышали шум? — поинтересовался у Зелориса и Гордиславы Вэй Арэн.

Зелорис ответил малозаметным кивком.

— Кажется, да, — задумалась Гордислава, оторвавшись от тетради, в которой она делала ценные для исследования пометки. — Что бы это могло быть?

— Может быть, здание какое-нибудь окончательно рухнуло? — предположил лучник. — Несмотря на то, что некоторые всё ещё стоят, в любой момент всякое из них может обрушиться.

— У, — подтвердил мечник.

Гордислава снова вернулась к своим записям, но не прошло и минуты, как вновь оторвалась от них.

— А разве не в ту сторону пошли Рэйна и Кэрэндрейк? — спросила она.

— И Капа... — чуть слышно добавил слегка побледневший Зелорис.

— Что-то я волноваться начал, — заметил Вэй. — Хотя и знаю, что пока там Кэрри, с ними ничего не случится.

— Лучше самим убедиться, что всё в порядке, — чуть слышно произнес мечник и уверенным шагом направился в сторону, откуда некоторое время назад донесся грохот.

— Верно, — согласилась северянка и, подхватив полы юбки, пошла за мечником.

Вэй Арэн, поправив колчан, последовал их примеру.

— Похоже, что рухнул этот мост, — предположил Вэй, когда дорогу им перегородила бурлящая река.

— У, — подтвердил Зелорис.

— Что-то я нигде не вижу Рэйну, Кэрэндрейка и Капу, — заметила Гордислава.

Зелорис молча указал рукой на противоположный берег. Вэй от удивления ругнулся, но его, как и испуганный возглас Гордиславы, заглушил рокот большой волны. После падения моста волны с ещё большей агрессией стали биться о преграждающие им путь камни.

— Вы там как?! — изо всех сил прокричал лучник.

Кэрэндрейк, интуитивно понявший вопрос, жестами показал, что из-за шума реки ничего не слышно, а помимо пережитого Рэйной и Капой испуга, всё в порядке.

— Ну, хоть так, — вздохнул Вэй.

— Мы можем туда попасть? — спросила Гордислава.

— У, — отрицательно ответил Зелорис.

— А они к нам? — не унималась северянка.

— С лошастью и повозкой-то? — произнес Вэй Арэн. — Если уж мы к ним не можем, то они к нам тем более.

— Придется искать обходной путь, — добавил мечник.

Гордислава, у которой на счастье оказался с собой мешок с картами Трилунской Империи, принялась судорожно разворачивать одну из них.

Неожиданно в землю рядом с ними со свистом вонзился кинжал, к которому был привязан лист бумаги.

— Воистину наш Коготь невероятен! — усмехнулся лучник. — Метнуть кинжал через всю реку.

— «Нет смысла ждать, встретимся на руинах столицы. Удачной дороги», — прочитал небрежно написанную Кэрэндрейком записку Зелорис.

— Мда... — вздохнул Вэй. — Ох уж этот Кэрри!

— Делать нечего, — заметила Гордислава. — Это единственный вариант. Им нет смысла ждать нас здесь, поскольку ближайший переход через эту реку в неделю пути к югу отсюда.

— Могли бы пойти нам навстречу, — возразил лучник.

Зелорис отрицательно покачал головой.

— Так будет лучше, — сказал он. — Они смогут осмотреться до нашего прибытия и что-нибудь найти.

Вэй ещё раз посмотрел на противоположный берег, откуда ему помахал Кэрэндрейк.

— Радует, небось, что с малышкой Рэй наедине остался, — помахав в ответ, произнес лучник.

— Не наедине, — поправил Зелорис. — С ними Капа.

Из следующей главы вы узнаете о том, как болтливого лучника пытались заставить молчать, и о том, чем обернулись поиски ужина.

===== Часть 6. “Разделение”. Глава 50 =====

О том, как болтливого лучника пытались заставить молчать, и о том, чем обернулись поиски ужина

До ближайшей переправы через реку была неделя пути. Из-за того, что Капа и повозка были на другом берегу вместе с Рэйной и Кэрэндрейком, Гордиславе, Зелорису и Вэю

предстояло идти не только пешком, но и без вещей. Как ни странно, отсутствия транспорта и багажа возмущалась не Гордислава, а Вэй Арэн.

— Жарко... — в очередной раз вздыхал светловолосый лучник.

— Но не так, как на караванном пути, — заметила Гордислава, вспоминая утомительный путь через Центральную Пустыню.

— У, — подтвердил Зелорис.

— Куда ни глянь, кругом степь, — не унимался Вэй. — Хотя бы одно деревце встретить, в теничке посидеть.

— Вчера, — напомнил мечник об одиноко стоящем дереве, под которым днем ранее они устраивали привал.

— Зачем малышке Рэй понадобилось уводить Капу? — продолжил свои стенания Вэй Арэн. — Все вещи, весь запас пищи оказался на той стороне реки.

— Случившегося не вернуть, — со знающим видом сказала северянка.

— Зато как ужин добывать, так это мне спящих здесь зайцев отстреливать, — возмутился Вэй. Зайцы здесь встречались чаще, чем в лесах Западных Королевств, но других обитателей степи, таких, как сайгаки, тушканчики и дрофы, можно было встретить довольно редко. — У меня крольчатина уже в печенках сидит.

— Зайчатина, — поправила Гордислава. — Кролики и зайцы — разные виды.

— Невелика разница!

— Ты ими только второй день питаешься, — заметил Зелорис.

— И сколько ещё предстоит, — ехидно добавила Гордислава, которую нытье Вэя раздражало больше, нежели последнего раздражали зайцы.

— Кстати, миледи, — лучник сменил измученное выражение лица на заинтересованное, — разве не лучше бы было следовать до переправы вдоль русла реки? Почему же мы идем через эту бесконечную степь?

— Судя по картам, так мы скорее доберемся, — ответила северянка. — Река делает значительный крюк.

— Но у её берегов хотя бы не так жарко!

— Вэй-Вэй, помолчи, — не выдержал мечник.

— И ты, братец Зел! — горестно воскликнул Вэй Арэн. — Весь мир против меня обернулся.

— Надо было послушать Кэрэндрейка в Аруле, — пробормотала Гордислава.

— Что такого интересного предложил Кэрри? — поинтересовался Вэй.

— Оставить тебя там, пока ты спал, — холодно ответила северянка. — Он говорил, что так ты не принесешь нам проблем, даже если опять решишь наестся плодами кактусов, а также не будешь утомлять своей болтовней.

— Кэрри жесток, — вздохнул Вэй Арэн.

— Вэй-Вэй, можно попросить тебя кое-что сделать? — обратился к нему Зелорис.

— Помолчать? — предположил Вэй.

— Я уже просил, но, похоже, что это невозможно, — ответил мечник. — Это кое-что другое.

— Тогда я всегда к твоим услугам, братец Зел!

— У. Тогда закрой глаза.

— Зачем? — удивленно произнес лучник, но глаза всё же закрыл.

Левый уголок губ Зелориса слегка поднялся в малозаметной улыбке, мечник

наклонился, сорвал большой пучок степной травы, легким движением рук скрутил его в комок, после чего, дождавшись, когда Вэй Арэн откроет рот для очередного высказывания (благо, ждать пришлось недолго), засунул только что сделанный кляп в рот лучнику.

— Миссия выполнена, — самодовольно отрапортовал Зелорис.

— Это заслуживает если не ордена, то медали уж точно, — Гордислава отвесила мечнику благодарный поклон.

Вэй Арэн возмущенно промычал и захлопал глазами, далее принялся вынимать кляп из рта. Избавиться от травы было несложно, большую неприятность добавили её семена, которые никак не хотели вылезать из рта лучника. На то, чтобы полностью очистить ротовую полость от посторонних предметов, Вэю потребовалось около часа.

— Я на вас обиделся, — вытирая слюну, сообщил лучник. — И больше с вами не разговариваю.

— Пф, — усмехнулся Зелорис.

— Ну, наконец-то, — с облегчением вздохнула Гордислава.

Однако, Вэй Арэн не только решил молчать в знак протеста, но и отказался от выполнения своих обязанностей по добыванию пищи. Усмехнувшись, Вэй написал на земле, что пока ему не будут принесены извинения, за лук он не возьмется, а значит, зайчатины на ужин друзьям не видать.

— И до тех же пор ты будешь молчать? — полюбопытствовала северянка.

Лучник кивнул. Траектория его кивка превышала обычную траекторию кивка мечника в десятки раз.

— Я сам поймаю зайца, — прошептал Зелорис. — Проблема не велика.

Но, увы, Герой Монтильфондской «Охоты» недооценил проблему в лице коварного зайца. Во-первых, стоило Зелорису начать оглядываться по сторонам в поисках добычи на ужин, как все зайцы, словно решив, что в степи они водиться не должны, куда-то исчезли. Во-вторых, как только Зелорис решил устроить засаду, притворившись частью пейзажа в надежде, что мимо него какой-нибудь ушастый всё же пробежит, он был клюнут в затылок невесть откуда взявшейся дрофой, которая тотчас же скрылась в неизвестном направлении. В-третьих, когда заяц показался перед мечником, последний не сразу бросился в атаку. Напротив, с минуту они пристально смотрели друг другу в глаза. Взгляд зайца был настолько жалостлив, что мечник чуть было не отказался от мысли поймать ушастого на ужин, но, представив рассерженный взгляд Гордиславы, Зелорис всё-таки переборол себя и схватился за рукоять меча... Однако косога к тому времени и след простыл.

Очередная попытка поймать убегающий ужин также обернулась провалом, несмотря на то, что мечник учел все свои предыдущие промахи. Да, он снова устроил засаду, но в этот раз старался следить не только за тем, что происходит перед ним, но и за тем, что происходит позади, чтобы, если вдруг очередная дрофа решит приблизиться к его затылку, захватить её саму в качестве ужина. Также мечник решил ни в коем случае в глаза своей добыче не смотреть, а меч достал заранее. И вот заяц, которому уже было присвоено имя Ужин, оказался перед Зелорисом. Мечник резко выпрямился, выкинул меч из рук и попытался поймать зайца руками, но тот выпрыгнул из захвата Зелориса, стукнув последнего задними лапами в лоб.

Следующая попытка поймать Ужин на ужин была более продуктивной. Во-первых, меч был спрятан в ножны, отчего Зелорису не пришлось тратить время на его отбрасывание. Во-вторых, он не только пытался схватить зайца руками, но и попытался сделать это в прыжке.

Подобно хищному зверю, мечник набросился на ушастого, крепко схватил его, после чего пропахал своим телом землю. К сожалению, незапланированное скольжение заставило Зелориса разжать руки. Заяц сбежал. Теперь его звали не Ужин, а Беглец.

Война с зайцем продолжалась. Наступил новый раунд. Зел решил отказаться от мысли поймать зайца голыми руками и вернулся к первоначальной идее зарубить коварного зверя мечом. Засаду устраивать также было бессмысленно. Заяц больше не прятался, а скакал вокруг мечника, словно издеваясь над ним. Нескончаемые взмахи тяжелым двуручным мечом рассекали воздух, срезали траву, рыхлили землю (один из них напололам разрубил летящую бабочку), но зайца даже не задевали. Поймать зайца для Зелориса было уже не столько вопросом утоления голода, сколько делом принципа, а посему из Беглеца заяц был переименован в Рагу, коим его мечник уже мысленно представлял.

Когда Герой, одолевший главаря разбойников в лесах Монтильфонда, сразивший грозного северного зверя, выстоявший в дуэли против Карателя Сокрытого Ордена, обессиленный рухнул на землю, наглый заяц не помедлил потоптаться по его спине.

— Козел, — ругнулся Зелорис, дав новое имя зайцу.

Наблюдавший за ходом «сражения» Вэй был не в силах сдерживать смех, а Гордислава, понимая, что надежды на мечника больше нет, осторожно приблизилась к зайцу, гордо восседавшему над поверженным противником.

— Кис-кис-кис, иди сюда, — позвала она зайца, словно кота.

Ушастое создание без раздумий прыгнуло на руки северянке.

— Ужин пойман, — торжественно улыбнувшись, произнесла Гордислава.

Заяц, догадавшись, что северянка оказалась не той, кем ему представлялась, и осознав, какая участь его ожидает, попытался предпринять попытку побега, которая обернулась неудачей, поскольку Гордислава только сильнее стиснула зверька.

— Не вздумай этого делать, — холодно произнесла исследовательница, приподняв зайца перед собой и посмотрев в его глаза.

Подобно Капе, двумя днями ранее испугавшейся взгляда Рэйны на мосту, заяц, он же Ужин, он же Беглец, позже Рагу, а ныне Козел, испугался взгляда северянки. От испуга заяц вмиг обессилен, повесил уши и потерял всякую надежду на спасение. В то же время Гордислава, смотревшая зайцу в глаза, подобно Зелорису двумя часами ранее (именно столько продолжалась их с зайцем дуэль), сжалась над свежепойманной добычей. Порыв жалости длился недолго, всё же голод давал о себе знать, но этого времени зайцу хватило, чтобы осознать: надежда на спасение осталась, отчего он незамедлительно предпринял сильный рывок, выпрыгнул из рук поймавшей его северянки и попытался скрыться в одном из известных направлений.

Но не тут-то было! Стоило зайцу удалиться от поверженного мечника и оставленной с носом северянки, как он был пронзен стрелой меткого лучника.

— Я больше не мог на это смотреть! — вздохнул Вэй.

— Скорее уж устал молчать, — заметила Гордислава.

— Это я должен был его одолеть, — всё ещё лежа на земле, напомнил Зелорис. Для него заяц уже давно из категории «пища» перешел в категорию «злейший враг».

— Ну что ж, пора приниматься за кулинарное дело, — произнесла северянка, поднимая тушку зайца с земли.

— Я не буду его есть, — предупредил Зелорис.

— Что? — удивился Вэй, а Гордислава чуть было не выронила злосчастливого зайца, но

вовремя ухватила за стрелу.

— Я больше не ем зайцев, — объявил мечник.

— Братец Зел, неужели этот ушастый нанес тебе психическую травму?

— Зайцы — это зло, — уверено заявил Зелорис.

— Как знаешь, — не стала переубеждать его северянка. — Но чем же ты собираешься ужинать?

— У, — не в силах пошевелить ни руками, ни ногами, пока ещё не поднимаясь с земли, Зелорис указал головой на спрятанное в траве птичье гнездо с кладкой яиц, которое он смог заметить лишь благодаря тому, что свалился перед ним.

— Удачи, — улыбнулся Вэй, после чего присоединился к Гордиславе, принимавшейся за приготовление зайца.

Зелорис, пролежав перед птичьим гнездом некоторое время, решился, наконец, подняться. Это стоило ему некоторых усилий: один раз мечник даже чуть было не свалился обратно, однако выпрямиться он всё же смог. Выпрямившись и подумав о том, что уж яйцо-то от него не убежит, Зелорис малозаметно улыбнулся, затем наклонился и поднял одно из пяти лежавших в гнезде яиц. Поскольку вся посуда осталась в повозке у Капы, и сварить яйца было не в чем, голодный мечник собрался просто-напросто их выпить. Но только он приготовился разбить поднятое им яйцо, как возмущенная кражей снесенных ею яиц куропатка со всей силой клюнула Зелориса в ногу. Разумеется, от неожиданности мечник яйцо выронил, а от внезапной боли — взвыл.

Звериный вой озлобленного мечника напугал не только куропатку, которая тут же поспешила скрыться, но и Гордиславу с Вэем, которые чуть не подавились кроликом. Этот вой также был предупреждением всем, кто осмелился бы покуситься на долгожданный ужин, и позволил Зелу беспрепятственно выпить оставшиеся четыре яйца.

— У, — с блаженством произнес Зелорис по окончании трапезы.

Из следующей главы вы узнаете о том, на каких языках говорят люди, и о том, как устроена неизменная жизнь кочевников южных племен.

===== Часть 6. “Разделение”. Глава 51 =====

О том, на каких языках говорят люди, и о том, как устроена неизменная жизнь кочевников южных племен

Юг материка представляет собой бесконечную степь, населенную воинственными кочевниками. Племена южных кочевников — необразованные, дикие, агрессивные — совершают набеги как друг на друга, так и на ближайшие к ним города цивилизованных стран. Как правило, среднестатистическому жителю среднестатистического западного королевства помимо этой информации о жителях южных степей ничего не известно. Если поискать, то можно найти человека, который со знающим видом добавит, что кочевники не говорят на общепринятом языке, но не более того.

Да, в отличие от жителей королевств Запада, сотни лет назад избравших единый язык для общения, у каждого из южных племен есть свой собственный язык. Но разве незнание языка Западных Королевств делает южан варварами? Ведь «общепринятый» язык «общепринят» только на Западе. Более цивилизованный по сравнению с любым западным королевством Трилун до своего падения пользовался только своим языком. Неужели это делает варварской Трилунскую Империю?

К слову, поскольку среди ученых в Северных Башнях есть как потомки выходцев из Трилунской Империи, так и из Королевств Запада, оба языка используются наравне. Каждый

житель Севера владеет и общепринятым, и трилунским языком, ведь оба из них для него считаются родными. Даже после исчезновения Трилунской Империи ученые не отказались от использования трилунского языка, ведь на нем было написано много научных трактатов как северянами, так и самими трилунцами.

В Сокрытом Ордене к языкам особый подход. Поскольку Орден распространяет свое влияние на весь материк, а среди его членов есть представители всех наций, народностей и государств, можно смело сказать, что Орден говорит на всех языках. Однако так как Архипелаг Триада расположен ближе всего к королевствам Запада, то чаще всего в нем разговаривают на общепринятом языке. К тому же, ходит слух о том, что общепринятый язык стал таковым не без помощи Сокрытого Ордена, ведь принятие этого языка Западными Королевствами значительно облегчило осуществление Орденом своей деятельности на Западе.

В то же время, Маски и информаторы говорят на языке тех мест, где исполняют свои обязанности по отношению к Ордену, и многие из них, служащие Ордену за пределами Запада, общепринятым языком не владеют.

Что касается Братства Карателей, то и у них есть свои тонкости. Во-первых, среди членов Братства присутствуют носители разных языков, но не потому, что так получается в силу широкомасштабности влияния Ордена, а из-за сложившихся на протяжении тысячелетий традиций и правил, которыми определяется компетенция Карателей. Помимо особенностей отдельных титулов и Кругов, о которых упоминалось ранее, таких как проведение Чешуей водных диверсий, или специализация Круга Вездесущих по выслеживанию жертв, за каждым из Карателей закреплены и другие обязанности. Так, например, за номерами с тринадцатого по четвертый закреплены подконтрольные им области. Деятельность Ордена на Севере контролируется Жалом и Шкурой, на Западе — Бивнем и Языком, дела Ордена на Востоке, а точнее, в Трилунской Империи, испокон веков осуществляли Шип и Нос, за Югом «присматривают» Глаз и Ухо. Столетия в ведении Пера находился караванный путь между Трилуном и Западом, а с ним и все в пределах Центральной Пустыни. Территория Чешуи — это воды, омывающие материк. По этой причине многие Каратели старались брать к себе в воспитанники носителей языков подконтрольных территорий. Стоит все же заметить, что это вовсе не значит, будто Жало, например, не могут послать с миссией на Юг, а Ухо — на Запад. Примером может послужить то, что Жаклин, которой подконтролен Север, и Бруно, чья территория Запад, преследовали Зелориса и его друзей вплоть до Орна, расположенного на территории, подконтрольной Карательнице Дине, носящей ныне титул Пера. В то же время, среди круга Вездесущих нет тех, кому был бы подконтролен Север, но именно Вездесущим подчиняются все информаторы и Маски, в том числе и те, что находятся там.

Несмотря на то, что трех высших номеров территориальное распределение не затронуло, проблема знания языков коснулась и их. Так, третьему номеру, Клюву, помимо налагаемых титулом обязанностей, подконтрольна деятельность Карателей Второго и Третьего Кругов, а среди обязанностей второго номера, Клыка, присутствует контроль над выполнением своих миссий всеми Карателями ниже его по рангу, то есть контроль над всеми, кроме Когтя. По этой причине и Клык, и Клюв во время своего обучения овладевают как можно большим количеством языков. Как ни странно, Коготь, являющийся первым из Карателей, осуществляющий свою деятельность везде, где это необходимо Сокрытому Ордену, испокон веков был свободен в выборе своего языка. Среди Когтей встречались

владеющие только трилунским языком, или, до принятия королевствами Запада единого языка для общения, владеющие языком определенного королевства, но не говорящие на других языках Каратели. Семьсот лет назад был даже Коготь, который говорил исключительно на языке одного маленького южного племени, на котором кроме него в то время говорило не более пятидесяти человек. Это ничуть не мешало ему делать свою работу. Даже нынешний Коготь, Кэрэндрейк, признанный сильнейшим из всех, кто когда-либо носил титул Карателя, не владеет никаким другим языком кроме языка Западных Королевств, на котором говорила воспитавшая его Ведьма Де Мона. Дело в том, что в курсе обучения Когтей входит и обучение пониманию сказанного по интонации, для чего знание языка не обязательно.

Таким образом, владение или невладение «общепринятым» языком вовсе не означает «нецивилизованность» отдельного человека, племени или целого народа. Но почему-то среди жителей Запада можно услышать утверждения о том, что южные кочевники являются варварами и совершают свои набеги именно по той причине, что говорят на своем «варварском» языке и не владеют «общепринятым». Трилунцы, чья цивилизация обгоняла все остальные, тихонько посмеивались с Запада, предпочитая в эти вопросы не лезть. Ни один трилунец не называл южан варварами, несмотря на то, что некоторые трилунские города подвергались набегам южных кочевников чаще, чем многие западные государства, в которых жителей юга никогда даже не видели, но которые разглагольствовали на эту тему больше всего. Империя, поклоняющаяся Трем Лунам, не ставила себя ни над Западом, ни над Севером, ни над Югом, не навязывала им своего мнения, своих традиций, своего языка. Ведь и тем, и другим, и третьим, как и Трилуну, были дарованы легендарные Звезды.

Подобно Трилуну, в котором легенду о Священных Звездах мог рассказать любой только обучившийся говорить ребенок, и в отличие от Запада, где не каждый взрослый что-либо слышал даже о Священной Двухконечной Звезде, согласно легендам подаренной королю первого из появившихся Западных Королевств, жители Южных Племен чтят истории о Тыр-Гхаке, подарившем им Звезду с десятью лучами. Живущие в степях кочевники свято чтят традиции предков, древние обычаи и устои. Нарушить то, что соблюдалось веками, для южан строжайшее табу. Пренебрегающих традициями ждало ничто иное, как смерть.

Пылающая под палящим солнцем степь не позволяет заниматься земледелием и сильно ограничивает источники пропитания, но она является домом для южных племен. Набеги, которые они совершают друг на друга, караваны или же города Запада и Востока, не несут под собой жажды наживы. Это лишь их способ выжить. Здесь, в отличие от богатого яствами Запада, не писались трактаты о ценности жизни, здесь ценен кусок хлеба, которым можно накормить семью.

Образ жизни южных кочевников остается неизменным на протяжении тысячелетий.

Любой мужчина любого из южных племен проводит свой день так, как проводил свой день его отец, отец его отца, дед его отца, прадед его деда и так далее вплоть до появления первого мужчины из первого южного племени. Вместе с другими бесстрашными воинами весь день он проводит в поисках пищи: охотится, совершает набеги, после чего возвращается в племя, принося добычу. А вечерами вместе со всеми он обсуждает прошедший день у костра.

Любая женщина любого из южных племен проводит свой день так, как проводила его ее мать, а до нее — ее мать, бабушка, прабабушка и так далее вплоть до появления первой женщины первого южного племени. Она поит лошадей и верблюдов, на которых

бесстрашные воины добывают для всех пропитание, она, как и остальные женщины племени, занимается приготовлением пищи по рецептам, доставшимся в наследство с первобытных времен, а вечерами вместе со всеми у костра обсуждает прошедший день, который мало чем отличается от любых дней прошлого месяца, прошлого года и прошлых веков, и от которого мало чем будут отличаться дни последующие.

Именно у костра передаются из уст в уста сказания, истории и заповеди предков, повторяемые мириады раз. Но в отличие от легенд Запада, где одна история может обрасти небывалыми подробностями за пару дней, здесь они, как и быт южан, остаются неизменными на протяжении тысячелетий.

Было ли то случайным совпадением, велением судьбы ли, но в жизнь одного из южных племен, неизменную на протяжении тысячелетий, стремительно и беспощадно, словно ураган, ворвались события, которых ни одно из южных племен еще не видело.

В центре этих событий невольно оказалась дочь вождя этого южного племени, девочка с прекрасным, по мнению южан, именем Нхыр Чамплык, означающим «Оживляющий Дождь». В жертву богам по традиции должна была быть принесена ее старшая сестра — первая дочь вождя, которую с рождения растили как жертву. Но та умерла от укуса ядовитой змеи. Оставить богов без жертвоприношения для южан означало не просто отказ от божественного покровительства, а обречение племени на мучительную смерть. Поэтому в день смерти сестры, когда Нхыр Чамплык было всего восемь лет, она приняла на себя роль жертвы. День жертвоприношения подбирался все ближе и ближе. Сейчас ей четырнадцать. В дар богам ее должны будут принести уже через несколько дней, когда «Вечерняя Луна будет полной».

Нхыр Чамплык вовсе не хотела умирать, но она не могла позволить себе обречь племя на гибель. Всегда оживленная и радостная Нхыр Чамплык выглядела бледной, безэмоциональной, неживой, словно кукла. Ей было тяжело, но она смирилась с ролью жертвы, заперев все свои чувства глубоко внутри.

Если бы не эти события, она бы так и умерла, не сказав никому о том, что на самом деле ей хочется жить. Если бы не эти события, она бы никогда не узнала, что способна испытывать подобные эмоции, ее глаза бы не стали вновь влажными от слез, а вождь племени не осознал бы, насколько сильно он не желает терять любимую дочь. Если бы не эти события, вождь не разрывался бы между чувствами отца и долгом перед племенем, и ему бы не было так больно отправлять Нхыр Чамплык на смерть.

===== Часть 6. “Разделение”. Глава 52 =====

О том, что даже неизменное подвергается изменениям, и о том, чем опасно вмешательство в чужую жизнь

— «Значительный крюк», да? — усмехнулся Вэй, который, как Зел и Гордислава, лежал на земле посреди степи и глядел в небо.

— Судя по картам, этот путь короче, — вяло ответила северянка.

— «Короче»! — воскликнул Вэй. — Еще как «короче». Вы, миледи, выбрали самый короткий путь на тот свет.

— Нет, — только и могла ответить Гордислава.

— Это воды у нас нет! — не унимался Вэй.

В Эмин-Алотаросе они нашли несколько уцелевших фляг и наполнили их водой, но сейчас, на пятый день пути на юг, запас воды закончился, несмотря на экономное его

использование.

— Братец Зел, а ты что молчишь?

— Сплю, — чуть слышно ответил Зелорис.

— Что там карты говорят о ближайшей воде? — спросил Вэй. — Река была с востока, так может быть, нам пойти на восток?

— Ближе будет по старому маршруту, — отрезала Гордислава. — Если идти на восток, то до реки мы дойдем не ранее, чем через пять дней, а если на юг — то послезавтра.

— Где юг? — пробормотал Зелорис. Огромное раскаленное пятно солнца и зной уходящего лета выбили из головы мечника все знания об ориентации на местности.

— Не бери в голову, — вздохнул Вэй.

— Кленового сиропа бы сейчас, — после длительной паузы мечтательно произнес Зел.

— Я бы предпочел дождь, — задумался Вэй.

— На небе ни облачка, — с грустью промолвила северянка.

— У. Только большое раскаленное пятно.

— Топот, — заметила Гордислава.

— Приближается, — добавил Вэй.

— У.

Воины одного из племен южных кочевников окружили троих утомленных жарой и жаждой путников. Не слезая с коней, все кочевники направили на путников копья.

— Что делать здесь? — спросил один из кочевников на общепринятом языке.

— Дождя ждем, — ответил Вэй Арэн.

Кочевник скомандовал что-то своим товарищам, и один из них слез со своей лошади и по очереди напоил из своей фляги Гордиславу, Зелориса и Вэя.

— Благодарю, — поклонилась Гордислава.

— У, — поблагодарил Зелорис.

— Вот она жизнь! — воскликнул Вэй. — Сударь, я впервые так рад встрече с мужчинами.

— Ваша идти за моя, — холодно сказал путникам кочевник. Его звали Дунир Ра, и он был правой рукой вождя племени.

Путникам пришлось принять требования кочевников, и те повели их на стоянку своего племени.

— А Вы хорошо владеете общепринятым языком, — обратился к Дунир Ра Вэй Арэн.

— Язык торгашей знать, деньги еда менять, — ответил Дунир Ра.

— А трилунский язык Вы знаете? — поинтересовалась Гордислава.

— Моя не знать язык великих. Вождь знать. Великий племя умирать.

— Значит, жители Запада — торгаши, а трилунцы — великие, — чуть слышно усмехнулся Вэй, чья гордость как жителя Западных Королевств была задета.

— Ваша откуда? — спросил Дунир Ра.

— Я с Севера, а мои друзья с Запада, — ответила Гордислава.

— Зачем затворник идти на юг?

— Мы держим путь на восток, к руинам столицы Трилуна.

— Неправильно идти. Надо идти в Эмин-Алотарос. Там мост.

— Моста нет, — сообщил Зелорис.

Воины привели путников на стоянку своего племени и повели в шатер к вождю. Женщины племени с любопытством рассматривали троих чужаков, которые проходили

мимо них. Наибольший интерес они проявляли к Гордиславе и Вэю, поскольку впервые видели светловолосых людей, на Зелориса же посматривали с опаской.

Дунир Ра подошел к вождю, восседавшему на нескольких подушках, наклонился и на ухо доложил о том, как ими были встречены путники. Вождь что-то ответил, после чего велел Дунир Ра сесть рядом с ним. Поскольку вождь не владел общепринятым языком, тот исполнял роль переводчика.

— Вождь Сактор Чхым Раык обращаться к вам, — перевел слова вождя Дунир Ра. — Зачем ваша держать путь на Восток?

— Наша хотеть узнать тайна гибели Трилунской Империи, — ответил Зелорис, полагая, что так его лучше поймут.

Вэй с трудом сдержал смех, а Гордислава тяжело вздохнула. Дунир Ра перевел слова мечника вождю, тот на некоторое время задумался, после чего велел передать путникам следующие слова:

— Великий племя умирать. Покой предков нельзя тревожить. Гнев вызывать. Ваша должны оставить затею, иначе кара пасть на ваша.

— Узнав, почему Трилунская Империя погибла, мы сможем сделать так, чтобы ее судьба не постигла другие государства, — возразила Гордислава.

— Наша не держать на вас зла, наша советовать отказаться от этой затея.

— К сожалению, мы не можем себе этого позволить, — северянка была тверда в своих намерениях.

— Моя быть готов к серьёзный последствия, — добавил Зелорис.

Вождь что-то ответил через Дунир Ра, но Вэй этого уже не слышал. Все его внимание было обращено на четырнадцатилетнюю девочку, сидящую подле вождя. Безжизненный взгляд Нхыр Чамплык взволновал лучника.

— Ни одна девушка не должна находиться в таком состоянии, — чуть слышно произнес Вэй Арэн.

Нхыр Чамплык, заметив на себе пристальный взгляд светловолосого иноземца, медленно поднялась и вышла из шатра. Раньше бы она испугалась, если бы кто-либо чужой ее так рассматривал, но после того, как она смирилась с ролью жертвы богам и заперла глубоко внутри все свои чувства, дочь вождя не испытывала страха. Она вышла, потому что подобная ситуация могла доставить неприятностей ее отцу.

— Разрешите мне выйти на свежий воздух, — попросил Вэй Арэн.

Гостеприимный вождь дал добро, и лучник покинул шатер. Оказавшись снаружи, Вэй первым же делом стал искать глазами Нхыр Чамплык.

— Мое почтение, миледи, — с поклоном произнес Вэй, подойдя к дочери вождя.

— Здравствуй, храбрый человек, — безжизненно ответила Нхыр Чамплык.

— В Ваших устах общепринятый язык приобретает удивительное звучание, — сделал комплимент Вэй.

— Ваш язык «общепринят» лишь вами, — сказала дочь вождя. Несмотря на возраст, ее уровень владения языками, как общепринятым, так и трилунским, был выше всех в племени. — Мы называем ваш язык «языком торговцев».

— Могу я поинтересоваться, почему такая прекрасная девушка, как Вы, миледи, выглядит так, словно ее покинула любовь к жизни?

— Дело лучника — стрелять из лука. Задавать вопросы — удел мыслителей.

— Ни один порядочный человек не может остаться в стороне, видя Ваше состояние. В

Вашем возрасте, миледи, наслаждаются каждым моментом жизни.

— Ни один порядочный человек не должен лезть в чужие дела.

— Порядочный человек должен оставаться безучастным?

— Прошу оставить меня в покое.

— Возможно, Вы так грустите из-за смерти любимого? — высказал предположение Вэй. — В таком случае, время вылечит Вашу боль. Но если причина Вашей грусти в другом то прошу, позвольте мне помочь.

— Вы ничего не сможете сделать, — Нхыр Чамплык повернулась к Вэю спиной.

— Не попробовав, нельзя узнать наверняка.

— Ваша подруга... — начала говорить дочь вождя, но замолчала.

— Гордислава? Что с ней не так?

— Вы ведь не дадите ей умереть, — по интонации Нхыр Чамплык нельзя было понять, вопрос это или утверждение.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить ее, — честно ответил Вэй.

— В таком случае, мне помочь Вы не сможете.

— Миледи, я не понимаю, что Вы хотите сказать.

— Вы ведь не позволите принести ее в жертву богам вместо меня, — Нхыр Чамплык снова повернулась к Вэю и посмотрела в его глаза.

— В жертву? — опешил Вэй.

— Через несколько дней я буду отдана богам для сохранения нашего племени.

Вэй Арэн ворвался в шатер вождя, прервав его беседу с товарищами лучника.

— Как Вы можете так делать?! — воскликнул он.

Дунир Ра перевел вопрос лучника вождю, после чего Сактор Чхым Раык своим видом показал, чтобы лучник продолжал.

— Как можно приносить в жертву невинную девочку? Как вообще можно приносить в жертву?

— Это требовать боги, — перевел ответ вождя Дунир Ра.

— Что это за боги такие, которые заставляют почитающих их отправляться на смерть?

— Наша не лезть в ваша религия. Ваша не лезть в наша дела.

— Что происходит, Вэй? — спросила Гордислава.

— Она Ваша дочь! — проигнорировал северянку Вэй Арэн. — Как может отец допустить смерти своей дочери?

Когда Дунир Ра перевел вождю вопрос лучника, тот вскочил с подушек и прокричал что-то на своем языке. Нхыр Чамплык, стоявшая у входа в шатер, но не решавшаяся войти внутрь, впервые за несколько лет изменилась в лице. По ее левой щеке покатила слеза. После некоторой паузы, Дунир Ра перевел путникам слова вождя.

— Какой отец желать смерть своя дочь? Моя не желать Нхыр Чамплык умирать. Моя не только отец, моя вождь. Моя защищать все племя. Моя бы рад стать жертва, чтобы спасти Нхыр Чамплык, но боги принимать только девушка. Моя не спасти Нхыр Чамплык, Нхыр Чамплык спасти племя.

— Но так нельзя! — возразил Вэй.

— Прекратите, — вмешалась Нхыр Чамплык. — Хватит, — слезы текли по ее щекам. — Зачем Вы все это делаете? Я ведь уже смирилась!

— Не похоже, — ответил Вэй.

Лучник сделал решительный шаг вперед, схватил Нхыр Чамплык за руку и повел ее за

собой.

— Куда Вы меня ведете?

— Я не могу позволить принести в жертву девушку. Я забираю Вас с собой, миледи.

— Нет! — вырываясь, воскликнула Нхыр Чамплык.

Мужчины племени во главе с вождем и Дунир Ра попытались остановить Вэя, но Зелорис преградил им путь. Он обнажил против них свои палаши.

— Наша проявить гостеприимство! — направляя на Зелориса копье, сказал Дунир Ра. Чьи были это слова: его или же вождя, неизвестно. — Наша дать ваша вода и еда, как ваша ответить на это?

— Наша не позволять товарищам умирать, — ответил Зелорис.

С криком «Я не брошу племя!», Нхыр Чамплык удалось освободить свою руку. Освободившись, она тут же бросилась к отцу. Сактор Чхым Раык, увидев слезы на глазах дочери, последние несколько лет мало чем отличавшейся от куклы, вдруг осознал, что жалеет о том, что лучник не смог увести ее. Но долг перед племенем был превыше отцовских чувств.

— Нхыр Чамплык будет принесена в жертву через пять дней, — перевел только что сказанное вождем Дунир Ра.

— Раз так, — вздохнул Вэй, — то покажите, где живут эти ваши боги! Я пойду к ним и положу конец этой глупой традиции.

— Чужак уходить из племя! Не доставлять больше проблем, — прорычал Дунир Ра.

Однако вождь остановил его.

— Боги принимать жертва на юго-запад, — перевел Дунир Ра слова вождя. — У большой камень.

— Как далеко? — спросил Вэй.

— Половина ту.

— Ту? — не понял лучник.

— На трилунском это расстояние, которое человек может преодолеть за день, — объяснила Гордислава.

— Полдня пути, значит, — вздохнул Вэй Арэн. — Зел, Горди, ждите меня здесь. Я вернусь, когда улажу эту проблему.

— Кажется, я поняла, что чувствует Кэрэндрейк, когда его называют «Кэрри», — пробормотала Гордислава, у которой от нового варианта имени перекосилось лицо.

Вэй Арэн, не взяв с собой ни воды, ни еды, отправился в указанном направлении. Он не останавливался на отдых, даже несмотря на наступление ночи.

— А камушек-то действительно большой, с человека размером, — заметил Вэй, когда прибыл на место. Он настолько был одержим идеей положить конец жертвоприношениям, что не ощущал никакой усталости. — Боги, или как вас там, выходите!

Тот, кого кочевники принимали за своего бога, откликнулся на звук людского голоса. Камень зашевелился. Как оказалось, это был вовсе не камень, а нарост на голове гигантского ящера, показавшегося из своей норы.

— Как жаль, что малышки Рэй здесь нет, — вздохнул Вэй Арэн. — Похоже, этот мой подвиг останется никому не известен.

Стрела вонзилась ящерице в глаз. Вторая не заставила себя ждать — монстр ослеп полностью. Однако слепота не мешала чудовищу ориентироваться по запаху. «Божество» в ярости приближалось к лучнику, намереваясь проглотить за один присест. Третья стрела

пронзила чудовищу язык.

От боли и злости, ящер ударил хвостом по земле, подняв облако пыли и образовав в земле заметное углубление.

Чешуя служила монстру отличной броней: четвертая и пятая стрелы показали, что им ее не пробить. Когда «божество» приблизилось к лучнику на расстояние, достаточное, чтобы тут же его проглотить, и раскрыло для этого пасть, Вэй натянул тетиву настолько сильно, насколько мог это сделать, чтобы не порвать ее. Шестая стрела вонзилась чудовищу в небо. Седьмой стрелой Вэй Арэн попал в шестую, заставив последнюю проникнуть глубже. Еще две стрелы, выпущенные с невероятной скоростью и меткостью, протолкнули шестую стрелу так глубоко в плоть монстра, что тот, качнувшись из стороны в сторону, рухнул наземь и испустил дух.

Мелкая дрожь пробивала Вэя. От пота его рубаха прилипла к телу. Он только что одолел страшного монстра. Ноги лучника подкосились, и он сел на землю перед поверженным противником. Просидев так до рассвета, Вэй пришел в себя, после чего отправился обратно.

Вернулся уставший лучник только к полудню следующего дня.

— Ваши боги больше не будут требовать жертв, — сообщил он. — Ради процветания вашего племени, один из них добровольно принес в жертву себя.

Тем же днем трое путников покинули племя южных кочевников. Их приход навсегда изменил неизменное прежде течение жизни этого племени. На следующий день Дунир Ра и другие воины обнаружили убитого стрелами «бога». Сначала это вызвало панику среди племени: южане ожидали неминуемой катастрофы. Но ни землетрясения, ни эпидемии, ни нападения неизвестных существ и ничего другого, похожего на кару богов, так и не последовало. Нхыр Чамплык не была принесена в жертву, как и не был принесен в жертву никто другой. С тех пор жертвоприношения прекратились. Осознав, что, отказавшись от этой традиции, племя не обрекло себя на гибель, постепенно оно стало отказываться и от других пережитков прошлого. Этот процесс происходил столь медленно, что ни Нхыр Чамплык, ни ее потомки так и не застали его результатов. Лишь потомки их потомков смогли прочувствовать на себе плоды этих событий, образовав первое южное государство, которое через несколько сотен лет достигло такого величия, что его стали сравнивать с Трилунской Империей.

Так чем же была встреча Вэя Арэна и Нхыр Чамплык: случайным совпадением или же неизбежной судьбой?

Из следующей главы вы узнаете о том, как трое путников, наконец, перебрались через реку, и о том, как неприятности снова нашли их.

===== Часть 6. “Разделение”. Глава 53 =====

О том, как трое путников, наконец, перебрались через реку, и о том, как неприятности снова нашли их

Покинув племя южных кочевников, Зелорис, Вэй Арэн и Гордислава продолжили свой путь к руинам Трилунского города Деларта, в котором должен был находиться мост на ту сторону реки. Они шли уже второй день, но ничего, что говорило бы о приближении к руинам Деларты, не встречалось.

— Хорошо, что кочевники все же дали нам с собой воды, — вздохнула Гордислава, прервав бессмысленную болтовню Вэя.

— У, — подтвердил Зелорис.

— Кстати, Вэй, я поражаюсь! — заметив, что лучник обиделся тому, что его болтовню

прервали, Гордислава решила поговорить с ним. — Как тебе удалось убедить южан прекратить жертвоприношения? Нет, я, конечно, сама видела, как. Но все же. И ты не боишься, что они все-таки вернутся к этой традиции после того, как мы ушли?

— Боюсь, — признался лучник. — Но надеюсь, что все обойдется. Ведь бога у них больше нет.

— Ну да, ты сказал, что он принес себя в жертву...

— Миледи, разве Вы не заметили, что мой колчан частично опустел?

— У, — подтвердил Зелорис.

— Что? — Гордислава чуть не поперхнулась от удивления.

— Они считали своим богом ящерицу-переростка, — объяснил Вэй. — Жаль, что малышка Рэй не видела, как я ее убил. Могла бы выйти отличная песня о прекрасном бесстрашном лучнике, сражающим своими стрелами богов!

— Пф, «прекрасном», — издал смешок Зелорис.

— Но это же безумие! — воскликнула северянка.

— Безумие — приносить своих соплеменников в жертву, — возразил Вэй.

— Обнаружив своего бога убитым, кочевники впадут в панику, — сказала Гордислава. — Они могут совершить необдуманные поступки, они будут жить в страхе перед неминуемой смертью, вызванной гневом богов. А если эта ящерица была не одна? Ее сородичи могут разозлиться и напасть на племя...

— Обнаружив своего бога убитым, — медленно произнес лучник, — кочевники поймут, что их боги смертны, что они не всемогущи, что человек может обойтись и без них.

— Как бы не вышло все только хуже!

— Они поклонялись гигантской ящерице. Ящерице! Это практически то же самое, что поклоняться, скажем, нашей Капе.

— У! — воскликнул Зелорис, представив, как его лошади поклоняются толпы людей.

— Эти люди жили так на протяжении тысячи лет, — Гордислава пыталась выдать длительную возмущенную тираду, но Вэй Арэн не дал ей это сделать.

— Хочешь сказать, что они должны продолжать приносить людей в жертву и дальше? — спросил он.

— Нет, — ответила северянка. — Я хочу сказать, что потеря бога может вызвать у них шок и заставить принести еще больше жертв, чтобы загладить свою вину.

— «Загладить вину»? Но ведь их бога убил я, а не они.

— Прекратите спорить, — вмешался Зелорис. — Вэй-Вэй сделал все, что мог. Будем надеяться, что его усилия не пройдут даром.

— Спасибо, братец Зел, — лучник похлопал друга по плечу.

После этого Вэй Арэн снова переключился на пустую болтовню.

Трудно поверить, но в детстве лучник не был таким болтливым. Несмотря на то, что маленькие дети, как правило, очень разговорчивы, трехлетний Вэй говорил не более, чем Зелорис до «Монфридской Охоты», то есть совсем чуть-чуть. Когда в возрасте четырех лет он лишился матери, бабушки и дедушки, а его отец был настолько опечален горем, что практически не обращал внимания на сына, Вэй Арэн чувствовал пустоту. Если бы Бэй Арэн Виндсвиш заметил состояние своего сына, он бы утешил его, но Бэй Арэн не замечал, и Вэк приходилось спасаться самому. Наблюдая за состоянием отца, маленький Вэй решил, что ни за что не заплачет при нем, чтобы не делать отцу еще больнее. Но слезы не слушались ребенка, они текли, не переставая, опустошая мальчика еще больше. Внезапно Вэя охватил

жуткий страх: ему представилось, что с каждой слезой из него вытекает жизнь. Вэй Арэн испугался того, что станет с его отцом, если и Вэй покинет его. Чтобы остановить слезы, заглушить страхи и хотя бы как-то заполнить пустоту, Вэй заговорил. Он сидел под большим деревом и безостановочно что-то рассказывал. Кому он это рассказывал, если вокруг него не было никого и ничего, кроме большого дерева, Вэю было неважно, как и то, о чем он говорил. Вскоре Вэй заметил, что когда люди видят, как он разговаривает в одиночестве, они странно на него смотрят. Тогда он стал искать людей, с которыми можно было поговорить. Прохожие улыбались при виде разговорчивого мальчика, Шарлотта всегда внимательно слушала его речи. Когда Вэй не находил людей для общения, он разговаривал с животными. Почему-то люди, которые замечали, как он разговаривал с животными, не считали его странным, как было раньше. Своими разговорами Вэй вылечил отца, заставив вспомнить о сыне. Когда Бэй Арэн Виндсвиш снова стал прежним отцом, таким, каким он был до потери близких, вернулся и прежний Вэй. Забота отца утешила боль и пустоту, а потом ушли и страхи. Вэю больше не было необходимости так много разговаривать, и он снова стал молчать большую часть времени.

Вэй рос тихим и спокойным мальчиком, обладающим большим талантом к стрельбе из лука. Через несколько недель после четырнадцатилетия Вэй Арэн узнал о том, кто стоит за пожаром, унесшим жизнь его матери. Более того, отныне он был вынужден служить Шарлю Эролайну, угрожавшему лишить Вэя и отца. Юноша покорно выполнял указания Мэйринской Маски, а чтобы справиться со свалившимся на него стрессом, снова начал говорить. Вэй заметил, что девочки и девушки с интересом слушают его болтовню, особенно, если он говорит им что-либо приятное. Он понял, что они любят комплименты, улыбаются, когда получают их, поэтому стал стараться чаще радовать их своими словами. Вэй никогда не врал, делая комплименты девушкам, поскольку считал, что обманывая, он станет похожим на Шарля Эролайна. Также Вэй заметил, что мальчики и юноши на его слова обижаются, отчего стал предпочитать по возможности меньше общаться с ними.

Постепенно Вэй свыкся с ролью подручного Шарля Эролайна. К тому времени, даже если бы произошло чудесное избавление от гнета мэра Мэйрина, Вэй Арэн уже не смог бы перестать бесконечно разговаривать. Непрекращающаяся болтовня стала его привычкой.

После того, как Шарль Эролайн запер отца Вэя в неизвестном для него месте, надежды на избавление лучника от привычки не умолкать не осталось.

Несмотря на то, что Вэй ненавидел ложь и говорил только правду, он не позволял себе рассказывать то, что не должно быть рассказано. Ни одной живой душе он не мог позволить узнать, что мэр Мэйрина — Маска Сокрытого Ордена. Еще больше он не мог позволить Мэйринской Маске узнать, что он о нем думает. Безусловно, Вэй знал, что его ненависть к Шарлю Эролайну не была для последнего секретом. Но одно дело знать, что тебя ненавидят, и совсем другое — знать, как тебя ненавидят.

Через некоторое время Шарль Эролайн предоставил Вэю некую свободу, а еще через некоторое время Вэй Арэн встретил друзей. Однако вскоре он был вынужден предать своих друзей по приказу Мэйринской Маски. Он не мог послушаться, ведь в противном случае потерял бы отца и Шарлотту. Когда Вэй расстался со всеми в Сардинии и вернулся в Веслес, он был в таком состоянии, что даже болтовня не могла ему помочь. Лучник стал молчать, изредка произнося лишь небольшие фразы. Это было не то молчание, которое было присуще Вэю в детстве. Это молчание было наполнено болью. Частично Вэй смог облегчить свои душевные страдания, исповедавшись Зелорису, Рэйне и Гордиславе, когда тех привезли в

Мэйрин.

Когда же благодаря Кэрэндрейку его друзья, отец и Шарлотта были освобождены от власти Шарля Эролайна, и более того, когда товарищи предложили продолжить с ними путь, Вэй Арэн был исцелен. Теперь он болтал не потому, что это облегчало его страдания, а всего лишь в силу привычки.

Но сейчас, после встречи с южными кочевниками, под болтовней лучника снова стали скрываться волнение и беспокойство. Он не мог прекратить думать о том, чем закончится его вмешательство в жизнь их племени. Он не мог перестать думать о том, смог ли он остановить традицию жертвоприношения, или же ни в чем неповинных людей снова будут убивать ради выдуманных богов. Вэй Арэн верил в правильность своего поступка, но мысль о том, что существует даже ничтожная вероятность увеличения количества жертв, заставляла его говорить.

На следующий день неумолкающий лучник и уставшие от его болтовни Зелорис и Гордислава прибыли на руины Деларты. Деларта отличалась от Эмин-Алотароса разве что размерами: Эмин-Алотарос занимал территорию в пять раз большую, нежели Деларта. Пейзаж был один и тот же: разрушенные здания, покореженные дороги, земля, усеянная вещами трилунцев.

Гордислава осмотрела город и сделала несколько записей, после чего друзья продолжили путь. Подвесной мост находился на самой окраине города. Несмотря на то, что он выглядел хлипким, все трое без проблем перебрались на ту сторону. Никому из них не хотелось ночевать в городе, который в одночасье лишился всех своих жителей.

Но стоило товарищам оказаться на противоположном берегу и сделать несколько шагов, как из-за большой стены, оставшейся от Трилунского храма, преграждая путникам дорогу, выехало два десятка наездников.

— С Запада? — спросил один из них на общепринятом языке. Его звали Тросан, и он был здесь главным.

— У, — ответил Зелорис. Его охватывало чувство опасности, не такое, как то, что он ощущал при встрече с Жаклин и другими Карателями, но достаточно серьезное, чтобы заставить заволноваться. Правая рука плавно опустилась на рукоять меча.

— Хорошо, — улыбнулся Тросан. — Одни али еще кто-то есть?

— А Вы, с какой стати, интересуетесь? — холодно произнесла северянка.

— Хотелось бы заранее знать, скольких рабов мы сегодня получим, — улыбнулся Тросан. — Схватить их!

Как оказалось, эти двадцать наездников были лишь малой частью отряда Тросана. К сожалению, друзья узнали об этом слишком поздно: когда меч Зелориса и стрелы Вэя сократили численность наездников втрое, обезумевший Тросан скомандовал что-то на Трилунском языке, и изо всех сторон стали появляться люди. Они выходили из разрушенных зданий по обеим сторонам реки, вылезали из-под кустов и из укрытий, устроенных под камнями. Число врагов увеличилось вчетверо. Для героя «Монфридской Охоты», одолевшего на ней сорок восемь разбойников, а также бравшего уроки у первого из Карателей, и его не менее доблестного товарища разобраться с этими людьми было проще простого. Но с ними была Гордислава, которую необходимо было защищать, а среди врагов были и лучники, стрелы которых были нацелены на троих путников.

Северянка пыталась вспомнить, в какой раз за последний год она попадает в подобную ситуацию.

Из следующей главы вы узнаете о том, как путники снова оказались в плену, и о том, какую прибыль приносит работорговля.

===== Часть 6. “Разделение”. Глава 54 =====

О том, как путники снова оказались в плену, и о том, какую прибыль приносит работорговля

Понимая, что в данной ситуации защитить Гордиславу не получится, Зелорис вернул меч в ножны. Вэй Арэн последовал его примеру и убрал стрелу.

— Оружие на землю, — повелел Тросан.

Мечнику и лучнику пришлось подчиниться. После этого троих путников под прицелом стрел проводили в клетку на колесах и заперли там. Оказавшись в клетке, Зелорис первым же делом незаметно ее осмотрел — несмотря на то, что она была сделана из дерева, клетка была достаточно прочной, чтобы ее не сломали.

— В этот раз хотя бы связывать не стали, — вздохнула Гордислава.

— У, — с тяжестью в голосе подтвердил мечник.

Тросан отдал несколько приказов своим подручным: одним было велено позаботиться о раненых и убитых, а другим — запрячь лошадей, чтобы транспортировать пленных.

— Куда вы везете нас? — спросила Гордислава.

— В Рэластэн, — ответил Тросан.

— Зачем?

— Вы будете отличными рабами.

— Но ведь в Трилунской Империи никогда не было рабства!

— Дамочка, Трилунской Империи самой уже давно нет, — усмехнулся Тросан. — И уж, если ты думаешь, что в работорговле задействованы бывшие трилунцы, то сильно ошибаешься. Две трети моих людей жители Запада, как и вы.

Гордислава краем уха слышала, как один из сопровождавших их наездников шепнул другому: «Эсра нэчар тромидартос там-власана оли-фи. Тала, эсра-ди лулукартос ау леханар», что в переводе с трилунского означало: «Он всегда отвечает на вопросы рабов. Похоже, ему нравится так забавляться». Если это было действительно так, то у северянки был шанс разговорить Тросана и заставить случайно сболтнуть что-либо, что позволило бы друзьям сбежать. Также он мог бы сказать что-нибудь, что пригодилось бы для ее исследований.

— Кому вы собираетесь нас продать? — спросила Гордислава.

— Кто купит, милочка. Наше дело предложить товар, покупатели уже сами выбирают, кого покупать.

— Как давно в Трилуне появилась работорговля?

— Я же уже сказал, что Империи Трех Лун больше нет. Как давно? Наверное с тех пор, как Империи не стало. Не так много людей выжило, а существовать-то надо. Вот работорговля и возникла.

— Она распространена по всей бывшей территории Империи?

— Работорговля распространена по всему материку, — нараспев произнес Тросан. — Но центр ее находится здесь, в Рэластэне, городе Пяти Мостов. В других частях бывшего Трилуна у вас бы было мало шансов попасть в рабство. Вы выбрали правильный путь, угодив в нашу засаду.

— И какова средняя цена на раба?

— Хочешь выкупить свою свободу? Не сойдет. Вы, ребятки, покалечили многих моих

ребятишек и, самое главное, многих убили. Я позабочусь, чтобы за вас заплатили побольше. Но те, кто много платят, как правило, заставляют своих рабов жить в самых ужасных условиях. Слыхали о аренах, на которых рабов заставляют биться насмерть?

Тросан и его люди засмеялись. Гордислава продолжила свои расспросы, а Вэй и Зелорис внимательно слушали все ответы Тросана, запоминая всю важную информацию и размышляя о плане побега. Спустя неделю пленников привезли в Рэластэн, и к тому времени им удалось выяснить многое о том, как построен процесс работорговли, но ничего о том, как можно было сбежать.

Рэластэн — один из немногих городов, уцелевших во время Трилунской катастрофы. Как и жители других уцелевших городов Империи, жители Рэластэна были оставлены сами себе, поэтому в первые месяцы после трагедии здесь царила анархия. Однако вскоре жаждущий власти и легких денег Тэрлианс Актимон заручился поддержкой таких же негодяев, как и он сам, и полностью захватил контроль над Рэластэном. Объявив себя правителем вольного ныне города, Тэрлианс Актимон велел заковать всех недовольных в цепи, а после и вовсе придумал торговать ими. С поиском покупателей проблем не было даже несмотря на то, что работорговля запрещена практически по всему Материку. Желающие купить рабов находились во всех его частях: как в Западных Королевствах, так и в уцелевших городах погибшей Империи. Некоторых рабов, по большей части детей, покупали люди из Сокрытого Ордена. Иногда покупки совершали и южные кочевники, но чаще они сами поставляли новых рабов на продажу. Племя, в котором жила Нхыр Чамплык, было одно из немногих, презиравших подобные действия.

Единственными, кто никоим образом не был связан с работорговлей, были жители Башен Севера. Затворники-ученые никогда не покупали рабов, это Гордислава знала и без объяснений Тросана.

Работорговля на материке существовала всегда, но благодаря действиям Тэрлианса Актимона впервые у нее появился единый центр. Он, по сути, превратил Рэластэн в большой рынок, торгующий исключительно людским товаром. Практически все жители города были проданы им в рабство. Не проданы были лишь четыре десятка человек, которые помогали Тэрлиансу Актимону заправлять работорговлей. Сейчас большую часть населения Рэластэна составляли съехавшиеся со всех концов материка работорговцы.

Тросан и его люди были подчиненными самого Тэрлианса Актимона. Они привезли пленников в замок хозяина города, некогда являвшийся Трилунским храмом, после чего заперли их в одной из специально перестроенных для содержания рабов комнат в подземелье. В этой комнате не было окон, а путь к свободе преграждала железная решетчатая дверь, перед которой пленников охранял не стражник, а стражница.

— Миледи, — теперь настала очередь Вэя братья за дело. — Вы так прекрасны, что я не обрету покоя, пока не узнаю Ваше прелестное имя.

— Всяческие разговоры с товаром запрещены, — нудно произнесла женщина тридцати лет, рассматривая оружие, отобранное у Вэя и Зелориса.

— У Вас неповторимый голос, — продолжил лучник. — Позвольте же мне услышать, как он произносит Ваше имя.

— Всяческие разговоры с товаром запрещены, — повторила охранница.

— Ну что же Вы так, миледи. Неужели Вы откажетесь скрасить мое пребывание здесь легкой беседой?

— Откажусь, — ответила стражница, даже не взглянув на Вэя.

— Что будет с нашим оружием? — спросил вдруг Зелорис.

— Возможно, продадут вместе с вами. Возможно, денут куда-то еще, — посмотрев на Зелориса, ответила женщина.

— Миледи, — то, как стражница повела себя с Зелом, уязвило самолюбие лучника. — Почему Вы выбрали эту... эм, профессию?

— Всяческие разговоры с товаром запрещены.

— Миледи, Вы жестоки.

— Какая есть.

— Меня зовут Вэй Арэн Виндсвиш. Я...

— Не интересно.

— Вы слышали о «Монфридской Охоте»? Я внес в нее большой вклад, — не хотел униматься Вэй Арэн. С ним впервые отказывалась разговаривать женщина. Цель выболтать у стражницы «секрет освобождения» или уговорить ее саму освободить их плавно отодвинулась на второй план, уступив место цели не упасть в своих же глазах.

— Я сообщу об этом Тросану. Быть может, за вас больше заплатят.

— А еще я недавно...

— Не интересно.

— Миледи, Вы знаете, как Вы очаровательны, даже когда отвечаете так?

— Всяческие разговоры с товаром запрещены.

Их диалог продолжался в таком же темпе до вечера. Затем пришел коренастый мужчина тридцати пяти-сорока лет и принес пленникам еду. Он просунул миски с остывшей кашей через решетку и облокотился на стену, ожидая, когда заключенные поедят. Когда Зелорис, Гордислава и Вэй Арэн съели принесенный им ужин, он также через решетку забрал пустую посуду, аккуратно сложил ее и отдал стражнице. Поцеловав на прощанье свою жену, смена которой закончилась, мужчина продолжил ее дело по охране пленных.

— Позвольте спросить, — обратилась к нему Гордислава.

— Всяческие разговоры с товаром запрещены, — грубо ответил он.

С наступлением утра настала и очередь все той же стражницы охранять Зелориса, Вэя и Гордиславу. Подобно мужу, она пришла с подносом в руках, на котором несла для пленных завтрак. Дождавшись, когда трое друзей расправятся с пищей, мужчина забрал пустую посуду и, не забыв на прощание поцеловать жену в щеку, ушел, уступая дежурство ей. Как только мужчина удалился, Вэй Арэн открыл рот, чтобы продолжить «наступление».

— Всяческие разговоры с товаром запрещены, — без какой-либо интонации произнесла стражница, прежде чем изо рта лучника донесся какой-либо звук.

— Миледи, но я ведь еще ничего не сказал!

— Но собирался.

— Вы так и не скажете мне свое имя?

— Всяческие разговоры с товаром запрещены.

— Вас же не могут так звать.

— Не могут, — подтвердила стражница.

— А как тогда, миледи?

— Всяческие разговоры с товаром запрещены.

— Миледи, я столько раз за прошедшие сутки слышал эту фразу, что Вы просто обязаны удостоить меня награды услышать Ваше имя.

— Всяческие разговоры с товаром запрещены.

— Вы так на каждое мое высказывание будете отвечать?

— Да.

— Но может, хотя бы раз скажете, как Вас зовут?

— Нет.

— Миледи, сжальтесь над бедным лучником!

— Всяческие разговоры с товаром запрещены.

— Вэй, бесполезно, — вздохнула утомленная попытками товарища разговорить стражницу Гордислава.

— Я не успокоюсь, пока не узнаю, какое имя носит эта очаровательная дама!

— Блондинка права, это бесполезно, — подтвердила охранница.

— Миледи, этим меня не остановить.

— У, — обреченно вздохнул Зелорис.

— Посмотрим, — усмехнулась стражница.

— Миледи, быть может, Вы приоткроете завесу тайны и назовете хотя бы букву, с которой начинается Ваше имя?

— Всяческие разговоры с товаром запрещены.

— Ну, раз разговоры запрещены, Вы ведь можете просто произнести свое имя вслух, не разговаривая со мной.

— Тоже мне, хитрец нашелся!

— Ну, так что, миледи?

— Всяческие разговоры с товаром запрещены.

— Миледи, в Вас нет ни капли сострадания.

— Оно мне и не надо.

— Миледи...

— Чую, что с отрезанным языком ты будешь стоять больше.

— Миледи!

— Всяческие разговоры с товаром запрещены.

Так продолжалось на протяжении полутора недель. Имя стражницы Вэю узнать не удалось, как и не удалось выяснить ничего о способе спасения. Одним утром, принеся пленным еды, стражница, вместо того, чтобы сменить мужа, сообщила:

— Готовьтесь. Вас хотят купить. Мой совет, постарайтесь показать себя с хорошей стороны, продемонстрировать как можно больше достоинств и как можно меньше недостатков. Я говорю это не потому, что в моих интересах, чтобы вас как можно быстрее продали, наоборот, это в ваших интересах, чтобы вас продали до наступления следующей недели.

— На следующей неделе что-то должно произойти? — догадалась Гордислава.

— Да. Приедет организатор гладиаторских боев. Если вас купит он, то жить вам останется недолго.

— Миледи, может, хотя бы напоследок скажете мне свое имя?

— Всяческие разговоры с товаром запрещены... Эх, ладно уж. Сдаюсь. Эриэна.

Следующая глава открывает новую часть повествования, в которой нас ждёт воссоединение друзей и история последней Верховной Жрицы Трилунской Империи.

===== Часть 7. “Жрица”. Глава 55 =====

О том, как от матери к дочери передавался титул Алирэй Нактур, Священная Звезда и власть над Трилуном

Никому не известно, когда именно возникла Трилунская Империя, однако ни для кого не секрет, что это было очень давно, более десяти тысяч лет назад. На протяжении всего этого времени Империя Трех Лун управлялась Верховными Жрицами. Со времен легендарных сестер-жриц, которым, согласно легенде, Дух Трех Лун, Ли Натра Фиали, даровал Священную Звезду, названную трилунцами «Алирэнорэй Искарэ», от матери к дочери передавалась эта звезда, титул, имя Алирэй Нактур и власть над Империей. Ни одна из Алирэй Нактур не была вольна в выборе имени для своего ребенка. Фламара должна была назвать свою дочь Аэра или Аэрия, Аэра была обязана назвать свое чадо Террой, Терра — Акварией, Аквария — Электрой, а Электра — Фламарой. Пока дочь Верховной Жрицы не заняла ее место, ее имя слагалось из имени матери и своего собственного: Электра Фламара, Фламара Аэра, Аэрия Терра, Терра Аквария, Аквария Электра и снова Электра Фламара. Когда дочь предыдущей Верховной Жрицы перенимала ее титул, к ее имени добавлялось «Алирэй Нактур».

К сожалению, большая часть истории Великой Империи остается загадкой для ученых и исследователей. Только события последних восьми с половиной сотен лет ее существования благодаря стараниям трилунских летописцев и исследователей Севера дошли до наших времен.

За восемьсот сорок шесть лет до гибели Трилунской Империи титул Алирэй Нактур приняла семилетняя Фламара Аэра, жизни родителей которой были унесены ужасной эпидемией. В тот же день девушка была выдана замуж за сорока четырехлетнего Сириуса Альфанте, который стал управлять страной вместо своей малолетней супруги. Когда Алирэй Нактур Фламара Аэра достигла пятнадцати лет, Сириус Альфанте уступил ей бразды правления, и в Трилунской Империи началась череда реформ. Алирэй Нактур Фламара Аэра ввела свободу торговли, разрешив иностранцам торговать на территории Трилунской Империи. Она в два раза сократила размер взимаемых в казну государства налогов. Также Фламара Аэра отменила сбор пошлин при въезде в крупные Трилунские города.

За восемьсот шесть лет до гибели Трилунской Империи Алирэй Нактур Фламара Аэра «Щедрая» умерла, уступив трон своей дочери, двадцатилетней Аэрии Терре. Однако больший интерес для историков представляет не она, а ее младший брат Аэрус Товальд. Он вместе со своей женой, Кариной Розар, занимался исследованием растений и вывел множество сортов различных цветов, которыми в последствии стали украшать улицы городов Трилуна. Эти исследования продолжила их дочь Карина Лина, вышедшая замуж за богатейшего человека того времени Истара Саламандрита, а в последствии и их сын, Дарт Саламандрит.

Алирэй Нактур Аэрия Терра умерла за семьсот семьдесят два года до Трилунской Катастрофы в возрасте пятидесяти четырех лет. Титул Алирэй Нактур перешел к ее дочери, Терре Акварии, а в семьсот шестьдесят первом году до новой эры, к дочери Алирэй Нактур Терры Акварии и Соломона Омета — Акварии Электре.

У Алирэй Нактур Акварии Электры и Соломона Омета было три дочери. Младшая дочь Электра Фламара умерла, не дожив до десяти лет. Средняя дочь Электра Фламия была отдана замуж за Линера Саламандрита, сына вышеупомянутого Дарта Саламандрита и Марии Сирениум. У них родилось трое детей: две дочери — Фламия Аэрада и Фламия Ксиатра, и сын Фламберг Нерус. Фламия Ксиатра впоследствии дала начало династии Ксиалинер, одной из Двдцати Священных Семейств, а ее брат Фламберг Нерус — династии Линерус. Старшая же дочь Алирэй Нактур Акварии Электры и Соломона Омета, Электра

Фламбера переняла от матери титул Алирэй Нактур.

Алирэй Нактур Электра Фламбера умерла в возрасте двадцати девяти лет, передав титул Верховной Жрицы четырехлетней дочери Алирэй Нактур Фламбере Аэре. Но та не дожила и до двадцати: в день своего девятнадцатилетия она умерла, не оставив потомков.

Титул Алирэй Нактур перешел к внучке Электры Фламии и Линера Саламандрита — Аэрадии Терре, дочери Фламии Аэрады и Юлия Нантера. Аэрадия Терра прославилась своим исполнением ритуальных танцев, входящих в обязанности Алирэй Нактур. Посмотреть на них в Трилунскую Империю стекались люди со всего материка.

Аэрадия Терра передала титул своей дочери Терре Акварию, та — своей дочери Акварию Электре, которая в свою очередь передала его Электре Фламаре. Алирэй Нактур Электра Фламара, правившая Трилунской Империей в период с шестьсот восемнадцатого по пятьсот семьдесят восьмой года до Трилунской Катастрофы, оставила после себя только сына Фламариса Аэро, поскольку ее дочери Фламара Аэра и Фламара Аэрия умерли еще в детстве. Советом Священных Семейств Трилунской Империи было решено передать власть Фламарису Аэро, который принял титул Алирэй Нэстур, Верховный Жрец.

Его дочь от Елены Гордер, Елена Аэротэ Терра переняла титул за пятьсот шестьдесят один год до гибели Империи и правила ей на протяжении пятидесяти шести лет. В правление Алирэй Нактур Елены Аэроты Терры Трилунская Империя находилась в состоянии покоя: не было ни засух, ни обильных дождей, южные кочевники не доставляли беспокойства Трилунским городам, а торговля с Западом велась на редкость стабильно. Поэтому Алирэй Нактур Елена Аэротэ Терра вошла в историю не только как обладательница самого длинного имени среди предшествующих ей Верховных Жриц, но и как «Тихая» Алирэй Нактур.

От Елены Аэроты Терры титул перешел к ее дочери Терре Акварию, от которой был передан ее дочери Акварию Электре, от той — к ее дочери Электре Фламаре, а от Электры Фламары к Фламаре Аэре, которая, умерев в возрасте девятидесяти одного года за триста семьдесят пять лет до гибели Империи, передала титул Алирэй Нактур своей дочери Аэрии Терре.

Очередная Алирэй Нактур Аэрия Терра носила титул Верховной Жрицы Империи Трех Лун три года, после чего умерла. Ее старшая дочь Терра Аквария, впоследствии ставшая Алирэй Нактур, была выдана замуж за Беруса Альфанте, а старший сын Лиор женился на сестре Беруса, Альфе Альфанте. К сожалению, дети, родившиеся в обеих семьях, погибли, так и не повзрослев, отчего династия Альфанте оборвалась. После смерти Алирэй Нактур Терры Акварию, титул Верховной Жрицы перешел к ее младшей сестре Терре Акванте.

От Терры Акванты к Акванте Электре, от Акванты Электры к Электре Фламаре, от Электры Фламары к Фламаре Аэре, а от Фламары Аэры к Аэре Терре передавалась власть над Империей.

Алирэй Нактур Аэра Терра вошла в историю Трилунской Империи как «Хранящая Границы», поскольку за двести шестьдесят два года до Трилунской катастрофы она заключила Великий Союз с вождем одного из южных племен. В обмен на покровительство Империи вождь обязался не допускать набегов на Трилунские города племенами кочевников.

Этот Союз приносил свои плоды и во время правления ее дочери Алирэй Нактур Терры Акварию, а также дочери Терры Акварию, Алирэй Нактур Акварию Электры. Однако когда в двести десятом году до Трилунской катастрофы титул Алирэй Нактур приняла очередная

Электра Фламара, набеги кочевников не только возобновились, но и усилились. Это вовсе не было виной Электры Фламары: причина возобновления набегов — это бунт в племени, с которым был заключен Великий Союз. С приходом к власти дочери Алирэй Нактур Электры Фламары, Фламары Аэры, проблема набегов кочевников несколько стихла, но говорить о стабильности времен Великого Союза было уже невозможно.

Алирэй Нактур Фламара Аэра передала титул и Священную Звезду своей дочери Аэрии Терре, а Аэрия Терра — своей дочери Терре Акварии.

Алирэй Нактур Терра Аквария в первый же день после принятия титула начала проводить в Империи Трех Лун свои реформы. Эти реформы очень облегчали положение крестьянства, но больно ударили по аристократии, что, разумеется, не могло не вызвать недовольство среди Трилунского дворянства. Терра Аквария ввела общедоступность образования, освободила от налогового бремени малоимущих, но усилила его для богачей. У нее было много идей по улучшению жизни в Империи, но на десятом месяце своего правления Алирэй Нактур Терра Аквария была найдена убитой в собственной постели.

Ставшая новой Алирэй Нактур, дочь Терры Акварии Аквария Электра, боясь повторить судьбу матери, никаких реформ не проводила, политикой практически не интересовалась и была, по сути, всего лишь куклой, украшающей Империю, в то время как реальная власть была сосредоточена в руках сначала ее мужа Монтира Мирана, а после его смерти — их дочери Электры Фламары, которая приняла титул Алирэй Нактур через шесть лет после смерти отца, в день смерти матери.

Алирэй Нактур Электра Фламара обожала власть и была настоящим профессионалом в политических играх. Она смогла заставить всю политическую элиту Империи беспрекословно подчиняться ей, что не могла сделать ее мать, а также заключить ряд важных договоров с наиболее развитыми Королевствами Запада.

После Электры Фламары титул Алирэй Нактур приняла ее дочь Фламара Аэра, которая после смерти передала его своей дочери Аэрии Терре, а та — своей дочери Терре Акварии.

За восемь лет до гибели Трилунской Империи, Алирэй Нактур Терра Аквария умерла при родах. Ее новорожденная дочь Аквария Электра приняла титул Алирэй Нактур в день своего рождения. Алирэй Нактур Аквария Электра вошла в историю как последняя Верховная Жрица Трилунской Империи, поскольку при ее правлении произошла Трилунская катастрофа. Но также она вошла в историю и как «Очаровательная» Алирэй Нактур.

Только научившись стоять на ногах и делать неуверенные шаги, Аквария Электра была вынуждена участвовать в ритуальных празднествах Империи, ведь традиции требовали того, чтобы именно Алирэй Нактур своим ритуальным танцем воздавала почести каждой из Трех Лун. Ритуальные танцы выматывали даже взрослых ее предшественниц, но маленькая Электра старалась изо всех сил, отчего каждый, видевший ее старания, проникался к Верховной Жрице невероятной симпатией, уважением и любовью. Уже к пяти годам Аквария Электра выучила все ритуальные танцы, которые должна знать Алирэй Нактур, а их было более тысячи.

Юная Аквария Электра была любимицей у всего народа. Многие жители Империи специально приезжали в столицу, чтобы только посмотреть на маленькую Алирэй Нактур. Но никто никогда не видел улыбки маленькой девочки, которой просто некогда было улыбаться, ведь все время она тратила на разучивание танцев и изучение традиций Подлунной Империи.

Когда Алирэй Нактур Акварии Электре было семь лет, во время праздника в честь

Погибшей Луны, ее, любимицу всего Трилунского народа, увидел девятилетний Коготь из Братства Карателей Сокрытого Ордена. Девочка, которая была младше него на два года, захватила внимание всей толпы, собравшейся на храмовой площади.

— Атра сэ Ли Натра Фиалисэ, — начала она свою речь, — Алирэй Нактур Аквария Электра...

«Я — Воплощение Трех Лун, — в переводе с трилунского говорила семилетняя Верховная Жрица, — Алирэй Нактур Аквария Электра, единственная Госпожа Трилунских Земель, Верховная Жрица среди жриц и жрецов, ведающая Храмом Трех Лун. Я дочь Великой Терры Акварии, дочери Великой Аэрии Терры, Дочери Великой Фламары Аэры, дочери Великой Электры Фламары. Я Владычица Священной Звезды, подаренной предкам Духом Трех Лун. Я, благословленная Погибшей Луной, та, в чьих жилах течет кровь Двадцати Священных Семей Подлунного мира: Альфанте, Бенорис, Гордер, Нантер, Лямпир, Анторин, Фетруциан, Контер, Сирениум, Аметир, Ремптан, Фленктур, Деляр, Алан Саламандрит, Натур, Миран, Розар, Ксиалинер и Линерус. Я та, кто несет на себе Величие Трилунской Империи. Я та, кто взмахом руки способна вершить судьбы людские. Я та, с кем обязаны считаться владыки всех государств. Я та, чьими глазами предки взирают с небес. Я та, чьими устами говорят Три Луны, чьими стопами идет по земле Очищающий Свет. Я та, кто стоит на пересечении Прошлого и Грядущего. Я та, чей Дух существует с начала Времен, и та, чья Душа останется жить после гибели брэнного тела. Я та, пролив каплю чьей крови, обретают проклятье, влекущее гибель всему. Я та, пред кем склоняют головы и встают на колени. Я та, кто милует, и та, кто карает, я та, кто помнит, и та, кто прощает. Я та, чье Величие, дарованное Небесами, не уступает Величию самих Небес. Я Хранительница Мира и Владычица Войн, Наследная Правительница Трилунской Империи Алирэй Нактур Аквария Электра».

Величественная и хрупкая, гордая и мягкая, грациозная и энергичная, прекрасная и добрая семилетняя Алирэй Нактур Аквария Электра не допустила ни одной ошибки в сложнейшем из ритуальных танцев. Даже первый из Карателей, обучавшийся по принципу «Наблюдай, анализируй, перенимай», вряд ли смог бы повторить некоторые из ее движений. Когда Аквария Электра взяла в руки Чашу со Священной Водой, началась настоящая магия. И хотя на самом деле в действиях семилетней Верховной Жрицы не было никакого волшебства, брызг капель воды, сверкавших на Солнце, заставлял усомниться в этом: юная Электра превзошла всех своих предшественниц в проведении Священных Ритуалов.

А через год Трилунской Империи не стало. Судьба последней из Трилунских Верховных Жриц осталась загадкой для историков: принято считать, что Алирэй Нактур Аквария Электра погибла вместе с Великой Державой, но многие предпочитают верить, что любимица народа осталась жива и до сих пор танцует священные танцы под лунами.

Также никому не известно, куда делась Алирэнорэй Искарэ, Священная Пятидесятиконечная Звезда Трилунской Империи, которую все Алирэй Нактур по традиции носили на шее.

Из следующей главы вы узнаете о том, как первый из карателей рассказал собирательнице историй Легенду о Диком Звере и Певчей Птичке.

===== Часть 7. “Жрица”. Глава 56 =====

О том, как первый из карателей рассказал собирательнице историй Легенду о Диком Звере и Певчей Птичке

В то время, когда Вэй Арэн убивал гигантского ящера, считавшегося у племени южных

кочевников богом, Рэйна, Кэрэндрейк и Капа неторопливо продвигались на восток к руинам столицы Трилунской Империи. С каждым днем, нет, с каждым часом пребывания на территории погибшего государства всегда жизнерадостная собирательница историй становилась все мрачнее и мрачнее. Лошадь Капа, оправившись от шока, пережитого за время перехода через Эмин-Алотаросский мост, даже пыталась по-лошадиному приободрить малышку Рэй, но у нее ничего не вышло. Чтобы привлечь к себе внимание Рэйны, Капа встала на дыбы, а девушка этого даже не заметила.

— И долго это будет продолжаться? — не выдержал Кэрэндрейк.

— Что именно? — отрешенно переспросила Рэйна.

— Это твоё состояние.

— Что-то не так?

— Все не так. Ты себя ведешь более чем странно.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — холодно ответила собирательница историй.

Она сидела в повозке, которой управлял Кэрэндрейк.

— Смотри, в небе дракон.

— Прекрати издеваться.

— Вот, — растягивая «о», произнес Кэрри. — Обычно ты бы тут же начала его искать.

— Хм! — хмыкнула Рэйна.

— Ты ведь знала, что мы в любом случае окажемся в Трилуне, Гордислава еще в Аркане говорила маршрут и цель исследования.

— Ну и.

— Могла бы отказаться, если уж тебе так тяжело находиться здесь.

— Дрейк, может быть, ты прекратишь выдумывать всяческие глупости? — вспыхнула малышка Рэй.

— Вэй сказал, что одно дело слышать о Трилунской катастрофе, и совершенно другое — видеть ее последствия. Мы можем повернуть и поехать обратно, если ты не хочешь здесь находиться.

— Мы не будем разворачиваться и возвращаться, — отказалась Рэйна.

— Как знаешь, — вздохнул Кэрэндрейк. — Но в таком случае, пожалуйста, прекрати притворяться, будто все в порядке.

— Я не притворяюсь...

— Хочешь сказать, что тебе, воплощению впечатлительности, не жаль трилунский народ?

— Жаль, — чуть слышно ответила Рэйна. Ее голос дрогнул.

— Тогда зачем ты пытаешься нацепить на себя маску безразличия? У тебя, к слову, это очень плохо получается. Твое мрачное лицо тебя выдает.

— А что мне еще делать? Куда ни взглянешь, одни разрушения. Когда я смотрю на разрушенные здания, мне представляется, как умирали живущие в них люди. От этого хочется плакать.

— Так плачь.

— Это будет выглядеть глупо. Я ведь даже не знала этих людей. Да и умерли они давно.

— Разве это имеет значение? — спросил Кэрэндрейк. — Никогда не думал, что сострадание и ему подобные вещи ограничено по времени и по кругу лиц.

— Но если я буду оплакивать тех, кто умер здесь во время Трилунской Катастрофы, то умершие до них, после них и в других местах и обстоятельствах, будут обделены. Не могу же

я оплакивать всех погибших когда-либо.

— Я не думаю, что они будут обделены в такой ситуации. Как вообще можно обделить слезами?

— Не знаю, — пожала плечами Рэйна.

— Вот и я тоже. В любом случае, сейчас мы едем по степи, а руины ближайшего города, если хочешь, можем объехать стороной.

— Пожалуй. Дрейк, а ты когда-нибудь оплакивал чью-либо смерть?

— Тебе напомнить, что я воспитывался, как убийца?

— Значит, нет?

— Вот такой я дефектный человек.

— Ты не дефектный! — возразила собирательница историй. — Ты очень хороший.

— Посмотрел бы я на тебя, как бы ты это сказала, когда я вовсю выполнял задания Ордена.

— Ты — это ты, и ты всегда был собой.

— Было бы странным, если бы я был Вэем или Зелорисом.

— Гордиславой! — воскликнула Рэйна и рассмеялась во весь голос. Разговор с Кэрэндрейком отвлек ее от мрачных мыслей и вернул в обычное состояние.

— Сделай одолжение, не представляй меня в платье, — попросил Кэрэн.

— Уже! Ха-ха-ха!!!

— Какая же ты, оказывается, жестокая.

— Но это так забавно, я ничего не могу с собой поделать.

— Тогда, чтобы не я один от этого пострадал, представь в платье Вэя.

Рэйна на секунду задумалась, после чего ее вновь накрыла волна смеха.

— А теперь Зелориса, — улыбаясь, посоветовал Кэрэндрейк, когда собирательница историй слегка успокоилась.

Последовавшая за этим третья волна смеха была сильнее, чем обе предыдущие вместе взятые.

— Это кто из нас жестокий, — малышка Рэй была уже не в силах смеяться. — У меня живот от смеха болит.

— У нее живот болит, — изобразил ворчание Кэрри, — а кого-то в женских одеждах представляют. Даже не знаешь, кому хуже!

Словно поняв слова Кэрэндрейка, лошадь Капа заржала.

— Спасибо, — спустя несколько минут сказала Рэйна. — Мне стало легче.

— Всегда пожалуйста, — ответил Дрейк. — Обращайся, когда захочешь отвлечься от плохих мыслей. В одиночку это делать тяжелее.

— А как ты справлялся с плохими мыслями, если некому было помочь?

— Мой вариант тебе не поможет.

— И все же.

— Представлял, как умирают причины моих плохих мыслей, — честно ответил Кэрэн. — И, как правило, от моей руки.

— Ох, — только и могла произнести собирательница историй.

— Мое прошлое довольно мрачная и жестокая штука, — сказал первый из Карателей. — Жизнь Когтя совсем не такая, какой ее представляют во всяких легендах.

— Извини. Давай не будем об этом.

— Если ты думаешь, что этим разговором задеваешь старые раны, — усмехнулся

Дрейк, — то спешу тебе сообщить, что все в порядке. Это практически то же самое, что говорить о том, что было вчера на завтрак.

— Ой! — воскликнула малышка Рэй. — Я, кажется, забыла.

— Что? — не понял Кэрри.

— Что было вчера на завтрак...

— Яблоки же.

— Они на обед. Куропатка на ужин.

— А мы вообще завтракали?

— Завтракали. Это точно. Только не помню, что.

— Черт. Я тоже не помню.

Вскоре решено было сделать привал. Кэрэндрейк развел костер, а Рэйна занялась приготовлением каши. Тем временем, Капа решала важный для себя вопрос: какую траву ей пощипать первой.

— Знаешь, — сказал Кэрри, когда с едой было покончено, — а ведь не ты одна можешь рассказывать легенды.

— Легенды? — переспросила Рэйна.

— Легенды, — повторил Кэрэндрейк, поскольку собирательница историй, глядя на пламя костра, снова погружалась в свои мысли.

— Расскажи! — словно по мановению волшебной палочки малышка Рэй вернулась в обычное оживленное состояние. Ее глаза загорелись любопытством.

— Да без проблем...

— Подожди, я только где записать возьму, — перебила сильнейшего из Карателей девушка.

— Не для записи. Или не расскажу.

— Вредный.

— Ну, так как?

— Слушаю.

— Вот и хорошо, — улыбнулся Кэрэн. — Я расскажу тебе легенду о Диком Звере и Певчей Птице.

— Я такую не знаю.

— Разумеется, не знаешь. Только не перебивай, ладно? А то не буду рассказывать.

— Обещаю! — встревожилась собирательница легенд.

— Жил-был когда-то Дикий Зверь. Старая Волчица нашла его, когда он был еще детенышем, и, приняв за волчонка, решила воспитать. Взращённый Волчицей Дикий Зверь был слишком диким даже для волка. Для него было обычным обнажать свои клыки, скалить зубы и выпускать когти. Ни перед кем Дикий Зверь не склонял голову, никому не позволял он собой командовать. Уважая Волчицу, воспитавшую его, Дикий Зверь лишь ей разрешал гладить свою шерсть.

Но однажды, на Старую Волчицу объявили охоту. Охотникам не понравилось, что она перегрызла горло их собакам. Долго охотники гнались за Волчицей. Они загоняли ее в Царство Смерти, из которого никому было не выбраться. Но Волчица не сдавалась без боя. Она не могла позволить себе просто принять смерть от рук охотников, и прежде чем испустить дух, Старая Волчица забрала с собой многих из них.

Дикий Зверь, узрев хладное тело Старой Волчицы, еще более озверел. Казалось бы, только смерть могла его успокоить. Реки крови проливал Дикий Зверь, устраняя все, что

смело приближаться к нему.

Охотники, загнавшие Волчицу в Царство Смерти, все силы бросили на борьбу с Диким Зверем, но даже так они не смогли убить его. В конце концов, им удалось заковать обессилевшего Дикого Зверя в цепи. Тогда охотники еще не знали, что сидящий на цепи Дикий Зверь намного опаснее Дикого Зверя, гуляющего на воле.

Ошейник, который охотники надели на Дикого Зверя, сдавливал его шею. Цепь, которой он был прикован, не давала ступить и шагу. Намордник не позволял Дикому Зверю раскрыть свою пасть, чтобы загрызть охотников. Дикий Зверь понял, что в данный момент он не может сделать ничего, и затаил в своем сердце жажду мести. Каждый день, каждый час представляя, как он разрывает плоть охотников, пленивших его, Дикий Зверь выжидал момента, когда его месть свершится. Чтобы ослабить сковывающие Дикого Зверя путы, он стал притворяться Ручным Зверем. Зверь вынужден был выполнять приказы хозяев. Когда они приказывали Дикому Зверю дать лапу, словно какой-то собаке, он давал лапу. По команде «голос» Дикий Зверь испускал громкий вой. По команде «апорт» Зверь набрасывался на указанную охотниками добычу.

Однажды Дикий Зверь увидел Прекрасную Птицу, сидевшую в Золотой Клетке. Птичка была столь прекрасна, что Зверь не мог отвести от нее взгляда.

Перья Прекрасной Птицы были самым роскошным одеянием, которое только можно было представить. Ни один самоцвет, ни один цветок не мог сравниться с Прелестной Птицей. Даже свет Солнца, Звезд и обеих Лун затмевала она своей красотой. Если бы Погибшая Луна вдруг возродилась, то и ее превзошла бы Прекрасная Птица. Взмах ее крыла заставлял каждого замереть, но Золотая Клетка не позволяла Прекрасной Птичке отправиться в полет в манящее небо. Прелестная Птица не знала свободы, она могла только мечтать о ней и наблюдать за свободным полетом других птиц сквозь решетку Золотой Клетки. Не зная свободу Прекрасная Птичка не могла петь, а ее взгляд был неживым, словно у фарфоровой куклы. Дикий Зверь не хотел отводить взгляда от Прелестной Птицы, очаровавшей его. Но охотники, для которых он был Ручным Зверем, увели его от Золотой Клетки, в которой мечтала о небе Прекрасная Птичка.

Теперь мысли Дикого Зверя были заполнены не только местью к охотникам. Он часто представлял, как выглядела бы Прелестная Птица, если бы ей даровали свободу. Он мечтал снова увидеть ее.

Но охотники больше не давали Дикому Зверю встречаться с Прекрасной Птицей.

— Как жалко! — воскликнула Рэйна.

— Ты не могла бы меня больше не перебивать? — проворчал Кэрэндрейк. — Я только, может быть, во вкус вошел.

— Можно я только один вопрос сперва задам?

— Задавай, — согласился рассказчик.

— А Птица хотела снова увидаться с Диким Зверем?

— Прекрасная Птица даже не знала о том, что Дикий Зверь ходит под этим небом, — улыбнулся Кэрэндрейк. — Она не знала о том, что он был очарован ею. Прелестная Птица не знала о мире за пределами Золотой Клетки, отчего не могла знать и о существовании Дикого Зверя. Дикому Зверю было больно от мысли, что Прекрасная Птица ничего не знает о нем, но еще больнее ему было от того, что он мог больше никогда не увидеть Прелестную Птицу.

Несмотря на то, что Зверь часто вспоминал Прекрасную Птицу, мысли о мести охотникам также часто посещали его. Наконец, Дикий Зверь перегрыз свою цепь и вырвался

на свободу. Он отомстил охотникам, доказал, что был не Ручным, обнажив против них свои клыки и когти.

Воздух свободы пьянил Дикого Зверя, делая его счастливым. Он был предоставлен сам себе, ошейник больше не сдавливал его горло, цепь больше не сковывала его движения, а намордник не мешал набрасываться на обидчиков. Дикий Зверь снова стал по-настоящему Диким.

В один прекрасный день Дикий Зверь вновь повстречал Прекрасную Птицу. Ее Золотая Клетка была сломана. Теперь Прелестной Птице тоже была знакома свобода. Ее взгляд стал живым, манящим к себе своей жизнерадостностью, ведь Прекрасная Птичка познала прелесть так долго манившего ее бескрайнего неба. Дурманивший запах свободы преобразил Прекрасную Птицу, сделав ее еще прекрасней, а полет под самым куполом небосклона вдохновил Прелестную Птицу на песнь.

Прекрасные песни пела Певчая Птичка, оказавшись за пределами Золотой Клетки. Настолько прекрасными были эти песни, и настолько прекрасной была сама Певчая Птичка, что Дикий Зверь поклялся всю свою жизнь защищать эту Птичку и добровольно протянул ей свой поводок.

Этот Зверь — я, а Певчая Птичка — ты, Рэйна. Или правильнее будет сказать, Верховная Жрица Трилунской Империи, Алирэй Нактур Аквария Электра.

Из следующей главы вы узнаете о том, как Первый из Карателей впервые увидел Трилунскую Жрицу, и о том, как узнал ее, встретив во второй раз.

===== Часть 7. “Жрица”. Глава 57 =====

О том, как Первый из Карателей впервые увидел Трилунскую Жрицу, и о том, как узнал ее, встретив во второй раз

— Что ты сказал? — прошептала собирательница историй.

— У «Алирэй» взять «Рэй», у «Нактур» взять «На», получится «Рэйна». Довольно интересная задумка, из своего имени составить свое же имя. Насколько мне известно, в Трилуне титул Верховных Жриц ведь входит в часть имени, да?

— Входит... — вздохнула малышка Рэй.

— Хотя вариант «Электра» мне больше нравится, — добавил Дрейк.

— Не знала, что тебе обо всем известно.

— Еще в Тайре я говорил, что есть вещи, которые мне известны с самого начала*.

— Спасибо, что не сказал об этом тогда.

— Зачем мне рассказывать другим то, что ты не хочешь рассказывать?

— Прости, что обманывала.

— Обманывала? — усмехнулся Кэрри. — Обманывать и не рассказывать правду — разные вещи. Тебя никто не спрашивал, из Трилуна ли ты, и уж тем более тебе не задавали вопроса, являешься ли ты Верховной Жрицей. И ты никогда не утверждала обратное. Как я не говорил о том, что я Коготь, но и не отрицал этого. К тому же ты даже имя свое, по сути, не изменила, а лишь сократила его. Это то же самое, что сказать, что Зел обманывает, если представляется Зелом, а не Зелорисом.

— Он всегда представляется как Зелорис.

— А в один прекрасный день решит представиться как Зел. Будет это обманом?

— Нет.

— Вот. Хотя, в его случае, даже если он представится как «У», это обманом не будет. Так что я не вижу в твоих действиях лжи.

— Я себя сейчас очень глупо чувствую, — сообщила Рэйна.

— Глупо себя будет чувствовать Гордислава, когда поймет, кто находился с ней почти год.

— Ой! Я как-то не подумала.

— Да ничего, — засмеялся Дрейк. — Просто тебе придется ей очень много рассказывать о трилунских традициях.

— Надеюсь, мои познания ей пригодятся.

— А вообще, я не понимаю, почему ты так волнуешься. Думаешь, что что-то изменится, когда все узнают, что ты была Верховной Жрицей до уничтожения Трилуна?

— Да.

— Насколько изменилось ко мне отношение, когда раскрылось, что я Коготь?

— Вообще не изменилось, — не раздумывая, ответила Электра.

— Тогда почему должно измениться отношение к тебе?

— Не знаю, но... — Рэйна замялась с ответом.

— Я, не говоривший о том, что был когда-то Карателем, и Вэй, который был вынужден предать нас по велению третьесортной Маски, молчали о более... весомых, скажем так, вещах.

— Весомых? — возмутилась малышка Рэй.

— Я ничуть не принижаю твой статус как правительницы целой Империи, — поспешил исправиться Кэрэн. — Я имею в виду то, что по сравнению с тобой, мы с Вэем потенциально могли бы представлять опасность.

— А я, хочешь сказать, вообще никакой опасности не представляю? — собирательница историй возмутилась еще больше.

— По сравнению со мной? — усмехнулся Кэрэндрейк. — Что-то мне не верится, что ты можешь убить человека. Будешь продолжать спор?

— Сдаюсь.

— Ситуацию с Вэем давай все-таки отбросим. Сравни: я, притворявшийся хилым лекарем, но на деле являющийся сильнейшим из Карателей, и ты, невинная собирательница легенд и историй, исполняющая свои песни и просто-напросто не упоминающая о происхождении и опыте руководства Империей. Чего можно ждать от меня? Ножа в спину, кровавой бойни, любого вида насильственной смерти. Чего можно ждать от тебя? Кроме как историй о Трилунской Империи, ничего не представляется. Так почему же мне доверяют, как и раньше, а тебе не должны?

— Ты — это ты, — неуверенно произнесла Рэйна.

— А ты, стало быть, не ты?

— Эта легенда, которую ты рассказал...

— О нас с тобой. В тот день, когда тебя чуть не продали в рабство в Монфриде, я встретил тебя не в первый, а во второй раз. Хотя для тебя это была наша первая встреча.

— Я не понимаю, — призналась Алирэй Нактур Аквария Электра.

— Когда мне было девять лет, я был в Трилунской Империи по заданию Ордена. Мне надо было устранить предавшего Орден убийцу, который скрывался в столице Империи. Тогда же в столице проводилось какое-то празднование. Большая толпа стояла на храмовой площади. Она была похожа на жужжащий рой пчел, который, к тому же, было ни чем не успокоить. Но вдруг, толпа утихла. Я стоял тогда спиной к ней, и не мог не развернуться, чтобы узнать причину этого. Представь мое удивление, когда я понял, что всех тех людей

смогла успокоить девочка, которая была младше меня? Я напрочь забыл о задании и не сводил с тебя глаз. Ты произносила речь на неизвестном мне языке, танцевала танец, чье значение мне не известно, а после совершала какие-то чудные манипуляции с чашей воды. Я наблюдал за каждым твоим шагом. Даже вернувшись в Орден, я не раз вспоминал увиденное. Когда я узнал об уничтожении Трилунской Империи, первая моя мысль была о тебе. Когда в Монфриде я был разбужен разговорами о том, чтобы продать некую наивную девушку в рабство, я даже предположить не мог, что этой девушкой окажешься ты. Но лишь взглянув на тебя, я понял, что эта наивная девушка — когда-то поразившая меня Верховная Жрица Трилуна.

— Наверное, я тебя очень разочаровала, — вздохнула Рэйна.

— Ничуть, — улыбнулся Дрейк. — Забавно было наблюдать за тобой и понимать, что ты совсем не такая, какой я тебя представлял, но в то же время помнить, что ты именно та, кто очаровала меня в день, когда я впервые тебя увидел.

Тишина нависшего молчания прерывалась только потрескиванием сухих веток в костре, пламя которого отражалось в глазах рассматривающей его Верховной Жрицы. Ощущение того, что ее секрет был вовсе не секретом, заставило малышку Рэй по-новому взглянуть на действительность.

— Остальные точно не знают? — спросила она.

— О том, что ты Верховная Жрица Трилунской Империи? Нет.

— А не могут они... как ты, делать вид, что не знают?

— Во-первых, они не настолько хороши, чтобы я это не заметил, во-вторых, я не настолько плох, чтобы не заметить этого. И, в-третьих, никому и в голову не взбрело бы представить себе такое. Если бы я не видел тебя еще в Трилуне, то ни за что бы не догадался.

— Ты мне сейчас комплимент сделал или замечание?

— Я просто констатировал факты.

И снова молчание. Рэйна почувствовала, что у нее стали слипаться глаза. Костер догорал.

— Когда мы встретимся с остальными, не говори им пока ни о чем, — прервала тишину собирательница историй.

— Да без проблем. Зачем мне это?

— Спасибо.

На следующее утро, когда настала пора отправляться в путь, Рэйна неожиданно предложила изменить маршрут.

— Может быть, мы пойдем навстречу остальным, а не на руины столицы? — спросила она.

— Почему бы и нет, — согласился Кэрэндрейк.

— Я понимаю, что мы могли бы попасть в столицу раньше и осмотреться там, — принялась оправдывать свое решение Алирэй Нактур Аквария Электра, — и что мы могли бы найти что-нибудь, что пригодится Гордиславе в исследованиях. Но я еще не готова оказаться там.

— Если хочешь, мы можем вообще отказаться от этой затеи с путешествием.

— Нет. Я должна узнать, что погубило мою страну. Пусть даже я и боюсь этого знания.

— Не стоит бояться неизвестности. Все будет хорошо, я буду с тобой и поддержу тебя.

— Ты говоришь так, будто влюбился в меня, — усмехнулась Рэйна.

— Черт возьми! Я тебе об этом более чем прямым текстом еще вчера сказал!

— Ой...

— «Ой»? Мда, повезло же мне.

— Извини.

— За что? Сам виноват, что мозгов нет.

— У кого? — не поняла собирательница историй.

— У обоих, — тяжело вздохнул Кэрри.

— Подожди! — вдруг воскликнула малышка Рэй. — Ты меня вчера утешал, только потому что я тебе нравлюсь?

— Долго думала?

— Нет.

— Оно и видно.

— Можно я воспользуюсь тем, что нравлюсь тебе? — в голове Верховной Жрицы Трилуна возник коварный план.

— Попробуй, — Когтю было интересно, до чего могло додуматься это воплощение Наивности, Восторженности и Впечатлительности.

— Я прошу тебя меньше на меня ворчать!

— Невозможно, — отрезал Кэрэн. — Разве что ты не будешь допускать ситуаций, вызывающих мое ворчание. Но, боюсь, что это еще более невозможно.

— Наверное, — согласилась собирательница историй.

Капа, узнав от Рэйны, что они изменили маршрут, была одновременно удивлена и обрадована тем, что они едут не на какие-то руины, а на встречу с ее хозяином, по которому она очень скучала. По этой причине всегда неторопливая лошадь ускорила свой ход. Ее копыта отбивали четкий и резвый ритм по грунтовой дороге, и Кэрэндрейку даже не приходилось не то чтобы подгонять Капу, но и ворчать на нее.

Весь день Рэйна и Кэрэндрейк ехали молча. Кэрри прекрасно понимал, что Верховной Жрице Трилунской Империи и по совместительству собирательнице историй необходимо было обдумать сказанное им.

Что она чувствовала к Дрейку? Могла ли она ответить на его чувства? Электра не знала ответ. Согласно Трилунским традициям, носящие титул Алирэй Нактур должны заключать брак только с представителями Двадцати Священных Семейств, и любые подобные отношения с людьми не из этого круга были запрещены. Однако Трилунской Империи больше не было, так может быть, Алирэй Нактур Аквария Электра больше не была скована традициями погибшего государства?

«Ее Золотая Клетка была сломана. Теперь Прелестной Птице тоже была знакома свобода», — пронеслись слова Кэрэндрейка в голове собирательницы историй. Как малышка Рэй могла не заметить, что стала свободной в день, когда ее Империя погибла? Почему она не задумывалась об этом раньше? Ведь последние десять лет она жила не как Верховная Жрица, а как обычная девушка, на которую не распространялись традиции и табу Трилунского государства.

Осознание того, что Рэйна вольна в выборе своих чувств, привело к тому, что девушка осознала и то, что сама влюблена в первого из Карателей. Смущенная улыбка появилась на лице девушки, сидящей спиной к Кэрэндрейку, поэтому он ничего не заметил. Малышка Рэй решила не говорить Дрейку ни о чем. Это была ее маленькая месть за то, что он столько молчал о своих чувствах.

*См. главу 41.

Из следующей главы вы узнаете о том, как в Сокрытом Ордене устроен обмен информацией, и о том, как этим воспользовались Каратель и Жрица.

==== Часть 7. “Жрица”. Глава 58 =====

О том, как в Сокрытом Ордене устроен обмен информацией, и о том, как этим воспользовались Каратель и Жрица

— Нам все-таки придется заехать на руины Трилунского города, — предупредил Кэрэндрейк, когда один из таких городов показался на горизонте.

— Хорошо, — с некоторой неохотой согласилась Электра. — А зачем?

— Хочу быть в курсе ситуации, происходящей вокруг, — ответил Кэрри. — Это может пригодиться.

— Я как-то не совсем понимаю. Как ты сможешь узнать это, посетив руины?

— Несмотря на то, что это руины, через них все равно проходят дороги к уцелевшим городам. А там, где есть дороги, есть и информация.

— Ты собираешься изучать следы? — поинтересовалась Рэйна.

— Нет, — усмехнулся Коготь.

— Ты можешь нормально все объяснить? — Верховная Жрица Трилуна начала злиться.

— Могу. Но так забавнее. Сможешь сама догадаться, что я собираюсь сделать?

— Не буду, — малышка Рэй надула щеки.

— А как же пытливый ум собирательницы историй, которой необходимо докопаться до истины?

— Это связано с Сокрытым Орденом? — догадалась Рэйна.

— Верно! — воскликнул Дрейк, пребывавший в хорошем настроении.

— Но ты ведь говорил, что не будешь мне рассказывать про Орден, — напомнила девушка.

— Однако то, что я сейчас расскажу, может тебе пригодиться. Ты ведь знаешь, насколько велико влияние Ордена на Материке?

— Могу только представлять.

— Что нужно, чтобы контролировать такую большую территорию?

— Что? — переспросила Рэйна.

— Подумай, — не стал отвечать Кэрэндрейк. — У тебя ведь был опыт управления огромным государством.

— Мне было восемь лет, когда он прекратился.

— А еще у тебя был опыт путешествий по множеству Западных Королевств.

— Армия? — предположила собирательница легенд.

— Сила — это, конечно, хорошо, но не припомню, что она была нужна для управления Трилуном. Нет. Я имею в виду другое. То, без чего Орден даже Карателей в полной мере использовать не смог бы. Не говоря уже о призраках и простых убийцах. К тому же вспомни, о чем мы говорили с самого начала.

— Что-то, необходимое для использования Карателей, призраков и убийц, и о чем мы уже говорили, — ухватилась за подсказку Алирэй Нактур. — Информация?

— Правильно, — улыбнулся Кэрэндрейк.

— То есть, ты хочешь найти и порасспрашивать информатора?

— Не правильно. Мне этого делать нельзя: я обещал Клыкку не трогать Орден взамен на то, что Орден не будет трогать никого из вас.

— Тогда что?

— Мы не будем расспрашивать непосредственно информатора, но, в то же время, узнаем о положении вещей в этих местах от него.

— Подслушаешь?

— Я собираюсь читать.

— Перехватишь письмо?

— Можно сказать и так, — произнес Кэрэн. — Но в то же время и нет. Ладно, не буду тебя мучить, расскажу все, как есть.

— Давно мог бы, — сказала Рэйна и потянулась за письменными принадлежностями.

— Не писать! — запретил Кэрэндрейк. — То, что я тебе сейчас расскажу, должно остаться между нами.

— Хорошо, — согласилась малышка Рэй, убирая перо обратно за ухо.

— В Сокрытом Ордене много информаторов. Но если каждый из них будет сообщать информацию непосредственно другим членам Ордена, это может вызвать подозрения, ведь большая часть информаторов живет среди обычных людей.

— Наверно...

— Представь какую-нибудь, допустим, кухарку. Из тех, что любят совать свой нос в дела соседей.

— Представила.

— А теперь представь, что по соседству с ней живет, например, плотник.

— И этот плотник на самом деле информатор? — догадалась Электра.

— Именно. Иногда бывает так, что информацию необходимо получать по несколько раз на дню. Что будет, если к этому плотнику станут постоянно заходить подозрительные люди? При том, что для этой самой кухарки подозрительным является любой человек, с которым она не знакома, а количество людей, приходящих к плотнику за информацией, достаточно велико.

— Да уж, — вздохнула собирательница историй. — И как тогда?

— Представь теперь, что будет, если этот плотник каждый вечер или раз в несколько дней выпивает с каким-то собутыльником? Даже несмотря на то, что эта кухарка его не знает, у нее и причин для подозрений не возникнет.

— Ну, да, наверное, — согласилась Рэйна.

— Поэтому в Ордене есть несколько типов информаторов: оседлые информаторы, такие, как этот плотник, странствующие информаторы, которые ни в одном месте не останавливаются, и связующие, благодаря действиям которых наш воображаемый плотник окажется вне подозрений, а сами мы сможем узнать все, что нам нужно.

— То есть, связующий, это тот самый собутыльник?

— Собутыльник, бродяга, дальний родственник... Кем они только не притворяются, — ответил Коготь. — Связующие собирают информацию от других информаторов и снабжают ей любого члена Ордена, которому она необходима. Разумеется, особо секретную информацию они так передавать не могут, но о том, что творится вокруг, мы понять сможем.

— Ты ведь ушел из Ордена, — напомнила Аквария Электра. — Разве они дадут тебе эту информацию?

— Никто даже не узнает, что мы ее взяли! — гордо произнес Кэрэндрейк. — Оседлые информаторы собирают информацию и записывают ее на листок. Связующий, получая эту

записку, делает несколько копий, которые затем прячет в специально отведенные для этого места. Есть, кстати, еще типы связующих, которые непосредственно с информаторами не взаимодействуют, а получают информацию из этих специальных мест, проверяют ее значимость и распространяют дальше, если это необходимо. А места, куда эти записки прячут, стандартные: корни деревьев или их дупла, трещины в больших камнях, стенах зданий, другие подобные места.

— Но так ведь посторонний может обнаружить эту информацию!

— Не может, — отрезал Кэрэн. — Все дело в трубочках. В эти специальные места спрятаны металлические трубочки, в которые вкладываются записки, и открыть которые можно только определенным образом. Я покажу тебе, как.

Металлическую трубочку Кэрэндрейк нашел в стволе большого дерева, которое возвышалось над разрушенными зданиями, словно гордясь тем, что его не коснулась катастрофа. Ловким движением руки первый из Карателей активировал открывающий механизм и достал из трубочки несколько свернутых записок. Первые три он проглядел без особого интереса, но прочитав четвертую записку, Кэрри изменился в лице.

— Что-то случилось? — предположила Рэйна.

— Случилось, — тяжело вздохнул Кэрэндрейк. — Этих идиотов ни на секунду нельзя одних оставить.

— Дрейк?

— «Героя «Монфридской Охоты» собираются продать в рабство в Рэластэне», — Кэрэндрейк прочитал четвертую записку вслух. — Полагаю, Гордислава и ловелас также не избежали этой участи.

— Рабство? — ужаснулась малышка Рэй. — Но как? Почему? Они ведь не могли дать себя захватить. И в Трилунской Империи никогда не было рабства!

— А я вот не удивлен. Рэластэн является центром работорговли последние несколько лет. Да и у этой троицы просто талант во что-нибудь влипнуть, как и у тебя, впрочем.

— Надо их спасти! — уверено произнесла собирательница историй.

— Само собой разумеется, — согласился Кэрэн.

— Только... — Рэйна замаялась и решила не договаривать фразу.

— Что? — спросил Кэрэндрейк.

— Правда, что Рэластэн — центр работорговли?

— Да. До меня доходили слухи, что с уничтожением Трилуна работорговля, всегда запрещенная на его территории, начала процветать благодаря стараниям Рэластэнских жителей.

— Ты можешь сделать так, чтобы работорговли в Рэластэне больше не было?

— Я не всемогущий, — ответил первый из Карателей. — Единственное, что я могу сделать, так это поубивать всех работорговцев.

— Я не хочу, чтобы ты убивал мой народ. Должен быть какой-то другой способ.

— Можно лишить их лидера, — предложил Дрейк. — Но не факт, что после этого работорговля прекратится.

— Давай освободим всех рабов. Не только Гордиславу, Зела и Вэя.

— Как скажешь, — согласился Кэрэндрейк. — Мне заняться составлением плана?

— У тебя это лучше получится, чем у меня.

— Если хочешь, я могу отвести тебе в нем значимую роль.

— Была бы рада помочь. Я сделаю все, что в моих силах.

— Как насчет того, чтобы притвориться покупателями? Так мы сможем проникнуть туда, не вызвав подозрений, хорошенько осмотреться, и дальше по обстоятельствам.

— Идея не плоха, — согласилась Аквария Электра. — Но «дальше по обстоятельствам»... Как бы все не вышло хуже.

— Когда я говорю «по обстоятельствам», это значит, что мой план предусматривает по отдельному плану на каждое из этих обстоятельств. Так что не волнуйся.

— А мы сможем притвориться покупателями?

— Ты сможешь. Я буду притворяться твоим телохранителем, кем, по сути, и так являюсь.

— Я не смогу! — испугалась Рэйна. — Что, если я все испорчу?

— Я думаю, если постараться, то на этих руинах можно найти богатые одежды, — не стал обращать внимание на волнение собирательницы историй Дрейк. — Ты будешь изображать дочь Трилунского вельможи. Веди себя как Гордислава, когда мы с ней только познакомились: зазнавайся, смотри на всех свысока и тому подобное. Говори только на трилунском. Я его хотя и не знаю, но по интонации, думаю, смогу понять. Ты ведь правила этой страной, значит, сможешь превосходно сыграть роль дочери богача.

— Я попробую, — малышка Рэй сомневалась в успехе замысла.

— Будем репетировать по дороге в Рэластэн, госпожа Электра.

— Госпожа? — слегка опешила Алирэй Нактур.

— Так репетиция началась. Или мне обращаться к тебе, то есть к Вам, как к Верховной Жрице? Кстати, а как обращаются к Верховным Жрицам?

— С большим почтением, — с усмешкой ответила малышка Рэй.

— Буду знать, — отвесив почтительный поклон, произнес Кэрри.

— Значит, ищем богатую одежду?

— И отправляемся спасать этих остолопов!

Из следующей главы вы узнаете о том, как в Рэластэн прибыла знатная особа, и о том, как правитель города предложил ей свои услуги.

===== Часть 7. “Жрица”. Глава 59 =====

О том, как в Рэластэн прибыла знатная особа, и о том, как правитель города предложил ей свои услуги

— Ты уверен, что этих слов хватит? — в очередной раз спросила у Кэрэндрейка Рэйна.

— Уверен, — с неохотой ответил Кэрри. — «Да, госпожа», «Нет, госпожа» и «Я его убью, госпожа?» более чем достаточно.

— Может быть, ты еще хотя бы пару фраз выучишь?

— Обойдусь. Я ведь уже говорил, что могу понимать речь по интонации.

— А если тебя что-нибудь спросят? — не унималась малышка Рэй.

— Войду в режим Зелориса и отвечу «У», — пробормотал Дрейк. — Я всего лишь твой телохранитель. Зачем кому-либо у меня что-то спрашивать?

— А вдруг... Мало ли что!

— Ну-ну. Хотя ладно, уговорила. Как по-трилунски «умри»?

— Щантэрарэ... Эй, тебе это зачем?

— Сама же сказала, «мало ли что», — усмехнулся Коготь.

— Лучше б ты и дальше лекарем притворялся, — вздохнула Электра. — Поумерь свою кровожадность хотя бы немного!

— А ты перо из-за уха вынь. Не то весь образ испортишь.

— Ой! Точно! Спасибо, что напомнил.

Повозка с Капой подъезжала к воротам Рэластэна. Рэйна, одетая в богатые одежды, которые им с Кэрэндрейком с трудом удалось найти на развалинах одного из Трилунских городов, и Кэрэндрейк с найденным мечом на поясе вошли в роли дочери богатого вельможи и ее телохранителя. Больше им нельзя было разговаривать на языке Западных Королевств, а так как Кэрри отказывался учить трилунский, им приходилось молчать.

Когда они въехали в город, Кэрэндрейк подал Рэйне руку, чтобы та могла сойти с повозки.

— Власира, — произнес Кэрэндрейк, что на трилунском означало «Госпожа».

Собирательница историй не стала ничего отвечать: сейчас она была дочерью знатного вельможи, которая не считала своих слуг за людей. Конечно, малышке Рэй была противна эта роль, ей хотелось извиниться перед Дрейком, к которому приходилось относиться как к вещи, но этого требовало спасение их друзей и освобождение других рабов.

Алирэй Нактур произнесла длинную фразу на трилунском языке. По интонации девушки, Кэрэндрейк понял, что она отдала ему какое-то распоряжение.

— Юл, Власира, — с поклоном ответил Кэрри, что означало «Да, Госпожа».

Подобное их поведение не могло не вызвать любопытства со стороны окружающих. Любой, видевший Кэрэндрейка и Рэйну в этот момент, понимал, что перед ними не простая девушка. Гордая, величественная, властная, — малышка Рэй уже была такой, когда носила титул Алирэй Нактур. Однако над заносчивостью и высокомерием ей пришлось поработать. Для Кэрэндрейка также не составило труда войти в образ покорного слуги-телохранителя: он был Карателем из круга Многоликих, которые могли стать кем угодно.

— Здравствуйте, Вы здесь впервые? Могу я чем-нибудь Вам помочь? — подбежал к Рэйне один из работорговцев. Кланяться и пресмыкаться перед той, кто, по его мнению, мог отвесить хорошую сумму за раба, было для него обычным делом.

— Минэ алотар! — скомандовала Рэйна, повелев работорговцу отойти от нее.

Для того, чтобы план Кэрэндрейка удался, им нельзя было отвлекаться на мелких работорговцев. По легенде Рэйна не знала языка Западных Королевств, а также брезговала находиться рядом с «третьесортными людишками», к коим относилась всех, чей недостаток был по ее мнению мал.

— Власира? — спросил Кэрэндрейк, взявшись за рукоять меча.

Аквария Электра махнула рукой, словно делая знак, что этот человек не стоит того, чтобы ее слуга марал об него свой клинок.

— Юл, Власира, — Кэрри снова произнес «Да, Госпожа» и убрал руку с меча.

Оставив Капу рядом с входом во дворец Тэрлианса Актимона, Алирэй Нактур и первый из Карателей отправились на встречу с правителем города.

Увидев девушку в трилунских одеждах, один из стражников дворца обратился к ней на трилунском языке.

«Куда Вы идете?» — спросил он.

«Как смеет смерд преграждать мой путь? — спросила Рэйна, игнорируя стражника. — Если я иду к правителю города, значит, мне нужно к правителю города. Какие здесь могут быть вопросы?»

Стражник, словно поняв, что перед ним важная особа, покорно пропустил девушку и ее телохранителя вглубь дворца.

«Эй, ты!» — позвала малышка Рэй мальчишку, который в спешке переносил какие-то

свертки из одной комнаты в другую. С первого взгляда было понятно, что этот мальчишка был рабом в этом замке. Собирательница историй не хотела разговаривать с ним в таком тоне, ей было жаль его. Но так было необходимо.

«Д-да...» — неуверенно ответил мальчик, подойдя к Рэйне.

«Проводи меня к хозяину замка», — приказала Электра.

«Мне велели перенести эти свертки», — прошептал мальчик.

«Живо!» — воскликнула Рэйна, отчего мальчик-раб выронил все из рук и вынужден был подчиниться.

Он повел ее и Кэрэндрейка по длинному коридору и привел к большой комнате за массивной дубовой дверью, украшенной сложной резьбой. Поклонившись, мальчишка развернулся и убежал выполнять свою работу, Электра же величественно вошла в покои Тэрлианса Актимона.

«Мое почтение», — высокомерно произнесла с порога она.

«С кем имею честь?» — поинтересовался отдохавший на бархатном диване Тэрлианс Актимон.

«Я бы не хотела называть свое имя, — сказала Алирэй Нактур, — сами понимаете, тот факт, что я приехала сюда за новыми игрушками, может ударить по положению моего папеньки. Могу сказать одно, в моем роду присутствует кровь Священных Семейств».

Тэрлианс Актимон заметно оживился и привстал с дивана.

«Каких рабов Вы желаете приобрести?» — поинтересовался он.

«Не рабы, — возразила Рэйна. — Мне нужны игрушки. Несмотря на то, что Трилунской Империи больше нет, ее традиции сильны. Они запрещали рабство, но не запрещали иметь игрушки».

«Вы абсолютно правы, — на лице главы города работорговцев возникла широкая улыбка. — Не рабы, игрушки. Так какие игрушки Вы желаете приобрести?»

«Только самые лучшие», — высокомерно ответила Верховная Жрица.

«Об этом можете не беспокоиться, — учтиво произнес Тэрлианс Актимон. — В этом городе продаются только самые лучшие игрушки».

«Если бы это было не так, я бы сюда не приехала», — вздохнула Рэйна.

«Присаживайтесь», — предложил Тэрлианс Актимон.

«Я уже думала, что Вы не предложите этого, — надменно произнесла собирательница историй, усаживаясь в одном из кресел, — и собиралась было уходить».

«Что Вы, что Вы! — глава города работорговцев чувствовал, словно нашел золотую жилу: он знал, что перед ним не простая девушка. — А Ваш спутник не будет присаживаться?» — спросил он.

«Зачем какой-то вещи это делать?» — изобразила удивление малышка Рэй, мысленно попросив у Кэрэндрейка прощение за свои слова.

«Значит, он тоже одна из Ваших игрушек?» — догадался Актимон.

«Именно так», — ответила Алирэй Нактур Аквария Электра.

«Позвольте поинтересоваться, — Тэрлианс Актимон слегка наклонил туловище вперед, — не у нас ли Вы его приобретали?»

«Эту игрушку мне подарили, — Рэйна изобразила зевок, — когда я была еще совсем ребенком. Не так давно он сломал три моих игрушки, которых покупали у Вас, и которые собирались сбежать».

«Ужасно, — вздохнул правитель Рэластэна. — Я постараюсь подобрать Вам такие

игрушки, которые не повторяют их судьбу».

«Буду надеяться», — высокомерно произнесла Электра.

«У Вас будут конкретные пожелания?» — спросил Тэрлианс Актимон.

«Будут, — неспешно промолвила Алирэй Нактур. — Однако запросы мои высоки».

«Рэластэн — центр мировой работорговли... то есть, я хотел сказать, мировой торговли игрушками, — поправился глава работорговцев. — Разумеется, мы сможем удовлетворить любой Ваш каприз!»

«У меня три каприза, — надменно улыбнулась Рэйна. — Сможете ли Вы удовлетворить их все?»

«Слово чести!» — ответил Тэрлианс Актимон, которому понятие чести было не знакомо.

«Я слышала, что в Башнях Севера живут затворники, и хочу в игрушки одну из них. Желательно девушку, которая могла бы развлекать меня своими рассказами, — медленно проговорила собирательница историй. — Также мне хотелось бы приобрести сильных воинов. Я думаю, одного лучника и одного мечника было бы достаточно. И да, мечник должен приводить в ужас одним своим видом, а лучник должен быть красив. Знаете, у меня особая любовь к красивым лучникам».

«Вы не поверите! Буквально несколько дней назад мы получили такой товар!» — оживился Тэрлианс Актимон. Он сам не верил такому везению: ведь он впервые встречал столь требовательную покупательницу, разочаровать которую, по его мнению, было бы не самым разумным решением.

«Когда я могу на них посмотреть?» — поинтересовалась Рэйна.

«Предлагаю устроить смотр завтра утром», — ответил Тэрлианс Актимон. Он мог бы показать рабов и сейчас, но решил, что должен сделать все в лучшем виде.

«Возможно», — с неохотой согласилась Верховная Жрица.

«Вы где-нибудь остановились? — опомнился глава города. — Если нет, то я тот час же прикажу подготовить для Вас лучшие покои!»

«Пожалуй, я соглашусь с Вашим предложением, — высокомерно ответила малышка Рэй. — Папеньке не понравится, если я буду разгуливать по этому городу у всех на виду. Он согласился оплатить все мои покупки, лишь при условии, что я буду инкогнито».

Тэрлианс Актимон позвонил в колокольчик, лежавший на подушечке возле дивана, и в комнату вошел слуга.

«Подготовить нашей гостье самые лучшие покои, — приказал он. Слуга отвесил поклон и удалился. — Вашей игрушке также будет предоставлена комната, соединенная с Вашей».

«И много игрушек Вы продаете?» — проигнорировала слова Актимона Электра.

«Ой, знаете!» — Тэрлианс Актимон, дабы произвести на свою гостью впечатление, принялся увлеченно описывать, как ведутся дела в Рэластэне. Однако вместо восторженности, которую он пытался вызвать своими речами, малышку Рэй охватывала злость, которую она тщательно скрывала за маской равнодушия.

Вскоре слуга вернулся, и Тэрлианс Актимон велел ему проводить «уважаемую гостью и ее спутника» в подготовленные покои. Однако вместо того, чтобы выйти из покоев Тэрлианса Актимона, Кэрэндрейк застыл в дверях и направил пристальный взгляд на главу города, отчего у последнего вдруг задергался глаз.

«Я его убью, госпожа?» — монотонно произнес заученную фразу Кэрри.

«Нет, — отрезала Рэйна. — Он не игрушка. Завтра мы купим новые, подожди пока».

«Да, госпожа», — поклонился Коготь, и гости покинули покои главы города, у которого, тем временем, дергаться стали оба глаза.

Он понял, что к нему пожаловали не только знатные и богатые, но и опасные люди. Теперь Тэрлианс Актимон должен был не только показать свой товар в самом лучшем виде, чтобы обзавестись постоянным покупателем, но и не допустить ни малейшей ошибки, чтобы сохранить свою репутацию и жизнь.

— Что это за «Мне его убить, госпожа»? — отчитывала Кэрэндрейка Рэйна, когда они остались наедине в предоставленных им покоях.

— Я ждал момента, когда смогу произнести эту фразу, — невинно улыбнулся Кэрри. — Признай, это было эффектно. Не знаю уж, о чем вы там говорили, но благодаря моей маленькой импровизации ты в его глазах предстала весьма грозной фигурой. Кстати, что ты мне ответила?

— Я велела тебе подождать, пока мы не купим новые «игрушки», — смущенно ответила собирательница историй, а первый из Карателей залился злорадным смехом.

— Ты тише смейся-то! — встревожилась Электра.

— Прости, не удержался, — ответил Дрейк. — Хотя, с другой стороны, если мой смех и слышали, пусть думают, что я жду завтрашних покупок... Ха-ха-ха!

— Тебе перевести наш разговор? — предложила Рэйна.

— В принципе, суть я уловил по интонации. Сначала он попытался узнать, кто перед ним. Потом... ты же по плану себя вела?

— Да. Все шло по плану, кроме твоей выходки.

— Ха-ха! Он, навоображав себе невесту что, стал перед тобой пресмыкаться, предлагая самый лучший товар. Ты высказала свои пожелания... Как ты Вэя-то описала? Зела-то с Гордиславой ясно: грозный мечник и северянка. А ловелас?

— Как по-твоему можно описать Вэя, кроме как болтливым лучником? — переспросила малыша Рэй, «забыв» упомянуть, что сама описала его как красивого лучника, ни словом не обмолвившись про болтливость.

— Значит, когда ты описала их, этот Тэрлианс Как-то-там...

— Актимон, — поправила Рэйна.

— Да без разницы. Он вдруг осознал, что именно таких людей на днях схватили его люди и предложил их тебе. Смотр он перенес?

— На завтра. Ты знаешь, почему?

— Чтобы сделать все в лучшем виде, — словно разъясняя очевидную истину, ответил Дрейк. — А после, сообразив, что лучше будет предложить тебе переночевать здесь, чтобы перед тобой выслужиться, именно это и сделал.

— Все верно.

— Не зря же меня называли крутейшим из Карателей, — гордо поднял голову Дрейк.

— А наискромнейшим не называли?

— Трилун тебя портит. Верните мне наивную девочку, коей ты была в Западных Королевствах.

— Спасибо, что спас меня тогда, в Монфриде, — улыбнулась малышка Рэй. — Иначе меня могли бы увезти и продать в этом месте.

— Тебя могли бы и не увозить, — вздохнул Коготь. — Работоторговцы прекрасно торгуют и на Западе, причем там они торгуют намного дольше, чем здесь.

— Что ж, — хлопнула в ладоши Рэйна. — Осталось дожидаться завтра. Мы спасем Зела.

Взя и Гордиславу, а также освободим столько рабов, сколько только сможем!

— Да будет так.

Из следующей главы вы узнаете о том, как правитель Рэластэна устроил смотр рабов, и о том, как знатная особа выбирала себе игрушки.

===== Часть 7. “Жрица”. Глава 60 =====

О том, как правитель Рэластэна устроил смотр рабов, и о том, как знатная особа выбирала себе игрушки

Эриэна и еще несколько стражников вели закованных в цепи Зелориса, Взя и Гордиславу на смотр. Смотр в Рэластэне устраивался только для важных покупателей, для всех остальных были предусмотрены обычные торги. Они проводились на специально отведенных рынках или аукционных залах, в зависимости от качества рабов и аудитории покупателей. Для проведения смотра же был возведен открытый павильон на том месте, где когда-то располагался храмовый сад.

— На когда-то священной территории устраивать подобное кощунство, — тяжело вздохнула Гордислава. О том, что когда-то это место было храмовым садом, говорили украшавшие его колонны и статуи, которые Тэрлианс Актимон приказал не убирать, поскольку по его словам, они подчеркивали влияние главы работорговцев.

— Братец Зел, миледи, что будем делать? — спросил у Зелориса и Гордиславы Вэй Арэн так, чтобы конвоирующие их этого не слышали.

— У, — ответил мечник, что означало «По обстоятельствам».

— Если нас купят, то, возможно, сбежать будет легче, чем отсюда, — предположил лучник.

Зелорис утвердительно кивнул.

— Главное, чтобы нас купили всех вместе, — заметила северянка.

— Разговоры прекратить, — приказала Эриэна.

— Миледи, Вы жестоки! — жалобно воскликнул Вэй Арэн. — Разговоры мне нужны как воздух. Если я умру без них, Вы меня не продадите.

— Зато, быть может, один из покупателей будет спасен от участи умереть от безостановочных бесед, — сделала вывод Эриэна.

— Это была бы не легкая смерть, — добавила Гордислава.

— Горди, ты на чьей стороне?! — возмутился Вэй Арэн.

— Пожалуйста, воздержись от порчи моего имени, — процедила сквозь зубы северянка.

— Вы все от разговоров воздержитесь, — потребовала Эриэна.

— Миледи, Вы сами поддерживаете наши беседы, — улыбнулся Вэй.

— Еще слово, и продавать вас будем с отрезанными языками, — вмешался один из стражников.

— Покупатели еще «спасибо» скажут, — усмехнулся другой.

В то время как Зелориса, Гордиславу и Взя привели на площадку для смотра и привязали к столбам, чтобы пленники не сбежали, слуги Тэрлианса Актимона вовсю вели приготовления к приходу «Важной Особы». Поскольку незадолго до этого Рэйна изъявила желание осматривать потенциальные игрушки не непосредственно в павильоне, а с балкона, один из них в данный момент украшался цветами и мягкими подушками. Мальчик-раб, которого вчера малышка Рэй сделала своим провожатым, стоял с опухшим, которое по размерам было сравнимо с самим мальчиком. Как он собирался обмахивать им «Важную Гостью», мальчик не представлял, но послушаться приказа правителя Рэластэна он не мог.

Мелкими шажками засеменял весьма крупный в области талии Тэрлианс Актимон. Оглядев приготовления, он решил, что сделка сегодня точно состоится, после чего поднялся на балкон и уселся в кресло, на котором лежало наибольшее количество подушек. После этого, решив, что правильнее было бы сесть в кресло, где подушек меньше, оставив это для гостыи, Тэрлианс Актимон резко вскочил. Его организм, не привыкший к подобного рода действиям, устроил небольшой бунт, выразившийся в кратковременном потемнении в глазах, звоне в ушах и небольшом головокружении, отчего правитель города только спустя несколько секунд смог осознать, что, к сожалению, уже успел утрамбовать своим телом лежавшие в кресле подушки. Тэрлианс Актимон обожал мягкие диваны и подушки и считал, что их обожают все. Чтобы произвести впечатление на «Важную Гостью», он собирался позволить ей восседать на самых мягких из имевшихся у него подушек, но сам же безжалостным образом разрушил свои намерения. Единственное, о чем он мог думать в этот момент, это как ему разрешить эту ситуацию и не ударить в грязь лицом перед «Важной Особой».

«Вы что-то потеряли?» — без особого интереса спросила Рэйна после того, как, войдя на балкон, увидела склонившегося над креслом с подушками главу города.

«Ох... Вы уже пришли! — воскликнул Тэрлианс Актимон и показал рукой на кресло с не помятыми им подушками. — Присаживайтесь».

«Я постою, — отказалась малышка Рэй. — Так я лучше смогу рассмотреть эти игрушки».

Сердце правителя Рэластэна облилось кровью. Он решил, что «Важная Особа» отказалась садиться, потому что ее не устроило количество подушек в кресле, которое он ей предложил, и жалел о том, что незадолго до ее прихода помял те, на которые сел.

В то время как Тэрлианс Актимон предавался размышлениям и сожалениям, девушка подошла к краю балкона и посмотрела вниз. Убедившись, что внизу находятся именно ее друзья, она повернулась и незаметно кивнула Дрейку, который, подобно сторожевому псу, стоял у дверного проема так, что виден был лишь тем, кто находится на балконе.

Закончив тяжелые мысленные терзания, Тэрлианс Актимон случайно встретился взглядом с Кэрэндрейком. От неожиданности глава города вздрогнул, после чего перевел взгляд на гостью. Когда она только вошла на балкон, Тэрлианс Актимон был слишком поглощен охватывавшим его волнением, отчего не обратил внимания на ее внешний вид. Сейчас же, когда все его мысли были в сборе, и он посмотрел на малышку Рэй, правитель Рэластэна испытал небывалое ощущение, от которого его мысли снова перемешались. Девушка, которую он до этого рассматривал исключительно как ценного покупателя, казалась ему необычайно красивой.

«Вы прекрасны, словно Верховная Жрица Империи Трех Лун», — поспешил Тэрлианс Актимон сделать комплимент той, которая на самом деле носила этот титул.

«Для меня не впервой слышать подобные слова», — холодно произнесла Рэйна.

Если вчера она была одета в богатые наряды, то сегодня на ней было роскошное платье, чудом не попавшее в руки мародеров и дождавшееся собирательницу историй в сундуке под обломками центрального храма одного из трилунских городов. Этот сундук могли открыть только жрицы, знавшие защитный механизм, и уж, разумеется, Верховной Жрице открыть его не составило труда. Роскошное бирюзовое платье, шитое золотыми нитками, и сетчатая бирюзовая вуаль, прикрывавшая собирательницу историй лицо, делали ее неузнаваемой для троих друзей, прикованных к столбам внизу.

— Если эта миледи собирается нас купить, то я с радостью стану ее рабом, — мечтательно произнес Вэй Арэн.

— Кто бы сомневался, — заметила Гордислава.

— Все равно сбегать, — прошептал в свое оправдание лучник. — Так хотя бы от такой красавицы.

— Ты ее лица не видишь. Вдруг она страшная.

— Миледи, как можете Вы оскорблять другую девушку! — возмутился Вэй.

— У, — поддержал друга Зелорис.

«А еще говорят, что не одежда красит человека», — подумала Рэйна, почувствовав на себе взгляды Тэрлианса Актимона и Вэя Арэна.

«Что ж, приступим к делу, — опомнился Тэрлианс Актимон. — Вот, рабы...»

«Игрушки», — поправила Рэйна.

«Вот, это те игрушки, о которых мы вчера говорили».

«Так ли они хороши?» — надменным тоном задала свой вопрос Верховная Жрица.

«Лучшие из лучших! — поспешил уверить в этом покупательницу глава работорговцев. — Чтобы захватить их, мне потребовалось пожертвовать десятком своих людей!»

«Может быть, это Ваши люди были недостаточно хороши?» — предположила «Особая Гостья».

«Что Вы! Что Вы, госпожа! — возразил Тэрлианс Актимон. — Мои люди лучшие в своем деле. А эти игрушки — лучшие из всех, что Вы найдете в Рэластэне. Нет, во всем мире».

«Как думаете, победит ли Ваш мечник в равном бою моего Пса?» — поинтересовалась Рэйна.

«Пса?» — не понял правитель Рэластэна.

Рэйна легким кивком головы указала на Кэрэндрейка.

«А... Пса... — удивленно произнес Актимон. — Победит. Уверен. Этот мечник, вроде как, герой какой-то охоты».

«Вроде как?» — усомнилась собирательница историй.

«Герой. Точно герой», — поспешил убедить ее глава города.

«В таком случае, — медленно промолвила Электра, — давайте проверим это. Но скучно делать это просто так. Как Вам такой вариант: если Ваш мечник проиграет, моим рабом станете Вы».

«Го-госпожа!» — опешил от неожиданности Тэрлианс Актимон.

«Вы же сами сказали, что подобного не случится», — улыбнулась Рэйна, действовавшая в точности по плану Кэрэндрейка.

«Быть может, Ваш Пес посоревнуется не только с мечником, но и лучником?» — предложил глава работорговцев.

«В меткости? Ладно. Но мой Песик будет метать кинжалы», — с наигранной неохотой согласилась Алирэй Нактур.

«Не желаете ли Вы сначала лично осмотреть игрушки, пока Ваш Пес будет готовиться к бою?» — поинтересовался Актимон.

«Пожалуй, соглашусь», — вздохнула Рэйна.

Тэрлианс Актимон и Верховная Жрица Трилуна спустились с балкона и направились к трем столбам. Рэйна, опасаясь быть узнанной раньше времени, прикрывала свое спрятанное

за вуалью лицо еще и веером, и старалась близко к друзьям не подходить. Но если Зелорис и Гордислава подвоха не заметили, зоркий глаз лучника обмануть было не просто. К своему удивлению, разглядев под «богатой красавицей» собирательницу историй, Вэй Арэн присвистнул, но, понимая, что эта маскировка неспроста, раскрывать узнанное не стал.

— Миледи, я готов стать Вашим рабом в любую минуту! — воодушевленно воскликнул он.

«Что сказал этот человек?» — спросила Электра у правителя Рэластэна, ведь по легенде она не знала общепринятого языка.

«Он сражен Вашей красотой и жаждет, чтобы Вы его купили», — холодно ответила Гордислава, опередив Тэрлианса Актимона.

«Я вижу, подобная жажда избежала Вас», — улыбнулась Рэйна, прикрываясь веером.

«Эй, ты, — обратился Тэрлианс Актимон к Эриэне. — Скажи этим, что они будут сейчас сражаться».

«Сражаться?» — удивилась стражница.

«Наша гостя желает воочию убедиться в их способностях, — полупшепотом объяснил глава работорговцев. — Она даже привела с собой человека, который их проверит».

«Все поняла, господин», — с поклоном ответила Эриэна, после чего перевела требования правителя Рэластэна Зелорису и Вэю.

— Да хоть сейчас! — воскликнул Вэй Арэн, догадавшись, что это было предусмотрено планом, и что сражаться им придется с Кэрэндрейком. Разумеется, сердце лучника грела надежда, что первый из Карателей не станет припоминать ему все то, что обещал когда-нибудь припомнить.

— Сначала пойдет он, — Эриэна указала на Зелориса.

Зелорис ничего не ответил и лишь спокойно дал себя развязать. Он принял из рук одного из рабов Тэрлианса Актимона свой меч и вышел в центр сада.

Наконец, появился Кэрэндрейк. Он укутался в большой черный лоскут ткани, скрывавший не только лицо первому из Карателей, но и все тело. Неспешно приблизившись к другу, а ныне противнику, Кэрри сбросил с себя лоскут, тем самым загородив обзор ахнувшему главе города, наклонился к уху Зелориса и прошептал:

— Ты меня не знаешь.

— У, — кивнул Зелорис.

Лоскут ткани очутился на земле, и лицо Кэрэндрейка стало видно и Гордиславе.

— Делай вид, что видишь его впервые, — прошептала незаметно подошедшая к ней малышка Рэй.

Тем временем, Зелорис и Кэрэндрейк уже скрестили свои мечи.

— Впервые встречаю столь жуткого незнакомца! — во всеуслышание театрально молвил Зелорис, показав друзьям полное отсутствие актерского мастерства.

Вэй Арэн не удержался и издал несколько смешков.

— Дерись молча, — чуть слышно посоветовал Дрейк.

— У, — согласился мечник.

Их бой был похож на те, что они устраивали ради тренировки Зелориса до разделения, когда согласившийся дать пару уроков мечнику Кэрэндрейк обучал его техникам, которые могли бы пригодиться Зелу при встрече с Карателями. Однако сейчас целью Дрейка было не показать мечнику новые приемы, а показать Тэрлиансу Актимону свою силу. Если бы Кэрри быстро одолел Зелориса, а это он мог, поскольку не только был сильнейшим из Карателей,

но и товарищем, знавшим слабые места мечника, то глава города бы решил, что это его пленник слабый противник. По этой причине Кэрэндрейк оттягивал время своей победы, выжидая наступление подходящего момента. Когда этот момент наступил, Дрейк без зазрений совести выбил из рук Зелориса меч.

— Пролитый кленовый сироп! — поспешил применить недавно придуманное ругательство мечник.

«Одна победа над моим Псом», — высокомерно произнесла Электра.

«Остался еще лучник», — ответил побледневший Актимон.

Слуги главы города установили мишени и принесли лук со стрелами, а на смену Зелорису пришел Вэй Арэн, которого, как и Гордиславу, развязали во время боя мечника.

— Здравствуй, «жуткий незнакомец»! — улыбаясь во весь рот, поздоровался лучник. — Если же мы имели честь встречаться раньше, прошу, не припоминай былые обиды.

— Моя твоя не понимать, — с акцентом произнес Кэрэндрейк. — Моя трилунский только знать.

В этот момент Вэй Арэн рассмеялся с такой силой, что Тэрлианс Актимон не мог не обратить на это внимание.

«Нервы», — поспешила «предположить» малышка Рэй.

— Угомонись, — прошептал Кэрэндрейк, после чего обратился к Электре. — Власира, атра эсра-дар щантэрарта?

Рэйна отрицательно покачала головой.

— Что он спросил? — поинтересовался у Гордиславы Зелорис.

— «Госпожа, я его убью?» — перевела северянка.

— Бедный Вэй-Вэй, — вздохнул мечник.

Из следующей главы вы узнаете о том, как глава работорговцев сам стал рабом, и о том, как все пленные Рэластэна обрели долгожданную свободу.

===== Часть 7. “Жрица”. Глава 61 =====

О том, как глава работорговцев сам стал рабом, и о том, как все пленные Рэластэна обрели долгожданную свободу

После того, как «Пес Важной Особы» одолел Вэя в соревновании по меткости (Вэю не было равных в стрельбе из лука, но Кэрэндрейк смог попасть в его летящую стрелу кинжалом), Тэрлианс Актимон осознал всю горечь своего нового положения. Он сам согласился, что в случае победы «Пса» станет рабом «Важной Особы». В голове правителя Рэластэна кипела бурная мыслительная деятельность, направленная на поиск выхода из этой ситуации, однако результатов она не приносила.

«Вы сами поставили свою свободу на победу этих двоих», — заметила собирательница историй.

«Но... я...» — глава работорговцев ничуть не хотел сам становиться рабом.

«Вы же не обманули меня, когда говорили, что согласны стать моей игрушкой в случае поражения этих? — холодно произнесла Аквария Электра. — Любой должен отвечать за свои слова».

«Я убью его, госпожа?» — произносить эту фразу стало для Кэрэндрейка забавой.

Рэйна изобразила задумчивый вид.

«Не надо!» — взмолился Тэрлианс Актимон.

«Не надо?» — удивленно спросила малышка Рэй.

«Не надо! — уверенно произнес глава работорговцев. — Отныне я Ваш раб навеки».

«А этот город...»

«Ваш, госпожа!»

«В таком случае, — надменно проговорила Алирэй Нактур, — собери всех своих бывших приближенных, которым я собираюсь кое-что сказать».

«Да, госпожа», — чуть ли не рыдая, ответил Тэрлианс Актимон.

— Вы трое, за мной! — приказала Рэйна Зелорису, Гордиславе и Вэю.

— Эй, ты ж не знаешь общепринятого, — напомнил Кэрри.

— Ты тоже, — высокомерно ответила, увлекшаяся прежде ненавистной ролью, собирательница историй.

— Малышка Рэй, — обратился к ней Вэй Арэн, — ты невероятно красива в этом наряде! Хотя вуаль лучше бы убрать: твое прекрасное личико достойно быть увиденным.

— Лучше бы ты, ловелас, рассказал, как вас угораздило в рабство попасть, — вмешался Кэрэндрейк.

— Ох, Кэрри, это такая длинная и утомительная история, — с наигранной трагичностью произнес лучник, — что я тебе потом все в красках перескажу.

— В красках? — переспросил Дрейк. — В красках не надо. Даже я не смогу пережить несколько дней беспрерывного слушания.

— Поэтому я буду слушать версию от Зелориса! — хлопнув в ладоши, воскликнула обычная малышка Рэй.

— Рэйна, — при друзьях Кэрэндрейк не стал называть Верховную Жрицу «Электрой», — ты слишком рано из образа выходишь. План еще не завершен.

— Точно, — вздохнула Алирэй Нактур. — Представить себя Гордиславой, дабы стать гордой и высокомерной...

— Что значит «Представить себя Гордиславой»?! — возмутилась северянка.

— Извини, у меня не было других примеров для подражания, — виновато пролепетала собирательница историй. — А, точно, чуть не забыла. Не могли бы вы пока поизобразить мои «игрушки»?

— Игрушки? — губы Гордиславы задержались от возмущения.

— Того требует мой план, — коварно улыбнулся Кэрри.

Зелорис, Гордислава и Вэй Арэн вернули свои вещи, после чего процессия, возглавляемая Рэйной, направилась в бывшие покои Тэрлианса Актимона. Малышка Рэй, снова войдя в образ дочери богатого вельможи, уселась на диван бывшего правителя Рэластэна, а ее друзья расположились в мягких креслах. Вскоре тяжелая дубовая дверь отворилась, и в покои вошел Тэрлианс Актимон, сопровождаемый теми, кто руководил процессом работорговли вместе с ним на протяжении нескольких лет. Среди вошедших были Тросан и Эриэна. Бывший глава работорговцев ни слова не сказал своим спутникам о сложившейся ситуации, отчего те в недоумении переглядывались друг с другом.

«Располагайтесь», — холодно произнесла Электра.

«А где?» — поинтересовался один из работорговцев, поскольку все свободные кресла были заняты друзьями Рэйны.

«Где хотите. Хоть на полу», — высокомерно ответила собирательница историй.

— Миледи, а Вам я уступлю свое кресло, — учтиво произнес Вэй Арэн, предлагая Эриэне присесть. Сам же он встал возле дивана, на котором сидела малышка Рэй.

Как только Эриэна села в кресло, а вошедшие расположились кто где (некоторые встали вдоль стен, трое так и остались стоять в дверях, а четверо, в том числе за последние десять

лет не сидевший ни на чем, кроме подушек, Тэрлианс Актимон, уселись на пол), Алирэй Нактур Аквария Электра продолжила.

«Отныне главой этого города являюсь я», — надменно сказала она.

«Позвольте», — попытался возразить Тросан, но, взглянув на бледного, словно мел, Тэрлианса Актимона, свою попытку оставил.

«Этот человек, — Рэйна указала на бывшего главу города, — отныне мой раб. Как и все вы».

«Что?! — возмутился один из новоиспеченных рабов. — Мы свободные люди!»

«Да неужели, — усмехнулась малышка Рэй. — Думается мне, эти слова говорил всякий, попавший в ваши руки. Значит, не вам возражать в этой ситуации».

«Да как ты смеешь, девка?!» — воскликнул еще один из приближенных Актимона по имени Торалок и попытался достать из ножен меч.

«Я убью его, госпожа?» — с легкой улыбкой спросил Кэрэндрейк, успевший подняться с кресла и приставить к горлу Торалока кинжал прежде, чем тот вынул свой меч.

«Позже, — холодно ответила Рэйна. — Если он решит еще раз повторить свою выходку».

Кэрэндрейк убрал кинжал обратно в складки одежды и вернулся на место. Несмотря на то, что трилунского языка он не знал, он понял, что сказала ему Рэйна, во-первых, по интонации, а во-вторых, поскольку прекрасно знал ее характер.

Однако именно в этот момент плану Дрейка было суждено сорваться. С тех пор, как Тэрлианс Актимон со своими приближенными вошли в эти покои, один из них не сводил глаз с Кэрэндрейка. То, с какой быстротой Кэрри выхватил кинжал, и с какой стремительностью он приставил его к горлу Торалока, развеяло все сомнения этого человека.

— Мастер Коготь... — пролепетал один из приближенных Тэрлианса Актимона, являвшийся Маской Сокрытого Ордена.

— Черт, — ругнулся Кэрэндрейк. — Жалкая Маска сорвала мой гениальный замысел.

— Пожалуйста, Мастер Коготь, не убивайте меня!

— Еще раз назовешь меня так, намотаю твои кишки на шпиль храмовой башни.

Те из присутствующих, кто не знал языка Западных Королевств, не сразу поняли, почему их товарищей охватила паника. Когда же один из знавших общепринятый перевел на трилунский «Коготь», паника охватила всех, в том числе и Тэрлианса Актимона, который уже было смирился с безысходностью и считал, что ухудшиться ситуация уже не может.

— Так как трилунского языка я не знаю, вы будете переводить, — объявил Коготь. — Так уж получилось, что вы перешли дорогу Великому Мне...

— Не увлекайся, пожалуйста, — перебила Рэйна.

— Как скажешь, — покорно ответил первый из Карателей. — Так вот, — продолжил Кэрэндрейк. — Больше вы работоторговлей не занимаетесь. Отныне, как уже сказала эта девушка, рабы — вы.

— Мы поменялись местами, миледи, — шепнул на ухо Эриэне Вэй Арэн.

— Ловелас, прекрати щебетать, — Дрейк вошел во вкус, как некогда Рэйна.

— Повинуюсь, Кэрри, — с поклоном ответил Вэй Арэн, но спустя секунду пожалел об этом: взгляд Кэрэндрейка говорил, что лучнику повезло, что он до сих пор жив, несмотря на то, что назвал первого из Карателей этим именем.

— Зел, — обратился Кэрэндрейк к мечнику, — возьми с собой ловеласа и позапирай

всех этих в местах, где они содержат рабов.

— У.

Спустя полчаса все бывшие рабовладельцы были заключены в кандалы и заперты в клетках для «особо буйного товара». И хотя план Кэрэндрейка был сорван, первому из Карателей удалось, слегка видоизменив его, перейти к следующей стадии реализации «гениального замысла».

По просьбе Вэя Эриэна и ее супруг избежали участи быть закованными и запертыми, и теперь помогали Дрейку и остальным. С их помощью все рабы Рэластэна были собраны на площади перед дворцом, который раньше был храмом, после чего, переодевшаяся в жреческое платье, последнее из трех, найденных на развалинах, к ним вышла Алирэй Нактур Аквария Электра.

«Дух Трех Лун услышал ваш глас! — величественно произнесла она. — Свобода — это то, что присуще каждому с рождения. Ни один человек не может быть пленен другим. Вы, родившиеся на территории Покойной Империи Трех Лун, и вы, волей случая попавшие сюда, свободны по праву рождения. Рабству никогда не бывать на Священной Земле Подлунного Мира, пусть и Империи, дарованной трилунскому народу Духом Трех Лун, больше нет. Вы все свободны. Вы вольны идти, куда хотите, и делать, что хотите, как делали это ранее. Люди, против воли удерживавшие вас здесь и относившиеся к вам как к товару, больше не властны над вами. Они заперты там, где некогда держали вас. Суд над ними отдан в ваши руки. С этого дня Рэластэн больше не является градом рабов. Любой, кому некуда возвращаться и кто хочет остаться здесь, может начать новую жизнь в этом городе, как свободный человек. Сами выбирайте себе правителей и живите, как подобает жить людям».

Рэйна поклонилась слушавшей ее толпе, после чего развернулась и скрылась в дверях храма-дворца.

«Благодетельница! — крикнул кто-то из толпы освобожденных. — Позволь нам узнать твое имя!»

Его просьбу поддержали и остальные, но собирательница историй уже ушла, отчего ответа не последовало.

«Это Дух Трех Лун, снизошедший до нас», — предположил молодой трилунец.

«Нет, — ответил ему старик. — Это была Воплощение Духа Трех Лун, Алирэй Нактур Аквария Электра. Слава Лунам, что эта девочка выросла в столь прекрасную девушку. Слава Лунам, что Владычицу Электру миновала участь ее Империи».

Но бормотание старика затерялось в радостных возгласах толпы, и никто не слышал его неторопливой речи. Кроме него никто так и не узнал в малышке Рэй Верховную Жрицу Трилуна.

Из следующей главы вы узнаете о том, как тяжело перевести с трилунского языка одно выражение, и о том, для чего созданы зайцы.

===== Часть 7. “Жрица”. Глава 62 =====

О том, как тяжело перевести с трилунского языка одно выражение, и о том, для чего созданы зайцы

— Ты смог победить меня лишь потому, что я не старался, — заметил Вэй Арэн.

— Конечно... А титул Карателя мне за красивые глаза дали, — вздохнул Кэрэндрейк. Ему не хотелось признавать, что товарищ говорил правду: в меткости Коготь значительно уступал другу.

— В стрельбе из лука мне равных нет, Кэрри, — сказал лучник.

— А мне нет равных в метании ножей, — парировал Коготь. — Я тренировался на протяжении семнадцати лет, и только последние три... нет, уже четыре года, после того, как ушел из Ордена, валял дурака.

— Вот, — улыбнулся Вэй. — А я подобного себе не позволял.

— Действительно, — вздохнул Дрейк. — Вместо тренировок ты, ловелас, услаждал своими речами жительниц Западных Королевств.

Воспользовавшись образовавшейся суматохой, пятеро друзей и лошадь Капа покинули Рэластэн сразу же после обращенной к освобожденным рабам речи Рэйны. Спустя несколько часов после этого они уже сидели у костра и обсуждали произошедшее с ними за время разделения.

— Малышка Рэй, представляешь, я бога убил! — сменил тему Вэй Арэн.

— Да?! — оживилась собирательница историй, после чего достала из-за уха свое любимое перо, с которым ей пришлось расстаться в Рэластэне. — Рассказывай!

— Все началось с того...

— Рэйна, — перебила воодушевленного лучника Гордислава. — Не знала, что ты владеешь трилунским языком.

— Я родом из Трилуна, — с неохотой призналась малышка Рэй, «забыв упомянуть», что она не только родом из Трилунской Империи, но и управляла ей.

— Из Трилуна?! — одновременно воскликнули северянка и лучник.

— У... — задумавшись, вздохнул Зелорис.

— Извините, что не говорила вам, — виновато прошептала малышка Рэй.

— Вы бы стали расспрашивать, — вступился за девушку Кэрэндрейк, — а ей тяжело вспоминать все это. Рэй было всего восемь лет, когда Империя превратилась в развалины. Для вас это всего лишь часть истории, а она потеряла в этой катастрофе все.

— Рэйна, — после некоторой паузы обратился к ней Зелорис. — «Эсэфарэ ле-на ту» — это на трилунском?

— Да, — кивнула в ответ малышка Рэй.

— Что означает? — поинтересовался мечник. Эту фразу он услышал впервые в день встречи Гордиславы и Рэйны в Монфриде, и с тех пор желал узнать перевод.*

Однако вместо Рэйны ответила Гордислава.

— Дословно это выражение перевести тяжело, — с присущей ученому интонацией произнесла она. — «Ту» — это расстояние, которое среднестатистический человек может преодолеть за день. «Ле-на» — это «девяносто тысяч», зачастую говоря «девяносто тысяч» трилунцы имели в виду нечто неисчислимое. Таким образом, «ле-на ту» — это расстояние, которое можно преодолеть минимум за девяносто тысяч дней, то есть, примерно за двести сорок семь лет, что явно больше человеческой жизни. А «эсэфарэ» означает «удалиться на расстояние».

— Выходит, «эсэфарэ ле-на ту» — это «исчезни с глаз моих долой на расстояние, что и за жизнь не преодолеть»? — догадался Вэй Арэн.

— Да, — подтвердила Рэйна.

— Братец Зел, кто тебе такое пожелал? — усмехнулся лучник.

— Не мне, — прошептал в ответ Зелорис, а на его лице всплыла малозаметная улыбка.

— Кстати, — сказал вдруг Кэрэндрейк. — Знаете, что сегодня за день?

— День, когда мы узнали тайну малышки Рэй и были чудесным образом спасены от рабства? — предположил Вэй Арэн.

— Ровно год назад Гордислава явилась к нам с Севера.

— Точно! — восторженно воскликнула Рэйна. — Так быстро время прошло.

— У, — мечник продолжал улыбаться.

— Помнится, Горди и малышка Рэй не сразу нашли общий язык, — вздохнул Вэй Арэн.

— Кэрэндрейк, я понимаю твое недовольство, когда этот лучник коверкает твое имя, — обреченно пробормотала Гордислава.

— Он договорится когда-нибудь, — злорадно произнес Коготь.

— Кэрри, ты мне как брат, — положил ему руку на плечо Вэй. — Где это видано, чтобы братья друг друга убивали?

— Ты ошибаешься, ловелас, — притворно улыбнулся Кэрэндрейк, — если думаешь, будто Каратели могут только убивать. Поверь, я могу сделать так, что ты будешь молить меня даровать тебе смерть.

— Бедный Вэй-Вэй, — прошептал Зелорис.

— Не думаю, что это будет незаслуженно, — заметила Гордислава.

— Не обижай Вэя! — вступилась за лучника Алирэй Нактур.

— Как скажешь, — согласился Дрейк.

— Какой ты покорный, — удивился Вэй Арэн Виндсвиш, не получивший урока от болтливости.

— Мы займемся этим, когда Рэй не будет видеть, — прошептал Дрейк на ухо Вэю.

— Ох, Кэрри, я бы желал слышать эти слова от девушек, а не от тебя, — с улыбкой ответил Вэй Арэн.

— Боюсь, после этого ни одна девушка на тебя даже не взглянет, — коварно произнес Кэрэндрейк. — Ибо шрамы на твоём лице будут глубже, чем у Зела.

— Малышка Рэй! — громко позвал лучник. — Меня опять обижают!

— Дрейк!!!

— Больше не буду...

— Пф, — усмехнулся Зелорис.

— Пора бы задуматься об ужине, — напомнила Гордислава.

— Ёжик, — вдруг произнесла собирательница историй, уставившись вдаль.

— Ты хочешь ужинать ёжиками? — удивился лучник.

— Да нет, вон там... Между копытами Капы.

— И правда ёжик, — проговорила Гордислава.

— А их едят? — поинтересовался мечник.

— С кленовым сиропом, — ответил Вэй Арэн.

— Правда? — оживился Зелорис.

— Тебя жестоко обманули, Зел, — ответил Кэрэндрейк.

— У, — тяжело вздохнул Зелорис.

— Что ужинать все-таки будем? — напомнил Вэй Арэн. — Опять мне зайцев ловить?

— Можешь не утруждаться, — позволил лучнику воздержаться от запуска стрел Кэрэндрейк, после чего сам метнул кинжал в кусты.

Неторопливо поднявшись с земли, Коготь подошел к кустам и поднял еще теплое тельце сраженного метким попаданием кинжала зайца.

— Вот и ужин.

— Как ты поймал его так легко? — спросил Зелорис, для которого зайцы до сих пор были злейшими врагами.

— Очень сложно не поймать зайца, — усмехнулся Кэрэндрейк. — Эти создания рождены для того, чтобы быть съеденными, а посему, делают все для того, чтобы быть пойманными.

Зелорис на это высказывание ответил мрачным молчанием, а Вэй Арэн издал несколько приглушенных смешков.

Когда убитый первым из Карателей заяц был зажарен и съеден, Гордислава обратилась к Рэйне.

— Если тебе тяжело, ты можешь не отвечать, но я бы хотела задать тебе несколько вопросов, — сказала она.

— Я попробую.

— Ты была в Трилунской Империи в день катастрофы?

— Да.

— Что тогда произошло...

— Я еще не готова рассказать это. Позволь ответить на этот вопрос позже, когда я соберусь с мыслями.

— Хорошо, — не стала настаивать северянка. — Но если тебе так тяжело вспоминать об этом, то почему ты согласилась на это путешествие?

— Я должна узнать, что погубило мое государство, — ответила Алирэй Нактур Аквария Электра. — Какой бы тяжелой ни была правда.

— Понимаю... — вздохнула Гордислава. — Правда, как я могу понимать такое, если меня миновала участь испытать подобное. Но, думаю, хотя бы частично я понимаю это.

— У, — сказал Зелорис, что означало «я тоже».

— Обещаю, мы найдем разгадку тайны гибели твоей Родины.

— Спасибо вам за все. И извините за то, что обманывала.

— Я, кстати, это с самого начала знал, — решил внести свою лепту в разговор Кэрэндрейк.

— Кто бы сомневался, — усмехнулся Вэй.

— И... — Рэйна виновато посмотрела на товарищей. — Есть еще одна вещь, которую я вам не говорила... Но я еще не готова рассказать это, потому что, если я расскажу, то мне придется вспоминать много того, о чем вспоминать тяжело.

— Ничего страшного, — мягко ответила Гордислава. — Ты расскажешь, когда сама будешь готова.

— У, — поддержал Зелорис.

— Спасибо, — девушка поднялась с земли и отвесила легкий поклон.

— Можно я только один вопрос задам? — поинтересовался Вэй.

Рэйна кивнула в знак того, что не возражает против вопроса.

— Кэрри в курсе? — спросил лучник.

— А ты как думаешь? — переспросил Кэрэндрейк.

— В этом мире есть что-либо, что тебе не известно?

— Тайна гибели Трилуна и то, как заставить тебя замолчать, — честно ответил Коготь.

— О! — оживился вдруг Зелорис. — На второй вопрос ответ знаем мы с Гордиславой.

— Серьезно? — изумился Дрейк. — К какой такой магии вы прибегали?

— Обманный маневр с перемещением кляпа из травы в его рот, — торжественно произнес мечник.

— Кляп-то он в итоге вынул, — добавила Гордислава. — Но обиделся и некоторое

время с нами не разговаривал.

Рэйна слегка улыбнулась, а Кэрэндрейк же залился продолжительным смехом. Друзья проговорили до глубокой ночи, они делились воспоминаниями о событиях, произошедших с момента знакомства, рассказывали о том, что им пришлось пережить после разделения. Вэй все-таки смог пересказать Рэйне свое сражение с «богом» южных кочевников, которое она тут же записала, дабы в будущем сложить в песню.

На следующее утро, когда Гордислава и Рэйна отправились к реке, чтобы искупаться, между ними состоялся секретный разговор.

— Представляешь, Дрейк сказал, что я ему нравлюсь! — поделилась сокровенным с подругой малышка Рэй.

— Что-то долго он тянул с признанием, — заметила Гордислава.

— Что ты имеешь в виду? — удивилась Электра.

— Не думаешь же ты, что он ходил за тобой словно хвостик без всякой задней мысли?

— Он ведь сказал, что несет за меня ответственность, потому что спас меня тогда в Монфриде.

— От рабства, если я не ошибаюсь? — с ехидством заметила Гордислава.

— Да...

— А вчера вы вдвоем спасли от рабства целый город. Хочешь сказать, что отныне вы несете за всех них ответственность и должны постоянно ходить за ними и оберегать от всех бед?

— Наверное, нет, — задумалась собирательница историй.

— Вот и ответ, — гордо задрав голову вверх, сделала вывод северянка.

— Вот что значит, быть одной из ученых Северных Башен, — с нескрываемым уважением сказала малышка Рэй.

См. главу 11.

Из следующей главы вы узнаете о том, как собирательница историй открыла друзьям свою тайну, и о том, как они на это отреагировали.

===== Часть 7. “Жрица”. Глава 63 =====

О том, как собирательница историй открыла друзьям свою тайну, и о том, как они на это отреагировали

С тех пор, как с рабством в Рэластэне было покончено, прошел месяц. Бывшие рабы разъехались кто куда: часть вернулась домой, часть отправилась в новое путешествие. Некоторые даже остались в Рэластэне, чтобы сделать его новым городом, символом свободы, но не рабства. К сожалению, о том, что стало с работоторговцами, история умалчивает. К радости (во всяком случае, надеюсь на это), история ведет нас, вместе с пятеркой путников и лошадью, на восток, к руинам столицы Трилунской Империи.

На протяжении этого месяца руины одних городов сменялись развалинами других, которые, в свою очередь, сменялись разрушенными пейзажами третьих. Все это время собирательница историй собиралась с мыслями с целью рассказать друзьям о том, кем она является на самом деле. Окончательно решила на этот шаг Верховная Жрица Трилунской Империи у берега расположенного в смешанном лесу озера с кристально чистой водой. Вторая из Лун сияла в ночном небе, отражаясь в водной глади, которую изредка волновал легкий ветер. Золотые листья осенних деревьев в легком танце опускались на золотой ковер к опередившим их товарищам. В насмешку над опадающими листьями зеленели гордые

иголки хвойных деревьев.

— Я бы хотела кое-что вам рассказать, — обратилась к друзьям Рэйна.

— Мы с радостью тебя выслушаем, малышка Рэй, — улыбнулся Вэй.

— Только... — определенная доля неуверенности в своевременности сделанного решения заставляла собирательницу историй волноваться о последствиях. — Обещайте, пожалуйста, не ругаться и не обижаться.

— А есть за что? — усмехнулся лучник.

— Пожалуйста, обещайте! — взмолилась Рэйна.

— Будто бы мы можем на тебя обидеться, — мягко ответила Гордислава.

— У, — поддержал ее Зелорис.

— Дело в том, — неуверенно начала открывать правду малышка Рэй. — Что я не совсем обычная жительница трилуна, как бы сказать... Я жрица...

— Жрица? — изумленно воскликнули Гордислава и Вэй.

— Да... — смущенно прошептала Рэйна. — Верховная.

На несколько минут воцарилось гробовое молчание.

— Она не врет, — нарушил тишину Кэрэндрейк. — Перед вами Алирэй Нактур Аквариэ Электра собственной персоной.

— Неожиданный поворот событий, — присвистнул Вэй Арэн.

— Верховные Жрицы — это те, кто правят Трилуном? — уточнил Зел.

— Да, — отрешенно ответила Гордислава, отказывавшаяся верить в происходящее.

— Получается, Рэйна... — задумался Зел.

— Именно, — подтвердил Кэрэндрейк. — Наша малышка Рэй — правительница Трилунской Империи.

— Была, — поправила Дрейка Электра. — До тех пор, пока Империя не погибла.

— Что ж, — вздохнул Вэй. — Пусть даже малышка Рэй и является Верховной Жрицей Трилуна, для нас малышка Рэй — это, прежде всего, малышка Рэй.

— У, — подтвердил Зелорис.

Однако не все были согласны с таким выводом.

— Алирэй Нактур Трилунской Империи... — медленно произнесла Гордислава, после чего нервно рассмеялась. — Рядом со мной, на протяжении года, а я и не заметила! Как, как я могла проглядеть? Нет! Это не может быть правдой! Это шутка. Точно. Это какая-то шутка. Алирэй Нактур? Ха! Не может быть! Я сплю. Или в бреду.

Рэйна молча расстегнула ворот рубахи и достала висевшую у нее на шее Священную Пятидесятиконечную Звезду Трилунской Империи.

— Алирэнорэй Искарэ... — промолвила Гордислава. — Я не верю своим глазам...

— От матери к дочери передавалась она в нашей семье, как символ власти и доказательство благословения Духом Трех Лун, — сказала Электра.

— Мой разум отказывается верить в реальность происходящего, — Гордислава до сих пор не пришла в себя. — Алирэй Нактур... Алирэнорэй Искарэ... То, увидеть что я даже не мечтала, на протяжении целого года было рядом со мной!

— Я приношу свои извинения, — виновато прошептала Рэйна.

— Нет! — воскликнула Гордислава. — Я не приму их!

Испугавшись, собирательница историй отпрянула назад. На глазах у нее с минуту на минуту готовы были выступить слезы. Дрейк, Вэй и Зел собирались вступить за Рэйну, но неожиданно Гордислава изменилась в лице и встала на колени.

«О, Владычица Подлунного Мира, — на трилунском произнесла она. — Я не смею принимать Ваши извинения, ибо это я — та, кто обязан просить прощения за свою неучтивость. Прошу Вас простить мое поведение, простить мне мои ошибки. Как только могла я ехать в повозке, когда Вы были вынуждены следовать рядом пешком...»

— Прекрати, — перебила ее Рэйна. — Прекрати, пожалуйста, прекрати... Если бы я знала, что ты будешь так себя вести со мной, то молчала бы и дальше. Разве я просила уступать мне место в повозке? Зачем тебе извиняться за это? Почему ты не можешь вести себя со мной так же, как прежде? Разве что-либо изменилось?

— Но... — Гордислава не знала, что должна была ответить на это.

— Я стала Алирэй Нактур в день своего рождения, — словно оправдываясь, говорила Аквария Электра. — Я была ею задолго до нашего знакомства и во время него. Так зачем же тебе менять свое отношение ко мне, если я — та, кем и так была все это время?

— Смею напомнить, что ко мне отношение ни у кого не изменилось, — добавил Кэрэндрейк.

— Простите, — опомнилась Гордислава. — Простите за то, что показала такую бурную реакцию. Но знаешь, никогда бы не подумала, что Верховная Жрица Трилунской Империи — ты.

— Ну, уж извини, — надула губки малышка Рэй.

— Получается, «Рэйна» не настоящее имя? — задумался Зелорис.

— Настоящее, — возразил Коготь. — «Рэйна» — это сокращенная версия «Алирэй Нактур» в исполнении нашей Электры.

— И все это ты, Кэрри, знал с самого начала? — поинтересовался Вэй.

— Ну, разумеется. Как же иначе?

— Действительно, как? — усмехнулся лучник.

— Дрейк, — обратился к первому из Карателей Зелорис. — Если вдруг есть вещь, которую ты знаешь с самого начала о Капе, то скажи ее сразу, потому что Капа не умеет говорить.

— Твоя лошадь медленная, неповоротливая и любит оленей с верблюдами, — ответил Кэрэндрейк. — Но это все знают.

— У.

— Кстати, малышка Рэй... эм... Электра, — обратился к собирательнице историй лучник.

— Можно как раньше, — сказала Рэйна.

— Электрой ее только я называть буду, — строго произнес Кэрэн.

— Малышка Рэй, — проигнорировал первого из Карателей Вэй Арэн Виндсвиш, — я слышан о красоте жреческих танцев. Раз уж ты Верховная Жрица, то должна знать их все?

— Да, — подтвердила собирательница историй, не понимающая, к чему клонит лучник.

— Можешь станцевать какой-нибудь из них? — воодушевился Вэй Арэн.

— Каждый танец — это отдельный ритуал, — возразила Рэйна. — Их можно танцевать лишь в определенных условиях и строго в определенные дни.

— Правители целых Империй не развлекают каких-то там лучников танцами, — добавила Гордислава.

— А я бы посмотрел, — мечтательно произнес Дрейк.

— У, — поддержал Зелорис.

— И вы туда же?! — хором воскликнули Гордислава и Рэйна.

— К слову, я уже видел, как Электра исполняет ритуальный танец, — гордо произнес Кэрэндрейк.

— Вы, погляжу, время зря не теряли, — пробубнил Вэй Арэн.

— Это было почти двенадцать лет назад! — возмутилась Рэйна.

— Даже так! — воскликнул лучник. — А я-то думал, что вы только в Монфриде познакомились.

— Я тоже так думала, — вздохнула Алирэй Нактур.

— Кэрри... — ехидно улыбнулся Вэй. — А ты не так прост, оказывается.

— У, — поддержал Зелорис. — Ты должен выплатить Рэйне компенсацию...

— Я не настолько люблю кленовый сироп, — перебила Рэйна.

— У, — грустно вздохнул мечник. — Почему вы решили, что я скажу про кленовый сироп?

— Да ты только о нем и думаешь, — ответила Гордислава.

— Не всегда, — прошептал Зел.

— Хочешь сказать, в этот раз ты собирался сказать о чем-то другом? — поинтересовался Вэй.

— Ой, тогда извини, — встревожилась малышка Рэй.

— У, — буркнул мечник, что означало «извиняться не за что, я действительно хотел сказать про кленовый сироп».

— И надо было разглагольствовать, — усмехнулся Дрейк.

— У...

— Кстати, а сегодня замечательная погода, — заметил Вэй Арэн.

— Тебе больше не о чем говорить? — предположила Гордислава.

— Но погода действительно хорошая, — вступилась за лучника Электра.

— Малышка Рэй, ты единственная, кто меня понимает! — Вэй попытался обнять Рэйну.

— Руки убрал, — грозный взгляд Когтя помешал ему это сделать.

— Малышка Рэй, этот сумасшедший тебя слишком сильно опекает.

— Это кто тут сумасшедший? — обиделся Кэрэн.

— Сумасшедший — это тот, кто сошел с ума, — на сей раз Рэйна решила вступить и за первого из Карателей. — А Дрейк с ума не сходил.

— У, — подтвердил Зелорис. — Это его естественное состояние.

— Эй-эй, — перебил Кэрри. — Вы сейчас только хуже сделали.

— Они не со зла, — мягко сказала Гордислава. — Пусть и получилось так, будто ты безумен от рождения.

— Горди, я тебя обожаю! — воскликнул Вэй.

— В таком случае, не коверкай мое имя впредь.

— Если уж чье имя и пострадало больше всех, то это мое, — проворчал Кэрэндрейк. — Тебе-то его просто сократили, а мне еще и переиначили.

— Если бы переиначили, — вмешался Зелорис, — то ты был бы не «Кэрри», а «Иррэк».

— Я боюсь даже спрашивать, как тебе такое в голову пришло, — вздохнул Дрейк.

— Я умный, — с гордым видом произнес Зел.

— А когда кленовый сироп выпьешь, то еще и... — хотел было пошутить Вэй Арэн, но был прерван Рэйной.

— Чуть не забыла! — воскликнула Алирэй Нактур. — Я написала ее.

— Ее? — не поняла Гордислава.

— Песнь о Диком Звере и Певчей Птице!

— Только не это... — прошептал Кэрэндрейк.

— Если уж Кэрри говорит так, то это что-то интересное, — усмехнулся Вэй Арэн.

Малышка Рэй взяла с повозки лютню и принялась перебирать струны, дабы продемонстрировать друзьям новое творение.

Хочу вам поведать легенду теперь,

О том, как Волчицей возвращенный жил Зверь,

О том, как он Птицу одну повстречал,

И о том, какой вышел встречи финал.

Однажды в разгаре охоты людской

Волчица вступила с людьми в трудный бой.

Вся в ранах она в царство смерти ушла,

Но охотников часть с собой забрала.

Один из оставшихся в тот день в живых,

Охотник из опытных, не молодых,

Дикого Зверя вдруг на цепь посадил,

Чтоб тот охотникам отныне служил.

Сидящий на крепкой цепи Дикий Зверь

Убивших Волчицу слугой стал теперь.

Он им покорился, он стал Ручным.

Но жажду мести в душе затаил.

Случилось, что смог Птицу Зверь увидеть:

Прекрасна, что взгляд никак не оторвать!

Но взгляд самой Птицы был не живой:

Ведь в клетке свободы нет и в золотой.

Спустя много лет железную цепь,

Что держала его, наш перегрыз Зверь.

Свежий воздух свободы сладко пьянил,

Как и мысль о той мести, что совершил.

По миру свободный бродил Дикий Зверь,

Когда он слышал прекрасную трель.

Клетка золотая, где Птица сидела,

Разрушилась — и песнь Птица запела.

Она воспевала небесный простор,

Ее взгляд был живым, голос был бодр.

Дикий Зверь очарован вновь Птицей был,

И лишь ей поводок свой он предложил.

— Превосходно, малышка Рэй! — зааплодировал Вэй Арэн. — А за то, что заставила Кэрри покраснеть — отдельное спасибо.

— Я не покраснел! — огрызнулся Дрейк.

— Покраснел, — не унимался Вэй.

— Седой сторукий...

— Ничуть не покраснел! — не дал договорить первому из Карателей фразу лучник.

— Я рада, что вам понравилось, — улыбнулась Электра.

— У.

— Твои песни не могут не понравиться, — заметила Гордислава.

— Помнится, год назад некая дама была противоположного мнения, — задумался Вэй Арэн.

— Кто прошлое помянет, тому глаз вон, — высокомерно произнесла северянка.

— Могу устроить, — любезно предложил Кэрри.

— Малышка Рэй, меня опять обижают!

— Дрейк, прекрати. Не обижай Вэя.

— Будто я могу! — изобразил саму невинность Коготь.

— Можешь, — прошептал Зел.

— И ты туда же... — проворчал Кэрэн.

— Так я не запрещаю, — слегка улыбнулся Зелорис.

— Рэйна, пойми, — внесла свою лепту Гордислава, — если Кэрэндрейк не будет обижать Вэя, то Вэй будет обижать всех нас. Долгими и бессмысленными беседами. А в то время, когда они друг с другом препираются, мы можем быть спокойны.

— У, — добавил Зелорис, что означало: «наши уши, во всяком случае, будут в безопасности».

Следующая глава открывает новую часть повествования, в которой нас ждёт рассказ о том, как Верховная Жрица пережила Трилунскую Катастрофу, а также прибытие путников на руины столицы погибшей Империи.

===== Часть 8. “Власть”. Глава 64 =====

О том, как Верховная Жрица Трилуна поведала о произошедшем в ночь, когда погибла ее Империя

Через две недели после того, как малышка Рэй открыла своим друзьям правду о том, что она — Алирэй Нактур Аквария Электра, девушка решила рассказать им и о том, что произошло в ночь Трилунской Катастрофы. Это далось ей нелегко, ибо воспоминания о трагедии были слишком тяжелы даже по прошествии одиннадцати лет. Но чем ближе были руины столицы, тем живее становились воспоминания, отчего Рэйна и осознала, что пришло время все рассказать.

— Когда погибла Трилунская Империя, мне было восемь лет, — начала свой рассказ собирательница историй.

Первая Луна ярко сияла в ночном небе, когда восьмилетняя Алирэй Нактур Аквария Электра совершала священное омовение. Если рядовой трилунец, принимая ванну перед сном, следовал обычаю и желанию быть чище, то для Верховной Жрицы Империи Трех Лун это было отдельным ритуалом, даже малейшее отступление от которого было запрещено. Забудь маленькая Электра сделать взмах правой рукой перед тем, как ее левая лодыжка коснется водной поверхности, — и все, считайте, что ритуал сорван. Но Аквария Электра не могла допустить ни единой ошибки, поскольку на ее плечах лежала ответственность перед всем трилунским народом.

Зачерпнув воду обеими руками, Аквария Электра подняла их вверх, словно она тянулась к лунному диску, после чего обрызгала водой свое лицо. Эту процедуру маленькая Алирэй Нактур повторила три раза, после чего окунулась в воду с головой.

В этот момент ритуал священного омовения чуть было не сорвался: Верховная Жрица Трилуна почувствовала, словно ее утягивает куда-то вниз, в ушах раздался пронзительный свист, а сердце в ее маленькой грудке заколотилось с такой силой, словно было готово в любую секунду разорваться на части. Алирэй Нактур Аквария Электра вынырнула из воды,

жадно глотнула свежий воздух, после чего без промедления продолжила ритуал. Чувство тревоги и волнения не покидало ее, а сердце продолжало бешено стучать, но маленькая Электра не могла позволить себе прекратить священное омовение даже в такой ситуации. Она провела левой рукой по правой щеке, как того требовала процедура священного омовения. Но теперь ей снова было необходимо целиком окунуться в воду.

Страх. Алирэй Нактур Аквария Электра впервые испытывала такой страх. Стук сердца эхом отдавался в ушах, в горле внезапно пересохло, а каждая клеточка ее маленького тельца вопила о том, что желает убежать от воды как можно дальше.

Ждать еще дольше было нельзя: иначе ритуал был бы сорван. Собрав всю свою волю в кулак, Аквария Электра крепко зажмурила глаза и вновь окунулась в пугавшую ее воду.

Но прежних ощущений не последовало. Все шло как всегда. Аквария Электра вынырнула и, почти успокоившись, закончила ритуал священного омовения. Сердце снова вернулось к нормальному ритму, а от пережитого страха не осталось и следа.

«Как я могла так испугаться ни с того ни с сего?» — усмехнулась Алирэй Нактур Аквария Электра, покидая Зал Омовений.

Если бы в этот момент она, как обычно делала после ритуала священного омовения, подняла свою маленькую головку вверх, то увидела бы, что Первая Луна налилась кроваво-красным светом. Но девочка не посмотрела на небо, а посему, оставалась спокойной. Электра не обратила внимания и на то, что всю дорогу до своих покоев не встретила ни одного человека, хотя и ночами Храм Трех Лун обычно был многолюден.

Алирэй Нактур Аквария Электра легла в свою постель и, пожелав своей Империи процветания, а ее жителям — благополучия, уснула.

Наутро маленькую правительницу огромной Империи никто не пришел разбудить. Аквария Электра решила, что это она проснулась раньше времени, и, поддавшись утренней лени, снова заснула. Когда Верховная Жрица вновь открыла глаза, был уже полдень.

«Талфия!» — позвала Аквария Электра свою служанку, чтобы та помогла ей переодеться, но никто не подошел. Девочка принялась звать других служанок, но и те не откликнулись на ее зов.

Впервые в жизни маленькой Владычице пришлось переодеваться самой, отчего роскошные жреческие одежды впервые небрежно сидели на ней.

Величественно войдя в трапезную, Алирэй Нактур не нашла в ней никого, как и не обнаружила там своего завтрака.

«Чем они все занимаются?» — недовольно произнесла маленькая Жрица.

Гордость не позволяла ей ходить по храму в поисках слуг, а посему, Аквария Электра села за стол, ожидая, что кто-нибудь все-таки придет и накормит свою правительницу.

Но никто так и не пришел. Солнце стало клониться к закату, и малышка Рэй все же отправилась на поиски слуг.

Поскольку голод давал о себе знать, первым делом девочка отправилась искать людей на кухню. Как и ожидала, людей она там нашла, но, к ее удивлению, все они...

«Как можно спать на полу! — воскликнула Алирэй Нактур. — Особенно в то время, когда я жду приема пищи».

Ни один из спящих даже не пошевелился.

Хмыкнув себе под нос, Аквария Электра развернулась и направилась туда, где по ее мнению должен был быть тот, кто сможет заставить нерадивых слуг вернуться к исполнению своих обязанностей.

«Я вхожу, отец», — произнесла Электра, открывая тяжелую дверь, ведущую в покои родителя.

Она нашла его сидящим за письменным столом. Мужчина так и уснул над книгой, которую читал.

«Отец, просыпайтесь», — потербила она его за рукав.

Вместо того чтобы проснуться, Родерик Гордер запрокинул голову на спинку стула и продолжил спать.

Обычный ребенок в такой ситуации закатил бы истерику, но Аквария Электра была не обычным ребенком — она была правительницей самого большого из когда-либо существовавших государств, поэтому следующим ее шагом была попытка открыть глаза отца своими руками. Но этой попытке было суждено провалиться, поскольку для того, чтобы достать до головы родителя, невысокой Электре пришлось залезать на стол, с которого она и свалилась.

На глазах маленькой Алирэй Нактур выступили слезы: от боли и от досады. Она надула свои маленькие щечки, поджала губки и стремительным шагом покинула покои отца.

Весь храм был погружен в сон. В какую бы комнату она ни заходила, везде Электра наблюдала одну и ту же картину: кто на полу, кто в кроватях, кто на стульях, скамьях или еще где-нибудь, — спали все. Попытки разбудить хотя бы кого-нибудь не увенчались успехом. Голодная, раздосадованная и уставшая Алирэй Нактур отправилась спать сама.

Проснувшись от того, что свалилась с кровати, маленькая Электра снова принялась звать своих слуг. Как и вчера, никто не ответил на зов своей госпожи.

Решив, что намеренно она не смогла никого разбудить, потому что пик попыток пришелся на ночное время, Аквария Электра снова продолжила вчерашнее занятие. До самого заката она не оставляла попыток разбудить спящих в храме людей. Она звала их поименно, тербила за плечи, даже прыгала на некоторых из них, но и после этого никто не хотел просыпаться.

И на следующий день повторилась та же ситуация: никто не разбудил Алирэй Нактур. Акварию Электру утром, никто не помог переодеться, никто не подал еды, никто не откликнулся на ее зов и никто не желал просыпаться.

Неизвестно, сколько дней пробыла восьмилетняя девочка в одиночестве среди мертвецов. Когда некоторые из них уже начали превращаться в скелеты, Алирэй Нактур впервые самостоятельно покинула Храм Трех Лун. Впервые она вышла в город без сопровождения.

То, что увидела Верховная Жрица, очутившись за пределами храма, заставило ее без оглядки бежать из города. Шэсчин-Натра, столица Трилунской Империи, город Вечно живущей Луны находился в руинах. Разрушенные здания, гниющие трупы людей и животных, покореженные деревья... Как бы хотела маленькая Аквария Электра навсегда забыть пережитое и увиденное за это время, но запах смерти настолько крепко врезался в ее память, что, казалось, проживи она тысячу лет, и тогда не забудет этого.

Без еды, без воды, пешком на протяжении нескольких месяцев брела Аквария Электра в неизвестном направлении. Конечно, совсем без еды и воды она не могла: девочка питалась фруктами, сорванными с изредка попадавшихся деревьев, а жажду утоляла из рек и ручьев, когда набредала на них. Роскошные одежды изнашивались, а прекрасные глаза маленькой Жрицы, повидавшие множество разрушенных городов, населенных мертвецами, сами казались мертвыми.

В один день, когда надежда уже оставила ее, Алирэй Нактур Аквария Электра увидела молодую женщину. Живую женщину.

Девочка тут же бросилась просить о помощи, но та, не признав в оборванке свою правительницу, крикнула: «Самой есть нечего, проваливай, малявка!» и продолжила заниматься мародерством.

От голода и усталости Электра потеряла сознание. Когда она очнулась, то обнаружила рядом с собой головку заплесневелого сыра, но самой женщины и след простыл. Девочка продолжила брести туда, куда вели ее ноги. Раз она встретила одну женщину, то, значит, могла встретить еще выживших.

Но сгнившие трупы, которых маленькая Жрица встречала из города в город, почти заставили Акварию Электру поверить в то, что та женщина ей приснилась.

Сколько уже брела маленькая Электра? Как давно она в последний раз видела живого человека, говорила с ним? Как давно закончились города и начались бескрайние пески? Как давно во рту Верховной Жрицы Трилуна была хотя бы капля воды, не говоря уже о кусочке пищи?

Электра проснулась от того, что кто-то рядом что-то обсуждал. Голоса. Только живые могут говорить. Это были живые люди!

Маленькая Жрица резко села, отчего у нее сразу же закружилась голова, но мягкие руки молодой женщины, обнявшей исхудавшую девочку, не дали ей упасть. Заботливый шепот этой женщины на странном и непонятном языке. Такой нежный, такой мягкий... Живой.

Пелена слез застилала глаза Верховной Жрицы Трилунской Империи, глаза, которые, казалось, уже пересохли и разучились рыдать. Тоненькие ручки Электры обвились вокруг шеи доброй живой женщины, а ее маленькое тельце сотрясало в беззвучных всхлипываниях.

Заботливый голос, что-то пытающийся до нее донести. Алирэй Нактур не понимала, что ей хотят сказать. Женщина осторожно поднесла к губам девочки чашу с водой, которую Аквария Электра тут же осушила жадными глотками.

Еще один голос, на сей раз мужской. Мужчина тоже говорил на непонятном языке и протягивал девочке свежую булочку. Оголодавший ребенок за считанные секунды избавился и от нее.

Мужчина и женщина пытались что-то спросить. Какой это язык? Что именно девочка должна была ответить на их вопрос? Быть может, они хотели узнать, кто она такая?

«Я — Воплощение Трех Лун, Алирэй Нактур Аквария Электра, единственная Госпожа Трилунских Земель, Верховная Жрица среди жриц и жрецов, ведающая Храмом Трех Лун», — хотела представиться девочка.

Сколько времени маленькая Электра не издавала ни звука? Как долго она уже не произносила слов? Почему ее тоненький голосок никак не хотел раздаваться?

«Алирэй Нактур Аквария Электра», — хотела представиться Верховная Жрица. Но получилось лишь хриплое: «...рэй На...».

Они не знали трилунского, она не знала языка Западных Королевств. Даррелл и Лора даже не догадывались, что найденная ими посреди Центральной Пустыни девятилетняя девочка не кто иная, как Алирэй Нактур Аквария Электра, Верховная Жрица таинственным образом уничтоженной год назад Империи Трех Лун.

Из следующей главы вы узнаете о том, какой переполох во дворце Фродерика Гордера вызвало появление на руинах столицы чужаков, и о том, что предпринял градоправитель.

О том, какой переполох во дворце Фродерика Гордера вызвало появление на руинах столицы чужаков, и о том, что предпринял градоправитель

Зимнее утро порадовало жителей Минэшэс-Натры, первого города, возведенного после Трилунской Катастрофы выжившими трилунцами, не только первым снегом, но и свежими слухами. Причем, если снег выпадал каждый год, то слухи в этих местах были редкостью: ведь Минэшэс-Натра располагался в самом центре погибшей Империи, всего в дне пути от развалин столицы, в то время как до ближайшего населенного города был месяц пути по разрушенным городам и огромным кладбищам.

«Чу-жа-ки!» — по слогам произнесла Арфа Талана, пожилая женщина, утверждавшая, будто повидала все, что только может показать жизнь.

«Опять дурной сон?» — предположил ее муж Шалар Аитор.

«Никакой не сон. Настоящие чужаки!» — возмутилась Арфа Талана.

«Вы уверены, матушка?» — поинтересовался ее сын, Афимон Аитор. Среди трилунцев был распространен следующий обычай: дочери брали фамилию матери, а сыновья — отца. Причем, если у женщин фамилия, как правило, ставилась перед именем, то у мужчин, наоборот, имя стояло перед фамилией.

«Уверена, — заявила Арфа Талана. — Не будет же мне Инашэс врать».

«Да у твоей Инашэс постоянно галлюцинации всякие случаются» — заметил Шалар Аитор, хорошо знавший характер лучшей подруги жены.

«Если бы только у нее, — не унималась Талана. — Она сама узнала это от Дулимона».

«Дулимон?» — Афимон впервые слышал это имя.

«Жалкий алкоголик», — объяснил отец.

«Можете думать, как хотите, — обиделась мать, — но это точно были чужаки».

«Ну-ну», — скептически молвил отец.

Арфа Талана, раздосадованная непониманием со стороны близких, отправилась распространять информацию о чужаках среди своих подруг. Сделать это легче всего было на рынке, где ее старая знакомая, Гаидафа Дэлона, осуществляла продажу рыбы, пойманной ее младшим братом.

«Чу-жа-ки!» — произнесла Арфа Талана по слогам.

«Где?» — встревожилась Гаидафа Дэлона.

«Близко!» — с чувством удовлетворения от того, что была услышана, сказала Арфа Талана.

«Ох-ох-хо... — задумалась Дэлона. — Откуда знаешь?»

«Из самых надежных источников, — ответила Талана. — Имя которым Инашэс и Дулимон».

«Им доверять можно», — со знающим видом проговорила Гаидафа Дэлона.

«Кому как не им!» — Арфа Талана была счастлива от того, что кто-то кроме нее так считает.

«Так что насчет этих чужаков?» — напомнила торговка рыбой.

«Их видели на руинах бывшей столицы», — словно рассказывая то, что не должно быть услышано посторонними, прошептала Арфа Талана.

«А точно ли чужаки?» — усомнилась Дэлона.

«Да у них по лицам видно, что чужаки!» — заявила Талана, словно сама видела их.

«Значит, точно чужаки, — кивнула Гаидафа Дэлона. — Только что им могло там

понадобиться?»

«Сама знать бы хотела!» — взмахнула руками Арфа Талана.

«Мародеры?» — предположила Дэлونا.

«Да нет, — возразила Арфа Талана. — Там уж давно разграблено все. Самолично проверяла».

«Хм... Странно».

«Может, они эти... как их там... туристы?»

«Культуристы?» — не расслышала Дэлону.

«Не... просто туристы. Поглазеть приехали».

«Ни стыда, ни совести! — возмущенно воскликнула торговка рыбой. — Мы пережили такую трагедию, а им лишь бы потешиться».

«Вот-вот», — поддержала Талана.

«Гнать этих чужаков прочь с наших земель!» — стукнула Дэлону кулаком по заледеневшему карпу.

«Истину говоришь, — кивнула Арфа Талана. — А ведь наверняка они и в храм зайдут. Осквернят своим присутствием место, где погибла наша Владычица».

«Пусть Душа ее будет спокойна в объятиях Погибшей Луны», — возведя руки к небу, произнесла Гаидафа Дэлону.

«Да будет так».

Поскольку разговор затронул болезненную для всех выживших трилунцев тему — потерю Алирэй Нактур, которая была для них символом самой жизни, с рассуждениями о цели пребывания чужаков на руинах столицы было покончено. Арфа Талана вернулась домой, а Гаидафа Дэлону продолжила торговлю. Однако не прошло и получаса, как к прилавок Гаидафы Дэлону подошла Астафария Лантара, служившая кухаркой во дворце правителя Минэшэс-Натры.

«Что-то по городу слухи странные ходят», — проклохотала она.

«Ты про чужаков что ли?» — со знающим видом уточнила Дэлону.

«Каких чужаков?! — встревожилась Лантара. — Я про кузнеца Филлиона, который за Фиалатой приударил».

«Филлион и Фиалата — это прошлый век! — уверила Гаидафа Дэлону. — Сейчас весь город говорит о том, что на руинах столицы рыщут чужаки».

«Какие чужаки?!» — испугалась кухарка.

«Самые настоящие», — промолвила торговка.

«О ужас, — вздохнула Лантара. — Что им понадобилось?»

«Поглазеть приехали».

«В такую даль только ради этого?» — усомнилась Астафария Лантара.

«А ведь дело говоришь...» — задумалась Гаидафа Дэлону.

«Мародеры?» — предположила Лантара.

«Не, Арфа Талана сама проверяла, там нечего расхищать».

«Тогда... быть может, они задумали что-то недоброе».

«Ой, а ведь ты права...» — прошептала Гаидафа Дэлону.

Астафария Лантара и рада была бы продолжить обсуждение этого вопроса, но вдруг вспомнила, что ей нужно срочно возвращаться к работе, выбрала крупного леща и побежала обратно во дворец. Разумеется, она не могла позволить себе не сообщить об услышанном другим кухаркам.

«Девоньки, — с расстановкой произнесла Астафария Лантара. — Чужаки прибыли!»

«Чужаки?» — переспросила Сафантия Эластра.

«На руинах столицы расположились, дела недобрые замыслили», — сообщила Лантара, отрубая голову лещу.

«Кто тебе сказал-то такое?» — удивился один из поваров по имени Алорис Горанот, неволей услышавший болтовню кухарок.

«Гаидафа Дэлоне, а с ней вместе и остальной Минэшэс-Натра».

«Твоя Гаидафа о чем только не говорит», — усмехнулся кто-то.

«С чего бы это сразу моя?» — возмутилась Лантара.

«Но Дэлоне из тех, кто не соврет...» — задумалась Сафантия Эластра.

«Неужто и правда чужаки?» — спросила доселе молчавшая Астарита Алора.

«Точно тебе говорю», — Лантара помахала перед собой хвостом разделанной рыбы.

«Страхи-то какие!» — усмехнулся Алорис Горанот и покинул женскую половину кухни.

Однако вскоре благодаря стараниям бдительных кухарок и озабоченных этой проблемой поваров, с которыми поделился услышанным Алорис Горанот, слух о чужаках на руинах столицы Империи Трех Лун полностью облетел весь замок, не обойдя стороной и Нектимона Ронтера, первого помощника правителя Минэшэс-Натры.

Взволнованный поступлением тревожной информации, Нектимон Ронтер поспешил сообщить страшную весть Фродерику Гордеру — правителю города.

«Господин Гордер!» — ворвался он в кабинет правителя.

«Что такое, Нектимон?» — поинтересовался Фродерик Гордер, оторвавшись от чтения бумаг.

«У меня срочное донесение!» — воскликнул Нектимон Ронтер.

«Я вас покину, наверное» — раздался позади вошедшего юношеский голос.

Нектимон Ронтер только сейчас заметил, что в кабинете Фродерика Гордера кроме них был еще один человек.

«Я надеюсь на долгое и успешное сотрудничество, — сказал Фродерик вслед уходящему, после чего обратился к Ронтеру. — Что у тебя?»

«Чужаки!» — именно с этого слова начинались теперь все разговоры в Минэшэс-Натре, и именно с этого слова начал свой доклад Нектимон Ронтер.

«Конкретнее, пожалуйста, — попросил правитель города. — Иначе я не пойму».

«До меня дошла информация о том, что на руинах бывшей столицы Империи Трех Лун города Вечно живущей Луны...»

«И покороче», — перебил Фродерик Гордер.

«Были замечены чужаки», — отрапортовал его помощник.

«Замечены. Далее?»

«Судя по всему, эти чужаки причастны к гибели нашего Великого государства», — поделился свежим слухом Ронтер.

«Откуда эта информация?» — Фродерик Гордер привстал с кресла.

«Весь замок осведомлен, господин Гордер», — ответил первый помощник.

«Весь замок, значит... Почему тогда я узнаю об этом последним?!»

«Приношу глубочайшие извинения, мой господин!» — Нектимон Ронтер отвесил поклон с таким усердием, что казалось, будто должен был удариться лбом об пол, но пол избежал участи быть ударенным.

«Ладно уж, — вздохнул Фродерик Гордер. — Говори, что тебе еще о них известно».

Выслушав долгий доклад своего первого помощника, Фродерик Гордер велел позвать к себе одну из служанок.

Арантия Ладара обладала безупречной репутацией и даже некоторое время служила самой Алирэй Нактур Акварию Электре, но из-за болезни матери была вынуждена оставить службу и вернуться в родной городок, что и спасло ей жизнь, ведь тот городок был одним из немногих уцелевших в ночь Трилунской Катастрофы. Когда Фродерик Гордер воздвиг Минэшэс-Натру, она, как и многие другие пережившие свое государство трилунцы, приехала в этот город и устроилась на службу к Фродерику Гордеру. Кому еще быть правителем нового Трилуна, как не ему, потому что Двадцати Священных Семейств и родному дяде Верховной Жрицы? И хотя ни о каком «новом Трилуне» речи быть не могло, в его власти над Минэшэс-Натрой никто не сомневался.

«Мой господин», — войдя в кабинет правителя города, Арантия Ладара отвесила низкий поклон.

«Ты показала свою верность и преданность Подлунной Земле во времена величия нашей Империи, — неспешно произнес Фродерик Гордер. — И проявила себя даже после ее гибели. Как правитель Минэшэс-Натры я смею просить тебя сделать одно дело на благо трилунского народа».

«Все, что угодно, мой господин!» — растроганно сказала Ладара.

«Слышала ли ты...»

«О чужаках?» — встревоженно перебила правителя служанка. Внезапно осознав, что именно она натворила, Арантия Ладара тут же опустилась перед Фродериком Гордером на колени и принялась вымаливать прощения за свою дерзость.

«Вставай, — мягко промолвил Гордер. — Это я должен стоять перед тобой на коленях со своей просьбой».

Не смотря на свои слова, правитель Минэшэс-Натры не потрудился даже встать с кресла.

«Что я могу для Вас сделать, мой господин?»

«Ты отправишься на руины столицы», — прямо сказал правитель.

«Как? — встревожилась Арантия Ладара. — Там же чужаки?»

«Ты знаешь, что им понадобилось».

«Да разве я могу!»

«Можешь», — уверенно заявил Фродерик Гордер.

«Никак не могу!» — с той же уверенностью возразила Ладара.

«Можешь, потому что ты женщина!» — воскликнул правитель трилунского города, ударив кулаком по столу в подтверждение своих слов.

«Не могу... — с некоторой неуверенностью прошептала служанка. — Они же меня обнаружат!»

«Если они обнаружат мужчину, то тут же его убьют», — медленно проговорил Фродерик Гордер,

«Ой!»

«Но обнаружив женщину, ей они сохраняют жизнь!»

«Сохранят?»

«Именно, — словно сообщая непреложную истину, заявил Гордер. — Кто посмеет убить женщину, которая говорит, что в одиночестве растит маленькую дочь?»

«Но у меня нет детей!» — возразила Ладара.

«Они-то об этом не знают!» — настаивал Фродерик.

«А ведь действительно...» — задумалась служанка.

Из следующей главы вы узнаете о том, как путники исследовали руины столицы, а служанка признала в собирательнице историй Верховную Жрицу.

===== Часть 8. “Власть”. Глава 66 =====

О том, как путники исследовали руины столицы, а служанка признала в собирательнице историй Верховную Жрицу

Храм Трех Лун — Ли Натра Альфартэ — являлся местом, где родилась и провела первые годы своей жизни Алирэй Нактур Аквария Электра. Когда Рэйна последний раз была здесь, столица и храм были усеяны телами мертвых людей. Сейчас здесь не было даже костей, поскольку кто-то потрудился должным образом захоронить останки погибших сограждан. Храм был единственным зданием в столице Империи, Шэсчин-Натре, не разрушенным Трилунской Катастрофой. Но, несмотря на то, что участь разрушения миновала его стены, визита мародеров храм не избежал.

Малышке Рэй тяжело было находиться в этом месте, но она старалась приложить все усилия, чтобы помочь Гордиславе найти хотя бы малейшую зацепку о том, что произошло в ночь Трагедии.

Первые три дня после прибытия на развалины были посвящены обследованию самой столицы, а на четвертый день пятеро путников вошли в главный Храм погибшей Империи.

— Большой домик... — пробормотал Вэй Арэн: Храм Трех Лун по своим размерам превосходил самые большие из всех дворцов Западных Королевств.

— Электра, ты как? — Кэрэндрейк был обеспокоен душевным состоянием своей возлюбленной.

— Вроде бы... — ответила Рэйна, не сообщив, что именно «вроде бы».

— Какая великолепная архитектура! — Гордислава увлеклась осмотром храма настолько, что напрочь забыла о реальности. Еще бы: как ей, историку Четвертой Северной Башни, было не забыть о реальности, оказавшись в храме, возраст которого никто даже не может назвать! Пять тысяч, шесть тысяч, семь тысяч, а может даже, и все десять тысяч лет?

Гордислава принялась рассматривать барельеф на одной из стен храма. На нем были изображены сцены быта трилунцев. Судя по тому, какие орудия труда они использовали на этом изображении, доводы профессора Колитакского о том, что Храм Трех Лун был возведен на рубеже пятого и шестого тысячелетия до гибели этой Великой Державы, рушились, ведь было доказано, что плуг подобной конструкции появился на трилунских землях почти двенадцать тысяч лет назад, а одиннадцать тысяч лет назад был сменен другим видом.

Сколько же стоит здесь это строение? Как оно умудрилось остаться в таком превосходном состоянии, в то время как все другие здания вокруг превратились в обломки? Как можно было сделать столь аккуратные барельефы на его стенах в то время? И почему за столь долгое время существования стены Ли Натра Альфартэ пересекает всего лишь одна тонкая трещинка?..

— Вы можете пойти со мной? — нерешительно попросила Верховная Жрица.

Зелорис решительно, пусть и малозаметно, кивнул, а Кэрэндрейк и Вэй Арэн одновременно воскликнули: «Разумеется можем». Гордислава, которая, из-за рассматривания трещины, пересекающей стену древнего храма, не сразу расслышала вопрос, только спустя несколько секунд выразила свое согласие.

Местом, куда хотела отправиться собирательница историй, были ее покои. По пути туда путешественники проходили через разграбленные залы и коридоры храма, многие комнаты и покои, некогда пестрящие роскошью, ныне были опустевшими и пугали своей серостью, отчего малышка Рэй даже сомневалась: действительно ли это место из ее воспоминаний.

Двери в покои Верховной Жрицы Трилуна не желали открываться перед вернувшейся хозяйкой. А может быть, это она боялась открыть их, и поэтому ей казалось, что двери не поддавались ей, ведь стоило прикоснуться к дверям Гордиславе, как те покорно раскрылись, пропуская пятерых путников внутрь.

Алирэй Нактур Аквария Электра ожидала увидеть что угодно, но только не то, что предстало перед ее глазами.

— Но почему? — удивленно молвила Рэйна. Ее комната не пострадала от рук мародеров. Все вещи были на своих местах, покрытые толстым слоем пыли.

— Разве это не прекрасно? — поинтересовался Вэй Арэн.

— Ни один трилунец не осмелился прикасаться к вещам боготворимой ими Жрицы, — констатировал факт Кэрэндрейк.

— У, — поддержал его Зелорис.

Гордислава, разрываясь между желанием прикоснуться к вещам правительницы величайшего из когда-либо существовавших государств с целью изучить их, и между голосом разума, твердившим о том, что это вещи ее подруги, не произнесла ни слова.

— Даже не верится, что когда-то эта кровать казалась мне такой огромной... — прошептала Алирэй Нактур, проведя рукой по спинке кровати, отчего в воздух поднялось облако пыли.

— Но эта кровать действительно огромна, — заметил Вэй.

— У, — подтвердил мечник. — На нее даже Капа поместится.

— А теперь представьте, какой она должна казаться восьмилетнему ребенку, — пробормотал Дрейк, бесцеремонно укладываясь на кровать Верховной Жрицы.

— Ты что де... — хотела возмутиться Гордислава, но подобно всем остальным была вынуждена предаться кашлю от огромного облака пыли, поднявшегося в воздух в результате действий первого из Карателей.

— Мягко, — как ни в чем не бывало сообщил он.

— Мне это известно, — в голосе собирательницы историй ощущалась некоторая доля недовольства.

— Кэрри, ты б привстал.

— Оставь его, Вэй, — вздохнула Рэйна.

Девушка подошла к большому сундуку и откинула его крышку. Поскольку она заранее прикрыла себе лицо рукавом, очередное облако пыли не доставило ей неудобств. В отличие от Гордиславы. То ли ее желания изначально были сильнее, то ли после занятия Кэрэндрейком царского ложа глас разума слегка приутих, но, чуть ли не оттолкнув Верховную Жрицу в сторону, северянка бросилась к сундуку и одним рывком достала из него крохотное жреческое платье.

— Какая прелесть! — умиленно произнесла обычно холодная Гордислава. — Сколько тебе было, когда ты носила его?

— Во-восемь, — слегка опешила от неожиданности Электра.

— Хотела бы я на это посмотреть... — мечтательно проговорила северянка, прижав детское платье к своей груди.

— А я бы хотел посмотреть на хотя бы один из знаменитых трилунских танцев, — напомнил Вэй Арэн.

Зелорис тем временем пристально смотрел в окно.

— Ты что там увидел, Зел? — поинтересовался Кэрэн.

— В Трилунской Империи тоже растут клены, — заметил мечник.

— Вообще-то они изначально произрастали в Трилуне, — со знающим видом заявила Гордислава. — Если быть точнее, то в северо-восточной части Империи, отчего раньше мы их не встречали. И только потом были завезены на Запад.

— То есть, кленовый сироп изобрели в Трилунской Империи? — удивился мечник.

— Нет, — возразила Гордислава. — Это заслуга Западных Королевств.

— В Трилуне предпочитают варенье, — добавила Рэйна.

Электра снова вернулась к рассматриванию принадлежавших ей когда-то вещей. Она достала из сундука небольшое зеркальце, украшенное сияющими самоцветами, и сама засияла от счастья.

— Надо же, и оно сохранилось, — улыбнулась девушка.

— Какое красивое, — заметила Гордислава.

— Оно принадлежало моей матери, — ответила малышка Рэй. — Хотя я никогда не видела ее, это зеркало дорого мне.

— Не видела? — прошептал Зелорис.

— Алирэй Нактур Терра Аквария умерла при родах, — объяснила Гордислава.

— Так вот почему ты стала правительницей в столь раннем возрасте, — переворачиваясь на другой бок, произнес Кэрэндрейк.

— Кэрри, ты этого не знал? — больше всех был удивлен Вэй Арэн.

— Не интересовался.

— А это, — Рэйна достала из сундука вчетверо сложенный лист бумаги, — мой первый рисунок!

— Покажи! — оживился Коготь и даже сел.

— Нет, — возразила Верховная Жрица. — Я стесняюсь.

— Малышка Рэй, — вмешался Вэй Арэн, — сначала ты разбередила наше любопытство, а потом говоришь, что стесняешься показывать? Это не хорошо.

— У, — поддержал друга Зелорис.

— Но я тогда была очень маленькой, — промолвила собирательница историй. — Мне будет стыдно, если вы это увидите.

— Угу, — согласился с доводами Электры Зел, тем самым перейдя на ее сторону.

Однако у жаждущих увидеть первый рисунок Рэйны был могучий соратник в лице Гордиславы Клеопатры Бурандуйской. Она молча выхватила из рук Верховной Жрицы Трилунской Империи этот листок и со свойственной ей гордой высокомерной интонацией произнесла:

— Я беру это не как любопытная подруга, а как историк. Рэйна, ты не должна забывать о том, что являешься последней Верховной Жрицей Империи, и ради своих эгоистичных «стесняюсь» лишаешь будущие поколения возможности прикасаться к прошлому. Я сохраню этот рисунок у себя.

— Но разве обычный детский рисунок имеет какую-нибудь историческую ценность? — усомнилась малышка Рэй.

— Имеет! — уверенно заявила Гордислава. — Особенно нарисованный самой Алирэй

Нактур.

— Миледи, вы бесподобны! — воскликнул Вэй Арэн. — А теперь показывайте.

— Это для потомков, — возразила северянка, но сама тем временем развернула листок и посмотрела на рисунок. — Как мило!

— Еще бы... — улыбнулся заглядывающий из-за спины Кэрэндрейк. — Это, я так понимаю, котенок?

— Написано, что цыпленок, — перевела северянка с трилунского на общепринятый написанные детским почерком каракули.

— А почему у него пупок? — поинтересовался Кэрри. — Это ведь он, если я не ошибаюсь.

— Поэтому-то я и не хотела, чтобы вы это видели! — воскликнула собирательница историй. — Я тогда была маленькая и видела цыплят только жаренных... или издалека. Откуда мне знать, чего у них не было.

— У, — чуть слышно произнес Зелорис, что означало: «Напомни, когда-нибудь я покажу тебе живого цыпленка. Они пушистые».

— Потом я уже видела живых цыплят, — вздохнула малышка Рэй.

— Мне тоже покажите! — возмутился Вэй Арэн, в то время как Гордислава и Кэрэндрейк, единственные видевшие творение маленькой Рэйны, снова складывали листок.

— Это для потомков, — подражая Гордиславе, сказал Дрейк.

— Вокруг один беспредел, — развел руками в стороны лучник, отчего чуть не задел по носу мечнику.

— Эй, — попросил Зелорис его быть осторожнее.

— Извини, братец Зел.

— А что это? — Гордислава настолько сильно склонилась над сундуком Электры, что казалось, будто бы она целиком собирается залезть туда.

— Ой... — лицо Верховной Жрицы одновременно побледнело и налилось смущенным румянцем.

В руках у северянки была небольшая книжечка в плотной темной обложке, название которой было не читаемо из-за огромной чернильной кляксы. Историк Четвертой Северной Башни открыла книжку и обнаружила, что поверх аккуратного рукописного текста та была изрисована цыплятами с пупками на животиках.

— Это книга записей моего отца... — виновато пролепетала Рэйна.

— Цыплят тоже он записывал, в смысле зарисовывал? — поинтересовался Кэрри.

— Кэрэндрейк, ты не мог бы перестать заглядывать из-за спины? — попросила северянка. — Лег бы ты обратно на кровать и не мешался.

— Мы сейчас пытаемся выяснить природу этих птишек, — первый из Карателей ткнул пальцем в книгу. — Полежать я всегда успею.

— Какие забавные, — усмехнулся Вэй. Он и Зелорис, подобно Когтю, также решились заглянуть в книгу из-за спины Гордиславы.

— Отдайте! — попросила Рэйна.

— И все же, почему книга твоего отца вся в цыплятах у тебя в сундуке? — с ехидной улыбкой спросила Гордислава.

— Я сначала нарисовала, — вздохнула собирательница историй, — а потом испугалась, что отец обидится. У меня не было другого выхода, кроме как избавиться от этой книги.

— Спрятал ее у себя в сундуке? — переспросил Вэй Арэн.

— Гениально! — сотрясаясь от смеха, рухнул на кровать Кэрэндрейк.

— Если бы я сожгла его, отец бы обиделся еще больше.

— У, — согласился Зелорис.

— Это я тоже в качестве предмета, представляющего историческую ценность, заберу с собой, — предупредила Гордислава, убирая книгу в заплечный мешок к уже лежащему там первому рисунку Верховной Жрицы.

— И войдет в историю Алирэй Нактур Аквария Электра не как последняя Жрица Трилунской Империи, а как Аквария Электра, рисующая цыплят, — величественно произнес первый из Карателей, растягиваясь на кровати Верховной Жрицы, подобно коту. — С пупками.

— Дрейк! — возмутилась Рэйна. — Прекрати, пожалуйста.

— Но это же забавно, — улыбнулся Кэрри. — Еще забавнее, чем привычка Зелориса придумывать имена и названия.

— У, — на сей раз возмутился мечник, хотя и не совсем понял, что именно имел в виду Коготь.

— Я согласен с Кэрри, — поддержал Вэй Арэн. — Малышка Рэй, твои детские рисунки милы.

— К тому же, через тысячу лет тебе уже будет все равно, что будут думать о тебе потомки, а им же будет интересно прикоснуться к истории через эти рисунки, — с ледяным спокойствием произнесла Гордислава, игнорируя попытки Рэйны отобрать у нее наплечный мешок с изрисованными цыплятами «историческими ценностями».

«Да как вы смеете прикасаться к вещам Великой Владычицы Алирэй Нактур Акварии Электры?!» — вскричала Арантия Ладара, врываясь в покои Верховной Жрицы Трилунской Империи.

Несмотря на то, что Фродерик Гордер велел ей быть осторожной и не привлекать к себе внимания «чужаков», новоиспеченная разведчица не могла допустить подобного произвола со стороны иноземцев.

«Послушайте», — хотела выдать заумную речь Гордислава.

«Арантия?» — удивленно произнесла малышка Рэй, оставив безуспешные попытки вернуть изъятые рисунки. Она узнала в этой вооруженной тоненьким прутиком женщине, неизвестно как собиравшейся сражаться им против меча и стрел, одну из своих бывших служанок.

«Владычица...» — в изумлении прошептала Ладара и выронила из рук свое «оружие».

Из следующей главы вы узнаете о том, как прошло воссоединение племянницы с дядей, и какой в честь этого был устроен пир.

===== Часть 8. “Власть”. Глава 67 =====

О том, как прошло воссоединение племянницы с дядей, и какой в честь этого был устроен пир

Арантия Ладара была счастлива узнать, что Алирэй Нактур Аквария Электра не погибла вместе с Трилунской Империей в ночь Катастрофы. Малышка Рэй же была обрадована вести о том, что ее дядя Фродерик Гордер не просто выжил, но и смог построить целый город. Собирательница историй и создательница рисунков с цыплятами, обладающими пупками, просто не могла не посетить своего дядю, особенно учитывая, что Минэшэс-Натра располагался всего в дне пути от развалин столицы. Гордислава, которой не терпелось увидеть своими глазами первый город, возведенный после гибели Империи Трех Лун, и

расспросить людей, переживших ночь Трагедии, также не собиралась оставаться в стороне. Разумеется, Вэй Арэн не мог не воспользоваться возможностью повидать трилунских красавиц, а Зелориса грела мысль о возможности наличия в Минэшэс-Натре кленового сиропа. Даже лошадь Капа представляла себе восточных жеребцов, с которыми могла бы повстречаться в конюшнях Минэшэс-Натры.

Единственным, кого никоим образом не волновало грядущее посещение недавно возведенного города, был Кэрэндрейк. Во-первых, ему не было дела до жеребцов, кленового сиропа или восточных красавиц (что касается последнего, одна из них постоянно была рядом с ним). Во-вторых, он даже намекнул об этом Гордиславе: один из населенных трилунских городов они уже посетили, и был им Рэластэн. В-третьих, несмотря на то, что Минэшэс-Натра располагался недалеко, всего в дне пути, до него необходимо было идти, а значит время, которое первый из Карателей мог потратить на сон или простое лежание на кровати, ему было необходимо растрачивать на «продавливание сугробов своими ногами», как он сам выразился.

Но, несмотря на все это, в Минэшэс-Натру идти пришлось и ему. Во-первых, потому что в населенном городе он также сможет спать на кровати. Во-вторых, в городе можно было поесть не походную пищу. А в-третьих, потому что туда направлялись все остальные, и у первого из Карателей просто не было другого выхода, кроме как отправиться вместе с ними.

Разумеется, в самой Минэшэс-Натре ничего не знали о том, что Верховная Жрица Трилунской Империи направляется навестить своего дядю, в то время как слухи о чужаках на руинах столицы обсуждались всеми. Сплетничающие свято верили в то, что чужаки рыщут по руинам с самыми злыми помыслами из всех возможных, среди которых уничтожение Минэшэс-Натры способом, уничтожившим Трилун, было самым безобидным. Поэтому, когда кто-то увидел, как к воротам города приближается повозка с лошадью, пятерых чужаков и посланную на разведку Арантию Ладару, жители Минэшэс-Натры подумали, будто Ладара попала к чужакам в плен и под пытками рассказала все секреты нового города, которые, впрочем, на деле ей даже не были известны.

Напуганные слухами, созданными ими самими же, жители Минэшэс-Натры попрятались по домам, отчего улицы нового трилунского города стали напоминать улицы городов-призраков караванного пути.

Когда путники достигли ворот замка Фродерика Гордера, они обнаружили их закрытыми, а со стен замка на них был нацелен ряд стрел.

— Теплый приемчик, — усмехнулся Кэрэндрейк.

— У, — подтвердил Зелорис.

«Кто вы такие? — донесся вопрос из замка. — Цель вашего визита, и почему вы схватили Арантию Ладару?»

«Мы Вас схватили?» — поинтересовалась у Ладары Гордислава.

«Нет», — удивленно ответила служанка.

«Убирайтесь прочь из Минэшэс-Натры!» — выкрикнул один из лучников.

«Да как вы смеете говорить такое?! — неожиданно для всех, в том числе для нее самой, вскричала Арантия Ладара. — Особенно в адрес Великой Владычицы, Алирэй Накту Аквари и Электры?!»

По замку пробежала волна громкого шепота, которого, разумеется, не было слышно снаружи, после чего ворота открылись, приглашая путников войти. Весть о том, что Верховная Жрица Трилуна вернулась к своему народу, облетела весь замок прежде, чем сама

Жрица успела ступить пару шагов.

Служащие замка отрывались от работ и занятий, чтобы своими глазами увидеть Алирэй Нактур Акварию Электру, чтобы убедиться в ее реальности. Они кланялись ей, вставали перед ней на колени, некоторые пытались даже прикоснуться, чтобы проверить, не сон ли она. На глазах многих женщин и даже некоторых мужчин выступали слезы.

Фродерик Гордер не верил своим глазам. На него смотрела и мягко улыбалась девятнадцатилетняя девушка, в которой он видел свою восьмилетнюю племянницу. Трилунская Катастрофа застала его, когда он пребывал на самом востоке Империи с целью контроля постройки порта. На то, чтобы вернуться в столицу, у Фродерика Гордера ушло почти полгода. Его путь проходил через разрушенные города, и когда он прибыл в Шэсчин-Натру, все его самые страшные ожидания оправдались: столица была уничтожена, как и Империя, а Алирэй Нактур Аквария Электра пропала без вести. Нет, умерла, — так решил для себя Фродерик Гордер, ведь в таком случае ему не надо было тешить себя ложными надеждами на возвращение племянницы.

Но Алирэй Нактур Аквария Электра была жива. Сейчас она стояла перед ним, он мог подойти и дотронуться до нее, он мог почувствовать тепло ее слез, которые от избытка счастья стекали по щекам девушки.

В тот же день в честь возвращения Верховной Жрицы в замке был дан пир. Роскошные яства были поданы к столу, из погребов принесены самые лучшие вина. Несмотря на то, что приготовления велись на скорую руку, пир в честь Верховной Жрицы превосходил тот, что был устроен в Монтильфонде в честь успешного завершения «Охоты».

Но все же, нашелся один человек, недовольный устроенным пиром. Вернее будет сказать, что сам пир недовольства не вызывал, они были вызваны отсутствием на столах одной вещи.

— Где кленовый сироп? — мрачно вопрошал Зелорис.

С другой стороны, кое-кому сейчас было очень даже хорошо. Тот факт, что Вэй Арэн Виндсвиш не знал трилунского языка, а трилунские женщины не говорили на языке Западных Королевств, ничуть не мешал лучнику весело проводить с ними время. О каком языковом барьере может идти речь, когда слова льются от самого сердца и словно мелодия сливаются в рассказ? Трилунские красавицы понимали комплименты лучника лишь по его интонации, но и этого им хватало, чтобы растаять, подобно весеннему снегу.

Что же касается снега, а точнее той, чья родина — это заснеженные снежные просторы, то Гордислава ощущала себя словно в раю. Выжившие жители Империи Трех Лун отвечали на все ее вопросы. То, что для многих историков Северных Башен, исследующих Трилунскую Империю, являлось загадками, для трилунцев было обыденностью, а посему, за несколько часов северянка сделала несколько научных открытий. Не забыла она и о вопросе, терзавшем Вениамина Ступку, — как оказалось, о том, что острова Арба и Арфар когда-то были материковой частью Трилунской Империи, было известно даже детям.

«У нас даже отдельная легенда есть про это!» — с достоинством произнесла одна из кухарок, отвечая на вопросы Гордиславы.

— Какой народ, такие и правители... — вздохнула северянка, искоса взглянув на собирательницу историй.

Малышка Рэй тем временем была окружена жителями Минэшэс-Натры. На пир в честь Верховной Жрицы Трилуна стянулись со всего города. Каждый хотел посмотреть на ту, что является Воплощением Трех Лун, услышать ее голос, получить благословение, заговорить с

ней, услышать ее рассказ о том, что ей пришлось пережить. Из-за этого у Акварии Электры не было ни одной свободной секунды.

Весь дворец Фродерика Гордера был погружен в атмосферу великого праздника. Шум, гам, нескончаемые разговоры, постоянные радостные выкрики, звон бокалов, песни, пляски... Подобное звуковое сопровождение несколько осложняло планы насытившегося плотным ужином Кэрэндрейка. Даже у него, первого из Карателей, не получилось бы заснуть в такой ситуации.

— Есть ли в этом замке хотя бы одно спокойное место, черт возьми?! — восклицал Кэрри, пробираясь по коридорам замка в поисках оного.

Коготь трижды находил тихий, по его мнению, уголок, и трижды пристраивался там, готовясь ко сну. Однако, также трижды, так и не успев заснуть, он был вынужден отправляться на поиски другого места, ибо подвыпившие трилунцы считали своим долгом пройтись по всему замку в компании с друзьями и спеть какую-нибудь песню. Причем компании обязательно состояли из трех-пяти человек, а песни пелись как можно громче и как можно нескладнее.

Осознав, что тихого места в замке Фродерика Гордера Кэрэндрейк не найдет, он решил все же вернуться в главный зал, где были все его товарищи. Задумавшись о чем-то своем, Кэрэндрейк случайно столкнулся с невысоким юношей, также погруженным в размышления.

— Извините, — одновременно произнесли столкнувшиеся, после чего, даже не взглянув друг на друга, разошлись каждый в свою сторону.

Однако, сделав несколько шагов, Кэрэн остановился. Извинение того человека звучало на общепринятом, а не на трилунском языке. Первый из Карателей обернулся, чтобы взглянуть вслед человеку, с которым столкнулся, и обнаружил, что тот сам обернулся и рассматривает его.

— Что? — поинтересовался Кэрри.

— Ничто, — грубо ответил семнадцатилетний мальчишка. — Посмотреть нельзя?

— Почему же, — вздохнул Дрейк. — Можно.

— А! Черт! Как же здесь шумно! — вдруг занял юноша, схватившись руками за голову.

Мимо прошла очередная компания то ли пьяных певцов, то ли поющих пьяниц. Оба парня: и Кэрэндрейк, и столкнувшийся с ним юнец, снова сделали по несколько шагов каждый в своем направлении, после чего оба синхронно обернулись.

— Ты что уставился? — возмутился мальчишка.

— Это ты что? — огрызнулся Кэрри.

После этого оба, резко развернувшись и больше не оборачиваясь, окончательно разошлись.

Решив, что раз возможности поспать в ближайшее время не предвидится, первый из Карателей пришел к выводу, что нужно воспользоваться возможностью хорошо поесть. И хотя этой возможностью за сегодняшний день он пользовался уже несколько раз, привыкший даже к таким суровым условиям организм Когтя был готов выдержать еще одну порцию пищи.

— В крайнем случае, — с коварством прошептал Кэрри, — попрыгаю, и все утрамбуется.

Тем временем люди прыгали вокруг Акварии Электры. Разумеется, делали они это не ради того, чтобы утрамбовать пищу в своих животах, а для того, чтобы посмотреть на Верховную Жрицу, окруженную толпой. Впервые Рэйна чувствовала такую усталость. За

годы, проведенные в Западных Королевствах, малышка Рэй забыла, что люди могут так проявлять внимание. Там, на Западе, собирательница историй развлекала людей своими песнями, и те, разумеется, тоже собирались вокруг нее в толпы. Но здесь Алирэй Нактур Акварию Электре не нужно было делать ничего, люди сами следовали за ней. Им было достаточно даже того, что Воплощение Трех Лун просто дышало, а если уж Электра делала случайный взмах рукой, то толпа приходила в неопиcуемый восторг.

Гордислава, которой высокий рост позволял наблюдать за малышкой Рэй и окружающими ее людьми не подпрыгивая, а всего лишь стоя на табуретке, сделала несколько пометок, касательно подобного явления. В частности, старший историк исследовательской группы отдела по исследованию тайн прошлого и загадок истории отделения по изучению истории первого исторического подразделения объединения историков Четвертой Северной Башни обратила внимание на то, что чувства, проявляемые трилунским народом к своей Верховной Жрице, похожи на слепой фанатизм, и что Рэйна умело скрывает свою утомленность и усталость.

Кому не было ведомо чувство усталости, так это Вэю Арэну. Без устали работал его язык, осыпавший трилунских красавиц самыми разнообразными комплиментами. По скоплению народа вокруг себя он уступал только Алирэй Нактур, но в одном он ее превосходил: если вокруг Акварию Электры были как мужчины, так и женщины, то вокруг Вэя не было никого, кроме прекрасных барышень. Во всяком случае, так продолжалось до тех пор, пока один наглый и своенравный парень не вывел лучника за шкурку из кольца дам. Сначала Вэй пытался сопротивляться, но осознав, что из хватки первого из Карателей не вырваться, тщетные попытки прекратил.

— Чего тебе надо, Кэрри... — пробубнил лишенный общества девушек Вэй.

— Спросить.

— Здесь столько народу, спрашивай у кого угодно! — воскликнул Вэй.

— Трилунского не знаю, — с ехидной ухмылкой ответил Дрейк.

— Малышка Рэй...

— Окружена людьми.

— Горди.

— Занята исследованиями.

— Братец Зел.

— Насчет него и спрашиваю.

— А что такое? — удивился лучник.

— Березовый сок ведь добывают из дерева? — решил уточнить Коготь.

— Ну да... — слегка удивившись, ответил Вэй. — А что?

— Просто кленовый сироп тоже добывают из дерева.

Некоторое время Дрейк и Вэй смотрели друг на друга, после оба перевели взгляд на Зелориса, аккуратно наливавшего себе в чашу березовый сок, который благодаря секретным технологиям трилунцев можно было пить и зимой.

— Зел, не пей это!!! — хором воскликнули Кэрри и Вэй.

Из следующей главы вы узнаете о том, как проходил следующий после Великого Пира день, и о том, как дядя пригласил племянницу на разговор.

===== Часть 8. “Власть”. Глава 68 =====

О том, как проходил следующий после Великого Пира день, и о том, как дядя пригласил племянницу на разговор

Проснувшись около полудня, Зелорис понял, что, во-первых, у него очень болит голова, во-вторых, что он ничего не помнит о вчерашнем вечере, и в-третьих, что на него очень злятся Вэй Арэн и Кэрэндрейк.

— У? — попытался выяснить причину всего этого мечник.

— Не помнишь, значит, — процедил сквозь зубы Дрейк. — Чертов алкаш.

— Кэрри, не будь так жесток, — вяло пробормотал Вэй. — Зачем ты обижаешь алкашей, сравнивая их с братцем Зелом? Они себя так из-за алкоголя ведут, а братец Зел, насколько я знаю, к вину даже не притронулся. Хотя лучше бы он напился вина.

— Признаю свою ошибку, — вздохнул Коготь. — И да, полностью с тобой согласен, лучше бы это было вино.

— Эй! — Зелориса не устраивало, что его друзья разговаривают с ним в таком тоне и не объясняют почему.

— Проснулся? — без особого интереса спросила Гордислава, заходя в комнату парней и ледяным взглядом осматривая мечника.

— Да что произошло-то? — Зелорис считал своим долгом докопаться до правды.

— «Тупая снежная королева, чье высокомерие в высоту превосходит все горы, и чьей гордостью можно обеспечить любое государство, чтобы все его жители превратились в величайших гордецов», — процитировала северянка.

— У? — не понял Зелорис.

— Твои слова.

Мечник отрицательно замотал головой. Он не мог сказать подобного. Ни в коем случае.

— Тебе очень повезло, что трилунцы не понимали слов, которые ты сыпал в их адрес, — продолжила Гордислава.

— Нет, тебе повезло, что ловелас всеми силами пытался удержать меня от твоего убийства, — злобно произнес Дрейк.

Зелорис вопросительно посмотрел на Вэя.

— Ты порядка тридцати раз назвал его «Кэрэн», — шепнул ему на ухо тот.

— Тридцать семь с половиной, — буркнул Кэрри.

— У? — Зелорис поинтересовался, что означает «с половиной».

— Я вовремя успел закрыть твой рот, — вздохнул Вэй.

— У...

— Про меня ты тоже много гадостей наговорил, — сообщил лучник. — Но я даже не собираюсь напоминать тебе, какие именно. Пусть тебя мучает совесть, пока ты собираешься воссоздать воспоминания о прошлом вечере.

— Ты даже Рэйну стороной не обошел, — холодно произнесла Гордислава. — Назвал ее малолетней дурочкой и... Не хочу вспоминать.

— Зря мы позволили тебе остаться одному на этом пире, — проворчал Дрейк. — Надо было вообще не пускать тебя в замок.

— Ладно, — смягчился Вэй Арэн, которому на деле досталось от оскорблений Зелориса больше всех. — Лучше жалеть о сделанном, чем о несделанном.

— Вот именно, — буркнул Кэрэн. — Сейчас я жалею о том, что не связал тебя еще в Монфриде, когда ты терроризировал всех, напившись кленового сиропа. Тогда бы ты не смог даже попробовать березовый сок и учудить подобное... А что ты, кстати, о Капе говорил!

Зелорис поспешно нацепил на пояс свой меч, с которым старался не расставаться ни на секунду, и побежал в дворцовые конюшни извиняться перед своей лошадью, ибо побаивался

более находиться перед глазами остальных друзей (перед которыми он извинится, когда их недовольство поутихнет).

К этому времени Рэйна уже попросила поваров убрать березовый сок из меню на время их пребывания в замке Минэшэс-Натры. Как только она уладила все вопросы и удалила все возможности встречи мечника и березового сока, собирательница историй направилась к друзьям. Но дойти до них ей было не суждено, поскольку Фродерик Гордер окликнул свою племянницу.

«Аквария Электра, — позвал он. — Неужели ты, прибыв в Минэшэс-Натру, так и не уделишь внимания своему дяде?»

«Дядя Фродо! — радостно воскликнула малышка Рэй. — Как я могу? Ты сам был занят своими делами, когда я собиралась зайти к тебе».

«Но сейчас нам ничто не мешает, — заметил Фродерик Гордер. — Пройдем в мой кабинет и, наконец, поговорим, как подобает родным после долгой разлуки».

«С превеликой радостью, дядя Фродо!»

Девушка направились в кабинет Фродерика Гордера. Когда они зашли туда, там уже находился молодой парень, с которым вчера столкнулся Кэрэндрейк.

«Он не будет мешать нам», — поспешил сообщить правитель Минэшэс-Натры.

— Скажи своему дяде, что я тоже мешать вам не буду, — прошептал неизвестно откуда появившийся Кэрэндрейк, заходя в кабинет Фродерика Гордера вслед за Рэйной.

— Ты выучил трилунский? — удивилась Электра тому, что ее друг понял слова дяди Фродо, а не тому, как незаметно он оказался рядом.

— Только дурак не сможет понять того, что говорят с такой интонацией, — заметил Дрейк. — Трилунский как не знал, так и не знаю.

«Дядя Фродо, — обратилась Рэйна к правителю Минэшэс-Натры, — он тоже не будет мешать. К тому же он совершенно не понимает трилунского языка, так что можете не волноваться».

«С чего бы мне волноваться, моя маленькая Электра, — улыбнулся Фродерик Гордер, искоса посмотрев на семнадцатилетнего мальчишку, вальяжно опиравшегося спиной на стену в дальнем углу кабинета. — Присаживайся, и пусть садится твой друг».

Собирательница историй села в мягкое кресло, Кэрри же остался стоять возле двери, сложив руки на груди и держа в ладонях свои локти.

«Моя дорогая Электра, — обратился к Верховной Жрице Фродерик Гордер. — Я очень рад тому, что ты вернулась к нам живой и здоровой...»

«Я тоже счастлива, дядя Фродо! — воскликнула малышка Рэй. — Я даже не могу передать, насколько я счастлива нашей встрече. Я думала, что ты не пережил ночь гибели Империи».

«Я был тогда на восточном побережье, — ответил правитель Минэшэс-Натры. — Должен сказать, что большая часть городов там уцелела, чего нельзя сказать о центральной части Трилуна. Когда я смог вернуться, то обнаружил столицу в руинах. Все было усеяно трупами. Я нашел скелет своего брата, твоего отца, но не мог найти ни намека на то, пережила ли ты ночь Катастрофы или же погибла, как и все остальные».

«Не помню, сколько я пробыла в одиночестве среди покойных, — промолвила в ответ Верховная Жрица. — Я куда-то шла. Долго шла. Если бы не пара бардов из Западных Королевств, я не дожила бы до этого дня. Они заботились обо мне, как о родной дочери».

«Пусть Луны пошлют свое благословение этим людям», — величественно произнес

Фродерик Гордер.

«Да будет так».

«Однако, лучше бы тебе было никогда не возвращаться на земли Империи», — прямо сказал правитель Минэшэс-Натры.

«Что ты имеешь в виду, дядя Фродо?» — не поняла Рэйна.

«Что собираешься делать ты далее?» — вместо ответа он задал вопрос.

«Я прибыла сюда с целью выяснить, что уничтожило мою Империю», — честно ответила Электра.

«Что будешь делать, когда узнаешь это?»

«Приложу все свои усилия, чтобы ни одно государство не повторило судьбу Империи Трех Лун».

«Что ты будешь делать, когда и это будет выполнено?» — продолжал свои расспросы Фродерик Гордер.

«К чему ты клонишь, дядя Фродо?» — поинтересовалась Рэйна.

«Ты дала трилунскому народу ложную надежду, — холодно произнес Фродерик Гордер. — А сейчас хочешь покинуть их».

«Я не...»

«Алирэй Нактур — это не просто имя. Алирэй Нактур — это символ, заставляющий людей посвящать всю жизнь служению Империи. Они уже потеряли тебя один раз. Думаешь, им захочется отпускать тебя снова?»

«При мне погибла Империя, — тихо проговорила Аквария Электра. — Я не имею права даже на мысли о власти».

«Все было хорошо до тех пор, пока ты не явилась сюда, — заявил правитель Минэшэс-Натры. — Но с твоим приходом вся надежда на Новый Трилун пропала».

«Я не понимаю тебя, дядя Фродо».

«Минэшэс-Натра была первым шагом, — ответил Фродерик Гордер. — Я собирался по крупицам воссоединить уцелевшие города в единое государство. Я, Гордер, потомок жреческой фамилии, смог стать светским правителем. Я получил власть, и эта власть позволила мне добиться процветания Минэшэс-Натры и позволила бы достигнуть контроля над всеми землями, что были когда-то единой Империей. Мои действия не обсуждались. Никто не возражал против моего правления. Я смог заручиться поддержкой для достижения своих целей. И тут появляешься ты».

«Но дядя Фродо, я не претендую на власть, — сказала Рэйна. — Минэшэс-Натра построена твоими силами, и ты должен править ей, а не кто-то иной. В таком случае, почему ты видишь во мне угрозу своему положению?»

«Потому что ты — Алирэй Нактур Аквария Электра! — воскликнул Фродерик Гордер и ударил кулаком по столу. — Для народа нет более законного правителя, чем ты, Воплощение Трех Лун. Народ, одержимый древними поверьями, боится ступить в новый мир, не обращая даже внимания на то, что от старого мира остались одни обломки. Ты — единственная оставшаяся преграда, груз, удерживающий трилунцев от подъема на вершину новой эры. Ты отголосок прошлого, который необходимо искоренить».

«Дядя Фродо, почему ты говоришь так?» — малышка Рэй не могла поверить в то, что дядя, которым она восхищалась в детстве, мог говорить такие жестокие слова.

«А как мне следует говорить? — на лице правителя Минэшэс-Натры возникла тошнотворная в своей фальшивости улыбка. — Мне делать вид, будто я счастлив, в то время

как власть, которой я жаждал с самого рождения, утекает из моих рук? Мой старший брат стал мужем твоей матери, получив власть над Империей, когда та умерла. Но этот дурак даже не смог в полной мере осознать, какая удача на него свалилась! Он больше был опечален потерей жены, хотя должен был радоваться возможности властвовать. Я же этой возможности был лишен. Должен признаться, пусть Империя и погибла, я не считаю это такой уж трагедией. Да... поначалу я был шокирован. Но это чувство можно назвать просто изумлением: до того момента я не мог даже представить, что что-то может уничтожить настолько огромное государство. Зато я получил урок, что ничто не вечно. Поэтому человек должен прикладывать все усилия, чтобы получить то, что он в силах получить. После гибели Трилуна я смог получить власть, которую всегда желал, и которая раньше была мне недоступна. И я получил власть. Разумеется, чтобы ее сохранить, я делал все, для того чтобы город процветал и жители были довольны. Моя власть над Минэшэс-Натрой была абсолютной, как думал я. Но тут пришла ты. На деле моя абсолютная власть оказалась иллюзорной. Я, тот, кто сделал все, чтобы Минэшэс-Натра процветала, и ты, та, кто оставила свой народ на долгие одиннадцать лет. Почему из нас двоих народ видит правителя лишь в тебе?!»

«Я поняла, что ты хочешь сказать, дядя Фродо, — тяжело вздохнула Алирэй Нактур Аквария Электра. — Я покину Минэшэс-Натру и никогда больше не вернусь сюда».

«Нет. Ты не поняла меня, моя маленькая Аквария Электра, — наиграно мягко произнес Фродерик Гордер. — Если ты уйдешь, народ все равно будет ждать твоего возвращения. Само твое существование ставит мое положение под угрозу».

«Дядя Фродо?» — странный блеск в глазах правителя Минэшэс-Натры заставил малышку Рэй испугаться его.

«Алирэй Нактур Аквария Электра, — Фродерик Гордер выпрямился во весь рост. — Ты должна умереть».

Из следующей главы вы узнаете о том, как двое соревновались в наглости и своенравии, и почему планам Фродерика Гордера не суждено было осуществиться.

===== Часть 8. “Власть”. Глава 69 =====

О том, как двое соревновались в наглости и своенравии, и почему планам Фродерика Гордера не суждено было осуществиться

«Что?» — Рэйна не могла поверить своим ушам.

«Он сказал, что ты должна умереть», — вмешался доселе молчавший гость Фродерика Гордера.

«Именно так», — подтвердил правитель Минэшэс-Натры.

«Это абсурд! — воскликнула Рэйна. — Дядя Фродо, как ты вообще мог до такого додуматься?»

«Он же уже рассказал, как, — нагло усмехнулся мальчишка. — Неужели Верховная Жрица Трилуна настолько тупа, что не поняла таких простых разъяснений?»

«Да как ты смеешь!» — возмутилась Алирэй Нактур.

«Смею что?» — юноша достал из-за пояса нож и стал ковырять им в зубах.

— Выкинь бяку, — приказал Кэрэндрейк. — И извинись перед ней.

«Не буду я ни перед кем извиняться», — возмутился юнец, начертив в воздухе крест ножом.

— Когда обращаешься ко мне, говори на общепринятом, — сказал Кэрри. — Я не понимаю трилунского.

— О-хо-хо, — развел руками семнадцатилетний наглец. — Не понимаешь трилунского. Сидишь здесь, совсем не в курсе ситуации, требуешь каких-то извинений... Впервые вижу подобного чудака.

— Знание языка не требуется, очевидно, что ты посмел оскорбить Электру, — слегка склонил голову на бок Дрейк.

«О чем вы говорите?» — спросил у своего гостя Фродерик Гордер.

«Не вмешивайтесь», — грубо ответил тот.

«Я правите...» — Фродерик Гордер попытался возразить и даже замахнулся, чтобы стукнуть кулаком по столу, но гость его опередил, оперевшись на столешницу.

— Для того, кто не знает языка, ты слишком нагло ведешь себя, — сказал он Дрейку.

— Нагло? — ухмыльнулся Кэрри. — Во-первых, не вижу связи со знанием языков и наглостью, а во-вторых, кто ведет себя нагло, так это ты.

— Ты посторонний здесь, — парень слегка наклонил корпус вперед. — Это разговор между дядей и племянницей, который тебя никоим образом не касается.

— Действительно! — усмехнулся Кэрэндрейк. — Это касается только тебя.

— Ты лишний здесь! — продолжал мальчишка.

— Зато ты к месту, — возражал Коготь.

— В отличие от тебя я... — юноша на некоторое время замялся.

— Что ты? — Кэрэндрейк не стал ждать.

— Дрейк, это мои проблемы, — воспользовавшись паузой в споре, произнесла Рэйна.

— Не вмешивайся, — буркнул в ответ первый из Карателей.

— Да ты сам с ней грубо обращаешься! — воскликнул гость правителя Минэшэс-Натры. — А еще у меня извинений требуешь.

— И что? — с невозмутимостью переспросил Кэрэн.

Гость Фродерика Гордера несколько опешил от неожиданного ответа, после чего решил сменить тему.

— В отличие от тебя, я имею полное право находиться здесь, — сообщил он.

— Да-да... С чего бы?

— Я здесь с дипломатической миссией, — с расстановкой произнес гость правителя Минэшэс-Натры.

— Да, без дипломата в разговоре между племянницей и дядей не обойтись, — Кэрри коснулся правой рукой подбородка.

— От этого разговора зависит успех моей миссии, — объяснил дипломат.

— Действительно, — вздохнул Кэрэндрейк. — Если к власти в Трилуне вернется Алирэй Нактур, те, кто послал тебя, не смогут влиять на эту территорию так, как если правителем будет этот... петух.

Дипломатический посланник издал смешок.

— Не называй моего дядю петухом! — воскликнула Электра.

— Молчи и не встревай, — повелел ей Дрейк. — Это даже слишком мягко для описания человека, который хочет от тебя избавиться.

— Значит, трилунский ты все-таки понимаешь, — улыбнулся дипломат.

— Нет, — возразил Кэрэндрейк. — Я знаю лишь, что «щантэрарэ» означает «умри».

— Какой большой словарный запас! — воскликнул дипломат.

— Мне хватает, — Кэрри отвесил легкий поклон.

— Ты выяснил, что здесь делаю я, — нараспев проговорил юноша. — Теперь поведай,

для чего здесь ты?

— Я здесь для того, чтобы оберегать эту девушку от неприятностей. Особенно таких, как ты и этот... пусть снова будет «петух».

— В таком случае, делать тебе здесь нечего, — улыбнулся посланник. — Если от неприятности в виде... петуха... ты бы ее еще защитил, то у тебя нет ни шанса против меня.

— Хочешь сказать, у меня нет шансов против самодовольного мальчишки, которого сослали куда подальше, чтобы только глаза не мозолил, под предлогом дипломатической миссии? — усмехнулся Дрейк.

— «Самодовольный мальчишка»? — переспросил юноша.

— И наглый юнец, — добавил Кэрэн.

— Да к твоему сведению, этот «наглый юнец», как ты меня называешь, может стать последним человеком, которого ты видишь в своей жизни.

— Одна мысль об этом заставляет задуматься о том, чтобы наложить на себя руки прежде, чем это случится, — вздохнул Коготь.

— Это было бы верным решением, — улыбнулся «самодовольный мальчишка». — Во всяком случае, так твоя смерть была бы менее мучительной.

— Удивительно! — воскликнул Кэрэндрейк. — Эта малявка знает, что такое мучительная смерть.

— Хотел бы я посмотреть на то, как ты будешь молить сохранить тебе жизнь, когда «эта малявка» будет тебя убивать.

— О, я бы тоже на это посмотрел. Мне легче поверить в существование дракона, чем представить подобную ситуацию.

— Я могу это устроить в любое время, — галантно поклонился гость Фродерика Гордера.

— Давно хотел поинтересоваться, — изобразил задумчивый вид Кэрэндрейк. — С каких это пор убийство входит в полномочия дипломатического посланника?

— Дипломатия — это лишь одно из моих занятий, — ответил посланник. — Ради тебя я готов приступить и к моей основной работе: убийству неугодных.

— Кому это я неугоден?

— Мне.

— Боюсь, если бы каждый убивал всех, неугодных ему, тебя бы уже давно не было на этом свете.

— Твои страхи напрасны. Они бы просто не смогли этого сделать.

— О да, — взмахнул руками Кэрэндрейк. — У многих бы рука не поднялась на жалкого мальчишку, для которого бахвальство — смысл жизни.

— К твоему сведению, — процедил сквозь зубы дипломат, — я один из Карателей Сокрытого Ордена.

— Надо же, какая неожиданность, — несмотря на слова, в интонации Кэрэндрейка удивления не ощущалось.

— Должен сказать, что я самый младший из ныне действующих Карателей, — юноша решил, что хотя бы эти слова должны провести на оппонента впечатление.

— И что? То, что ты малявка, видно и невооруженным глазом.

— Черт возьми! — воскликнул семнадцатилетний Каратель. — Ты понимаешь это? То, что я являюсь самым младшим из Карателей, говорит о том, как я талантлив. Мое имя Курт, я вхожу в круг Многоликих, я Шип, шестой из Братства Карателей Сокрытого Ордена!

— Я все понимаю, — мягко улыбнулся Кэрри. — Шип, значит, да?

— Именно так!

— А мое имя — Кэрэндрейк. Я был самым младшим из Карателей на протяжении одиннадцати лет... Хотя, даже после моего ухода из Ордена, за мной сохранился титул. Значит, не одиннадцати, даже четырнадцати, получается. На протяжении четырнадцати лет самым младшим из Карателей был я, получивший титул Когтя в шесть лет. Надеюсь, тебе не нужно объяснять разницу между первым номером, мной, Когтем, и тобой, шестым, а, Шип? Да, мы оба входим в круг Многоликих. Но один из нас возглавляет его, а другой — замыкает, граничит с Вездесущими. Ты всего лишь наглый юнец, гордящийся тем, что он шестой из Карателей, и не понимающий того, что своим поведением ты способствуешь тому, что вскоре станешь шестым из Карателей, которые пали от моей руки.

— Лжешь... — ошарашено пролепетал Курт.

— Я? Лгу? Мне нет смысла лгать. Но если ты не уверен в правдивости моих слов, я могу отправить тебя в царство мертвых, где два павших Бивня и еще трое придурков объяснят тебе, что даже титул Карателя не спасет от моего кинжала.

Шип промолчал. Если перед ним и вправду был тот самый Коготь, что посмел предать Сокрытый Орден и до сих пор сумел остаться безнаказанным благодаря ужасу, который наводил на Совет Мудрейших, то даже у шестого из Карателей не было и шанса в схватке с этим противником.

— И еще, — сказал Кэрэндрейк. — Я так понимаю, этот петух собирался свалить убийство Электры на тебя?

Курт кивнул. Он побоялся врать первому из Карателей.

— Забавно, — улыбнулся Кэрри. — Разве ты не в курсе, что владельцы Священных Звезд неприкосновенны? Несмотря на то, что, уходя, я забрал на память Сорокаконецную звезду... Хороший сувенирчик вышел... Сокрытый Орден все еще связан обязательствами и правилами перед остальными владельцами Звезд. Ты даже приближаться не смеешь к Акварию Электре, не говоря уже о мыслях о ее смерти.

Когда-то предыдущий Шип разъяснял Курту это правило. Как мог Шип действующий забыть об этом? Курт только что чуть не допустил ошибку, которая могла стоить ему жизни.

В кабинете Фродерика Гордера воцарилось молчание. Мрачный вид шестого из Карателей заставил правителя города снова подать голос.

«Что здесь происходит, Курт?» — спросил он.

«Дядя Фродо, когда происходит разговор между первым и шестым из Карателей, не дело вмешиваться посторонним», — холодно произнесла Верховная Жрица.

«Первым...» — Фродерик Гордер вопросительно посмотрел на племянницу.

«Этот человек, — Рэйна показала на Кэрэндрейка, — носит титул Когтя уже очень давно».

«Это правда?» — спросил правитель Минэшэс-Натры у Курта.

«Похоже на то...» — прошептал Шип, с которого была сбита вся спесь.

— Эй, мелкий, — обратился Кэрэн к Шипу. — Переведи петушку, что ему же выгоднее будет оставить все мысли навредить Электре. Если с ее головы упадет хотя бы один волосок, если даже ресница упадет с ее глаз по твоей вине, то все вы: ты, Орден, петух, — примите самую мучительную из самых мучительных смертей, которые только можно представить.

— Будет исполнено, мастер Коготь.

Из следующей главы вы узнаете о том, как мечник решил рассказать сказку, и о том, как

знахарка ответила на два вопроса из трех.

===== Часть 8. “Власть”. Глава 70 =====

О том, как мечник решил рассказать сказку, и о том, как знахарка ответила на два вопроса из трех

В тот же день Алирэй Нактур Аквария Электра и ее друзья втайне покинули Минэшэс-Натру. Электра настаивала на том, что должна хотя бы попрощаться со своим народом, она не хотела снова бросать его, но Кэрэндрейку удалось отговорить Верховную Жрицу от подобной затеи. Первый из Карателей сам объяснил Гордиславе, Зелорису и Вэю, почему им пришлось покинуть трилунский город в подобной спешке.

— Старый козел, — процедил сквозь зубы Вэй Арэн. — Параноик и маразматик. Да как он смел только подумать о том, чтобы навредить малышке Рэй!

— У, — полностью поддержал Зелорис.

— Возвращаемся! — воскликнул лучник, несмотря на то, что из Минэшэс-Натры они вышли несколько дней назад и успели пройти достаточное расстояние.

— Согласен, — мечник схватился за рукоять меча. — Поскольку он все-таки дядя Рэйны, мы не будем его убивать...

— Но парой тройкой ранений он не отделается, — закончил Вэй.

— Я прекрасно понимаю, что вы сейчас чувствуете, — вмешалась Гордислава. — Но попытайтесь и вы понять, что чувствует Рэйна. Возвращаться в Минэшэс-Натру не самая хорошая мысль. К тому же, полагаю, что Кэрэндрейк не оставил Фродерика Гордера без урока хороших манер.

— О, да... — подобной злорадной ухмылки на лице у первого из Карателей друзья еще не наблюдали.

— Давайте не будем об этом, — попросила молчавшая на протяжении последних нескольких дней Рэйна.

— Как скажешь, — Кэрри тут же изменился в лице: с мягкой улыбкой он посмотрел на собирательницу историй.

— Миледи, о чем вы желаете поговорить? — поинтересовался Вэй Арэн.

— Если хочешь, я могу тебе рассказать сказку, — предложил Зелорис.

— Братец Зел, — удивился Вэй. — Да такое и я бы послушал!

— Не хочу сказку, — Электра была не в настроении.

— Ассоциация собирателей историй не простит тебе такого пренебрежения своими полномочиями, — высокомерно произнесла Гордислава.

— Такой нет, — ответила Рэйна.

— Если бы была — не простила бы!

— Мне не впервой своими обязанностями пренебрегать, — вздохнула Верховная Жрица. — Я оставила свой народ еще одиннадцать лет назад. Если бы я так не сделала, дядя Фродо не стал бы таким.

— Ты сейчас сказала несусветную глупость, — заметил Кэрэндрейк.

— У, — поддержал мечник.

— Ладно уж, Зелорис, рассказывай свою сказку, — махнула рукой собирательница историй. — Так, может быть, хотя бы на несколько минут меня оставят в покое.

— Сказка, — торжественно объявил Зелорис, управлявший Капой. — Сказка о том...

— Хочешь сказать, что ты ее не придумал еще? — поинтересовался Дрейк.

— У.

— Ха-ха-ха, братец Зел, это лучшая сказка, которую я когда-либо слышал, — рассмеялся Вэй Арэн.

— Аналогично, — вздохнула Гордислава.

— А теперь, позвольте мне, дорогие дамы, перевести сказку нашего немногословного друга на человеческий язык! — решил исправить ситуацию лучник. — Вы думали, будто бы братец Зел сказал «у»? Но это было не просто «у», это была сказка, которую я поведаю вам сейчас.

— Спасибо, — прошептал мечник.

— Не за что, братец Зел. Эта сказка под названием «Сказка», ведь сказка, придуманная братцем Зелом, не может называться иначе...

— Слишком много слов, — перебил Кэрэндрейк. — Ты пытаешься рассказать свою сказку, ловелас, а не сказку Зела. Позволь помочь тебе не ошибиться в... переводе.

— Я буду премного благодарен твоей помощи, Кэрри.

— Жила-была лошадь по имени Лошадь, — Коготь сразу перешел к повествованию. — Была она неповоротливая, почти как Капа, но еще и тупая, в то время, как наша Капа хотя и тупая, но умная.

— Это как? — удивилась Рэйна.

— Капа не тупая, — возразил Зелорис.

— Ладно-ладно, — поспешил исправиться Дрейк. — Наша Капа умная, а та Лошадь — тупая.

— В один прекрасный день, — перехватил инициативу Вэй Арэн, — тупая Лошадь встретила Великого и Ужасного... угадайте кого?

— Не знаю, — малышку Рэй все же заинтересовала эта история.

— У? — заинтересовался также и ее «автор».

— Зайца! — догадалась Гордислава.

— Верно! — подтвердил Вэй. — И звали его, разумеется, Зайцем. Этот коварный ушастый злодей посмел украсть у Лошади морковь.

— Лошадь не могла простить Зайцу подобной наглости, — продолжил Кэрэндрейк. — Она отправилась на помощь к... медведю, думаю, вы сами знаете, как его зовут.

— Лошадь взмолилась: «Помоги мне, Медведь!» — Вэй Арэн попытался произнести это с как можно более высокой интонацией. — Но Медведь ей ответил: «У самого хватает проблем, шла бы ты, тупая кобыла, своей дорогой». Тогда Лошадь сказала...

— «Так уж и быть», — поспешил перебить Кэрэндрейк, испугавшись продолжительной тирады со стороны Лошади версии Вэя. — Поскольку помощи от Медведя, впавшего в зимнюю спячку, Лошади ждать не было смысла, она решила разобраться с Зайцем своими силами.

— Но своих сил у Лошади было мало, поэтому она попросила о помощи Оленя.

— Но и Олень отказал ей, припомнив, как Лошадь гуляла с Верблюдом.

— Тогда Лошадь отправилась искать помощи у большого...

— Клена! — внес свою лепту в свою же сказку Зелорис.

— Клен мог предложить Лошади лишь немного кленового сиропа, — молвил Вэй. — Но даже столь малая помощь была нашей Лошадке кстати. Однако все было не так просто: кленовый сироп необходимо было куда-то налить.

— И этим местом стал рот Лошади, — Кэрри никак не хотел, чтобы сказка затягивалась.

— Выпив кленового сиропа, Лошадь...

— Стала бегать по миру и говорить всем, что «кленовый сироп — это очень вкусно»? — предположила Рэйна.

— Признайся честно, — обратился к ней Вэй, — ты уже слышала эту сказку?

— Нет! — поспешно возразила малышка Рэй.

— Бегала Лошадь, бегала, — продолжил Вэй Арэн, — и встретила Ястреба. Ястреб летал высоко-высоко и мог помочь Лошади в поисках злодея Зайца, поэтому Лошадь стала просить о помощи и его.

— Но стоило ей открыть рот, — перебил Кэрэндрейк, — как Лошадь вспомнила, что лошади летать не умеют. А так как она была высоко-высоко, где и летал Ястреб, то Лошадь быстренько полетела на землю.

— Жестокая сказка, — высказала свое мнение Алирэй Нактур.

— Ничуть нет, — возразил Вэй Арэн и принялся исправлять не в ту сторону закрученный сюжет. — Лошадь упала в мягкий сугроб.

— Прямо на Зайца, — хихикнула северянка.

— Отняла морковку, — добавил Кэрри. — И жила долго и счастливо. Конец.

— Что с Зайцем? — спросил Зелорис.

— На него Лошадь упала, что с ним еще может быть, братец Зел? — поинтересовался Вэй Арэн.

— Хороший конец, — испытывающий к ушастым мучителям ненависть мечник был очень доволен.

— Жестокая сказка! — взбунтовалась Аквария Электра. — Лошадь и Заяц должны жить долго и счастливо!

— Тогда, — задумался Вэй, — Лошадь упала не на Зайца, а рядом с ним, отчего морковка разделилась надвое. И стало и у Зайца, и у Лошади по половине морковки. Поэтому...

— Жили они долго и счастливо. Конец, — окончил Кэрэндрейк.

— Зелорис, ты не только Герой, но и великий сказочник, — заметила Рэйна.

— У, — гордо кивнул головой Зел.

И хотя сказка подошла к концу, путешествие пятерых путников и лошади по имени Капа продолжалось. Благодаря коллективному творчеству настроение малышки Рэй вернулось в норму: она стала той же жизнерадостной девушкой, которой была в Западных Королевствах.

Во время пира в Минэшэс-Натре Гордиславе удалось узнать, что в двух неделях пути на северо-востоке в сосновом лесу стоит одинокая хижина, в которой живет некая знахарка. По слухам, знахарке известно многое, в том числе она может обладать и информацией о Трилунской Катастрофе. Найти хижину было не так-то просто, однако система «трубочек», используемых в Сокрытом Ордене для обмена информацией, помогла и в этот раз. Рэйна, конечно, обратила внимание на то, что Кэрэндрейк, просивший ее никому не раскрывать секрета этих трубочек, взахлеб рассказывал об этом остальным друзьям. В ответ на замечание собирательницы историй первый из Карателей только развел руками, не позабыв при этом самодовольно ухмыльнуться.

— Есть тут кто-нибудь? — постучался в дверь ветхой хижины Вэй Арэн.

— Вэй, это территория бывшего Трилуна. Все здесь говорят на трилунском языке, поэтому бессмысленно пытаться задавать вопросы на общепринятом, — с присущим ей напыщенно-умным видом произнесла Гордислава.

— Иду-иду, — донеслось из хижины на языке Западных Королевств.

Дверь открылась, и старая знахарка пригласила путников войти. На вид знахарке было за семьдесят лет. Ее седые волосы покрывал шерстяной платок, она была одета в поношенную заплатанную одежду, на ногах у нее вместо обуви были тканевые обмотки. Много тканевых обмоток. Серо-голубые глаза знахарки пронизывали путников насквозь.

— Какая странная компания, — усмехнулась она. — Доблестный воин, любвеобильный стрелок, исследовательница Севера, один из Карателей и даже Верховная Жрица Трилуна. Что могло понадобиться вам от меня?

— Если уж Вы с такой точностью смогли определить, кто мы такие, — Кэрэндрейка чуть ли не передернуло от того, что Карателя в нем узнали с первого взгляда. — То, быть может, и цель нашего визита уже знаете?

— Молодой человек, — вздохнула знахарка, — Карателя в Вас выдают Ваши глаза. Подобно моим они пытаются разглядеть самую суть человека. Но если мои глаза заглядывают в людей в поисках Истины, что хранится в людских сердцах, то Ваши глаза полны подозрений. Вы боитесь видеть в людях добро.

— На мир надо смотреть здраво и трезво, — фальшиво улыбнулся Кэрри. — Я не боюсь видеть добро, оно просто блекнет по сравнению с остальными людскими качествами.

— Спорить нам бесполезно, — ответила знахарка. — Когда-нибудь ты изменишь многие взгляды на жизнь. Это произойдет очень не скоро. Сначала ты увидишь, как изменится то, что кажется тебе сейчас неизменным.

— Что Вы имеете в виду? — поинтересовалась Гордислава, поскольку Дрейку это было совсем не интересно.

— Это пророчество, которое сообщили мне Духи Времен.

— Пророчество? — оживилась малышка Рэй.

— Духи Времен говорили мне о вашем приходе, — сообщила знахарка.

— Выходит, Вы ждали нас, миледи? — удивился Вэй. — Простите, но не позволите ли Вы услышать нам Ваше имя?

— Сожалею, но мое имя не известно даже мне, — ответила знахарка. — За Великое Знание приходится платить. Духи Времен даруют мне откровения, но взамен забирают воспоминания.

— У... — попытался оказать знахарке моральную поддержку мечник.

— А могу я поговорить с Духами Времен? — любопытству собирательницы историй не было предела.

— Нет, — возразила знахарка. — Говорить с ними могу лишь я. Вы же, Владычица, еще успеете повстречаться с Духами и натерпеться от них страданий.

— Страданий... — испуганно прошептала Рэйна.

— Слышь, карга, — озлобился Кэрри. — Не пытайся нам наплести всякую чушь. Пророчества, духи, прочее — существуют только для тех, кто в них верит. Нас же интересует то, что ты можешь сказать про Трилунскую Катастрофу.

— Сильнейший из Карателей гневается на старую женщину, — вздохнула знахарка. — Мои уста не говорят лжи, поэтому Ваш гнев напрасен.

— Это не гнев, — возразил Кэрэндрейк. — Это просьба не отходить от реальности.

— Миледи, прошу, простите этого человека, — галантно поклонился Вэй Арэн. — Ему совершенно неведомо понятие такта. Точнее, ведомо, но только когда самому этого хочется. Я давно его знаю, уверяю Вас, миледи, у Кэрри и в мыслях не было Вас обижать, он просто

озабочен тем, что Ваши слова напугали малышку Рэй.

— У, — подтвердил Зелорис.

— Так Вам известно что-нибудь о Трилунской Катастрофе? — поинтересовалась Гордислава.

— Три вещи могу я поведать вам, — ответила знахарка. — Но лишь две из них можете вы услышать.

— И что же мы не сможем услышать? — недоверчиво спросил Кэрэн.

— Это решать вам. Первое: «Что позволило пережившим Трилунскую Катастрофу ее пережить». Второе: «Где найти разгадку тайны гибели Трилунской Империи». Третье: «Что погубило Империю Трех Лун». Что из этого вы не узнаете? Если первое — то вы не сможете защититься, если второе — то не узнаете, куда вам идти, а если третье — то не узнаете, кто является врагом вашим. Так что же вы хотите узнать?

— Второй и третий! — воскликнула Рэйна.

— Первый и третий, — перебила ее Гордислава.

— Первый, — прошептал Зелорис.

— Третий, — высказал свое мнение Вэй. — В любом случае, надо знать, кто противник.

— Нужно знать, как можно защититься от его силы, — чуть слышно произнес Зел.

— Где его искать, тоже знать нужно, — вздохнула Рэйна.

— Я так понимаю, если мы придем туда, куда нам нужно, — задумался Кэрри, — то в любом случае, встретим там этого врага?

— Именно так, — подтвердила знахарка.

— В таком случае, не вижу проблемы, — усмехнулся Коготь.

— Знание того, кто является врагом, это залог победы, — прошептала знахарка.

— Мы в любом случае, узнаем, когда придем, — наклонил голову в бок Кэрэндрейк. — Я следил за Вами, когда Вы говорили. Если мы не узнаем ответа на второй из вопросов, то никогда не найдем врага из вопроса третьего, даже если будем знать, кто он есть, — вот, что мне говорили Ваши мимика и жесты. То, что смогло разрушить целую Империю, нельзя недооценивать. Поэтому и знаниями о защите негоже пренебрегать. Выбор очевиден: мы должны узнать ответы на все три этих вопроса. Пусть даже ответ на третий мы узнаем позже остальных.

— У, — поспешно подтвердил Зелорис.

— В таком случае, вот ответ на первый вопрос, — дрожащим голосом произнесла безымянная знахарка. — То, что защитило людей от гибели в ночь смерти Империи, вода. Уцелели те города, в которых шел дождь. Выжили люди, соприкасавшиеся с водой во время трагедии. Но простая вода не могла бы обладать подобным защитным свойством. Спасением послужило то, что Верховная Жрица в то время совершала Священное Омовение и находилась в воде.

— Как это может быть... — прошептала малышка Рэй.

— Ответ на шее у тебя висит, — сказала знахарка. Собираательница историй крепко сжала висевшую у нее на шее Священную Звезду.

— Второго вопроса знание таково: разгадка гибели Империи Трех Лун прячется в Храме той из Лун, которой поклонялись всего более.

— Храм Погибшей Луны, — задумалась Гордислава.

— Миледи, это случайно не тот храм, войти в который еще сложнее, чем в Северные Башни?

— Насколько я знаю, даже в Зал Совета Мудрейших Сокрытого Ордена постороннему легче попасть, чем туда, — несмотря на то, что вопрос был адресован не ему, решил объяснить Кэрэндрейк. — И это при том, что к Мудрейшим пускают только Карателей.

Ответы были получены, и воцарилось молчание.

— Священная Звезда служит ключом к этому храму, — сообщила Рэйна, когда друзья покинули хижину знахарки.

— В таком случае, нам повезло! — воскликнул Вэй Арэн. — Благодаря Кэрри, у нас их две.

— Еще раз назовешь меня «Кэрри», сломаю Звезду о твою голову, и станет их три.

— Тогда Звезда будет сломана, — возразил Зелорис. — Не трать Священное Сокровище на голову Вэй-Вэя.

— Храм Погибшей Луны... — Гордислава не могла поверить в реальность происходящего. — Я даже мечтать не смела попасть туда.

Из следующей главы вы узнаете о том, как пятеро путников и лошадь держали путь к восточному побережью бывшей Империи Трех Лун.

===== Часть 8. “Власть”. Глава 71 =====

О том, как пятеро путников и лошадь держали путь к восточному побережью бывшей Империи Трех Лун

Меня зовут Капа, и я лошадь. Почему я опять представляюсь? Дело в том, что я привыкла так начинать свой рассказ и не вижу смысла придумывать новые способы. К тому же, Вэй Арэн мне как-то сказал, что у каждого должна быть определенная оригинальная черта, которая позволяет человеку отличаться от других. И пусть я не человек, а лошадь, я тоже хочу такую черту. Мне не нравится, что многие думают, будто эта черта — моя неторопливость. Пусть лучше ей будет фраза «Меня зовут Капа, и я лошадь».

Мы снова движемся на восток, все дальше и дальше продвигаемся вглубь Трилунской Империи. Трилунская Империя действительно огромна. Если за месяц я могла пройти через несколько Западных Королевств, то сейчас мы уже несколько месяцев движемся по трилунским землям, края которым не видать. Когда я воссоединилась с хозяином в Рэластэне, было начало осени. Когда мы прибыли на развалины столицы и посетили Миэшэс-Натру, было начало зимы. Сейчас кончается весна, а мы все еще идем на восток.

Признаться честно, когда мы только прибыли в Трилун, меня волновало состояние Рэйны. Она пугала меня, ее взгляд был даже страшнее, чем у рассерженной Гордиславы или у Кэрэндрейка, когда ошибаются в его имени. Когда мы с хозяином разделились, и я осталась с Рэйной и Кэрэндрейком, она больше не злилась, но была очень грустной. Тогда Кэрэндрейк рассказал ей сказку, после чего они долго друг с другом разговаривали, и Рэйне стало немного легче. После этого Кэрэндрейк стал называть её Электрой. Через некоторое время мы снова встретились с хозяином. В тот же день Кэрэндрейк снова стал называть Рэйну Рэйной, и лишь изредка, когда рядом с ними кроме меня никого не было, он также называл её Электрой. Когда же листья окрасились в желтый и начали опадать, а она рассказала хозяину, Гордиславе и Вэю какую-то тайну, Кэрэндрейк стал называть Рэйну Электрой при всех.

Тогда же изменилось поведение Гордиславы. С того дня она стала путешествовать исключительно пешком. Я была очень удивлена тем, что она отказывалась садиться в повозку, даже когда в повозке никого не было. Более того, в этом случае она пыталась усадить в повозку Рэйну, которая поначалу сопротивлялась, но впоследствии сдалась. К тому

же, если в начале нашего путешествия Гордислава смотрела на Рэйну свысока-свысока, а потом стала смотреть просто свысока, то сейчас, несмотря на то, что Гордислава намного выше малышки Рэй, она смотрит на нее снизу вверх. Интересно, что же такое рассказала им тогда Рэйна, если Гордислава настолько переменялась?

Когда наступила зима и мы прибыли на руины столицы Трилунской Империи, Рэйна снова стала очень грустной, но через несколько дней она встретила свою старую знакомую и оживилась. Вместе с ней мы направились в Минэшэс-Натру.

Мне понравились конюшни этого города. Там было много лошадей и коней. Я рассказывала им про наши приключения, а они слушали меня, затаив дыхание. Но стоило мне подружиться с одним жеребцом, как пришел хозяин. Я никогда не могла бы даже подумать о том, что хозяин будет так себя вести. Я не хочу вспоминать подробности, но должна сказать, что на следующее утро он извинился передо мной за все. А через несколько часов мы в спешке покинули Минэшэс-Натру.

Такой опечаленной, как в тот и следующие несколько дней, я Рэйну еще не видела. Надеюсь, что ее так обидел не хозяин. Зато именно благодаря хозяину она смогла вернуться к своему обычному настроению: хозяин рассказал Рэйне сказку, а Вэй Арэн и Кэрэндрейк помогли ему.

Затем мы посетили одну хижину в лесу. Пока хозяин и остальные были внутри, я гуляла снаружи, поэтому не знаю, что там произошло. Хозяин сказал, что они встречались там со старой знахаркой. Вэй Арэн говорил, что они беседовали с пожилой миледи. Гордислава сказала, что они нанесли визит великовозрастной ведунье. Рэйна поведала мне, что посетили они великую колдунью, а по словам Кэрэндрейка, в той хижине была старая карга. Что бы там ни произошло, но эти пять женщин сказали, что мы должны и дальше держать путь на восток, где нас будет ждать разгадка тайны гибели Трилунской Империи.

Когда мы были на Западе, я не могла даже представить того, что увижу, попав на Восток. Столько разрушенных городов, в каждом из которых я видела уничтоженные конюшни. От лошадей в Минэшэс-Натре я узнала, что Трилунская Катастрофа унесла жизни многих лошадей. Почему об этом никто не говорит? Почему, когда упоминают о жизнях, оборвавшихся в ту ночь, имеют в виду только людей? Лошади ведь тоже заслуживают того, чтобы о них вспоминали. Мне жаль тех лошадей, смерть которых некому оплакивать. Но я знаю, что если со мной что-либо случится, ни хозяин, ни один из его друзей меня не забудут.

Как лошадь, как представитель своего вида, я просто обязана разобраться в этой ситуации. Если раньше я везла повозку на восток ради хозяина, то сейчас делаю это для себя. Мой долг, как лошади, приложить все усилия для того, чтобы помочь хозяину и его друзьям выяснить, что погубило Трилунскую Империю, для того чтобы не допустить повторения этой трагедии впредь. Я буду стараться, чтобы ни одна лошадь, ни один конь не погиб, как те, что так и не вышли из своих конюшен в ночь, когда Трилунская Империя обратилась в руины.

Надо сказать, что как только я задалась этой целью, Кэрэндрейк стал меньше на меня ворчать. С тех пор он ни разу не назвал меня тупой кобылой, и даже дважды похвалил за то, что я стала менее медлительной. Надо было раньше выбирать себе великую цель, может быть, тогда он бы вообще на меня не ворчал. Хотя нет, ворчал бы. Я, лошадь Капа, чуть не забыла, о ком говорю. Скорее мир перевернется, а Вэй Арэн перестанет искать общества женщин, чем Кэрэндрейк откажется от привычки ворчать.

Однажды он посмел даже ворчать на хозяина! Они тогда занимались фехтованием, и

хозяин случайно выронил меч из рук, отчего тот чуть было не упал на ногу Кэрэндрейка. Но Кэрэндрейк ворчал не потому, что меч чуть не упал ему на ногу, а потому, что по его словам оружие роняют только самоубийцы.

Зато на следующий день Кэрэндрейк очень сильно хвалил хозяина. Он сказал, что хозяин в легкую одолеет двузначных, расправится с какими-то Вездесущими, и даже будет на равных сражаться с некой Жаклин. Правда потом он добавил, что до уровня Клюва и Клыка хозяину далеко, но это поправимое дело. Говорил он это с такой самодовольной ухмылкой, словно это его заслуга. Но это не так. Кэрэндрейк, конечно, помогал хозяину тренироваться и обучал его новым приемам, но и хозяин очень старался. Мой хозяин самый сильный, добрый, старательный и доблестный воин из всех. Мне повезло с хозяином.

К сожалению, даже у такого храброго и честного человека, как мой хозяин, есть враги. Я не знаю причин, но хозяин ненавидит зайцев. Когда мы только познакомились с хозяином, он относился к зайцам нормально, как... к зайцам. Сейчас же он относится к ним как к ужасным чудовищам, вылезшим из самых глубин царства чудовищ. Хотела бы я знать, что такого сделали хозяину эти ушастые проходимцы, но даже Вэй Арэн не рассказывал этого мне.

Правильнее будет сказать, что Вэй Арэн не совсем мне не рассказывал об отношениях между хозяином и зайцами, точнее, он пытался мне рассказать, но не смог. Стоило только ему начать свой рассказ, так он тут же сотрясался беззвучным смехом и не мог продолжать. Лучше бы он вообще ничего не говорил в данном случае! А то только разбередел любопытство.

К слову о любопытстве. Как только Рэйна вернулась к нормальному состоянию, вернулось и ее любопытство. Как-то раз, когда снег на трилунских землях уже начал таять, Рэйна потерялась. Тогда я поняла, как волновался хозяин, когда я ушла с Оленем, потому что все мы, и я в том числе, волновались о Рэйне. Хорошо, что нашли мы ее быстро, благодаря «секретным знаниям» Кэрэндрейка.

Когда нам удалось выяснить причину исчезновения Рэйны, я подумала, что лучше уж было бы, если бы она ушла вместе с оленем, как я тогда. Это хотя бы более серьезно, чем то, чем занималась она. Даже я, лошадь, понимаю, насколько странен был ее поступок. Как можно было додуматься следовать за прутиком, уносимым ручьем из талой воды, чтобы узнать, куда он приплывет? Насколько я знаю, только человеческие дети занимаются подобным, а Рэйна уже давно не ребенок! Ей скоро исполнится столько лет, сколько было Кэрэндрейку в момент их встречи в Монфриде. Во всяком случае, так говорил сам Кэрэндрейк, ее отчитывая.

А один раз случилось и вовсе невероятное. Отчитывали Кэрэндрейка. И как вы думаете, кто? Вэй Арэн Виндсвиш! Он не мог больше смотреть на то, как Кэрэндрейк пытался разубедить Рэйну в существовании живых снеговиков и водяных. Вэй Арэн сказал, что в том, что Рэйна верит в них, нет ничего плохого, и велел не отбирать у «ребенка» сказку. Он приводил много доводов в ответ на каждое возражение Кэрэндрейка, отчего тот вскоре сдался и пошел спать.

Если в том, что Вэй Арэн может без устали болтать часы напролет, никто не сомневается, то не так давно я узнала, что существует человек, готовый посостязаться с ним в этом. Гордислава на протяжении десяти часов подряд безостановочно рассказывала хозяину про Трилунскую Империю, отвечая всего лишь на один-единственный заданный хозяином вопрос. Бедный хозяин слушал ее все это время, и даже говорил «у» в ответ, а она

все не прекращала и не прекращала. Как хорошо, что я лошадь и даже если задам Гордиславе вопрос, она не сможет понять, что я у нее спросила, и долго-долго мне отвечать.

Но с другой стороны, если бы я не была лошадью, или если бы хозяин и его друзья понимали бы мою речь, я бы многое им могла рассказать.

Той же Гордиславе, например, я бы объяснила, что нельзя свысока смотреть на людей и лошадей, потому что мне, например, не нравится, когда на меня смотрят свысока. Я бы сказала ей также, что, несмотря на ее чрезмерную гордость, она все-таки хорошая, и что я готова ей помочь в исследованиях всем, чем смогу.

Рэйнэ бы я сказала, что очень сильно ее люблю, почти так же, как и хозяина. Мне нравится то, с какой заботой она ко мне относится, как гладит мою шерсть и как поет мне песни. Я бы попросила написать хотя бы одну песнь обо мне, а то даже о Вэе Арэне в песне говорится, а обо мне нет.

Что же касается самого Вэя Арэна, ему бы я сказала, чтобы он помолчал. Хотя бы раз! Хотя бы раз сказать ему это, когда он управляет повозкой. Хотя бы раз, когда мне хочется тащить ее в тишине, сказать ему, чтобы он замолчал. Порой мне кажется, что это одно из самых сильных моих желаний.

Еще одно — это наворчать на Кэрэндрейка. Назвать его сонливым ленивцем, умеющим только указывать на недостатки других. Увидеть его лицо в тот момент, как, по его мнению, неспособная разговаривать лошадь выскажет все, что о нем думает. Одна эта мысль греет мне сердце, но, правда, не так, как мысль о хозяине.

Хозяину я бы сказала, как сильно я признательна ему за то, что он мой хозяин. Я бы сказала ему, что горжусь тем, что мой хозяин самый сильный, храбрый, добрый, смелый, доблестный воин из всех, что только ступали по земле. Я бы сказала хозяину, что отвезу его туда, где много-много кленового сиропа, хотя и не знаю, где это место.

Но, к сожалению, я лошадь и не могу говорить, как человек. Я прекрасно понимаю их речь, на каком бы языке они не говорили, но они не могут понять мою. Однако я не расстраиваюсь, ведь несмотря на то, что я не могу рассказать им о своих мыслях и чувствах, мы вместе и я могу им помочь. Я везу повозку. Мы движемся на восток. Нас ждет завершение нашего путешествия, после которого, возможно, начнется новое. Полагаю, больше всего на свете я хочу всегда оставаться рядом с ними. И я точно знаю, что хозяин и остальные также разделяют мои чувства. Потому что я Капа, и я лошадь.

Из следующей главы вы узнаете о том, как пятеро путников и лошадь достигли прибрежных городов, и о том, как они готовились к выходу в море.

===== Часть 8. “Власть”. Глава 72 =====

О том, как пятеро путников и лошадь достигли прибрежных городов, и о том, как они готовились к выходу в море

Восток Материка омывало бескрайнее море, плавно переходившее в Мировой Океан. Голубизна бездонного неба в далекой туманности горизонта сливалась с синевой еще более бездонного моря. Что глубже? Моря или небеса? Ответ на этот вопрос получить было невозможно.

На песочный берег накатила волна, обрызгав своей пеной выброшенную тремя волнами ранее раковину. Не успела волна скрыться в водах морских, как на смену поспешила ее сестрица, нахлынув на берег с большей силой. Безостановочно на протяжении неисчислимого количества лет пески берега подвергались атаке соревнующихся между собой в стремительности волн. Сколько еще будет продолжаться бесконечная игра

разбивающихся о берег волн? Не вечны люди, не вечны государства, но эта игра вечна: она началась, когда Трилунской Империи еще не было, она продолжалась, когда Империя Трех Лун процветала, и даже после Трилунской Катастрофы игре волн не предвидится конца.

Городок Ёкиларилэй, чье название в переводе с трилунского языка означает «Безграничный», назван так не из-за своих размеров, ведь территория этого городка незначительна, а из-за бескрайнего моря, вид на которое открывается из любой точки города. Складывалось такое впечатление, что гибель Трилунской Империи никак не затронула этот городок. Испокон веков его жители занимались рыбным промыслом. Это продолжалось и продолжается так, как и безостановочная беготня волн, что стремятся нахлынуть на берег. Из этого городка пятеро путников собирались отплыть на самый большой из островов Северо-Восточного Архипелага, где был расположен Храм Погибшей Луны, Щантэрарис Натра Альфартэ. Как ясно из его названия, Северо-Восточный Архипелаг находился на северо-востоке Материка. Но если сам архипелаг назывался Северо-Восточным, то ни у одного из его островов названий не было. Их так и называли «большой остров» или «остров с Храмом Погибшей Луны» и «все остальные острова». Поскольку Северо-Восточный Архипелаг, как и подобает архипелагу, представлял собой несколько островов, добраться до Храма Погибшей Луны можно было только морем. Для этого, в первую очередь, им предстояло найти корабль и место, где можно было бы оставить Капу.

— Мы не будем ее оставлять, — твердо объявил Зелорис.

— Не возьмем же мы лошадь с собой в плавание, — возразил Вэй Арэн. — Братец Зел ты только представь, как ей, привыкшей топтать своими копытами зеленую травку, придется ступать по деревянному полу корабля, где никакой травы нет. К тому же сейчас лето, пора свежей травы, она ждала этого всю зиму.

— У... — согласился с доводами Зел, но, немного подумав, добавил: — Может быть, мы подождем до следующей зимы?

— Мы столько шли к этому и не можем останавливаться из-за какой-то лошади! — высокомерно произнесла Гордислава.

— Капа не какая-то лошадь, — возразил Зел.

— Даже если мы будем ждать зиму, это нам не поможет, — холодно проговорила северянка. — Материк омывают теплые течения, это море не будет сковано льдом.

— У, — мечник был опечален.

— Я тоже не хочу расставаться с Капой, — сказала ему Рэйна. — Но мы вскоре вернемся и все вместе пойдем назад.

— Кэрри, а ты что молчишь? — Вэй обратил внимание на то, что Кэрэндрейк держится в стороне от разговоров.

— Делайте, что хотите, — буркнул Дрейк.

— Капу придется оставить, — Гордислава была непреклонна.

— Ей будет скучно без нас, — Зелорис также не хотел сдаваться.

— Братец Зел, — продолжал уговаривать Вэй. — В морях случаются штормы, это может напугать бедную Капу. Уж лучше будет, если она подождет нас в безопасности, на берегу.

— У... — мысль об испуге любимицы заставила мечника начать сдавать позиции.

— Зато представь, как она обрадуется, когда ты вернешься, совершив великий подвиг! — добавила Рэйна.

— Только мы оставим ее хорошим людям, — не выдержал напора друзей Герой «Монтильфондской Охоты».

— Разумеется! — воскликнула Рэйна с интонацией, подтверждающей, что никто и не собирался отдавать Капу в плохие руки.

Надо сказать, что за все эти месяцы Вэй Арэн и Зелорис не пытались предпринимать попытки овладеть трилунским языком, но если лучник все же выучил несколько комплиментов, то мечник решил, что ему хватит и его «у». Кэрэндрейк также заявил, что слов, в частности слова «умри», которые он выучил еще в Рэластэне, ему хватит на всю жизнь. Таким образом, поскольку трилунским языком владели лишь Гордислава и Рэйна, все заботы о поисках корабля и заботливых людях для Капы легли на них.

Начать решили с поиска приюта для лошади. Рэйна не стала раскрывать жителям Ёкиларилэя своей личности, представившись не Верховной Жрицей Трилуна, а обычной собирательницей историй с Запада, которая была в Трилунской Империи рождена. Старый конюх, к которому она обратилась с просьбой присмотреть за Капой на время их «путешествия по островам» (разумеется, о том, что их интересует только один остров — с Храмом Погибшей Луны, Рэйна не сообщила), отметил превосходное владение языком для выросшей за пределами Империи девушки и с радостью согласился за Капой приглядеть. Не за бесплатно, конечно. Благо, денег у пятерых путников хватало.

А вот с поисками корабля, которыми занималась преимущественно Гордислава, возникли некоторые проблемы. Во-первых, высокомерие, гордыня и холодность северянки пришлась не по душе судовладельцам, которые первое время просто отказывались с ней разговаривать. Во-вторых, когда Гордиславе удавалось перейти к стадии обсуждения маршрута, она получала отказ, поскольку судовладельцы считали странным путешествие к островам Северо-Восточного Архипелага, практически все из которых были необитаемы. В-третьих, когда они узнавали, что целью путешествия является остров с Храмом Погибшей Луны, обычный отказ превращался в категорический, а шансы на повторный разговор становились равными нулю.

— Что же делать... — вздохнула Гордислава во время ужина в таверне «Безумный Пастух», когда не принесший результатов день подходил к концу.

— Может, у Кэрри спросить? — предложил Вэй.

— У, — возразил Зелорис. — Плохая идея. Он спит.

— Можно утром, когда проснется, — задумалась Электра.

— Когда Кэрри проснется, наступит полдень, малышка Рэй, — отказался от идеи спросить у Кэрэндрейка лучник.

— У, — подтвердил Зел.

— У меня есть один вариант! — вдруг осенило мыслью северянку.

— Какой? — поинтересовался Вэй Арэн.

— Рэйна, может быть, ты попросишь предоставить нам корабль и экипаж?

— Ты же сама сейчас сказала, что безрезультатно, — удивилась собирательница историй. — Что стоило им узнать куда, так сразу отказывали. Что изменится, если я попрошу?

— Не думаю, что они смогут отказать Верховной Жрице, — с коварной улыбкой проговорила северянка.

— Не думаю, что это хорошая идея, — отрезала малышка Рэй, которая после происшествия в Минэшэс-Натре больше никогда не хотела называться Алирэй Нактур.

— Однако Гордислава права, — заметил Вэй Арэн. — Так они точно нам не откажут.

— Если я предстану перед ними как Верховная Жрица, мне снова придется их бросить.

Какой правитель так часто бросает народ?

— Можно открыться только одному человеку, — прошептал Зел. — Самому главному из них. И попросить его держать личность Рэйны в секрете от остальных. Хотя, признаться честно, я сам не в восторге от этого плана.

— А может быть, нам не нанять, а купить корабль? — предложил лучник. — Миледи, как у нас с деньгами?

— Ты полагаешь, что впятером мы сможем управлять целым кораблем, — усмехнулась северянка, — и даже доплыть до нужного нам острова? Навигация и...

— Понял, не вариант, — перебил ее Вэй.

— Неужели мне снова придется рушить надежды своего народа? — грустно вздохнула малышка Рэй.

— Они счастливы даже просто знать, что ты где-то живешь, — сказал Зелорис.

Гордислава в очередной раз поняла, как ей повезло тогда в Монфриде с выбором товарищей для путешествия. О талантах Зелориса и Вэя, по которым она их и выбирала, речи не идет, поскольку она с самого начала представляла, насколько хороши нанимаемые ею мечник и лучник. В данной ситуации ей повезло, что Кэрэндрейк и Рэйна, которых она взяла с собой в качестве небольшого «бонуса», оказались «ценными экземплярами». Во-первых, Кэрэндрейк как первый из Карателей обладал невероятными боевыми навыками и достаточно острым умом, способным быстро реагировать даже в самых сложных ситуациях, а во-вторых, собирательница историй Рэйна оказалась Алирэй Нактур Акварией Электрой. Именно этот факт Гордислава считала самой большой удачей в своей жизни: и потому, что Аквария Электра последняя из правителей Трилунской Империи, и потому, что благодаря Верховной Жрице проблема поиска корабля с легкостью была разрешена.

Асифон Наролай, владелец судна под названием «Тарла», что значит «Волна», к которому Рэйна обратилась за помощью как Алирэй Нактур на следующее утро, безо всяких раздумий согласился помогать Верховной Жрице и пообещал сохранить ее личность втайне от жителей города. Однако он попросил Электру раскрыться перед экипажем корабля, обосновав это тем, что так их моральный дух будет высок, что очень важно в море, да и моряки, пугающиеся Храма Погибшей Луны, не посмеют показывать своего страха. Асифон Наролай пообещал к следующему утру собрать превосходную команду, которым о цели путешествия и о личности нанимателя будет сообщено уже непосредственно перед отплытием.

Но стоило путникам уладить эти проблемы, как к ним подкралась еще одна, причем с самой неожиданной стороны. Этой стороной оказался первый из Карателей.

— Нет ли случайно какого-нибудь обходного... сухопутного пути к этому храму? — поинтересовался Кэрэндрейк.

— Храм Погибшей Луны расположен на острове, — заметила Гордислава. — Разумеется, сухопутного пути нет. До него можно добраться только по морю.

— У, — добавил Зелорис.

— Жаль... — тяжело вздохнул Кэрри.

— У, — с еще большей тяжестью, чем Коготь, вздохнул Зел. — Капа будет скучать без нас.

— Чтобы бедная лошадь не скучала в одиночестве, мы с Электрой останемся с ней! — предложил выход из ситуации Кэрэндрейк.

— Но я должна отправиться в тот храм! — возмутилась Рэйна. — Без Звезды его врата

не откроются.

— Эти трое и сами справятся, — возразил Дрейк. — Без себя я тебя не отпущу.

— Кэрри-Кэрри-Кэрри... — с ехидной улыбкой вмешался Вэй Арэн. — Только не говори мне, пожалуйста, что ты боишься воды!

— Я не боюсь воды, — процедил сквозь зубы первый из Карателей. — Я ее пью.

— В таком случае, твое поведение более чем странное, — задумался Вэй. — Ты не умеешь плавать?

— И что?! — злобно воскликнул Кэрэндрейк. — Да, я не умею плавать, да, я ненавижу, когда эта противная жижа, называемая рекой, морем или им подобным, заливается в уши и нос. И что с того?!

— Так ведь мы поплывем на корабле, — сказала Гордислава. — Не вижу проблемы.

— Штормы никто не отменял, — буркнул себе под нос Кэрэндрейк.

— А разве ты не говорил, что убежище Сокрытого Ордена расположено на островах? — вспомнила малышка Рэй.

— Знала бы ты, сколько усилий мне стоило сохранять невозмутимость, пересекая эту водяную жуть туда и обратно...

— Пф, — усмехнулся мечник. — «Водяную жуть».

— Если боишься, в смысле, если не хочешь, — поспешил исправиться Вэй, испугавшись гневного взгляда Когтя, — то можешь оставаться здесь, мы и сами справимся.

— Электру я от себя не отпущу.

— Я тебя спрашивать не буду, — возразила Верховная Жрица. — Я отправляюсь на этот остров, и точка!

— Черт... — единственное, что мог сказать в данной ситуации Кэрри.

Следующая глава открывает новую, последнюю часть повествования, в которой нас встреча с тем, что уничтожило Трилунскую Империю.

===== Часть 9. “Безмолвие”. Глава 73 =====

О том, как проходило морское путешествие пятерых путников, и о том, как первый из Карателей жалел о несделанном

Как и было обещано, следующим утром пятерых путников ждал корабль, на котором они должны были отплыть к Храму Погибшей Луны. Как только Зелорис и Рэйна попрощались с Капой, на что ушло довольно много времени, а Гордислава долгими уговорами заставила Кэрэндрейка убрать кинжал от горла Вэя, который все утро повторял «Кэрри боится воды», пятеро путников взошли на борт «Тарлы».

«Что за секретность? — спрашивал в это время у Асифона Наролая штурман. — Вы досих пор не сказали нам, куда мы направляемся».

«Поднять якорь», — вместо ответа скомандовал судовладелец, который был также и капитаном корабля.

Якорь был поднят, но команда снова задалась вопросом, куда и с какой целью они отплывают.

«Мы плывем на самый большой из островов Северо-Восточного Архипелага к Храму Погибшей Луны», — величественно, как и подобает Верховной Жрице Трилунской Империи, объявила Аквария Электра.

«К Храму?» — возмутился боцман.

«Мы никуда не поплывем!» — запротестовала команда.

«Не желаете плыть, прыгайте за борт, — прогремел голос Асифона Наролая. — Мне не

нужны трусы на корабле».

«Капитан, — обратился к нему пожилой моряк. — Вы знаете, что мы с вами уже долгое время и никогда не предадим Вас. Так почему же Вы не доверяете нам? Почему мы узнаем о том, что плывем на тот остров только после отплытия, а о цели плавания не знаем до сих пор?»

«Да, — поддержал молодой юнга. — Сколько же Вам заплатили эти чужаки, чтобы попасть на священные земли, вход куда всему живому заказан?»

«Позвольте поинтересоваться, — вмешалась Гордислава. — Вы так возмущаетесь, потому что боитесь получить меньшую сумму, чем Вам причитается?»

«Да ничего я не боюсь!» — возмущенно воскликнул юнга.

«Вот и прекрасно, — с того момента, как вступила на борт, малышка Рэй вела себя не как собирательница историй с Запада, а как правительница величайшего государства Востока. — Луны всегда освещают путь бесстрашным воинам, откликаясь на свет храбрых сердец».

«Красиво говоришь, девочка», — усмехнулся старый моряк.

«Быстро извинись перед ней», — переменившись в лице, прошептал ему на ухо Асифон Наролай.

«Ничего страшного, — мягко проговорила Рэйна. — Я сама должна была представиться раньше, дабы подобной ситуации не произошло. Мое имя, — она окинула взглядом каждого из моряков поочередно, — Алирэй Нактур Аквария Электра».

«Владычица...» — пронеслось по рядам моряков.

«Прошу вас сохранить втайне мою личность и все подробности этого плавания», — склонила перед моряками голову последняя из правителей Трилунской Империи.

«Как пожелаете, Владычица», — с поклоном ответил старый моряк.

Таким образом, все вопросы были улажены, и моряки больше не возражали против плавания к Храму Погибшей Луны.

Большую часть времени, проводимого в плавании, Рэйна смотрела на морскую гладь. Она смотрела, как солнце поднимается на рассвете, и как цвет морских вод меняется с изменением освещения. В полуденный зной, когда большая часть моряков, не занятых работой, пряталась по каютам, она наблюдала игру солнечных бликов на водяной ряби. В закатные часы Верховная Жрица любовалась пылающим небосклоном и алой тропой, разделяющей темные воды надвое. Даже ночью, когда одна из Лун и звезды отражались в черном зеркале морских вод, она не сводила глаз с поверхности моря.

В то же время Гордислава всю предавалась своим исследованиям истории и культуры Трилунской Империи. Она расспрашивала моряков обо всем, что приходило ей в голову. Ни один человек на корабле, кроме спутников Гордиславы, не избежал расспросов о том, как им запомнились первые года после Трилунской Катастрофы. Лишь несколькими удалось избежать расспросов об образе жизни предков и своем собственном. Семеро стали жертвами северянки, интересующейся тем, как складывались традиции рыбного промысла у жителей прибрежных берегов. Старейшего же из моряков жаждущая знаний исследовательница Севера расспрашивала на протяжении нескольких дней подряд.

Пока собирательница историй любовалась морскими водами, а северянка занималась историческими исследованиями, Зелорис размышлял об оставленной в Ёкиларилэе Капе. Он скучал по своей лошади, волновался о том, как она без него, и переживал, вдруг она будет обижена на него, когда он вернется. Эти мысли не позволяли ему есть и спать. Зелорис

осознавал, что как мечнику ему необходимо здоровое питание и крепкий сон, а посему, пытался отвлечься от мыслей о Капе самыми разнообразными способами. Зел тренировался во владении мечом, что сначала позволило ему забыться, но вскоре тревога о лошади снова дала о себе знать. Несколько дней мучился мечник, после чего над ним сжалился капитан корабля, который больше не мог наблюдать его хандру. Асифон Наролай возложил на Зелориса множество дел, так что у последнего не осталось ни минуты времени на размышления. Никакой языковой барьер не мешал Асифону Наролаю указывать на щетку, ведро и грязную палубу или же на гору мешков, жаждущих быть перенесенными из одного угла в другой, а Зелорису отвечать «у» и приступать к работе.

Но если есть те, кто нашел себе занятие, всегда найдутся и те, кто от безделья будет страдать и пребывать в плохом настроении. Так, Вэй Арэн Виндсвиш страдал от того, что вокруг него кроме Рэйны и Гордиславы были одни мужчины, а Кэрэндрейк был мрачнее тучи, поскольку вокруг корабля не было ничего, кроме воды. Разумеется, ни тот, ни другой не собирались, подобно Зелорису отвлечься работой.

— Уж лучше страдать, чем пахать, — торжественно заявил Вэй, присаживаясь рядом с Кэрэндрейком. — Не могу я так, как братец Зел.

— Уйди с глаз моих, и без тебя фигово, — закатив глаза, произнес первый из Карателей.

— Да ладно тебе, Кэрри, — вздохнул лучник. — Мы с тобой в одной лодке. Во всех смыслах даже.

— Не напоминай мне о лодках, кораблях и им подобных! — воскликнул Кэрэндрейк. — Я пытаюсь представить себя на суше, а ты отвлекаешь меня.

— Что же ты сразу не сказал? — удивился Вэй. — Закрывай глаза, я тебе помогу.

— Как я тебе в Беловерхе с той листовкой о коварном лучнике-соблазнителе? Нет уж, увольте.

— Жалеешь? — с ехидной ухмылкой поинтересовался Вэй.

— Ничуть. Это было весело.

— Не боишься, что те твои издевательства обернутся против тебя?

— Я ничего не боюсь, — отрезал Дрейк.

— В трюме течь.

— Нет! Замолчи!!! — взвопил Кэрэндрейк. — Это все твои выдумки.

— Ну, так что, Кэрри, раскаиваешься?

— Умолкни, ловелас. Или только мы окажемся на берегу, тебе не поздоровится.

— Позволь поинтересоваться, — удивился Вэй. — Почему ты собираешься ждать до тех пор?

— Электру-то спасут в любом случае, если с кораблем что-то случится, — ответил Дрейк. — Но если я упаду за борт — из воды меня вытаскиваешь ты.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся лучник. — Но если ты собираешься навредить моему здоровью после того, как мы окажемся на суше, то с чего мне тебя спасать?

— У тебя нет другого выбора, — процедил сквозь зубы Кэрэн.

— Разве? Я могу помахать рукой тебе, бултыхающемуся в соленой водичке.

— Когда-нибудь ты пожалеешь об этих словах, — вздохнул Кэрэндрейк.

— Да ладно тебе, Кэрри, — улыбнулся Вэй Арэн. — Не бойся, стоит тебе начать тонуть, как я поспешу тебе на помощь. Лучше жалеть о сделанном, чем о несделанном. Если я тебя не спасу, я буду жалеть об этом, ведь так я не смогу наблюдать твоё послешоковое состояние.

— В этом ты прав. Я имею в виду, что лучше о сделанном, чем о несделанном жалеть. Хотя послешокового, как ты говоришь, состояния, тебе наблюдать не придется. Я лучше буду жалеть о том, что убил тебя, чем слушать твои издевки и жалеть о том, что сжалился и сохранил жизнь.

— Забавно. Если нас кто подслушает, в жизни не поверит, что мы друзья.

— Действительно, — усмехнулся Коготь. — С врагами я бы так не разговаривал.

— Знаешь, Кэрри, я так привык получать от тебя угрозы, что мне кажется, будто без них моя жизнь теряет свои краски.

— А я привык представлять перед сном, как убиваю тебя за то, что ты коверкаешь мое имя, — злорадно проговорил Кэрэндрейк. — После этого такие сладкие сны снятся.

— Получается, без меня ты будешь страдать от бессонницы! — воскликнул Вэй Арэн.

— Чертова вода... — пробормотал первый из Карателей, проигнорировав лучника.

— Лучше жалеть о сделанном, чем о несделанном, — напомнил Вэй.

— Ты это к чему? Хочешь сбросить меня за борт?

— Страдания твои облегчить, Кэрри, — любезно разъяснил свои намерения лучник. — Уж лучше тебе жалеть сейчас о том, что ты согласился взойти на борт, чем остаться на берегу и жалеть о том, что не отправился вместе со всеми.

— Я согласен с тем, что лучше жалеть о сделанном, чем о несделанном, — вздохнул Кэрэндрейк. — Но с остальным — нет.

— В смысле?

— В данный момент я жалею именно о несделанном, — ответил первый из Карателей. — Я жалею о том, что не остался там с Капой.

— Это же... — Вэй Арэн хотел было возразить, но измученный вид друга заставил его передумать. — Ладно уж, — сказал он. — Не буду я над тобой издеваться. Закрывай глаза, буду помогать тебе представлять сушу.

— Только попробуй меня обмануть.

— Не смею даже думать об этом.

— Хорошо, — ответил Дрейк и закрыл глаза.

— Ты находишься на суше, — монотонным голосом, подобно гипнотизеру проговорил Вэй. — Вокруг тебя ничего, кроме земли.

— Я слышу волны.

— Это трава так колыхается.

— Где ты видел, чтобы трава колыхалась с таким звуком?

— Это надо не видеть, а слышать.

— Ну, и где ты это слышал?

— Кэрри, нельзя быть таким привередливым, когда тебе пытаются помочь! — возмутился лучник.

— Ловелас, тебе никто не говорил, что если берешься помогать, то делай это со всем старанием?

— Так я стараюсь.

— Убери эту воду из моих представлений!!!

— Я тебе что, в голову залезть должен?

— Да хоть так, — Кэрэндрейк открыл глаза и отчаянно посмотрел на друга.

— Прости, но не могу.

— Черт возьми, а ты смоги.

— Как ты себе это представляешь, Кэрри?

— Попытка номер два, — вздохнул Коготь, закрывая глаза.

— Вокруг тебя земля, — снова начал говорить Вэй. — Бескрайние пески Центральной Пустыни...

— Нельзя пустыню, — перебил Дрейк.

— Почему нельзя-то? — удивился Вэй.

— Из-за воды.

— Так я и выбрал пустыню, поскольку в ней воды нет! — воскликнул лучник.

— Поскольку воды в ней нет, ее знаешь, как хочется? — развел руками в стороны Коготь. — Поэтому пустыня тоже не вариант.

— Снега?

— Замерзшая вода.

— Степь?

— Зной. Жара. Почти как в пустыне.

— Глубокие пещеры?

— Тепло солнца не позволит представить себя в них.

— Горы?

— Также не вариант, — возразил Кэрэндрейк.

— А они-то тебе чем не угодили? — с тяжестью в голосе спросил Вэй.

— Горы высоко, — объяснил Кэрэн. — Облака тоже высоко. Из облаков льется дождь. После дождя много луж. Море — большая лужа.

— Кэрри, — вздохнул Вэй Арэн. — Забудь о том, что я предлагал тебе помощь. Такому придиричивому ворчуну как ты, не поможет ничто.

Из следующей главы вы узнаете о том, как путники продвигались вглубь наибольшего из островов Северо-Восточного Архипелага, и как их атаковали враги.

===== Часть 9. “Безмолвие”. Глава 74 =====

О том, как путники продвигались вглубь наибольшего из островов Северо-Восточного Архипелага, и как их атаковали враги

Спустя две недели плавания корабль «Тарла» причалил к берегу самого большого из островов Северо-Восточного Архипелага. Пятерым путникам предстояло отправиться к сердцу острова на поиски Храма Погибшей Луны, а экипажу «Волны» — дожидаться их возвращения.

Несмотря на то, что остров находился примерно на той же широте, что и бесснежный, но суровый Архипелаг Триада, служивший убежищем Сокрытого Ордена, и непреступные снежные Башни Севера, он представлял собой один сплошной тропический лес.

— Жарко... — вздохнул Вэй Арэн. Спустя всего два часа с момента высадки, но он был готов поклясться, что прошло не менее двух дней, во всяком случае, утомлен он был ровно настолько.

— Как я скучаю по мягкому снегу, — мечтательно произнесла Гордислава.

— Черт меня дернул ввязаться во все это, — ворчал себе под нос Кэрэндрейк.

— Я должен был остаться с Капой, — чуть слышно бормотал Зелорис.

На их фоне сильно выделялась малышка Рэй, которая, во-первых, ни на что не жаловалась, во-вторых, напевала веселую песенку, а в-третьих, словно зачарованная крутила головой по сторонам.

— Как в сказке!.. — то и дело восклицала она.

Идти было невероятно трудно. Грязно-красная вязь, состоящая из гниющей растительности, то и дело воображала себя болотом и пыталась засосать путников. Разумеется, болотом она не была, отчего утонуть было невозможно, но в то же время ноги вязли достаточно сильно, чтобы движение было затруднено. К тому же недостаток освещения, вызванный тем, что кроны деревьев образовывали непроглядный не пропускающий солнечный свет потолок, заставлял и без того идущих медленно путников идти еще более медленно, с осторожностью вглядываясь во тьму.

Даже дышать было трудно. Горячий влажный воздух создавал ощущение духоты. Казалось, что стоит вытянуть ладонь вперед, как на ней сконденсируется такое количество воды, что можно будет напиться.

Ни кустарников, ни травы здесь не росло, но зато ввысь устремлялись причудливые деревья, подобных которым не встретить нигде на Материке. Даже задрав голову вверх, невозможно было увидеть их верхушек, — самые высокие сосны трилунских лесов уступают им по величине. Покрытые мхом стволы одних деревьев, такие толстые, что и пять человек не обнимут их, чередовались с тонкими, словно спица, но все равно невероятно высокими древами. Всюду гирляндами свисали лианы, некоторые из которых не уступали по толщине отдельным деревьям, а некоторые и вовсе превосходили их. Широкие, толстые, кожистые влажные листья внизу деревьев с каждым десятком метров постепенно превращались в мелкие изрезанные листики наверху. Причудливое многообразие форм и размеров, мириады оттенков зеленого, с трудом различимые в этой полутьме — если бы не усталость, можно было бы забыть про реальность происходящего.

Шумы. Много шумов, сливающихся в единую мелодию. Выкрики птиц, доносящихся за километры. Крики обезьян, творящих чудеса акробатики на верхних этажах тропического леса. Стрекот, треск, стук. Насекомые, звери, птицы. Не видимые глазу, но ни на секунду не позволяющие забыть о себе ушам.

Но если большая часть обитателей этого загадочного тропического леса была скрыта от глаз посторонних, то были и те, чье присутствие не могло оставаться незамеченным. И это вовсе не из-за шума, монотонного жужжания, свистящего писка и постоянного гудения, а из-за бесчисленных нападков, которые безжалостные москиты осуществляли на пятерых бедных путников.

— Чешется все... — Вэй Арэн не просто ныл, он скулил.

— У! — взвыл Зелорис, убив присосавшегося к руке кровопийцу.

— За что я люблю Башни Севера, так за то, что таких созданий там нет, — с лютой ненавистью к насекомым в голосе произнесла Гордислава.

— А меня не кусают, — удивленно сказала малышка Рэй.

— В таком случае, сделай одолжение, молчи об этом, — Коготь выбился из сил, убивая атакующих его москитов, которых, несмотря на все его старания, все еще оставался целый легион. — Легче жителей целого города вырезать, чем этих тварей...

— Не смей вырезать население города! — воскликнула Рэйна.

— От людей хотя бы проблем меньше, — прорычал Кэрэндрейк, надвое разрезав кинжалом москита.

— Сказал тот, кого, как и малышку Рэй, еще ни разу не укусили, — заметил Вэй.

— Это потому, что я их к себе не подпускаю.

— А ты подпусти, — пытаясь почесать труднодоступный участок спины, предложил лучник. — Поймешь, каково это, когда все зудит.

— У... — Зелорис не выдержал и попытался почесаться спиной о ствол дерева, с которого на его голову тут же прыгнула ядовито окрашенная лягушка.

— Сними с себя эту мерзость!!! — завопила на весь тропический лес Гордислава, заглушая своим криком возгласы всех его обитателей.

— Черт возьми, я устал! — воскликнул первый из Карателей. — Делайте, что хотите!

Кэрэндрейк прекратил оказывать сопротивление москитам, но те, на удивление самого Когтя и остальных, хотя и садились на него, но не кусали.

— Ха-ха! — торжествовал он. — Даже эта гнусная мелочь знает, что с сильнейшим из Карателей шутки плохи.

— У... — обреченно молвил мечник.

— Кэрри, почему жизнь так не справедлива? — стонал Вэй Арэн. — Я рад, что москиты щадят малышку Рэй, но почему они к тебе-то не прикасаются? Лучше бы они не трогали Гордиславу, ну и меня.

— Тому, что они не трогают Кэрэндрейка, есть два объяснения: логичное и абсурдное, — холодно произнесла северянка.

— Хотелось бы выслушать, — без особого энтузиазма сказал довольный отсутствию угрозы со стороны насекомых Дрейк.

— Логичное: насекомые боятся отравиться текущей по жилам Кэрэндрейка желчью, — Гордислава безразлично сбросила с плеча трупик убитого ею москита.

— Странно, что твоим высокомерием отравиться не боятся, — парировал Кэрри.

— О чем я и говорю, — вздохнула северянка.

— Горди, ты бесподобна! — хлопнул в ладоши Вэй, убивая очередного кровопийцу. — Даже я бы не смог так.

— У, — заметил Зелорис, что означало «смог бы».

— Мне показалось, или ты назвала логичным это объяснение? — удивилась Электра.

— Да, малышка Рэй, — вместо Гордиславы ответил Вэй Арэн. — Кэрри постоянно ворчит и недоволен чем-то, значит, по его жилам течет ядовитая желчь, которую москиты не пьют, поскольку они кровопийцы. На мой взгляд, все более чем логично.

— Но меня же они тоже не кусают! — возразила Верховная Жрица.

— А вот это объясняет абсурдная теория! — со знающей интонацией заявила исследовательница с Севера.

— Ну-ну, — проворчал Дрейк. — Жажду услышать.

— Вас защищают Священные Звезды.

— У?

— Так вот в чем их истинное предназначение! — с наигранным удивлением произнес первый из Карателей.

— А ты попробуй снять свою с шеи, — предложил лучник.

— Да запросто! — усмехнулся Кэрэндрейк.

Однако стоило ему снять с шеи Звезду, тем самым прекратив е физический контакт со своим телом, как полчища москитов вмиг набросились на него. Кэрэндрейк вовремя среагировал, отбив атаку вражеской армии, однако троим укусить его удалось. Но только Звезда вернулась на свое привычное место, все попытки насекомых укусить первого из Карателей прекратились.

— Снимай Звезду, — скомандовал Вэй.

— Тебе я ее не отдам, — отрезал Кэрэн.

— Не мне, Гордиславе. Не дело миледи покусанной быть.

— Хорошо, — согласился Кэрри, после чего передал Сорока-конечную Звезду северянке и продолжил истреблять насекомых прежде, чем те укусят его.

Но, несмотря на то, что Гордислава повесила Сокровище Сокрытого Ордена себе на шею, москиты не прекратили ее атаковать.

— Не работает, — изумленно проговорила Гордислава, потирая укушенную щеку.

— Странно, — удивился Вэй, примерив Звезду на себя обнаружив, что и на него никакого защитного эффекта она не оказывает.

Зелорис также попробовал избавиться от атак москитов, надев на шею Сорока-конечную Звезду, но назойливые насекомые как кусали, так и продолжали кусать.

— Может, мою попробуешь, — предложила Рэйна и принялась снимать с себя свою Звезду, но Зелорис ее остановил.

— Возможно, Звезда Кэрэндрейка не защищает Гордиславу, потому что она не из Сокрытого Ордена, — предположил мечник.

— Что за чушь! — возразил Вэй. — Это просто драгоценный кусок неизвестного камня. Не более.

— Вполне вероятно, что Зел прав, — задумался Коготь. — Все пять Звезд невероятны ценны, и каждому наверняка бы хотелось заполучить себе несколько, но, в Ордене, в частности, существует правило, что нельзя покушаться на чужую Звезду и ее владельца. А вдруг они каким-то образом связаны с теми, кому принадлежат? Десятиконечная защищает только южан, двадцатиконечная оказывает свое действие только на жителей Запада, тридцатиконечная — на северян. Пятидесятиконечная, например, оберегает только трилунцев, а сорокаконечная — лишь тех, кто когда-либо был в Сокрытом Ордене.

— Странно слышать подобное от тебя, — удивилась Алирэй Нактур Аквария Электра. — Обычно ты говоришь, что подобного рода вещей не существует.

— Когда Звезда на мне — меня не кусают, — ответил Дрейк. — Из-за этого я даже в дракона поверю. Хотя нет, в драконов верить не собираюсь.

— Все может быть и проще, — вздохнула Гордислава, передавая Звезду из рук Зелориса Кэрэндрейку. — Звезда признала тебя своим хозяином и теперь оберегает.

— Жаль, что ответа узнать нельзя, — добавил Вэй.

— Не кусают и не атакуют, что краше может быть, — на распев произнес довольный Кэрри.

— Вэй-Вэй, — позвал Зелорис. — Давай у него снова Звезду заберем.

— Она же нас не защитит, — вмешалась Гордислава.

— Зато не мы одни страдать будем! — просек ход мыслей друга лучник.

— Только попробуйте, — огрызнулся Кэрэн. — Я могу случайно задеть вас парой десятков кинжалов.

— Дрейк, угрожать друзьям не хорошо, — принялась воспитывать «Дикого Зверя» «Певчая Птица».

— Они первые начали, — возразил Коготь.

— У тебя столько кинжалов нет с собой, — с улыбкой произнес Вэй Арэн.

— Да ну? — усмехнулся Кэрэндрейк, и спустя несколько секунд в ствол одного из деревьев вонзилось тридцать восемь остро заточенных кинжалов, до этого времени прятавшихся в складках одежды первого из Карателей.

— Кэрри... — ошарашенно молвил Вэй. — Прости меня за все, ладно?

— У, — прошептал Зелорис, что означало «и меня».

Из следующей главы вы узнаете о том, как пятеро путников достигли Храма Погибшей Луны, и какую картину увидели, войдя внутрь.

==== Часть 9. “Безмолвие”. Глава 75 =====

О том, как пятеро путников достигли Храма Погибшей Луны, и какую картину увидели, войдя внутрь

Две недели понадобились путникам на то, чтобы достигнуть расположенного в сердце острова Храма Погибшей Луны. Он представлял собой ступенчатую пирамиду, к входу в которую вело множество каменных ступенек. На пятисотой ступеньке Гордислава чуть было не наступила на змею. Семьсот пятьдесят восьмую Зелорис сломал. Споткнувшуюся на девятьсот первой ступеньке Акварию Электру поймал Кэрэндрейк, вследствие чего больно приземлился коленом на ступеньку восемьсот девяносто восьмую. Насчитав более тысячи ступенек, Вэй Арэн сбился со счета. Многие ступени были разрушены временем настолько, что наступить на них не представлялось возможным.

На подъем у путников ушло полдня, и вот, они предстали перед каменной стеной, на которой были выцарапаны различные символы.

— Мне кажется, или двери нет? — обреченность явно различалась в голосе лучника.

— У, — подтвердил Зелорис, осмотрев стену и двери не обнаружив.

— Должен же быть какой-то вход! — возмущенно воскликнула Гордислава.

— Не наблюдается, — Кэрэндрейк стал оглядываться, где бы можно было вздремнуть, после чего удобно пристроился возле самой стены.

— Дверь, откройся! — Алирэй Нактур Аквария Электра решила использовать приемы, известные ей из легенд. — Дверь, появись! Стена, раздвинься! Проход, создайся!.. Никак.

— Может, эти рисунки или надписи скажут, где вход? — чуть слышно предложил Зелорис.

— Я не знаю, что здесь написано, — вздохнула Гордислава. — Это трилунский, но в то же время, и не он.

— Как это? — удивился Вэй.

— Ужасно видоизменен, — ответила Рэйна. — Написано трилунскими буквами, встречаются и трилунские слова, но по большей части просто непонятная абракадабра.

— Я вздремну, пока вы расшифровываете, — пробубнил Коготь.

— Успеешь еще, — отрезала Гордислава.

— Здесь камень вынимается, — сообщил Зелорис, указав на один из фрагментов стены.

— Превосходно, братец Зел! — обрадовался Вэй Арэн.

Мечник и лучник осторожно извлекли большой валун из стены, после чего собирательница историй и северянка с любопытством заглянули внутрь образовавшегося проема. Проем представлял собой прямоугольное углубление, в котором находилось пять круглых отверстий.

— У кого-нибудь есть ключи? — тяжело вздохнул Вэй.

— Может быть, тут не ключи нужны, — возразила северянка. — Возможно, внутри отверстий имеются рычаги.

— Я совать руки непонятно куда не собираюсь, — предупредил Кэрэндрейк.

— Ты же спишь, — усмехнулся лучник.

— Это не мешает мне следить за развитием ситуации.

— Я могу попробовать, — предложила Рэйна.

— Пусть ловелас лезет, — возразил Коготь. — Там может быть ловушка, а его не жалко.

— Как любезно с твоей стороны, Кэрри, — покачал головой Вэй.

— Паутина, — сообщил Зелорис, приступивший к обследованию отверстий еще до начала спора. — Змея, — сказал он, достав из отверстия извивающуюся гадюку.

— Убери!!! — завопила от страха Гордислава.

— У, — кивнул Зел, после чего откинул змею в сторону и снова засунул руку в отверстие. — Нащупал.

— Что? — поинтересовалась Рэйна.

— Вмятина... — стал докладывать о результатах обследования мечник. — Выступы. Один, два... пять, семь... Десять штук, идут от центра вмятины.

— Во втором отверстии что? — спросила Гордислава.

Зелорис кивнул и засунул руку во второе отверстие.

— Здесь двадцать выступов, — доложил он спустя пять минут.

— Зел, третье и четвертое пропусти, проверь пятое, — попросил Кэрэндрейк. — Этих... как ты сказал? Выступов? Должно быть пятьдесят. Тогда моя теория подтвердится.

— У, — кивнул мечник, а спустя некоторое время, обследовав пятое отверстие, обнаружил, что выступов в нем действительно пятьдесят.

— Похоже, что в отверстия должны вставляться Священные Звезды, — вздохнул Кэрри.

— У нас есть две, — задумалась Гордислава, словно Звезды были у нее, а не у Рэйны и Дрейка.

— Вставлять? — поинтересовалась малышка Рэй, снимая с шеи Алирэнорэй Искарэ.

— Подожди, надо сначала... — хотел было возразить первый из Карателей, но Верховная Жрица Трилуна уже засунула свою Звезду в пятое отверстие.

С грохотом и скрежетом часть стены, в которую упиралась лестница, отъехала в сторону. Электра забрала Звезду из отверстия, но проход в стене так и остался открытым. Первой внутрь вошла Гордислава. Следом за ней порог Храма Погибшей Луны перешел Вэй Арэн, а вместе с ним Рэйна. Но стоило хозяйке открывшей проход Пятидесятиконечной Звезды оказаться в храме, как стена вернулась в первоначальное закрытое положение, оставив Кэрэндрейка и Зелориса снаружи.

— Так и знал, — вздохнул Коготь, засовывая свою Звезду в отверстие.

Как и в прошлый раз, стена отъехала с характерными звуками.

— Я уж думал, мы вас не увидим, — облегченно улыбнулся лучник.

— Зел, заходи первый, — монотонно произнес Кэрэндрейк. — Стоит мне переступить порог — проход снова исчезнет.

Так и произошло: как только Кэрэндрейк оказался в Храме вместе с остальными четверьмя товарищами, стена пришла в движение и закрыла путь к отступлению.

— Ой, — задумался Вэй. — А как мы выбираться-то будем?

— У, — Зелорис указал только что зажженным факелом на проем в стене с пятью отверстиями, аналогичный тому, что был снаружи.

— Моя душа спокойна, — вздохнул лучник.

— Здесь как-то тихо, — заметила Гордислава.

— Надо найти кого-нибудь из жриц и жрецов, — сказала Рэйна.

— Пошлите, — буркнул Кэрэндрейк, вырывая из рук Зелориса факел, и побрел вперед по узкому коридору Храма Погибшей Луны.

Картина, открывающаяся перед путниками, с каждым шагом становилась все более

ужасающей. Засохшие пятна крови темно-бурого цвета занимали большие участки стен. Пол устилали отдельные кости и целые скелеты жриц и жрецов закрытого храма. Мысль о том, что здесь найдется хотя бы один живой человек, была слишком абсурдна для того, чтобы прийти кому-нибудь в голову.

— И это место не обошла стороной Трилунская Катастрофа, — мрачно произнесла Гордислава.

— Если слова той пожилой леди были верны, то здесь мы найдем причину произошедшего, — сказал Вэй.

«Да обретут ваши души покой, — прошептала Алирэй Нактур Аквария Электра. — Де осветят вам Луны последний путь».

— Похоже, что они сами поубивали друг друга, — сообщил Кэрэндрейк, осматривавший останки жриц и жрецов Храма Погибшей Луны. — Причем, голыми руками.

— У, — подтвердил слова первого из Карателей Зелорис. — Полностью аналогичная ситуация среди тех, что я уже осмотрел.

— Что могло их заставить так поступить? — спросила Рэйна.

— Знать бы, — пожал плечами Дрейк.

— Смотри, — Зелорис указал на крохотный скелет, когда-то принадлежавший ребенку.

— Да уж, — вздохнул Кэрэндрейк. — Судя по расположению костей, это дитя и его мать убили друг друга. Впервые наблюдаю подобное.

— Кэрри, мне послышалось, или ты сказал «друг друга»? — переспросил Вэй Арэн.

— Сам, что ли, не видишь? — поинтересовался Дрейк.

— Ужасное место, — высказала свои мысли Гордислава.

— Они не могли просто так взять и поубивать друг друга, — возразила Аквария Электра. — Должна быть какая-то причина, помутившая рассудок стольким людям.

— Малышка Рэй, — обратился к ней лучник. — В первые дни после Трилунской Катастрофы, как выглядел Трилун? Я помню, что ты рассказывала, будто бы приняла умерших за спящих, но все же, не могло ли...

— Ты имеешь в виду, не могли ли они друг друга поубивать? — уточнила собирательница историй. — Нет, не могли.

— Пойдем дальше, — скомандовал Кэрэндрейк. — Если мы долго будем рассматривать это однообразие, получим только еще больше вопросов, а не ответы, о которых упоминала старая карга.

— Кэрри, как бы тебя не покарало за подобные выражения, — вздохнул Вэй. — Не называй пожилую леди старой каргой.

— А ты не называй меня «Кэрри», — огрызнулся Коготь. — Я сильнейший из Карателей. Никому и в голову меня покарать не придет, а если и придет, то не удастся.

Путники снова продолжили шествие по Храму Погибшей Луны. Чем дальше они углублялись, тем больше им встречалось костей и следов засохшей крови. Со стен и потолка лохмотьями свисала паутина. В пустотах человеческих черепов нашли себе приют ядовитые змеи. Причудливые тени от света факела создавали впечатление, будто бы черти устроили празднество в этом ужасающем месте.

Внезапно и Рэйна, и Кэрэндрейк остановились посреди одного из залов храма.

— Что-то произошло? — встревожилась Гордислава.

— Тепло... — удивленно прошептала Верховная Жрица, прижав руку к груди.

— Звезда горячее, — ответил Кэрэндрейк, принимаясь доставать ее из-под одежды.

Как только первый из Карателей снял с шеи Сорока-конечную Звезду, весь зал, в котором они находились, заполнился слабым голубоватым свечением, исходящим от Священной Звезды. Когда свою Звезду достала Аквария Электра, света стало достаточно для того, чтобы погасить факел.

— Чует мое сердце, да и не только оно, что на наши головы и не только свалятся огромные неприятности, — пробормотал Дрейк.

— Мог бы и без «сердца» и «голов» обойтись, — заметил Вэй. — Все прекрасно знают, чем в таких ситуациях чуют.

— Животом? — предположила Рэйна. — У меня он иногда слегка покалывает, когда я волнуюсь, начинается.

— Да, животом, — поспешила ответить Гордислава. — Именно, что животом.

— У, — с малозаметной улыбкой подтвердил и Зелорис.

Из следующей главы вы узнаете о том, что чутье не подвело первого из Карателей, или о том, как случайным телодвижением можно вызвать разрушения.

===== Часть 9. “Безмолвие”. Глава 76 =====

О том, что чутье не подвело первого из Карателей, или о том, как случайным телодвижением можно вызвать разрушения

Свет двух Священных Звезд освещал Храм Погибшей Луны так ярко, словно дневной, за одним лишь исключением: мертвенно-бледная голубизна сияющих реликвий подчеркивала атмосферу загробного мира, царившую в этом храме смерти.

Обследовав один зал, пятеро путников переходили в другой. Обследовав другой — принимались за третий. И везде перед ними представала одна и та же картина: лохмотья паутины, ржавые темно-бурые пятна засохшей крови на стенах и скелеты людей, поубивавших друг друга. Наконец, они пришли в главный зал, где проводились самые значимые из церемоний.

Складывалось впечатление, будто бы пятеро путников оказались в другом месте: ни на стенах, ни на полу храма не было ни единого пятнышка крови, как и не было здесь ни отдельных костей, ни, тем более, целых скелетов. Только рваные полотнища паутины и толстый слой пыли, скопившейся здесь за десять лет.

В центре зала стоял небольшой каменный церемониальный столик, на котором находился хрустальный сосуд тонкой работы, заполненный черной жидкостью.

— Уже разнообразие, — заметил лучник.

— Воистину, — вздохнула Гордислава. — Странно, что только в этом зале нет покойников.

— Может, они чтили это место и не могли осквернить его умиранием здесь? — предположила Рэйна.

— Не думаю, — возразил первый из Карателей. — Когда все стремятся поубивать друг друга, маловероятно, что для них имеет значение, где это делать. Более того, если бы они чтили это место так, как ты говоришь, то наоборот, старались бы спрятаться здесь, чтобы не умереть.

— У, — подтвердил его слова Зелорис.

— К слову, кто у нас Верховная Жрица вся Империя? — взмахнул руками Кэрэндрейк. — Рассказывай, что это за зал и для чего использовался.

— Не знаю, — честно призналась Алирэй Нактур Аквария Электра.

— Даже предположений нет?

— Извини... Я знаю только те церемонии, которые мне доводилось проводить в Храме Трех Лун, — ответила Рэйна. — Храм Погибшей Луны всегда был закрыт. Секреты церемоний, проводившихся в нем, были известны только его жреческому составу.

— Но хоть что-нибудь ты можешь про это место сказать? — настаивал Кэрри. — Это место было частью твоей Империи. Должно было быть что-то общее, роднящее ритуалы всех трилунских храмов.

— Кэрэндрейк, — перебила его Гордислава. — Храм Погибшей Луны был обособлен на протяжении тысячелетий...

— Судя по всему, здесь совершались ритуалы ёгарса, — задумалась малышка Рэй.

— Ё-что? — переспросил Зелорис.

— Ёгарса — ритуалы, в которых нет танцев, — объяснила Электра.

— А разве не во всех танцы содержатся? — удивился Вэй.

— Во многих. На сотню ритуалов с танцами всего один без них. Несмотря на то, что я Верховная Жрица, мне доводилось проводить лишь три нетанцевальных ритуала.

— Как ты определила это? — заинтересовалась Гордислава.

— Так в центре же вот, — собирательница историй указала на каменный столик. — Он бы только мешал танцам. Есть, конечно, ритуальные танцы с чашами и столами, но они не такие... К тому же рисунки на полу собираются в спираль, которая словно стекается к столику, что говорит о том, что именно он занимал центральное место в ритуалах.

— Интересно, что это за жидкость, — Вэй Арэн потянулся к хрустальному сосуду.

— Не трогай, — скомандовал Кэрэндрейк. — Пока мы не узнаем, что это, во всяком случае. Возможно, эта жижа вызвала галлюцинации у здешних жрецов, заставив их убивать друг друга. Не ручаюсь, что оставлю тебя в живых, если направишь на нас свои стрелы.

— Продолжай размышлять, — сказал первый из Карателей Верховной Жрице. — Не бойся высказывать самые смелые догадки. Кроме тебя никто не сможет выявить природу этого места.

— Как жаль, что в Башнях Севера ничего об этом не известно, — вздохнула Гордислава.

— Это только мое предположение, — задумчиво произнесла малышка Рэй. — Но возможно, жрецы и жрицы стояли вокруг этого столика, образуя плотное кольцо. Кто-то один должен был совершать какие-то действия с этим сосудом. И, возможно, в ритуале должен был использоваться нож.

— Нож? — удивился Кэрэндрейк. — Нигде нет специальных стоек или выемок для него. Разве для ритуалов с использованием ножей, не должны предусматриваться такие вещи?

— Да, — подтвердила Рэйна. — Я не уверена, что нож использовался, но ты сам сказал, что я могу высказывать все, что думаю. Поэтому, мне кажется, что нож все же присутствовал.

— Что заставило тебя так думать? — спросил Зелорис.

— Я пытаюсь представить, как мог проходить ритуал, — ответила жрица. — И мне представляется нож.

— Для чего? — поинтересовалась Гордислава. — Это ведь не жертвоприношения?

— Жертвоприношения противоречат воле Трех Лун! — возмутилась Аквария Электра. — Ты же историк, изучающий Трилун, как ты могла спросить такое?

— Тогда для чего нож? — решил уточнить Вэй.

— Его могли омыwać в жидкости из этого сосуда. Я думаю, что весь ритуал сводился к

омовению ножа.

— То есть, малышка Рэй, ты хочешь сказать, что весь этот зал предназначен для того, чтобы жрецы могли искупать ножик? — усмехнулся лучник.

— Какое это могло иметь для них значение? — Коготь, напротив, был крайне серьезен.

— Не представляю, — честно ответила Верховная Жрица, склонившись над столиком.

— И все-таки какая-то эта жидкость подозрительная, — сказал лучник.

— Как и весь храм, — добавила северянка.

— Ой! — воскликнула собирательница историй, случайно задев левой рукой сосуд.

Сосуд пошатнулся и упал, со звоном рассыпавшись на множество осколков. Черная вязкая жижа медленно растеклась по каменному полу. Резкий запах гнили заполнил зал, отчего у пятерых путников заслезились глаза. Из-под земли раздался гулкий грохот, и стены Храма Погибшей Луны судорожно затряслись.

— И-извините... — чуть слышно прошептала Аквария Электра.

— Чего-то подобного я ожидал, — тяжело вздохнул Кэрэндрейк.

— Кэрри, только не говори, что ты запрещал мне трогать этот сосуд, поскольку боялся, что с храмом произойдет нечто подобное, — попросил Вэй.

— Я ожидал, что неприятности не обойдут нас стороной, — выразился точнее первый из Карателей.

— Уходим, — сказал Зелорис.

— Шедевр архитектуры... — пролепетала Гордислава. — Памятник истории и культуры...

Храм Погибшей Луны начал разрушаться. Путники в спешке направились к выходу. Зелорису пришлось за руку вести Гордиславу, которая была слишком шокирована начавшимся разрушением храма, чтобы передвигаться самостоятельно.

По сотрясающемуся полу было тяжело ступать, отчего спешившие покинуть храм то и дело спотыкались. Рушились стены, осыпался потолок. Ковер из человеческих костей словно пустился в пляс: в такт колебаниям храма подпрыгивали кости. Падающие с потолка камни то застревали в вездесущей паутине, то с грохотом опускались на каменный пол, превращая черепа в пыль.

Разбуженная внезапно начавшимся грохотом змея выползла из черепа молодой жрицы, служившего ей домом последние несколько лет. Ее сестры-змеи в панике расползались в разные стороны, и она последовала их примеру. Увернувшись от ноги мечника, чуть было не наступившего на нее, змея поползла вдоль стены. Именно здесь ей пришлось принять свою смерть, поскольку стена обрушилась на нее.

Священные Звезды Акварии Электры и Кэрэндрейка стали источать пульсирующий свет. Рэйна обернулась, чтобы посмотреть на зал, с которого начались разрушения.

— Не стой, уходить надо! — закричал на нее Кэрэндрейк, но сам замер как вкопанный, глядя на осколки сосуда.

Черная жижа тряслась в своем собственном ритме, отличавшемся от тряски Храма Погибшей Луны. От нее отделялись крупные капли и взлетали в воздух, где они соединялись друг с другом, образуя большой черный шар. Когда еще трое путников в изумлении присоединились к наблюдению за происходящим, вся жижа была уже в воздухе, причем казалось, будто бы ее стало в разы больше, чем было в сосуде до того, как собирательница историй разбила его. Более того, шар стал постепенно раздуваться и терять форму.

— Черт возьми! — воскликнул первый из Карателей. — Некогда созерцать эту

чертовщину. Лучше выбраться живыми, нежели быть заживо погребенными из-за желания полюбоваться.

— В этом ты прав, Кэрри, — поддержал Вэй Арэн.

Пятеро путников вновь продолжили движение к выходу. Впереди всех бежал Зелорис, ведя за собой Гордиславу, которую все еще держал за руку. За ними торопился лучник, а замыкали торопящуюся оказаться снаружи процессию Кэрэндрейк и Рэйна, которые то и дело оглядывались назад.

Черная жижа вновь начала обретать форму, однако на сей раз это был вовсе не шар. Первой начала проглядываться голова, вслед за которой можно было рассмотреть очертания рук и ног. Ослепительно яркие лучи начали исходить от черной фигуры, бегая по рушащимся стенам Храма Погибшей Луны.

Потолок стал осыпаться с еще большей интенсивностью. Один камень упал между Зелорисом и Гордиславой, отчего северянка чуть было не споткнулась. Вэю с трудом удалось увернуться от падающего сверху булыжника. Даже Кэрэндрейку, сильнейшему из Братства Карателей Сокрытого Ордена, не просто было уворачиваться от сыпавшихся сверху камней и одновременно следить за тем, чтобы ни один из них, ни в коем случае, не упал на Акварию Электру. Сама же Электра, полностью вверив себя Дрейку, не прикладывала особых усилий для того, чтобы избежать встречи с падающим осколком потолка. Девушка крепко сжимала Священную Звезду, которая изменила свой цвет на изумрудно-зелёный и охватила им Верховную Жрицу.

Алирэй Нактур Аквария Электра потеряла сознание.

Из следующей главы вы узнаете о том, как человечеству были дарованы Священные Звезды, и о том, как освободился Дух Разрушения.

===== Часть 9. “Безмолвие”. Глава 77 =====

О том, как человечеству были дарованы Священные Звезды, и о том, как освободился Дух Разрушения

Когда-то давно мир освещали три луны. Две луны располагались так, что в одно время можно было видеть лишь одну из них. В нескончаемом хороводе сменяли они друг друга на небосклоне. Третья же луна ни ночью, ни днем не скрывалась от людских глаз и покидала небосвод лишь в новолуние.

В те времена еще не было у людей государств, жили они первобытными общинами.

Время шло, и на Востоке, где люди поклонялись завораживающим и таинственным лунным дискам, появилось первое государство. Согласно легендам, основали его пять сестер-жриц, своим танцем привлечшие внимание Духа Трех Лун, который сорвал с неба и даровал им Священную Пятидесяतिकонечную Звезду. Ставшая реликвией, Алирэнорэй Искарэ передавалась в правящей семье из поколения в поколение как символ власти над Трилунской Империей и доказательство статуса Верховной Жрицы.

В то время как начали зарождаться первые города-государства, нашелся один человек, возмнивший, что как правители правят населением, можно править всем миром, если вместо «населения» управлять другими государствами. Клочок территории — всего лишь ресурс, который жаждут захватить другие. Чем защищать его, не лучше ли управлять жаждущими его заполучения и довольствоваться плодами их попыток утолить свою жадность? Зачем нужна земля, которую нужно возделывать, если произведенный на ней урожай можно получить, обладая властью? Так думал тот человек. Собрав сподвижников, он основал Сокрытый Орден. Убежищем для созданной им тайной организации он выбрал

удаленный Архипелаг Триада, прибыв на который, встретил Прародителя всего рода человеческого. И даровал Прародитель ему Священную Сорокаконечную Звезду.

Население людское разрасталось, и те, кто жаждал знаний стали искать уединения для проведения своих исследований. В поисках безлюдного места забрел один человек на заснеженные северные земли. Когда в результате переохлаждения почувствовал он приближение скорой смерти, в видении явилась к нему Сущность Мироздания. Сущность Мироздания спасла ему жизнь и даровала Священную Звезду с тридцатью лучами. Этот человек стал первым ученым, уединившимся от людских глаз, ушей и языков на Севере.

Хотя первые подобия государств на Западе появились почти одновременно с Трилунской Империей, государствами их назвать еще было нельзя. Лишь когда явно очертил границы своего правления один из местных вождей, когда он провозгласил себя королем, а подконтрольную территорию — королевством Альда, лишь тогда на Западе появилось первое государство. Жители Альды до сих пор верят, что в тот день к первому из их королей явился Бог и подарил Священную Двадцатиконечную Звезду.

В то время как Восток и Запад развивались и эволюционировали, южные племена сохраняли обычаи предков, как только могли. Пораженный их преданностью к проверенному временем, явился к вождю старейшего их южных племен Тыр-Гхак, то есть «Таинственное Нечто». Таинственное нечто даровало вождю Священную Звезду с десятью лучами.

Что правда здесь, а что вымысел? Если все эти истории, всего лишь сказка, созданная дабы быть рассказанной детишкам перед сном, то как быть со Священными Звездами, которые на протяжении тысячелетий передаются следующим поколениям? До сих пор не удалось определить, из чего они сделаны, словно этот материал принадлежал другому миру.

Поэтому стоит вспомнить еще одну легенду, столь же древнюю, как и пять предыдущих, но почему-то незаслуженно забытую нынешним поколением.

Мир не возник сам по себе. Согласно этой легенде он был создан существом, известным как Создатель. Создатель по образу и подобию своему сотворил всех населяющих мир существ, а условия, в которых они обитали, — по замыслам своим. Но это не значит, что все они выглядели, как он. Напротив, лишь люди могли похвастаться внешней схожестью с ним. То, что Создатель создал все по своему образу и подобию, означает, что он сделал их живыми, как и он сам.

Создатель был живым, а все живое смертно.

Осознавая, что когда-нибудь он умрет, Создатель выделил из себя три начала: Времени, Созидания и Разрушения. Создатель понимал, что без его контроля любое из трех начал уничтожит его труд: мир, который он создал. Если выйдет из-под контроля начало Времени, то в хаос погрузится жизнь: смена дня и ночи, времена года, взросление и старение, само течение жизни было подвластно ему. Неконтролируемое Созидание может привести к непоправимым последствиям. Могут появиться опаснейшие существа, которых Создатель не пожелал бы видеть в своем мире. Новые вирусы и бактерии, новые виды растений и животных, которые могут вытеснить все предыдущие, новое оружие, появившееся раньше положенного ему срока. Но, пожалуй, самые необратимые последствия, могло бы принести начало Разрушения. Все живое когда-нибудь умрет, все созданное когда-нибудь будет уничтожено. Но Разрушению не нужно «когда-нибудь», все, что ему нужно — это «сейчас». Начало Разрушения, выйдя из-под контроля, поспешит разрушить все, что только попадется ему на пути. Чтобы не допустить такой ситуации, все три начала Создатель заточил в особые

сосуды, отправив на хранение небесам. И стали эти три сосуда тремя лунами.

Предчувствуя скорое наступление смерти, Создатель явился к тем, кто был более похож на него. Дух Трех Лун, Прародитель, Сущность Мироздания, Бог и Таинственное Нечто, — как только не называли Создателя его творения, люди, которым он даровал Пять Священных Звезд. Эти Звезды были доказательством благосклонности к своим творениям Создателя, позволившего им самим вершить свою судьбу. Эти Звезды являлись ключом к спасению на случай, если после гибели Создателя одно из трех начал выйдет из-под контроля.

Так и случилось. Стоило Создателю, как и всему живому, принять смерть, как разбушевалось начало Разрушения. Неудержимая жажда уничтожать расколола сосуд, сдерживающий третье из начал. Так погибла Третья Луна, и так родился Дух Разрушения.

Дух Разрушения не успел обрести полную силу, но уже начать уничтожать. Владельцы Пяти Священных Звезд собрались вместе и с помощью даров Создателя смогли заковать Дух Разрушения. Однако это было лишь временным решением. Заточенный в хрустальном сосуде Дух мог выбраться из него в любой миг. Чтобы сдерживать опасного Духа, на том месте воздвигли храм, Храм Погибшей Луны. День и ночь жрецы и жрицы должны были проводить ритуалы, не позволявшие Духу Разрушения выбраться на свободу. Серебряным кинжалом протыкали они черную жижу, чтобы лишить ее сил.

Заклученный в хрустальный сосуд Дух Разрушения обрел облик черной жижи. Ненависть, испытываемая им к заточившим его, и желание уничтожить все, что только существует в этом мире, позволило ему разрушить сковывающую его печать. Первыми пали от его мести обитатели Храма Погибшей Луны, которых освободившийся Дух заставил убивать друг друга. Затем обратил Дух Разрушения свой гнев на Трилунскую Империю, которой правила Владычица Пятидесятиконечной Звезды. Пронесся он над всем Трилуном, уничтожая все на своем пути, но неведомая сила, которой Создатель еще при жизни наделил Священные Звезды, смогла остановить разбушевавшегося Духа. Благодаря случайному совпадению, благодаря тому, что Верховная Жрица Трилунской Империи находилась в тот миг в воде вместе со Священной Звездой, Дух почувствовал слабость и вынужден был отступить. Если бы Алирэй Нактур Аквария Электра не вынырнула в тот миг из воды, а приняла бы в ней свою смерть, Дух Разрушения бы ослаб настолько, что не смог бы появляться еще тысячи лет. Но поскольку восьмилетняя Жрица пробыла в воде чуть более десяти секунд, Духу Разрушения требовалось чуть более десяти лет для восстановления. Местом, где ему предстояло собрать свои силы, Дух Разрушения избрал тот самый сосуд, в котором он был заточен долгое время. Но если раньше он не мог покидать его, то теперь это было сделать несложно.

Дух Разрушения принялся выжидать момента, когда мощь вернется к нему. Он уже избрал порядок уничтожения. С Трилунской Империи начался обратный отсчет: пять, четыре, три, два, один. Чем больше десятков лучей у покровительствующей Звезды, тем раньше Дух Разрушения примется за уничтожение.

Чтобы этого не случилось, Дух Разрушения необходимо остановить.

Подобно древним героям, объединившим силу всех Священных Звезд, можно было заточить Духа Разрушения на долгое время, а может, и вовсе, уничтожить его. Но Создатель предусмотрел и еще один способ. Каждая из Пяти Священных Звезд могла самостоятельно лишить Духа сил, как это уже сделала Пятидесятиконечная Звезда в ночь Трилунской Катастрофы. Однако, каждая из Звезд могла сделать это лишь единожды, а платой служила жизнь ее владельца. Алирэй Нактур Аквария Электра сама того не ведая, израсходовала эту

возможность Алирэнорэй Искарэ. Она осталась жива лишь по той причине, что в качестве платы отдала малую часть жизненных сил, отчего Дух Разрушений был ослаблен также на самую малость.

И вот, спустя почти двенадцать лет после гибели Трилунской Империи, когда Аквария Электра была того же возраста, что и был Кэрэндрейк во время их встречи в Монфриде, Дух Разрушения снова оказался на свободе.

Он и так собирался выйти в ближайшие несколько месяцев, но когда перед ним оказалась ослабившая его Верховная Жрица уничтоженной им Империи, Дух Разрушения не мог больше ждать. Он позволил Верховной Жрице подойти ближе и заставил сосуд пошатнуться, чтобы владелица Звезды решила, будто сама виновата в возрождении Духа.

Как только Дух Разрушения оказался снаружи, Храм Погибшей Луны начал разрушаться под действием жажды уничтожения, исходившей из него. Разрушив Храм Погибшей Луны, Дух Разрушения обратит свой взор на Сокрытый Орден, затем на Башни Севера, после которых примется за Королевства Запада, вслед за ними уничтожит южные племена, а потом и все, что останется. Но прежде всего, необходимо было расправиться с пятерыми людишками, потревожившими его покой и восстановление. Сейчас, только проснувшись от двенадцатилетнего сна, Дух Разрушения был уязвим, особенно для владельцев Священных Звезд. Дабы снова не попасть в заточение, ему предстояло уничтожить незваных гостей прежде, чем они поймут, что обладают ничтожными шансами на выживание.

Из следующей главы вы узнаете о том, как принялись оживать сотни мертвецов, и о том, как первый из Карателей решился на отчаянный шаг.

===== Часть 9. “Безмолвие”. Глава 78 =====

О том, как принялись оживать сотни мертвецов, и о том, как первый из Карателей решился на отчаянный шаг

Осыпавшаяся стена преградила путь к выходу. В то же время Дух Разрушения окончательно приобрел человекоподобную форму. Как только это случилось, Храм Погибшей Луны перестал разрушаться, а лежавшая на руках у Кэрэндрейка Рэйна пришла в себя.

— Ты как? — спросил он у нее.

— Нормально, — ответила Электра. — Вроде бы... А что случилось?

— Этот негодяй Кэрри проглядел, — объяснил Вэй Арэн, — и ты свалилась без чувств.

— Извините, — виновато прошептала Верховная Жрица.

— За что? — спросил Кэрэндрейк.

— Нет времени, — вмешался Зелорис.

— Храм хотя и перестал рушиться, — добавила Гордислава, — но та черная жижа, превратившаяся непонятно во что, меня пугает.

— Дух Разрушения! — воскликнула Аквария Электра.

— Что? — не поняла Гордислава.

— У меня сон... Нет, откровение Звезды, — ответила малышка Рэй.

Но только она собралась рассказать друзьям о том, что видела во время потери сознания, как Дух Разрушения взмахнул рукой, и кости, усыпавшие пол Храма Погибшей Луны, зашевелились и взмыли в воздух. Спустя считанные секунды останки жриц и жрецов обратились в армию скелетов.

— Что за чертовщина... — процедил сквозь зубы Кэрэндрейк.

Несмотря на то, что все мышцы и суставы у мертвецов давным-давно разложились и

исчезли, три сотни скелетов не просто стояли, они шевелились и готовы были напасть на пятерых путников в любую секунду. Дух Разрушения взмахнул рукой еще раз, и войско скелетов пошло в атаку.

Ни меч Зелориса, ни кинжалы Кэрэндрейка, ни стрелы Вэя не могли причинить ожившим мертвецам существенного вреда. Стрелы Вэя только застревали между костей, никак не влияя на способности скелетов передвигаться. Если взмах тяжелого двуручного меча рассекал скелет пополам, тот через считанные секунды вновь возвращался в прежнюю форму. Кинжалы первого из Карателей, пущенные со всей мощью, на которую он был способен, могли лишь выбить пару костей, которые тут же возвращались обратно. На помощь другу пришел Зелорис, отдавший Когтю один из своих палашей. Неожиданно Кэрри заметил одну весьма полезную вещь.

— Меняем план действий, — скомандовал Дрейк. — Ловелас, на тебе Горди и Электра...

— Горди?! — никакой страх не помешал северянке быть крайне возмущенной. Она думала, что уж Кэрэндрейк, которого раздражает, когда Вэй Арэн зовет его «Кэрри», понимает ее. Ан нет, он не просто не понимает, он сам посмел коверкать ее имя.

— Ищи безопасное место, — продолжил отдавать приказы Коготь. — Зел, целься им только в голову. Если мы сможем раскрошить их черепашки в пыль, то и от них отделаемся.

Сражаться против мертвецов было не просто. Если бы они были живыми, первый из Карателей без труда бы проткнул кинжалом грудь врага и вырвал бы оттуда сердце. Но у этих врагов не было сердец. Даже будучи ребенком Кэрэндрейк не раз скручивал рослым воинам шеи, но сейчас приходилось успевать срубить головы врагам и разламывать черепа до того, как они восстановятся.

Вскоре Вэю, которого старательно прикрывали от атак оживших скелетов Зелорис и Кэрэндрейк, удалось отвести Гордиславу и Рэйну в относительно безопасное место. Почему «относительно»? Потому, что хотя в этом месте и не было оживших мертвецов, само оно представляло собой тупик. Как только Кэрри и Зел вслед за друзьями вошли внутрь этой небольшой кладовой, Вэй Арэн закрыл большую каменную дверь, после чего трое мужчин забаррикадировали вход при помощи найденных там же огромных мешков.

— Может быть, нам все это снится? — предположила Рэйна.

— Наивная трилунская девочка, — вздохнул Кэрэндрейк, усаживаясь на пол. Если бы его врагами были живые люди, он бы не был таким уставшим. Будь они живыми, он бы без труда одолел даже три десятка врагов за то же время, что сейчас одолевал лишь четверых.

— Малышка Рэй, — обратился к ней Вэй. — Ты говорила, будто бы у тебя было какое-то видение.

— Да... — ответила Аквария Электра. — Было. Я знаю, кто та черная штука.

— Пф, — усмехнулся Зелорис. — «Черная штука»...

— Не «черная штука», — проворчал Кэрэндрейк, — а тупая, жидкая, противная тварь.

— Расскажи, что ты видела, — попросила Гордислава. — А на Зелориса и Кэрри, — северянка специально назвала первого из Карателей этим именем, в отместку за то, что он посмел назвать ее «Горди», — внимания не обращай. Они устали и все на нервах.

Кэрэндрейк попытался огрызнуться, но поскольку Верховная Жрица Трилуна начала пересказывать посетившее ее видение, остановился на полуслове и принялся слушать. Рэйна рассказала друзьям о Создателе, о началах Времени, Созидания и Разрушения, заточенных им в трех Лунах, о том, что именно он подарил людям Священные Звезды. Она поведала о

том, как погибла Третья Луна, освободив Дух Разрушения, о том, что он был заключен в Храме Погибшей Луны, и как, вырвавшись на свободу, уничтожил Трилунскую Империю. Алирэй Нактур Аквария Электра рассказала и о том, что все Пять Звезд, собранные вместе смогут остановить Дух Разрушения, но умолчала о том, что любая из них сможет ослабить его, в качестве платы забрав жизнь владельца.

— Значит, три Луны — это Время, Созидание и Разрушение... — проговорила Гордислава, выслушав рассказ собирательницы историй. — Стало быть, когда тебя называют Воплощением Трех Лун, имеют в виду, что ты Воплощение Времени, Созидания и Разрушения?

— Отказываюсь верить в то, что наша малышка Рэй — воплощение той черной жижи, — заявил Вэй Арэн.

— Она — Воплощение Наивности, Восторженности и Впечатлительности, — добавил Кэрри.

— У, — подтвердил Зелорис.

— И все же, складывается у меня впечатление, что кое-кто что-то не договаривает, — Кэрэндрейк пристально посмотрел на Рэйну.

— Ты о чем, Дрейк? — собирательница историй изобразила непонимающий вид.

— Как-то замято прозвучало о том, что остановило Духа Разрушения в ночь Трилунской Катастрофы.

— Я рассказала все, что видела! — возмутилась Аквария Электра. — Моя вина что ли, что это видение таким было?

— Не ври мне, — твердо произнес первый из Карателей. — Ты знаешь, что будет, если эта тварь примется за дальнейшие действия? Сейчас мы никак не сможем ей помешать: остальные три Звезды далеко, и вряд ли мы успеем заручиться поддержкой их владельцев до того момента, как Дух Разрушения уничтожит тут все. Что-то остановило его в ночь Трилунской Катастрофы, и ты знаешь, что.

— Не знаю, — собирательница историй отвела взгляд в сторону.

— Сокрытый Орден, — сказал Кэрэндрейк. — Он ведь следующий в списке к уничтожению, согласно твоему видению? Мне, разумеется, совсем не жалко этих болванов, но ведь Орден распространил свое влияние по всему Материку. Хорошо, если Дух Разрушения уничтожит только Архипелаг Триада, но что, если он примется разрушать все, где есть люди Ордена, где есть власть Ордена? Тогда Дух Разрушения уничтожит все, ведь свое влияние Сокрытый Орден распространил всюду: от города твоего дяди, до Западных Королевств, от Северных Башен, до южных племен. Если не остановить эту черную жижу сейчас, потом, когда весь мир обратится в руины, подобно Трилуну, будет уже слишком поздно.

— Это больше не получится сделать, — чуть слышно прошептала Рэйна.

— Что? — удивился Вэй. Он думал, что малышка Рэй действительно ничего не знает, и хотел даже остановить Кэрэндрейка, чтобы тот напрасно не давил на нее.

— Одна Звезда может остановить лишь единожды, — по тишине произносимого собирательница историй могла посоревноваться с Зелорисом.

— То есть, твоя это уже делала? — догадался Кэрэндрейк.

— Да...

— Так ведь есть еще и моя, — усмехнулся Коготь. — Не зря же я ее на память из Сокрытого Ордена забрал.

— Цена, — прошептала Аквария Электра.
— Ты о чем? — поинтересовалась Гордислава.
— Цена слишком высока! — воскликнула Верховная Жрица Трилуна.
— Насколько? — тон первого из Карателей был серьезным.
— Жизнь владельца... — на глазах собирательницы историй выступили слезы.
— И все? — спросил Кэрэн с ехидной ухмылкой. — Все когда-либо умирают. Что с того?

— Но ведь...

— Малышка Рэй, — перебил ее лучник. — Если ты говоришь, что цена — это жизни владельца Звезды, то как же ты ее использовала?

— Случайно, — ответила Рэйна. — Я смогла ослабить его лишь не намного, поэтому Звезда забрала лишь малую часть моих сил.

— А ты еще и переживаешь, — с мягкой улыбкой произнес Кэрэндрейк. — Выходит, умирать-то и вовсе не обязательно. Ну, как это делается?

— Не знаю, — виновато произнесла собирательница историй.

— В таком случае, проверим на месте, — первый из Карателей посмотрел на Верховную Жрицу Трилунской Империи с нежной улыбкой, после чего, достав из-за пояса небольшой мешочек, высыпал его содержимое в ладонь и дунул. Небольшое облачко снотворного порошка полетело в лицо собирательницы историй. Рэйна даже не успела ничего сказать: в тот же миг она крепко заснула.

Из следующей главы вы узнаете о том, как первый из Карателей сокрушался из-за своей забывчивости.

===== Часть 9. “Безмолвие”. Глава 79 =====

О том, как безумца сковал толстый слой льда, и о том, как его жертва сковала Дух Разрушения

— Черт! — ругнулся Кэрэндрейк и ударил себя по лбу. — Я идиот... Спящую целовать слишком подло. Надо было сначала, а потом усыплять... Что ж, Электра, похоже, нашей с тобой истории любви придется обойтись даже без поцелуев!

— Кэрри, ты чего это? — испугался Вэй Арэн.

— Ловелас, ты действительно думаешь, что легко будет собрать владельцев всех Звезд на битву с неизвестно чем?

— Ты ведь не хочешь сказать?.. — Гордислава даже не стала договаривать вопрос: по глазам первого из Карателей она поняла, что он хочет сказать именно это.

— Не смей, — твердо сказал Зелорис.

— Я постараюсь выиграть столько времени, сколько это возможно, — сказал первый из Карателей. — Если Электра смогла выиграть двенадцать лет, заплатив лишь крохотной частью жизненных сил, то только представьте, насколько он ослабнет, если я поставлю на кон все?

— Кэрри...

— Меня, можно сказать, даже азарт распирает, — поспешил сообщить Кэрэндрейк.

— Ты весь дрожишь, — заметила Гордислава, которая, между прочим, дрожала сама.

— От нетерпения, — ответил Коготь. — Я в свое время столько убил, пора бы уже и спасти кого-нибудь. К тому же, мне всегда хотелось узнать, что чувствует человек, когда от него уходит жизнь.

— Не надо, — прошептал Зелорис.

— О чем жалею, так это о том, что не выпался хорошенько, — непринужденно зевнул Дрейк. — Кто говорил, что я успею еще выспаться?

— Давай, может, я вместо тебя? — предложил Вэй, чувствовавший себя в неоплатном долгу перед Кэрэндрейком за спасение отца и многое другое.

— Как ты собираешься это делать, если хозяин у Звезды я? Не глупи.

— Точно, — нервная улыбка появилась на лице северянки. — Ляг, поспи. Не надо делать опрометчивых поступков, выспись, обдумай все хорошенько, и откажись от безрассудных мыслей.

— Ну, я пошел, — улыбнулся Кэрэндрейк, поднимаясь с пола. — Сейчас по-быстрому попробую мир спасти и буду довольствоваться вечным сном. Красота! А вы смотрите, чтобы Электру никто не обижал, а то как воскресну, подобно этим чудикам-скелетам, будете знать.

— Кэрри!..

— Нет, ловелас, это вообще безобразие какое-то. Заладил все «Кэрри», да «Кэрри»... Хотя бы раз нормально назвал, в конце концов.

— Не пуцу, — Зелорис преградил Кэрэндрейку путь к выходу.

— Ты забываешься, Зел, — Кэрэн посмотрел на него не как друг, а как сильнейший из Карателей. — Мне потребуется не более двух минут для того, чтобы ты никогда не смог двигаться. Тебе же еще предстоит защищать Электру и Гордиславу. Ловеласу одному туго придется.

— Поэтому ты должен остаться, — Зелорис не хотел уступать.

— Передай Капе, что она умная лошадь, — шепнул на ухо другу Коготь, после чего похлопал его по плечу, отодвинул в сторону, раздвинул баррикаду, вышел за дверь и направился к Духу Разрушения, уклоняясь от пытающихся атаковать его скелетов.

Идти, уворачиваясь от атак скелетов, было несколько легче, чем идти, атакуя их, поэтому у Кэрри ушло не так много времени на то, чтобы добраться до зала, с которого все началось. Зелорис и Вэй Арэн не раздумывая бросились вслед за товарищем, но у них не получалось с той же скоростью пробиваться через оживших мертвецов.

— Вот интересно, посвятят ли мне песню? — задумался Кэрэндрейк, входя в зал, где его ждал Дух Разрушения. — Например, такую: «Жил-был когда-то безумец один, водицы боялся, спать он любил, направо, налево людей убивал, но умер героем, достойным похвал». Эх, не был бы я Карателем, мог бы сделать карьеру отличного барда, ты так не думаешь?

— Ты мог бы сделать карьеру шута, — ответил Дух Разрушения. Его гулкий голос раздавался отовсюду, его черная фигура в несколько раз превышала человеческий рост.

— Ты еще и говорить умеешь, — усмехнулся Кэрри. — В таком случае, не соизволишь ли подсказать, как мне тебя одолеть?

— Глупый мальчишка, — пророкотал Дух. — То, что ты хочешь сделать — лишь временное решение, тебе меня не победить. Почему бы не оставить тщетные попытки и не принять свою судьбу?

— Быть может, это и есть моя судьба, — нагло произнес первый из Карателей. — Временное решение? Плевать. Если Электра сможет спокойно прожить свою жизнь. Если дети моих друзей, я надеюсь, они у них появятся, а также их внуки, смогут жить, не опасаясь конца света. А об остальном позаботятся их правнуки. Ну-с, Звездочка, подскажи, как мне одолеть этого противного лунатика?

Сорокаконецкая Звезда, висевшая у Кэрэндрейка на шее, но не под одеждой, как обычно, а сверху, замерцала багровым светом.

— Ну, все понятно, — улыбнулся Коготь.

Рэйна проснулась на коленях у заплаканной Гордиславы. Ей не надо было ничего спрашивать: собирательница историй и так поняла, что случилось. Она вскочила на ноги и бросилась в сторону зала, где пару часов назад разбила хрустальный сосуд. Священная Пятидесятиконечная Звезда была окрашена в кровавый цвет и источала слабое мерцание. Путь был расчищен лишь частично. Заметивший бежавшую Жрицу Зелорис во время отбил атаку скелета, нападавшего на нее. Только он замахнулся, чтобы сразить еще одного ожившего мертвеца, как все скелеты вмиг рассыпались в груды костей.

Все Пять Священных Звезд, где бы они ни находились, пульсировали багряным светом. Аквария Электра, Зелорис, Вэй Арэн и Гордислава вбежали в зал, где первый из Карателей вел бой с Духом Разрушения.

Безумец. Взгляд Кэрэндрейка был взглядом именно безумца, отбросившего все свои страхи, охваченного азартом смертельной битвы, наслаждающегося сражением с непреодолимым противником. Все, что ему было нужно — это приблизиться к Духу Разрушения, всего лишь коснуться его. Впервые Коготь встретил такого противника, к которому он не мог даже подойти.

Черные шипы, выраставшие из-под земли, невидимый барьер, отбрасывавший при приближении, хоровод сверкающих сфер, готовых взорваться от малейшего прикосновения, — это была лишь малая часть того, что Дух Разрушения использовал против первого из Карателей. Ему бы не составило труда одолеть этого человека, если бы он успел полностью восстановиться. Если бы Дух не торопился и покинул сосуд часом позже, Кэрэндрейк был бы мертв, стоило бы Духу только подумать об этом. Но сейчас Коготь крутился вокруг черной фигуры Духа Разрушения подобно назойливой мошкаре, которая, хотя и не может приблизиться, никак не дает себя уничтожить.

Однако с каждой минутой сражения говорить о том, что Кэрри не способен приблизиться к своему сопернику, становилось все сложнее и сложнее. Наблюдай, анализируй, перенимай, — три правила, которым обучила Ведьма Де Мона своего воспитанника, были как никогда кстати. Разумеется, Кэрэндрейк не мог перенять умения выращивать из земли большие шипы или двигать предметы силой мысли, но он мог наблюдать за тем, как это происходит, анализировать, что нужно, чтобы избежать атаки и подобраться ближе, и овладевать способом уклонения и приближения. Да, за двадцать минут, что прошли с тех пор, как Кэрэндрейк вошел в этот зал, он не смог приблизиться к Духу Разрушения, но и Дух Разрушения не смог и задеть сильнейшего из Карателей.

Зелорис, Гордислава, Вэй Арэн и Рэйна как замороженные следили за ходом сражения. Каждый из них хотел бы помочь, но, в то же время, осознавал, что этим будет только мешать.

Стены Храма Погибшей Луны вновь задрожали, но эта дрожь прекратилась, поскольку уже в следующий миг носивший титул Когтя Кэрэндрейк разрубил палашом атаковавший его шип и голой рукой проткнул черную фигуру Духа Разрушения.

Тишина. Такая, какую не услышать даже в гробу, поскольку помимо спящего мертвеца там бодрствуют могильные черви. Время словно прекратило свой ход. Мгновение безмолвия казалось вечностью.

Повторный толчок из-под земли. Гулкий рокот, прокатившийся не только по Храму Погибшей Луны, но и по всему острову. Столб кроваво-красного света пробил наполовину обвалившийся потолок над Карателем и Духом Разрушения и устремился высоко в небо.

Дух Разрушения стал уменьшаться в размерах. Накопленные силы покидали его. Рывком он отскочил от Кэрэндрейка, оставив в его кулаке частичку себя.

— Боюсь, без этого тебе придется не просто, — ухмыльнулся Кэрри, сжимая в руке нечто, отдаленно похожее на сердце. То было основное сосредоточие сил Духа Разрушения.

Священные Звезды, словно обезумев, ускорили свою бешеную пульсацию.

Тело Кэрэндрейка медленно стал сковывать лед.

— Ну не крут ли я? — с трудом шевеля заледеневшими губами произнес могущественнейший из когда-либо носивших титул Карателя. — Зел, остальное за тоб...

Ледяная тюрьма была платой за то, чтобы ослабить Духа Разрушения. Толстый слой льда стал гробом для Когтя, гробом, в котором вечный сон Кэрэндрейка не могло потревожить уже ничто.

— Ты ведь не умер... — прошептала Рэйна. — Тебя ведь просто заморозило, верно? Ты не мог умереть... Ты обещал защищать меня, слышишь? Дурак! Дурень! Болван! Живс проснись и разбей эту штуку! Ты даже не дал мне сказать, что я тебя люблю!

Слезы не переставая текли по щекам Верховной Жрицы Империи Трех Лун. Она колотила своими кулачками ледяной гроб, в котором был заточен ее возлюбленный, но толстый слой льда не смел отпускать того, кто добровольно принес себя в жертву.

— Проклинаю... — произнес отползающий в угол Дух Разрушения. — Остатками своих сил проклинаю... Но не тебя. Ты уже отдал себя, чтобы сковать мои силы. Я проклинаю ту, чью жизнь ты более всего желаешь сохранить...

Черная вспышка заставила собирательницу историй в третий раз за день упасть без чувств. Священные Звезды вернулись в состояние покоя.

Из следующей главы вы узнаете о том, как Герой сражался со Злом, уничтожившим Империю Трех Лун, и о том, как вновь ожили мертвые.

===== Часть 9. “Безмолвие”. Глава 80 =====

О том, как Герой сражался со Злом, уничтожившим Империю Трех Лун, и о том, как вновь ожили мертвые

— Что ты сделал с ней?! — взревел Зелорис, с мечом набрасываясь на то, что осталось от Духа Разрушения.

— Проклял, — шептал в ответ Дух. Он снова был черной жижей, которой нипочем были атаки меча.

Хотя большая часть сил Духа Разрушения была заточена вместе с сильнейшим из Карателей в ледяной тюрьме, жажда расправы над товарищами посмеявшегося ослабить его, заставляла злого Духа собрать остатки сил для решающей битвы. Если он победит, то ему понадобится всего лишь на сотню лет больше ждать повторного пробуждения. Если же проиграет — то на две. На фоне тысячи лет, примерно столько Духу Разрушения понадобится, чтобы восстановить силы, которых лишил его Кэрэн и которых ему придется ждать в любом случае, одна-две сотни лет ничего не значат. Уничтожить его можно было лишь с помощью Пяти Звезд, а одна из них была заточена во льду вместе с Кэрэндрейком. Ослабить? У него и так забрали достаточно сил, а значит, терять Духу Разрушения было нечего.

Рокочущая волна пронеслась по Храму Погибшей Луны, вновь оживляя армию скелетов. Вэй Арэн взял на руки малышку Рэй и, убедившись, что та все еще жива, понес ее и повел Гордиславу в безопасное место. Положив Верховную Жрицу Трилунской Империи рядом со стеной и попросив северянку присмотреть за ней, лучник повернулся к ним спиной. Он не

подпустит к ним ни одного мертвеца. И пусть своими стрелами Вэй Арэн Виндсвиш не сможет раскрошить им черепа, если он пригвоздит их к полу и стенам, это будет уже хорошо.

— Много скелетов и тридцать пять стрел, — вздохнул Вэй. — Надо было брать еще один колчан.

Дух Разрушения снова принялся обретать человеческую форму. Он не мог больше устроить представления из хоровода взрывающихся сфер, непреодолимых барьеров и вырастающих отовсюду шипов. Все, что он мог — это сразиться с мечником в схватке на оружии. Духу Разрушения нужно было успеть уничтожить четверых назойливых людишек, из-за которых ему придется снова ждать и копить силы, до того момента, как он окончательно ослабеет. Зелорису и Вэю было необходимо продержаться это время, и тогда победа будет за ними. Но сколько это будет продолжаться?

Рука Духа Разрушения приняла форму булавы. Зелорис успешно парировал атаку своего соперника. Взмах его меча рассек фигуру Духа Разрушения напополам, но та, состоящая из черной жижи, воссоединила разрубленные половинки, словно удара и не было. Битва продолжилась.

Один скелет атаковал мечника из-за спины, но пущенная в нужный момент стрела Вэя вонзилась в глазницу черепа, сбила его с места и пригвоздила к каменному полу.

— У, — поблагодарил Зелорис.

Дух Разрушения со свистом пронес булаву над головой мечника. Тот же, в свою очередь, отрубил противнику ноги. Но, как и в прошлый раз, черная жижa за считанные секунды восстановила человекоподобную форму. Атаки Зелориса не могли причинить вред Духу, уничтожившему Империю Трех Лун, но атаки самого Духа могли бы оказаться для Героя «Охоты» фатальными, благо для этого по мечнику надо было сначала попасть.

Скелет годовалого ребенка незаметно для лучника подкрался к Гордиславе и Рэйне. Громко завизжав, северянка со всей силы пнула его. В полете скелет рассыпался, а его череп сшиб череп с еще одного скелета, атаковавшего Зелориса в пятидесяти шагах от северянки.

Сражавшегося с Духом Разрушения мечника окружило кольцо скелетов. Теперь ему не только приходилось отбиваться от атак злобного Духа, но и расправляться с наступавшими мертвецами. Годы обучения у старого рыцаря и месяцы тренировок с сильнейшим из Карателей не прошли даром: двуручный меч со свистом рубил головы окружавшим врагам.

Время шло. Была ценна каждая секунда. Скелеты не прекращали атаковать, Зелорис не переставал размахивать мечом, Дух Разрушения вмиг заживлял все полученные раны.

— Стрелы кончились... — жалобно прошептал Вэй. — Миледи, простите мне мою дерзость, но не могли бы Вы слегка укоротить свою юбку?

— Вэй Арэн Виндсвиш, что ты себе позволяешь? — возмутилась Гордислава, но Вэй уже успел оторвать от подола ее юбки длинный лоскут ткани.

— Подавай мне эти камни, — улыбнулся ей Вэй.

Он положил небольшой камушек в середину лоскута, после чего сложил ткань напополам и взялся за ее концы. Вэй раскрутил ее над головой и отпустил один конец. Камень полетел прямоком в голову приближавшегося скелета.

— Надо же, — усмехнулся Вэй. — Я, оказывается, не только лучник, но еще и пращик. Горди, из твоей юбки вышла отличная праща! Камень, пожалуйста.

— Если бы нас не норовили убить эти ходячие мертвецы, — холодно ответила северянка, — то этот камень я кинула бы тебе не в руки, а в голову.

— Учту.

Сколько времени прошло с начала битвы? Сколько времени прошло с тех пор, когда пятеро путников вошли в Храм Погибшей Луны? Усталость. Каждый новый взмах давался мечнику все труднее, но он не имел права показать слабость.

Как бы поступил на его месте Кэрэндрейк? Когда они с Зелорисом только познакомились, Дрейк пропагандировал идеологию избегания битв. «Правила спасения бегством» — разве не забавно, что их внушал своим новым товарищам сильнейший Каратель? Избегать ненужных сражений, не вступать в битву, если можно обойтись без нее, оценить силу противника и сбежать, если шансы на победу малы. Почему же тот, кто постоянно повторял это в момент их встречи, сейчас закован во льду из-за того, что вступил в ненужное сражение с противником, которого ему было не одолеть? Он ведь сам говорил, что все рано или поздно умрут, так зачем же было жертвовать жизнью ради того, чтобы отсрочить неминуемое?

Сомнения. Раздумья. Они только мешают. Зелорис встряхнул головой, прогоняя от себя ненужные мысли. Его противник был перед ним. Необходимо было сражаться, а не задаваться глупыми вопросами. Кэрэндрейк оставил все на него. Зелорис обязан был одолеть врагов и вывести друзей в безопасное место.

Свист рассекаемого воздуха, хруст крошащихся костей, стук трепещущего сердца. Долой мысли, долой волнения. Он успеет вдоволь поразмышлять, если выживет. Отбросить все, что мешало бы этому сражению.

— Мешаете! — взревел Зелорис, отбрасывая в сторону сразу троих скелетов.

Костяная рука схватила мечника за лодыжку. Не глядя, Зелорис разрубил запястье скелета. Дух Разрушения попытался ударить мечника из-за спины. Сделав кувырок и пнув еще одного мертвеца, Зел избежал удара и подставил его под булаву врага.

Благодаря тому, что часть Храма Погибшей Луны была разрушена, Вэй Арэн Виндсвиш не испытывал недостатка в камнях, которыми его снабжала Гордислава. И хотя в отличие от стрел, камни не могли пригвоздить черепа к полу или стенам, а из-за размера не могли раскрошить их, силы, с которой Вэй запускал свои снаряды, было достаточно для того, чтобы сдерживать натиск мертвецов. Да, он не мог пригвоздить череп к земле, но он мог сшибить его на землю, и тогда скелету требовалось время для того, чтобы снова продолжить наступление. Этого времени Вэю хватало на то, чтобы разобравшись с его «друзьями», запустить в него новый снаряд.

— Это словно какая-то игра! — увлеченно воскликнул Вэй. — Видела бы меня крошка Лотти.

— Если выживем, расскажешь ей об этом, — сказала Гордислава, подавая лучнику большой валун.

— Я же его не запущу, — сообщил ей Вэй.

— Тогда я запущу, — огрызнулась северянка и кинула валун в ближайшего скелета. Валун разломил его череп на несколько частей, отчего скелет рассыпался на груды костей.

— Воистину, женщины в Северных Башнях... — Вэй был настолько изумлен увиденным, что забыл, что именно хотел произнести.

Взмах мечом, кувырок в сторону, выпад вперед, поворот, взмах мечом. Зелорис не задавался целью уничтожить черепа скелетов, для этого ему было необходимо отвлекаться от Духа Разрушения, чего он позволить не мог. Но даже простое обезглавливание наступающих мертвецов заметно ослабляло их натиск и облегчало ход сражения. Разумеется,

когда мертвецы «надевали» свои черепа обратно, они снова бросались в атаку, но снова и снова меч Зелориса срубал их головы с плеч. За время битвы мечник успел заметить, что атаки Духа Разрушения не отличались разнообразием. Он знал, куда булава Духа ударит еще до того момента, когда тот делал явный замах. Если бы на месте состоящего из черной жижи монстра был человек из плоти и крови, то он вздоха бы не успел сделать, как был бы убит мечом Зела.

Силы покидали Духа, уничтожившего Трилунскую Империю. Четверо жалких людишек никак не хотели умирать. Сколько еще раз успеет Дух Разрушения взмахнуть своей булавой до тех пор, пока не обессилит? Жажда уничтожения и кипящая ненависть ко всему живому, а особенно, к этим людям, переполняли разбушевавшегося духа. Но и они были бессильны перед временем.

И снова взмах булавы был остановлен бесстрашным мечником. Обезглавленные скелеты больше не поднимались. Рассыпались и те, что шли в атаку. Силы покинули Духа Разрушения, и тот растворился в воздухе.

Из следующей главы вы узнаете о том, как четверо путников покинули развалины Храма Погибшей Луны, и о том, что история еще не закончена.

===== Часть 9. “Безмолвие”. Глава 81 =====

О том, как четверо путников покинули развалины Храма Погибшей Луны, и о том, что история еще не закончена

— Малышка Рэй, — услышала Аквария Электра голос Вэя. — Проснись. Мы победили малышка Рэй!

Солнечный свет ударил ей в глаза. Рэйна села. Она была снаружи, у самого входа в Храм Погибшей Луны.

— Дрейк... — прошептала Верховная Жрица Трилуна.

Гордислава отрицательно покачала головой.

— Как только Дух Разрушения исчез, храм снова стал осыпаться, — ответил Вэй. — Мы с трудом смогли выбраться. Когда храм окончательно рухнул, братец Зел вернулся, чтобы узнать, как там Кэрри, но ни его, ни той глыбы льда не нашел.

— У, — подтвердил Зелорис.

— Кто знает, — вздохнула Гордислава. — Может быть, он смог вырваться из ледяного плена и уйти. Мы же говорим не о ком-нибудь, а о Кэрэндрейке.

— Нет, — отрезала Алирэй Нактур Аквария Электра. — Он не мог выбраться из льда Звезда бы сказала мне.

— В любом случае, — попытался изобразить радостный вид Вэй Арэн, что у него плохо получалось, — на ближайшие несколько сотен лет, мир спасен.

— У, — чуть слышно подтвердил слова лучника Зел, отвернувшись, чтобы никто не видел наступающие слезы.

— Рэйна, как ты себя чувствуешь? — обеспокоенно поинтересовалась Гордислава.

— Как я могу себя чувствовать после того, что случилось с Дрейком?

— Дух Разрушения сказал, что наслал на тебя какое-то проклятие, — продолжила северянка.

— Не знаю, — ответила Верховная Жрица Трилунской Империи. — Ничего такого я не ощущаю.

— Быть может, — предположил Вэй, — с его исчезновением и проклятье рассеялось.

— У, — с чуть слышным всхлипыванием произнес мечник.

— Не верю, что все так закончилось, — сказала Гордислава.

— Не закончилось, — возразил лучник. — Когда-нибудь это чудовище вновь соберет свои силы и вернется. Хотя и будет это очень не скоро, благодаря Кэрри.

— Я напишу обо всем этом песню, — прошептала Рэйна. — Если она сможет дойти до потомков, они будут знать, как сражаться с Духом Разрушения. Жертва Дрейка не будет напрасна.

— Она уже не напрасна, — возразил Зелорис. — Благодаря ему мы все живы. И мир не разрушен.

— Ты прав, братец Зел.

Когда через две недели на борт корабля Асифона Наролая поднялось не пять, а четыре человека, он не стал спрашивать у них о том, что стряслось. По их скорбящему виду капитан «Тарлы» понял, что пятого можно не ждать.

Когда корабль высадился в Ёкиларилэе, Зелорис первым же делом отправился исполнять просьбу Кэрэндрейка.

— Ты умная лошадь, Капа, — не сдерживая горьких слез, передал ей слова первого из Карателей мечник. — Умная лошадь...

Лошадь Капа, словно поняв слова хозяина и их причину, грустно опустила голову и трижды ударила правым копытом по земле.

Совместное путешествие, начавшееся в Монфриде два года назад, подошло к концу. Зелорис вызвался проводить Гордиславу до Четвертой Северной Башни, а Вэй Арэн и Рэйна разбрелись в разные стороны. Лучник направился в Тарос, где его ждали отец и Шарлотта, а Аквария Электра возобновила путешествие по миру с одной лишь целью: донести до людей историю о том, как Кэрэндрейк принес себя в жертву, чтобы спасти мир, и поведать людям, как одолеть Духа Разрушения, когда тот вернется.

В Аркану Вэй добирался в обход Минэшэс-Натры, поэтому только спустя несколько лет он узнал о том, что как только пятеро путников покинули стены города, в нем началось восстание. Жители, решив, что Алирэй Нактур Аквария Электра покинула их во второй раз по вине Фродерика Гордера, подняли бунт и свергли своего правителя. Говорят, что гнев толпы был утолен лишь тогда, когда градоначальника обезглавили на главной площади. Первой мыслью Вэя было то, что лучше бы малышка Рэй не узнала об этом, а второй, что здесь не обошлось без вмешательства Сокрытого Ордена.

Приехав в Аркану, Вэй Арэн Виндсвиш рассказал Шарлотте Эролайн и своему отцу о том, что приключилось с ним за время этого путешествия. Только оказавшись в кругу родных, и высказав им все, что было у него на душе, Вэй осознал, насколько тяжела для него потеря друга.

— Я обязан назвать одного из своих потомков в честь Кэрри, — твердо заявил он.

— Сначала обзаведись хоть одним, — покачала головой Шарлотта, подавая к столу свежее испеченный яблочный пирог.

— Вэй, тебе уже тридцать лет, — вмешался Бэй Арэн Виндсвиш. — Пора бы задуматься о том, чтобы порадовать старика-отца внуками.

— Батенька, да из тебя старик, как купец из братца Зела!

— Не понял? — удивился отец.

— К нему даже не подойдет никто, чтобы что-то купить.

— Не принижал бы ты достоинства друга, Вэй-Вэй, — усмехнулась Шарлотта.

— Неужто, крошка Лотти, братец Зел так запал тебе в душу?

— Ел бы ты пирог, — улыбнулась она. — Для кого пекла?

Время шло. С тех пор, как лучник расстался с друзьями в Ёкиларилэе, он ни разу не видел их. Не то, чтобы он не скучал по ним. Не то, чтобы он не хотел или не мог их увидеть. Он боялся, что снова встретившись с ними, разбередит рану, которая только начала заживать. Он был не готов встретиться с теми, кому память о Кэрри была также дорога, как и ему.

Поэтому, когда, гуляя по улицам Арканы, Вэй Арэн Виндсвиш, услышал знакомый голос, поющий песню о событиях, участником которых был он сам, Вэй не стал оборачиваться и искать взглядом малышку Рэй. Он только остановился, чтобы послушать ее пение, а когда песня была спета, продолжил свой путь.

Любая легенда живет неспроста,
Цель ее жизни — поведанной быть.
Не передавая из уст в уста,
Любую легенду можно убить.
Прошу вас помочь деве одной
Легенду до всех людей донести
О том, как один бесстрашный герой
Себя в жертву принес, мир чтоб спасти.
Ужасное Зло пробудилось от сна.
Разрушена им большая страна.
Охвачены страхом обе Луны,
Словно их судьбы уже решены.
Ужасное Зло хочет мир погубить.
Любой ценой нужно его победить!
Пять Звезд, что Создатель с неба сорвал,
Могли бы устроить счастливый финал.
Но времени нет, Зло жаждет разрух.
Все разнести хочет Зло в прах и пух.
И пусть из всех Звезд у Героя одна,
Он верит, поможет ему и она.
Тот, кто при жизни своей убивал,
Врагов не щадил, свирепо карал,
Встал на защиту живущих людей...
Храбрый Каратель. Герой, не злодей.
Пусть шансов нет на победу над Злом.
Хотя бы на время ослабить его —
С этой лишь целью в атаку пошел...
Выиграть сто лет — то уже хорошо.
Окрашены Звезды в кровавый цвет:
Четвертой хозяина больше нет.
Он скован навеки тюрьмой изо льда,
Сильнейший Каратель уснул навсегда...
Та жертва, что он принес ради всех,
Имела для мира огромный успех!
Ужасное Зло, лишенное сил,

На время решило оставить мир!
Скажем же, люди, «спасибо» ему,
Скажем же, люди, «спасибо» тому,
Кто жертвой своей позволил нам жить.
Наш долг его помнить, в сердце хранить!
Когда-нибудь Зло пробудится вновь.
Польется рекою людская кровь.
Но если Пять Звезд вместе соединить,
Мы сможем врага навсегда победить!
Любая легенда живет неспроста,
Цель ее жизни — поведанной быть.
Не передавая из уст в уста,
Любую легенду можно убить.
Прошу, помогите деве одной
Легенду до всех людей донести
О том, как один бесстрашный герой
Свою жизнь отдал, мир чтоб спасти.

===== Послесловие =====

Меня зовут Лиза, и я не лошадь. Не лошадь, но автор этого произведения, посвященного приключениям лошади по имени Капа.

— Постой, — перебил Кэрэндрейк, удобнее усаживаясь в кресле. — Что значит «посвященной лошади по имени Капа»?

То, что главным героем этого произведения является Капа. Разве не понятно?

— Капа — лошадь, — продолжал ворчать Дрейк. — Она не может быть главным героем. Главные герои здесь... — он на секунду задумался. — Рэйна и я. Зелорис еще. Гордислава и Вэй, на худой конец.

— Эй-эй-эй, — вмешался Вэй Арэн. — Что-то мне не нравится твое: «на худой конец»! И разве ты не должен быть сейчас в ледяном плену?

— Это послесловие, — ответил Коготь. — Здесь все можно.

— Ох, Кэрри-Кэрри... — вздохнул Вэй.

— Тебе жить надоело?

— Это послесловие, — повторил сказанное Дрейком Вэй. — Здесь все можно.

— У, — подтвердил Зелорис, попивая кленовый сироп.

— К тому же, — продолжил лучник, — чтобы сделать мне что-нибудь, тебе придется освободиться из ледяного гроба, о, наша спящая красавица.

— Когда я «проснусь», ты уснешь. Навеки.

— Кэрри, друг мой, нельзя быть таким агрессивным!

— Нельзя, — кивнул Зел.

— Посмотрел бы я на вас, — огрызнулся Дрейк. — Какими бы вы агрессивными были, если бы вас из сюжета за две главы до конца убрали.

Ты и до этого был агрессивным. И именно из-за того, что ты весь том себя плохо вел, главным героем является Капа.

— Я так рада, что Капе посвящена целое произведение! — восторженно воскликнула собирательница легенд.

— У, — гордо поднял голову мечник, взяв в руки очередную бутылочку сиропа.

— Похоже, спорить с вами бесполезно, — вздохнул Кэрэндрейк.

— Мне одной кажется, или у произведения есть некая незаконченность? — поинтересовалась Гордислава.

— Не просто незаконченность, — Аквария Электра переменилась в лице. — Автор, что это вообще означает? Стоило мне обзавестись любимым, как его заковали во льды, а на меня наслали какое-то непонятное проклятие.

Ну... э... того требовали обстоятельства. Давайте лучше я расскажу вам о том, что осталось за пределами книги и произошло с вами позже!

— Интересно было бы услышать, — заметила Гордислава.

Так как Вэй Арэн Виндсвиш первым появился в этой книге, сначала я поведаю его судьбу.

— Скольких красавиц я осчастливлю своим присутствием? — поинтересовался лучник.

Одну. Ты женишься на ней и будешь хранить верность до конца своих дней.

— Только не говори, что ей будет...

Именно, Шарлотта.

— Кэрри, давай поменяемся. Я — к тебе во льды, а ты сюда... А?

— Сам разбирайся со своими проблемами. И, автор, если кто-нибудь посмеет увести у меня Рэйну, пока я закован в лед...

— Как будто бы я дам кому-нибудь меня увести, — надула свои щечки малышка Рэй.

— Тебя и спрашивать не будут! — Кэрэндрейк схватился руками за голову. — Возьмут и уведут! Лично я бы взял и увел. Черт возьми, и это пока я заточен во льдах!

— Еще одно слово в подобном духе — сама уйду! — заявила Электра.

— А я? — прошептал Зелорис.

Ты совершишь еще множество подвигов, дашь названия целому ряду городов в Западных Королевствах. А еще у вас с Гордиславой будет уютный дом и трое милых детишек.

— Это могло остаться за кадром, — покраснела северянка.

Гордислава, тебе придется постараться, чтобы ваших детей звали не Сын, Дочь и Ребенок.

— Моя очередь, — перебил бормотание смущающейся исследовательницы севера первый из Карателей. — Когда я освобожусь от ледяного плена?

Не скажу. Ты разве вообще должен освобождаться? Помнится мне, в жертву ты приносил себя добровольно. Вот и спи так до скончания веков.

— Чего?!

Ты плохо себя вел на протяжении всей книги.

— Вот подожди, разморожусь, разделаюсь с тобой раньше, чем с Вэем! — процедил сквозь зубы Кэрэндрейк.

О чем я и говорю!

— А можно я задам вопрос? — поинтересовалась Рэйна.

Конечно, малышка Рэй, тебе все можно.

— Почему это ей можно, а мне нет? — возмутился Кэрэн.

Потому что она — Алирэй Нактур, конечно же.

— А продолжение будет? — поинтересовалась Рэйна.

Только, если ты об этом попросишь.

— В таком случае, прошу!

— На кой черт оно, это продолжение, если меня изо льда выпускать никто не собирается!

С таким отношением, никто и не соберется. А первый том и послесловие подходят к концу. Надеюсь, что Вам понравилось мое произведение, и в продолжении приключений в мире, освещенном сначала тремя, а сейчас двумя лунами, буду рада снова увидеть Вас своими читателями.

— А главным героем будет какой-нибудь бурундук, — проворчал Кэрэндрейк, подсказав мне отличную мысль.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

===== Нормальное послесловие =====

Несколько фактов о написании, сюжете и многом другом, а также анонс и чуть-чуть спойлеров ко второму тому. Спасибо за присланные вопросы!

Первоначально данное произведение рассматривалось как сказка для младшего брата в трех частях, после — как подарок маме, которая очень любит фэнтези, а сейчас... как то, что мы имеем.

А началось все... с воображаемой карты. В голове возникла картина мира, в котором на западе бы находились королевства, на севере — Башни ученых, на юге бы жили племена, а на Востоке лежали руины могущественной империи. Тогда я задумалась, а как бы выглядел этот мир, развиваясь? Таким образом, я осознала, что это работа должна стать трилогией.

Далее у меня в голове возникло то, о чем я смогу поведать не ранее чем в послесловии к тому второму. Скажу лишь то, что все пятеро главных героев были придуманы одновременно, и что тогда также было задумано... А вот что — не скажу. Извините. О Звёздах тоже сказано еще не все. Как и о многом другом.

В шестьдесят четвертой главе этого тома содержится спойлер, касающийся всех трех томов истории. А также того, о чем я отказалась говорить выше.

Во втором томе будет раскрыто то, кому отдала свое сердце лошадь Капа.

В каждом томе 3 главы из 81 будут вестись от лица животных.

Во втором томе я собираюсь наплевать на все законы мироздания и проигнорировать тот факт, что бурундуки впадают в зимнюю спячку.

Действия второго тома будут происходить позже описываемых в первом томе событий. Но персонажи первого тома не раз вспомнятся читателю. Они не дадут так просто о себе забыть!

Во втором томе в путь отправятся пять персонажей, которых, увы, друзьями назвать будет нельзя. Да и путешествие будет не добровольным, а вынужденным.

Имена двоих из них: Кэролайн и Фэй Арэн Виндсвиш.

Кэролайн Виндсвиш очень не любит, когда ее называют «Кэрри».

Если не считать главную пятерку персонажей, то любимыми персонажами автора являются Шип Курт и Глаз Айра. Но если Шип появлялся в 38, 65, 67, 68 и 69 главах, то Айра только упоминается в ответвлении от основной истории (рассказе “Коготь”), а в сюжет не вошла. Во многом это из-за того, что она имеет определенную схожесть с Арией, одной

из главных героев второго тома (даже имена похоже звучат). Возможно, образ Айры будет перенесен в другое произведение.

В написании мне очень помогала и помогает одна тетрадка, которая, увы, уже заканчивается. И хотя основная работа проходит на нетбуке, в этой тетрадке я храню заметки, схемы, родословные, цитаты на будущее и многое другое, непосредственно касающееся произведения.

Сам процесс работы можно описать так: я посмотрела трейлер к «снятому» собственным мозгом «фильму», составила схематичный каркас (об этой стадии далее), а затем, словно «просматривая» в голове готовый «фильм», переношу «увиденное» на бумагу (то есть, в вордовский файл).

На стадии составления каркаса я кромсаю бумагу в прямом смысле слова. Нарезаю сначала 9 листочков — это будущие части, а затем еще 81 — будущие главы. На них в 1–2 предложениях описываю то, что будет происходить в той или иной главе. Делается это для того, чтобы легко можно было внести изменения в содержание или изменить порядок подачи событий.

И хотя сам цикл называется «Легенды Трехлунного мира», а каждая из них имеет своё название, я называю все произведения этого цикла одним словом: «Трилун».

Я очень люблю спойлеры и спойлерить. Могу это делать всегда и везде (отчего страдают те, кто знаком со мной в реальности). Но, дабы не раскрывать самые серьёзные сюжетные тайны, я ввела для себя табу на разглашение некоторых из них. Помогло и помогает до сих пор.

И, наконец, ответ на вопрос незарегистрированного читателя, представившегося как «Кэрри». Нет, Рэйна не будет тебе изменять. Она вообще с тобой не знакома. Кэрэндрейку она изменять тоже не будет.